

**РУС
СКАЯ
ПРАВ
ДА**

**ВЛАДИСЛАВ
ШВЕД**

КАТЬИНЬ

**СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИЯ ВОПРОСА**

РУС
СКАЯ
ПРАВ
ДА

**ВЛАДИСЛАВ
ШВЕД**

КАТЪИЪ
**СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИЯ ВОПРОСА**

Москва
алгоритм
2012

УДК 327
ББК 66
Ш 34

Швед В.Н.

Ш 34 Катынь. Современная история вопроса. – М.: Алгоритм, 2012. – 640 с.

ISBN 978-5-4438-0037-0

Отношения России с Польшей на протяжении столетий складывались непросто. К сожалению, и сейчас мало в них положительного. Не добавляет позитива и шумиха по Катыни, разразившаяся в канун празднования 65-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, со странной катастрофой польского самолета под Смоленском и путаными заявлениями на высшем уровне. Складывается впечатление, что определенным силам, как в Польше, так и в России, не нужна истина в этом вопросе.

Книга публициста-политолога В.Н. Шведа должна способствовать взаимопониманию между Россией и Польшей, налаживанию дружеских отношений русского и польского народов.

На основе глубокого анализа архивных документов, свидетельств, касающихся гибели польских военнопленных на советской территории, автор убедительно доказывает, что окончательную точку в катынском деле ставить преждевременно. Много здесь неясностей, хотя некоторые выводы объективно можно сделать и теперь.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-4438-0037-0

© Швед В.Н., 2012
© ООО «Алгоритм», 2012

Посвящается моему сыну Николаю и его сверстникам в надежде, что эта книга облегчит им поиски исторической истины.

ОТ АВТОРА

Необходимость второй редакции книги **«Тайна Катыни»** была вызвана не только большим интересом к ней, но и событиями, развернувшимися вокруг катынской трагедии в 2010 году, который по праву можно назвать «катынским».

Напомним, что 7 апреля 2010 г. в Катынском лесу состоялась церемония, посвященная 70-ой годовщины катынской трагедии, в которой приняли участие российский премьер Владимир Путин и его польский коллега Дональд Туск. Премьер РФ на пресс-конференции тогда заявил, что ответственность за катынское преступление несет **«сталинское руководство и НКВД»**.

Президент России Дмитрий Медведев, прибыв 18 апреля 2010 г. в Краков на похороны президента Польши Леха Качиньского, отметил, что **«катынская трагедия — это следствие преступления Сталина и ряда его приспешников»**. Как «сенсацию» расценили российские СМИ размещение, по указанию президента Медведева, в конце апреля на сайте Росархива цветных электронных сканов кремлевских документов из «закрытого пакета № 1». Это должно было убедить российскую общественность в обоснованности официальной позиции по катынскому преступлению.

26 ноября 2010 г. Государственная Дума РФ поспешно, практически без обсуждения, приняла заявление **«О Катынской трагедии и ее жертвах»**, в котором констатировала, что **«Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей»**. Эту

точку зрения вновь подтвердил президент Медведев во время официального визита в Польшу, состоявшегося 6—7 декабря 2010 г.

Вышеперечисленные события вызвали огромный интерес в российском обществе. Соответственно обострилось противостояние сторонников официальной версии катынского преступления (катынovedов) и независимых исследователей, считающих, что в ходе официального 14-летнего расследования катынской трагедии не были выявлены истинные виновники расстрела польских офицеров в Катынском лесу, а также не были установлены реальные обстоятельства гибели на территории СССР в период Второй мировой войны военнопленных и арестованных польских граждан.

Катынovedы, опираясь на административный ресурс, развернули в российских СМИ настоящее наступление на независимых исследователей, обвиняя их в попытках реабилитировать преступления сталинизма. Помимо этого независимым исследователям приписывается научное невежество, историческая безграмотность, ревизионизм, национализм и ксенофобия.

Одним словом, налицо повторение той ситуации, когда в СССР запрещалось сомневаться в том, что катынское преступление совершили *«немецко-фашистские захватчики»*. Современные антисталинисты с успехом применяют сталинские методы подавления «инакомыслия». В дополнение к этому некоторые из катынovedов считают, что в России не мешало бы ввести уголовную ответственность для тех, кто сомневается в официальной версии катынского преступления.

Практика уголовного преследования за пропаганду социалистического прошлого имеет место в Польше и странах Балтии. В нашем случае подобные стремления следует расценивать, как попытку силовым путем поддержать рассыпающуюся под напором объективных фактов официальную версию.

При этом и официальные власти и катынovedы упорно игнорируют факты и свидетельства, подтверждающие

ущербность официальной версии. Вместо этого они потрясают документами из «закрытого пакета № 1», безапелляционно заявляя об их неопровержимости. Однако до сих пор из уст сторонников официальной версии не прозвучало ни одного аргументированного объяснения многочисленных неточностей, несуразностей и ошибок, присутствующих в этих документах.

Появление в 2007 г. книги «Тайна Катыни» катыноведы также предпочли замолчать. Это весьма симптоматично, потому что в историческом мире принято не замечать только те исследования, против которых недостаточно весомых контраргументов. Что же касается настоящей книги, то в ней учтены критические замечания, высказанные в адрес первой редакции, и существенно расширена документальная база. Исследование «Тайны Катыни» дорабатывалось с учетом того, чтобы оно могло помочь объективно разобраться в ситуации с катынской трагедией не только российской общественности, но и российскому следствию, если будет принято решение о доследовании Катынского уголовного дела № 159.

Особую весомость выводам об ущербности официальной версии придали результаты исследования профессора МГУ им. Ломоносова, доктора исторических наук Валентина Сахарова. Он исследовал немецкие официальные документы, касающиеся немецко-польской эксгумации катынских захоронений в 1943 г.

Анализ документов немецкой тайной полиции, контролировавшей ход эксгумации в Катыни-Козьих горах, переписки Германского Красного Креста, Польского Красного Креста и администрации Польского Генерал-губернаторства за 1943 г. позволил профессору Сахарову убедительно доказать фальсификационный характер немецко-польской эксгумации катынских захоронений. Одно это уже позволяет говорить о Катыни, как о величайшей фальсификации XX века.

Следует также напомнить заявление депутата Госдумы РФ Виктора Илюхина о том, что в мае 2010 г. к нему обратился

человек, заявивший, что он имеет непосредственное отношение к фальсификации записки Берии Сталину № 794/Б от «_» марта 1940 г., являющейся, по заявлениям катынцеведов, основным подтверждением вины сталинского руководства за бессудный расстрел военнопленных поляков в 1940 г. Заявитель наглядно продемонстрировал не только способности и возможности фальсифицировать документы сталинского периода, но и предоставил приспособления для совершения этого, а также черновики подложной записки Берии Сталину образца 1992 г.

В свете вышесказанного совершенно по иному воспринимается информация, полученная в 1985 году историком Александром Колесником от бывшего члена сталинского Политбюро Лазаря Кагановича. Тот сообщил, что весной 1940 г. советское руководство приняло трудное решение о согласии на расстрел 3196 (но не 25 700) граждан бывшей Польши: генералов, офицеров, полицейских, чиновников и др., вина которых в совершении военных и уголовных преступлений была доказана. Эта информация впоследствии была подтверждена рядом бывших высокопоставленных деятелей советского периода.

Помимо этого, стали известными факты, подтверждающие директивный, односторонний подход при расследовании уголовного дела № 159 «**«О расстреле польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР в апреле-мае 1940 г.»** (Катынское дело). Не вызывает сомнений, что катынская тема получит новое развитие после рассекречивания и обнародования всех 183 томов уголовного дела № 159 и постановления о его прекращении. Необъективный характер расследования катынского преступления в этом случае станут очевидными.

Однако сегодня в Катынском деле на первый план выходят официальные российские ответы в Европейский суд по правам человека в Страсбурге от 19 марта и 13 октября 2010 г. В этих ответах сообщается, что в ходе 14 летнего российского следствия по уголовному делу № 159 достоверно подтверждена гибель 1803 польских военнопленных.

Это фактическое фиаско официальной версии, по которой на сталинское руководство возложена ответственность за гибель 21 857 польских граждан. Соответственно, политические оценки катынского преступления, которые давало российское руководство и Государственная Дума не вполне правомерны.

Ясно одно — **окончательную точку в Катынском деле ставить рано. Никакой административный ресурс не в силах закрыть эту тему, пока в ней будут существовать неясные и спорные вопросы.** В этой связи издание второй редакции книги «Тайна Катыни», раскрывающей многолетние перипетии катынской трагедии, представляется весьма своевременным. Пользуясь случаем, хочу выразить признательность многочисленной армии российских и иностранных исследователей, активно участвующей в дискуссиях на Интернет-форумах, посвященных катынской теме. Это позволило рассмотреть спорные вопросы не только под углом различных точек зрения, но и ввести в научный оборот ряд неизвестных ранее исторических документов и фактов. В итоге «**момент истины**» в Катынском деле приближается. Надеюсь, что вторая редакция книги будет способствовать этому.

В этой связи позволю процитировать комментарий на книгу «Тайна Катыни» Геннадия Спаськова, одного из активных участников международного проекта «Правда о Катыни». 16 марта 2008 г. Спаськов ответил одному из ярых критиков исследования «Тайны Катыни» Сергею Романову, пытающемуся на второстепенных неточностях доказать ее несостоятельность.

«Г-н Романов!

С интересом прочитал вашopus «Катынь — разбор полетов: 2. Записка Берии — датировка». Внешне он производит солидное впечатление, если бы не ряд вопросов.

В свое время я прочитал книгу Мухина «Антироссийская подлость». Прочитал книгу Шведа «Тайна Катыни», точнее совместное исследование Шведа и Стрыгина «Тайны Ка-

тыни». Для любого непредвзятого читателя абсолютно ясно, что аргументация, предлагаемая Шведом и Стрыгиным, кардинально отличается от аргументации Мухина.

Неясно, с кем вы пытаетесь спорить? С Мухиным или со Шведом и Стрыгиным? Или вы применяете давно известный прием советской пропаганды, рассчитанный на дилетантов в спорном вопросе, когда заведомо проигрышные аргументы одного автора приписывались другому?

В этом случае вы плохо отрабатываете те деньги, которые вам платят за «разоблачительные» статьи на катынскую тему. Слишком очевидны «белые нитки», которыми вы пытаетесь «сшить» принципиально разные вещи.

С нетерпением жду ваших «разоблачений» катынских аргументов Стрыгина и Шведа, которые будут изложены, как вы заявили, на вашем сайте «чуть позже». Подобные заявления уже второй год подряд делает и г-н Dassie, но пока... Надеюсь, что вы сдержите свое слово и представите действительно аргументированный материал, который позволит установить истину. Геннадий, скептик-наблюдатель»

(<http://www.katyn.ru/forums/viewtopic.php?id=540>).

2-я редакция книги «Тайна Катыни» ставила целью предоставить тот минимум знаний об истории катынского преступления и истории советско-польских и российско-польских отношений, который позволит читателю сделать собственные выводы об этой сложной странице нашей истории.

Россия давно и тщетно предлагает Польше «обнулить» счетчик взаимных обид. Но наша соседка не реагирует на эти предложения. Во многом это обусловлено тем, что польская сторона за последние годы сумела сформировать весьма внушительный перечень претензий к России, на который не получила аргументированного ответа. Новая редакция книги «Тайна Катыни» в какой-то мере стремится показать, что у поляков, как и у россиян, свой «скелет в шкафу».

При этом автор стремился делать упор не столько на взаимные претензии, сколько на стремление «обнулить»

счетчик обид, показывая, что предметом польско-российского спора является тема, аналогичная теме «**стакана**», то ли он **наполовину полон, то ли наполовину пуст?** Хотелось бы верить, что взгляд на спорные польско-российские проблемы, изложенный в книге, будет способствовать их разрешению.

Надеюсь, что новая книга «**Тайна Катыни**» подведет читателя к необходимости критического восприятия вбрасываемой в публичный оборот псевдоисторической информации. Примеры, изложенные в книге, показывают, что в такой информации всегда найдутся детали, которые при внимательном рассмотрении, как лакмусовая бумажка, сигнализируют о подлоге и лжи. Дезинформация, как правило, паразитирует на не критическом подходе к оценке исторических событий. **Будем мудрыми и пытливыми!**

Москва, декабрь 2010 г.

ТАЙНЫ КАТЫНИ

Всегда и во всем впереди шествует
Ложь, увлекая глупцов пошлой своей крик-
ливостью. Последнею и поздно приходит
Правда, плетясь вслед за хромым временем.

Б. Грасиан

«Катынью» вот уже 70 лет называют события, связанные с трагической судьбой граждан довоенной Польши, пропавших на территории Советского Союза в 1939—1941 гг. Самую многочисленную категорию среди них составляли бывшие польские офицеры.

Согласно рассекреченным в 1992 г. документам ЦК ВКП(б) и НКВД-КГБ СССР считается, что 21 857 пленных польских офицеров, полицейских, государственных чиновников и представителей интеллигенции, находившихся в советских лагерях и тюрьмах в 1940 г., были расстреляны сотрудниками НКВД в Катынском лесу под Смоленском, в Калинин (Твери), Харькове и других, пока не установленных местах.

Термин «Катынь» и производные от него: «катынский расстрел», «катынское преступление», являются собирательными. «Катынским преступлением» обозначают гибель польских военнопленных и граждан не только в Катынском лесу, но и в целом на территории СССР в период Второй мировой войны.

«Катынь» как символ «зверств НКВД» запустили в обращение в 1943 г. нацисты. Тогда близ деревни Катынь Смоленской области, а точнее в урочище Козьи Горы, нацисты якобы случайно обнаружили захоронения убитых польских офицеров. Название «Катынь» (местные жители произносят Катынь с ударением на первом слоге) было выбрано нацистами не случайно. Оно издавна созвучно славянскому слову «кат», то есть палач, мучитель.

Это название прозвучало уже в первой статье под заголовком «GPU-Mord an 12000 polnischen Offizieren» («ГПУ — убийство польских офицеров»), опубликованной 13 апреля 1943 г. в главной нацистской газете «Völkische Beobachter» (Народный обозреватель). В статье говорилось о том, что **«найлены братские могилы этих жертв юстиции ГПУ: они расположены в Катынском лесу на Козьих Горах, рядом с шоссе Смоленск-Витебск, приблизительно в 20 километрах западнее Смоленска, недалеко от населенного пункта Софиевка».**

Примечание. 2-я редакция исследования «Тайны Катыни» подготовлена при активном участии С.Э.Стрыгина, координатора международного проекта «Правда о Катыни».

С 1943 г. «Катынь» не только географическое название — это политический водораздел в польско-российских отношениях. К сожалению, большинство поляков психологически восприняли «Катынь» как продолжение антипольской политики российских царей, как символ русского варварства и доказательство невозможности исторического примирения между поляками и русскими.

Усилиями польской стороны катынская трагедия за последние 20 лет встала вровень с Холокостом. Она позиционируется, как одно из самых ужасных преступлений в истории человечества. При этом бесчеловечные зверства нацистов, изощренно и методично истребивших 6 миллионов поляков, а также преступления пилсудчиков, ответственных за гибель 80 с лишним тысяч красноармейцев в польском плену в 1919—21 гг., уходят на задний план.

Сегодня господствует версия о безусловной и единоличной вине довоенного советского руководства за гибель польских военнопленных. Однако целый ряд фактов и свидетельств убедительно доказывают, что к преступлению в Катынском лесу причастны нацисты. Делать какие-либо окончательные выводы о подлинных обстоятельствах катынской трагедии без дополнительного исследования всей совокупности фактов — и давно известных, и выявленных в последнее время, весьма опрометчиво. Однако это не мешает

сформулировать **некоторые предположения, касающиеся судьбы польских военнопленных в СССР в период Второй мировой войны.**

Как уже говорилось, **3.196** граждан бывшей Польши — офицеров, чиновников, сотрудников карательных органов, членов различных националистических (в том числе, и антипольских!) формирований и др., виновных в тяжких военных и уголовных преступлениях, в довоенный период **были расстреляны сотрудниками НКВД на основании законных приговоров легитимных судебных органов Советского Союза — народных судов и военных трибуналов.**

Среди этих 3.196 казенных преступников было несколько сотен бывших польских военнослужащих, обладавших на момент ареста и начала следствия статусом военнопленного или интернированного. Кроме того, **несколько тысяч польских военнопленных и интернированных были в 1939—41 гг. изъяты из лагерей НКВД для военнопленных и в обычном судебном порядке приговорены советскими судами и трибуналами к различным срокам заключения. Несколько тысяч польских военнопленных в так называемом «особом порядке» были приговорены к принудительным работам в исправительно-трудовых лагерях НКВД на основании решений внесудебного органа — Особого совещания при НКВД СССР. Часть из них весной 1940 г. была направлена в лагеря «особого назначения» НКВД под Смоленском.**

Большинство из 8 тысяч военнопленных поляков, оказавшихся в трех лагерях «особого назначения» НКВД под Смоленском, в июле 1941 г. была захвачена нацистами и расстреляна ими осенью 1941 г. в **Катынском лесу и других местах Смоленской области.** Часть польских военнопленных, фигурирующая в списке катынских жертв, была весной 1940 г. передана Германии, часть по различным причинам погибла в **лагерях и тюрьмах НКВД в период войны,** часть умерла от голода и болезней уже после своего освобождения по объявленной 12 августа 1941 г. амнистии, часть **выжила,** но в Польше о них предпочитают говорить, как о катынских жертвах.

Попытаемся подтвердить вышеизложенную точку зрения. Этому и будет посвящено наше исследование. Но, прежде всего, рассмотрим польско-российские отношения через призму катынского преступления.

«Взгляд из Варшавы и Москвы»

Польский писатель Петр Кунцевич в своем открытом письме Президенту Путину в варшавской газете «Трибуна» в марте 2006 г. написал: *«Я не был вашим другом — напротив, был заклятым врагом. Но в то же время я немного знал русскую культуру, ваши легенды, историю, литературу, музыку, науку — и отдавал себе отчет, как велика эта культура и что не подобает ее игнорировать.»*

А игнорировали мы ее потому, что считали такой подход своего рода защитой от вас, ведь когда-то мы были конкурентами, несколько веков назад мы тоже хотели создать свою собственную, польско-литовско-украинскую империю. Вы нас одолели — победили и поглотили, — однако об имперских амбициях никогда не забывается, здесь доходит даже до смешного. Невозможно оспаривать вашу победу, как нельзя избежать и ненависти побежденных. Но мир с огромной скоростью меняется — а потому и мы, и вы должны этому научиться.»

Мне бы хотелось, чтобы Вы, господин президент, вникли в наше отношение к катынской проблеме, которая застряла между нашими народами, как кость в горле, и которую никогда, вообще никогда не удастся устранить, как не удастся зачеркнуть разорения поляками Кремля или пожара Москвы... Катынь — это уже не локальная проблема, пусть даже самая важная, это опорочивание славянской семьи перед всем миром» (Трибуна. 03.03.2006).

П.Кунцевич в своем письме достаточно откровенно сказал о главной причине польско-российского противостояния — *«Вы нас одолели — победили и поглотили»*. Поэтому Польша рассматривает Катынское дело, как козырного туза,

который позволит получить сатисфакцию за двести лет патронажа России.

Еще более откровенно выразился ведущий теоретик перманентного катынского конфликта, профессор истории Ягеллонского университета (Краков) Анджей Новак, который считает, что: «если историческое направление польской политики не решит проблему Катыни, не добьется признания ее символом одного из двух самых крупных преступлений XX века — преступлением коммунизма — мы не только предадим память об убитых на Востоке, но упустим шанс на получение достойного и стабильного места Польши в Европе» (Строгин. «Российские вести». 16—23.03.2005).

То есть для польских политиков «Катынь» это не столько желание восстановить историческую правду и справедливость, как это громогласно заявляется, сколько **политический инструмент для получения достойного и стабильного места в Европе!** Стремление Польши извлекать максимальную выгоду из всего, даже самого святого, подтвердил в ноябре 2006 г. польский президент Л. Качиньский. Говоря о блокировании Польшей переговоров России с Евросоюзом, Качиньский подчеркнул, что для Варшавы очень важны добрые отношения с Москвой, однако «эти отношения должны быть такими, чтобы они Польше что-то приносили».

Известно, что Л. Качиньский в октябре 2005 г. выиграл президентские выборы, во многом, благодаря своим антисоветским и антироссийским высказываниям. Немецкий журналист Андрэ Баллин полагает, что после избрания польским президентом Леха Качиньского «историческая неприязнь» между Польшей и Россией «усугубилась личностным фактором» (Баллин. Ледниковый период в центре Европы).

21 марта 2006 г. президент Лех Качиньский в «Специальной линии» телеканала TVP2 назвал исторические проблемы в отношениях с Россией: *«сферами особой чувствительности»*. Он также заявил *«Не думаю, что мы в Польше перестанем изучать или выяснять эти болезненные темы... Совершенно другим вопросом является то, станут ли они (эти болезненные темы) полностью определять в данный*

момент наше отношение к переговорам с Россией... Но означает ли это то, что мы скажем, что Катыни не было — нет, не скажем ни в коем случае. Речь идет о том, будет ли это основной проблемой в польско-российских отношениях. Здесь мы проявляем добрую волю».

История показала, что «*добрая воля*» польскими властями понимается как безоговорочная поддержка их позиции, которая звучит следующим образом: «*Советские власти весной 1940 г без суда и следствия, расстреляли 21857 невинных польских военнопленных, руководящую польскую элиту, совершив тем самым акт геноцида*».

Надо заметить, что для поляков проблема покаяния России за Катынь в какой-то мере вторична. Катынская трагедия в Польше превратилась в общенациональную пропагандистско-идеологическую систему, в рамках которой ежегодно проводятся десятки мероприятий. Польские политики осознают, что даже частичная деформация этой системы чревата для польского общества серьезными потрясениями. Тем более, что далеко не все простые поляки довольны политикой конфронтации с Россией.

Бывший председатель Института национальной памяти (IPN) в Варшаве Леон Керес, в своем интервью журналу «*Новая Польша*» заявил, что история Катыни должна объединить поляков: «*Нравится это кому-то или нет, но Катынь — это наша мартирология и память об убиенных, и в то же время наше общее дело. Общее вне зависимости от политических взглядов и убеждений. Поэтому я не боюсь сказать, что тот, кто против польского следствия по катынскому преступлению, сам себя ставит по другую сторону*» (Новая Польша. № 3, 2005).

Во второй половине 2006 г., казалось бы, наметились некоторые положительные сдвиги в польско-российских отношениях. В ходе рабочего визита в Польшу министра иностранных дел России С.Лаврова в начале октября 2006 г. были достигнуты договоренности о встрече в 2007 г. президентов Л.Качиньского и В.Путина. Планировалось возобновить работу Группы (комиссии) по трудным вопросам польско-рос-

сийских отношений, которая занялась бы катынской проблемой (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/77250D5C09657A5BC32571FE005EA5A6).

Однако в ноябре 2006 г. Польша продемонстрировала верность прежним установкам и заблокировала переговоры России с Евросоюзом. Как сообщило «РИА Новости», глава польского государства Л. Качиньский на пресс-конференции по этому поводу заявил, что Варшава не может согласиться на то, чтобы соглашение Евросоюза с Россией обходили Польшу стороной, а *«с Москвой надо говорить твердо, решительно и резко»*.

Позиция польской стороны в очередной раз поставила крест на упованиях многих российских политологов, полагающих, что рано или поздно все болезненные исторические проблемы в отношениях между нашими странами сами собой «рассосутся», уступив место прагматизму и экономической целесообразности. Но в отношении Польши это напрасные ожидания. В польском обществе история противостояния с Россией является одной из главных тем. Не случайно именно в Польше родилась так называемая *«историческая политика»*. За последние годы она стала носить ярко выраженный ритуально-пропагандистский характер.

Поэтому, так сложно происходит перевод катынской проблемы на уровень реальной политики. В вопросах оценки катынского преступления Польша вряд ли пойдет на какие-либо уступки. Тем более, что российские юристы не располагают для этого реальными и обоснованными аргументами, а ведущие российские историки в области катынской проблемы, как правило, отстаивают польскую точку зрения.

К сожалению, об аргументированной позиции России в польско-российском противостоянии говорить пока сложно. В Польше давно издан 4-томный сборник документов *«Катынь. Документы...»*. Издание этого сборника было запланировано и в России. Однако прошло 18 лет, но свет увидели только два российских тома сборника. Даже показания главных свидетелей по Катынскому делу, бывшего начальника Калининского УНКВД Д.С. Токарева, бывшего начальника

управления по делам военнопленных НКВД СССР П.К.Сопруненко и др. в России официально не опубликованы. Эти показания в переводе с оригинала доступны только на польском языке.

В материалах по Катыни, подготовленными некоторыми российскими историками и юристами, немало «полонизмов», т. е. лексических оборотов, свойственных не русскому, а польскому языку. Это свидетельство того, что **российская историческая наука и юриспруденция в катынской теме попросту переписывают польские источники.**

Сложилась абсурдная ситуация, когда Главная военная прокуратура РФ не располагает данными об эксгумациях, проведенных польскими историками и археологами на территории СССР, а впоследствии России и Украины, так как они изданы только на польском языке. Но ни российские прокуроры, ни российские историки пальцем не пошевелили для перевода опубликованных отчетов на русский язык с целью ввода их в нормальный научный и юридический оборот. При этом поляки любую информацию из России, имеющую отношение к Катыни, моментально переводят и тиражируют.

Польская сторона не только внимательно относится к информации из России, но и умело формирует в российском обществе выгодное для себя мнение. 14 апреля 2005 г. Указом Президента Республики Польша А.Квасьневского 32 жителя СНГ **«за выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о политических репрессиях в отношении польского народа»** были награждены польскими государственными наградами.

Среди них российские исследователи Катынского дела Наталья Лебедева, Валентина Парсаданова, Геннадий Жаворонков, российские военные прокуроры Степан Радевич и Анатолий Яблоков и др., чьи труды способствовали пропаганде и обоснованию польской версии «катынского преступления». По некоторым данным польской награды был удостоен и последний руководитель следственной группы Главной военной прокуратуры РФ (ГВП) по Катыни Сергей Шаламаев.

6 апреля 2010 г. Указом Президента Республики Польша Л. Качиньского «за выдающиеся заслуги в деле выяснения и распространения правды о Катыни» высшими наградами Польши были награждены председатель общества «Мемориал» Арсений Рогинский, руководитель польской секции «Мемориала» Александр Гурьянов (вторая награда) и бывший начальник катынской следственной группы Главной военной прокуратуры (ГВП) генерал-майор юстиции Александр Третецкий.

Наступательную и активную позицию в катынском противостоянии польская сторона заняла сразу же после известного заявления ТАСС о вине сталинского руководства и НКВД СССР в катынском расстреле. Генеральный прокурор СССР Николай Трубин сообщил Михаилу Горбачеву в письме за № 1—5—63—91 от 17 мая 1991 г., что 19 апреля он встретился с делегацией правоохранительных органов Республики Польша, возглавляемой заместителем Генерального прокурора Стефаном Снежко. В ходе встречи Трубин пообещал удовлетворить просьбу польской прокуратуры о том, чтобы: *«по окончании следствия, так называемого «катынского дела», полностью скопировать и передать им копии его материалов»* («Военные архивы России», с. 166—167).

Депутат Государственной Думы Виктор Илюхин, много лет занимающийся катынской темой, вспоминает, что в 1991 г. он присутствовал в Генеральной прокуратуре СССР при беседах с польской делегацией. Его поразило, что *«В поведении поляков, особенно в претензиях к нам, сквозило явное высокомерие, доходящее порой до цинизма»*. Ненамного изменилось поведение поляков и за истекшие 19 лет.

В этой ситуации Россия заняла достаточно странную позицию. Являясь правопреемником СССР и признавая на словах вину СССР за катынское преступление, Россия постоянно шла в отношениях с поляками на упреждающие уступки. Но при этом свои обещания выполнять не спешила. Это вносило в польско-российские отношения напряженность. Такое поведение российской стороны было еще как-то оправдано в 1991—2004 гг., пока продолжалось многолетнее расследования катынского преступления, проводимое Главной

военной прокуратурой РФ в рамках Катынского уголовного дела № 159. В этот период выжидательная позиция российского руководства обосновывалась отсутствием окончательных выводов следствия.

Но 21 сентября 2004 г. ГВП завершило официальное расследование. Вслед за этим последовало не вполне обоснованное засекречивание материалов уголовного дела № 159 — вплоть до имен обвиняемых, уже опубликованных свидетельств и рутинных процессуальных документов! В такой ситуации польская сторона справедливо стала считать позицию российского руководства по Катынскому делу **неконструктивной, недружественной и даже оскорбительной** по отношению к памяти катынских жертв и польскому обществу в целом.

В марте 2006 г. польская «Газета Выборча» писала о ситуации с Катынским делом следующее. Она напомнила, что польской делегации из Института национальной памяти (ИНП) во главе с тогдашним председателем Института Леоном Кересом, прибывшей в августе 2004 г. в Москву, было заявлено, что будет предоставлена возможность снять копии со всех документов катынского уголовного дела. В сентябре того же года польский президент Александр Квасьневский после разговора в Москве с президентом России Владимиром Путиным заявил, что российский лидер заверил его, что «гриф секретности будет снят с тех документов, на которых он сейчас имеется».

В конце октября 2005 г. польские прокуроры из ИНП были ознакомлены с 67 не секретными томами катынского уголовного дела № 159, но без предоставления возможности снять копии документов, находящихся в них. В марте 2006 г. посольство России в Варшаве проинформировало польскую сторону, что Главная военная прокуратура РФ может предоставить незаверенные копии документов из 67 несекретных томов дела. Остальные 116 томов дела и постановление об его прекращении не могут быть предоставлены, так как имеют гриф секретности.

После этого поляки ждали еще 4,5 года. И вот, наконец, 8 мая 2010 г. российская сторона начала исполнять обеща-

ние Генерального прокурора СССР Н.Трубина, данное двадцать (!) лет назад. Заверенные копии 67 несекретных томов уголовного дела № 159 президент Дмитрий Медведев передал исполняющему обязанности президента Польши Брониславу Коморовскому. В России это было расценено, как «**прорыв**». В сентябре 2010 г. были переданы еще 20 томов. 14 декабря 2010 г. польской стороне были вручены очередные 50 томов. Теперь поляки ждут оставшиеся 46 томов уголовного дела № 159.

Заметим, что польская сторона прекрасно информирована о том, что содержится в секретных 116 томах дела. Задолго до 8 мая 2010 г. были известны ей и материалы переданных 67 несекретных томов дела. Почему же полякам так важно получить заверенные копии всех 183 томов дела № 159 и постановление об его прекращении? Дело в том, что они не удовлетворены российским расследованием, но для предъявления обоснованных и аргументированных претензий и судебных исков нужны официально подтвержденные Россией материалы.

Это подтвердил и польский Сопредседатель Группы по трудным вопросам Адам Ротфельд. Он заявил, что содержание переданных 67 томов дела № 159: *«известно польским историкам, они не являются главным предметом польских ожиданий, но теперь мы получили эти документы в виде заверенных копий, что дает возможность использовать их для судебного производства»* («Время», № 79, 12 мая 2010 г.). Так, что с передачей всех томов уголовного дела № 159 проблемы катынского противостояния могут не только не исчезнуть, но и получить новое развитие.

Утверждения российских политиков о том, что в последнее время польско-российские отношения нормализуются, особенно после декабрьского (2010 г.) визита Медведева в Польшу, не более чем попытка выдать желаемое за действительное. Да, внешне, прежде всего, в политических верхах, наблюдается определенное улучшение этих отношений. Но глубинная неприязнь к России, всегда присутствовавшая в польском обществе, не преодолена. В любой нестандартной

ситуации она прорывается наружу. Великий русский мыслитель и публицист Н.Я.Данилевский еще в 1868 году назвал Польшу *«классической страной руссо-боязни и руссо-ненавидения»*. Ранее уже говорилось, как Россия своими не исполненными обещаниями подпитывает эту боязнь.

Не случайно реакция польского истеблишмента на выступление российского премьера Путин в Гданьске 1 сентября 2009 г. по поводу 70-летия начала Второй мировой войны была неадекватной. Путин в своей речи ясно показал, что Россия готова к выстраиванию с Польшей конструктивных, взаимоуважительных отношений. Однако тогдашний польский президент Л.Качиньский и Сейм постарались не заметить этого дружественного жеста. 23 сентября польский Сейм принял конфронтационную резолюцию, в которой осуждалась агрессия СССР против Польши в сентябре 1939 г., а катынское преступление было квалифицировано, как обладающее *«признаками геноцида»*.

Неоднозначной была реакция польской элиты и на церемонию в Катыни с участием Путина и Туска, состоявшуюся 7 апреля 2010 г. Казалось бы, наконец, найдены общие точки соприкосновения для преодоления катынского противостояния. Но не тут-то было. Главный польский эксперт по Катынскому делу, теперь уже покойный, председатель Института национальной памяти (ИНП) Януш Куртыка, один из ближайших сподвижников Леха Качиньского, оценил мероприятие, проведенное в Катыни 7 апреля, как *«некий ритуал, не наполненный сутью, ожидаемой польским народом»*. Он также заявил, что *«поляки не должны поддаваться искушению принять общие рассуждения Владимира Путина, как исполнение своих мечтаний»*.

Не следует обольщаться высказываниями некоторых политологов о том, что покойный польский президент Лех Качиньский якобы намеривался 10 апреля в Катыни предложить меры, направленные на снижение накала давнего спора между Польшей и Россией. Для доказательности обратимся к опубликованному тексту катынской речи, так и не произ-

несенной Качиньским («Rzeczpospolita», 11 апреля 2010 г., <http://inosmi.ru/europe/20100412/159226876.html>)

В речи польского президента должны были вновь перечислены основные болевые точки в польско-российской истории: акт «геноцида» поляков в Катыни, «союз» СССР и Третьего рейха, пакт Молотова-Риббентропа и «агрессия» против Польши 17 сентября 1939 г. Концовка речи Качиньского, казалось бы, вселяла надежду: ***«Так сделаем же так, чтобы катынская рана могла, наконец, окончательно зажить и затянуться. Мы уже на верном пути. Мы, поляки, ценим то, что сделали в последние годы россияне. И этим путем, сблизившим наши народы, мы должны двигаться дальше, не останавливаясь и не отступая назад».***

Однако напомним инаугурационную речь Качиньского в декабре 2005 года, в которой прозвучало: ***«Я хочу хороших отношений с Москвой...».*** При этом польский президент сразу же заявил, что **не намерен ехать в Москву.** Призывы к хорошим отношениям с Россией в различных вариациях звучали в каждом следующем выступлении Леха Качиньского. Но реальных шагов по сближению с восточным соседом польский президент и не пытался делать, так как это требовало определенных уступок с польской стороны. А это, особенно в катынской проблеме, для любого польского политика смерти подобно.

Избрание 4 июля 2010 г. Бронислава Коморовского президентом Польши вряд ли кардинально изменит ситуацию в катынском противостоянии. Любой польский президент является заложником господствующего в Польше общественного мнения. Это мнение, как и национальное сознание поляков в значительной степени формирует история, которая на политической сцене Польши давно стала активным действующим персонажем. Следует учесть, что Коморовский на президентских выборах победил Ярослава Качиньского с минимальным перевесом.

Политические лидеры в Польше вынуждены или убежать от паровоза, имя которому — общественное мнение, или бежать впереди этого паровоза. Первые, а они являют-

ся абсолютным большинством, как правило, конформисты, их главной целью является стремление не попасть под «каток» общественного мнения и обеспечить себе комфортное существование.

Вторые, в силу своих личностных качеств и харизмы, также опасаются «катка» общественного мнения, но при этом умеют им манипулировать, и, рискуя карьерой, стремятся во время переводить «стрелки» на пути этого катка в нужном направлении. Однако в Польше пытаться переводить стрелки общественного мнения крайне опасно.

Напомним трагическую судьбу польского историка и общественного деятеля Казимира Валишевского, посмеявшего в книге «Потоцкий и Чарторыйский» (1887 г.) вопреки общепринятому мнению сформулировать вывод, что потеря государственной независимости и территориальные разделы Польши произошли не столько из-за злой воли европейских держав, сколько из-за непродуманной и недалководной политики польских властей. За это он был отлучен от польского общества и в 1889 г. был вынужден переехать во Францию, где через 46 лет умер, так и не сумев побывать на родине, которая его отвергла.

Сегодня фактов обструкции инакомыслящих в Польше также немало. Вот свежий пример. Накануне досрочных президентских выборов 2010 г. авторитетный общественный деятель, узник Освенцима, участник Варшавского восстания, политзаключенный времен социализма, бывший министр иностранных дел Польши 88-летний Владислав Бартошевский посмел поддержать кандидатуру Коморовского, который, по мнению правых, «заигрывает» с Россией.

После этого на адрес аппарата премьера, где Бартошевский возглавляет в ранге министра группу советников, пришло более ста писем с различными угрозами: *«Гитлер мало тебя научил, но мы тебе покажем»*, *«Скоро сдохнешь, как собака»*, *«Твои дни сочтены»*... МВД Польши вынуждено было предоставить Бартошевскому охрану (см. <http://www.vremya.ru/2010/104/5/256050.html>)

В Польше общественное мнение в значительной степени традиционно базируется на историческом недоверии и искусственно подогреваемой неприязни к России. Современная трактовка польской истории включает в себя массу исторических событий, негативно характеризующих Россию. Подробнее об этом расскажем ниже. Поэтому нашей стране рассчитывать на взаимопонимание со стороны Польши в катынском противостоянии весьма проблематично.

Правда, искреннее сочувствие, которое проявили россияне в связи с гибелью польской делегации под Смоленском, на время растопило лед недоверия к России у многих поляков. Но последующие события показали, что **инерция старого мышления, особенно когда ее умело подпитывают, в Польше весьма сильна**. Напомним, что накануне выборов нового польского президента, вдруг стали тиражироваться самые невероятные версии гибели Качиньского. Якобы это было спланированное покушение, а после катастрофы какие-то люди расстреляли оставшихся в живых (!) пилотов и уцелевших пассажиров президентского самолета и т. д. и т. п. На фоне этих версий некоторые польские политики, в том числе и Ярослав Качиньский, демонстрируют «особый» подход к решению польско-российских проблем.

1 июня 2010 г. в Польше обнародовали записи черных ящиков президентского лайнера Ту—154, которые свидетельствуют о четкой работе российских авиадиспетчеров и непростой психологической атмосфере на борту самолета. Однако лидер партии «Право и справедливость», в то время кандидат в президенты Польши, Ярослав Качиньский заявил, что из стенограмм «ничего не следует», а причины катастрофы по-прежнему остаются «полностью невыясненными». 27 июня Ярослав Качиньский многозначительно заявил, что Россия затягивает расследование причин авиакатастрофы под Смоленском, а это вызывает «**подозрения**». Однако, какова суть этих подозрений Качиньский не уточнил. Одним словом, гибель польского президента Л.Качиньского под Смоленском может стать вторым Катынским делом.

Между тем, сам факт нахождения в кабине пилотов перед посадкой в Смоленске командующего ВВС Польши генерал Анджея Блашика и директора дипломатического протокола МИД Польши Мариуша Казана, явно оказывал на пилотов психологическое давление. Для экипажа оно усугублялось воспоминаниями о похожей ситуации. 12 августа 2008 г. командир экипажа польского президентского лайнера Ту—154 по соображениям безопасности отказался садить его в Тбилиси и приземлился в Азербайджане. Тогда польский президент был так разгневан поведением несговорчивого летчика, что на него едва не завели уголовное дело. В итоге «провинившийся» пилот был уволен из элитного подразделения.

Следует добавить, что церемония в Катыни была весьма важной для Леха Качиньского. Она должна была поставить определенную точку в противостоянии президента Качиньского и премьера Туска, показав незначительность мероприятия, которое состоялась в Катыни 7 апреля с участием Туска и Путина. Ситуацию для Качиньского осложняло то, что осенью 2010 г. в Польше должны были состояться выборы нового президента. В апреле рейтинг польского президента был самым низким из всех претендентов, а его позиция, как президента, постоянно подвергалась критике.

Не случайно в трагический полет Качиньский пригласил почти сотню представителей высшей польской элиты. Это должно было показать Польше, кто есть кто. Фактически это был пропагандистский десант польского президента. Мероприятия в Катыни планировалось транслировать в прямом эфире на всю Польшу. Все было расписано по минутам. Польское телевидение каждые несколько минут давало анонс о начале передачи из Катыни. В то же время из-за опоздания президентской четы, самолет из Варшавы вылетел на полчаса позже. Слава Богу, что хоть в этом опоздании поляки не увидели «руку ФСБ».

О напряженной психологической ситуации в кабине пилотов президентского самолета 10 апреля 2010 г. свидетельствует обрывок фразы, произнесенной в 10 часов 38 минут (за 2 минуты до катастрофы), кем-то из находившихся в кабине:

«Он взбесится, если еще...» (далее неразборчиво). С большой степенью уверенности можно утверждать, что речь шла о Лехе Качиньском, который очень спешил... Об этом же свидетельствует новый расшифрованный фрагмент записи «черного ящика», в котором звучит фраза командира корабля Протасюка о том, что **«если мы не приземлимся, они [или он] убьют меня»**.

Вышеизложенное достаточно убедительно свидетельствует о том, что причиной катастрофы была ошибка пилотов, вызванная непростой психологической атмосферой на борту самолета. С этой очевидной истиной никак не хотят согласиться некоторые польские политики и, прежде всего, брат-близнец Леха Качиньского, Ярослав Качиньский. К сожалению, неадекватная реакция на очевидные вещи в польско-российских отношениях у многих польских политиков наблюдается довольно часто. При этом аргументы оппонентов, как правило, даже не выслушиваются. Не случайно французский писатель и радиокомментатор Анри-Жан Дютей как-то заметил, что: **«полякам в радость открыто обвинять русских»**.

Достаточно напомнить, как польское руководство и польские СМИ реагировали на агрессию Грузии в отношении Южной Осетия. Даже, когда факт агрессии стал очевидным, в Польше стояли на своем. Аналогично реагировали польские журналисты на презентацию сборника рассекреченных документов Службы внешней разведки России (СВР) **«Секреты польской политики. 1935—1945»** 1 сентября 2009 г. Их вопросы ясно показывали, что предлагаемые в сборнике документы для них **не аргумент**.

Аналогично повели себя и польские политики. Наиболее концентрированно их отношение к сборнику документов СВР выразил уже упомянутый председатель Института национальной памяти Куртыка. Он еще раз продемонстрировал неспособность вести аргументированный диалог, заявив, что **«ИНП ответит на российские попытки фальсифицирования истории»** публикацией **«материалов, которые подробно раскроют механизмы этой лжи»**.

Но пока польская сторона смогла обвинить составителей сборника лишь в «*методических ошибках*» и незнании польской истории «*даже на уровне школьного учебника*». Поводом для этого явилась тривиальная ошибка. Якобы один из документов попал не в тот хронологический раздел. Но от этого содержание сборника не изменилось, так как включенные в него документы являются подлинными и неопровержимо свидетельствуют о **тесных союзнических связях между Польшей и Германией** накануне Второй мировой войны.

В этой связи возникает вопрос, **а можно ли быть уверенным в том, что, даже, если российская сторона продолжит тактику упреждающих уступок, польско-российское противостояние будет преодолено?**

Помимо «**непреклонности**» польской стороны в защите своих позиций в российско-польском диалоге следует учитывать, что польские политики, почувствовав слабость российских партнеров, без промедления этим пользуются для навязывания своей точки зрения, угрожая в противном случае прервать дискуссию. В 1989 г. такую тактику постоянно демонстрировали представители прибалтийских республик на Съездах народных депутатов СССР. И она приносила успех.

В большинстве случаев это является психологическим демаршем, рассчитанным на слабые нервы оппонента. Но такая тактика до сих пор позволяет польской стороне навязывать российским партнерам свои правила «игры». Не возникает сомнений, что польские правила дискуссии были навязаны и **двусторонней Группе по трудным вопросам истории польско-российских отношений.**

Группа пришла на смену Комиссии советских и польских ученых по истории взаимоотношений между СССР и Польской Народной Республикой, созданной в 1987 г. совместным решением Михаила Горбачева и Войцеха Ярузельского. Деятельность советско-польской Комиссии закончилась в 1989 году полным поражением советских историков по причине неспособности дать аргументированные ответы польской стороне по катынскому преступлению.

Работа Группы по трудным вопросам истории польско-российских отношений работу также складывалась непросто. Свою деятельность она начала только в 2008 г., то есть спустя 6 лет после создания. Российскую часть Группы возглавил академик РАН, ректор Московского института международных отношений **Анатолий Торкунов**. Польскую — известный политик, юрист и журналист, бывший министр иностранных дел Польши, **Адам Ротфельд (Adam Rotfeld)**.

Ущербная позиция российской части Группы была predetermined не столько неоправданной засекреченностью материалов в архивах России, имеющих отношение к катынскому преступлению, сколько односторонним подбором состава российских участников Группы. Заметим, что тема Польши и российско-польских отношений для Сопредседателя Группы Торкунова является «terra incognita». Он известен, как ведущий востоковед, специалист по международным отношениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Северо-Восточной Азии, но не специалист в области истории российско-польских отношений.

Из пятнадцати человек российской части Группы пятеро представляют Московский институт международных отношений. Большинство из них, как и Торкунов, специализируются по проблемам международных отношений в Юго-Восточной Азии. Единственным авторитетным специалистом по российско-польским отношениям в российской части Группы является профессор МГУ им. М.В.Ломоносова Геннадий Матвеев. Но он далек от катынской тематики.

Два известных историка-катыноведа, Наталья Лебедева и Инесса Яжборовская формально являются членами российской части Группы. Но на самом деле обе являются яростными защитниками польской версии катынского преступления. Их «гармонично» дополняет юрист Александр Третьцкий, бывший руководитель следственной бригады ГВП в 1990—1992 г., также сторонник польской версии. Как отмечалось, все трое за поддержку и обоснование польской версии катынского преступления были удостоены правительственных наград Республики Польша. Для этих троих любые попольз-

новения на официальную версию Катыни — удар по профессиональному престижу, общественному положению и финансовому благополучию.

Не сомневаясь в научной добросовестности и высоком профессионализме остальных пяти членов российской части Группы, говорить об их ведущей роли в изучении истории российско-польских отношений можно лишь с большой натяжкой. Завершает список российской части Группы деятель культуры Станислав Бэлза. Человек он известный. Большой эрудит. Но вряд ли Бэлза является специалистом в сложных вопросах исторических отношений России и Польши. Отметим, что формирование российской части Группы происходило с «благословения» Министерства иностранных дел РФ.

В то же время состав польской части Группы говорит сам за себя. Эти двенадцать человек являются матерями «зубрами» польской истории и политики. Россия для них хорошо известный «предмет особого внимания». Не случайно Адам Ротфельд в одном из интервью проговорился, что в результате работы Группы ее российские участники в итоге приняли польскую точку зрения. Потом он понял свою оплошность и пытался объяснять, что его неправильно поняли. Однако знакомство с работой Группы показывает, что российская часть Группы действительно согласилась с польской стороной практически по всем обсуждаемым вопросам.

Группа в 2009 г. предложила польскому и российскому руководству в связи с 70-летием катынской трагедии в следующем 2010 году провести совместную траурную церемонию в Катыни. Помимо этого также предлагалось, чтобы в связи с 90-летием польско-советской войны, точнее, польской агрессии против Советской России, провести совместные траурные мероприятия в местах массовой гибели пленных красноармейцев в Польше.

Как известно, церемония в Катыни прошла, а об ответных мероприятиях в Польше молчит, как российское, так и польское руководство. Польской стороне, на фоне сложившейся ситуации, невыгодно поднимать вопрос об этих меро-

приятнях, а российская в очередной раз пытается «войти в положение» польского партнера.

Президент Медведев во время декабрьского визита в Польшу так и не нашел времени для того, чтобы посетить единственный скромный мемориал, посвященный 22 погибшим в 1920 г. красноармейцам, в Оссуве, городке близ Варшавы. Польская оппозиция, настроенная антироссийски, этим была весьма довольна.

Одним словом, пока говорить о равноправном и взаимоуважительном диалоге Польши с Россией не приходится. Во многом это предопределено безвольной российской позицией и тем, что за последние 20 лет польская сторона сумела «навешать» на Россию тяжкий груз исторических «преступлений и ошибок».

По мнению польской стороны Россия, как правопреемник СССР, должна покаяться за то, что Советский Союз был союзником нацистской Германии и наравне с ней несет равную ответственность за развязывание Второй мировой войны, за то, что СССР совершил в сентябре 1939 г. агрессию против Польши и совместно с Германией устроил 4-й раздел Польши, а весной 1940 года тайно расстрелял тысячи польских военнопленных (элиту Польши), и депортировал миллионы польских граждан в Сибирь. Польша утверждает, что в августе 1944 г. Красная Армия безучастно наблюдала за истреблением польской элиты в восставшей Варшаве, а после победы над нацистской Германией на 45 лет оккупировала Польшу.

К этому следует добавить не меньший перечень польских обид, касающийся застарелых исторических спорных вопросов, начиная с разделов Польши в XVIII веке и кончая польско-советской войной 1920 года.

В этой связи возникает вопрос, а может ли быть равноправным диалог двух партнеров, один из которых по уши в «неотмоленных» грехах? Между тем о несостоятельности и надуманности вышеперечисленных спорных вопросов говорится в целом ряде аргументированных публикаций маститых российских ученых. Однако руководство России, гово-

ря об этих вопросах, почему-то предпочитает пользоваться услугами консультантов, советы которых только усугубляют ситуацию.

Напомним пресс-конференцию российского премьера Путина 7 апреля 2010 г. в Катыви, на которой он с чьих-то слов заявил, что в «20-м году военной операцией в советско-польской войне, в советско-польском тогда конфликте, руководил лично Сталин». Но известно, что Сталин, являясь в то время членом Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), на Юго-Западном фронте, наступавшим на Львов, был всего лишь членом Реввоенсовета этого фронта. Самим фронтом командовал А.Егоров.

Известно также, что еще в мае 1920 г. Сталин выступил в газете «Правда» с критикой планов Председателя Реввоенсовета РСФСР Л.Троцкого, Главкома РККА С.Каменева и командующего Западным фронтом М.Тухачевского о форсированном походе на Варшаву. По мнению Сталина ситуация для этого, как в Польше, так и в России была неблагоприятной.

Польша имеет счет и к «демократической» России. Он касается катынского преступления. По мнению поляков, Россия не дала точной и полной юридической квалификации катынского преступления и отказывается признать катынский расстрел геноцидом. Она необоснованно засекретила основные материалы уголовного дела № 159, отказывается процессуально установить и обнародовать персональный состав виновных в катынском преступлении, и отказывает родственникам погибших польских граждан в реабилитации.

Ни по одному из вышеперечисленных вопросов Польша пока не уступила России ни миллиметра. Обсуждение этих проблем польская сторона, как правило, начинает лишь при условии согласия российской стороной с основными положениями своего подхода. В то же время, для кардинального изменения подобного положения у России имеется немало объективных оснований, подкрепленных соответствующими историческими свидетельствами, документами и исследованиями.

Однако российские попытки останутся малоэффективными, если Россия не возьмет на вооружение польский подход в вопросах отстаивания позиций. Это не значит, что Россия должна копировать польскую неуступчивость, нередко переходящую в жесткое противостояние. Внимания заслуживает польский опыт оперативного реагирования и влияния на развитие спорных вопросов в двусторонних отношениях с привлечением к этому СМИ, общественности и научных сил.

Так, польский Сейм и правительство незамедлительно реагируют на любые попытки российской стороны подвергнуть сомнению польскую официальную точку зрения на историю отношений с Россией. В итоге российские СМИ вынуждены еще раз тиражировать позицию польской стороны. Министерство иностранных дел Польши помимо общепринятых дипломатических демаршей в отношении России, оказывает в рамках программы «Распространение знаний о Польше» финансовую поддержку изданию в России книг, отстаивающих польскую трактовку исторических событий польско-советских и польско-российских отношений.

Подлинным рупором польского видения истории отношений Польши и России стал журнал «Новая Польша». Он, не без помощи польского государства, бесплатно направляется во все мало-мальски значимые российские библиотеки. Это позволяет формировать в среде российской общественности благожелательное отношение к польской точке зрения.

Огромную работу по пропаганде и отстаиванию польского взгляда на историю ведут не только официальные представители Республики Польша, но и их добровольные помощники из числа интеллектуальной элиты не только польской, но и российской: ученые, писатели, журналисты и др. К сожалению, во всех вышеперечисленных вопросах у России огромные пробелы.

Например, журнал «Наш современник», отстаивающий русские национальные ценности и являющийся продолжателем традиций «Современника» основанного Александром Сергеевичем Пушкиным, из-за финансовых трудностей, лишен возможности отправлять свои номера не только в поль-

ские, но и в российские библиотеки. При этом в России немалыми тиражами издаются книги польских авторов с явно русофобским душком. В то же время книги российских авторов, отстаивающие позиции России, никогда не попадают на прилавки книжных магазинов Польши.

Лица, представляющие нашу страну за рубежом на различных форумах, семинарах и конференциях, в своем большинстве не умеют выступать перед западной аудиторией, начиная от незнания английского языка и заканчивая чтением выступления по бумажке в менторском тоне. Правильные по сути заявления, поданные в такой форме, не воспринимаются западной экспертной и политической элитой и вызывают у нее крайнее раздражение.

Особо следует подчеркнуть, что определяющее влияние на польско-российские отношения оказывает польское национальное историческое самосознание. Целый ряд исторических событий польско-российской истории поляки трактуют по-своему. Они уверены, что Польша с давних времен была жертвой агрессивных устремлений России, что польско-советскую войну 1920 г. начали большевики, что Польша никогда не поддерживала союзнические отношения с нацистской Германией и т. д. и т. п.

По поводу вышесказанного заметим лишь следующее. Общеизвестно, что в мае 1920 г. Польша вторглась на территорию Советской Украины и захватила Киев. Также является фактом, что Польша добровольно взяла на себя функции представления Германии в Лиге Наций, когда та в 1933 г. демонстративно вышла из нее. После этого визиты нацистских деятелей в Польшу, а польских в Германию стали нормой. Однако для поляков это просто «измышлизмы».

При этом поляки свято верят в советские «грехи», которые были перечислены выше. Свои исторические заблуждения польская сторона преподносит, как истину, не подлежащую обсуждению. В этой связи странно, что Россия в отношениях с Польшей избрала тактику «поддавок» и упреждающих «уступок». Жизнь давно доказала, что подобная тактика не лучший способ преодоления стабильной, посто-

янной враждебности, сформировавшейся между двумя странами. Тем самым Россия укрепляет уверенность польской стороны в правоте ее позиции и, тем самым, усугубляет противостояние.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. Взгляд из Варшавы и из Москвы на большинство спорных проблем пока остается и будет оставаться различным. Для лучшего понимания этого различия обратимся к истории катынского преступления.

Выстрелы из прошлого, или Краткая история катынского противостояния

Вернемся в далекий 1943 г, когда 13 апреля «Радио Берлина» сообщило о найденных в Катынском лесу захоронениях 12 тысяч польских офицеров, которые, как утверждали нацисты, были уничтожены большевиками. Дело о расстреле польских офицеров на территории СССР получило название «Катынского». По указанию Гитлера Катынским делом занимался лично министр имперской пропаганды Геббельс. Польское правительство в эмиграции поддержало немецкую версию, и 16 апреля 1943 г. с соответствующим коммюнике выступил министр обороны Польши генерал М.Кукель.

В ответ 15 апреля 1943 г. Совинформбюро обвинило в катынском преступлении нацистов, объявив, что польские военнопленные: *«находились в 1941 г. в районе западнее Смоленска на строительных работах и попали со многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей летом 1941 года»* (Катынь. Расстрел... С. 448).

25 сентября 1943 г. Красная Армия освободила Смоленск от немецкой оккупации. 12 января 1944 г. была создана советская «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских

офицеров», председателем которой назначили академика Н.Н.Бурденко.

В том же январе Специальная Комиссия, более известная как комиссия Бурденко, провела эксгумацию польских захоронений в Катыни-Козьих Горах. 26 января 1944 г. в газете «Правда» было опубликовано официальное Сообщение Комиссии, в котором говорилось: *«...до захвата немцами оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагери № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. на запад от Смоленска.*

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы, и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

...Произведенная судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведен самими немцами... Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований... утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрем — декабрем 1941 г.»

Но убедительно донести до советской и польской общественности итоги работы комиссии советские пропагандисты оказались не в силах. В этом плане интерес представляет письмо писателя Алексея Толстого, члена комиссии Бурденко, Председателю Президиума ВС РСФСР Николаю Швернику, датированное 3 февраля 1944 г.

Толстой писал по поводу документального фильма «Трагедия в Катынском лесу», посвященного работе комиссии Бурденко в Катыни. Он отмечал, что в таком виде фильм не только *«совершенно не годится для показа, но может даже*

произвести отрицательный эффект. Сцена допроса свидетелей озвучена так, что похоже на то, что свидетели повторяют какой-то заученный урок. Их речь получается неживой и вследствие этого неправдоподобной» (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 349).

В послевоенной Польской республике выводы комиссии Бурденко были встречены общественностью неоднозначно. В то же время, как утверждают очевидцы, в 1943 г. многие поляки не поверили нацистам. Варшавянин Потьканский Эдвард, бывший солдат германской армии на допросе в конце 1943 года в специальном лагере № 24 3-его Белорусского фронта сообщил: *«В разгар катынской кампании я был в Польше. Гитлеровская польская газета «Курьер Варшавский» заполняла целые страницы фамилиями польских офицеров, будто бы замученных большевиками в Катыни. С больших предприятий в Катынь посылались делегаты, которые по возвращении должны были рассказывать о зверствах большевиков. Таких же представителей немцы посылали даже из концлагерей. Это были польские офицеры.*

Многие делегаты, возвратясь из поездки, рассказывали обратное тому, что хотелось гитлеровцам. Вскоре эти делегаты были арестованы и пропали без вести. На стенах домов появились надписи: «Катынь — дело рук гестапо». Такие надписи можно было прочесть на Новогрудской, Маршалковской и других улицах. На скамейках в Саском саду были приклеены записи, в которых сообщалось, что убийцами польских офицеров в Катыни являются немцы. Поляки говорили о Катыни, как о новом злодеянии немецких разбойников» (ВИЖ. № 11, 1990).

Однако чрезмерно прямолинейное и жесткое навязывание советской версии катынского преступления, не дававшей ответа на ряд спорных вопросов, вызвало обратный эффект. Этому способствовало подпольное распространение в Польше отчета Генерального секретаря Польского Красного Креста К.Скаржинского о работе Технической комиссии ПКК в Катыни в 1943 г. Поляки стали сомневаться в выводах комиссии Бурденко точно так же, как годом ранее они сомневались

в выводах немецких оккупационных властей. Не надо забывать, что выводы комиссии Бурденко подводили поляков к осознанию того, что эмигрантское лондонское правительство, поддержавшее в 1943 г. немецкую версию Катинского дела, было по сути **коллаборантным**. Для многих поляков такой вывод был неприемлим.

В 1944—45 гг. левые силы в Польше под руководством Болеслава Берута и Эдварда Осубко-Моравского были еще слабы и крайне нуждались в поддержке других слоев польского общества, чтобы перевести Польшу на социалистический путь развития. В этой связи Берут, как Председатель Крайовой Рады Народовой, обратился к советскому руководству с просьбой широко не афишировать выводы комиссии Бурденко, дабы устранить повод для разжигания в Польше политических страстей и нагнетания антисоветских настроений.

В итоге не придумали ничего лучшего, как **изъять брошюру** с отчетом о работе комиссии Бурденко. Во второй половине 1944 г. ее сняли с продажи, а 21 августа 1945 г. Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита издал приказ № 716, предписывающий изъять брошюру «**Сообщение специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров**» из книготорговой сети и библиотек общественного пользования (ГАРФ ф.9425, оп.2, д.69, л.80). Следует отметить, что изымались только экземпляры на русском и польском языках, а экземпляры на других языках в библиотеках оставались. Однако изъятие брошюры лишь усилило подозрение поляков. Если **скрывают, значит, что-то есть!**

Реакция польской общественности не беспокоила советское руководство. В эйфории победы над Германией и Японией в Кремле было принято опрометчивое решение закрепить выводы комиссии Бурденко решением Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге. Планировалось окончательно закрыть катынскую тему — быстро и эффективно, без дополнительной политико-пропагандистской подготовки

и усиления документальной аргументации. К сожалению, никто из советских руководителей не придавал значения тому, что итоговое «Сообщение....» Специальной Комиссии не было достаточно аргументированным с формально-юридической и судебно-медицинской точек зрения.

Это во многом обусловила политическая установка о том, что не следует полемизировать с авторами немецкого «*Amtliches Material zum Massenmord von Katyn*». В этой связи советская сторона лишилась возможности использовать подготовленный в декабре 1945 г. ведущими польскими судмедэкспертами европейской величины Яном Ольбрыхтом и Сергиушем Сенгалевичем «*Судебно-медицинский отзыв на германский официальный материал «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn»*»,

Польские судмедэксперты обнаружили в Отчете немецкого профессора Бутца, проводившего в 1943 г. эксгумацию в Катыни-Козьих Горах *«достаточно много пробелов, ошибок и неточностей, чтобы можно было признать утверждения, сделанные немцами в публикации «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn» как материал, не выдерживающий точной научной критики, а тем самым признать его обладающим слишком большим пропагандистским характером»* (ГАРФ. Ф.7021. Оп.114. Д.18. Л.1—37). Тем самым немецкой версии был нанесен существенный удар.

Но в Нюрнберге эти материалы не были использованы. О них предпочли не упоминать, так как они одновременно ставили под сомнение и советскую официальную версию о вине нацистов за расстрел поляков в Катынском лесу. Прежде всего, это касалось безапелляционного заключения советской судебно-медицинской экспертной комиссии о том, что **расстрел польских военнопленных относится к сентябрю-декабрю 1941 г.** Это утверждение советских судмедэкспертов было недостаточно обосновано с научно-медицинских позиций. Видимо, оно была обусловлено очередной политической директивой «сверху». В итоге советская сторона в попытках любой ценой доказать преступление нацистов, стало жертвой своих собственных амбиций.

Помимо этого, советские юристы и историки были лишены возможности использовать для подкрепления выводов комиссии Бурденко трофейную переписку вышестоящих органов нацистской Германии и немецкой тайной полиции, обеспечивавшей контроль за ходом эксгумации в Катыни-Козьих Горах. Она убедительно доказывала фальсификационный характер немецкой эксгумации. И в этом случае, видимо, также действовала политическая установка о том, что **полемизировать с нацистами незачем**, а опубликованные выводы комиссии Бурденко являются исчерпывающими и достаточными для доказательства вины немецкой стороны.

Кстати, **нежелание официальной России полемизировать по спорным историческим вопросам** уже привело к тому, что в мире все чаще и чаще ставятся под сомнение итоги Второй мировой войны. СССР, а соответственно и Россия, как его правопреемник, в ряде стран официально считается одним из инициаторов этой войны.

Настрой российского МИДа на то, чтобы спорными вопросами занимались только историки, является не только **ущербной, но таит в себе непредвиденные негативные последствия для России**. В этом случае российским историкам будут противостоять оппоненты из других государств, находящиеся в рамках законов, предполагающих уголовную ответственность за высказывание точки зрения на исторические проблемы, не соответствующей установкам на государственном уровне.

Так, в Польше и Литве приняты законы, предусматривающие уголовную ответственность за публичную пропаганду фашистского и коммунистического режима. К понятию «пропаганда» может быть отнесена и попытка реально представить политику советского руководства в спорных исторических вопросах. В такой ситуации научный спор россиян с оппонентами, которых в случае высказывания **крамольных мнений ждет тюремная камера, просто бессмыслен.**

Но вернемся к Нюрнбергу. Неблагоприятный для СССР итог рассмотрения «катынского эпизода» на Нюрнбергском трибунале обусловили два обстоятельства. Прежде всего,

время рассмотрения вопроса о Катыни в трибунале роковым образом совпало с началом «холодной» войны, идеологию которой в своей знаменитой речи в Фултоне сформулировал 5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У.Черчилль. В ситуации нарастающей враждебности в отношениях между Западом и СССР, советский обвинитель полковник Ю.Покровский, отвыкший от реальной состязательности в судебных процессах и не ожидавший серьезных политических подвохов от недавних союзников по антигитлеровской коалиции, по выражению западных журналистов, выглядел «жалко».

Вторым важным обстоятельством явилось то, что незадолго до рассмотрения «катынского эпизода», польское эмигрантское правительство распространило среди участников Нюрнбергского процесса и журналистов «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу» (более 450 стр.), подготовленный польским юристом В.Сукенницким и активным участником поиска поляков в СССР М.Хейтцманом. В этом документе вина за катынское преступление возлагалась на СССР.

Вопрос о Катыни в Нюрнберге рассматривался 1—3 июля 1946 года. Советские свидетели повторили уже давно известные факты из Сообщения комиссии Бурденко. Немецким свидетелям, при явном попустительстве председателя трибунала, удалось формально опровергнуть или поставить под сомнение целый ряд небрежных утверждений советских прокуроров. Так, немецкий 537-й полк связи армейской группы ошибочно именовался в советских документах «537-м строительным батальоном», оберст-лейтенант (подполковник) Аренс — «обер-лейтенантом Арнесом» и т.д.

Эти мелкие, на первый взгляд, ошибки и неточности дали основания членам трибунала от трех западных держав, вопреки протестам члена МВТ от СССР генерала-майора юстиции И.Т.Никитченко, не включать «катынский эпизод» из окончательного текста приговора. Однако такое исключение ни в коей мере не означает, как это демагогически пытаются утверждать сторонники польской версии, автоматическо-

го оправдания Германии или косвенного обвинения СССР в катынском преступлении. Заметим, что ряд обвинительных эпизодов против нацистов также не был включен в окончательный тест Нюрнбергского приговора. Однако сомнения в вине нацистской Германии по данным эпизодам никогда не возникали.

К сожалению, советское руководство не сделало должных выводов из неудачи в Нюрнберге. Ситуацию в тот период можно было подкорректировать. В наличии были материальные свидетельства, подтверждающие советскую версию, и еще были живы многочисленные свидетели. Однако никаких дополнительных расследований катынской трагедии так и не последовало. Видимо, уверенность руководства СССР в том, что истина, изреченная «сверху», всесильна, оказала плохую услугу советской версии катынского преступления.

Спихнулись лишь в 1952 году. Тогда, в ответ на создание в США «комиссии Мэддена», в СССР была спешно организована Координационная комиссия по Катынскому делу при Министерстве иностранных дел. В 1952—53 гг. эта комиссия успела выполнить существенный объем работ. Но из-за отсутствия публикаций в открытой печати о результатах этой работы, эффект от деятельности комиссии оказался ничтожным. В 1953 г., после смерти Сталина и ареста группы Берия-Меркулова деятельность Координационной комиссии была прекращена. Основные материалы этой комиссии в российских архивах пока так и не удалось выявить.

В хрущевский период отношение к катынской теме стало сугубо прагматичным. Хрущев даже попытался разыграть катынскую карту в своей антисталинской кампании. В ноябре 1956 г. он предложил тогдашнему главе Польши Владиславу Гомулке объявить, что в катынском преступлении виноват Сталин. Но Гомулка решительно отказался. Возможно, поэтому Хрущев впоследствии больше не захотел публично «светить» эту ставшую крайне «скользкой» тему. С тех пор тотальное замалчивание всего, что касалось Катыни, в СССР стало повсеместным

Хоть и известно, что молчание — «золото», но для советской версии катынского преступления такое «золото» оказалось губительным. Пользуясь отсутствием адекватной реакции со стороны руководства СССР и ПНР, польская эмиграция на Западе в послевоенный период издала ряд книг, в которых безапелляционно утверждалось, что преступление в Катыни совершили сотрудники НКВД.

Эту позицию в 1951—52 гг. поддержала уже упомянутая выше комиссия Палаты представителей американского Конгресса («комиссия Мэддена»), предпринявшая расследование катынского преступления исключительно в антисоветском направлении. В 1970 г. аналогичную позицию заняла английская палата лордов (Подробнее см. «Катынь. Расстрел... С. 441—442).

Подобная информация подпитывала уверенность польской общественности в том, что с катынским преступлением «дело нечисто». Особенно, если учесть, что советская сторона по данному поводу хранила «гробовое молчание».

В начале 1980-х катынская тема и события 1939 г. заняли важное место в идеологической борьбе «Солидарности» против коммунистической власти Польши. Через несколько лет Катынь стала общепольской национальной проблемой, на гребне которой «Солидарность» рвалась к власти. Продолжение замалчивания катынской темы и связанных с ней событий 1939 г. официальными властями Польши и СССР становилось нетерпимым.

Необходимо заметить, что советская официальная точка зрения на ситуацию 1939—1940 гг. была закреплена в так называемой исторической справке «**Фальсификаторы истории**» (1948 г.) Принудительное единомыслие, господствующее в странах соцлагеря до конца 1980-х годов предлагало только одну точку зрения, которая не давала ответ на ряд важных для граждан Польши и Прибалтики вопросов. Поэтому весьма популярной точкой зрения для многих стала другая, формируемая в разговоре за столом на кухне.

К сожалению, уход от всесторонней оценки острых конфликтных ситуаций продолжает доминировать и в официаль-

ной историографии современной России. Несмотря на то, что за последние годы выяснилась масса новых исторических подробностей и существенно изменились аргументы оппонентов, российские власти по ряду спорных исторических проблем («польская сентябрьская кампания» РККА 1939 г., «советская оккупация» Польши и Прибалтики и др.) продолжают использовать устаревшую аргументацию, не подозревая, что тем самым способствуют формированию в сопредельных государствах новых «качиньских» и «саакашвили».

Более того, оценка многих спорных исторических ситуаций, в основном, отдана на откуп антисоветски настроенным историкам «необольшевистского» толка, для которых главное — полностью разрушить все представления о социалистическом обществе, а потом... Российское руководство, занятое решением повседневных проблем, пока не сочло нужным уделить должное внимания спорным историческим проблемам.

Аналогичная ситуация сложилась к 1987 году и в польско-российских отношениях. Тогда по предложению главы польского государства генерала В.Ярузельского была создана двусторонняя комиссия историков СССР и Польши по вопросам истории отношений между двумя странами и, прежде всего, по катынскому вопросу. Однако по вине советской стороны, комиссия работала крайне медленно и неэффективно. Это позволило польской стороне взять инициативу в свои руки.

В результате в 1988 г. члены двусторонней комиссии польские историки Я.Мачишевский, Ч.Мадайчик, Р.Назаревич и М.Войцеховский провели так называемую «научно-историческую экспертизу» сообщения Специальной комиссии Н.Н.Бурденко, в которой они признали выводы комиссии «несостоятельными» (Катынь. Расстрел... С. 443). Никакой внятной реакции советских историков и официальных властей на польскую экспертизу не последовало. Это означало первую победу польской позиции в Катынском деле. Говорить после этого о выводах комиссии Н.Бурденко считалось «плохим тоном».

Несколько ранее, в декабре 1987 г., в ЦК КПСС была направлена записка «четыре» (Шеварнадзе, Яковлева, Медведева, Соколова) по катынскому вопросу в связи с намечаемой поездкой летом 1988 г. Горбачева в Польшу. Предлагалось обсудить записку на Политбюро ЦК КПСС 17 декабря 1987 г. и *«внести ясность в «Катынское дело»*. Однако по неизвестным причинам Горбачев вопрос с обсуждения снял. Об этой записке упоминает бывший консультант Международного отдела ЦК КПСС В. Александров в своем письме от 19 октября 1992 г. в Конституционный Суд по «делу КПСС» (Катынский синдром... С. 262).

Руководство ЦК КПСС вплоть до 1989 г. по поводу Катынского дела ограничивалось пропагандистскими заявлениями. Наиболее серьезным документом того времени стало постановление Политбюро ЦК КПСС от 5 апреля 1976 г. *«О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу», в котором предлагалось дать «решительный отпор провокационным попыткам использовать так называемое «Катынское дело» для нанесения ущерба советско-польской дружбе»* (Катынь. Расстрел... С.571—572).

В советское время катынская тема была закрытой даже для членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС. Пытаясь сломать завесу секретности в катынском деле, заведующему Международным отделом и секретарю ЦК КПСС В.Фалину в 1989 г. удалось добиться разрешения для историков Юрия Зори и Натальи Лебедевой работать в фондах закрытого Особого архива с документами Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД. Валентина Парсаданова, как член двусторонней советско-польской комиссии, уже работала в Особом архиве.

Ю.Зоря, получив возможность работать в фондах Особого архива, решил сравнить списки-предписания НКВД на конвоировании польских офицеров из Козельского лагеря с немецким эксгумационным списком, опубликованном в *«Amtliches Material zum Massenmord von Katyn»* («Официальные материалы о массовых убийствах в Катыни»).

В итоге он обнаружил совпадение фамилий при *«выборочном сравнении списков-предписаний на отправку пленных из Козельского лагеря в УНКВД по Смоленской области и эксгумационных списков из Катыни в немецкой «Белой книге»*. Их очередность совпала, что было весомым доказательством роли НКВД в уничтожении поляков в 1940 г.» (Катынский синдром... С. 290—291).

Другим доказательством вины советских органов госбезопасности в бессудном расстреле тысяч польских граждан стали документы конвойных войск об этапировании поляков поляков из Осташковского лагеря в распоряжение Калининского УНКВД. Историк Н.Лебедева утверждала, что эти документы позволяют утверждать, что польские военнопленные были расстреляны весной 1940 г.

На основании этих поспешных, косвенных и не вполне обоснованных утверждений (подробнее о версиях Зори и Лебедевой будет сказано ниже) заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.Фалин запиской от 23 февраля 1990 г. *«Дополнительные сведения о трагедии в Катыни»* сообщил М.Горбачеву о том, что советские историки обнаружили в фондах Особого архива, Центрального государственного архива Главного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции неизвестные документы и материалы о польских военнопленных. Они якобы позволили *«даже в отсутствии приказов об их расстреле и захоронении... сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни — дело рук НКВД и персонально Берии и Меркулова»* (Фалин. Конфликты. С. 346, Катынь. Расстрел. С. 579—580).

Записка Фалина и выводы историков во многом предопределили решение Горбачева о том, чтобы, без тщательного и всестороннего расследования обстоятельств Катынского дела, признать вину органов советской госбезопасности за массовое убийство польских военнопленных. Большое влияние на решение Горбачева оказало то, что весной 1990 г. в ходе подготовки официального визита в Советский Союз тогдашний руководитель Польши генерал В.Ярузельский по-

ставил категорическое условие, что он приедет в Москву, если будут названы виновники катынского преступления («Przegląd» / «Обозрение»/ № 16 за 18.04.07).

Это условие было выполнено. 13 апреля 1990 г. в день встречи М.Горбачева и В.Ярузельского в газете «Известия», без какого-либо судебного рассмотрения обстоятельств Катынского дела, появилось официальное «Заявление ТАСС о катынской трагедии» с признанием «...непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных» за гибель примерно 15 тысяч польских военнослужащих. В заявлении было подчеркнуто, что катынская трагедия: **«представляет одно из тяжких преступлений сталинизма»** («Известия», 13 апреля 1990 г.).

В.Ярузельскому был также передан **«корпус катынских документов из Особого архива»**, который включал список из 14.589 фамилий польских офицеров и военнопленных, содержащихся в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях зимой 1939—1940 г. Польская сторона к этому времени располагала так называемым **«Списком Мощиньского»**, состоящим из 9.888 фамилий. Многие фамилии из этого списка встречались в документах, переданных Горбачевым. В итоге поляки получили моральное право утверждать, что все **14.589** поляков являются **«жертвами Катыни»**.

В этой связи возникает вопрос о профессионализме или научной порядочности историков, работавших с польскими списками. В документах конвойных войск НКВД, этапировавших весной 1940 г. вышеуказанных 14.589 польских военнопленных, были четко указаны разные пункты назначения: Смоленское УНКВД, Калининское УНКВД и Харьковское УНКВД. Однако Заявление ТАСС было составлено таким образом, что местом гибели всех 14,5 тысяч польских военнопленных следовало считать Катынский лес. **Что это банальная ошибка в важнейшем документе или сознательная дезинформация?**

Кстати, Ярузельский получил списки, якобы расстрелянных польских офицеров со странной припиской, что, хотя распоряжения, позволяющие назвать точное время и конкрет-

ных виновников катынской трагедии, не выявлены, но можно сделать вывод о том, что **Катынь это дело рук НКВД.**

Подобная трактовка событий 1989—1990 гг., обусловивших появление заявления ТАСС, является несколько упрощенной. Ситуация вокруг Катынского дела в 1987—1990 гг. была намного сложнее. К сожалению, информация об этой ситуации пока циркулирует только на уровне слухов. С абсолютной уверенностью можно утверждать лишь то, что основную роль в этом процессе сыграли два обстоятельства. **Во-первых**, традиционно неопределенная и непоследовательная позицию Горбачева по катынской проблеме. **Во-вторых**, наличие в окружения Горбачева влиятельных партийных деятелей, крайне заинтересованных в скорейшем признании советской вины за Катынь.

Польско-советское катынское противостояние, еще до заявления ТАСС, можно было бы перевести в русло конструктивного советско-польского диалога, Это Горбачеву предлагали советские историки, работавшие в совместной Комиссии по сложным историческим вопросам. Но Горбачев как всегда выжидал, надеясь, что конфликт разрешится сам собой. Он и разрешился **прямым ультиматумом польской стороны.** Напомним, что большинство межгосударственных конфликтов при Горбачеве заканчивались аналогично.

Не случайно после развала СССР Горбачев **и в мемуарах, и в интервью избегает темы, касающейся санкционирования им опубликования вышеупомянутого заявления ТАСС от 13 апреля 1990 г. о признании вины НКВД СССР за катынское преступление.** К этому времени Горбачев, как он пишет в мемуарах **«Жизнь и реформы»**, знал только о документах из **«закрытого пакета № 1».** По его словам они **однозначно подтверждали версию комиссии Бурденко.**

Как юрист, Горбачев должен был понимать, что гипотез и рассуждений историков о вине НКВД за Катынь и упомянутого ультиматума Ярузельского, явно недостаточно для того, чтобы признать советскую вину. В крайнем случае, можно было сделать заявление ТАСС, в котором заявить, что СССР начи-

нает новое официальное расследование катынской трагедии с привлечением польской стороны. Но этого не последовало.

Объясняют это тем, что, якобы в Заявлении ТАСС говорилось не о вине СССР, а об ответственности сталинизма, которое нельзя отождествлять с Советским Союзом. Это наивная и глупая отговорка. Значение она имела лишь для Горбачева и его окружения, которое настаивало на такой формулировке заявления. Еще раз следует подчеркнуть, что подобное развитие событий в катынском противостоянии стало возможным вследствие того, что в окружении Горбачева в то время активно действовали люди, поставившие цель свести счеты с советской властью. Для этого достаточно прочитать воспоминания бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК, а в последние годы ярого антикоммуниста, Александра Яковлева.

Особо следует подчеркнуть, что в этот «смутный» для Катынского дела период публикацию подлинных архивных документов, подтверждающих версию комиссии Бурденко, начал «Военно-исторический журнал». Это была инициатива тогдашнего главного редактора журнала, генерала Виктора Ивановича Филатова. Корреспонденты «ВИЖ» провели журналистское расследование и опубликовали ряд воспоминаний важнейших свидетелей по Катынскому делу: Б.Тартаковского, Р.Свентека, Ф.Гаека и др. Материалы вызвали огромный интерес у советских читателей.

Они же вызвали негодование сотрудников польского посольства в Москве, к которым присоединился глава Советского государства Президент М.Горбачев. Он дал команду разобратся не с опубликованными в журнале свидетельствами, а с редактором «ВИЖ» Филатовым.

Что же касается жертвы Горбачева в плане признания вины за Катынь, то она оказалась напрасной, как, впрочем, все, что он делал. Отношения с Польшей не улучшились. Наоборот, польское руководство получило прекрасную возможность усилить давление на СССР. Польша, имеющая перед СССР и Россией большие прегрешения, всегда занимала в исторических спорах активную наступательную позицию,

которая обеспечивала ей преимущество в польско-советских, а впоследствии — польско-российских отношениях.

Наиболее объективно поведение польской стороны было изложено в записке (№ 06/2—223 от 29 мая 1990 г.) членов Политбюро ЦК КПСС А.Яковлева и Э.Шеварнадзе: «**О наших шагах в связи с польскими требованиями к Советскому Союзу**» (см. раздел Приложения).

В записке говорилось: «Польская сторона, освоившая за эти годы методику давления на нас по неудобным вопросам, выдвигает сейчас группу новых требований, нередко вздорных, и в совокупности неприемлемых. Министр иностранных дел К.Скубишевский в октябре 1989 г. поставил вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий и проживающим в настоящее время на территории Польши (по польским оценкам — 200—250 тыс. человек).

...Цель этих требований раскрыта в польской прессе — списать таким способом задолженность Польши Советскому Союзу (5,3 млрд. руб.)».

Далее в записке А.Яковлев и Э.Шеварнадзе предлагали выдвижение встречных исков к Польше. Политбюро ЦК КПСС 4 июня 1990 г. согласилось с этими предложениями, но иски так и не были предъявлены, а польский долг СССР в 1992 г. бесследно исчез.

Следует подчеркнуть, что Горбачев дал указание признать вину сталинского руководства «за злодеяния в Катынском лесу» в самом начале официального расследования обстоятельств гибели польских офицеров, при отсутствии каких-либо выводов о виновниках преступления. Соответственно, **юридических оснований в апреле 1990 г. для признания советской вины за катынский расстрел не было.** Решение по Катыни Горбачев принял **чисто из политических соображений.** Но в дальнейшем это предопределило заданную направленность в работе советских прокуроров.

Начало расследования катынского преступления следует отнести к 22 марта 1990 года. Тогда прокуратура Харьков-

ской области возбудила уголовное дела по факту обнаружения захоронений в лесопарковой зоне Харькова. Далее 6 июня 1990 года прокуратура Калининской области возбудила дело о судьбе польских военнопленных, содержащихся в Осташковском лагере и бесследно исчезнувших в мае 1940 года.

Вскоре эти дела были переданы в Главную военную прокуратуру (ГВП) СССР и 27 сентября 1990 г. оба дела были объединены в одно уголовное дело № 159 «**О расстреле польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР в апреле-мае 1940 г.**». Это и считается началом официального расследования катынского преступления. Следователи ГВП были ориентированы на **правовое оформление политического решения Горбачева о виновности бывших руководителей СССР и НКВД.** Делу следовало придать юридически законченную форму и закрыть за смертью обвиняемых.

Уже 17 мая 1991 года Генеральный прокурор СССР Н.Трубин информирует Президента СССР Михаила Горбачеву о том, что: *«Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД».*

Это свидетельствует о том, что тогдашний Генеральный прокурор СССР даже не удосужился ознакомиться с Положением об Особом совещании при Народном комиссариате внутренних дел, опубликованном в «**Собрание узаконений СССР**» № 11, 1934 г. Не удосужились сделать этого и его сотрудники, занимавшиеся следствием. В то же время, согласно этому Положению, Особое совещание в 1940 г. не имело права приговаривать к высшей мере наказания — расстрелу. Такой поверхностный подход сопровождал следствие по Катынскому делу вплоть до его завершения.

Заканчивалось письмо Трубина фразой: *«...Судя по поведению польской стороны, не исключено, что по окончании следствия правительством Польши будет поставлен вопрос о возмещении материального ущерба по каждому погибшему польскому военнослужащему»* («Военные архи-

вы России», с. 166—167). Однако Михаила Сергеевича всегда больше волновали личные материальные интересы, нежели государственные. Поэтому заключительная информация Трубина осталась им незамеченной.

После развала Союза дело № 159 перешло в Главную военную прокуратуру России. Ранее данная политическая установка по катынскому делу теперь приобрела ярко выраженный антисоветский характер. Необходимо было на примере Катynи подтвердить **бесчеловечность** советского режима.

Основную работу по формированию концепции уголовного дела № 159 осуществила комиссия экспертов, работавшая при Главной военной прокуратуре России в 1992—1993 году под руководством академика Бориса Топорнина. В период работы комиссии экспертов произошло событие, кардинально изменившее ситуацию с Катynским делом. Якобы в Архиве Президента РФ 24 сентября 1992 года был обнаружен и вскрыт «закрытый пакет № 1» по Катynи с документами ЦК ВКП(б), НКВД и КГБ СССР, обвиняющие довоенное советское руководство в санкции на расстрел польских военнопленных.

Найденные в пакете катынские документы, прежде всего, письмо Берии Сталину № 794/Б от «_» марта 1940 г., одновременно являющимся решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и письмо Шелепина Хрущеву Н-632-ш от 3 марта 1959 г. «подтверждали», что расстрел польских военнопленных был осуществлен по указанию довоенного сталинского руководства. С этого момента Катynское дело приобрело совершенно иное звучание. Вина СССР в гибели 21 857 польских военнопленных стала **считаться абсолютно доказанной**.

Копии катынских документов с большим ажиотажем были предъявлены польской и российской общественности. После этого многие решили, что под запутанной и противоречивой историей Катynского дела **подведена окончательная черта**.

2 августа 1993 г. вышеназванная комиссия экспертов представила в ГВП Заключение, которое, по сути, представ-

ляло немецко-польскую версию катынского преступления. Эксперты ГВП безапелляционно заявили о доказанности безусловной вине предвоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных весной 1940 год. Сам расстрел был квалифицирован «как геноцид» и «тягчайшее преступление против мира, человечества» (Катынский синдром... С. 491—492).

Это заключение легло в основу постановления, которое 13 июля 1994 г. вынес руководитель следственной группы ГВП й Яблоков (Третьцкий к этому времени перешел на другую работу). В постановлении довоенные советские руководители, организаторы и исполнители расстрелов были признаны виновными. Этим же постановлением расследование уголовного дела № 159 прекращалось за смертью виновных.

Руководство ГВП, а затем и Генеральной прокуратуры РФ с указанной выше квалификацией катынского преступления не согласились. Постановление о прекращении уголовного дела № 159 от 13 июля 1994 г. было отменено и дальнейшее расследование было поручено другому прокурору.

В 1994 г. появились первые сведения о судьбе польских граждан, содержащихся в 1940 г. в тюрьмах Западной Украины. 5 мая 1994 г. зам. начальника Службы безопасности Украины генерал А.Хомич передал зам. генпрокурора Польши С.Снежко поименный алфавитный список 3435 заключенных тюрем западных областей УССР, чьи так называемые «*личные тюремные дела*» были в ноябре 1940 г. пересланы в Москву в 1-й Спецотдел НКВД СССР.

Список сразу же был опубликован в Польше, и стал условно именоваться «украинским списком». Заметим, что в сопроводительном письме от 25 ноября 1940 г. за подписью начальника 1-го Спецотдела НКВД УССР старшего лейтенанта госбезопасности Цветухина, перечисленные в списке лица именуются «арестованными». Это косвенное свидетельство того, что в ноябре 1940 г. эти люди были еще живы. Однако окончательная судьба бывших польских граждан из «украинского списка» не ясна, так как других документов, помимо

списков переданных в Москву «личных тюремных дел», обнаружить не удалось.

Документы, позволяющие сформировать так называемый «белорусский список», до сих пор не обнаружены. В марте 2010 г. в польских СМИ прошла информация о том, что, якобы Путин 7 апреля в Катynie передаст Туску «белорусский список». Но ожидания не оправдались.

21 сентября 2004 г., после 9 лет дополнительного расследования, уголовное дела № 159 было вновь прекращено. Большинство материалов по делу засекречено, вина довоенного советского руководства за расстрел польских военнопленных подтверждена, однако было отвергнуто утверждение польской стороны «о геноциде польского народа». Главная военная прокуратура РФ также не нашла оснований для признания граждан Польши репрессированными. Уголовное дело в отношении бывших советских руководителей, виновных в смерти польских военнопленных, было прекращено в связи с их смертью.

Польская сторона не согласилась с «*российской интерпретацией катынского преступления*», прежде всего, в плане отрицания версии о «*геноциде польского народа*» и нежелания российской стороны признать расстрелянных поляков «*жертвами политических репрессий*».

В марте 2005 г. польский Сейм принял резолюцию, в которой назвал катынское преступление «*бесчеловечным убийством военнопленных*» и реализацией совместного плана III рейха и Сталина по уничтожению польской элиты, а также самых достойных и патриотичных польских граждан». Резолюция была направлена российскому правительству с требованием признать «*геноцидом расстрел польских офицеров сотрудниками НКВД у деревни Катynie в Смоленской области в 1940 году*». В официальном польском документе подобное требование появилось впервые (см. приложения).

Польша сложившуюся ситуацию пыталась использовать как повод для перевода катынской проблемы под юрисдикцию международного права. В этом активно участвовали польские родственники жертв катынского преступления, ко-

которые добивались признания расстрелянных польских офицеров жертвами политических репрессий и требовали их реабилитации. Иски польских родственников неоднократно рассматривались Басманным судом и Мосгорсудом, но положительного решения в пользу польской стороны так и не было принято.

Противостояние российской судебной системы и польских родственников погибших в Катыни офицеров закончилось 29 января 2009 г. В этот день военная коллегия Верховного суда РФ признала законным прекращение уголовного дела о массовых убийствах пленных польских офицеров в 1940 г. Это решение Верховного суда открыло для поляков возможность обращения в Страсбург.

В конце ноября 2009 года Европейский суд по правам человека в Страсбурге принял к рассмотрению иски семей польских военнопленных офицеров, расстрелянных в Катыни. Рассмотрению этих исков придан приоритетный статус. Теперь Россия ожидает вердикт европейского правосудия.

Видимо, в этой связи в 2010 г. в российской позиции по Катынскому делу произошли существенные изменения. Как отмечалось, в апреле российское руководство подтвердило «государственную оценку» катынского преступления, данную в 1990-е годы Горбачевым и Ельциным. Тогда же на Интернет-сайте Росархива появились электронные цветные сканы катынских документов из так называемого «закрытого пакета № 1» бывшего архива Политбюро ЦК КПСС.

21 апреля 2010 г. Верховный суд России удовлетворил жалобу общества «Мемориал» на отказ Московского городского суда признать незаконным засекречивание постановления Главной военной прокуратуры о прекращении расследования уголовного дела о расстреле польских военных в Катыни в 1940 г. В мае польской стороне были переданы первые 67 томов этого уголовного дела.

Напомним, что польская сторона с 30 ноября 2004 г. ведет независимое от России расследование Катынского дела. Им занимаются 16 прокуроров польского Института национальной памяти. Несомненно, полученные от России тома

уголовного дела № 159 будут включены в польское следственное дело. Ну, а далее польская сторона поведет себя в соответствии с решением Европейского суда.

Российский президент Медведев 8 мая 2010 г. при передаче первых 67 томов уголовного дела № 159 и. о. президента Польши Коморовскому заявил, что расследование катынского преступления будет продолжено. Однако 31 мая 2010 г. Главный военный прокурор России Сергей Фридинский сообщил, что новое расследование уголовного дела № 159 не может быть начато в силу требований российского процессуального законодательства. Статья 193—17 УК РСФСР (1926 года), по которой было квалифицировано катынское преступление, предусматривает срок давности 10 лет. Он давно истек.

Одним словом, Катынское дело в очередной раз попало в капкан российского законодательства, с чем польская сторона вряд ли смирится. Одна надежда на то, что Президент в России, это Президент! В его силах внести через российский парламент изменения в процессуальное законодательство, позволяющие возобновить расследование уголовного дела № 159. Хотя после последних заявлений Медведева о безусловной вине сталинского руководства за Катынь, надежды на продолжение расследования катынской трагедии исчезли.

В этой ситуации Польша пока ждет решения Европейского суда по правам человека. Однако российские политики после визита Медведева в Польшу еще больше уверовали в «перезагрузку» польско-российских отношений и преодоление катынского противостояния. Но, видимо, это не вполне оправданные ожидания. Для этого достаточно проанализировать ситуацию, складывающуюся в Польше после визита Медведева.

Поляки в декабре 2010 г. весьма благожелательно приняли российского президента. Аналогично в Варшаве принимали Генерального секретаря ЦК КПСС М.Горбачева, а в августе 1993 г. — президента России Б.Ельцина. Однако после «теплых» встреч поляки предъявили СССР, а впоследствии и России ряд претензий.

Заметим, что в декабре 2010 г. польский президент Коморовский демонстрировал Дмитрию Медведеву президенту полное взаимопонимание. Коморовский даже заявил о **конце застоя в польско-российских отношениях**. Однако, распрощавшись с Медведевым, он вылетел в Вашингтон. Там, во время беседы с президентом США Бараком Обамой польский президент заявил, что Польша не готова к **«перезагрузке»** отношений с Россией. *«Когда живешь бок о бок с кем-то на протяжении тысячи лет, невозможно перестроить все прошлые отношения одним нажатием кнопки «перезагрузка». Мы не готовы полностью перезагрузить и стереть тысячу лет беспокойных отношений с россиянами».*

По мнению Коморовского, отношения с Россией следует строить по принципу **«доверяй, но проверяй»**. Польша не должна сразу **«входить в глубокую воду, не зная, есть ли там необходимое количество воды»**. Свои заявления Коморовский подтвердил действиями. Известно, что в ходе переговоров президентов Польши и США были достигнуты договоренности о том, что в Польше будет **развернута американо-европейская ПРО**. Это явно антироссийский шаг. Однако, видимо, наших польских «друзей» мнение России по поводу размещения американских антиракет в Польше не очень волнует. После таких польских сюрпризов России следует серьезно подумать, а какую неожиданность Польша может преподнести в дальнейшем?

Следует также иметь в виду, что Польша это не только сторонники Туска и Коморовского, доброжелательно принимавшие Медведева. Почти половина поляков поддерживает Ярослава Качиньского. 8 декабря 2010 г. он на пресс-конференции так заявил, что в ходе визита российского президента **«польская сторона не получила ясного ответа относительно позиции российского государства, представленной в Европейский суд по правам человека»**.

Качиньский имел в виду противоречие между политической оценкой катынского преступления, провозглашаемой российском руководством и правовой, изложенной в ответе российского Минюста в Страсбург. Об этом следует расска-

зять подробнее. Это противоречие может стать поводом для нового обострения польско-российских отношений.

Как известно, Россия на высшем политическом уровне признала ответственность сталинского руководства за гибель 21.857 польских граждан. Однако, российский Минюст в марте и октябре 2010 г., отвечая на иски польских родственников катынских жертв, рассматриваемые Европейским судом, сообщил, что российским *«следствием достоверно установлена гибель в результате исполнения решений «тройки» 1803 польских военнопленных, установлена личность 22 из них».*

Действия *«конкретных высокопоставленных должностных лиц СССР»*, которые обусловили гибель этих польских военнопленных, были квалифицированы следствием *«по п. «б» ст. 193—17 УК РСФСР (1926 г.), как превышение власти, имевшее тяжёлые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств. 21.09.2004 г. уголовное дело в их отношении прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за смертью виновных».* Помимо этого Минюст РФ в своих ответах квалифицировал катынскую трагедию не как *«преступление»*, а как *«событие»*, что вызвало бурю негодования в Польше.

Выводы российского следствия по Катынскому уголовному делу № 159 позволяют утверждать, что с правовой точки зрения возлагать на сталинское руководство ответственность за гибель 21.857 польских граждан не правомерно. В итоге противоречие между правовой и политической оценками катынского преступления ставит Россию в положение известной унтер-офицерской вдовы.

Польские журналисты моментально уловили суть противоречия и накануне визита Медведева в Польшу задали ему вопрос по этому поводу. Ответ Дмитрия Анатольевича на этот вопрос чем-то напомнил ответы Горбачева на неудобные вопросы: *«Честно говоря, я даже не очень понимаю, о какой позиции Вы говорите, что это за позиция и кто ее выражал. Что касается политических оценок, то они все мною даны. И Вы знаете, о чем я говорил».*

Прежде всего, странно, что президенту неизвестна официальная российская позиция, заявленная в Европейский суд по правам человека. Напомним, что глава российского МИДа Сергей Лавров 2 сентября 2019 г., будучи в Варшаве, заявил, что *«вопросом Катынского следствия занимается лично президент Дмитрий Медведев»*. Ответ в Страсбург Минюст давал в октябре 2010 г. Получается, что российский Минюст не поставил президента в известность о направляемой в Страсбург официальной позиции России по Катыни?!

Помимо этого, очевидно, что в правовом государстве, которым, согласно Конституции, является Россия, при оценке преступлений не может быть **верховенства** политической оценки над правовой. В противном случае это **возвращает Россию в сталинские времена, когда политическая оценка преступлений была довлеющей**. В годы перестройки этот подход вновь реанимировал Горбачев. Тогда, без всякого расследования, исходя только из политической целесообразности, СССР признал вину за Катынь. К сожалению, ситуация апреля 1990 г. с сугубо политической оценкой Катыни повторилась в апреле и ноябре 2010 г.

Вызывает удивление, что президент при оценке следствия по Катынскому делу не применил критерии, которые он сам же сформулировал в отношении следствия по катастрофе самолета Леха Качиньского под Смоленском. Отвечая на вопрос относительно расследования этой катастрофы, Медведев на пресс-конференции в Варшаве заявил, что *«по всякому уголовному делу должно пройти полноценное следствие, базирующееся на исследовании соответствующих доказательств»*. К этому он добавил, что *«следователи должны досконально провести все следственные действия, все необходимые процедуры. Только в этом случае мы можем рассчитывать на объективность»*.

Согласно этим критериям, с правовой точки российское следствие по уголовному делу № 159 зрения никак нельзя назвать полноценным. Но, видимо, считается, что политическая оценка Катыни в таких критериях не нуждается. Однако, не следует забывать, что Польша не оставит проблему двой-

ственной оценки катынской трагедии. И, хотя в декабре в Варшаве поляки предпочли пока не акцентировать проблему противоречивости российской оценки катынского преступления, но в будущем эта тема несомненно «всплывет».

С учетом вышеизложенного, необходимость в объективном и непредвзятом анализе основных аспектов и событий Катынского дела становится крайне актуальной. В нашем исследовании внимание будет сосредоточено на **пяти основных событиях катынской эпопеи.**

Это: геббельсовская пропагандистская кампания 1943 года по поводу обнаружения массовых захоронений польских военнопленных в Козьих Горах-Катыни; немецкая эксгумация этих захоронений в том же 1943 г., научно-историческая экспертиза Сообщения Специальной комиссии Н.Бурденко 1944 г., осуществленная в 1988 г. польскими историками; обнаружение в декабре 1991 г. и в сентябре 1992 г. документов Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД-КГБ СССР из «особого пакета № 1» и 14-летнее расследование Главной военной прокуратурой РФ уголовного дела № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД в апреле — мае 1940 г.». Рассмотрим их подробнее.

Дело Геббельса живет и процветает

Особый интерес представляют обстоятельства развертывания нацистами пропагандистской кампании по поводу захоронений польских офицеров в Козьих Горах в Катынском лесу. В известных публикациях российских историков им уделено крайне мало внимания. А они вызывают не только вопросы. Реальные обстоятельства обнаружения катынских захоронений позволили бы уяснить ряд туманных аспектов Катынского дела.

Эта тема была рассмотрена российским публицистом и писателем Владимиром Бушиным в статье «**Преклоним колена, пани...**», опубликованной в минской газете «Мы и вре-

мя» (№ 27—28. Июль 1993 г.). В.Бушин особо акцентирует высказывания главного нацистского пропагандиста «катынского дела» Й.Геббельса. Они позволяют понять технологию рождения «катынского дела».

18 апреля 1943 г. министр имперской пропаганды III рейха Геббельс утверждал, что Катынское дело «идет почти по программе» (ГАРФ. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 29). Не означает ли это, что в деле с самого начала все было запрограммировано? На эту мысль наводят, в частности, и сами обстоятельства выявления катынских захоронений.

В немецкой версии утверждается, что весной или летом 1942 г., местный житель Парфен Киселев, показал катынские могилы полякам из организации Тодта, привезенным на строительные работы в Смоленск. Те, выяснив, что в могилах захоронены расстрелянные польские офицеры, поставили березовые кресты и доложили немецкому командованию. Но немцы, якобы тогда не проявили к этой находке никакого интереса (Катынь. Расстрел... С. 422).

Тот же П.Киселев на допросе в немецкой секретной полевой полиции 28 февраля 1943 г. утверждал, что весной 1942 г. он пошел в катынский лес, где обнаружил несколько холмов, под которыми, по его мнению, были захоронены польские офицеры (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. С. 26).

В отчете секретаря немецкой полевой полиции Людвиг Фосса (Voss), врученного судье доктору Конраду говорилось, что *«Первое известие о массовых могилах в Катыни мы получили в феврале 1943 г. В катынском лесу были обнаружены холмики, которые при внимательном обследовании оказались делом рук человеческих».*

Однако Юзеф Мацкевич, польский журналист из Вильнюса, в своей книге «Катынь» утверждал, что в 1943 г. в Козьих горах (Косогорах) холмов на месте захоронений не было: *«Показания свидетелей о том, что Косогоры давно служили местом расстрелов, было легко проверить. Поэтому немцы распорядились раскопать указанные места. Было обнаружено 11 могил, вернее рвов, поверхность ко-*

торых давно слилась с поверхностью леса» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Это подтвердил и Фердинанд Гетль, председатель польского Общества писателей и журналистов, находившийся в составе первой польской делегации, вылетевшей из Варшавы в Смоленск 11 апреля 1943 года и побывший в Козьих Горах 12 апреля. В своем отчете он пишет, что: *«мы... быстро научились распознавать еще не вскрытые могилы. Края их были несколько запавшими, поверхность неровной, к тому же повсюду на них были высажены маленькие сосенки, несомненно специально здесь помещенные»* (Цитируется по книге В.Абаринова «Катынский лабиринт»).

Налицо явное противоречие. Киселев и Фосс утверждают, что на месте захоронений были холмики, а Мацкевич и Гетль — что практически ровное место. Если учесть, что буквально через год, земля на месте захоронений оседает, то, согласно Киселеву и Фоссу получается, что могилы в Козьих Горах были относительно свежие. Мацкевич и Гетль настаивали на другом. В этой связи приведем еще одно свидетельство, несколько проясняющего ситуацию.

Особого внимания заслуживает свидетельство Теофила Рубасиньского (Teofil Rubasiński). Он считается в Польше первооткрывателем катынских могил (<http://www.polskatimes.pl/stronaglowna/242209,to-ja-odkrylem-groby-w-katyniu,id,t.html>). Его свидетельство расценивается, как важнейшее подтверждение расстрела польских военнопленных сотрудниками НКВД в Катынском лесу.

В 1941—42 гг. Рубасиньский служил кузнецом в немецком ремонтно-восстановительном поезде № 2005 («Bauzug 2005»), дислоцировавшемся в Смоленской области недалеко от станции Гнездово. По рассказу Рубасиньского в конце марта 1942 г. к работавшим в поезде полякам подошла местная полька и сообщила, что в Козьих Горах захоронены три с половиной тысячи расстрелянных польских офицеров. В качестве доказательства своей правоты женщина принесла полякам офицерскую фуражку подпоручика пехоты по фамилии Качмарек (Kaczmarek) из города Владимира-Волынского.

Якобы тот с криком «*Jeszcze Polska nie zginęła!*» выбросил ее в момент пересадки из поезда в машину. НКВД искало фуражку, но местные жители ее спрятали и отдали польке.

Фуражку поляки отдали начальнику поезда немцу Заунеру, который вскоре сообщил им, что Советы возили из Гнездово поляков на расстрел в Козьи Горы. Однако **не все поляки поверили этой информации**. В ближайший выходной день Рубасиньский с Зигфридом Муселяком (Zygfryd Musielak) и Яном Ваховяком (Jan Wachowiak) отправились искать трупы расстрелянных польских офицеров. Указанная женщиной территория была огорожена, но они сумели проникнуть внутрь и сразу же обнаружили хорошо заметную четырехугольную насыпь, оказавшуюся братской могилой. В ней на небольшой глубине лежали трупы, но не в польских, а в **румынских, эстонских и литовских мундирах**.

На обратном пути Рубасиньский с друзьями встретили местного жителя Парфена Киселева, который за сигарету показал им «**польскую**» могилу, находившуюся на той же огороженной территории примерно в 800 метрах от первой братской могилы. Она была больше первой по площади и также **заметно возвышалась** над окружающей местностью. Земля была еще мерзлой и буквально после пары ударов киркой показались тела польского майора и капитана. Вид у них был страшный, но мундиры и знаки различия на трупах польских офицеров были «в очень хорошем состоянии». (To był straszny widok. Mundury i dystynkcje zachowały się jednak w bardzo dobrym stanie).

Рубасиньский с товарищами над обнаруженным польском захоронением установили березовый крест, потом другой. Рубасиньский убежден, что поляков расстреляли Советы. Однако, по свидетельству немецкого полковника Аренса, которое приводится ниже, березовый крест в Козьих горах находился не на небольшом возвышении, как утверждает Рубасиньский, а на «кургане». Этот крест Аренс видел не в марте 1942 года, а в конце 1941 года, когда земля покрылась снегом. В этом случае возникает вопрос, кем, когда и где был установлен крест, который видел Аренс? И можно ли утверждать,

что захоронения, выявленные Рубачиньским, были вскрыты немцами в 1943 г.?

Отметим также, что согласно немецким «*Amtliches Material...*» захоронения в Козьих Горах были тщательно замаскированы сотрудниками НКВД, для чего их поверхность сровнена с окружающей местностью, а на самих могилах посажены молодые хвойные деревца. Возникает вопрос: если захоронения не возвышались над поверхностью и были замаскированы, то какие захоронения открыл Рубасиньский весной 1942 г., если он говорит о хорошо заметных возвышениях?

Весной 1942 г. мундиры на трупах, обнаруженных Рубасиньским, были в отличном состоянии. Что же касается их страшного вида, то специалисты говорят, что даже месяца с небольшим достаточно для того, чтобы покойник, захороненный без гроба, внушал ужас. Эти признаки в большей степени свидетельствуют о том, что захоронения, найденные Рубасиньским были достаточно свежими. Но, оставим оценки экспертам.

Как видим свидетельство Рубасиньского неоднозначно. Тем не менее, оно, казалось бы, безоговорочно обвиняет НКВД. Особенно ситуация с фуражкой подпоручика Качмарека, которую искали НКВДдисты. Но эта фуражка в 1942 году почему-то убедила не всех поляков, работавших в немецком поезде. Видимо, кто-то из поляков знал, что Рубасиньский одно время носил фамилию Кочмарек. Весьма странное совпадение в ситуации, которую описывает Рубачиньский. Одним словом, со свидетельством Рубачиньского, не все так просто, как кажется.

Достаточно странной представляется и реакция немца, непосредственного начальника поляков из «*Bauzyg 2005*», заинтересовавшегося беседой своих подчиненных с неизвестной местной жительницей. Услышав про расстрелянных вблизи Гнездово польских офицеров, он не стал вдаваться в подробности, а сразу же поспешил успокоить своих коллег-поляков: «*Ваши офицеры сидят в немецких офлагах и вернутся домой, когда кончится война*».

Отметим также, что по утверждению Рубасиньского трупы польских офицеров были присыпаны лишь **небольшим** слоем земли. Напомним, что рядом с захоронениями поляков находилась госдача НКВД, в которой по утверждению бывшего сотрудника Калининского УНКВД Петра Климова **«в то время, когда был расстрел поляков, и после этого здесь, в Смоленске, в Козьих горах, бывали Каганович Л.М., Шверник, еще помню, глушили на Днепре рыбу. Отдыхал в Козьих горах еще Ворошилов К.Е.»** (Жаворонков. О чем молчал Катынский лес... С. 111).

Можно представлять советских руководителей «монстрами», что постоянно делают защитники немецко-польской версии, но одно очевидно. Многотысячное захоронение без гробов в 500 м. от правительственной дачи представляло собой своеобразную бактериологическую бомбу, не говоря уже о тяжелом трупном запахе в первые летние месяцы после расстрела.

Известно, что в СССР весьма внимательно следили за экологической обстановкой, в которой отдыхали члены Политбюро и ЦК ВКП(б). Медперсоналу, давшему согласие на отдых в подобном антисанитарном месте членов Политбюро, такая ситуация грозила уголовным делом по статье 58—8 УК РСФСР «Террористический акт» с соответствующими последствиями. Да, и сами руководители не пошли бы на это. Разве в Советском Союзе было мало заповедных дач?

Кстати, в официальном немецком отчете утверждается, что трупы польских офицеров были захоронены на глубине **не менее 1,5 метра**. Но и это не могло быть препятствием для трупного запаха жарким летом 1940 г. Помимо этого вновь возникает вопрос, **какие же могилы открыли Рубасиньский с товарищами, если в обеих найденных ими могилах трупы находились практически на поверхности?**

Профессор судебной медицины Ф.Гаек из Праги акцентировал внимание на зловонном трупном запахе из катынских захоронений. В «Катынских доказательствах» он писал о невозможности нахождения «оздоровительного учреждения» рядом с массовыми захоронениями. «Такое большое ко-

личество трупов было покрыто слоем песка толщиной всего около 1,5 метров, зловоние тысячи разлагающихся тел должно было обязательно распространяться в лесу» (Гаек. С.15).

Ужасный трупный запах в Козьих горах отмечали многие из очевидцев, побывавшие там в 1943 г. Трупный запах в местах массовых захоронений может присутствовать десятки лет. Военный прокурор Анатолий Яблоков, участник эксгумации захоронений в Медном под Калининым в 1991 году, рассказывал корреспонденту газеты «Сов. секретно» Владимиру Воронову о том, что: «Когда вскрыли, там был жуткий трупный запах, словно лежали тела совсем «свежие», только начавшие разлагаться... Мы так пропитались трупным запахом, что в течение нескольких месяцев, когда ехали в электричке, люди в ужасе от нас шарахались и выбегали из вагонов». Это через 50 лет, а что было в Козьих Горах летом 1940 г.?

Установлено, что немецким властям о польских захоронениях в Катыни было известно еще в конце 1941 г. или начале 1942 г. Сошлемся на протокол допроса Нюрнбергским трибуналом полковника Фридриха Аренса (Friedrich ARENS), командира 537 полка связи вермахта, дислоцировавшегося в 1941—1943 гг. в районе Козьих Гор.

На допросе Ф.Аренс показал, что: *«Вскоре после того, как я прибыл (Аренс прибыл в Козьи Горы 30 ноября 1941 г. Уточнение — В.Ш.), земля покрылась снегом, один из моих солдат показал мне, что вот место что-то типа кургана, на котором был березовый крест. Я видел этот березовый крест. В течение 1942 года мои солдаты твердили мне, что предполагается, в наших лесах имели место бои. Но сначала я не придавал этому никакого значения. Однако, летом 1942 года эта тема упоминалась в приказе генерала фон Герсдорфа (Rudolf-Christoph von Gersdorff). Он сказал мне, что также слышал про это»* (<http://katyn.codis.ru/nurkatyn.htm>).

Ситуация несколько прояснилась после вопросов помощника прокурора со стороны СССР Л.Н.Смирнова. Он спросил Аренса: *«Скажите, пожалуйста, почему Вы начали эксгумацию этих массовых захоронений только в марте*

1943-го, хотя обнаружили крест и узнали о массовых могилах уже в 1941-ом?».

АРЕНС: «Это была не моя забота, а дело армейской группировки. Я уже Вам говорил, что в течение 1942 эти рассказы стали более реальными. Я часто слышал про это и обсуждал это дело с полковником фон Герсдорфом, начальником разведки группы армии «Центр», который уведомил меня, что знает все про это дело, и что на этом мои обязанности заканчиваются. Я доложил о том, что слышал и видел...».

СМИРНОВ: «Я понял. А теперь скажите мне, при каких обстоятельствах или хотя бы когда Вы впервые нашли этот крест в роще?».

АРЕНС: «Я не могу назвать точную дату. Мои солдаты мне рассказывали про него, и, случайно проходя в том месте где-то около начала января 1942-го, хотя это могло быть и в конце декабря 1941-го, я увидел крест, возвышающийся из снега».

СМИРНОВ: Это означает, что Вы его видели уже в 1941 или, по крайней мере, в начале 1942?»

АРЕНС: «Я только что дал такие показания». (<http://katyn.codis.ru/nurkatyn.htm>).

К сожалению, представитель советского обвинения Смирнов не заинтересовался ролью начальника разведки группы армии «Центр» фон Герсдорфа в Катынском деле. Без реакции Смирнова осталось упоминание Аренса о приказе фон Герсдорфа по поводу катынских захоронений. В итоге ряд важных вопросов Катынского дела остался невыясненным.

Тем не менее, вышесказанное свидетельствует о том, что нацисты в начале 1942 г. а, вероятнее всего, уже в конце 1941 г. знали о захоронениях в Козьих Горах, как высказался полковник фон Герсдорф — «все». Кстати, упомянутый Ф.Гетль в отчете о посещении Катыни писал, что согласно информации, сообщенной ему «д-ром Грундманом из отдела пропаганды управления Генеральной Губернией... в местности, называющейся Козьи Горы, немецкая армейская разведка открыла огромные братские могилы, в ко-

торых лежат убитые польские офицеры» (Цитируется по книге В.Абарина «Катынский лабиринт»). Так кто же обнаружил захоронения в Козьих горах: немецкая полевая тайная полиция или армейская разведка во главе с фон Герсдорфом?

Ясно одно, что ссылка нацистов на «местных жителей» в 1943 г. служила им лишь прикрытием. Это свидетельствует о том, что немцы имели непосредственное отношение к катынскому преступлению и планировали использовать его в своих интересах. Весной 1943 г. время «катынской операции» настало. После Сталинграда, когда ситуация на Восточном фронте для немцев стала ухудшаться, у «нацистского руководства» возникла идея, используя «катынскую карту», не только нанести «мощный» пропагандистский удар не только по Советам, но и по антигитлеровской коалиции в целом.

Вероятно, «добро» на «катынскую операцию» давал лично Гитлер. 13 марта 1943 г. он прилетал в Смоленск и встречался с начальником отдела пропаганды вермахта полковником Хассо фон Веделем, офицеры которого уже работали на раскопках в Козьих Горах и готовили первичные пропагандистские материалы по Катынскому делу. 6 апреля 1943 г. на совещании по катынскому вопросу в Министерстве имперской пропаганды акцентировалась роль полковника Веделя (ГАРФ. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 29). Спустя полгода Гитлер присвоил Х.фон Веделю звание генерала (<http://militera.lib.ru/memo/german/below/04.html>).

Ровно через месяц после визита Гитлера, 13 апреля 1943 года «Радио Берлина» передало: **«По сообщению из Смоленска, местные жители известили немецкие власти о существовании там места массовых казней, где ГПУ было убито 10 тысяч польских офицеров...»** (В.Бушин. «Преклоним колена, пани...»). В то же время в официальном сборнике документов «Катынь. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы» приводится следующий текст сообщения Берлинского радио: **«Из Смоленска сообщают, что местное население указало немецким властям место тайных массо-**

вых экзекуций, проведенных большевиками, где ГПУ уничтожило 10 000 польских офицеров...»..

Надо учитывать, что текст сообщения в сборнике «Катынь. Расстрел...» переведен с польского языка (из сборника документов «Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów». London, 1980. S. 85), т. е. немецкий текст переводился дважды: на польский, а затем на русский. Известно, что при двойном переводе неизбежны неточности. Наши попытки найти в российских архивах оригинальный немецкий текст сообщения «Радио Берлина» от 13 апреля 1943 г. не увенчались успехом.

Возникает вопрос, к чему такая скрупулезность? Смысл в текстах сообщения фактически один и тот же. Различия в текстах несущественные, за исключением одного. В варианте В.Бушина жители «*известили*», а в сборнике «*указали*» немецким властям места массовых казней. Это имеет не только разный смысл, но и предполагает разную историю разворачивания первоначальных событий в Катынском деле. Соответственно, анализируя немецкую версию обнаружения захоронений в Катыни, это различие приобретает особое значение.

Начнем с того, что сообщение «Радио Берлина» не было началом Катынского дела. Напомним, что еще в феврале 1943 г. были осуществлены частичные раскопки захоронений в Катыни-Козьих горах и немецкая тайная полевая полиция начала официальные следственные действия. 6 апреля 1943 г., как отмечалось, в Министерстве имперской пропаганды по вопросу катынских захоронений состоялось совещание, на котором о ситуации доложил майор Бальцер.

Майор сообщил о том, как были обнаружены могилы в Катынском лесу. «Случайно(!) обер-лейтенант полевой полиции группы армий «Центр» догадался (!) о том, что там, по-видимому (!), лежат горы трупов, а именно в том месте, где находятся два березовых креста, которые были поставлены там год тому назад двумя поляками, которые нашли трупы при проведении раскопок. На этом месте, которое заметно благодаря молодым посадкам сосен, теперь проведены раскопки и установлено, что там лежат слоями

в 9—12 человек один над другим великое множество преимущественно или почти исключительно польских офицеров».

В.Бушин считает, что этим «заявлением Бальцер не только решительно опроверг рассказы геббельсовского радио о «местных жителях», которые и без того выглядели крайне сомнительно, но и подтвердил нашу догадку о запрограммированности Геббельсом всего дела с самого начала: мифический обер сделал свое дело, потом уж, когда программа была запущена, другой офицер полевой полиции, имя которого не было необходимости держать в тайне, — лейтенант Фосс, начал искать нужных свидетелей, и с этой целью 3 мая 1943 года опубликовал «Обращение к населению». Там не очень грамотно, но точно указывал, какие именно сведения требуются.

Вот такие возникают версии, недоумения и вопросы. И чем глубже погружаешься в дело, тем их больше» (В.Бушин. «Преклоним колена, пани...»). Последнее суждение В.Бушина особенно актуально для Катынского дела.

В этой связи представляет интерес суждение о катынской пропагандистской акции одного из ее организаторов, оберлейтенанта немецкой тайной полевой полиции (Geheime Feldpolizei) Грегора Словенчика. Скорее всего, именно он и был тем «мифическим» оберлейтенантом, который «догадался» о массовых захоронениях в Катынском лесу и которого упомянул в своем докладе майор Бальцер.

25 апреля 1943 г. Г.Словенчик направил в Вену своей семье письмо с «отчетом» о своих трудовых «подвигах» на благо Германии. Это письмо цитирует в своей книге «Катынь» Ю.Мацкевич, но без фраз, которые определяют его подлинное содержание. Полный текст письма на польском и немецком языке приводит польский журналист Болеслав Вуйцицкий (Boleslaw Wójcicki) в книге «Правда о Катыни», изданной в Польше в 1952 г. Представляем основные моменты этого письма.

...Пишу уже не из Смоленска, а в 14 км оттуда, где с утра до вечера вожусь с моими трупами. Это неприятные парни. Несмотря на это я люблю их, этих несчастных парней с искаженными лицами, насколько это можно разобрать на остав-

шихся костях. Люблю их горячо, ибо, благодаря им, я смог, наконец, сделать что-то для Германии. И это прекрасно.

Катынь, изобретателем (Словенчик использует термин «erfinder», что означает «изобретатель») *которой все же являюсь я, загружает меня непомерной работой. То, что здесь делается — все лежит на мне. Под моим руководством ведется эксгумация останков — чтобы всегда был соответствующий пропагандистский материал, я принимаю все делегации, прибывающие ежедневно самолетами, а также распространяю тезисы доклада, которые, между прочим, обрабатываю я, кроме того, работаю над книгой «Конец Катыни».*

В течение 4 недель я сплю по 4 часа, но дело так прекрасно и стоит того, что дает силы выдержать это. Самое прекрасное то, что все мои товарищи от Коменданта и до моего... говорят, что никто не смог бы так осуществить это дело, как этот австрийский поручик из Вены. ...Мое самое большое достижение сегодня — это срыв дипломатических отношений между СССР и Польшей.

...Может быть, после окончания пропагандистской акции у меня появится возможность получить несколько недель отпуска для написания моей книги» (Wójcicki. «Prawda o Katyniu». С.78—79).

Б.Вуйцицкий утверждал, что письмо Словенчика однозначно свидетельствует о том, что Катынь — дело рук немцев. С этим сложно согласиться. Из письма следует лишь то, что Катынь рассматривалась немцами, как существенный пропагандистский козырь в борьбе против СССР. Этот момент подчеркнул сам Словенчик в разговоре с Ю.Мацкевичем (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Однако не следует преуменьшать значение Словенчика а, следовательно, и его письма в Катынском деле. Бывший австрийский поручик, потом венский журналист, с фамилией, явно имеющий славянские корни, постоянно акцентировал в разговоре с Мацкевичем, что он немец. Попав на службу в немецкую тайную полевую полицию в качестве пропагандиста,

Словенчик всеми силами стремился доказать свою преданность Германии. Это явно прослеживается в тоне его письма.

О том, что Словенчик достаточно объективно охарактеризовал свою роль в Катыни, свидетельствует то, что буквально все прибывающие в Катынь делегации имели с ним дело. Грациан Яворовский (Gracjan Jaworowski), представитель Главного управления Польского Красного Креста в Варшаве, работавший в Козьих Горах в качестве члена Технической комиссии Польского Красного Креста с 8 мая 1943 г., в своем отчете называл Словенчика *«комендантом объекта»*, сопровождавшим делегации (*«Zeszyty Historyczny»*, Paris (France), 1978 г., № 45. С. 4).

Особый интерес представляют несколько фраз в письме Словенчика. Прежде всего, та, где он утверждал, что является *«изобретателем Катыни»*. Что Словенчик при этом имел в виду — свои предложения начальству по организации катынской пропагандистско-политической кампании или нечто большее, неясно. При этом надо иметь в виду, что Словенчик был убежден, что разрыв дипломатических отношений между СССР и Польшей — его заслуга.

Интересно, но нечто подобное 27 апреля 1943 г., т. е. через два дня после отправки письма Словенчиком, заявил сам рейхсминистр имперской пропаганды Геббельс: *«...мы должны отражать подозрения, что мы якобы изобрели катынское дело, чтобы вбить клин в неприятельский фронт»* (ГАРФ. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 29).

17 апреля 1943 г. Й.Геббельс констатировал: *«катынское дело приняло такой размах, которого он сначала не ожидал. Если бы мы теперь продолжали работать исключительно умело и точно, придерживались принципов, которые определены здесь на конференции, если бы мы далее позаботились о том, чтобы никто не выходил вон из ряда, то можно было бы надеяться, что нам удастся катынским делом внести довольно большой раскол во фронт противника»* (ГАРФ. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 29).

После сообщения *«Радио Берлина»* о Катыни все силы нацистских пропагандистов были брошены на раскручива-

ние Катынского дела. Они выполняли личную директивную установку главного нацистского пропагандиста Й.Геббельса о том, что: *«Центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни и далее будет сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство.*

Миру нужно показать на эти советские зверства путем непрерывной подачи все новых фактов. В особенности в комментариях надо, как это частично уже было, показать: это те же самые большевики, о которых англичане и американцы утверждают, что они якобы изменились и поменяли свои политические убеждения. Это те же самые большевики, за которых молятся в так называемых демократиях и которых благословляют в торжественном церемониале английские епископы. Это те же самые большевики, которые уже получили от англичан абсолютные полномочия на господство и большевистское проникновение в Европу...» (ГАРФ. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 29).

На том же совещании 17 апреля, говоря о катынском расследовании, Геббельс особо подчеркивал: *«Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать..., чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться».*

Особый упор Геббельс делал на эмоциональное воздействие катынского преступления на поляков: *«Глубокое впечатление, которое произвело все это дело на польский народ, необходимо изображать снова и снова посредством новых свидетельских показаний, передачи настроений из Кракова и т. д.*

Вообще, нам нужно чаще говорить о 17—18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т.д., так как это действует особенно потрясающе» (ГАРФ. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27 29).

Кстати, эта установка Геббельса до сих пор на вооружении у пропагандистов Речи Посполитой. Оценивая современные польско-российские отношения, необходимо с горечью признать — **«Дело Геббельса живет и процветает!»**

Необходимо напомнить, что Геббельс не испытывал какого-либо сожаления по поводу гибели польских офицеров. Более того, он неоднократно критиковал вермахт *«за излишне мягкое отношение к пленным польским офицерам»*. И тот же Геббельс вдруг проявил такое внимание к расстрелянным, «расово неполноценным» по его пониманию, польским офицерам?! Не вызывает сомнения, что у нацистов, помимо желания возбудить ненависть у Европы против «бесчеловечных большевиков», было большое желание замаскировать свои расстрелы поляков расстрелами НКВД. Ведь только в Смоленске и его ближайших окрестностях они уничтожили 135 тысяч человек, а на территории всей Смоленской области — около 450 тысяч!

Продолжим цитирование высказываний доктора Геббельса относительно организации немецкого «расследования» катынского преступления: *«Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии»*.

Странное указание, если учесть, что нацистам, якобы, было «точно известно» что в катынских могилах находятся только жертвы ГПУ-НКВД?! Какого «нежелательного оборота» боялся Геббельс? Помимо этого министр имперской пропаганды, а точнее дезинформации, опасался, как бы *«при раскопках не натолкнулись на вещи, которые не соответствуют нашей линии»*. Почему он был уверен, что такие вещи могут быть в раскопках?

Не об этих ли «вещах» сообщала телеграмма № 6 начальника управления пропаганды генерал-губернаторства Хейнриха, посланная 3 мая 1943 года из Варшавы в Краков Главному административному советнику Вайнрауху. Телеграмма была снабжена строжайшим грифом: **«Весьма важно. Немед-**

ленно». Ее текст был следующий: *«Секретно. Часть польского Красного Креста вчера из Катыни возвратилась. Служащие польского Красного Креста привезли гильзы патронов, которыми были расстреляны жертвы Катыни. Оказалось, что это немецкие боеприпасы калибра 7,65 фирмы Гекко. Письмо следует. Хайнрих»* (ЦГАОР. Ф. 7021, оп. 144, д. 38, л. 1).

В этой связи необходимо сказать о периодически цитируемых различными авторами фрагментах из дневника Геббельса, из которых, казалось бы, следует, что Геббельс Катынское дело называл *«аферой»*. Дело в том, что дневники Геббельса впервые были массово изданы в 1948 г. в Нью-Йорке и Лондоне в переводе на английский язык. Изданный тогда же в Цюрихе оригинальный немецкий вариант был мало кому доступен. На русский язык эти фрагменты дневников были переведены именно с английского текста, причем не вполне точно.

В результате английский термин *«affair»* (дело) был ошибочно переведен созвучным *«афера»*, а *«munition»* (боеприпасы) — созвучным *«амуниция»*. Советскому читателю ошибочный перевод предложил в 1968 г. чешский публицист Вацлав Краль в своей книге *«Преступление против Европы»* (Стрыгин. Рецензия на главу «Катынь» из книги А. И. Шиверских).

Более точный русский перевод этого фрагмента дневника Геббельса изложен в книге А. Деко *«Великие загадки XX века»*: *«К несчастью, в Катыни были найдены немецкие боеприпасы* (в книге Краля «обмундирование»). *Полагаю, это то, что мы продали Советам, еще когда дружили, и это хорошо им послужило... а может, они и сами побросали пули в могилы. Но главное, что это должно остаться в тайне. Поскольку если это всплывет на поверхность и станет известно нашим врагам, все дело* (в книге Краля «афера») *о Катыни лопнет»* (Деко. Великие тайны... С. 289).

Однако, несмотря на эти уточнения, смысл рассуждений Геббельса не меняется — он свидетельствует о страхе, что вся затея в Катыни может рухнуть. Значит, *«знала кошка, чье мясо съела»?*

В этой связи необходимо особое внимание обратить на технологию эксгумации и идентификации трупов польских военнопленных, осуществленной немецкими экспертами в марте-июне 1943 г.

Эксгумация по-немецки

Польская, а теперь и российская официальная позиция по Катынскому делу в основном базируется на результатах эксгумационных работ, осуществленных в Катыни-Козьих Горах в период с 29 марта по 7 июня 1943 г. немецкими экспертами во главе с профессором из Вроцлава Герхардом Бутцем, при участии представителей Технической комиссии Польского Красного Креста.

Примечание. Герхард Бутц — профессор университета Бреслау (Вроцлав), видный немецкий судебно-медицинский эксперт, директор Института судебной медицины и криминалистики Бреслауского университета. В время Второй мировой войны — глава судебно-медицинской лаборатории группы армий «Центр» в звании капитана, глава «Специальной команды ОКВ по расследованию большевистских зверств и действий, нарушающих международное право». В 1943 году — председатель немецкой комиссии по расследованию Катынского расстрела. По одной версии он погиб в 1944 году во время бомбежки, по другой — убит нацистами.

Наиболее четко позицию в отношении немецкого катынского расследования выразил премьер — министр Англии У.Черчилль. В письме Сталину от 24 апреля 1943 г. он написал: **«Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо «расследованию» Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания»** (Катынь. Расстрел... С. 423, 457). Анализ методики раскопок и опубликованных результатов эксгумации,

осуществленной немцами в Козьих горах, подтверждают выводы английского политика.

Черчилль сумел предугадать цену так называемым международным инспекциям и комиссиям, действующим под флагом Международного Красного Креста. Напомним, что МКК серьезно дискредитировал себя в ходе Второй мировой войны. Его представители инспектировали нацистские концлагеря и умудрились не заметить там системы, нацеленной на планомерное уничтожение пленных и заключенных.

Польское правительство в эмиграции поддержало немецкую версию катынского преступления. После 14 апреля 1943 г. газета польских коллаборантов в оккупированной Варшаве «Новый курьер Варшавский» начала публиковать списки катынских жертв с соответствующими комментариями. Вслед за этим польское правительство в эмиграции 17 апреля, несмотря на предостережение У.Черчилля, приняло решение обратиться в Международный Комитет Красного Креста (МККК) с просьбой выслать в Катынь комиссию, которая провела бы расследование.

По странному совпадению, именно в это время с аналогичной просьбой в МККК обратилась Германия, что зародило подозрение о совместном обращении поляков и немцев в МККК. Такой одновременный демарш вызвал крайне негативную реакцию руководства СССР, а также Великобритании и США. 26 апреля 1943 г. СССР разорвал дипломатические отношения с польским правительством в эмиграции. 28 апреля 1943 г. под давлением руководства Великобритании премьер-министр Сикорский отозвал польское обращение в МККК (Катынский синдром... С.157—162).

Пытаясь убедить мировое сообщество в своей объективности, нацисты постарались максимально привлечь иностранные и международные организации к работам по эксгумации тел, захороненных в Катыни. Однако Международный Красный Крест (МКК) не поддавался давлению Германии и отказался участвовать в расследовании.

Потерпев неудачу с МКК, нацисты спешно сколотили некую «Международную медицинскую комиссию» из пред-

ставителей 13 подконтрольных Германии стран и Швейцарии. Кстати, представитель Испании профессор Пига умело уклонился от выполнения немецкого задания и отстал от остальных членов комиссии в Берлине, а представитель вишистской Франции профессор Костедо наотрез отказался ставить свою подпись под итоговым документом.

28 апреля 1943 г. Международная комиссия прибыла в Катынь. Уже 30 апреля было готово заключение, утверждавшее, что расстрел польских офицеров был произведен советскими властями в марте-апреле 1940 г. Однако среди членов комиссии возникли разногласия, и они покинули Смоленск, не подписав этого заключения.

На обратном пути в Берлин немцы посадили самолет с экспертами на авиабазе в Бялой подляске (Польша), где им прямо в ангаре «ненавязчиво» еще раз предложили подписать вышеупомянутое заключение, датированное задним числом «Смоленск, 30 апреля 1943 г.». Выход у международных экспертов был один — подписать заключение. В мае 1943 г. текст заключения опубликовали в газетах, а в сентябре 1943 г. — в «**Amtliches Material zum Massenmord von Katyn**».

Польские историки особо подчеркивают, что нет никаких оснований сомневаться в честности и профессионализме доктора Бутца. Правда, они забывают указание Геббельса о том, чтобы руководство процессом эксгумации в Катыни взяли на себя *«исключительно политически подготовленные и опытные»* немецкие офицеры. Вряд ли доктор Бутц хотел иметь неприятности с гестапо или с ведомством Геббельса, особенно в вопросах, находящихся на личном контроле у фюрера?

Не случайно чешский профессор Ф.Гаек, один из тринадцати членов международной комиссии, посетившей Козьи Горы 28—30 апреля 1943 г. в своих «Катынских доказательствах» утверждал, что: *«Каждому из нас было ясно, что если бы мы не подписали протокол, который составили проф. Бутц из Вроцлава и проф. Орсос из Будапешта, то наш самолет ни в коем случае не вернулся бы»* (Гаек. Катынские до-

казательства. <http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=739&page=1>).

В 1947 г., упомянутый Ф.Гаеком проф. Орсос, в доверительной беседе с югославским разведчиком Владимиром Миловановичем, которого он считал ярким антикоммунистом, сообщил, что на основании того, что немцы скрывали в Катыни, он пришел к выводу, что польских офицеров расстреляли нацисты («Вечерне новости». Белград, март 1989 г. Абаринов. Катынский лабиринт. Глава «Лжеэксперты»)

По решению Польского Красного Креста (ПКК) 14 апреля 1943 г. в Смоленск прибыли 3 польских эксперта из состава Технической комиссии ПКК. В течение 3 дней немцы создавали надуманные предлоги отсрочки их появления в Козьих Горах. Поляки приступили к работе только 17 апреля. Следующие 12 представителей Технической комиссии во главе с доктором судебной медицины Марианом Водзиньским прибыли в Катынь 29 апреля 1943 г. Польская комиссия была демонстративно названа «технической», дабы подчеркнуть ее неофициальный характер. Она работала в Катыни-Козьих Горах до 9 июня 1943 г. (Катынь. Расстрел... С. 428, 480, 487).

Вот как ситуацию с участием поляков в немецкой эксгумации описывал очевидец этих событий уже упомянутый Грациан Яворовский, представитель Главного управления Польского Красного Креста в Варшаве, в своем отчете, в 70-х годах тайно переправленном на Запад: *«Эксгумация производилась под надзором немецкой жандармерии, а также какой-то польской жандармской части. (В ее состав входили молодые люди, главным образом из Львова, в немецких мундирах, но без немецких гербов на головных уборах).*

...Эксгумационные работы проводил доктор Водзиньский, явно выраженный наркоман. Ему помогали двое помощников-прозекторов, один пожилой, другой молодой. Оба вели себя безобразно, грабили трупы, даже отдирали подошвы с обуви убитых. В нашей группе, кроме меня, работали еще четверо поляков из Варшавы.

...С немецкой стороны мы испытывали постоянное давление, чтобы мы четко сказали, что преступление —

дело рук НКВД. Мы отказались сделать такое заявление. Но не потому, что у нас были какие-то сомнения, виновник был очевиден. Мы не хотели, чтобы нас использовали в гитлеровской пропаганде» («Zeszyty Historyczny», Paris / France/, № 45, 1978 г. С. 4)

В то же время Леопольд Ежевский в своей книге **«Катынь. 1940»** утверждал: **«Все показания членов польской комиссии свидетельствуют, что немецкая сторона предоставила им большую свободу исследований и выводов, не оказывая на них никакого давления»** (Ежевский. Глава «Расследование и политика»).

О поистине «большой» свободе исследований поляков во время эксгумации в Катыни свидетельствует отчет Технической комиссии Польского Красного Крест, в котором говорится: **«Члены комиссии, занятые поиском документов не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать следующие документы: а) бумажники...; б) всевозможные бумаги...; в) награды...; г) медалионы...; д) погоны...; е) кошельки; ж) всевозможные ценные предметы»** (Катынь. Расстрел... С. 481).

Польские технические исполнители лишь складывали предметы, найденные на трупах русскими чернорабочими, в пронумерованные конверты, которые вслед за этим немедленно запечатывались и помещались на столе. Два раза в день, в полдень и вечером, запечатанные конверты опраивали с немецким мотоциклистом в бюро секретариата тайной полиции.

Последующее изучение документов и установление фамилий жертв, хоть и проводилось в присутствии поляков, но позднее и в другом месте, куда упакованные пакеты доставлял, как отмечалось выше, немецкий мотоциклист (Катынь. Расстрел... С. 482). **Что происходило с конвертами с момента, когда их увозили на мотоцикле из Козьих Гор и до момента, когда их вновь предъявляли польским представителям, можно только догадываться.**

Особо следует подчеркнуть, что в нарушение элементарных канонов эксгумаций, немецкие эксперты при составле-

нии официального эксгумационного списка катынских жертв **умышленно не указывали, из какой могилы и какого слоя были извлечены трупы польских военнопленных.**

Подобная система позволяла манипулировать вещественными доказательствами. Необходимо заметить, что эксгумацию в Катыни немцы начали **29 марта 1943 г.**, т. е. почти за три недели (!) до приезда первых представителей Технической комиссии ПКК. *Примечание. Первые частичные раскопки захоронений польских офицеров немцы провели 18 февраля 1943 г.*

В отчете Технической комиссии ПКК отмечалось, что к приезду поляков немцы уже **«идентифицировали тела № 1—420»**. Также отмечалось, что с № 421 до № 794 составление списков идентифицированных тел велось только на немецком языке и комиссия ПКК не могла сверить их **«с черновиком, так как она уже не имела к ним доступа»**. При идентификации останков с № 795 до № 4243 списки составлялись и на польском языке (Катынь. Расстрел... С. 483).

Вышесказанное свидетельствует о том, что немецкие эксперты в период эксгумации обладали полной свободой действий для соответствующей обработки вещественных доказательств. При этом они располагали **достаточно обширным материалом с первоначально эксгумированных трупов**, которые впоследствии можно было бесконтрольно использовать для фальсификации результатов эксгумации.

Неясно, вошли ли в официальный эксгумированный список **первые 300 эксгумированных трупов польских военнопленных**. Их обнаружили в «польской» могиле, вскрытой и полностью эксгумированной до приезда в Козьи Горы первых иностранных представителей. Об этом спустя полвека, в 1990 г. сообщил участник немецкой эксгумации Михай Кривозерцев. **Об этой могиле с первыми 300 трупами немцы нигде не упоминают.** Согласно официальным заявлениям немецких экспертов первой могилей, из которой начали извлекать трупы польских военнопленных была могила № 1. Но в ней насчитали не 300, а 2.500 трупов.

По словам М.Кривозерцева, из той первой могилы были извлечены 18 трупов советских граждан («евангелистов»)

«при них были валенки, но не ногах, а веревочкой перевязанные, чтобы на плече нести, и в валенках запрятано сало и сухари». Под трупами евангелистов, которых немецкий офицер велел перезахоронить в другом месте, нашли *«человек триста поляков».* В новом раскопе, на *«глубине опять пошли вещи и наши люди»* (Жаворонков. «О чем молчал Катинский лес...». С. 56).

Как свидетельствуют М.Г.Кривоцерцев и жительница Катыни Н.Ф.Воеводская, технология эксгумации этих 300 трупов кардинально отличалась от последующей. В первые дни раскопок немцы не работали с останками в Катыни-Козьих Горах, а возили их в деревню Борок. Там, после исследования их черепа *«вываривали в огромных металлических чанах, стоявших прямо на улице деревни»*, чтобы нагляднее были видны пулевые каналы (Жаворонков. «О чем молчал Катинский лес...». С. 56. «Дорогами памяти». Сборник воспоминаний. Выпуск 3). О судьбе останков этих 300 поляков ничего не известно.

Не вызывает сомнений тот факт, что немцы в первоначальный период эксгумировали **значительно большее количество трупов**, нежели указывали в официальных отчетах. Уже упомянутый секретарь немецкой тайной полевой полиции Л.Фосс в своем рапорте от 22 апреля 1943 г. утверждал, что *«до сих пор опознано 600 трупов»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13). Учитывая, что опознанные трупы составили 67,9%, несложно подсчитать, что к 22 апреля должно было быть эксгумировано около 900 трупов.

Данные Фосса о начальном периоде эксгумации в какой-то мере подтвердил уже упомянутый Ф.Гетль, побывавший в Козьих Горах-Катыни в составе «первой» польской делегации (комиссии) 12 апреля 1943 г., т. е. до официального сообщения *«Радио Берлина»*. Для Ф.Гетля, известного ярого поклонника Гитлера, как для лидера польских журналистов и писателей, немцы приготовили специальную VIP программу.

Он так описывал пребывание в Смоленске и Катыни. *«На аэродроме в Смоленске мы приземлились около полудня. Во второй половине дня в сопровождении немцев мы ос-*

моторели город, вечером нам представили в офицерском казино трех офицеров из отдела пропаганды смоленской армии: двух лейтенантов и одного капитана.

Вопрос о Катыни нам изложил Словенчик [командир роты пропаганды (Aktivpropagandakompanie)], лейтенант запаса, кажется, журналист по профессии, родом из Вильно. Из двух остальных один представился как скульптор из Инсбрука. К нашему разговору время от времени прислушивался еще какой-то лейтенант со знаками различия «Гехайм полицай» [тайная полиция]. Думаю, что это был Фосс, о котором я узнал позднее.

Словенчик познакомил нас с «катынским делом» более подробно: показал фотографии леса, трупов, а также найденных при них документов. Показал он и некоторые подлинные документы, уже обеззараженные...

Назавтра утром мы поехали на автомашинах в Козьи Горы. Свернув в лес, мы остановились около огромной раскопанной ямы. Это был длинный ров, выкопанный, по-видимому, во всю длину и глубину могилы, но не охвативший ее в ширину, о чем свидетельствовали торчавшие по бокам рва головы и ноги трупов, еще оставшихся в земле.

Срез по всей длине ямы наглядно свидетельствовал о том, что трупы погребались в строгом порядке и укладывались слоями, один на другой, в несколько этажей. Могила была вырыта в холмистой местности, и в ее высоких частях земля была сухой, глинисто-песчаной, нижние же ее части заливали грунтовые воды. Неподалеку начали раскапывать вторую могилу, где пока был виден еще только первый слой трупов. На раскопках обеих могил работали местные жители, русские.

Возле могил стоял наспех сколоченный домик, в котором работала эксгумационная группа под руководством доктора Бутца, профессора судебной медицины Вроцлавского университета. Профессор Бутц был в мундире полковника. Работы группы лишь начались. На лесной поляне неподалеку от могилы лежало около двухсот трупов, вынутых из могилы и ожидающих судебно-медицинского вскры-

тия в том порядке, как были выкопаны. Трупы были пронумерованы и уложены в несколько рядов.

...Среди разложенных вокруг домика трупов были опознанные уже останки генералов Сморовиньского и Бохатыревича.

...От доктора Бутца я получил еще список фамилий тех, чьи трупы он уже успел осмотреть и чью личность идентифицировал. Их было тридцать человек... » (Цитируется по книге: В.Абаринов, «Катынский лабиринт»).

Необходимо сделать небольшое уточнение. Гетль 12 апреля увидел в Козьих горах около двухсот пронумерованных трупов. В то же время, согласно дневнику эксгумаций труп под № 124 был эксгумирован только 14 апреля. Вновь несоответствие свидетельства очевидца и официальных данных.

А теперь обратимся к одному из первых историографов Катыни Юзефу Мацкевичу. Он утверждал, что 17 апреля 1943 г. «*о числе убитых вопрос тогда не поднимался, потому что открытие могил едва началось, границы между ними не были установлены, а общая площадь между раскопками указывала скорее на достоверность немецкой цифры — от 10 до 12 тысяч*». Более того, он отметил, что иностранные корреспонденты «*попросили, чтобы при них раскопали какую-нибудь еще нетронутую могилу. Немцы исполнили их желание, и присутствующие убедились в том, что сплывший слой трупов явно лежал в полной неприкосновенности со времени расстрела*» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Ю.Мацкевич также писал, что 17 апреля пленные польские офицеры также «*предполагали, что перед ними одна огромная могила. Они измерили ее площадь и глубину и на основании вычислений пришли к убеждению, что немецкие утверждения — от 10 до 12 тысяч тел — скорее всего правильны. Поручик авиации Ровинский сделал даже отдельную зарисовку этой «общей» братской могил*» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Мацкевич фактически описывал ситуацию, которая могла быть только до приезда Ф.Гетля. Однако датирует ее 17 апреля, а Гетль в Козьих Горах был 12 апреля. Причем Гетль

подчеркнул, по середине могилы № 1 во всю ее длину был выкопан глубокий ров, позволяющий определить ее размеры и видеть расположение трупов.

Ясно, что Мацкевич лжет. Правда, его можно понять. О начальной стадии эксгумационных работ в Козьих Горах он писал с чужих слов. Сам Мацкевич попал в Катынь только во второй половине мая 1943 г., то есть к завершению раскопок и эксгумации. Но вот тот, кто предоставил Мацкевичу информацию о первоначальном периоде эксгумации явно «темнил».

Необходимо учесть, что позицию Ю.Мацкевича при освещении катынских событий во многом определяли его убеждения. Известно, что до войны он был известным германологом. Не случайно немцы нашли его под Вильно и предложили поехать в Катынь. Мацкевич предпочитал не замечать деталей, противоречащих его общему восприятию катынской проблемы.

Он особо подчеркивал, что немцы не могли пойти на фальсификацию катынских документов из-за *«большого числа свидетелей, которых сами пригласили. Это лишний раз доказывает, какой большой вес немцы придавали гласности и объективному исследованию катынского массового преступления. В таких условиях они не могли позволить себе скрыть ряд документов и этим бросить тень или подорвать доверие к следствию, результаты которого их пропаганда с такой энергией разносила по всему свету»* (Мацкевич. Катынь. Глава 14).

Это более чем наивное объяснение. Но надо понимать, что любую информацию, противоречащую их версии, нацисты пресекали бы в зародыше, не посчитавшись ни с какими жертвами. Мацкевич как журналист, проживший в условиях оккупации более двух лет, хорошо знал это. Не случайно и Отчет Технической комиссии носит достаточно обтекаемый характер, без четких выводов и обобщений, чтобы не раздражать немцев. Тем не менее, польская сторона и некоторые российские историки до сих пор подходят к результатам немецкой эксгумации не критически.

Ю.Мацкевич, как и Л.Ежевский, особо подчеркивал, что: *«Немцы ни в чем не ограничивали свободу действий и инициативу офицеров при изучении тел убитых, документов и т. д.»*. Это утверждение мало согласуется с информацией Технической комиссии о том, что в ходе раскопок права польских представителей ПКК захоронений **были ограничены определенными рамками**, которые делали их техническими исполнителями черновой работы.

Другое дело, что немцы в специально «подготовленных» местах стремились не стеснять свободу «проверяющих». Это давно известный прием фальсификаторов и цирковых фокусников, которые для создания иллюзии предоставляют проверяющим, в заранее установленных рамках, полную свободу действий. В дальнейшем мы изложим еще одно свидетельство, которое покажет, какой «свободой» пользовались «эксперсанты» в Козьих Горах.

О том, что видели члены Международной комиссии экспертов 29 апреля 1943 г. писал уже помянутый Ф.Гаек в своей брошюре *«Катынские доказательства»*: *«На следующий день мы автобусом уехали в Катынский лес, где штабной врач, профессор судебной медицины во Вроцлаве доктор Бутиц, уполномоченный немецким военным командованием к руководству раскопками, показал нам все могилы, эксгумированные трупы, обнаруженные при них документы, и в нашем присутствии провел одно вскрытие.*

До нашего появления из могил были извлечены 982 трупа, из них 58 были вскрыты, остальные только осмотрены внешне.

На следующий день, т.е. в пятницу 30 апреля 1943 г., мы провели вскрытие 9 трупов. Было позволено выбрать труп из любой ямы по своему усмотрению, поэтому для меня подняли два трупа из седьмой ямы».

Член той же комиссии экспертов венгерский профессор Орсос 29 апреля лично «занимался», по выражению Ю.Мацкевича, черепом трупа под № 526 (Мацкевич. Катынь. Глава 12). Хотя, согласно немецкому дневнику эксгумации труп № 526 был эксгумирован еще 24 апреля 1943 г. Получается,

что этот труп вновь оказался в могиле, чтобы им занялись международные эксперты?!

Упомянутый ранее Г.Яворовский, прибывший в Козьи Горы 8 мая, увидел *«множество разрытых могил и уложенные рядами выкопанные из земли трупы... Когда мы покидали Катынь, там еще оставались не вскрытые и не дораскопанные могилы. Немцы пробовали искать другие захоронения даже при помощи щупов, надеясь найти, в конце концов, несколько тысяч трупов. Однако поиски не дали результатов».*

Казалось бы, вышеизложенное в основном подтверждает данные рапорта секретаря немецкой тайной полевой полиции Л.Фосса. Но существуют и другие свидетельства.

Воеводская Нина Филипповна, бывшая жительница деревни Катынь, сообщила сотрудникам смоленского мемориального комплекса «Катынь» важную информацию о начале раскопок в Катынском лесу в 1943 г. Необходимо заметить, что Нина Федоровна убеждена, что поляков расстреляли сотрудники НКВД. О ней упоминалось выше в связи с эксгумацией первых 300 трупов.

Н.Воеводская пересказала то, что говорил: *«сторож катынской почты. Он рассказывал сельчанам, как немцы его и еще несколько десятков местных жителей согнали в Катынский лес. В лесу было холодно, кругом лежал снег. Вдоль леса стояло оцепление из немцев, вооруженных автоматами. Жителей выстраивали вдоль могил, обложенных хворостом. Под прицелом оружия местные жители раскапывали могилы, изымая оттуда трупы. Для работы давали рукавицы, т.к. было очень холодно и морозно, мерзли руки. Трупы были хорошо сохранившимися, одежда целой, сукно не разложилось, особой белизной поражали шарфы на шее погибших. Трупы грузили на телеги и довозили до д. Борок, где занимались более подробным их изучением»* («Дорогами памяти». Сборник воспоминаний. Выпуск 3).

Из рассказа Н.Воеводской ясно, что еще до наступления теплого периода могилы не только вскрывались, но оттуда доставались хорошо сохранившиеся трупы. Напомним,

что в свидетельствах Гетля и Мацкевича указывается, что открытие могил началось чуть ли не в середине апреля. Г.Яворовский, да и другие утверждали, что трупы не были в таком «хорошем» состоянии, которое описывает Н.Воеводская. Более того, как сохранили в течение почти трех лет белизну шарфы на погибших? Кто же ошибается?

Существует очень серьезный аргумент, свидетельствующий в пользу Н.Воеводской. В отчете Технической комиссии ПКК отмечалось, что основные семь могил были вскрыты немцами еще в МАРТЕ 1943 г. *«Во время работы Технической комиссии ПКК в Катынском лесу в период с 15 апреля по 7 июня 1943 г. эксгумировано всего 4243 трупа, из которых 4233 изъято из семи могил, находящихся на небольших расстояниях одна от другой и раскопанных в марте 1943 года немецкими военными властями. Из упомянутых семи могил извлечены все останки»*. Вероятно, это то холодное время, о котором рассказывает Н.Воеводская. В марте в лесу еще лежит снег.

Следует заметить, что восьмая могила с несколькими сотнями трупов была обнаружена только 28 мая 1943 г. В сборнике документов *«Катынь. Расстрел...»* ошибочно указана дата 28 июня (Катынь. Расстрел... С. 483). Ю.Мацкевич пишет, что из этой могилы были извлечены *«тринадцать трупов польских военных»*, которые *«после вскрытия, исследования и отбора доказательного материала были вновь похоронены в той же могиле»*. В сборнике документов *«Катынь. Расстрел...»* утверждается, что из могилы было извлечено *«только 10 трупов. Они были захоронены в открытой тогда еще шестой братской могиле»* (С. 483).

Получается, что рассказы некоторых «очевидцев» о том, что при них в апреле 1943 г. в Катыни-Козьих Горах вскрывали нетронутые могилы или только начинали раскапывать могилу № 2, фальсификация? Не будем торопиться с выводами. Обратимся еще к нескольким свидетельствам.

Бывший бургомистр Смоленска Б.Г.Меньшагин, сторонник немецкой версии в своих воспоминаниях, изданных в 1988 г. в Париже, утверждал, что 18 апреля 1943 г. он увидел

в Козьих горах *«около пяти — пяти с половиной тысячи трупов»* (Меньшагин. Воспоминания.... С. 130). Не вызывает сомнений, что Меньшагин видел трупы именно в Козьих горах, так как там присутствовали останки двух польских генералов М.Сморавиньского и Б.Бохатеревича.

Меньшагин отмечал, что *«по признакам убийства и смерти не похоже было, что их убили немцы, потому что те стреляли обычно так, без разбора. А здесь методически, точно в затылок, и связанные руки.»* Правда, здесь он лукавит. Известно, что именно немцам присуща методичность и точность. Но не будем оспаривать выводы Меньшагина. Для нас важнее факты, изложенные им.

Трудно поверить, что Борис Григорьевич принял 400 трупов за 5000. Более того, ситуацию в Козьих горах на 18 апреля 1943 г. Меньшагин описывал так: *«Немножко проехали и увидели эти могилы. В них русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались. А по краям лежали трупы. Все были одеты в серые польские мундиры, в шапочки-конфедератки. У всех были руки завязаны за спиной. И все имели дырки в районе затылка»* (Там же. С. 130).

Меньшагин, в свое время был адвокатом и обладал великолепной памятью в целом и особенно на детали. В предисловии к его воспоминаниям, отмечалось, что *«Меньшагин давал только факты. В этом Борис Георгиевич был тверд и профессионален: если даты, то обычно точные, если имена или фамилии, то аккуратно сохраненные его небывалой памятью».*

Из вышесказанного Меньшагиным ясно, что к 18 апреля около 5—5,5 тысяч трупов были извлечены из могил и оттуда доставались лишь остатки вещей. В то же время официальные немецкие источники и «очевидцы» утверждали, что эксгумация была в самом начале. Более того, по официальным данным, во время эксгумации 1943 г. немцы извлекли из катынских могил всего **4243** трупа.

Для нашего расследования особый интерес представляет свидетельство бывшего начальника санитарной службы Краковского отделения Польского Красного Креста Адама Шебе-

ста, который входил в созданную нацистами так называемую «вторую польскую комиссию», прибывшую в Козьих Горах 17 апреля 1943 г., т. е. в день, который достаточно подробно описал Ю.Мацкевич.

В своем интервью польской газете «Дзенник заходни» от 20 марта 1952 г. Шебест заявил: *«по прибытии в Смоленск нас собрали в зале, где немецкий поручик (вероятно Словенчик) зачитал обширный доклад, в котором излагалось происхождение и история якобы случайно открытых могил... Доклад был так построен, что представлял готовое заключение о времени совершения преступлений и его виновниках.*

Затем нас на автомашинах повезли в Катынь. Вся ее территория находилась под охраной жандармских постов... Нас ожидала толпа фоторепортеров и кинооператоров, которые непрерывно фотографировали каждый наш шаг, каждое движение. Нас вели по заранее намеченному маршруту и показывали нам поочередно ряд либо частично, либо полностью разрытые могилы. Мы дошли до ближайшей поляны, на которой уложенными рядами лежали трупы военнопленных, одетых в польскую форму. Мне бросилось в глаза, что трупы лежали как бы в иерархическом порядке: на первом плане находились трупы двух генералов, затем полковники и т. д.

Сопровождавший нас немецкий врач показал трупы с прострелянными черепами и заявил при этом, что калибр оружия, которым были расстреляны военнопленные, соответствует советскому оружию...».

Напомним, что Мацкевич утверждал, что в этот день *«открытие могил едва началось, границы между ними не были установлены».*

На вопрос располагала ли громко именуемая польская «комиссия» свободой действий, Шебеста ответил: *«Не располагала даже в минимальной степени. Во-первых, мы находились в Катыни не более одного часа, во-вторых, каждый из нас находился под надзором многочисленных ассистентов и в случае, если кто-нибудь задерживался или изменял навязанный маршрут, его немедленно возвращали в груп-*

пу. Мы могли видеть то, что нам хотели показать» (источник: ТАСС, 20. III. 52. л.л. 171—174)

Данное интервью появилось в польской газете в качестве контраргумента выводам американской комиссии Мэддена. Поэтому ТАСС озаглавил свой материал от 20 марта 1952 г. соответствующим образом — **«Польский врач Адам Шебеста разоблачает катынскую провокацию американцев»**.

В этой связи возможно возражение. Врач-подполковник в отставке А.Шебеста, получая пенсию от Польской Народной республики и желая остаться лояльным народной власти, мог сказать в своем интервью то, что от него хотели. Вполне вероятно, что так и было в плане общей тональности интервью, но не в деталях, которые легко проверяются.

Шебеста не указал точную дату посещения Козьих Гор. Это крайне важно для определения степени достоверности его свидетельства, тем более, что оно фактически опровергает утверждение Ю.Мацкевича о начале эксгумации катынских захоронений.

Установить точную дату пребывания А.Шебеста в Козьих горах помог тот же Ю.Мацкевич. В книге «Катынь» он писал. *«Через несколько дней в Катынь прибыла вторая польская группа — профессионально-технического состава, к которой, однако, примкнул краковский каноник о. Станислав Ясинский, доверенный архиепископа и митрополита краковского Адама Сапегы (Sapieha) и журналист Мариан Мартенс. Остальные — только врачи и сотрудники Польского Красного Креста: доктор А.Шебеста, доктор Т.Суш-Прагловский, доктор Х. Бартошевский, С.Кляперт, (J.)Скаржинский (генеральный секретарь ПМК), Л.Райкевич, (J.)Водзиновский, С.Колодзейский, З.Боговский (Bohowski) и Р.Банах. Часть этой делегации осталась дольше в Катыни и приняла участие в работе по извлечению и опознанию трупов»* (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Факт пребывания А.Шебеста в Катыни также подтверждает тематическое досье вестника иностранной служебной информации ТАСС (ГАРФ, ф.4459, оп.27 часть 1, д.1907, л. 7), в котором сообщается, что 19 апреля 1943 г. *«в генерал-губер-*

наторство вернулась вторая комиссия по расследованию замученных большевиками польских офицеров под Смоленском. В делегации принимали участие ксендз Ясинский, Стажинский, Похорский Сигизмунд и другие».

В досье ТАСС допущена ошибка в написании фамилии генерального секретаря ПКК К.Скаржиньского (Стажинский). В своем интервью А.Шебеста упоминал в качестве члена комиссии *«секретаря главного правления Польского Красного Креста, хорошо владеющего русским языком»* Скаржиньского, которого в 1952 г. при переводе с польского вновь назвали Стажинским.

Не вызывает сомнений, что А.Шебеста был в Катыни-Козьих Горах 17 апреля 1943 г. Вместе с ним на раскопках были К.Скаржиньский (генеральный секретарь ПКК) и другие польские представители, в том числе первые три представителя Технической комиссии ПКК. Помимо этого, в «экскурсии» по Козьим Горам участвовала группа иностранных корреспондентов, состоявшая из *«корреспондента шведской газеты «Стокгольме тиднинген» Едерлунд (Jaerderlund), корреспондента швейцарской газеты «Бунд» Шнетцер, корреспондента испанской газеты «Информасионес» Санчес и ряда других журналистов из стран, оккупированных Германией»* и делегация из 6 пленных польских офицеров, привезенных из офицерских лагерей в Германии.

Надо полагать, что А.Шебеста в интервью в 1952 г. рассказывал о том, что он видел в Катыни. Другое дело, какие пропагандистские выводы Шебеста сделал в интервью. Их мы специально не затрагиваем. Нас интересуют, как уже говорилось, детали посещения Шебестой Катыни, которые ему не было смысла исказить.

Это, прежде всего, информация о том, что в начале апреля в Козьих горах-Катыни было **частично или полностью открыто НЕСКОЛЬКО** могил, а не могилы № 1 и № 2, как утверждали немецкие эксперты и большинство свидетелей. Трупы выкладывались не в порядке их извлечения из могил, а в зависимости от их пропагандистской значимости. Известно, что и немецкий эксгумационный список был со-

ставлен без соответствия порядку извлечения останков из могил и слоев.

О том, что нацисты уделяли особое внимание контролю за ситуацией в Козьих Горах свидетельствует следующий факт. 17 апреля 1943 группу так называемых «экскурсантов» лично сопровождал уже упомянутый начальник разведки группы армии «Центр» полковник фон Герсдорф. Он же отвечал на вопросы иностранных корреспондентов (Мацкевич. Катынь. Глава 13). Нет сомнений, что благодаря своему статусу и силовому авторитету, фон Герсдорф мог заставить корреспондентов и польских представителей без особых вопросов пройти по четко заданному маршруту, избегая вскрытых захоронений, которые назавтра увидел Меньшагин. Вероятно, это и отметил А.Шебеста.

В этом плане представляет интерес информация о том, что 17, 18, 19 апреля 1943 г., согласно дневнику эксгумации, трупы польских военнопленных НЕ ЭКСГУМИРОВАЛИСЬ, хотя как утверждали «очевидцы», работы в могилах велись. Чем можно это объяснить?

Вероятно тем, что накануне начала работы представителей Технической комиссии немцам необходимо было убрать все «хвосты», способные уличить их в фальсификации. Надо иметь в виду, что, согласно тому же немецкому дневнику эксгумаций, с 29 марта по 7 апреля включительно, изъятые из могил трупы в эксгумационном списке не фиксировались.

Сколько было извлечено из могил трупов за этот период можно только догадываться. Если учесть, что в Катыни-Козьих Горах на раскопках ежедневно работало 35 местных жителей, а также 500 советских военнопленных, то счет следует вести на тысячи. В этом плане заявление Б.Меньшагина о 5—5,5 тысячи трупов польских военнопленных, извлеченных на 18 апреля 1943 г. из могил, становится вполне правдоподобным.

Естественно, все силы 18 и 19 апреля немцы бросили на скрывание «улик». Польские представители ПКК должны были свято верить в «безупречность» немецкой эксгумации и впоследствии совершенно искренне отстаивать эту точку зрения.

Их роль была predeterminedena еще на совещании в министерстве имперской пропаганды **6 апреля 1943 г.**

Говоря об идентификации расстрелянных поляков, ранее упоминаемый майор Бальцер предложил, чтобы она была проведена в пропагандистских целях, для чего необходимо **«привлечь членов польского Красного Креста под немецким контролем»**. На этом совещании подчеркивалось, что по поводу идентификации майор поддерживает связь с **«компетентными людьми группы армии «Центр»**. Надо полагать, что в числе таких людей был начальник разведки группы армии «Центр» полковник фон Герсдорф.

В Катыни-Козьих Горах встреча польских представителей 17 апреля 1943 г. осуществлялась в соответствии с указанием министра рейхспропаганды Геббельса. Еще раз напомним это указание: **«Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках на натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОКБ, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу»**.

Выполнение такой поминутной программы и обеспечивал 17 апреля в Козьих Горах Рудольф фон Герсдорф. Несколько более подробно о нем. Фамилия фон Герсдорф встречается в Катынском деле не раз. Известная русская эмигрантка княжна Мария Васильчикова с отцом в 1943 г. снимали в Берлине часть виллы у Хайнца фон Герсдорфа, являвшегося родным братом начальника разведки группы армии «Центр».

Особенным в этой ситуации является то, что именно Васильчикова в октябре 1943 г. получила **«срочное задание: перевести заголовки под большим количеством фотографий останков около 4 тыс. польских офицеров, расстрелянных Советами и найденных в Катынском лесу под Смоленском нынешней весной»**. По свидетельству М.Васильчиковой эти снимки должны были **«менее чем через неделю оказаться на столе у президента Рузвельта»** (Дневник М.Васильчиковой). Ясно, что фон Герсдорф и немецкая армейская развед-

ка играли в Катынском деле и его фальсификации далеко не последнюю роль.

В свете вышесказанного особое значение приобретает факт обнаружения и опознания в числе **первых 30 эксгумированных трупов** (согласно немецкому эксгумационному списку), останков польских генералов М.Сморавиньского и Б.Бохатеревича. Фамилия Мечислава Сморовиньского прозвучала уже в первом сообщении «Радио Берлина» 13 апреля 1943 г. О Бохатеревиче, который также к тому времени также был идентифицирован, в первом сообщении почему-то не говорилось.

Проанализируем ситуацию с эксгумацией двух генеральских трупов, предполагая, что генералов расстреляли сотрудники НКВД. «Генеральский» этап (т.е. этап с генералами М.Сморавиньским, Б.Бохатеревичем и Х.Минкевичем) прибыл в Смоленск **9 апреля 1940 г.** Согласно справке начальника Козельского лагеря В.Н.Королева к этому времени туда уже были доставлены **679** польских военнопленных. (Катынь. Расстрел... С. 580—581).

Если генеральский этап, как и предыдущие, был сразу же, как утверждают «катынovedы», направлен в Козьи горы на расстрел, то их трупы должны были находиться в **глубине могилы № 1, в восьмом или девятом слое, считая сверху.** Причем место расположения этих останков в могиле № 1, имеющей длину до 26 метров и ширину от 5,5 м до 8 м, **без полного вскрытия могилы на глубину 9-ого слоя определить было невозможно.** Поэтому нахождение останков польских генералов в первый же день официальной эксгумации (8 апреля 1943 г.) просто **невероятно.**

Предположение о том, что трупы генералов были найдены в какой-то другой небольшой могиле не корректно. Получается абсурдная ситуация. Сотрудники НКВД сначала вырыли несколько небольших могил, а потом уже решили вырыть большую. Это лишено всякой логики. Несомненно, первой была вырыта (НКВД или немцами) большая могила, обозначенная Бутцем № 1. Поэтому останки генералов могли быть извлечены только из нее.

Даже если предположить, что немцы, делая демонстрационный шурф на всю глубину и длину могилы № 1, о чем упоминает Гетль, абсолютно точно знали, где искать трупы генералов, то и в этом случае их порядковый номер в списке должен быть, как минимум, в пятой сотне эксгумированных трупов. Отсюда вывод, немцы не только точно знали место расстрелянных польских генералов, но и то, что их можно эксгумировать в первую очередь. Для дополнительного пропагандистского эффекта они даже пригласили попридествовать при этом зрителей из числа мало искушенных в эксгумациях людей.

Стремясь обеспечить показную «объективность» расследованию катынского преступления, немцы уже с начала апреля 1943 г., еще до официального сообщения по радио, приглашали на ПЕРВЫЕ вскрытия захоронений в Козьих Горах не только общественно значимых персон, но и просто посторонних людей, призванных сыграть роль свидетелей и очевидцев.

Российский журналист Владимир Абаринов, один из первых исследователей Катынского дела, в книге «Катынский лабиринт» приводит свидетельство Людмилы Васильевны Васильевой (урожденной Якуненко), присутствовавшей при обнаружении останков генерала М.Сморавиньского.

«На глазах Людмилы Васильевны из могилы извлекли труп генерала, из планшета достали документы, среди которых ей запомнилась фотография красавца-генерала с женой и двумя детьми; врезалось в память имя «Мечислав». Таким образом. Л. В. Васильева присутствовала при эксгумации генерала Мечислава Сморовиньского» (Абаринов. Катынский лабиринт. Глава 4). Васильева отмечала, что к моменту прибытия в Козьи Горы ее группы, было вскрыто три могилы. Это, по данным дневника эксгумаций, произошло 8 апреля.

Вновь находим подтверждение того, что немцы манипулировали захоронениями. То есть 8 апреля, утверждает Л. Васильева, было вскрыто три могилы, и еще на одной сделан поперечный разрез с тем, чтобы продемонстрировать корни

высаженных на поверхности молодых сосенок. А Фердинанд Гетль заявлял, что **12 апреля 1943 г.**, когда труп генерала был уже эксгумирован, **только-только начали вскрывать вторую могилу!**

Труп генерала М.Сморавиньского пролежал на открытом воздухе в Козьих горах в качестве «экспоната» **больше месяца.** 12 апреля 1943 г. этот труп видел Ф.Гетль, 8 мая — Г.Яворовский, внимание которого привлек перстень с бриллиантом, находившийся на руке генерала. Интересно, каким образом немцы умудрились длительное время обеспечивать физическую сохранность останков генерала и его перстня с бриллиантом? **Возможно, мундир и перстень были постоянными, а трупы по мере их разложения менялись?**

Учитывая все вышеприведенные свидетельства, налицо явно сознательное сокрытие нацистами точного времени и порядка вскрытия могил в Козьих Горах. Это позволяет утверждать, что немецкие эксперты манипулировали останками расстрелянных польских военнопленных и вещественными доказательствами, находившимися на них. Можно предположить, что некоторые останки после тайного первичного извлечения из захоронений подвергались соответствующей обработке и только потом предъявлялись для эксгумации в присутствии представителей Технической комиссии ПКК. Учитывая заявление бургомистра Смоленска Меньшагина о 5—5,5 тысячи извлеченных из могил трупов, можно предположить, что **часть трупов польских военнопленных в силу каких-то причин немцы были вынуждены скрыть.**

Более того, можно утверждать, что немцы не сумели или не захотели досконально исследовать все возможные захоронения польских военнопленных в Катюни и ее окрестностях. Об этом свидетельствуют следующие факты. Ссылаясь на «летнее время», немцы отказались до конца вскрыть могилу № 8 с несколькими сотнями трупов. То же произошло с заполненным водой рвом, обнаруженным в Козьих Горах, из которого **«торчали части трупов».** Немцы так и не **«нашли»** насос для откачки воды из рва и приказали его засы-

пать. Однако члены Технической комиссии ПКК сумели за 17 часов работы по одним сведениям **«извлечь из воды 46 трупов»**, по другим **«десять»**. Общее количество трупов во рву так и осталось не выясненным.

В 2006 г. Дарья Ивановна Иванова, работавшая после освобождения от немцев Смоленской области главным агрономом и начальником отдела заготовок и сбыта льнотреста, проживающая в настоящее время в Минске, сообщила авторам о неизвестном захоронении польских военнопленных. Она утверждала, что в конце лета 1944 г. рядом с поселком Серебрянка, в километре — полутора от льнозавода и одиннадцати километрах от Козьих Гор было обнаружено **большое захоронение расстрелянных немцами поляков в военной форме**. Утверждение, что это были расстрелянные дезертиры из организации Тодта, не меняет существа дела. Если немцы хотели беспристрастно предъявить миру погибших поляков, то надо было вскрыть и это захоронение.

Об этом захоронении сообщалось по радио в сводках Совинформбюро. После обнаружения останки поляков были в течение трех дней эксгумированы и оперативно перенесены каким-то советским воинским подразделением к большому общему захоронению на правом берегу Днепра. Однако официальная информация об этой эксгумации отсутствует. Сегодня это захоронение не интересует ни польскую, ни российскую сторону.

К сожалению, российские и польские власти игнорируют сведения о вновь выявленных польских захоронениях в Катынском лесу и его окрестностях. Так, 12 апреля 2000 г. и. о. президента России В.Путин сообщил в телефонном разговоре президенту Польши А.Квасьневскому. Путин пояснил, что в ходе проводимых российской стороной работ по благоустройству в районе Катынского мемориала, **были обнаружены новые захоронения**. Эта информация была сообщена польскому президенту в связи с предстоящим посещением Катыни его супругой по случаю 60-й годовщины расстрела поляков (<http://2002.kremlin.ru/prensa/2000041204.html>).

!4 апреля 2000 г. «Газета выборча» сообщила, что 13 апреля губернатор Смоленской области Александр Прохоров *«показал Иоланте Квасневской место, расположенное в нескольких сотнях метров от польского кладбища, в котором могли находиться очередные тела зверски убитых поляков.»* Строители, обнаружившие это захоронение, были уверены, что это польское захоронение, так как на трупах были шинели с польским орлом на пуговицах.

Это захоронение находится за пределами территории польского мемориального комплекса, рядом с водонапорной башней, в 120 метрах от Днепра. Но главное в том, что оно находится примерно в полусотни метров от того места, где в 1940 г. находилась госдача отдыха НКВД. То есть если следовать официальной версии, получается, что сотрудники НКВД весной 1940 г. расстреливали поляков прямо по окнам госдачи. Кстати, на ней летом 1940 г. отдыхали члены Политбюро ЦК ВКП(б) К.Ворошилов и Л.Каганович, а также первый секретарь ВЦСПС Н.Шверник. Одного этого факта достаточно для вывода о том, что весной 1940 г. сотрудники НКВД не могли производить расстрелы в непосредственной близости от дачи. Все говорит о том, что эти захоронения появились в августе-сентябре 1941 г., когда на даче хозяйничали немцы?

Последнее в определенной степени подтвердил немецкий полковник Аренс, которого в 1946 г. по Катынскому делу допрашивал Нюрнбергский трибунал. В 1951 г. показания полковника заслушала американская комиссия Мэддена. Аренс тогда заявил о том, что в 1942 г. он видел непосредственно перед дачей НКВД несколько польских захоронений.

Новое захоронение, о котором упомянул Путин в телефонном разговоре с Квасньевским, не вскрывалось ни немцами в 1943 г., ни комиссией Бурденко в 1944 г. Не вызывает сомнений, что в могиле захоронены поляки. Трупы в могиле лежат в два слоя. По самым скромным подсчетам общее количество трупов в могиле составляет от трехсот до тысячи.

Однако судьба этого захоронения в Катыни до сих пор осталась не выясненной. В чем дело? Ведь Польша заявляет, что судьба каждого погибшего в Катыни поляка священна. Видимо, все дело в том, что вскрытие нового захоронения **«обрушит» официальную версию**. Как объяснить, останки каких поляков обнаружены в новой могиле, если по **официальной версии ВСЕ польские офицеры из Козельского лагеря перезахоронены в могилах Катынского мемориала**? Ну, а признавать, что немцы осенью 1941 г. расстреливали поляков из трех лагерей «особого назначения» НКВД, никто не желает.

Напрашивается и еще один вывод. Польшу в Катынском деле не столько интересуют реальные обстоятельства и места гибели польских граждан, сколько использование катынской трагедии в целях политического давления на Россию.

Кроме вышеназванных захоронений, на приусадебном участке одного из домов дачного поселка Козьи Горы смоленские «черные копатели» **обнаружили яму с обгоревшими чемоданами и вещмешками**. Внутри находились хорошо сохранившиеся **предметы польского происхождения, включая документы**. Например, там был найден именной проездной билет на сентябрь 1939 г. на варшавский трамвай № 25 одного из чиновников польского МВД. Фамилию этого чиновника в билете прочитать не удалось, однако хорошо сохранившаяся фотография владельца позволяет, при желании, провести его опознание.

Среди найденных в яме вещей польских офицеров были обнаружены артефакты немецкого происхождения, подтверждающие датировку катынского расстрела осенью 1941 г: зажигалки с нацистской символикой, сигареты немецкого производства и т. д. Многие из этих артефактов были проданы на «черном рынке» Смоленска. Но официальные российские власти этим также не заинтересовались, хотя тема «катынских чемоданов» присутствовала не только на «черном рынке» Смоленска, но и активно обсуждалась летом 2007 года в Интернете (см. <http://reibert.info/forum/archive/index.php/t—475-p—4.html>).

В сентябре 2007 года на интернет-сайте католической «Группы 33» из Хожува (пригород г. Катовице) появилось интервью Кристины Щирадловской-Пеца (Krystyna Szczyradłowska-Peca). 1927 г.р., дочери польского полковника Бронислава Щирадловского из «украинского» катынского списка. Пани Кристина рассказала, что в мае 1946 г. она вместе с другими польскими гражданами на поезде репатриировалась из СССР в Польшу.

Во время вынужденной остановки поезда недалеко от Катыни полякам было предложено сходить в лес посмотреть могилы соотечественников. Пройдя некоторое время по лесу, расположенного по **правой стороне** от железнодорожного полотна Смоленск-Минск, они увидели: *«громадный раскопанный ров — могилу, в которой находились человеческие останки. О том, что это были останки польских офицеров, свидетельствовали детали мундиров (пуговицы с орлами). Тела частично мумифицировались, поскольку почва была песчаная. Уложены они были слоями и было их очень много»* (http://www.chorzowmagdalena.katowice.opoka.org.pl/gr33/index.php?option=com_content&task=view&id=59&Itemid=30)

Известно, что все раскопки в Катыни в 1943 и 1944 гг. велись только **слева** от железной дороги (если ехать из Смоленска). О раскопках захоронений польских офицеров в Катыни в 1946 г., тем более **с правой стороны** железной дороги, сведения отсутствуют. Останки каких польских офицеров видела К.Щирадловска? Пока это тоже остается очередной тайной Катыни.

Смоленскими участниками проекта «Правда о Катыни» удалось найти жителя пос. Катынь, который, будучи подростком, наблюдал в мае 1946 г. эксгумацию этой могилы. По его словам, трупы после той эксгумации не вывозились, а **были перезахоронены на прежнем месте**. К сожалению, заявление Щирадловской проигнорировали, как российская, так и польская сторона. Это не случайно. Нахождение нескольких новых массовых захоронений польских офицеров вне Катыни-Козьих Гор, как говорилось, просто **«похоронит» официальную версию**.

Секреты немецкой эксгумации и идентификации

Темы объективности немецкой эксгумации в Катини тесно связана с исследованием ранее упомянутого профессора МГУ Валентина Александровича Сахарова «**Германские документы об эксгумации и идентификации жертв Катини (1943 г.)**» (http://kprf.ru/rus_law/79589.html).

Это исследование он частично озвучил на «Круглом столе», посвященном катынской теме и состоявшемся в Государственной Думе РФ 19 апреля 2010 г.

В исследовании анализируется переписка администрации Польского Генерал-губернаторства, Немецкого Красного Креста и Польского Красного Креста. Из этой переписки ясно, что польская сторона еще в 1943 году в достаточно полной мере была посвящена во все «тонкости» немецкой эксгумации.

Да, и сейчас польские исследователи знают о них не понаслышке, так как в 1990-х годах вышеназванная переписка была опубликована в Польше. Однако о результатах работы с этими документами поляки предпочитают молчать. Видимо, это не случайно, так как они наносят **серьезный удар** по объективности результатов катынской немецко-польской эксгумации.

Но перейдем к анализу не только немецко-польской переписки, но некоторых документов из немецких «**Amtliches Material...**». Прежде всего, обратим внимание на показания свидетелей, которыми козыряли нацисты в 1943 г., а теперь козыряют некоторые катыноведаы. Отметим, что протоколы допросов русских местных очевидцев, свидетельствующих о том, что в катынском лесу поляков расстреливали сотрудники НКВД, в 1943 году оформлялись **только на немецком языке**. Под ними стоят **русские подписи**, подкрепленные подписями немецких чиновников. Не вызывает сомнений, что люди, не владевшие немецким языком, не понимали, под чем они подписывались. Любой суд опротестует такие пока-

зания. Не случайно свидетели впоследствии отказывались от этих показаний.

Помимо этого недоумение вызывают различия в составе свидетелей, допрошенных немцами. Несложный анализ позволяет выявить в составе допрошенных, указанном в немецких «*Amtliches Material...*» и указанном в протоколах допросов свидетелей и акте приведения их к присяге (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 36. ЛЛ.40—41,48—49, 51—54, 67—68).

Особый интерес представляет комплект немецких документов, которые складывался в процессе работы на катынских захоронениях. Прежде всего, это ежедневно составляемые лейтенантом Фоссом краткие статистические справки, направляемые в руководящую инстанцию. Вызывает удивление поистине конвейерная точность ежедневных списков эксгумированных и идентифицированных (примерно 98—101 человек), что уже само по себе вызывает сомнение. Создается впечатление, что немцы следовали заранее заданному графику, который не предполагал доскональное и объективное проведение эксгумации и идентификации.

Это впечатление подкрепляет «Судебно-медицинский отзыв на германский официальный материал о массовых убийствах в Катыни («*Amtliches Material zum Massenmord von Katyn*»)), польских судмедэкспертов Я.Ольбрыхта и С.Сенгалевича (<http://www.spa.msu.ru/images/File/Publ/Trud—6.pdf>). Анализируя немецкий отчет доктора Герхарда Бутца, руководившего катынской эксгумацией в 1943 году, Ольбрыхт и Сенгалевич высказали сомнения в том, что 5 судебных медика (четыре немецких и один польский) не могли осуществить тот объем эксгумационных работ, который зафиксировал Бутц.

Они писали, что даже в научном институте, хорошо оснащенном, когда труп без одежды и представляет собой тело человека, уже опознанного, с распиленным черепом... (так в тексте отзыва. В.Ш.), опытный медик проводит осмотр трупа за 30—60 минут. Помимо этого польские судмедэксперты в своем отзыве отметили массу других ошибок, натяжек и не-

лепостей, которые допустил Бутц во время проведения эксгумации (полный текст Отзыва содержится в приложение).

Известно, что в Козьих горах были крайне неблагоприятные условия для эксгумации. Трупы в могилах были спрессованы в слипшуюся массу, в некоторых захоронениях присутствовала вода. В то же время, согласно протоколам Бутца, в ходе эксгумации осматривались все карманы одежды жертв, обувь, на месте исследовалась информация из найденных бумаг, ордена, эмблемы, эполеты, пуговицы от мундиров и т. д. Доктор Бутц утверждал, что в подавляющем большинстве случаев якобы делалось вскрытие черепа и проводилось полное вскрытие трупа. Помимо этого взвешивались и измерялись отдельные органы трупов, проводились их исследования под микроскопом.

Вывод Ольбрыхта и Сенгалевича следующий: за 67 дней эксгумации (работая без выходных) 5 судебных медиков не могли исследовать 4143 обнаруженных в катынских захоронениях трупа в том объеме, который описывал Бутц (количественные данные по Ольбрыхту и Сенгалевичу). *Примечание. Реально эксгумация длилась менее 67 дней, так как были и дни отдыха и перерывы в работе.*

Добавим, что, как выше отмечалось, реально 5 медиков команды Бутца ежедневно должны были эксгумировать и идентифицировать до 100 трупов. Трудно даже представить, сколько времени требовалось бы им, работая в полевых условиях, для объективной эксгумации и идентификации трупов, а также проведения лабораторных исследований. Ясно одно, что работать в таком темпе Бутц и его помощники могли, только фальсифицируя результаты эксгумации и идентификации.

Можно с уверенностью утверждать, что содержащиеся в отчете Бутца таблицы, диаграммы, результаты сложных лабораторных исследований, не более чем антураж, задача которого придать внешнюю наукообразность результатам эксгумации 1943 г.

Но вернемся к Фоссу. В ежедневных списках эксгумированных и идентифицированных, составляемых лейтенан-

том, регулярно пропускались номера. Тем самым автоматически возрастало количество эксгумированных. Всего было пропущено **124 номера**, следовательно, если в окончательном списке Фосса фигурировал **4131 труп** (с учетом одного дублирующего и трех литерных номеров. Данные Сахарова), то фактически их было **4011**.

Подтвердим это примером. Берем официальный эксгумационный список из «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn». В нем за номером 5 сразу следует 7, за 9 — 11, за 11 — 13, за 14 — 17, за 23 — 25, за 28 — 31 и т. д. В первой сотне списка пропущено 27 номеров, во второй — 23. Итого 50 на 200 первых номеров списка. В целом же **124 трупа, считающихся эксгумированными, в официальном эксгумационном списке отсутствуют.**

Следует также учесть, что до сих не установлено, вошли ли в официальный эксгумированный список выше упомянутые **первые 300 эксгумированных трупов польских военнопленных**. Также отмечалось, что с 29 марта по 7 апреля включительно, изъятые из могил трупы в эксгумационном списке **не фиксировались**. Также неизвестно, сколько трупов было эксгумировано 17, 18, 19 апреля 1943 г., так как, несмотря на то, что в эти дни работы в могилах велись, но в ежедневных дневниковых записях утверждается, что эксгумация не проводилась. Какова судьба извлеченных в эти дни останков так и не установлено.

Соответственно возникает вопрос, **сколько же реальных трупов немцы эксгумировали в 1943 г?** Создается впечатление, что немецкие эксперты предпочитали «работать» только с «удобными» трупами.

Нередко вместо трупов учитывались **документы, бумаги или предметы (погоны, фуражки)**. Следует заметить, что точное число таких «замен» установить не удалось. Ориентировочно их число составляет **59**. Не вызывает сомнения, что этот метод увеличения численности эксгумированных, а также «идентификации» несуществующих трупов, немецкими экспертами применялся достаточно широко.

Так, лейтенант Фосс писал, что «в одной из могил найдены документы. Не известно, к каким трупам эти бумаги принадлежат; тем не менее, они могли бы принадлежать трупам до сих пор не идентифицированным». Такие находки были не единичными, о чем свидетельствуют дополнительные списки Фосса. Так, 30 апреля 1943 года он писал: «в могилах обнаруживаются лишь документы и документы, но не трупы... Нужно полагать, что эти документы принадлежат до сих пор не идентифицированным трупам».

В отчетах за 6, 10, 14, 18, 20, 22, 24, 26 и 31 мая 1943 года, имеются, соответственно, следующие записи: «В одной из могил найдены документы. Не известно, к каким трупам они принадлежат»; «Два заключительных трупа представлены лишь найденными документами»; «Заключительные шесть трупов представлены лишь рр. найденными документами»; «Заключительные пронумерованные трупы представлены лишь найденными документами», «6 трупов снова могут быть представлены только документами»; «Дополнительно идентифицировано 24 следующих, до сих пор неизвестных трупа. 3 заключительных трупа представлены найденными бумагами»; «Ниже следующие 24 имени принадлежат трупам, до сих пор являвшихся не идентифицированными. 3 пронумерованных трупа представлены лишь рр. Документами, найденными в одной из могил»; «Следующие 25 трупов до сих пор считались не идентифицируемыми. Пронумерованные имена представлены изъятными из могил бумагами»; «Идентифицировались дополнительно: 20 трупов... 2 трупа представлены личным знаком и письмом. Сами трупы не были найдены».

В последней записке от 8 июня 1943 года Фосс сообщал: «Дополнительно идентифицировано 26 трупов, порядковые № № которых занесены в прежних установках. Следующие 3 польских офицера представлены найденным документами; так как трупы не найдены, они не пронумерованы» (подчеркнуто нами. — В.Ш.).

Для доказательности приведем примеры из немецкого эксгумационного списка, когда в нем вместо трупов фигури-

руют документы. Указанные слева номера — это номера эксгумационного списка.

38. Brief mit Adresse: Kozelsk, Erholungsheim „Maxim Górki».

84. Obltn. Anzahl Visitenkarten, Notizbuch (darin sind die beiden Generale Bohaterewicz und Smorawinski erwähnt).

122. Notizbuch mit Adresse: Helena Koniczka, Lissa (Posen), Kirchring 2.

195. Liste mit 53 Namen, mit russischer Schieibmaschine geschrieben.

196. Zettel mit Adresse: Schneider, Tadeusz, Kozelsk. (Подробнее см. <http://www.katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=831>).

Особенно беспокоило немецких экспертов дублирование имен «идентифицированных». Так, в письме Шпенглера из главного отдела пропаганды правительства Генерал-губернаторства президиуму ГKK от 27 июня 1943 года говорилось: *«бумаги приводились в порядок различными ревизиями документов, в результате документы, принадлежащие одному трупу, при упаковывании раскладывались по различным конвертам. Поэтому, например, бумаги офицера оказывались разложенными по 12 различным конвертам»* (подчеркнуто нами. — В.Ш.). Вот откуда «двойники» в катынских захоронениях.

В письме Министерства пропаганды в президиум ГKK от 30 августа 1943 г. также указывалось, что подлинные документы убитых в Катыни польских офицеров *«при упаковывании в конверты неоднократно перепутывались и частично оказывались положенными в конверты, принадлежащие различным покойникам»* (подчеркнуто нами. — В.Ш.). (Ссылки на немецкие документы см. в статье Сахарова «Германские документы об эксгумации и идентификации жертв Катыни (1943 г.)». (http://kprf.ru/rus_law/79589.html).

Обращает внимание тот факт, что ничтожную ценность произведенной в Катыни-Козьих Горах так называемой «идентификации» знали не только нацистские эксперты, но и их польские помощники. Так, на совещании, проведенном

10 июня 1943 г. в Кракове главным управлением пропаганды правительства Генерал-губернаторства с участием представителей Польского Красного Креста (ПКК) было констатировано: **«до сих пор предоставленные и опубликованные в польской прессе списки трупов, идентифицированных в Катыни, недостоверны, так как только в немногих случаях соответствуют действительности»** (подчеркнуто нами. — В.Ш).

В одном из писем ПКК, в частности, говорилось: **«Из до сих пор постулавших списков мы лишь в немногих случаях можем считать данные достаточным основанием для информирования родных, так как при таком большом количестве имен отсутствуют личные данные, допускающие несомненное опознание умерших»** (подчеркнуто нами. — В.Ш.)

Одним словом, можно с полной уверенностью сделать вывод о том, что в Козьих горах широко практиковалось, по выражению профессора Сахарова, «сводничество» **неизвестных трупов со «счастливо обретенными» документами.** Мнение, что обнаруженные в Катыни при трупе документы и бумаги являются надежным основанием для его идентификации, на поверку оказалось совершенно несостоятельным.

Даже в тех случаях, когда в списках Фосса фиксировались документы, якобы принадлежавшие убитому, это не могло служить **гарантией правильной идентификации трупа,** т. к. при нем могли быть документы и (или) бумаги, либо принадлежащие третьим лицам, либо содержавшие информацию о них (письма, открытки, конверты, записные книжки, визитки, фотографии и т.д.).

Фосс также отмечал, что «часть найденных документов, принадлежащих одной и той же личности, находилась в карманах **форменной одежды одного трупа,** а другие либо в песке могилы, либо при других трупах».

Однако даже присутствие в захоронениях документов, найденных на трупе, не был основанием для идентификации. Вновь обратимся к свидетельству польских судмедэкспертов Ольбрыхту и Сенгалевичу. Они считали, что идентифицировать личность, устанавливать дату и время смерти на основа-

нии найденных в катынских захоронениях документов, писем, дневников, следует только после того, как эти артефакты: **«пройдут техническую и химическую экспертизы для установления качества бумаги, почерка, печати и для констатации изменений, которым они могли подвергнуться под воздействием разложения трупов и их длительного пребывания в земле, более того, документы эти должны пройти графологическую экспертизу при достаточном количестве сравнительного материала».**

Как известно, команда доктора Бутца этого не осуществляла. В этой связи заявление немецких и польских экспертов об идентификации 2815 личностей в катынских захоронениях является спорным.

На основании вышеизложенного профессор Сахаров сделал вполне обоснованный вывод о том, что находившиеся в руках немецких экспертов документы, бумаги и даже предметы, использовались ими, **во-первых, в качестве заменителей реально не существующих трупов и, во-вторых, для «идентификации» трупов, изначально фигурировавших, как «неопознанные».** Уже только это основательно подрывает доверие к спискам Фосса и соответственно к немецкому официальному эксгумационному списку в целом.

К сказанному выше следует добавить информацию о том, как нацисты устанавливали фамилии некоторых катынских жертв. Об этом в 2006 году в своих **«Воспоминаниях и размышлениях»** », изданных в Варшаве в 2006 году, рассказал известный польский юрист профессор Ремигиуш Бежанек (Bierzanek, Remigiusz, 1912—1993). Он числился в списках катынских жертв под № 1105, но после войны прожил в Польше долгую жизнь.

Бежанек писал, что весной 1943 года в польской печати появились сообщения о находке массовых польских захоронений в Катыни и были названы фамилии первых эксгумированных жертв. Польские семьи, у которых родственники попали в советский плен, стали обращаться в отделения Польского Красного Креста (ПКК) с просьбой выяснить, нет ли сведений об этих родственниках.

Вскоре польские подпольщики заметили странную особенность. В ряде случаев, после обращения в Польский Красный Крест, фамилия искомого человека через какое-то время появлялась в списке катынских жертв. Подпольщики решили проверить это предположение. Они направились в местное отделение ПКК и сообщили там фамилию Бежанека, как военнопленного, находящегося в СССР. В итоге фамилия Р.Бежанека вскоре появилась в списках катынских жертв. После этого Бежанеку пришлось срочно переменить место жительства, иначе он не дожил бы до наших дней.

О том, как нацисты расправлялись со свидетелями их фальсификаций, рассказал Эдвард Потканьский. У него был брат, друживший с польским офицером Марьяном Рудковским. В 1942 году немцы арестовали Рудковского и отправили в концлагерь Освенцим. Через полтора месяца его жена получила из концлагеря одежду мужа и извещение об его смерти. Кроме того, Рудковской предложили, если она хочет иметь пепел своего мужа, выслать по указанному адресу 500 злотых.

Однако весной 1943 г., когда немцы «раскручивали» Катынское дело, жена Рудковского обнаружила имя мужа в списках польских офицеров, *«замученных большевиками в Катыни»*. Тогда она отправилась в гестапо с тем, чтобы узнать, где же в самом деле погиб ее муж? Оттуда она так и не вернулась (ВИЖ. № 11. 1990 г. http://katynbooks.narod.ru/vizh/1990—12_01.html). Впоследствии эта история превратилась в слух и тайком передавалась поляками друг другу, как предупреждение о необдуманных поступках.

Невероятным высоким является процент опознания останков при эксгумации в Козьих Горах в 1943 г. (по немецким данным 67,9%, а именно — 2.815 опознанных из 4.143 эксгумированных). В то же время в белорусских Куропатах в 1988 г. удалось из 6,5 тысяч эксгумированных трупов опознать лишь 4 жертвы (0,06%). Из расстрелянных «врагов народа» на полигоне в подмосковном Бутово не удалось опознать никого. Даже в братских могилах времен войны, когда было известно, солдаты какого воинского соединения здесь

захоронены, процент опознанных всегда был невелик. **«Достижение» немецких эксгуматоров в части опознания катынских жертв пока не удалось повторить никому.**

Несомненно одно, при тех нарушениях, которые постоянно совершали нацистские эксперты, столь **массовая идентификация** эксгумированных трупов могла быть обеспечена только **целенаправленной фальсификацией**. Еще нагляднее проведенную немцами фальсификацию доказывает выявленное **«инвертированное» совпадение** фамилий польских офицеров из списков-предписаний НКВД и немецкого эксгумационного списка (т.е. люди, ехавшие **более ранними этапами**, эксгумировались из **верхних слоев** могил, а ехавшие более поздними — **из нижних**, хотя в реальности должно было быть **наоборот**).

Но вернемся к немецкому эксгумационному списку. После окончания **«полевого периода»** исследования массовых захоронений в Катыни-Козьих горах (6 июня 1943 г.), работа со списками эксгумированных и идентифицированных в катынских захоронениях продолжилась в Краковском институте судебной медицины и естественно-научной криминалистики. Начался так называемый **«кабинетный» период**. Его итогом должен был стать документ, лишенный видимых дефектов, который можно было бы представить мировой общественности. Однако подготовить такой документ нацистам не удалось.

Для этого достаточно сравнить списки выше упомянутого лейтенанта немецкой тайной полевой полиции Людвиг Фосса со списком эксгумированных и идентифицированных поляков, опубликованном в сентябре 1943 года в сборнике документов *«Amtliches Material zum Massenmord von Katyn»*. Сравнение показывает, что основные дефекты первоначальных списков сохранились.

Сахаров отмечает, что поражает обилие имеющихся в окончательном списке следов фальсификации и проявлений небрежности. Это свидетельство того, что работа над списками Фосса в **«кабинетный период»** велась в **«цейтнотном режиме»**. И это было естественно. Уточнение списков и ис-

правление ошибок требовало многих месяцев кропотливой работы, а политическая потребность в оперативном опубликовании официальных результатов заставляла торопиться. В этой связи, как отмечалось, немцы предпочли изъять часть якобы идентифицированных личностей из окончательного варианта эксгумационного списка.

Так, в «**Amtliches Material zum Massenmord von Katyn**» размещена фотокопия удостоверения о гражданстве или месте жительства польского капитана Козлински (**Poswiadczenie obywatelstwa**) со следующим текстом под фотокопией: «Bild 57: Hauptmann Kozlinski, Stefan Alfred, aus Warschau M. XII, Ehefrau Franziska Rozalji, Warschau, 20, October, 1941. Leg. des Oberbürgermeisters von Warschau». То есть: Фото 57: Капитан Козлински, Стефан Альфред из Варшавы, М. XII, жена Франциска Розали, Варшава, 20 октября 1941. Засвидетельствовано обербургомистром Варшавы.

Однако фамилия Козлински в немецком эксгумационном списке отсутствует. По какой причине и почему документ Козлинского попал в «**Amtliches Material...**» так и не выяснено. Можно предположить, что немцы собирали любые документы, способные удостоверить, что в Катыни действительно захоронены поляки. Заметим, что в самом документе Козлинского дата выдачи не указана. Дата 20 октября 1941 год, указанная в немецком тексте под фотокопией документа, видимо, ошибочна. Хотя, может быть, она и является реальной. Тогда это подтверждение немецкого следа в Катыни.

Удостоверение Козлински немцы также перевели неверно. В нем указана не жена Франциска Розалия, а родители Козлинского. Франциск — это отец, Розали — мать Козлинского. Эти ошибки свидетельствуют о невероятной спешке, в которой немецкие и польские эксперты дорабатывали официальный вариант эксгумационного списка.

Из эксгумационного списка неясно, в униформе какой армии были неопознанные военнослужащие. А знать это необходимо, поскольку есть основания полагать, что вместе с поляками в этих могилах в неизвестном порядке и коли-

честве были перезахоронены группы погибших в боях бойцов и командиров Красной армии, а также местных жителей с городского кладбища Смоленска. В списках Фосса они могут «скрываться» как неопознанные военные («Offizier»), «Leutnant», «Uniformierter», «Leiche in Uniform»), неопознанные («unbekannt») или гражданские («Zivilist»).

В итоге официальный эксгумационный список катынских жертв вызывал нарекания даже у нацистских чиновников. Для доказательства Сахаров цитирует несколько документов. 27 июля 1943 г. сотрудник главного отдела пропаганды правительства генерал-губернаторства Шпенглер направил в президиум ПКК вариант списка эксгумированных и идентифицированных с уведомлением, что он несовершенно, и что требуется «минимум 5—6 месяцев» для его уточнения.

16 августа 1943 г. Президиум Польского Красного Креста (ПКК), направил список эксгумированных и идентифицированных в Катыни в Международный Комитет Красного Креста (МККК) в Женеве. В сопроводительном письме к списку было сказано, что он составлен *«на месте с помощью изготовленного в Катыни каталога»*. *«Опознавание трупов производилось на основании найденных у них записок... Имена жертв устанавливались на основании найденных у них документов, например: удостоверения личности, служебные удостоверения, прежде всего, официальные удостоверения, наконец, письма и визитные карточки»*.

Президиум ПКК считал, что этот список «должен рассматриваться как временный», подлежащий дальнейшему уточнению «в соответствии с официальными результатами судебно-медицинской экспертизы, проводимой в Кракове».

Окончательная оценка официального германского эксгумационного списка катынских жертв содержится в письме Президиума Польского Красного Креста, направленном 12 октября 1943 г. в Международный Комитет Красного Креста. «...даже если бы ПКК располагала всеми результатами работ по эксгумации и идентификации, включая документы и воспоминания, она не могла бы официально и окончательно засвидетельствовать, что эти офицеры убиты в Катыни.

Неопознаваемое состояние трупов, тот факт, что во многих случаях при двух трупах были обнаружены документы, несомненно, принадлежавшие одному лицу, минимум опознавательных знаков, особенно безупречных вещественных доказательств, найденных при трупах, наконец, то обстоятельство, что военные, убитые в Катynie, пали не на поле сражения, а по прошествии времени, в течение которого должна была происходить смена униформы, переодевания и попытки побегов, все это дает ПКК основания утверждать только то, что данные трупы имели при себе определенные документы».

Следовательно, поляки еще в 1943 г. признавали, что с уверенностью можно говорить только о том, что некий документ, зафиксированный в списках Фосса, был обнаружен при данном трупе. Но нет никаких оснований утверждать, что в прошлом он принадлежал именно этому расстрелянному человеку.

Если же говорить о немецко-польской эксгумации и идентификации, проведенной в Катynie весной 1943 г., то предельно четко и профессионально ее оценили уже неоднократно упомянутые польские судмедэксперты Ольбрыхт и Сенгалевиц. Они признали *«утверждения, сделанные немцами в публикации «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn» как материал, не выдерживающий точной научной критики, а тем самым признали его обладающим слишком большим пропагандистским характером».*

*«Посторонние», «двойники»
и «живые мертвецы» в Катynie*

Существенный удар по немецко-польской версии катынского преступления наносит наличие в немецком эксгумационном списке 1943 г. так называемых «посторонних», то есть тех, кто не числился в списках Козельского лагеря. Польские эксперты всегда настаивали, что в Катynie-Козьих Горах расстреливались только офицеры и исключительно из Козельского лагеря.

Но в катынских могилах были также обнаружены трупы поляков, содержащихся в Старобельском и Осташковском лагерях. Эти поляки могли попасть из Харькова и Калинина в Смоленскую область только в одном случае — если их в 1940 г. перевезли в лагерь «особого назначения» под Смоленск. И расстрелять их могли только немцы!

К примеру, польская сторона упорно не соглашается с тем фактом, что эксгумированные в мае 1943 г. в Козьих Горах Шкута Станислав и Ярош Хенрик никогда не содержались в Козельском лагере и не направлялись весной 1940 г. *«в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области»*.

Шкута Станислав № 2398 в немецком эксгумационном списке — «Szkuta, Stanisław, Lt. Impfschein, Mitgliedskarte d. Res.- Offiz.», опознан по справке о прививке и членскому билету офицера-резервиста. Ярош Хенрик № 3196 в немецком эксгумационном списке — «Jaros, Henryk. Res.-Offz.-Ausweis (unleserlich)», опознан по удостоверению офицера запаса. В Козельском лагере не содержалось ни одного человека с похожим именем и фамилией. Поэтому с почти 100% вероятностью этих польские офицеры следует идентифицировать, как содержащихся в Старобельском лагере НКВД подпоручика Шкуту Станислава Францишковича (Szkuta Stanisław s.Franciszka), 1913 г.р. и капитана запаса Яроша Хенрика Стефанович (Jarosz Henryk s.Stefana), 1892 г.р.

Установлено, что и Шкута и Ярош весной 1940 г. были этапированы из Старобельского лагеря не в Смоленск, а в Харьков. Там они оба, по официальной версии, якобы, были расстреляны и захоронены на спецкладбище в Пятихатках, на котором в настоящее время установлены мемориальные таблички с их именами. Сторонники официальной версия оказались не способны объяснить, **каким образом Шкута и Ярош оказались в Козьих Горах**. Но оказались способны в очередной раз сочинить невероятную версию по этому поводу.

28 мая 2005 г. в варшавском Королевском замке состоялась 15 сессия традиционной ежегодной Катынской конференции. На ней с докладом о присутствии «посторонних» поляков в катын-

ских могилах выступил член международного общества «Мемориал», «известный катыновец» астроном Алексей Памятных.

Согласно данным российского военного историка Юрия Зори «посторонних» в немецком эксгумационном списке числилось **543**. По данным польского военного историка Марека Тарчинского — **230 человек**. Памятных на конференции утверждал, что утверждения Зори и Тарчинского о «посторонних» в катынских списках являются некорректными. По его мнению, все расхождения в фамилиях являются «мнимыми», так как они вызваны неверным написанием польских фамилий по-немецки и по-русски (Новая Польша. № 7—8, 2005). Действительно, следует признать, что количество «посторонних» в катынских захоронениях действительно нуждается в уточнении.

Но, тем не менее, рассуждения г-на Памятных являются не вполне корректными являются. Мы ограничимся разбором одной ситуации, касающейся фамилии «Шкута». Так, Памятных утверждает, что фамилия «Шкута» (Szkuta) — это искаженная фамилия «Секула» (Sekula) офицера из Козельского лагеря. Но он не учел того обстоятельства, что в немецком эксгумационном списке первым документом, по которому проводилось опознание Станислава Шкуты, указана советская справка о прививке — «Impfschein» (см. выше). Польское удостоверение личности офицера запаса — «Mitgliedskarte d. Res.-Offiz.», указано лишь вторым.

Даже если предположить, что польское удостоверение Шкуты было заполнено штабным писарем неразборчивым почерком и из-за длительного нахождения в сырой могиле читалось с трудом, то его фамилию должны были уточнить по тексту справки о прививке, составленной советским лагерным врачом по-русски. Можно спутать фамилии «Szkuta» и «Sekula», написанные по-польски небрежным почерком, но написанные по-русски фамилии «Шкута» и Секула» спутать весьма сложно!

Надо иметь в виду, что в составлении эксгумационного списка, наряду с немецкими экспертами, участвовали специалисты из польской Технической комиссии. Сложно согласиться в этом случае с тем, что каждая двенадцатая-пятнадцатая фамилия в

катынских списках была полностью искажена. Не вызывает сомнений, что вывод Памятных о том, что в Катыни *«захоронены только узники Козельского лагеря»* сомнителен.

Споры по поводу написания фамилий можно продолжать с польскими оппонентами до бесконечности. Они все равно будут стоять на своем. Ну, а как следует объяснять факт обнаружения в катынских захоронениях металлического жетона из тюремной кладовой Осташковского лагеря НКВД. Его описание присутствует в немецких *«Официальных материалах...»*. Жетон был найден в могиле № 8 с надписью, данной в немецкой транслитерации:

T. K. UNKWD K. O. 9 4 2 4 Stadt Ostaschkow.

По какой причине его владелец из Осташкова вдруг оказался под Смоленском? Объяснить это можно лишь одним. В Катыни захоронены военнопленные поляки из лагерей «ОН».

В этой связи интерес представляет нацистский плакат 1943 г., на котором представлена сцена расстрела польского офицера, одетого в **форму жандарма и расстреливаемого в Катыни**. В то же время известно, что все польские жандармы содержались в Осташковском лагере НКВД и часть их была расстреляна в Калинин. Видимо, немецкого художника подвело фото останков польского жандарма, предоставленное нацистскими пропагандистами, работавшими в Катыни. Или же он сам видел жандармских офицеров из лагерей «ОН».

Но, видимо, немцы поняли ошибку и создали другой плакат, на котором уже фигурирует **армейский польский генерал, расстреливаемый двумя звероподобного вида НКВДешниками** с ярко выраженной семитской внешностью. Этот плакат до сих пор популярен в Польше. В 2007 г. он открывал фотовыставку в центре Варшавы, посвященную Катыни.

Путем содержательного анализа экстумационного списка установлено, что не менее **20% всех экстумированных в Катыни составляли люди, одетые не в военную униформу, а в гражданскую одежду с отдельными элементами военной формы: металлические пуговицы, сапоги, офицерское белье и т. д.** У многих из них были обнаружены документы офи-

церов. В то же время известно, что офицеры в гражданской одежде составляли **незначительную часть** в этапах, отправленных из Козельского лагеря в апреле-мае 1940 г. В отчете д-ра Г.Бутца в пункте 3 «Итогов расследования» особо подчеркивалось, что: **«Все трупы были одеты в хорошо пригнанные польские мундиры, по которым в большинстве случаев можно было распознать звание».**

Вместе с тем известно, что 221 эксгумированный труп в Козьих горах принадлежал абсолютно гражданским лицам. Причем, как пишет Ф.Гаек: **«Трупы гражданских были обнаружены не только в одной могиле и даже не на одном месте той же могилы, но были рассеяны среди казненных офицеров в разных могилах и слоях. Из этого следует, что гражданские не были казнены все одновременно, но к каждой группе офицеров была присоединена меньшая группа гражданских»** (Гаек. Катынские доказательства. С.14).

До сих пор нет ясности, что это были за люди, та как неизвестно, каким образом немецкие эксперты при эксгумации определяли национальную принадлежность и польское гражданство неопознанного трупа в гражданской одежде.

Также установлено, что из 4143 эксгумированных немцами трупов **688 трупов были не в офицерской, а в солдатской униформе и вообще не имели при себе никаких документов.** Что это за военнослужащие, какой страны, также неизвестно?

Л.Ежевский, говоря о работе Специальной комиссии Бурденко в январе 1944 г., акцентировал одну деталь: **«Журналисты и дипломаты, которые побывали в Катыни в январе 1944 года, в один голос утверждали, что останки поляков были не в офицерской форме, а в солдатской»** (Ежевский. Глава «Преступление и политика»).

Однако Л.Ежевский ошибался. Трупы, которые эксгумировала комиссия Бурденко, были как в солдатской, так и в офицерской форме. Это хорошо видно в документальном фильме о советской эксгумации в Катыни 1944 г. **«Трагедия в Катынском лесу».** Л.Ежевский, сам не подозревая, акцентировал очень важный факт о том, что в Катыни захоронены **не только офицеры** из Козельского лагеря.

Возникает закономерный вопрос: что за польские солдаты и лица в гражданской одежде оказались в катынских могилах, если в Козельском лагере содержались только офицеры, абсолютное большинство которых было одето в офицерскую форму?

Некоторая информация по поводу «посторонних» в катынских захоронениях известна. 25 апреля 1944 г., издаваемая в Лондоне голландская газета «*Woice of Nederland*», писала, что, по сообщениям подпольной голландской газеты, в Голландию прибыла на отдых группа германских служащих полевой жандармерии. Немцы рассказывали, что в Катыни было расстреляно много одетых в польское военное обмундирование евреев из Польши, которых до этого заставляли рыть могилы для польских военнопленных (ГАРФ, ф.4459, опись 27, часть 1, д. 3340, л. 56).

Смоленский историк Л.В.Котов, находившийся в Смоленске весь период немецкой оккупации и собравший солидный документальный архив по Катынскому делу, в статье «Трагедия в Козьих Горах» утверждал, что *«гитлеровцы доставили в Смоленск около двух тысяч евреев из Варшавского гетто весной 1942 года... Евреи были одеты в польскую военную форму. Их использовали на строительстве военно-инженерных сооружений, а потом? Потом расстреляли... Может быть, в Козьих Горах?»* (Политическая информация. № 5, 1990 г. С. 57).

Немецкий эксгумационный список 1943 г. скрывает и другие тайны. Фактом, убедительно свидетельствующим об умышленных манипуляциях немецких оккупационных властей с документами катынских жертв во время проведения раскопок в Козьих Горах, является наличие в официальном эксгумационном списке значительного числа «двойников».

Если верить немцам, то польский капитан Чеслав Левкович (Czesław Lewkowicz) был эксгумирован в Козьих Горах дважды — первый раз 30 апреля 1943 г. под № 761 и второй раз — 12 мая 1943 г. под № 1759. «Первый» труп капитана Ч.Левковича опознали по справке о прививке, фотографии, золотому кресту на цепочке с надписью «Krotusiowi —

Nulka» и свидетельству о производственной травме, найденном на теле. «Второй» труп капитана Левковича опознали по расчетно-сберегательной книжке, удостоверению артиллериста, и письму от Янины Дембовской из Гостына.

«Первый» труп **Мариана Перека** (Marian Perzek) эксгумировали и опознали 10 мая 1943 г. под № 1646 (почтовая открытка, два письма и блокнот), «второй» труп — 24 мая 1943 г. под № 3047 (офицерское удостоверение и записи из Козельска на русском языке).

Яна Гославского (Jan Gosławski) опознали первый раз 10 апреля 1943 г. под № 107 (по удостоверению личности, справке о прививке и письму военного министерства) и второй раз 6 июня 1943 г. — под № 4126 (по двум письмам).

На сегодняшний день таких «двойников» в эксгумационном списке уже выявлено не менее двадцати двух! Все эти 22 польских офицеров действительно содержались в Козельском лагере для военнопленных и весной 1940 г. были отправлены из Козельска в Смоленск с формулировкой *«в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области»*.

Заметим, что комплекты документов на одну и ту же фамилию, найденные на двух разных трупах, не совпадали. Объяснить такое большое число «двойников» случайностями (например, что часть документов в момент эксгумации выпала из кармана одного трупа и случайно попала в карман соседнего, что эксперты при упаковке документов перепутали конверты и пр.) невозможно, поскольку трупы «двойников» извлекались из разных могил, в разные дни, иногда с интервалом в несколько недель!

Однако, как теперь известно, «ларчик открывался просто». Напомним, что в письме Шпенглера от 27 июня 1943 г. сообщалось о том, что бумаги некоего польского офицера оказались *«разложенными по 12 различным конвертам»*. Соответственно, документы одной и той же личности могли быть присвоены нескольким неопознанным трупам. Тот факт, что согласно эксгумационному списку трупы «двойников» извлекались в разное время, доказывает, что эта процедура не яв-

лялась ошибкой, а была продуманным действием, направленным на увеличение числа идентифицированных.

Доказанным фактом является также то, что некоторые польские офицеры, числившиеся в немецком эксгумационном списке, на самом деле после окончания войны оказались живы. Еще раз напомним судьбу польского юриста, профессора, подпоручика Ремигиуша Бежанека, числившегося в списках катынских жертв под № 1105. Немцы в Катynie «опознали» трупы и других вернувшихся после окончания войны в Польшу людей. Например, на одном из трупов в Катynie были найдены документы, известного по своим послевоенным публикациям в польской печати, Францишека Бернацки. Фотокопия удостоверения Бернацки размещена в немецких «Amtliches Material...», хотя его фамилия в эксгумационном списке отсутствует.

В катынских списках числился и Марьян Яняк, умерший в 1983 г. в Познани (это отец председателя Национального Совета Швейцарии в 2005—2006 г.г. Клода Жаньяка) и др. Не будем вдаваться в анализ попыток польских властей объяснить подобные факты, главное, что большая часть поляков, оставшихся в живых после Катynie, предпочитала не рекламировать свою судьбу.

Российский журналист, 26 лет проработавший в Польше, в частной беседе заявил авторам, что в 1960—70 годы его несколько раз знакомили с живыми поляками из катынского эксгумационного списка, но те категорически отказались от дальнейших контактов с советским корреспондентом, как будто от этого зависела их жизнь.

Необходимо заметить, что при изучении списков, погибших в Катynie, нередко делались не совсем верные выводы. Так, журналист-исследователь В.Абаринов, работая в архиве, решил сверить списки поляков, попавших в категорию особо опасных государственных преступников и отконвоированных 136-м отдельным конвойным батальоном по запросам следователей во второй половине 1940-го — начале 1941 года со списком катынских жертв, составленным Адамом Моциньским (Lista Katynska. GRYF, London, 1989). «В результа-

те обнаружилось ошеломляющее обстоятельство: люди числятся расстрелянными весной 1940 года, а между тем спустя месяцы после катынских расстрелов их перевозят из лагеря в лагерь, в Москву, Минск, Смоленск...».

Выяснилось, что из 63 подконвойных, этапированных в период сентября 1940 г. — 5 февраля 1941 г. из Козельского лагеря, 26 человек, указанных в списке А.Мощиньского, были живы. В.Абаринов пишет: *«Факт, что эти люди были живы в означенные сроки, не подлежит сомнению. Однако среди живых их не оказалось. Единственная гипотеза: они погибли позже. После Катыни. Выяснение их судьбы должно составить предмет специального исследования. Во всяком случае, эти имена необходимо выделить в особый список и заниматься ими отдельно»* (Абаринов. Глава 1, раздел «Хроники Козельска». Архивные данные: РГВА, ф. 38106, оп. 1, д. 14, лл. 44, 44 об.).

Однако дальнейшие исследования выявили ошибочность выводов В.Абаринова. В так называемый *«список катынских жертв»* А.Мощиньский включил и поляков, попавших в советские лагеря после вхождения Прибалтики в состав СССР в августе 1940 г. Эти поляки также числились расстрелянными в Катыни. Именно их этапировали из Козельского лагеря во второй половине 1940 г., так что в марте-апреле 1940 г. они не могли быть расстреляны в Катыни. Места их гибели до сих пор не установлены.

Тем не менее, методика сверки списков, предложенная В.Абариновым, перспективна и, если ее продолжить, может дать неожиданные результаты. Но пока этим некому заниматься.

Вышесказанное показывает насколько сложно и противоречиво расследование Катынского дела. Следует добавить, что из первых 300 номеров первоначального эксгумационного списка, обнародованного в апреле 1943 г., позднее по неизвестным причинам исчезли 84 фамилии опознанных польских офицеров. Возможно, часть из них оказались живыми, а другие не «вписывались» в немецкую версию «Катынского дела».

Кто оставил ципки в Катыни?

Немецкие эксперты дату расстрела польских военнослужащих в Катыни осуществили на основании документальных свидетельств, найденных на трупах.

По немецким данным, в Козьих Горах в марте-июне 1943 г. было эксгумировано 4.143 трупа, по польским данным — 4.243 (Катынский синдром... С. 366). По немецким данным, 2.815 (67,9%) из них были опознаны с полным обоснованием. Польские данные и здесь разнятся от немецких — ПКК поначалу заявил об опознании 2.730 человек, но опубликованный поляками в 1944 г. в Женеве **официальный** список опознанных катынских жертв содержит только 2.636 имен (62,1%).

Расхождение немецких и польских данных относительно эксгумированных и опознанных поляков весьма симптоматично. Оно может свидетельствовать о том, что поляки были вынуждены изъять из своих списков фамилии 179 эксгумированных и опознанных в Козьих Горах польских офицеров, так как реальная их судьба противоречила немецкой версии.

Опознание проводилось по найденным на телах документам и предметам с именами владельцев. Обычно это были офицерские удостоверения или другие именные документы (паспорта, индивидуальные жетоны, финансовые аттестаты, наградные удостоверения, свидетельства о прививках и т.д.) На трупах также были найдены крупные суммы денег, множество ценных вещей и предметов военной амуниции. Необходимо заметить, что в советских лагерях польским военнопленным категорически запрещалось иметь при себе деньги на сумму свыше 100 руб. или 100 злотых, ценные вещи, воинские документы, предметы военного снаряжения и т.д.

Поразительное по своей наивности объяснение этому предлагает Ю.Мацкевич. Иностранные корреспонденты, посетившие Козьи Горы в апреле 1943 г. задали сопровождавшему их полковнику фон Герсдорфу вопрос: «*Почему большеви-*

ки оставили на телах убитых все документы и вообще все то, что палачи не хотели взять себе как ценность? — Потому, — ответил Герсдорф, — что в 1940 году большевикам не могло придти в голову, что убитые ими где-то в глубине России, под Смоленском, могут быть вскоре выкопаны и опознаны каким-то их врагом» (Мацкевич. Катынь. Глава 13).

Видимо, ни Мацкевич, ни полковник Герсдорф никогда не слышали о пункте 10 «Временной инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 28 сентября 1939 г., в соответствии с которым *«Принятые лагерем военнопленные перед тем, как разместить их в бараки, проходят осмотр ... Обнаруженное оружие, ВОЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ и другие запрещенные к хранению в лагере предметы отбираются».*

Надо помнить, что весной 1940 г. речь шла о сверхсекретной операции, поэтому если бы поляки были расстреляны сотрудниками НКВД, то любые документы и вещи, позволяющие идентифицировать трупы, перед расстрелом были бы у всех изъяты.

Категорическое требование о безусловном и тщательном изъятии любых вещей, позволяющих опознать личность расстрелянного, содержалось в должностной инструкции НКВД СССР по производству расстрелов, которой сотрудники наркомата неукоснительно придерживались в самых сложных ситуациях.

К примеру, немцы летом-осенью 1941 г. в пропагандистских целях публично вскрывали в оккупированных советских городах могилы, в которых были захоронены люди, действительно расстрелянные сотрудниками НКВД. Однако никаких документов или именных вещей в тех могилах обнаружить не удалось — жертвы опознавались только на основании показаний родственников или знакомых.

Не было найдено никаких документов, позволяющих установить личности, на трупах заключенных тюрем Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, которых в конце июня — начале июля 1941 г. при отступлении в спешке расстреляли сотрудниками НКВД и НКГБ по причине невоз-

возможности эвакуации. А в Катыни-Козьих горах на 2815 опознанных трупах было найдено (внимание!) 3184 предмета, позволявших установить личность погибших! (Катынский синдром... С. 156).

Тем не менее, представители общества «Мемориал» считают, сотрудники НКВД придерживались требований служебной инструкции о порядке производства расстрелов — обыскивали приговоренных и отбирали у них документы и вещи с индивидуальными признаками **лишь при проведении судебных расстрелов в помещениях тюрем**. В этом случае после расстрела тела казненных перевозились к местам захоронений и беспорядочно сбрасывались в заранее выкопанные ямы.

Но при проведении массовых расстрельных акций, непосредственно рядом с местом захоронения, требования инструкции сотрудниками НКВД якобы не выполнялись — приговоренные перед расстрелом не обыскивались, документы и именные вещи у них не изымались, а трупы укладывались ровными слоями. В качестве обоснования этой позиции представители «Мемориала» ссылаются, что при эксгумациях массовых НКВДешных захоронений в Куропатах, Томске, Сандармохе и других местах на трупах находили личные вещи, медальончики, записки и нательные крестики, **«но не в таком большом количестве, как в Катыни»**. Однако фактов об укладке сотрудниками НКВД трупов казненных ровными рядами, представители «Мемориала» не представили.

Разгадка вышеизложенной ситуации, возможно, кроется в том, что немцы в отношении пленных польских офицеров старались придерживаться Женевской **«Конвенции о содержании военнопленных»** от 27 июля 1929 г., 6-я статья которой гласила: **«Документы о личности, отличительные знаки чинов, ордена и ценные предметы не могут быть отняты от пленных»**. Поэтому выводы напрашиваются сами.

Дата расстрела и захоронения польских военнослужащих в Катыни-Козьих горах была установлена следующим образом. Руководитель эксгумационных работ доктор Герхард Бутц в своем отчете подчеркивал, что: **«нельзя опреде-**

ленно решить априори, сколько времени трупы пролежали в земле. При оценке следственных материалов, особенно когда вопрос касается определения даты смерти жертв, крайне важно учитывать внешние обстоятельства каждого конкретного случая. Ввиду этого особое значение приобретают найденные документы и газеты, неоспоримо указывающие на весну 1940 года как на время казни» (Мацкевич. Катынь. Приложение 15).

Российский журналист, а в настоящее время корреспондент радио «Свободы» в Вашингтоне, Владимир Абаринов недавно дополнил свою книгу «Катынский лабиринт» 7-ой главой, в которой, ссылаясь на авторитетное мнение членов комиссии академика Топорнина, сообщает, что: *«даже современная судебная медицина во всеоружии современных методов исследования не в состоянии определить время расстрела с точностью до полугода. Поэтому международная комиссия, работавшая в Катыни в 1943 году по приглашению немецких оккупационных властей, этого и не сделала: дата была установлена по документам, найденным на трупах.*

Метод псевдокаллуса, предложенный венгерским экспертом профессором Оршосом для датировки захоронений (твердые отложения на поверхности мозговой массы), по мнению специалистов комиссии Топорнина, судебно-медицинской практикой не подтвердился. Но выводов, основанных на вещественных доказательствах, это не отменяет».

Поэтому нельзя умолчать о главе «Мои катынские открытия» книги «Катынь» Ю.Мацкевича. Польского журналиста при посещении Катыни поразило, что лес в окрестностях могил *«был усеян множеством таких газетных лоскутков, наряду с целыми страницами и даже целыми газетами... датировка этих газет, найденных на телах убитых, указывает, если рассуждать здраво и честно, на не подлежащее никакому сомнению время массового убийства: весна 1940 года».*

Ю.Мацкевич особо акцентировал значение газет, как *«вещественного доказательства в разрешении загадки: когда*

было совершено массовое убийство?». Советские газеты, датированные началом 1940 г., находили на катынских трупах повсюду — в карманах, в голенищах сапог, за отворотами шинелей, причем в прекрасной сохранности. Однако уже упомянутый чешский эксперт доктор Ф.Гаек отмечал, что: *«Невозможно поверить, что по истечении 3-х лет их целостность и читаемость была такая, в какой их действительно обнаружили»* (Гаек. Катынские доказательства. С. 191).

В политдонесении из Козельского лагеря от 4 февраля 1940 г. сообщалось, Козельский лагерь получал всего 80 экз. «Глоса Радзецкого» на польском языке, т. е. 1 экз. на 55 человек. Газет на русском языке было еще меньше. При этом газеты пленным на руки, как правило, не выдавались. В основном они имелись лишь на специальных стендах и в виде подшивок в «красных уголках». Остается только гадать, откуда в таких условиях могли попасть в карманы трупов *«сотни и сотни советских газет от марта-апреля 1940 г.»*?

Газеты в катынских могилах могут быть, как косвенным доказательством вины НКВД, так и прямым доказательством фальсификации немцами катынских вещественных доказательств.

Однако Ю.Мацкевич, пытаясь представить безупречной позицию нацистов в «Катынском деле», допустил непростительную оплошность. По горячим следам, сразу по возвращению из Катыни, когда журналист еще не успел полностью осмыслить увиденное, он написал статью в газету «Гонец Цодзенны» (Goniec Codzienny № 577, Вильно, 3 июня 1943).

Говоря о Катынском лесе, Мацкевич отметил: *«В общем, лес в этом месте выглядит мерзко. Скажем, так, как выглядит пригородный лесок после маевки, после того, как там побывали неряшливые любители природы, которые по выходным располагаются под деревьями, а уходя, оставляют после себя объедки, окурки, бумажки, мусор. В Катыни среди этого мусора растут бессмертники. Приглядевшись, мы замираем, пригвожденные к месту необычайным зрелищем. Никакой это не мусор. Восемьдесят процентов «мусора» — деньги. Польские бумажные банкноты, преимущест-*

венно большого достоинства. Некоторые в пачках по сто, пятьдесят, двадцать злотых. Лежат кое-где и отдельные мелкие — по два злотых — купюры военного выпуска...».

Мацкевич выдал «страшную тайну», написав о том, что в Катынском лесу лежали так называемые «краковские» злотые выпуска 1 марта 1940 г. имевшие хождение на территории Польского генерал-губернаторства. Замена предвоенных двухзлотовых купюр с датой «хх.хх.1936» на краковские производилась с 8 по 20 мая 1940 года. В то же время первый этап польских офицеров из Козельского лагеря убыл в Смоленск 3 апреля 1940 г., а последний — 10 мая. Абсолютное большинство польских офицеров, более 4 тысяч, отправилось в Смоленск до 28 апреля 1940 г. включительно. В книге «Катынь» Мацкевич эту свою оплошность исключил.

Каким же образом «двухзлотовки военного выпуска» оказались в апреле — мае 1940 г. в Катынском лесу? Необходимо также учесть, что с 16 марта 1940 г. польские военнопленные не могли получать и отправлять корреспонденцию. Соответственно, единственный канал получения польских злотых (в то время только старых) был прекрyт.

Объяснять фразу о присутствии в Катынском лесу «двухзлотовок военного выпуска» ошибкой Мацкевича, несерьезно. Можно спутать цифру в дате, но считать ошибочной целую фразу «два злотых — купюры военного выпуска»? Ясно, что считающиеся расстрелянными весной 1940 г. в Катыни-Козьих Горах поляки, были живы после мая 1940 г. Известны сведения о том, что немцы после захвата лагерей «ОН» разрешили переписку пленных поляков с Польшей. Двухзлотовки могли быть присланы пленным родными, в надежде, что они понадобятся им при возвращении на Родину. Это неопровержимое свидетельство расстрела поляков осенью 1941 г.

Ю.Мацкевич также писал, что: **«На телах убитых в Катыни офицеров было найдено около 3300 писем и открыток, полученных ими от своих семей из Польши, и несколько написанных ими, но не отосланных в Польшу. Ни одно из этих писем и ни одна из этих открыток не датированы позже, чем апрелем 1940 года. Это подтверждают и их**

семьи в Польше, у которых переписка внезапно оборвалась как раз в это время. Большевики могли бы ответить, что по тем или иным причинам они запретили военнопленным переписку. Но они этого не утверждают, потому что у них нет доказательств» (Мацкевич. Катынь. Глава 14).

Однако Ю.Мацкевич ошибался. Как уже говорилось, еще 16 марта 1940 г. *«военнопленным бывшей польской армии, содержащимся в лагерях НКВД, запрещена всякая переписка»*. Она была возобновлена только 28 сентября 1940 г. по предложению П.Сопруненко и по указанию зам. наркома НКВД В.Меркулова (Катынь. Расстрел... С. 265.). Решение о возобновлении переписки было принято под давлением польских военнопленных из Грязовецкого лагеря, которые пригрозили начать *«массовую голодовку в знак протеста против запрещения им переписки с семьями и родными»* (Катынь. Расстрел... С.252—254). Поэтому даты, проставленные на письмах и открытках, не аргумент для определения времени расстрела.

Польская версия в основном построена на подобных косвенных и двусмысленных доказательствах. К таким относятся показания поручика запаса, профессора экономики Станислава Свяневича, которого польская сторона представляет чуть ли не очевидцем расстрела польских офицеров в Катыни.

Л.Ежевский в своем исследовании *«Катынь. 1940»* пишет, что после прибытия 29 апреля 1940 г. эшелона с восемнадцатым этапом польских офицеров из Козельского лагеря на железнодорожную станцию Гнездово, Свяневича перевели в другой вагон и заперли в пустом купе. *«Проф. Свяневич взгромоздился на верхнюю полку, откуда через щелку мог видеть все, что происходило снаружи... Он единственный польский офицер, который в момент катынского расстрела находился в 3-х км от места преступления и собственными глазами видел, как людей уводили на казнь... Все, без исключения, товарищи проф. Свяневича по несчастью из 18-го этапа 29 апреля 1940 года были найдены в катынских могилах»* (Ежевский. Глава «Смерть в лесу»).

С.Свяневича «оставили» в живых, доставили в Смоленск, далее в Москву на Лубянку. В 1941 г. на основании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. был С.Свяневич был освобожден и в 1942 г. выехал в Иран, а впоследствии в Лондон. Российский историк Н.Лебедева считает, что С.Свяневич, как и ярый «антисоветчик» полковник С.Любодзецкий, были агентами НКВД и поэтому их оставили в живых.

Но даже в таком случае реальных свидетелей секретных акций НКВД, учитывая царившую тогда подозрительность, за границу не выпускали. Возникает вопрос — реально ли утверждение, что С.Свяневич был свидетелем того, как *«людей уводили на казнь»*? Можно ли поверить, что свидетелю сверхсекретной операции НКВД позволили уехать за границу?

Все дело в том, что Свяневич лишь видел, как пленных офицеров из Козельского лагеря грузили в автомашины и увозили. Куда? Если бы к месту казни, то, учитывая сверхсекретный характер операции, судьба Свяневича была предопределена. Он или разделил бы позднее участь своих товарищей, или сгинул навсегда в лагерях. То, что Свяневич остался в живых и вышел на свободу — весомое свидетельство в пользу версии, что поляки увозились не на расстрел, а в лагерь «особого назначения».

Эту версию косвенно следующий факт. 27 апреля 1943 г. Германское информационное бюро сообщило из Мадрида о заметке корреспондента испанской франкистской газете «АВЦ», побывавшего в Катыни еще до сообщения «Радио Берлина». В газетной заметке говорилось о найденных при раскопках в Козьих Горах записях расстрелянного польского офицера. в которых он писал, что на расстрел его товарищей уводили *«из лагеря ночью»* (ГАРФ, ф.4459, опись 27, часть 1, дело 1907, лист 225).

Из предъявленных испанскому корреспонденту записей было неясно, когда (в 1940 или 1941 гг.) производился расстрел. Логично предположить, что немцы в дальнейшем скрыли этот дневник именно по причине наличия в нем указаний на события осени 1941 г. Заметка в газете «АВЦ» лиш-

ний раз свидетельствует о том, что обстоятельства расстрела польских офицеров в Катыни до конца не выяснены.

Завершая тему немецкой эксгумации и идентификации в Катыни, осуществленной в 1943 г. *«с немецкой дотошностью и методичностью»*, отметим, что она, к сожалению, пока не получила должной оценки, как **образец фальсификации мирового значения.**

«Решающие» доказательства?

После того, как фальсификационный характер немецкой эксгумации, осуществленной в 1943 г., стал очевидным, появляется возможность проверить обоснованность утверждений историков Ю.Зори и Н.Лебедевой о безусловной вине органов НКВД за гибель польских военнопленных весной 1940 г. Как говорилось, выводы этих историков явились решающими для Президента СССР М.Горбачева при принятии в апреле 1990 г. решения о признании советской вины за катынское преступление.

В ноябре 1989 г. на стол к Горбачеву легли основные выводы из исследования военного историка Юрия Зори **«Документальная хроника Катыни»**, в которых утверждалось, что польских офицеров в Катынском лесу весной 1940 г. расстреляли сотрудники НКВД. Напомним, что Зоря при сравнении списков-предписаний Управления по делам военнопленных (УПВ) НКВД на конвоировании польских офицеров из Козельского лагеря весной 1940 г. в распоряжение Смоленского УНКВД с немецким эксгумационным списком обнаружил **совпадение фамилий катынских жертв.** Это было расценено, как **«весомое доказательство роли НКВД в уничтожении поляков в 1940 г.»**.

Зоря осуществил сравнение всех 45 списков-предписаний на отправку пленных офицеров из Козельского лагеря. Но мы ограничимся сравнением списка-предписания УПВ НКВД СССР от 2 апреля 1940 г. на отправку 78 польских офицеров из Козельска в Смоленск. Данный список раз-

мещен в сборнике документов «Катынь. Расстрел...» и любой читатель может легко проверить изложенные рассуждения (С. 75—78).

Строго говоря, проведенное Зорей исследование нельзя считать научно-обоснованным, поскольку за основу он взял не **реальные этапные «повагонные» списки конвойных войск НКВД**, по которым весной 1940 г. перевозились польские военнопленные, а **предварительные списки-предписания Управления НКВД по делам военнопленных**, находившегося в то время в Москве. Как известно, немецкий эксгумационный список, на основании которого Зоря делал свои выводы, был составлен при **полном игнорировании порядка извлечения останков катынских жертв из могил**.

Установлено, что **списки конвойных этапов 1940 года на перевозку пленных поляков были изъяты из рассекреченных архивных материалов Козельского лагеря и 136-го отдельного батальона конвойных войск НКВД**. Они до сих пор не обнаружены. Но в «первом приближении» сравнение можно проводить и по спискам-предписаниям УПВ НКВД, так как реальные этапные списки составлялись на основании этих списков-предписаний и во многом должны были с ними совпадать.

Зоря сверил 78 фамилий из московского списка-предписания от 2 апреля 1940 г. за подписью начальника Управления НКВД СССР по делам военнопленных П.Сопруненко с немецким эксгумационным списком и выяснил, что **56 фамилий встречаются в обоих списках**. Совпадение более 70%. Казалось бы, найдено очевидное доказательство, что поляков расстрелял НКВД!

Необходимо заметить, что при сопоставлении списков Зоря не учел простейшего обстоятельства. Любое, даже 100-процентное совпадение фамилий из списков-предписаний НКВД и немецкого эксгумационного списка не противоречит выводам комиссии Бурденко! Ведь кто бы ни расстреливал польских офицеров из Козельского лагеря — сотрудники НКВД весной 1940 г. или нацисты осенью 1941 г., фамилии жертв, указанные в предписаниях на отправку из Козельска,

неизбежно должны были присутствовать и в эксгумационном списке катынских жертв. Это очевидно.

Для лучшего осознания показной убедительности аргументов Зори предлагаем ознакомиться с фамилиями пленных польских офицеров из Козельского лагеря, присутствующими, как в списке-предписании НКВД от 2 апреля 1940 г., так и в эксгумационном списке 1943 г.

Слева в нижерасположенной таблице находятся фамилии из предписания УПВ НКВД, справа — из немецкого эксгумационного списка. В первой графе проставлен номер по списку-предписанию, в пятой — по эксгумационному списку в порядке возрастания.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рожд.	№ в 1943г.	Фамилия в эксгумационном списке 1943 г.
45	БЕЛИЧИНСКИЙ Марьян Винцентович	1902	-	
69.	БЕЛЫНСКИЙ Леон Людвигович	1896	-	
72.	БОВЯТИНСКИЙ Станислав Оттонович	1912	-	
30.	БОНАШЕВСКИЙ Ян Феликсович	1894	-	
48.	БОНДЗИНСКИЙ Тадеуш Стефанович	1907	-	
19.	БРЖОЗОВСКИЙ Теофил Войцахович	1896	-	
12.	ВЕЛЮНСКИЙ Зигмунд Михайлович	1908	-	
68.	ВРУБЛЕВСКИЙ Ян Игнатьевич	1908	-	
10.	ГАЛОНСКА Ежи Антонович	1912	-	
78.	ГРАНИЧНЫЙ Юзеф Францишкович	1897	-	
18.	ДОБРОСТАНЬСКИЙ Казимир Алоизович	1898	-	
61.	ДРАПОВ Эдуард Андреевич	1909	-	
40.	ЗАГРАЙ Теодор Янович	1911	-	
59.	КОВЕЦКИЙ Вацлав Станиславович	1906	-	
7.	КУРЕК Марьян Юзефович	1904	-	
47.	ЛЕВИЦКИЙ Станислав Владиславович	1905	-	
5.	ЛЮБИНСКИЙ Флорентин Леонович	1897	-	
60.	МАРЧЕВСКИЙ Тадеуш-Эдвард Леонардович	1911	-	
53.	МЕНЦЕЛЬ Вацлав Янович	1909	-	
26.	МРУВЧИНСКИЙ Болеслав Юзефович	1900	-	
76.	ПЕТРОВИЧ Евгений Ипполитович	1907	-	
77.	РАДЗИШЕВСКИЙ Леонард Юзефович	1897	-	
29.	ГИМПЕЛЬ Людвиг Матзушевич	1903	0037	Gimpel Ludwik
67.	ДАНЫЛЮК Иван Базылевил	1914	0051	Danyluk Jan
75.	МАРЕЦКИЙ Фердинанд Влахович	1896	0052	Marecki Ferdinand

64.	АКСАМИТОВСКИЙ Стефан Мечиславович	1912	0059	Aksanistowski Stefan
16.	МАРТИН Петр-Борис Вильгельмович	1893	0113	Martin Piotr
49.	СНЕГОЦКИЙ Станислав Северинович	1902	0114	Sniegocki Stanislaw
65.	КОРОНА Францишек Иванович	1905	0157	Korona Franciszek
74.	КУЧА Иосиф Стефанович	1896	0162	Kuczka Wacław
66.	ГОДЗИШЕВСКИЙ Владислав Янович	1895	0165	Gadziszewski Wladislaw 1895
71.	ДВОРАКОВСКИЙ Владимир Михайлович	1895	0173	Dworakowski Wladimierz
70.	ДОМОГАЛА Тадеуш Станиславович	1918	0217	Domagala Tadeusz
63.	МАЗУР Станислав Янович	1914	0236	Mazur S.
41.	КАМИНСКИЙ Тадеуш Михайлович	1906	0240	Kamienski Tadeusz
39.	МАЗУР Станислав Матеушевич	1909	0245	Mazur Stanislaw
54.	КОВАЛЬСКИЙ Виктор Владиславович	1906	1747	Kowalski Wiktor
32.	КОРДАСЕВИЧ Бронислав Владиславович	1909	1814	Kordaszewicz Jozef
34.	ТАРНОВСКИЙ Казимир Теофилович	1899	1937	Tarnowski ... ? , kpt
25.	АНАСЕВИЧ Ян Валентинович	1908	1942	Anaziewicz Jan
57.	ДВОРАКОВСКИЙ Ежи Тадеушевич	1913	1944	Dworakowski Jerzy
73.	ШОКАЛО Антон Иосифович	1908	1945	Szokalo Antoni
58.	ВЕЛИХ Станислав Антонович	1880	1950	Wielich Stanislaw
21.	МРУС Константин Контантиневич	1903	1952	Mroz Konstantyn
50.	ГЖИВИНСКИЙ Ян Станиславович	1893	1959	Grzywinski Jan
55.	АНУФРИЕВ Георгий Сергеевич	1903	1962	Anufrijew Jerzy
27.	МАТЕЙЧИК Ян Янович	1904	1966	Matejczyk Jan
22.	КАМИНСКИЙ Ян Игнатьевич	1911	1970	Kaminski Jan
11.	МУХА Бронислав Людвигович	1911	1974	Mucha Bruno
37.	ЛЭПМИЦКИЙ Юльян Ромуальдович	1882	1975	Lempicki Julian
43.	КУЛЬЧИЦКИЙ Зигмунд Владиславович	1909	1976	Kulczycki Zigmunt
28.	ЛЮРАНЦ Франц Янович	1909	1978	Luranc Franciszek
51.	ДОЧИНСКИЙ Болеслав Францевич	1912	1981	Doczynski Boleslaw
13.	МОССАКОВСКИЙ Альфред-Фадей Альфред.	1912	1984	Mossakowski Alfred Tadeusz
14.	МОНЧИНСКИЙ Станислав Вацлавич	1913	1986	Monczynski ... ?
52.	МОЩИНСКИЙ Станислав-Ришард Янович	1913	1986	Moszynski ... ? , ppor
24.	МАЗУР Михаил Янович	1913	1987	Mazur ... ?
56.	ЛИНОВСКИЙ Владимир Станиславович	1904	1988	Linowski Wladzimirz
36.	СТОЯНОВСКИЙ Казимир Францевич	1896	1990	Stojanowski Kazimierz
3.	МЕРНИК Осип Анатольевич	1907	1991	Miernik Jozef
33.	СТРЖЕЛЕЦКИЙ Тадеуш Флориянович	1898	1995	Strzalecki Tadeusz
9.	ЛОПАТТО Эдвард Иванович	1891	1996	Lopato Edward
44.	АНДРЖЕЕВСКИЙ Богдан Чеславович	1907	1997	Andrzejewski Bogdan
42.	ГРАБОВСКИЙ Казимир Болеславович	1900	1998	Krabowski (Grabowski) Kaz.
2.	ДРЕЦКИЙ Эдмунд Францевич	1897	1999	Drecki Edmund
1.	НОВИЦКИЙ Францишек Михайлович	1895	2000	Nowicki Franciszek
38.	НОДЗИНСКИЙ Марьян Марьянович	1907	2006	Nodzinski Marjan Zbigniew
17.	МАЛЮКЕВИЧ Станислав Болеславович	1907	2103	Malukiewicz Stanislaw

4.	КОСМАЛЬСКИЙ Здислав Владиславович	1907	2105	Kosmański Zdzisław
15.	КРАЕВСКИЙ Ян Юзефович	1895	2107	Krajewski Jan
8.	БАРАНОВСКИЙ Юзеф Брониславович	1910	2125	Baranowski Jozef
6.	ГРАБОВСКИЙ Генрих Францевич	1892	2126	Grabowski Henryk
62.	КЛИМЧИК Антоний Антонович	1907	2127	Klimczyk Antoni
31.	КОВАЛЬСКИЙ Александр Юзефович	1902	2129	Kowalski Aleksander
35.	КОСЦЕЦКИЙ Юзеф Юзефович	1896	2130	Kosiecki Józef
23.	МАЕВСКИЙ Чеслав Лукьянович	1891	2132	Majewski Czesław
20.	КУХАРСКИЙ Петр Викентьевич	1896	2337	Kucharski ... ?, Ltn
46.	АНДЖЕЕВСКИЙ Генрих Северинович	1913	4110	Andrzejewski Henryk

В первую очередь следует обратить внимание на невероятный разброс фамилий польских офицеров из этого предписания УПВ НКВД по немецкому эксгумационному списку. Сформированный на основании данного предписания этап из 74 человек прибыл в Смоленск 3 или 4 апреля 1940 г. В случае расстрела сотрудниками НКВД все трупы офицеров из этого этапа должны были бы располагаться рядом друг с другом в самом нижнем слое могилы № 1 и иметь номера эксгумационного списка примерно от 2320 до 2400. На деле же 56 выявленных Зорей фамилий из списка-предписания НКВД от 2 апреля 1940 г. распределены по всему эксгумационному списку, начиная с номера № 0037 и заканчивая номером № 4110!

«Катыноведы» утверждают, что весной 1940 г. эшелоны с пленными польскими офицерами прибывали на станцию Гнездово, там их загружали в машины, отвозили в Катынский лес и без промедления расстреливали. Но в этом случае каждый этап польских офицеров из Козельского лагеря должен был бы целиком, единой компактной группой находиться в одной могиле!

Однако согласно спискам-предписаниям НКВД и немецкому эксгумационному списку ситуация вырисовывается совершенно иная. Так, если верить немцам, останки четырнадцати офицеров из первого этапа с № 0037 (Гимпель) до № 0245 (Мазур) по эксгумационному списку, были извлечены из верхнего слоя могилы № 1. В таком случае сотрудники

НКВД должны были расстрелять их после 14 апреля 1940 г., то есть после того, когда в Козьи Горы прибыли этапы с не менее чем 2.250 офицерами из Козельского лагеря. Возникает вопрос, где же НКВД с 4 по 14 апреля содержал 14 польских офицеров?!

Следующая группа, с № 1937 (Тарновский) по № 2132 (Мавевский) из того же этапа, если верить данным немецкой эксгумации, была расстреляна уже в районе 4 апреля. К этому времени в Козьих Горах сотрудники НКВД должны были расстрелять 4 польских этапа общим количеством примерно в 400 человек. Останки Генриха Анджеевского (№ 4110) были обнаружены, если верить эксгумационному списку, вообще не в могиле № 1, где покоились его товарищи по этапу, а в могиле № 7!

Подобная ситуация в случае расстрела польских офицеров сотрудниками НКВД было просто исключена. Только немцы имели реальную возможность расстреливать в Козьих Горах польских офицеров, доставленных из Козельска одним этапом с интервалами в несколько дней и даже недель! Однако это не помешало Зоре утверждать, что польские офицеры в Катынском лесу были расстреляны сотрудниками НКВД.

Заметим, что даже последовательное и поэтапное совпадение фамилий в списках не может быть весомым аргументом в вопросе однозначного установления виновника расстрела в Катынском лесу. Постараемся доказать это утверждение. Примем за истину версию комиссии Бурденко. В этом случае расселение польских офицеров весной 1940 г. по жилым баракам лагерей «особого назначения» НКВД и формирование рабочих бригад шло по мере поступления в эти лагеря конвойных этапов с военнопленными поляками. Не вызывает сомнений, что весь этот процесс осуществлялся по спискам—предписаниям НКВД. Это гарантировало сохранение компактных групп польских офицеров в рамках этапов, в составе которых они были отправлены из Козельского лагеря.

Немцы, большие любители порядка, захватив в июле 1941 г. лагерь «особого назначения», вряд ли бы стали ломать четко налаженную систему жизнедеятельности этих лагерей, сформированную НКВД. Это подтверждает хотя бы такой факт. В некоторых оккупированных областях СССР нацисты оставляли функционировать колхозы, как наиболее эффективные хозяйства по снабжению продовольствием вермахта.

И если бы немцы сразу после захвата лагерей «ОН» начали массовые расстрелы поляков, то для этого они должны были использовать списки, на основе которых лагеря функционировали в советское время. Естественно, в этом случае совпадение списков-предписаний НКВД и немецкого эксгумационного списка было бы практически 100%-ным. Однако, как представляется, немцы осуществляли расстрел польских офицеров выборочно. Видимо, расправа вершилась в первую очередь над теми, кто оказывал моральное сопротивление немецким властям и был способен повести за собой людей.

По всей видимости, Зорю не смутил **чрезмерный разброс** по немецкому эксгумационному списку фамилий офицеров, прибывших в Смоленск весной 1940 г. одним этапом. Для него главным было выявить фамилии польских офицеров, прежде всего, близко расположенных и в предписаниях на отправку из Козельска, и в немецком эксгумационном списке. Т.е. офицеров из одного этапа, останки которых потом были обнаружены рядом в катынских могилах.

Использованный Зорей метод позволяет выявить в вышеупомянутом списке-предписании на 78 человек следующие **семь таких компактных групп**, близко расположенных номеров из немецкого эксгумационного списка:

- 1). № 51-№ 52-№ 59.
- 2). № 113-№ 114.
- 3). № 157-№ 162-№ 165-№ 173.
- 4). № 236-№ 240-№ 245.
- 5). № 1937-№ 1942-№ 1944-№ 1945-№ 1950-№ 1952-№ 1959-№ 1962-№ 1966-№ 1970-№ 1974-№ 1975-№ 1976-№ 1978-№ 1981-№ 1984-№ 1986-№ 1987-№ 1988-№ 1990-№ 1991-№ 1995-№ 1996-№ 1997-№ 1998-№ 1999-№ 2000-№ 2006.

6). № 2103-№ 2105-№ 2107.

7). № 2126-№ 2127-№ 2129-№ 2130-№ 2132.

Вывод, казалось бы, однозначный: офицеры вместе ехали в эшелоне из Козельска в Смоленск, вместе были и расстреляны весной 1940 г. Вышеизложенные доказательства Ю.Зоря катыноведы считают «решающими». Однако разброс фамилий польских офицеров по эксгумационному списку от выявления вышеуказанных групп не изменился. А подобный разброс — явное свидетельство расстрела военнопленных поляков из одного этапа в разное время, с интервалами от нескольких дней до нескольких недель. Сотрудники НКВД подобное весной 1940 г., даже при желании, не могли осуществить.

Возникает вопрос, почему немцы, фальсифицируя эксгумационный список, допустили такую грубую ошибку? Это можно объяснить тем, что немцы не просто «подгоняли» фамилии польских офицеров в эксгумационном списке под этапные списки НКВД из Козельского лагеря, но и пытались придать этому некий случайный характер, который бы усилил впечатление достоверности немецкой эксгумации и идентификации. Ну, а поскольку немецкие и польские эксперты, как говорилось, «работали» в цейтнотном режиме, то «проколы» при составлении окончательного варианта эксгумационного списка были неизбежны.

Однако возникает вопрос, а были ли у немцев этапные списки-предписания НКВД для того, чтобы фальсифицировать идентификацию останков из катынских захоронений? Да, сегодня точно установлено, что такими списками немцы располагали.

Для доказательства вновь обратимся к исследованию профессора В.Сахарова. На основе анализа немецких архивных документов, касающихся немецкой эксгумации в Катыни в 1943 г., он выявил ряд сенсационных фактов. Прежде всего, Сахаров подтвердил информацию о том, что нацисты в июле 1941 года в здании Смоленского УНКВД захватили списки польских офицеров из Козельского лагеря, направ-

ленные в апреле 1940 г. в распоряжение Смоленского УНКВД (См. http://kprf.ru/rus_law/79589.html).

О том, что эти списки активно использовались в процессе идентификации (если происходившее в Катыни можно назвать идентификацией) эксгумированных в катынском лесу трупов, свидетельствует переписка Министерства имперской пропаганды (ведомство Геббельса) с Германским Красным Крестом (ГКК).

Проблема у немцев возникла в связи с тем, что фамилии польских офицеров дважды транслитерировались с одного алфавита на другой. В 1939 г. в лагерях НКВД с польского на русский, а в 1943 г. — с русского на немецкий. Это создало при составлении официального эксгумационного списка катынских жертв большие сложности для немецких экспертов, располагавших в ходе полевой эксгумации списками только на немецком языке. Двойная транслитерация привела к серьезным ошибкам в написании польских фамилий.

Поэтому Особый уполномоченный Германского Красного Креста (ГКК) в письме от 23 июня 1943 г. в Министерство имперской пропаганды (Геббельсу) просил прислать копии оригиналов или фотокопии захваченных списков на русском языке. В тот же день, 23 июня 1943 г. из этого Министерства в адрес президиума ГКК было направлено письмо, в котором говорилось: «Вам высылаются обнаруженные в ГПУ Смоленска списки имен на русском языке для внимательного изучения с просьбой переслать находящиеся у Вас поименные списки установленных в Катыни жертв, имеющих в обоих списках».

В письме от 8 июля 1943 г. немецкие эксперты вновь просят Министерство пропаганды: ***«Передать найденные в здании ГПУ в Смоленске списки интернированных в Козельском лагере либо в оригинале, либо фотокопии, или же позволить снять с них копии на русском языке»***. Надо полагать, что такой интерес к точным спискам польских офицеров был продиктован не просто любопытством.

Немцы изначально ставили цель: осуществить идентификация трупов расстрелянных в Козьих Горах поляков, максимально приближенную к этапным спискам НКВД. Иначе, как

можно было обеспечить **невероятный в мировой практике процент идентификации эксгумированных (67%)**? В этом случае причастность НКВД к расстрелу в Катынском лесу, как тогда казалось немецким экспертам, становилась практически неопровержимой.

Эту пропагандистскую бомбу, заложенную нацистами в 1943 г., в 1990 г. взорвал советский историк Юрий Зоря, сын помощника государственного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. В 1992 г. он повторил свои исследования, уже в качестве официального эксперта Главной военной прокуратуры РФ. В итоге появился **«Расчет вероятности захоронения в Катыни останков польских граждан, отправленных из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области»**.

Утверждается, что этим исследованием Зоря якобы окончательно доказал, что военнопленных поляков расстреливали сотрудники НКВД СССР весной 1940 г. непосредственно после прибытия этапов в Гнездово, и захоронены они в том порядке, в котором они находились в тюремных вагонах, то есть согласно этапным спискам НКВД. Однако, при внимательном рассмотрении из исследования Зори следует лишь вывод об обнаружении в захоронениях в Козьих Горах большинства отправленных из Козельска в Смоленск польских военнопленных.

О каком **«соответствии»** порядка отправки польских офицеров из Козельского лагеря порядку расположения трупов в катынских могилах не может идти речь, так как при составлении немецкого эксгумационного списка не указывались номера конкретных могил и полностью игнорировался порядок извлечения из них останков катынских жертв?!

Отсутствие надежного исходного материала позволяет воспринимать расчеты и показную глубокомысленную наукообразность рассуждений Зори, как **жонглирование математическими терминами и цифрами**. Не будем обременять читателя разбором «коэффициентов» и наукообразных математических расчетов, которыми Зоря доказывал вышеназванное «соответствие» в списках. Заметим лишь, что эти расче-

ты Зори так и не дали аргументированного ответа на вопрос: **кто расстрелял польских офицеров в Катыни?**

Тем не менее, в 1993 г. комиссия экспертов во главе с академиком Борисом Топорниным, работавшая в Главной военной прокуратуре в 1992—1993 гг., некорректные выводы Зори также сочла **важным свидетельством «достоверности»** немецкой эксгумации 1943 года?!

В своем **Заключении** комиссия отметила: *«Исследованиями установлена прямая закономерная связь между списками-предписаниями на отправку военнопленных в УНКВД Смоленской области и тем, в каком порядке трупы лежали в катынских могилах весной 1943 г. Совпадение обоих списков говорит о достоверности идентификационного списка от 1943 г., который может рассматриваться, как доказательственный документ»* (Катынский сидром... С.482. Подчеркнуто нами. — В.Ш.).

Немецкие и польские эксперты, фальсифицировавшие в 1943 г. катынский эксгумационный список, от души посмеялись бы, читая эти утверждения комиссии экспертов ГВП. Повторим еще раз, что при **отсутствии достоверной исходной информации** о том, из какой конкретно могилы и какого места (слоя) данной могилы был извлечен тот или иной труп, рассуждения Зори о совпадениях в последовательности этапных списков НКВД и немецкого эксгумационного списка являются не просто не корректными, а ложными. Исходя из вышеизложенного, считать выводы Ю.Зори «**решающим**» доказательством вины НКВД за расстрел в Катынском лесу, нет никаких оснований.

И, хотя ошибочные выводы историка Зори были весьма спорными и на самом деле в большей степени свидетельствовали о вине нацистов за расстрел польских офицеров, нежели о вине НКВД, на Старой площади (ЦК КПСС) в 1990 г. их восприняли как «**весомое**» доказательство вины НКВД СССР.

Другим «**решающим**» доказательством советской вины в расстреле тысяч польских граждан «катыноведы» считают документы конвойных войск НКВД и, прежде всего, шифровки Калининского областного управления НКВД заместителю

Наркома внутренних дел СССР В.Меркулову. Таких шифровок на сегодняшний день в Центральном архиве ФСБ обнаружено девять. Историк Н.Лебедева утверждала, что термин «**исполнено**» в этих шифровках означал, что поляки, прибывшие в распоряжение Калининского УНКВД были «**расстреляны**».

Данное утверждение легко опровергается тем фактом, что начальник Осташковского лагеря Борисовец после каждой отправки в Калинин очередного этапа с **живыми** поляками направлял начальнику Калининского УНКВД Токареву шифровки: «**10 мая исполнено 208. Борисовец**», «**11 мая исполнено 198. Борисовец**». Это означало, что из Осташковского лагеря в адрес Калининского УНКВД отправлено 208 и 198 военнопленных поляков (Катынь. Расстрел... С. 142). Несомненно, термин «**исполнено**» означал, как подтверждение прибытия этих этапов, так и отправку этапов военнопленных или заключенных.

Известно, что первые польские полицейские в количестве 343 чел. из Осташковского лагеря прибыли в Калинин в 5 вагонах поезда № 21 в **9 час. 30 мин. утра 5 апреля 1940 г.** И уже в тот же **вечер** начальник Калининского УНКВД Д.Токарев информировал В.Меркулова шифрограммой «**первому наряду исполнен 343. Токарев**» (ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 808.) Однако поляков из первого этапа **не могли расстрелять днем 5 апреля.** Это противоречило бы инструкции НКВД о производстве расстрелов.

Да и сам Токарев на допросе 20 марта 1991 г. показал, что первый этап поляков в количестве 300 человек начали расстреливать 5 апреля вечером, с наступлением сумерек и закончили после восхода солнца. Рапортовать же об исполнении еще не выполненного «задании», дезинформируя тем самым высшее руководство НКВД СССР, начальник Калининского УНКВД Токарев никогда бы не решился.

24 апреля этап с польскими полицейскими в количестве 195 человек также прибыл в Калинин **утренним поездом.** В течение рабочего дня сотрудники Калининского УНКВД только успели перевезти военнопленных с вокзала во внут-

ренную тюрьму. Соответственно, зашифрованную телеграмму об «исполнении 195», то есть о доставке во внутреннюю тюрьму поляков, Токарев отправил в Москву вечером 24 апреля 1940 г.

На допросе Токарев сообщил, что пленных поляков с железнодорожной станции во внутреннюю тюрьму Калининского УНКВД доставлял всего один «автозак», вместимостью 6 человек, но при желании туда можно было пометить 15 человек. Соответственно процедура доставки пленных полицейских нередко длилась до глубокой ночи.

В других случаях этапы из Осташкова прибывали в Калинин вечерним поездом № 402 (в 20.00 час.). В этом случае перевозка пленных полицейских с вокзала в тюрьму происходила всю ночь и шифровки об «исполнении наряда» отправлялись в Москву утром следующего дня.

Несомненно, шифрограммы Токарева Меркулову подтверждали только факт прибытия в Калининский УНКВД польских полицейских, а не их расстрел. В то же время согласно утверждениям Н.Лебедевой шифрограмма означала, что эти люди были уже расстреляны.

Заметим, что в сборнике документов «Катынь. Март 1940-сентябрь 2000. Расстрел...», ответственным составителем которого является Н.Лебедева, в сносках после донесений Токарева Меркулову об исполнении, указывается, что «в тот же день они были расстреляны» (См. документы № № 60, 67, 88). Это свидетельствует о явно поверхностном подходе составителя к формулировке выводов, следующих из документов, представленных в сборнике. Абсолютно точно одно. Днем поляки в Калинин не могли расстреливаться.

В этой связи обращаемся к уважаемой г-же Лебедевой с просьбой, поясните, пожалуйста, в каком помещении Калининского УНКВД в ДНЕВНОЕ (!) время тайно расстреливались сотни польских полицейских?

Добавим, что на документах НКВД, касающихся судьбы одного из основных «свидетелей» расстрела поляков в Катыни Станислава Свяневича, оставленного по указанию Нарко-

ма внутренних дел Берии **в живых**, также есть отметка **«Исполнено»** (Катынь. Расстрел... С 131—132),

В завершение сделаем небольшое замечание. Сегодня историк Наталья Лебедева, считающаяся главным российским катынведом, голословно обвиняет независимых исследователей катынского преступления в историческом невежестве. Однако ярким примером такого невежества является неспособность выявить действительное значение термина **«исполнено»**.

Кстати, в свое время Наталья Сергеевна была ярой сторонницей советской версии и не видела в ней никаких изъянов, как в настоящее время не видит их в немецко-польской версии. В 1989 г. в Москве вышла в свет ее книжка **«Безоговорочная капитуляция агрессоров: Из истории Второй мировой войны»**. В ней Лебедева утверждала, что: «В апреле 1943 г. геббельсовская пропаганда сфабриковала «доказательства», осуществленного якобы органами НКВД в районе Катыни вблизи г. Смоленска расстрела 10 тыс. польских офицеров. Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний после освобождения Смоленска установила, что расстрел имел место, но был проведен в сентябре 1941 г. оккупантами». (См. Лебедева Н.С. Безоговорочная капитуляция агрессоров. М., 1989. С. 344.)

Завершить тему «решающих» доказательств вины НКВД за расстрел польских военнопленных, сформулированных в конце 1989 г. историками Ю.Зорей и Н.Лебедевой следует следующим рассуждением. При надлежащем исследовании архивных документов, имевших отношение к катынской трагедии, **широким кругом профессиональных аналитиков и историков ошибки, допущенные Зорей и Лебедевой, были бы не возможны.**

К сожалению, тотальная засекреченность катынской проблемы обусловила ситуацию, при которой важнейшее для судьбы СССР решение вырабатывалось келейно и чрезвычайно узким коллективом историков. До сих пор официальное расследование Катынского дела, и не только его, осуществляется узким кругом лиц, профессиональный уровень которых вызывает серьезные сомнения.

Эксгумация по-польски

Генеральный прокурор Трубин в упомянутом письме Президенту СССР Горбачеву от 17 мая 1991 г. сообщил, что: **«Польская сторона настаивает на проведении эксгумации в местах вышеназванных захоронений с участием польских экспертов и отдельных представителей общественности этой страны. В соответствии с имеющимся договором о правовой помощи между нашими государствами предварительно нами дано согласие на совместное проведение указанного следственного мероприятия в августе текущего года».**

Горбачев согласился с решением Трубина. Так было положено начало совместным советско-польским эксгумациям в местах возможного захоронения польских граждан. Однако с первых дней польские эксперты стали диктовать свои условия при проведении эксгумации и идентификации найденных останков. В итоге патронат советской прокуратуры, а впоследствии и российской, над процессом эксгумации стал «условным». Дело дошло до того, что в нарушение всех процессуальных норм **основная часть вещественных доказательств была вывезена в Польшу.**

Работа польских археологов и историков в рамках Катынского дела на территории бывшего СССР длилась с 1991 по 2006 год. За это время по итогам эксгумаций было **«достоверно»(?) установлено 66 захоронений расстрелянных польских граждан:** 15 — в Пятихатках (Харьков), 25 — в Медном (Тверь), 8 — в Катюни-Козьих Горах (Смоленск), 18 — в Быковне (Киев).

Поговорим о методике признания захоронений, обнаруженных на территории СССР, «польскими». На основании публикаций участников эксгумаций и рассказов очевидцев, можно сделать вывод, что она представляла собой модернизированную немецкую методику образца 1943 года. Пользуясь этой методикой, польские эксперты без труда «достовер-

но» установили фамилии всех, кто был найден (и не найден) в Катыни, а также всех, кто якобы захоронен на спецкладбище НКВД в Медном под Тверью и в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова, более известном, как Пятихатки.

В итоге в 2000 году на стелах Катынского мемориала появилась не 2636, а 4071 табличка с именами польских офицеров из Козельского лагеря НКВД. Польские эксперты утверждают, что им удалось достоверно установить фамилии 4411 из 4421 (99,8%) польских офицеров, захороненных в Катыни. Каким образом это было достигнуто, польские эксперты предпочитают не распространяться. Не отвечают они и на вопрос, почему на стенах катынского мемориала всего 4071 табличка, а не 4411?

Еще больший процент «успешной идентификации» представлен в мемориальном комплексе «Медное». Здесь считаются «установленными» имена практически всех 6311 польских полицейских, жандармов и пограничников Осташковского лагеря НКВД. При этом весной 1940 г. из этого лагеря в Калининское УНКВД были отправлены 6287 поляка. То есть можно говорить, что процент идентификации в Медном составил 100,4%?!

Так называемую «идентификацию» в этом случае польские эксперты осуществили на основе списков-предписаний, присланных в Осташковский лагерь весной 1940 г. Управлением по делам военнопленных НКВД. Реальные этапные списки польских военнопленных, отправленных весной 1940 г. из Осташковского лагеря в Калинин, как отмечалось, так и не были обнаружены. Как видим, вся польская идентификация построена на предположениях. Ни один суд подобные доказательства не сочтет достоверными.

Процесс идентификации даже одной личности, с сугобо юридических позиций, весьма длительное и хлопотное дело. Напомним, что Президиум Польского Красного Креста, в письме, направленном 12 октября 1943 г. в Международный Комитет Красного Креста отмечал, что: «...даже если бы ПКК располагала всеми результатами работ по эксгумации и идентификации, включая документы и воспоминания,

она не могла бы официально и окончательно засвидетельствовать, что эти офицеры убиты в Катynie.

Неопознаваемое состояние трупов, тот факт, что во многих случаях при двух трупах были обнаружены документы, несомненно, принадлежавшие одному лицу, минимум опознавательных знаков, особенно безупречных вещественных доказательств, найденных при трупах, наконец, то обстоятельство, что военные, убитые в Катynie, пали не на поле сражения, а по прошествии времени, в течение которого должна была происходить смена униформы, переодевания и попытки побегов, все это дает ПКК основания утверждать только то, что данные трупы имели при себе определенные документы» (ГАРФ. Ф.7021. Оп.114. Д.23. Л. 109).

Не случайно ГВП РФ ограничилась признанием личностей только 22 идентифицированных экспертами комиссии Бурденко поляков. Не были признаны и результаты немецко-польской эксгумации, проведенной в Катynie в 1943 г. В целом российское следствие не признало результаты польской идентификации, проведенной в местах предполагаемых массовых польских захоронений в 1991—1996 гг.

В официальном ответе российского Минюста Европейскому суду по правам человека от 13 октября 2010 г. отмечено, что *«таблички с фамилиями на польском мемориале памятнике в Катынском лесу не подтверждают в правовом смысле ни того, кто там похоронен, ни того, кто там был убит»*. Это означает, что так называемый многотысячный «Список катынских жертв», который Польша в одностороннем порядке составила и частично увековечила на стелах польских мемориалов в Катynie, Медном и Пятихатках в правовом смысле не достоверен.

Однако катыноведаы предпочитают этот факт замалчивать. Вместо этого они постоянно акцентируют политическую оценку катынского преступления, данную российским руководством. Однако вернемся к польской эксгумации захоронений начала 1990 годов. Прежде всего, расскажем об эксгумационных раскопках на спецкладбище НКВД в Медном под Тверью.

В августе 1991 г. эксгумационные работы в Медном велись на **огромной площади пятиугольника со сторонами 37x108x36x120x120 м.** Было сделано **30 раскопов и 5 дополнительных зондажей.** Но были эксгумированы всего лишь **243 трупа, а к ним всего лишь 226 черепов.** Раскопки велись варварским способом (экскаватором). Соответственно, как утверждают катыноведы, часть черепов была просто уничтожена. Тем не менее, по **найденным документам (?!)** было идентифицировано около 20 поляков из Осташковского лагеря. Причем большинство идентифицированных были из одного этапа (этапные списки НКВД 019/1,2,3 от 7 апреля 1940 года).

В 1991 г. польские эксперты на спецкладбище НКВД в Медном не обнаружили ни одного целостного трупа. На фотографиях, сделанных в это время в Медном главным польским катыноведом, бывшим советским астрономом Алексеем Памятных, фигурируют только человеческие кости и черепа, сложенные рядами у палаток.

Тем не менее, на некоторых трупах (?) «**в бумажниках или за голенищами сапог**» были найдены «**бумажные документы**». Утверждают, что конвервантами этих документов послужили дубильные вещества от кожаных сапог, ремней и бумажников, а также образовавшийся от трупов жировоск. Странно, ноги в сапогах разложились до костей, а документы за голенищами сохранились? (http://community.livejournal.com/ru_katyn/11111.html).

В то же время известно, что поляков расстреливали в помещении внутренней тюрьмы Калининского УНКВД и по инструкции должны были тщательно обыскивать. А тут у расстрелянных набор списков, документы! Как это понимать?

Очевидцы в частных беседах утверждали, что в Медном кости находили в захоронениях, а **документы и списки среди лохмотьев в отдельных ямах,** в которых не было человеческих останков. Один такой список на 128 человек был найден в 1991 г. при останках Люциана Райхерта. В этом списке были перечислены его лагерные соседи по «корпусу IV». Все они присутствуют и в списках-предписаниях НКВД. Еще 18

фамилий (тоже из Осташковского лагеря) были указаны на записках, найденных на или при других трупах (<http://www.katyn.ru/forums/viewtopic.php?pid=5930>).

Известно, что при проведении эксгумационных раскопок предварительно, как правило, делается топографическая съемка местности, четко обозначаются границы и квадраты раскопов, документально фиксируются все находки с обязательным указанием мест, в которых они были сделаны. Добавим, что при идентификации стремятся из найденных костей составлять целые скелеты. Только таким образом появляется установить личность человека даже спустя сотни лет после смерти.

Судя по имеющейся информации, прежде всего, о польских раскопках в киевской Быковне, ничего подобного ни в Медном, ни в Катynie, ни в Пятихатках не было сделано. Видимо, польские археологи эти канонические требования эксгумации считают для себя не обязательными. Главным документом для идентификации останков они сочли списки-предписания НКВД.

В сентябре 1994 г. польские эксперты начали повторный расширенный зондаж территории спецкладбища «Медное» и его окрестностей. Они осуществили 246 зондирований, в 98 случаях попали на захоронения, и сделали 18 зондажных раскопок. При зондажах брались пробы грунта, в которые, как утверждали эксперты, попадали фрагменты польского обмундирования. Окраска грунта была характерной для многолетнего наличия в нем обмундирования польских полицейских и пограничников. В результате было выявлено 17 польских могил, плюс 4 могилы, установленные во время эксгумации 1991 г.

В июне — августе 1995 г. польские эксперты и археологи продолжили работу в Медном. Они пришли к убеждению, что на спецкладбище НКВД находятся только 25, по некоторым данным 26 польских захоронений. 2 советских захоронений были выявлены за пределами спецкладбища. К такому же выводу пришли и специалисты Тверского УФСБ, проводившие зондажные бурения в Медном осенью 1995 г. В ре-

зультате в 1995 г. польские эксперты сумели идентифицировать, как польские, уже **2115 найденных останков**. Сегодня же считается, что в Медном покоится прах **всех 6311 польских полицейских и пограничников из Осташковского лагеря НКВД**.

Между тем, в начале 1990-х годов члены тверского «Мемориала» и сотрудники Тверского УФСБ установили, что **именно на спецкладбище НКВД было захоронено около 5.000 репрессированных советских людей, расстрелянных в 1937—1953 гг.** Но, согласно польским исследованиям, на территории спецкладбища НКВД **нет советских захоронений**. Однако следует учитывать, что кости и черепа, даже с пулевыми ранениями, не имеют национальной принадлежности.

В итоге мемориальный комплекс «Медное» сегодня состоит из двух частей. В одной, как утверждают надписи на мемориальных досках, захоронены **6.311 военнопленных поляков**, в другой — **5.000 советских людей**, ставших жертвами репрессий в 1930—40 годы. Но польские захоронения находятся **на территории бывшего спецкладбища НКВД**, а советские вне его. Одним словом, **по воле польских экспертов останки расстрелянных советских людей неожиданно переместились?! К этой странности мы еще вернемся.**

Не менее эффективно «поработали» польские археологи в Пятихатках, точнее 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова. В июле — августе 1991 г. эксгумационные работы в Пятихатках также велись на значительной площади: **97×62×143×134 м**. Сделано было **49 раскопов и 5 зондажей**. Однако польские эксперты идентифицировали всего **167 останков поляков**. Причем только на **62 из 167 исследованных черепов**, найденных в Пятихатках, были обнаружены следы огнестрельных ранений.

В самих захоронениях были обнаружены боеприпасы трех видов: **малокалиберные, винтовочные и к револьверам системы «Наган»**. Известно, что бывший старший по корпусу внутренней тюрьмы Харьковского УНКВД М.Сыромятников на допросе 20 июля 1990 г. показал, что поляков в подвале тюрьмы расстреливали из револьверов. Тем не менее

все 167 эксгумированных в Пятихатках трупа были признаны польскими.

В 1994—1996 гг. при повторной польской эксгумации в Пятихатках «польскими» были признаны 15 из 75 захоронений. В них было обнаружено уже 4302 польских трупа. В то же время в Харьковское УНКВД из Старобельского лагеря направили 3896 польских военнопленных. Согласно записке Шелепина в Харькове было расстреляно 3820 человек. Лишние трупы польских экспертов не смутили. 500 туда, 500 сюда, какая разница?

Польские захоронения в Пятихатках вызывают немало вопросов. Станислав Микке в своей книге «Спи храбрый...» писал, что в ходе эксгумаций в 1995—1996 гг. на спецкладбище в Пятихатках польские археологи обнаружили следы «*замаскированных*» скважин диаметром 60, 80 и 90 см., пробуренных механическим путем вглубь только 15 захоронений, признанных «польскими». Более того, в могиле № 7 в центре был обнаружен шурф, идущий через всю могилу. Во всех 15 могилах были зафиксированы «*нарушения анатомической целостности захоронений*».

Эти нарушения официально зафиксировали польские эксперты. Но объяснить их не смогли, или не захотели. В остальных 60 захоронениях, признанных «советскими», подобные скважины отсутствовали. Некоторые исследователи полагают, что через эти скважины в захоронения были подброшена польская атрибутика.

В 1991 г. жители Пятихаток говорили, что несколько лет назад на спецкладбище ночами велись какие-то буровые работы. Власти объясняли это тем, что проводилась санобработка захоронений. С этим можно было бы согласиться, если бы не следующие вопросы. Зачем надо было бурить скважины почти метрового диаметра, если для закачки дезинфицирующего раствора достаточно 100-мм скважины? Почему работы велись ночью? Почему обрабатывались только «польские захоронения»? Возможно, для того, чтобы судьба почти 4 тысяч польских офицеров из Старобельского лагеря не вызывала лишних вопросов.

Но каким же образом польские эксперты в 1990-х годах производили идентификацию эксгумированных останков, добиваясь совершенно невероятных результатов? Повторим, **базовым документом для идентификации останков, из признанных польскими захоронений, явились списки-предписания НКВД на отправку поляков из лагерей.** Ну а далее дело техники.

Необходимо было обнаружить захоронения с требуемым количеством останков, неважно какого происхождения. А в захоронениях найти, даже в незначительном количестве, польскую атрибутику: погоны, ремни, пуговицы и т. д. Потом на основе списков-предписаний НКВД сформировать список расстрелянных поляков, якобы обнаруженных в эксгумированных польскими экспертами захоронениях.

По такой технологии на территории сегодняшней Польши **российские эксперты могли бы обнаружить не 18 тысяч погибших в польском плену в 1920—1922 гг. красноармейцев, как считают поляки, а всю сотню тысяч.** Только вот списков тех лет на транспортировку пленных красноармейцев у поляков не сохранилось, да, и у российского руководства желания заняться этой проблемой тоже нет!

Списки-предписания на конвоирование в распоряжение областных УНКВД сторонниками официальной версии в настоящее время расцениваются, как **документы, подтверждающие расстрел.** Теперь уже не нужно искать решения о расстреле и акты, подтверждающие факт расстрела. Не требуется и обнаружение в захоронениях документов или вещей, подтверждающих личность расстрелянного: «Проездного билета» в виде списка-предписания НКВД, достаточно для того, чтобы со 100% уверенностью заявить — **польский «пассажир» оказался в заданном пункте и покоится в соответствующем захоронении.**

Логика при этом простая. Если человек был направлен в распоряжение Смоленского УНКВД, **то захоронен в Катыхни.** Если был направлен в распоряжение Калининского УНКВД, **то захоронен в Медном.** Если был направлен в распоряжение Харьковского УНКВД, **то захоронен в 6 квартале лесопарко-**

вой зоны г. Харькова или Пятихатках. Ну, а если маршрут следования пленных все же был не на спецкладбище НКВД, а в лагерь «ОН», то кто может это доказать?

А теперь на конкретном примере постараемся показать, как польские эксперты сознательно выдавали останки советских людей за польских военнопленных. Это подтвердили раскопки в киевской Быковне, которые польские эксперты проводили в 2001 и 2006 г.г. Ранее было установлено, что близ Быковни в 1936—1941 гг. *«были захоронены трупы репрессированных советских граждан»* (Память Биковни. С. 66). И вдруг в августе 2006 г. тогдашний секретарь польского Совета охраны памятников борьбы и мученичества Анджей Пшевозник заявил польскому агентству печати, что в Быковне под Киевом **открыты первые могилы поляков, убитых НКВД в 1940 году.** При этом подчеркнул: *«Обнаружили то, что искали»* (ПАП. Варшава. 8 августа 2006 г.).

В августе 2001 г. Пшевозник написал в Государственную межведомственную комиссию по делам увековечения памяти жертв войны и политических репрессий Украины: *«На основании сведений, полученных в ходе следствия, проведенного российской военной прокуратурой, установлено, что в Быковне под Киевом захоронены бранные останки польских граждан, в том числе офицеров, убитых киевским НКВД в 1940—1941 гг. на основе решения Политбюро ЦК ВКП (б) Советского Союза от 5 марта 1940 года... Группа, покаяющаяся в Быковне, это около 3500 поляков, погибших на территории Украины».*

В ответ Владимир Игнатъев, следователь по особо важным делам Киевской городской прокуратуры, который вынес в 1989 г. постановление о том, что в Быковне захоронены жертвы НКВД, сообщил: *«Мы нашли в 1989 г. останки 30 польских офицеров. Держали их на Лукъяновке вместе с женщинами. Можно говорить о трагической гибели 100—150 поляков. Но 3500 офицеров в Быковне — это миф».*

Киевский «Мемориал», проведя свое расследование, также заявил, что заявления польской стороны о захоронении в Быковне 3500 польских граждан из катынского «украинско-

го» списка являются «мифом», и что в действительности в Быковне захоронены **от 100 до 270 репрессированных польских граждан.**

Ссылка А.Пшевозника на российскую военную прокуратуру, якобы установившую в ходе следствия, что в Быковне захоронены 3500 поляков из катынского «украинского» списка, **откровенная ложь. Вот так 150 расстрелянных в Быковне поляков, стараниями «главного польского мученика» превратились в 3500.** А для доказательства поляки «соответствующим» образом организовали эксгумационные раскопки.

11 ноября 2006 г. киевский еженедельник «Зеркало Недели» опубликовал статью, в которой раскрыл некоторые «тайны» польской эксгумации в Быковне. Установлено, что летом 2006 г. раскопки здесь проводились с грубыми нарушениями украинского законодательства и игнорированием элементарных норм и общепринятой методики проведения эксгумаций: **не велось полевое описание находок, отсутствовала нумерация захоронений, человеческие кости собирались в мешки без указания номера могилы, при эксгумациях не присутствовали представители местных властей, МВД, прокуратуры, санитарной службы, судмедэкспертизы и т.д.** Выяснилось также, что с аналогичными нарушениями проводилась в Быковне и предыдущая серия раскопок и эксгумаций в 2001 г. Не напоминает ли это те нарушения, которые немцы при молчаливом согласии поляков допускали в ходе раскопок в Катыни в 1943 г.?

Вышесказанное рождает подозрение, что, возможно, на спецкладбище в Медном захоронены **не 6311 поляков из Осташковского лагеря, а менее 297 расстрелянных польских офицеров полиции, жандармерии, погранвойск, а также разведчиков и провокаторов из этого лагеря, на которых имелся «компромат»?** Три сотни фуражек, мундиров, сапог, ремней, несколько тысяч пуговиц с польским орлом, при польской упрощенной методике идентификации вполне могли создать иллюзию, что на спецкладбище НКВД покоятся тысячи поляков.

В этой связи представляет интерес версия, согласно которой основная часть польских полицейских и пограничников **не была расстреляна** весной 1940 г. Известен отчет о служебной деятельности 155 полка войск НКВД по охране Беломорско — Балтийского канала им. тов. Сталина за 1-е полугодие 1941 года (от 9 июля 1941 г. № 00484,) обнаруженным исследователем Геннадием Спаськовым. В нем сообщается, что: «На участке 1 и 2 роты в январе месяце с/г прибыло несколько этапов з/к в лагерь около 2-го шлюза, один из этапов был с з/к западных областей Белорусской и Украинской ССР исключительно бывшие полицейские и один в Вол-озерское отделение севернее 7-го шлюза в 5 км» (РГВА, ф. 38291, оп.1, д.8, л.99).

В отчете подчеркивается, что бывшие польские полицейские были из западных областей Белоруссии и Украины. Это могли быть только полицейские из Осташковского лагеря. Все разговоры о том, что их могли спутать с полицейскими, интернированными в Литве летом 1940 г., не серьезны. Наиболее вероятно, что эти военнопленные были размещены в Маткожненском исправительно-трудовом лагере Главного управления лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР. Однако, несмотря на неоднократные запросы, не удалось установить даже место хранения архивных материалов Маткожненского ИТЛ.

Весной 1990 г. житель Калинина Александр Емельянович Богатиков сообщил представителю калининского (тверского) «Мемориала» Марэну Михайловичу Фрейденбергу о том, что в 1943 г. он отбывал срок заключения в лагере на Дальнем Востоке. Вместе с ним сидел поляк из Осташковского лагеря, рассказавший, как в начале 1940 г. в лагере среди военнопленных отбирали специалистов по радиоделу. Остальных позднее отправили в Мурманск (<http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=626>).

Кстати, польский исследователь катынского преступления Ю.Мацкевич в книге «Катынь» утверждал, что: **«Более 6 тысяч военнопленных из Осташково вывезли на станцию Бологое на железнодорожной линии Ленинград-Москва, где след**

их затерялся в бескрайних лесах, тянущихся к северо-востоку от станции...». Получается, что в Медном захоронена лишь небольшая часть поляков, благодаря останкам которых все захоронения в Медном были объявлены польскими.

Ю.Мацкевич приводит свидетельство Катажины Гонщечкой, жены одного без вести пропавшего польского офицера, направленной на принудительные работы в район устья реки Печоры. 26 января 1943 г. она явилась в канцелярию 5 полка Польской Армии под командованием Андерса и заявила, что во время плавания по Белому морю в июне 1941 г., матрос из команды парохода рассказал ей, что в 1940 г. две баржи с 7 тысячами заключенных, большинство из которых составляли служащие польской полиции и польские офицеры, были затоплены в Белом море (Мацкевич, «Катынь», глава 18, раздел «Судьбы Осташково»).

Ю.Мацкевич также приводит свидетельство старшего постового польской полиции А. Воронецкого, которому один из лагерных охранников заявил, что *«польских военнопленных из Осташково утопили»* (Мацкевич, глава 4). Ю.Мацкевич эту версию отвергает как нелогичную. Зачем надо везти в такую даль заключенных, если проще их расстрелять на месте, как в Катыни?

В.Абаринов в книге *«Катынский лабиринт»* приводит свидетельства двух поляков: И. Выховского из Гданьска и Т.Чижа из Сопота, которые в 1954 г. работали на ленинградской судоверфи «Петрозавод». Там один советский технолог, который в 1940 г. работал юнгой на буксире, рассказал им, что однажды он участвовал в буксировке шаланд (баржи с открывающимся дном) с несколькими тысячами пленными польскими полицейскими в Белое море. Шаланды вернулись в порт пустыми (Абаринов. Глава I, раздел «Осташков»).

А.Деко, ссылаясь на комиссию по переписи польских военнопленных, созданную в армии Андерса, пишет о *«свидетельствах от двух женщин (независимо одно от другого): они уверяли, что в 1940 г. в Белом море были затоплены две огромные баржи с 7000 польскими офицерами и лейтенантами на борту»* (Деко. Великие загадки...С. 227).

Как удалось выяснить, Главная военная прокуратура РФ проверку вышеизложенных фактов о возможной судьбе польских полицейских и пограничников не проводила. Всех удовлетворила официальная версия.

Сообщение комиссии Бурденко как главный аргумент советской версии

Уже отмечалось, что Специальная комиссия по расследованию и установлению обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками военнопленных польских офицеров в Катынском лесу под председательством академика Н.Бурденко была создана в январе 1944 г.

Членами Комиссии являлись академик А.Толстой, Митрополит Николай, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант А.Гундоров, председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца С.Колесников, Народный Комиссар просвещения РСФСР академик В.Потемкин, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник Е.Смирнов, председатель Смоленского облисполкома Р.Мельников.

Комиссия создавалась и работала в условиях жесточайших цензурных ограничений военного времени и острейшего «политического цейтнота», вызванного необходимостью срочно предоставить руководству Советского Союза пропагандистские козыри в переговорах с польским эмигрантским правительством в Лондоне о будущем Польши. В итоге Специальная Комиссия работала в Катыни-Козьих Горах крайне поспешно (реально с 16 по 23 января) и не вполне досконально исследовала ситуацию, несмотря на то, что в комиссию входили видные советские общественно-политические деятели.

К работе в Козьих Горах были также привлечены видные советские ученые: главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР директор НИИ судебной медицины В.Прозоровский, заведующий кафедрой судебной ме-

дицины 2-го Московского медицинского института доктор медицинских наук В.Смолянинов, ст. научный сотрудник Государственного НИИ судебной медицины Наркомздрава СССР П.Семеновский, ст. научный сотрудник Государственного НИИ судебной медицины Наркомздрава СССР доцент М.Швайкова, главный патолог фронт майор медицинской службы профессор Д.Выропаев.

Помимо этого, согласно протоколу № 4 заседания Комиссии от 19 января 1944 г., на вскрытии трупов ежедневно работали **75 врачей и 11 санитаров**. В результате до отъезда членов комиссии в Москву было эксгумировано и исследовано **925 трупов**. Однако с учетом нескольких рабочих дней после отъезда членов комиссии, в течение которых эксгумации продолжались, всего из катынских могил в январе 1944 г. извлекли и исследовали **1380 трупов**. По найденным документам были установлены личности **22 человек**. Работа была проделана огромная и на достаточно высоком уровне. К сожалению, Комиссия в своей работе стала заложником директивных указаний сверху.

Так, Специальная Комиссия была вынуждена полностью игнорировать результаты немецкой эксгумации 1943 г. Это было обусловлено требованием руководителя Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Николая Михайловича Шверника. Он прислал Николаю Ниловичу Бурденко немецкие «Официальные материалы о массовых убийствах в Катыни» 1943 г., а в сопроводительном письме подчеркнул **«При составлении акта полевизировать по поводу этого документа не надо** (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 1.Л. 1).

В результате такой установки положение Комиссии в плане доказательности вины нацистов за расстрел польских офицеров в Катыни существенно осложнилось. Важные вопросы, ответы на которые доказали бы фальсификационный характер немецкой эксгумацией 1943 г. оказались невыясненными.

В результате, до сих пор неясно, из каких захоронений комиссия Бурденко извлекала трупы в январе 1944 г. Известно, что в 1943 г. немцы, после окончания эксгумации, перезахоронили останки катынских жертв в 6-ти общих могилах на площади 36 х 60 м. Генералов Сморовиньского и Бохатеревича похоронили в отдельных могилах. На вторичных могилах немцы установили **пронумерованные кресты**. Спутать их месторасположение в Катynie было невозможно. Все эксгумированные останки катынских жертв при перезахоронении немцы снабдили металлическими жетонами.

Однако в Сообщении Специальной Комиссии утверждается, что 925 трупов польских военнопленных были извлечены из общей могилы размером около 60 х 60 х 3 м, а также из отдельной могилы размером около 7 х 6 х 3,5 м. Ничего не говорилось в Сообщении о наличии металлических опознавательных жетонов на повторно эксгумированных останках. В то же время они отчетливо видны на отдельных трупах при просмотре документального фильма «Трагедия в Катынском лесу», посвященном эксгумации января 1944 г.

В то же время в Акте судебно-медицинской экспертизы Комиссии отмечается, что *«обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведенного на трупах»* (подчеркнуто нами. — В.Ш.)

Вышесказанное позволяет утверждать, что комиссия Бурденко извлекала ранее эксгумированные немцами **трупы**. Сведения о выявлении ранее неизвестных в Козьих Горах захоронений в Сообщении Комиссии отсутствуют. Почему же в таком случае размеры захоронений, указанные в Сообщении Комиссии, не совпадают с размерами вторичных захоронений, произведенных немцами?

Поверхностно комиссия Бурденко исследовала обстоятельства пребывания немецких военных частей осенью 1941 г. в районе Катynie-Козьих гор, что, как отмечалось, сыграло негативную роль при рассмотрении «катынского эпизода» на Нюрнбергском трибунале.

Бездоказательным осталось утверждение судебно-медицинских экспертов Комиссии о том, что общее количество трупов в катынских захоронениях достигает 11 тысяч. Следует заметить, что на 6—ом заседании Комиссии, состоявшемся 23 января 1944 г., было решено: *«установить общее количество трупов, похороненных в Катынской могиле»* (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 267—268). Однако действий, подтверждающих цифру в 11 тысяч расстрелянных, не было предпринято ни в 1944 г., ни позднее.

Не исследованным остался вопрос об оружии, примененном для расстрела в Козьих Горах. В Акте судебно-медицинской экспертизы Сообщения констатируется, что: *«Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм».*

Однако экспертиза и оценка состояния найденных в катынских захоронениях немецких гильз и патронов не проводилась. На заседании Комиссии 19 января 1944 г. ограничились лишь указанием о том, что *«Надо точно фиксировать диаметры входных отверстий, собрать экспонаты для музея»* (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 146—148).

Нет необходимости заявлять, что орудия убийства всегда являются важным вещественным доказательством, позволяющим установить виновников преступления. Сегодня спор об оружии, примененном для расстрела катынских жертв, приобрел особую остроту. Данные Специальной Комиссии по этому поводу могли сыграть существенную роль в этом споре, позволяющем выявить преступника. Но...

За рамками Сообщения остался вопрос и о веревках, которыми были связаны катынские жертвы. Связанных в захоронениях в 1944 г. было обнаружено немного (около 5%), но происхождение этих веревок также способствовало бы установлению истины в споре о виновниках катынской трагедии. В 1943 г. Бутц отмечал значительное количество связанных. Многие свидетели на допросах советским следовате-

лям утверждали, что во время так называемых экскурсий в 1943 г., они хорошо видели веревки, напоминающие немецкий шпагат из крафт-бумаги.

Известно, что и в 1990-х годах при эксгумациях в Пятихатках и Козьих Горах иногда находили останки расстрелянных людей со связанными руками. В Пятихатках это были советские граждане, связанные хорошо сохранившейся пеньковой бечевкой советского производства. В «польских» захоронениях в Козьих Горах от немецкого бумажного шпагата к этому времени не осталось и следов. Он полностью истлел. К сожалению, экспертиза материала веревок, которыми, были связаны катынские жертвы, в 1944 г. не проводилась. В этой связи доказательно утверждать, что это был именно немецкий шпагат, нельзя.

Крайне опрометчивым оказалось то, что Комиссия при установлении даты расстрела в Козьих Горах сослалась на данные судебно-медицинской экспертизы, которая якобы *«несомненно установила: время расстрела — осень 1941 г.»* Это утверждение носило явно пропагандистский характер, так как в то время не существовало достаточно надежных научных методик для определения время захоронения. Даже сегодня датировка гибели обнаруженного в старых захоронениях трупа является весьма непростой задачей.

Информация о лагерях *«особого назначения»* НКВД, в которых содержались польские военнопленные в период 1940—1941 гг., не была подкреплена соответствующими свидетельствами. На 6—ом заседании Комиссии, состоявшемся 23 января 1944 г., было решено: *«Поручить обследование бывших лагерей польских военнопленных члену Комиссии Гундорову А.С.»* (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 179—180). Но генерал-лейтенант Гундоров так и не проинформировал Комиссию о состоянии бывших лагерей *«особого назначения»*. Все ограничилось опросом бывшего начальника лагеря *«№ 1-ОН»* Ветошникова, состоявшимся 23 января 1944 г.

Конечно, признать в период войны, что СССР совершил противоправное деяние, осудив военнопленных и превратил их в заключенных лагерей *«особого назначения»* НКВД,

было невозможно. Но более определенные данные о существовании лагерей «ОН» в Сообщении Комиссии должны были присутствовать. В результате базовое доказательство вины нацистов в расстреле польских военнопленных стало эфемерным. Если под Смоленском существовали лагеря «ОН», то нацисты могли расстрелять поляков, если нет, то вся версия Специальной Комиссии о вине нацистов рушилась.

При отсутствии неопровержимых доказательств о наличии лагерей «ОН» под Смоленском, вся шумиха с повторной советской эксгумацией в январе 1944 г. не имела большого значения. Она фактически ничего не доказывала, кроме того, что в Катыни-Козьих Горах действительно захоронены расстрелянные польские военнопленные. Для доказательства вины нацистов комиссии Бурденко следовало документально подтвердить СУЩЕСТВОВАНИЕ лагерей «ОН», выявить всех свидетелей преступления немцев и в достаточных количествах извлечь из захоронений вещественные доказательства, подтверждающие вину нацистов: пули, стреляные гильзы, сохранившееся пистолетные патроны и немецкий шпагат.

К этому следовало добавить содержательный анализ немецких документов о процедуре формирования немцами эксгумационного списка и завершить этот анализ «Судебно медицинским отзывом» Я.Олбрыхта и С.Сенгалевича. Это позволило бы доказать явно фальсификационный характер немецкой эксгумации.

Негативное отношение к выводам комиссии Бурденко укрепилось после опубликования в 1990 г. отдельных результатов «предварительного расследования» Катынского дела, осуществленного большой группой оперативных работников и следователей НКГБ СССР и УНКГБ по Смоленской области под руководством заместителя начальника контрразведывательного управления НКВД майора Леонида Райхмана. Эта группа работала в Козьих Горах с 5 октября 1943 г. по 10 января 1944 г., то есть до комиссии Бурденко.

Итогом этой работы стала совершенно секретная «Справка о результатах предварительного расследования так на-

зываемого «катынского дела» от 18 января 1944 г. за подписью Наркома госбезопасности СССР В.Меркулова и зам. Наркома внутренних дел СССР С.Круглова. «Сообщение...» комиссии Бурденко по ряду позиций дословно повторяло эту справку. Это вызывает определенные сомнения в объективности Сообщения комиссии Бурденко.

*Польская «научно-историческая экспертиза»
и лагеря «особого назначения» НКВД*

В 1988 г. польская сторона нанесла удар по главному советскому аргументу, доказывающему причастность нацистов к расстрелу в катынском лесу — выводам, сформулированным Специальной Комиссией или комиссией Бурденко, осуществившей повторную эксгумацию катынских захоронений в январе 1944 г.

Несмотря на явные недочеты и натяжки, версия комиссии Бурденко в социалистическом лагере считалась общепринятой до 1988 г. Как уже говорилось, в 1987 г. была создана двусторонняя комиссия по вопросам отношений между Польшей и Россией и, прежде всего, по Катыни. Однако попытки польских историков начать дискуссии по катынской проблеме наталкивались на глухое сопротивление советской части комиссии.

Такая позиция во многом была обусловлена с одной стороны **полной засекреченностью** документов, касающихся катынской темы, с другой — **неопределенной позицией** Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. Генсек даже не соизволил ответить на очень важный для поляков документ — рапорт бывшего генерального секретаря Польского Красного Креста К.Скаржиньского о работе Технической комиссии ПКК в Катыни в 1943 г., переданный советской стороне еще осенью 1987 г.

Уже упомянутый В.Абаринов в дополнительной главе к «Катынскому лабиринту» пишет: «**В ответ на слезные моль-**

бы академика Георгия Смирнова (советский сопредседатель двусторонней Комиссии по истории отношений между двумя странами — В.Ш.), просившего принять хоть какое-нибудь решение, ему от имени Горбачева было предложено вместе с д-ром Яремой Мачишевским (польский сопредседатель — В.Ш.) выступить с совместным обращением к гражданам, организациям и архивам Польши, Советского Союза и третьих стран с просьбой направлять комиссии свидетельства и документы, имеющие отношение к событиям в Катыни. Но Мачишевский категорически отказался участвовать в этом фарсе».

Катынская проблема под предлогом неготовности к обсуждению не включалась советской стороной в повестку дня. Наконец, по настоянию поляков катынская тема все же была внесена на обсуждение. На втором пленарном заседании комиссии (1—3 марта 1988 г.) польская сторона выразила недовольство отсутствием у советской стороны *«содержательной позиции»* по катынской проблеме. Советский академик А.Нарочницкий выступил с обширной речью в защиту выводов комиссии Н.Бурденко. Польские профессора не согласились с подобной трактовкой катынской проблемы и возник вопрос о целесообразности существования комиссии.

Тогда советский профессор О.Ржешевский предложил польским коллегам еще раз проанализировать логичность и доказательность выводов комиссии Н.Бурденко. В течение двух месяцев члены двусторонней советско-польской комиссии, польские профессора историки Я.Мачишевский (польский сопредседатель комиссии), Ч.Мадайчик, Р.Назаревич и М.Войцеховский осуществили так называемую *«научно-историческая экспертизу»* Сообщения комиссии Бурденко. Выводы для советской стороны оказались неутешительными

В исследовании *«Катынский синдром...»* утверждает, что польские эксперты в 1988 г. *«...не оставили камня на камне от всей системы доказательств комиссии Н.Н.Бурденко... Ложная версия о содержании польских военнопленных до сентября 1941 г. в трех лагерях особого назначения с использованием на дорожно-строительных работах и о*

проведении расстрелов немцами была убедительно опровергнута ... Как следует из справок МБ РФ, таких лагерей в 1940 г и последующих годах не существовало. Так называемый майор Ветошников (начальник лагеря № 1-ОН фигурировал как свидетель в сообщении комиссии Бурденко) службу в системе госбезопасности не проходил и является вымышленной фигурой» (Катынский синдром... С. 370—371, 476).

Игнорировать существование этих лагерей польским «экспертам» позволило плохое знание ими советской системы и, прежде всего, советского секретного делопроизводства. В СССР, а теперь и в России, **если что-то засекречено**, то засекреченная вещь, событие, человек, организация для большинства членов общества формально **как бы перестают существовать**. Так было и в ситуации с лагерями «особого назначения» под Смоленском, информация о которых засекречена (!) до сих пор.

В итоге советская власть, к сожалению, породила немало **«вымышленных фигур»**. Примеров можно привести сотни. 12 мая 2006 г. на ТВ «Россия» в документальном фильме **«Мифы без грифа»** было рассказано о советском разведчике Александре Ивановиче Козлове, работавшим на советскую разведку в немецком абвере и послужившим прототипом героя фильма **«Путь в Сатурн»**. Козлов ценился в абвере, как опытный специалист, готовящий диверсантов. Он стал капитаном, был награжден Железным крестом и 4 другими наградами рейха. О работе Козлова в тылу немцев докладывали Сталину.

Однако после войны А.И.Козлова уволили из армии, взяв подписку о неразглашении гостайны и в целях конспирации полностью исказили его биографию. По документам выходило, что в годы войны Козлов не работал по заданию советской разведки за линией фронта, а был в немецком плену. Соответственно, на приличную работу и пенсию претендовать он не мог. Его попытки восстановить справедливость обернулись тюремным сроком.

Сегодня в России достоянием гласности становится немало историй ветеранов, выполнявших воинский долг в раз-

личных точках земного шара. Многие из них не могут доказать свои заслуги перед Отечеством, т. к. в архивах отсутствуют какие-либо упоминания о спецподразделениях, в которых эти ветераны служили и спецоперациях, в которых они участвовали.

По поводу «вымысленности» личности начальника лагеря «особого назначения» № 1 В.М.Ветошниковва необходимо заметить следующее. В 1991 г. даже на официальные запросы следователей Главной военной прокуратуры СССР о местонахождении бывшего начальника Калининского областного управления НКВД генерала Токарева Д.С. приходили ответы, что такими сведениями КГБ не располагает (Катынский синдром... С.354). Но разве это повод считать Токарева «мифической» личностью? Кстати, что в период запросов Токарев проживал во Владимире и еженедельно получал продовольственные пайки от областного управления КГБ.

Видимо, такая же ситуация произошла с В.М.Ветошниковым. Засекречиванию личности майора НКВД Ветошниковва пособствовал и тот факт, что в период подготовки к Нюрнбергскому процессу его показания были изъяты из показаний свидетелей по Катынскому делу. Журналист В.Абарин полагает, что: *«Советское обвинение в Нюрнберге стремилось исключить из Катынского дела какие бы-либо упоминания о том, что лагеря находились в ведении НКВД»* (Абарин. Глава 5 «Нюрнбергский вариант»). Видимо, нежелание советского руководства признать противоправный факт осуждения польских военнопленных к принудительным работам в исправительно-трудовых лагерях явился главной причиной того, что лагеря особого назначения и их руководство стали «мифическими».

Царивший в СССР режим засекреченности наглядно характеризуется следующим фактом. Александр Яковлев, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС несколько лет не мог получить в Общем отделе ЦК КПСС информацию о том — существуют ли в партийном архиве документы по Катынскому делу? А они были!

Вернемся к Сообщению комиссии Н.Бурденко. Несомненно, оно не было лишено недостатков, основным из которых являлось отсутствие документальных доказательств существования лагерей «ОН». Но главным аргументом для польских профессоров стала справка Министерства безопасности России, в которой сообщалось о том, что лагеря «ОН» под Смоленском **не существовали**. Это позволило полякам исключить из системы доказательств комиссии Бурденко **факт существования лагерей «особого назначения», являющийся краеугольным камнем этой системы**.

В настоящее время проект «Правда о Катях» располагает значительным числом свидетельских показаний, которые подтверждают наличие под Смоленском лагерей НКВД, в которых содержались польские военнопленные.

О существовании Катинского лагеря (именуемого в Сообщении комиссии Н.Бурденко лагерем № 2-ОН) под Смоленском свидетельствует рассказ Алексея Алексеевича Лукина, бывшего начальника связи 136-го отдельного конвойного батальона конвойных войск НКВД СССР журналисту Владимиру Абаринову. Этот диалог Абаринов описал в книге «Катинский лабиринт». Лукин уверенно заявил, что в 1941 г. 136-й батальон охранял *«три лагеря: Юхнов, Козельск и Катинь. Это я знаю»*. Несмотря на явное давление Абаринова, Лукин всякий раз уверенно утверждал, что лагерь в Катях существовал.

А.Лукин также рассказал, как проводилась в июле 1941 г. *«операция по вывозу польского населения»* Катинского лагеря. *«Вопрос был очень сложный: надо эвакуировать, а немецкие самолеты над шоссе летают на высоте 10—15 метров, все дороги загромождены беженцами, и не только шоссе, а и проселки. Очень трудно было, а машин было очень мало. Мы пользовались теми машинами, которые останавливали, высаживали беженцев, отнимали машины и в эти машины грузили польское население из лагеря Катинь»* (Абаринов. Катинский лабиринт. Глава 2.).

В этой связи трактовка известного приказа по 252-му полку конвойных войск НКВД СССР от 10 июля 1941 г., как

распоряжение отконвоировать заключенных Смоленской тюрьмы на расстрел в Катынский лес (23 км на запад) на расстрел, не выдерживает критики (Катынь. Расстрел... С. 349).

Немцы в те дни были на расстоянии одного-двух танковых бросков от Смоленска. Всем уже было известно их умение прорывать советскую оборону и создавать «котлы окружения». Помимо этого немцы выбросили в окрестности Смоленска десанты. Дорога Минск-Смоленск была забита беженцами и отступающими. И вдруг навстречу им и наступающим немцам направляется пешим порядком колонна, предназначенных для расстрела заключенных Смоленской тюрьмы, численностью не менее 600 человек (исходя из численности выделенного конвоя в 43 бойца). Реально ли это?! В Львове, Луцке, Минске и других советских городах подобные ситуации в июне-июле 1941 г. заканчивались либо спешной эвакуацией всех заключенных на восток, либо освобождением «бытовиков» с расстрелом «политических» прямо во дворе тюрьмы.

О том, что бойцы 252-го полка конвойных войск должны были 10 июля 1941 г. конвоировать польских военнопленных, а точнее осужденных, из Катынского лагеря (№ 2-ОН) не на расстрел, а в советский тыл свидетельствует уже упоминаемый А.Лукин. Рассказ А.Лукина журналисту В.Абаринскому 2 мая 1990 г. фиксировала на видеокамеру группа редактора польского телевидения Анджея Минко. Но польская сторона принципиально избегает любых упоминаний о Лукине. И не только о нем. Все, что противоречит польской версии, в Польше находится под негласным запретом.

Польские профессора, проводившие в 1988 г. научно-историческую экспертизу выводов комиссии Бурденко, на основе *«тщательного анализа линии перемещения фронта и обстоятельств взятия Смоленска»*, будучи в Варшаве, *«установили»* (??), что версия о невозможности эвакуации лагерей с польскими военнопленными является *«абсолютно неправдоподобной»* (Катынский синдром... С. 479).

Удивительный вывод, если учесть, что даже российские историки и ветераны, непосредственные участники военных

событий, по многим эпизодам войны, особенно начального периода, не могут выработать единое мнение. Великая Отечественная война отличалась большим количеством *«неправдоподобных»* эпизодов. Кто мог предполагать, что вермахт через две с половиной недели после начала военных действий окажется под Смоленском? И кто мог предполагать, что через три недели сентября 1939г. Польши оказалась разгромленной и оккупированной.

Срыв эвакуации лагерей особого назначения произошел по распространенной причине советских времен — **ведомственной неразберихе, усугубленной войной.** В апреле-мае 1941 г. Вяземлаг, до этого организационно находившийся в системе Главного управления лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), перебросил девять из двенадцати своих лагерных отделений («асфальто-бетонных районов», АБР) со строительства шоссе Москва-Минск на строительство военных аэродромов, развернутое Главным управлением аэродромного строительства (ГУАС) в Белоруссии.

Руководство Вяземлага во главе с начальником лагеря Г.А.Саркисьянцем передислоцировалось из Вязьмы в Оршу — поближе к новому месту работ. Однако три лагеря ОН при этом остались на прежних местах дислокации в Смоленской области и перепрофилировались на ремонтные автодорожные работы, проводимые Главным управлением шоссежных дорог (ГУШОСДОР). А со 2 июля 1941 г. согласно приказу НКВД СССР № 00849 от того же 2 июля 1941 г. Вяземлаг еще и формально полностью перешел в подчинение от ГУЛЖДС к ГУАС. В итоге всей этой организационной чехарды три лагеря ОН элементарно **«потерялись»** в хаосе первых дней войны между тремя главками НКВД.

Эвакуацию всех трех лагерей не удалось осуществить не только из-за стремительного прорыва немцев к Смоленску, но и из-за ведомственного эгоизма — **никто не хотел брать на себя ответственность за эвакуацию «чужих» заключенных без приказа свыше.** К этому добавилось и противодействие польских офицеров, которые использовали любую воз-

возможность для неповиновения лагерной администрации или для побега.

О существовании под Смоленском лагерей с польскими военнопленными свидетельствует бывший курсант Смоленского стрелково-пулеметного училища, ныне полковник в отставке **Илья Иванович Кривой**. В своем заявлении в Главную военную прокуратуру РФ от 24 октября 2004 г. он подробно описал факты встречи под Смоленском летом 1940 г. и в начале лета 1941 г. с подконвойными польскими пленными военнослужащими.

Москвич **Ксенофонт Агапов**, бывший спектрометрист металлургического завода № 95 в Кунцево, сообщил о том, что с 31 октября по 26 ноября 1941 г. он ехал из Москвы до г. Верхняя Салда Свердловской области в одном эвакуационном эшелоне вместе с примерно 80 пленными польскими офицерами, сумевшими уйти из лагеря под Смоленском.

Ветеран войны **М.Задорожный**, бывший разведчик 467-го корпусного артиллерийского полка написал письмо в газету «Рабочий путь» (Смоленск), в котором сообщил, что в августе 1941 г., во время выхода 467-го артиллерийского полка из окружения недалеко от Смоленска, в распоряжение его подразделения прибежал солдат в форме погранвойск НКВД и сообщил, что: *«...немцы ворвались в расположение лагеря военнопленных поляков, охрану перестреляли и расстреливают поляков. А этому солдату удалось убежать»* (Рабочий путь. № 7 (20189). 9 января 1990).

В № 4 «Военно-исторического журнала» (ВИЖ) за 1991 г. было опубликовано интервью с бывшим командиром взвода 1-го автомобильного полка Войска Польского **Борисом Павловичем Тартаковским** под названием «Я знал поляков, якобы расстрелянных в Катыни». Он долгое время служил в Войске Польском, всегда был патриотом Польши. По его утверждению, некоторые родственники у него были репрессированы.

Тартаковский рассказал, что в Люблине в его часть пришло пополнение, в том числе два сержанта. Один из них был по фамилии Векслер, фамилии второго, к сожалению, Тарта-

ковский не запомнил. Они рассказали, что в 1940—1941 гг. находились в так называемом **Катынском лагере** (№ 2-ОН. — В.Ш.), При приближении немцев к Смоленску, начальник лагеря приказал эвакуировать военнопленных. Железной дорогой этого сделать не смогли, то ли вагонов не хватало, то ли по какой-то другой причине. Тогда начальник лагеря приказал идти пешком, но поляки отказались и стали сопротивляться охране. В этот момент немцы уже подходили к лагерю, поэтому охрана и некоторые военнопленные, в том числе и сержанты, ушли из лагеря.

Оказавшись в тылу, поляки были арестованы и направлены в Сибирь. Там они и жили где-то в деревне до мобилизации в армию Андерса, но уходить с ней в Иран они отказались. Потом они были призваны в Войско Польское и оказались в Люблине.

В Люблине Тартаковский еще раз столкнулся с катынской темой. Он жил на квартире у одной женщины по фамилии Зелинская. Она познакомила Тарковского с племянником. В 1939 г. тот был солдатом Войска Польского году и оказался в **Катынском лагере** под Смоленском. В 1941 г. в момент подхода к лагерю немцев он с товарищами совершил побег. Тартаковский даже описал местонахождение дома пани Зелинской в Люблине. Он находился на улице, которая шла на Варшаву, и был вторым или третьим домом от центральной площади города.

Уже после освобождения Варшавы Тартаковский встретился с еще одним бывшим пленником **Катынского лагеря**. Часть Тартаковского тогда стояла в Гродецк-Мазовецком, что приблизительно в 15 км от Варшавы. Дом, в котором квартировал Тартаковский, принадлежал польке, негативно настроенной к русским. Она утверждала, что ее мужа, польского офицера, уничтожили в Катыни русские. Об этом ей стало известно из списков, которые бойцы Армии Крайовой вывешивали на стенах домов. **И вдруг, еще до окончания войны, явился муж, цел и невредим.** Он рассказал, что прибыл из Карпат, где партизанил. К партизанам попал после побега из

Катынского лагеря. А бежал он из лагеря в момент захвата его немцами.

В заключение интервью Тартаковский от имени своих сослуживцев и себя попросил напечатать, что они крайне недовольны заявлением ТАСС по Катынскому вопросу.

Особо следует высказаться о книге «Катынский лес» (The Katyn forest. Panda press London. 1988), написанной в конце 1960-х годов Ромуальдом Свентеком-Хорынем (польс. Romuald Świątek-Норуń) известным в России, как Ромуальд Святек. Его имя и исследование вызывает особую неприязнь сторонников официальной версии. На Интернет -форумах Свентика они склоняют на разные лады в большевистско-ленинском стиле, то есть, не стесняясь в эпитетах. Этим они компенсируют недостаток аргументов.

Авторы книги «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях», люди достаточно известные в научном мире, бездоказательно назвали книгу Свентика «лживой». Вдобавок они обвинили Свентика в сотрудничестве с НКВД. Правда, до обвинений в том, что Свентик продолжал и в Англии работать на КГБ, не додумались.

На русский язык книга «Катынский лес» так и не была переведена. Отрывки из нее в 1991 г. опубликовал «Военно-исторический журнал» («ВИЖ» № № 7, 9). Попытаемся разобраться лжива ли она и имел ли Свентек какой-либо интерес фальсифицировать информацию. Для этого необходимо обратиться к его биографии.

Родился Свентек в 1928 г. на территории Западной Белоруссии, тогда входившей в состав Польши, в семье осадника. В 1940 г. семья была выслана в Архангельскую область. В 1942 г., Свентики вместе с частями армии Андерса покинули СССР. Затем через Иран семья была переправлена в Англию. В 1949 г., оставив родителей в Лондоне, Свентек решил посетить Белоруссию, а затем переехать в Польшу. Однако после приезда в СССР он был арестован и в 1950 г. решением Особого совещания приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Летом 1951 г. приговор был аннулирован, назначено новое следствие, проходившее во Львове. В мае 1952 г. Военный трибунал Прикарпатского Военного округа приговорил Свентека к двадцати пяти годам трудовых лагерей с лишением на пять лет гражданских и избирательных прав. В сентябре 1956 г. комиссия Верховного Совета сократила срок с двадцати пяти до семи лет и вскоре он был освобожден. Как видим, особой любви к советской власти Свентек не мог испытывать.

По словам Свентека, он, будучи эмигрантом из Англии, первое время был уверен, что польские военнопленные в Катыни были казнены НКВД. И только новые, неизвестные сведения, касающиеся катынской проблемы, полученные им из уст *«собратьев по заключению»* заставили Свентека изменить мнение. В Англию он вернулся в 1968 г. с рукописью книги *«Перед лицом Красного трибунала»*, содержащей главу, в которой подвергается сомнению немецко-польская версия о катынском убийстве. Впоследствии глава превратилась в книгу, которую Свентек с большим трудом опубликовал. На русский язык ее принципиально не публикуют. Видимо, потому, что против свидетельств, собранных Свентиком нет серьезных контраргументов.

Дабы не быть голословным приведем выдержки из книги Свентека *«Катынский лес»*, опубликованные в «ВИЖ». Свентек пишет: *«Как бывший политический заключенный, осужденный советским военным трибуналом во Львове к 25 годам лишения свободы с отбыванием срока в лагерях, я далек от попыток реабилитировать советскую систему. Я сам стал безвинной жертвой и едва не погиб от рук тирана.*

Должен заметить, что при всей своей неприглядности и жестокости коммунистическая система отличается от нацистской тем, что она всегда пыталась соблюдать приличия в отношении закона и порядка. Советские суды с момента своего появления приговаривали людей к расстрелу. Однако эти приговоры приводились в исполнение в тюрьме и только после подтверждения Верховного суда или Верховного Совета Союза ССР».

Свентек в своей книге приводит ряд свидетельств, подтверждающих версию комиссии Бурденко. *«Будучи в Воркуте в лагере № 10, я встретил майора немецкой армии, который с 1941 года находился в оккупированном Смоленске. От него я узнал, что немцы и в самом деле захватили несколько лагерей с польскими военнопленными, расположенных в этом районе. Однажды в беседе я поинтересовался его мнением о Катыни. Он прямо мне ответил, что это дело рук немцев, поскольку это отвечало их интересам, и искренне удивился польским протестам.*

...В лагере № 11 в Воркуте я повстречал Влодзимежа Мандрыка, который до войны и в период оккупации работал на главпочтамте в Смоленске. Мандрык совершенно определенно утверждал, что в окрестностях Смоленска с 1940 года были лагеря с польскими узниками. Он готов был даже поклясться, что они ликвидированы немцами. По его рассказу это произошло в период между августом и октябрём 1941 года, поскольку именно в это время на почту прекратили поступать письма, написанные в этих лагерях, а любая корреспонденция, адресованная в лагерь, в соответствии с указанием немцев уничтожалась. Мандрык помнил также, что приблизительно в это же время немцы объявили, что польские военнопленные отправлены в Польшу.

Осенью 1952 года меня перевели в Норильск, где в лагере № 4 я встретил капитана Владислава Зака, попавшего в русский плен в сентябре 1939 года. В течение целого года мы прожили в одном бараке, и я был свидетелем многих дискуссий и споров среди поляков по катынскому вопросу, неизменным участником которых был капитан Зак, постоянно утверждавший, что он абсолютно уверен в том, что Катынь является делом рук немцев и что он тоже бы разделил участь своих убитых товарищей, если бы не случай. За две недели до нападения Германии на Советский Союз он был переведен из лагеря под Смоленском в тюрьму в Москве, где его, обвинив в шпионаже и саботаже, приговорили к десяти годам лишения свободы. В лагерь под Смоленском

капитан Зак прибыл вместе с группой польских офицеров в конце апреля 1940 года.

На мой взгляд, капитан Зак был важным свидетелем по катынскому делу, поскольку его рассказ большей частью совпадал с рассказами других польских офицеров, которые в 1942 году ушли с польской армией на Средний Восток. (Напомним судьбу полковника Любодзецкого. В.Ш.)

...В июле 1953 года вместе с группой инвалидов я был направлен в район Иркутска в лагерь № 233. Здесь я познакомился с отцом Козера, проявлявшим очень большой интерес к катынскому делу. В течение более чем восьми-летнего пребывания во многих лагерях отец Козера собрал много интересных материалов, приведших его к окончательному выводу, что катынское преступление совершено немцами.

Но из всех людей, которых я встречал, наиболее весомым было свидетельство русского майора, который до войны работал в смоленской комиссии по лесозаготовкам, а с приходом немцев, будучи подпольщиком, устроился работать на железную дорогу. Этот майор рассказал мне, что его интерес к убитым офицерам пробудился по воле случая, когда один из его людей доложил ему, что немцы обнесли район Козьих Гор колючей проволокой и установили таблички с надписями, что вход в эту зону запрещен.

«Я подумал, — рассказывал майор, — что немцы там строят какой-то секретный объект или склад с боеприпасами, а поэтому я приказал своим людям проверить это. Однако когда доложили, что местное население видело, как немецкие грузовики, полностью загруженные польскими военнопленными, въезжали в зону, я решил, что немцы, по всей вероятности, строят там лагерь для поляков. В начале 1943 года я был отправлен на работы в Германию и когда услышал о том, что немцы обнаружили в катынском лесу могилы убитых польских офицеров и что обвинения возлагаются на Советский Союз, то понял всю глубину вероломства нацистской пропаганды».

Только случай помог мне встретиться с этим майором из Смоленска, и его заявление убедило меня в том, что только немцы должны нести ответственность за смерть тех польских офицеров в Катыни.

Всего в Советском Союзе я провел девять лет: два года в ссылке и семь в лагерях. За это время я через многое прошел, всякое повидал, встретил тысячи интересных людей и полагаю, что, если бы советские власти захотели отделаться от польских офицеров, они прибегли бы к хорошо освоенным методам, заслав их на Новую Землю, на Колыму или в Норильск, как они это уже делали с миллионами русских и украинских политических оппонентов, где по меньшей мере половина умирала в течение года от холода, голода и болезней...».

Читатель может сам сделать вывод, возможно ли считать вышеизложенную информацию Свентека лживой?! Что же касается катынцеведов, которые утверждают, что некому Здиславу Ягодзинскому удалось «раздолбать» книгу Свентека «Катынский лес», то им предпочтительнее заниматься творчеством Н.Лебедевой, которая допустила явные и непростительные «проколы» в исследовании катынской темы, а также противоречивыми и явно надуманными свидетельскими показаниями А.Шелепина, Д.Токарева, М. Сыромятникова и П.Климова.

Обоснованность свидетельств, представленных Р.Свентиком подкрепила статья одного из старейших и авторитетнейших российских журналистов Эрика Соломоновича Котляра «Катынь — горечь души моей...», опубликованная в «Московской правде» 28 мая 2010 г. Эрик Соломонович рассказал о немецком офицере, который после войны отбывал срок в Красногорском особом лагере для военнопленных.

В силу давности описываемых событий Котляр допустил в статье ряд неточностей. Но относительно немецкого офицера информация не вызывает сомнений. По словам Котляра, на этого офицера были получены сведения о его причастности к расправе над поляками в Катыни. В конце концов,

немец согласился на месте в Катynie показать, как происходил расстрел польских военнопленных.

Приказ ехать с немцем в командировку в Катынь поступил от Кобулова Амаяка Захаровича, тогдашнего начальника Управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Он являлся братом Кобулова Богдана Захаровича, которого Сталин лично включил в «тройку», решавшую весной 1940 г. судьбу пленных поляков. Известно, что старший Богдан всегда опекал младшего брата Амаяка.

Если бы «тройка» приговорила поляков к расстрелу и их расстреляли в Катynie весной 1940 г., то вряд ли бы Богдан посоветовал бы Амаяку заниматься этим делом. Видимо, с согласия Богдана Кобулова, Амаяк Кобулов настоял на том, чтобы немец поехал в Катынь. Там немец *«показал контрольные позиции расстрелов пленных поляков. Рассказал о приказах из Берлина, которые приводились в действие. Одним словом, все рассказанное и показанное пленным, очевидцем события, полностью подтверждало, что гитлеровцами было совершено еще одно дикое преступление на оккупированной земле, лицемерно описанное Геббельсом как расправа над поляками стрелками НКВД»*.

Еще одно подтверждение существования лагерей «особого назначения» под Смоленском содержится в книге легендарного партизанского командира, Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева «Сильные духом» (Свердловское областное государственное издательство, 1952 г.). Отряд Медведева, действовавший в 1942—43 гг. на территории Ровенской области (Украина), осуществлял не только диверсии в тылу врага, но и обеспечивал прикрытие легендарного советского разведчика Николая Ивановича Кузнецова, работавшего в Ровно под видом гитлеровского офицера Пауля Зиберта.

Помимо этого партизанские разведчики стремились вовлечь в партизанское движение новых участников. В отряд постоянно приходили люди из городов и деревень, желавшие воевать с гитлеровцами. Один такой случай Медведев описал более подробно, так как его поразил внешний облик

пришедшего. *«В январе (1943 г. В.Ш.) нам удалось связаться с одним поляком, жителем села Ямного, Клесовского района (окрестности украинского города Сарны. В.Ш.). Он сам отыскал наших разведчиков и представился: «Горбовский Антон, бывший драгун польской армии...». Одет он был странно, в калошах на босу ногу и с зонтиком в руке. Однажды он приехал к нам верхом на какой-то тощей кляче, но со шпорами на босых ногах.*

Говорил Горбовский быстро, фальцетом. Наши разведчики почему-то прозвали его «хранцузом». Он рассказал о предателях, живших в его селе, просил нас с ними расправиться. Потом просил уполномочить его на организацию партизанского отряда из поляков. «Хранцуз» сначала не верили, но потом убедились, что он действительно всеми силами души ненавидит гитлеровцев и готов с ними бороться не на жизнь, а на смерть».

Горбовский рассказал партизанам, что в 1939 г. он попал в советский плен. Летом 1941 г. он находился в лагере НКВД для военнопленных под Смоленском. Поляки радовались, когда в июле 1941 г. лагерь захватили немцы. Все были уверены, что вскоре окажутся дома. Но немцы *«предложили сначала добровольно, потом под угрозой расстрела пойти в гитлеровскую армию, и как, наконец отказавшихся — а их было свыше девяносто процентов — ежедневно группами по сто — двести человек уводили из лагеря неизвестно куда».*

Когда очередь дошла до Горбовского, он, как и многие в лагере, догадался, что гитлеровцы расстреливают поляков. В одну из ночей их погрузили в машины и привезли к огромной яме в лесу. Горбовский в темноте сумел незаметно взобраться на дерево, откуда видел, как расстреливали его друзей. Ему повезло, так как немцы не проверяли списки и Горбовского не искали.

Медведев писал, что: *«Этот внешне странный человек сумел организовать отряд, в котором было до ста бойцов, поляков из окрестных сел».* Надо полагать, что Горбовский агитировал односельчан в партизанский отряд, рассказывая

о судьбе поляков в немецком плену, расстрелянных в Катинском лесу.

Следует сделать следующие уточнения. Анализ текста свидетельствует о том, что Медведев эпизод с Горбовским описал, как пример того, какие разные и даже странные люди приходили в партизанское движение. Он не делал акцента на пребывании Горбовского в лагере для военнопленных поляков под Смоленском. В то время это был обыденный факт, не требующий подтверждения. Видимо, поэтому эпизод с лагерем присутствует только в книге «Сильные духом», изданной в 1952 г. в Свердловске (Стр. 270). В дальнейших изданиях рассказывается о Горбовском, только как о странном поляке, который организовал партизанский отряд. В этой связи полагать, что Медведев «придумал» Горбовского для подтверждения факта существования лагерей «ОН», просто нелепо.

Однако налицо серьезная нестыковка. Антон Горбовский не значится в списках Козельского лагеря. Тем не менее, почти со 100-процентной вероятностью удалось установить, что «Антон Горбовский» из книги Дмитрия Медведева — это польский офицер Горбик Антон Янович, 1913 г.р., до мая 1940 г. содержавшийся в Козельском лагере НКВД для военнопленных. 11 мая 1940 г. Горбик Антон по списку-предписанию УПВ НКВД № 059/1 от 5 мая 1940 г. был отправлен из Козельска в Смоленск. В этом списке его имя значится под номером 54. В немецком эксгумационном списке 1943 г. Антон Горбик (или Горбовский) не фигурирует.

Заслуживает внимания тот факт, что в польской электронной базе данных об Антоне Горбике (Gorbik Antoni) содержатся две взаимоисключающие информации. Сообщается, что в мае-апреле 1940 г. Горбик был расстрелян в Катыни, а в 1944—45 гг. (!) он содержался в Осташковском лагере НКВД СССР (<http://www.indeks.karta.org.pl/pl/szczegoly.jsp?id=1077>)! Эта несуразица объясняется достаточно просто, если исходить из того, что Горбик и Горбовский одно лицо. Как указывалось, весной 1940 г. Горбик был направлен в распоряжение Смоленского УНКВД. Для польских исследователей это означало расстрел в Катинском лесу.

Однако Горбик был этапирован, как и другие польские офицеры, в один из лагерей «особого назначения» под Смоленском. Летом 1941 г. лагерь был захвачен немцами. Избегав расстрела в Катынском лесу, Горбик добрался до Западной Украины и обосновался в Клесовском районе, где проживало много этнических поляков. Вполне естественно, что в условиях немецкой оккупации Горбик предпочел стать Горбовским.

Далее при поддержке Медведева он создал партизанский отряд и успешно воевал с нацистами. В 1944 г. польские партизанские отряды на территории Западной Украины были разоружены, а их участники были отправлены в лагерь НКВД на предмет выявления связей с Армией Крайовой. Так Горбик вторично попал в советский лагерь. Дальнейшая его судьба не известна.

Пример с Горбиком-Горбовским наглядно свидетельствует об отношении польских катынцев к катынской проблеме. Для них главное — **поиск свидетельств, которые позволяют подтвердить вину НКВД.** Все остальные «детали», даже «воскрешение» катынской жертвы, катынцев не интересует. В итоге дело доходит до абсурда, когда в двух строчках текста **польские катынцеведы без тени сомнения излагают взаимоисключающую информацию.** В этой связи надеяться на действенную помощь польской стороны в установлении реальных обстоятельств гибели польских офицеров весьма проблематично.

На фоне вышеизложенных свидетельств несколько сомнительнее выглядит заявление польского гражданина Вацлава Пыха от 5 февраля 1953 г., направленного в Центральный Комитет ПОРП. Но и оно представляет интерес, так как содержит немало информации, требующей проверки. Поскольку В.Пых назвал себя **«очевидцем убийства польских офицеров, которое совершили немецкие фашисты в Катыни... и готов дать исчерпывающие показания»**, его заявление было переслано в Министерство иностранных дел СССР (Архив внешней политики РФ, ф. 07, оп. 30а, пор. 13, папка 20, л. 48—80).

В заявлении В.Пых сообщал, что в 1939—41 г.г., будучи в советском плену, он активно сотрудничал с органами НКВД в советских лагерях для военнопленных. После начала Великой Отечественной войны он вместе с другими польскими пленными был эвакуирован в Старобельский лагерь, а оттуда командирован НКВД в лагерь с польскими офицерами под Смоленск с целью оказания помощи в организации в их эвакуации. Пых попал в лагерь «№ 2-ОН» за несколько часов до его захвата немцами.

По его словам, в тот момент в лагере все было готово к эвакуации, но польские офицеры эвакуироваться не собирались, «лежали в бараках на кроватях» и, фактически, саботировали отъезд. Попытки В.Пыха убедить их начать эвакуацию ни к чему не привели. Более того, некоторые офицеры стали угрожать ему физической расправой.

Пых был захвачен немцами в лагере и, по его словам, позднее его пытались расстрелять в Козьих Горах. Однако, как он пишет, стрелявший в него немец был сильно пьян, и поэтому лишь тяжело ранил его. Через некоторое время В.Пых пришел в сознание и выбрался из могилы. Потом он сумел связаться с партизанами и переправился на контролируемую советскими войсками территорию. После лечения в госпитале В.Пых в конце 1941 г. вступил в армию Андерса, которая в 1944 г. через Иран, Палестину и Египет прибыла в Италию, на базу в г. Сан-Базилье.

В.Пых также сообщал, что попытка «беженца из Катыни» Роланда Мерского дать англичанам правдивые показания о Катыни, закончилась трагически. Он был убит польскими контрразведчиками. Пых от смерти спасся чудом.

Заявление В.Пыха, не считая сведений о Катыни, по своей сути является фактическим доносом на неблагоденствующих поляков, служивших в армии Андерса. Оно вызывает много вопросов. Пых вернулся в Народную Польшу в декабре 1947 г., но «сдать антисоветчиков» он решил лишь спустя 5 лет. Тем не менее, с учетом того, что в настоящее время найдены документальные свидетельства существования лагерей особого назначения под Смоленском заявление В.Пыха пред-

ставляет интерес большим количеством указанных в нем фамилий, фактов и подробностей. Однако все они требуют тщательной проверки.

В 1953 г. заявление В.Пыха осталось без внимания. Возможно, потому, что оно выглядело достаточно спорно. Возможно, потому, что в катынском вопросе господствовала версия, сформулированная в Сообщении комиссии Бурденко, и подтверждать общеизвестное не имело смысла.

Наиболее спорным и вместе с тем достаточно убедительным является свидетельство Анны Рогайло (до своей смерти в 2004 г. проживала в Тюмени по документам на имя Александры Яковленко), дочери польского поручика Поликарпа Рогая, экзумированного в 1943 г. в Катыни под № 1757 (Rogała, Polikarp, Obltn. 2 Ausweise).

Летом 2006 г. авторы исследования «Тайны Катыни» получили интернет-сообщение от жительницы Тюмени Анастасии Мироновой, в котором она сообщала, что ее прадед Рогайло Полуян Михайлович, 1884 г.р. (Rogajło Polujan, s. Michała, urodz. 1884 г.), офицер польской армии, содержался в Козельском лагере для военнопленных, весной 1940 г. был переведен в лагерь вблизи Смоленска и осенью 1941 г. расстрелян немцами в урочище Козьи Горы. Все это она узнала со слов своей бабушки Александры Степановны Яковленко, урожденной Анны Полуяновны Рогайло (дочери П.Рогайло).

А.Миронова сообщила, что бабушка рассказывала следующее. Когда в 1940 г. выяснилось, что ее отца — П.Рогайло перевели из Козельска в лагерь под Смоленск, она с матерью Катажиной Рогайло (Katarzyna Rogajło) «...перебрались туда и старались поддерживать с ним связь, добывали еду и каждый раз, когда пленных вывозили на работы, они старались подобраться к колонне и хоть что-то узнать о моем прадеде, передать ему еду, белье...

...После нападения нацистов на СССР мои родственники утратили возможность связываться с пленными, кроме того, им самим приходилось прятаться, но — до этого времени (до лета 1941 года), они получали о нем регулярные сведения...

В июле 1941 года мать моей бабушки, Katarzyna Rogajło, была арестована, и о ее судьбе ничего неизвестно, моя бабушка, Анна Rogajło, 15-ти лет, была отправлена под Красноярск вместе с колонной других подростков из оккупированных территорий (жительница Смоленска Инесса Яковленко представила мою бабушку как свою племянницу и отправила в эвакуацию)...». Так, Анна Полуяновна Рогайло стала Александрой Степановной Яковленко. Однако родные называли ее Анной.

В 1943 г. И.Яковленко прислала Анне-Александре Рогайло-Яковленко письмо, в котором сообщила, что ее отца Полуяна Рогайло вместе с другими польскими пленными немцы расстреляли в Козьих Горах ранней осенью 1941 г. (письмо хранится в семье А.Яковленко).

В ситуации с П.Рогайло, как в капле воды, отразились все спорные моменты, характерные для «Катынского дела». Начнем с того, что в списке Управления по делам военнопленных НКВД № 032/2 от 14 апреля 1940 г. на отправку военнопленных из Козельского лагеря под № 8 указан не Рогайло Полуян Михайлович 1884 г.р., а «Рогаяя Поликарп Михайлович, 1888 г.р. Но А.Миронова сообщила, что в семье Яковленко в Тюмени хранится официальная справка, выданная в 1996 г. А.Яковленко (Рогайло) о том, что ее отец расстрелян НКВД в Катыни в апреле 1940 г. и захоронен в Козьих Горах. Помимо этого в Тюмени хранится написанное в 1943 г. письмо от жительницы Смоленска Инессы Яковленко, в котором она сообщает А.Яковленко (Рогайло), что ее отца вместе с другими польскими военнопленными офицерами немцы расстреляли в Козьих Горах ранней осенью 1941 года.

Однако представители общества «Мемориал», ссылаясь на то, что жену Поликарпа Рогаяя звали не Катерина, а Моника и что у него были два сына — Здислав и Раймунд, настаивали на том, что Полуян Рогайло и Поликарп Рогаяя совершенно разные люди. Известный исследователь катынской темы, А.Памятных, ссылаясь на документы, хранящиеся в польских архивах, заявил: *«Так что показания некой правнучки про некоего прадедушку уберите подальше, там сплошная пу-*

таница и лабуда — тем более, что речь у правнучки идет про Полуяна Рогайло... Ваши измышлизмы про то, что Полуян Рогайло подал вымышленную фамилию, и про вторую семью Рогая — редкостная лабуда. Не говоря уже о том, что Вы совершенно перевернули — так, как Вам нравится, — и без того путаную информацию от правнучки».

Однако выяснилось, что у поручика П.Рогая в Польше осталась первая семья. Более того, жена сына Поликарпа Рогая от первого брака Здислава, в настоящее время проживающая в Великобритании, носит фамилию Рогайло! Это подтверждает, что польский поручик П.Рогая из Катыни в действительности носил фамилию Рогайло.

Выяснилось также, что у Анны Полуяновны Рогайло — Александры Степановны Яковленко, хранились следующие документы: копия польского свидетельства о ее рождении; копия постановления об ее эвакуации, копии восстановленных документов уже на другую фамилию, копия загранпаспорта с отказами в польской визе; копия извещения о том, что ее отец официально признан погибшим и похороненным на территории мемориала «Катынь», фотографии.

Все вышесказанное с высокой степенью вероятности свидетельствует о том, что Полуян Михайлович Рогайло, 1884 г. р., и Поликарп Михайлович Рогая, 1888 г.р., — одно и то же лицо. Дополнительным подтверждением этому служит тот факт, что польские историки уточнили год рождения «Поликарпа Рогая» по польским источникам и изменили фигурирующий в официальных документах НКВД СССР год рождения П.Рогая «1888» на «1884»! В итоге в польских базах данных по репрессированным гражданам Польши фигурирует некий «собрательный образ» поручика Рогайло-Рогая: «Rogala Polikarp s. Mihała, ur.1884». Остается только гадать, почему после попадания в советский плен поручик Полуян Михайлович Рогайло, 1884 г.р., представился сотрудникам НКВД как «Поликарп Михайлович Рогая, 1888 г.р.»

Возможно, у него действительно было двойное написание имени и фамилии, возможно, сотрудники НКВД ошибочно заполнили учетные документы военнопленного, воз-

можно, сам Рогаля умышленно сообщил о себе ложные сведения. Подобные факты умышленного искажения польскими офицерами паспортных данных после попадания в плен известны. Например, дочь польского генерала Юзефа Довбур-Мусьцицкого, известная польская летчица поручик Янина Левандовская, скрыла от сотрудников НКВД свою девичью фамилию «Довбур-Мусьцицкая», представилась «Яниной Марьяновной» вместо «Янины Юзефовны» и указала неверный год своего рождения, 1914 вместо 1908 г.

Информация о том, что П.Рогаля (или Рогайло) в 1940 г. являлся узником Козельского лагеря, потом содержался в лагере под Смоленском и был ранней осенью 1941 г. расстрелян немцами в Козьих горах, весьма важна для расследования Катынского дела.

Не верить Анастасии Мироновой нет оснований. Она не собирается использовать в меркантильных целях свое родство с польским поручиком, погибшим в Катыни. Ее интерес к судьбе погибшего прадеда возник только после того, как ей дважды отказали в польской визе и она в Интернете рассказала о своих проблемах с поездкой в Польшу. К этому ее подтолкнул и тот факт, что и ее бабушке Анне-Александре Рогайло-Яковленко также в свое время не разрешили поехать в Польшу. Весьма странно при особом внимании польских властей к родственникам катынских жертв.

Видимо, в Польше особое отношение распространяется лишь на те семьи, которые вписываются в немецко-польскую версию катынского преступления? Анастасия Миронова и Анне Рогайло-Яковленко являлись носителями нежелательной информации о том, что поручик П.Рогаля-Рогайло являлся узником не только Козельского, но и лагеря особого назначения под Смоленском и расстрелять его могли только немцы?

Важнейшим аргументом в защиту свидетельства А.Мироновой является то, что в числе документов, которые она представила в польское консульство для поездки в Польшу в 2003 г., находилась копия официальной справки о том, что ее прадед П.Рогаля числится в списках расстрелянных в Катыни.

Представителям «Мемориала» следовало бы с тем же энтузиазмом, с которым они шельмовали свидетельство А.Мионовой, поинтересоваться причинами отказа в польских визах ей и ее бабушке. Ситуация с поручиком П.Рогая (Рогайло) наглядно показала, что для сторонников немецко-польской версии катынского преступления, каковыми являются вышеназванные представители «Мемориала», все факты, противоречащие этой версии, представляются болтовней. Об этом они прямо заявляют: *«Не надо забалтывать тему разнообразной ахинеей, взятой с потолка. Мы уже убедились, что лагерей 1-ОН, 2-ОН, 3-ОН вместе в начальником В.М.Ветошниковым вообще не было в природе».*

Это реальная позиция сторонников немецко-польской версии. Вместо того, чтобы добиваться рассекречивания информации о лагерях НКВД западнее Смоленска и на основании рассекреченной информации положить конец домыслам и спекуляциям на эту тему, они предпочитают называть любую информацию, противоречащую их версии, *«ахинеей»*. По-другому и не может быть.

За последние 15—20 лет многие польские и российские историки и исследователи катынской темы приобрели вес среди политического и научного истеблишмента, получили польские награды, международные гранты и вдруг новые факты все ставят под угрозу. Несомненно, что в душе у каждого из них шевелится червь сомнения, а вдруг лагеря «особого назначения» **БЫЛИ?** Тогда их все **«научные» изыскания, достижения и авторитет превращаются в пыль.**

В этой связи придем еще одно доказательство, свидетельствующие, что лагеря «ОН» не были мифическими. Координатор международного проекта «Правда о Катыни» Сергей Стрыгин в июне 2004 г. в Государственном архиве РФ выявил ранее неизвестные документы, доказывающие существование в 1940—1941 г.г. к западу от Смоленска трех исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР с особым режимом охраны и содержания осужденных. Лагеря находились в составе Вяземского исправительно-трудового лагеря (Вяземлаг) НКВД СССР, задействованного с 1936 по 1941 год на

строительстве новой автомагистрали Москва-Минск. Их существование подтвердили отчетные бухгалтерские документы Вяземлага за 1941 г.

Вяземлаг состоял из 12 лагерных отделений. В девяти обычных лагерных отделениях Вяземлага содержались осужденные советские граждане. О контингенте трех, известных, как Смоленский АБР № 9, Купринский АБР № 10 и Краснинский АБР № 11, сведения отсутствуют. В ходе расследования выяснилось, что эти три лагеря проходили по отчетам не как лагеря для военнопленных, а как структурные производственные единицы, так называемые «асфальто-бетонные районы» (АБР), Вяземского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (см. объяснительную записку к годовому отчету Вяземлага НКВД СССР за 1941 г. по строительству автомагистрали Москва-Минск. ГАРФ, фонд № 8437, опись № 1, дело № 458).

Девять обычных лагерных отделений Вяземлага, были в апреле-мае 1941 г. в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 марта 1941 г о строительстве полевых аэродромов для нужд ВВС РККА, были передислоцированы к западной границе СССР, а три лагерных отделения АБР № № 9, 10, 11 остались в местах своей прежней дислокации, в 25—45 км к западу от Смоленска. Предположительные места дислокации штабов и расположения жилых зон для заключенных трех вышеуказанных лаготделений Вяземлага — дер. Тишино, пос. Катынь, дер. Печерск Смоленского р-на и ст. Красное (дер. Буда) Краснинского р-на Смоленской области.

Районы дислокации этих трех лаготделений совпадают с расположением трех «лагерей особого назначения № 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН», указанные в упомянутой справке Меркулова и Круглова. Установлено, что в районе 23-его км от Смоленска на магистрали Москва — Минск дислоцировался Купринский АБР № 10, в районе 25-ого км на запад от Смоленска по шоссе Смоленск — Витебск находился Смоленский или Катынский АБР № 9, в 45 км на запад от Смоленска находился район расположения Краснинского АБР № 11.

Исходя из того факта, что в районах западнее Смоленска не существовало никаких лагерей, кроме вышеупомянутых трех лаготделений Вяземлага, можно с большой степенью уверенности утверждать, что Купринский АБР № 10 — это Тишинский лагерь № 1-ОН, Смоленский АБР № 9 — это Катинский лагерь № 2-ОН и Краснинский АБР № 11 — это Краснинский лагерь № 3-ОН.

К сожалению, информация о лагерях «ОН» под Смоленском до сих пор не только тщательно скрывается, но и перепрятывается. Так, выяснилось, что в фонде Главного управления аэродромного строительства НКВД в ГАРФе отсутствуют объяснительные записки от начальников трех лагерных отделений Вяземлага — Смоленского, Купринского и Краснинского асфальто-бетонных районов — об обстоятельствах эвакуации летом 1941 г. личного состава и техники. По остальным девяти АБР Вяземлага такие записки есть, а по трем указанным — нет!

С учетом точного совпадения мест дислокации Смоленского, Купринского и Краснинского АБР с указанными в материалах комиссии Бурденко местами дислокации «лагерей особого назначения» № 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН, изъятие объяснительных записок начальников этих АБР из общего массива документов Вязлага следует признать косвенным доказательством факта содержания «катынских» польских контингентов в трех этих АБР.

Депутат Государственной Думы РФ Виктор Илюхин выявил факт изъятия в 1964 году из хранящихся в Информационном центре УМВД по Пензенской области архивных фондов Вяземского исправительно-трудового лагеря НКВД всех документов, касающихся заключенных, содержавшихся в 1940—41 гг. в Смоленском, Купринском и Краснинском асфальто-бетонных районах Вяземлага. Документы были вывезены из Пензы в Москву, где их следы затерялись.

По некоторым данным, вывезенные в 1964 г. из Пензы документы о польских контингентах Вяземлага периода 1940—41 гг. были помещены на спецхранение в Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ныне —

Российский государственный архив экономики), откуда они были вторично изъяты в 1996 году и направлены на спецхранение в Архив Президента Российской Федерации.

Установлено, что в Российском государственном военном архиве (РГВА) в фонде 136-го отдельного батальона конвойных войск НКВД из массива рассекреченных документов изъят архивный том с проектами приказов по данной воинской части за период с 15 марта по 12 июня 1941 г. Предположительной причиной изъятия именно этого тома (так называемой «книги проектов приказов») является перевод бойцов 2-ой роты 136-го батальона с внешней охраны Козельского лагеря НКВД для военнопленных на внешнюю охрану Катынского исправительно-трудового лагеря Вяземлага («лагеря № 2-ОН» по терминологии комиссии Бурденко).

Эту ситуацию частично проясняет уже упомянутый журналист Владимир Абарин, который в книге «Катынский лабиринт» написал. В июле 1941 г. часть архивного фонда 136-ого батальона была уничтожена в соответствии с приказом Наркома Внутренних Дел СССР от 6 июля 1941 г. за № 53. Но отдельные изъятые документы в 1941 г. не подлежали уничтожению. Так, отсутствует ряд оперативных приказов по 136-му отдельному батальону за 1940—41 гг., причем именно за те периоды, когда батальон занимался конвоированием польских военнопленных или внешней охраной Катынского лагеря. Их судьба пока остается неизвестной.

Возникает вопрос, что же за секреты хранят документы трех вышеперечисленных лагерей, если применяются такие меры по их сокрытию? Возможно, что до сих пор скрывается факт нарушения международных соглашений об осуждении польских военнопленных и заключении их в лагеря «ОН». Но это утверждение сомнительно, хотя бы потому, что вина СССР за осуждение военнопленных, несоизмеримо меньше вины за расстрел этих военнопленных. Или же кто-то до сих пор крайне заинтересован, чтобы СССР продолжали считать виновником расстрела польских офицеров в катынском лесу!

С учетом вышеизложенного, экспертиза польских профессоров Сообщения комиссии Н.Н.Бурденко вряд ли может претендовать на определение «научно-историческая».

НКВД или нацисты

В последнее время вопрос — кто, нацисты или НКВД, виновник катынского преступления приобрел нравственно-этическое звучание. Всех сомневающихся в официальной версии, катыноведы автоматически записывают в сталинистов, пытающихся обелить **«самого кровавого убийцу в истории страны»**. Аргументированный и доказательный спор, в этом случае подменяется личностными оскорблениями в адрес независимых исследователей. Это уже не научный спор, а просто беспардонная травля тех, кто имеет отличное, от навязываемого общепринятого, мнение о катынском преступлении. Но, это Россия уже проходила. Пройдет и на этот раз.

В Польше официальное мнение по катынской теме имеет еще более довлеющий характер. Однако и там, на бытовом уровне, оценка катынской трагедии далеко не единодушна. В апреле 2007 г. по поручению газеты **«Rzeczpospolita»** и программы польского телевидения **«Надо поговорить»**, компания **«TNS OBOP»** провела опрос среди поляков о катынском преступлении. Результаты для польского истеблишмента оказались ошеломляющие. 94 процента опрошенных поляков знают название **«Катынь»**, но **40 процентов** не знают, кто убил в России польских офицеров. При этом каждый **десятый поляк уверен в том, что это преступление совершили немцы. В России процент, не доверяющих официальной версии значительно выше.**

В предыдущей главе были изложены свидетельства, которые позволяют с большой степенью вероятности говорить о существовании в 1941 г. под Смоленском лагерей **«ОН»**. В итоге версия комиссии Бурденко представляется вполне обоснованной. В этой главе мы продолжим разговор о фак-

тах, которые должны позволить сделать более определенные выводы о виновниках преступления в Катынском лесу.

В начале следует поговорить о цитате из книги известного советского историка М.И.Семиряги «Тайны сталинской дипломатии». Михаил Иванович, участник ВОВ, полковник запаса, доктор исторических наук в этой цитате сообщил поистине сенсационную вещь. Якобы в 1946 г. смертельно больной академик Николай Нилович Бурденко сообщил своему другу Ольшанскому, бывшему профессору Воронежского университета, уехавшему из СССР на Запад, следующее: **«Выполняя личное распоряжение Сталина, я отправился в Катынь, где как раз вскрыли могилы... Все тела были погребены 4 года назад. Смерть наступила в 1940 году... Для меня как для врача это очевидный факт, который невозможно поставить под сомнение. Наши товарищи из НКВД совершили большую ошибку»** (Тайны сталинской дипломатии. С. 127).

Это сообщение полно несуразностей. Даже если бы нечто подобное произошло, то вряд ли Бурденко в 1946 г. (!) сообщил бы нечто подобное какому-то другу. Тем самым, он поставил бы под вопрос будущее своей семьи. Это раз. Второе, как медик, Бурденко прекрасно знал, что в 1944 г. определить время смерти расстрелянных в Катыни было невозможно. А безапелляционность, с которой было сказано, что **«это очевидный факт»**, позволяет сомневаться в том, что академик мог сказать нечто подобное. Бурденко мог признаться, что его вынудили заявить, что катынские захоронения относятся к 1941 году, но не более. Ну, а выражение Бурденко относительно **«Наших товарищей из НКВД»** вообще выпадает из контекста.

«Признание» Бурденко на смертном одре весьма напоминает другое, часто цитируемое предсметное «признание» маршала Рокоссовского о Сталине, как о «сухоруком бандите». При этом как-то забывают о том, что когда Хрущев просил Рокоссовского выступить с критикой культа Сталина, тот заявил: **«Товарищ Сталин для меня святой. Я своего мнения о нем никогда не изменю»**. При этом следует иметь в виду, что Рокоссовский в 1940 г. вернувшись из тюрьмы в армию,

всегда носил с собой пистолет, заявив жене, что, если за ним вновь придут, живым он не дастся. Но своего отношения к Сталину Рокоссовский не менял.

Так как же быть с признанием Бурденко? Было оно или нет? Ведь об этом факте писал уважаемый советский историк. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Ошибся Михаил Иванович, и крепко. И, прежде всего, в отношении личности **Ольшанского Бориса Николаевича**. Тот никогда не был профессором Воронежского университета. В 1946 г. он работал **рядовым преподавателем Советской средней школы № 1 в Карлхорсте (Берлин)**. В сентябре 1947 г. **Ольшанский бежал в американскую зону оккупации Германии**. В начале 1953 г. он дал показания американской «комиссии Мэденна», занимавшейся Катынским делом. Ольшанский заявил, что он в апреле 1946 г. он встречался с академиком Н.Бурденко, который сообщил ему **«правду о катынском расстреле»**. После этого Ольшанский стал в США «VIP-персоной».

Однако известно, что Ольшанский в 1946 г. не мог физически встречаться с Бурденко. Из Германии в Союз в отпуск Ольшанский выезжал только в июле 1946 г. В Союзе он проживал в Брестской области у Семенюк Любови Захаровны, с которой 8 августа 1946 г. зарегистрировал брак. Во время отпуска Ольшанский из Брестской обл. никуда не выезжал, поэтому его встреча с Бурденко не могла состояться (Архив внешней политики РФ, ф. 054, о. 39, п. 708, д. 94, лл. 95—97).

Но представим, что в апреле 1946 г. каким-то образом Ольшанский попал в Москву. Известно, что академик Бурденко после второго инсульта с 10 августа 1945 года по 28 мая 1946 года находился на лечении в клиническом санатории «Барвиха». У него были нарушены функции речи и, беседуя с кем-нибудь, Бурденко излагал свои мысли на бумаге. Доступ посетителей к нему был строго ограничен. Полагать, что к 70-летнему академику, депутату ВС СССР, генерал-полковнику медслужбы, президенту АМН СССР пропустили 36-летнего учителя Ольшанского, не вероятно.

Однако Ольшанский утверждал, что он был знаком с Бурденко еще с Воронежа. Бурденко действительно работал

в Воронеже с 1918 г. по 1923 г. В 1920 г. он организовал при Воронежском университете специальные курсы для студентов и врачей по военно-полевой хирургии. Возможно, отец или мать Ольшанского были слушателями этих курсов или помогли их организовывать. Возможно, даже, что Бурденко бывал у них в гостях. Однако поверить, что 10-летний Боря Ольшанский (1910 г. рождения) оказал на Бурденко такое впечатление, что академик решил с ним встретиться в 1946 г. и доверить сверхважную информацию, просто не серьезно. Более того, члены семьи Бурденко никогда не слышали об Ольшанском и считать его другом академика нет оснований.

Ситуацию можно объяснить следующим. В США Ольшанский оказался некому не нужным эмигрантом. Подумаешь, учитель советской средней школы. После появления в американской прессе сообщений о Катynie и Бурденко, Ольшанский решил предложить американцам свою версию, которая должна была обеспечить ему паблисити. Добавив к детским впечатлениям из Воронежа информацию из газет, он смело явился на комиссию Мэддена и стал одним из основных свидетелей по Катынскому делу, обеспечив себе «достойное» место в Америке. Вышесказанное позволяет утверждать, что свидетельство Ольшанского, изложенное Семирягой, является не достоверным.

«Скользкие» ситуации нередко подкрепляют ссылками на авторитет известных личностей. Так, утверждают, что 21 декабря 1959 года, в день 80-летия Сталина, бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль в британской Палате общин произнес по этому поводу речь. На самом деле в это время 85-летний Черчилль был тяжело болен. У него были серьезные проблемы с речью, даже с секретарем он общался с помощью карандаша. От большой политики он отошел и в декабре 1959 г. не мог присутствовать в Британском парламенте и тем более произнести там речь.

Черчилль действительно в одном из своих выступлений перед британской Палатой Общин весьма положительно отзывался о Сталине. Это было не в декабре 1959 г. а в 8 сентяб-

ря 1942 года, когда английский премьер-министр, выступая в британском парламенте о военной ситуации, заодно проинформировал членов Палаты Общин о своем недавнем визите в Москву и о встречах со Сталиным, которому он дал высокую оценку. Однако, информация о речи Черчилля в декабре 1959 г. по поводу 80-летия Сталина, упорно тиражируется в СМИ со ссылкой на Британскую энциклопедию, которая, кстати, не публикует речи политиков. Эта небольшая фальсификация ставит под удар многочисленные достоверные цитаты из высказываний мировых политиков о роли Сталина во Второй мировой войне. Однако пора вернуться к Катыни.

Некоторые исследователи считают **прямым и главным доказательством вины нацистов в катынском преступлении** использование для расстрела польских военнопленных **немецких пистолетов «вальтер»**. Однако это утверждение не вполне корректно.

Для проведения массовых расстрелов, немецкие «вальтеры» действительно были более подходящим оружием, чем советские ТТ, так как из-за пониженной убойной силы их пули не раскалывали черепа жертв. Такими же характеристиками обладал и «наган», который был популярен в СССР, особенно среди опытных «расстрельщиков» НКВД. Но при длительной стрельбе гильзы в его барабане нередко заклинивало.

Могли ли сотрудники НКВД в 1940 г. использовать при расстрелах немецкие «вальтеры»? Да, могли. В справочнике Алексея Потапова **«Приемы стрельбы из пистолета. Практика СМЕРШа»** (М., «Гранд-Фаир», 2009) утверждается, что в середине 30-х годов в Германии для нужд советских спецподразделений были закуплены «Вальтеры РРК» калибра 7,65 мм. Но принципиально ситуация с причастностью нацистов к катынскому расстрелу от этого не меняется. **Основным аргументом в пользу немецкого следа должны считаться не пистолеты «Вальтер», а гильзы от немецких патронов с маркировками «Geco» (фирма «Gustav Genschow & Co.») и «DWM» (фирма Deutsche Waffen und Munitionsfabrik, AG), которые были найдены в Катыни.**

Немецкий профессор Г.Бутц в своем отчете пишет о *«наличии многочисленных пуль и гильз»* в катынских захоронениях. Упоминает он и о найденном *«оригинальном патроне» «Geco 7,65 D.»*. Этот патрон, 2 гильзы и одна пуля были направлены на исследование в Институт криминалистики полиции безопасности при Имперском управлении криминальной полиции. Оттуда пришел ответ, что: *«судя по маркировке на доньшках гильз, эти патроны должны были быть произведены нашим заводом в Дурлахе в 1922—1931 гг.»*. Также сообщалось, что фирма Геншов и Ко поставляла боеприпасы в СССР. Казалось бы, точка поставлена. Вина НКВД, вроде бы, очевидна. Однако не все так просто.

Дело в том, что из всех гильз, найденных в Катynie, на экспертизу было направлено всего ДВЕ гильзы с четко читаемой маркировкой. Условия любой объективной экспертизы требуют значительного большего количества исследуемого материала.

О том, что гильз с четко читаемой маркировкой было немного, свидетельствует фото, представленное в немецких *«Официальных материалах...»*. На фото № 4 фигурирует всего 10 гильз. Причем 4 из них с явными следами ржавой коррозии. Создается впечатление, что у немецких экспертов гильз без коррозии, помимо 6-ти на фото, не было.

Оригинальные патроны «Geco 7,65 D.» с латунными гильзами выпускались в Германии до конца 1940 года. Но из-за дефицита цветных металлов немцы были вынуждены перейти на выпуск омедненных стальных гильз. Однако дефицит меди уже в 1941 году заставил освоить производство еще более дешевой чисто стальной гильзы. Поверхность таких гильз фосфатировалась и покрывалась серо-зеленым лаком. И омедненные и стальные гильзы в грунте довольно быстро подвергались коррозии.

Латунные гильзы после пребывания в грунте не корродируют, а покрываются тонкой пленкой окислов зеленоватого цвета. На черно-белом фото ее невозможно заметить. Только стальные гильзы за два-три года пребывания в грунте

способны образовать такие коррозийные наросты, которые имеют место быть на гильзах с фото № 4.

В 1994—95 гг. польские эксперты нашли в Катини 241 гильзу, из них 79 со следами такой коррозии, что невозможно было прочитать маркировку. В нарушение российских законов все эти гильзы были вывезены в Польшу. Информация о них практически отсутствует. Установить материал, из которого сделаны гильзы, не представляется возможным. Это могло бы вызвать ряд неприятных для польской стороны вопросов. Однако Россия промолчала и на этот раз.

Сделаем еще одно допущение. А если в СССР тоже выпускали 7,65 мм патроны с омедненными гильзами? Однако известно, что для имевшихся в СССР иностранных пистолетов калибра 7,65 мм, в том числе и для «Вальтеров», Подольским патронным заводом производились патроны с латунной гильзой, но без маркировки, так как они являлись «контрафактными».

В Германии применение стальных гильз началось лишь в 1941 г. Поэтому у НКВД патронов «Geco» со стальными гильзами весной 1940 г. не могло быть. Наличие в катынских могилах стальных эрзац-гильз «Geco», г., является прямым доказательством вины нацистов.

О вине нацистов свидетельствует использование при расстрелах катынских жертв оружия калибров 6,35 мм и 9 мм. По результатам измерения в январе 1944 г. экспертами комиссии Бурденко диаметров входных отверстий на черепах 576 трупов, калибр 6,35 мм был установлен в у 98 (17%), а калибр 9 мм — у 153 (27%). Пистолеты этих калибров были широко распространены в Германии, но для СССР являлись еще большей редкостью, чем пистолеты 7,65 мм.

В заключение оружейной темы приведем один любопытный факт. Чешский эксперт, член Международной комиссии, проф. Ф.Гаек отметил, что при внешнем осмотре трупа № 842 между плащом и рубашкой на высоте левой впадины ребра была найдена свободно лежащая, немного сплюснутая пуля калибра приблизительно 8 мм. Причем ни на плаще, ни на рубашке в этом месте не было отверстия. Гаек, кроме ог-

нестрельного ранения головы не упоминал об изменениях и повреждениях в грудной клетке, позвоночнике или животе жертвы. **Физически невозможно, чтобы пуля из выходного отверстия, находящегося на середине лба жертвы, при закрытом плаще могла упасть между плащом и рубашкой.** Но подобное возможно, если бы труп передевали. К сожалению, этот факт остался не исследованным.

Перейдем теперь к «немецкому шпагату», которым связывали руки катынских жертв. Ранее отмечалось, что многие свидетели, побывавшие в 1943 г. в Катыни, утверждали: руки катынских жертв были связаны немецким шпагатом. Об этом шпагате, как наглядном свидетельстве немецкого следа, написано немало. Но реальных доказательств немного.

Так, свидетель К.Зубков утверждал, что веревки, которыми были связаны руки, сохранились хорошо, были витые, светло-желтого цвета. **Распустившийся конец одной из таких веревок давал повод считать, что веревка сделана из бумаги, по-видимому, немецкого происхождения.** В СССР до войны выпускался только пеньковый шпагат. Бумажный в то время производился в Германии.

Сторонники официальной версии утверждают, что свидетели не могли рассмотреть, какими веревками были связаны жертвы, так как видели их на большом расстоянии. Однако известно, что трупы из катынских захоронений выкладывались на полянах и так называемые «экскурсанты» могли рассматривать их с довольно близкого расстояния. Отличить русский пеньковый шпагат серого цвета от немецкого желтого бумажного шпагата в таких условиях вполне можно.

Следует напомнить, что в Сообщении Комиссии Бурденко говорилось о том, что: *«У очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетеных шнуров».* О происхождении шнуров информация отсутствует. Бутц также утверждал, что *«руки жертв были связаны плетеным шнуром (фабричного производства, какой употребляется для занавесок или штор) толщиной 3—4 мм и длиной от 1,75 до 1,95 метра».*

В итоге аргумент о «немецком шпагате» приходится признать не вполне доказанным и косвенным.

Более веским является аргумент о том, что катынские жертвы располагались в **рвах, вырытых под «линеечку», в которых трупы были расположены аккуратными слоями и уложены «валетом»**. Известно, что трупы расстрелянных людей сотрудники НКВД, как правило, **беспорядочно** сбрасывали в заранее вырытые ямы. Это подчеркивали в своих показаниях многие свидетели, в том числе, бывший начальник УНКВД по Калининской области Д.Токарев.

Однако в Катynie ситуация была иная. В.Абаринов пишет: *«Немцы устраивали специальные «экскурсии» (в Катынь) для местных жителей... В.Колтурович из Даугавпилса излагает свой разговор с женщиной, которая вместе с односельчанами ходила смотреть вскрытые могилы: «Я ее спросил: «Вера, а что говорили люди между собой, рассматривая могилы?» Рассуждения были таковы: «Нашим халатным разгильдяям так не сделать — слишком аккуратная работа». Рвы были выкопаны идеально под шнур, трупы уложены идеальными штабелями. Аргумент, конечно, двусмысленный, к тому же из вторых рук»*.

А вот аргументы из первых рук. В рапорте немецкой тайной полевой полиции от 10 июня 1943 г. за подписью лейтенанта Л.Фосса говорится: *«Исходя из положения трупов в братских могилах, следует предполагать, что большинство военнопленных было убито за пределами могил. Трупы располагались в беспорядке, и только в могилах 1, 2, 4 были уложены рядами и послойно»* (Мацкевич. Катынь. Приложение № 14).

«Чувствовал» Фосс, что на него будут ссылаться и постарался запутать ситуацию, чтобы создать впечатление схожести катынских могил с захоронениями НКВД. Согласно отчета доктора Г.Бутца площадь могил № № 1, 2, 4 составляла 75% площади всех 8 «польских» могил в Козьих Горах-Катynie (Мацкевич. Катынь. Приложение № 15). По данным доцента Мариана Глосека, проводившего раскопки в Козьих горах в 1994—1995 гг., в этих трех могилах было захоронено 3350

человека (или 80,1%) из 4143 эксгумированных в Козьих горах, из них в могиле № 1 — 2500 чел. В результате рапорт Фосса следует понимать так: 80% эксгумированных в Козьих Горах трупов были «уложены рядами и послойно» и лишь 20% — в беспорядке.

Ф.Гетль также подчеркивал, что: *«трупы погребались в строгом порядке и укладывались слоями, один на другой, в несколько этажей»* (Цитируется по книге: В.Абаринов, «Катынский лабиринт»).

А вот какую телеграмму из Варшавы от 15 мая 1943 г. переслал министру иностранных дел Великобритании Антони Идену посол Великобритании при Польской Республике Оуэн О'Малли: *«1. Уподножья склона холма находится массовое захоронение в форме «L», которое полностью раскопано. Его размеры: 16х26х6 метров. Тела убитых аккуратно выложены в ряды от 9 до 12 человек, один на другого, головами в противоположных направлениях...»* (Катынь. Расстрел... С 467—468)

Можно согласиться со многими, но полагать, что сотрудники НКВД спускались в ров на 3—4-метровую глубину для аккуратной укладки расстрелянных рядами, да еще и «валетом», это из области невозможного. Налицо типичный немецкий обстоятельный подход — обеспечить максимальную заполняемость рва. Конечно, теоретически можно допустить, что и сотрудники НКВД могли пойти на такое. Но подобного не встречается ни в одном другом массовом захоронении людей, которых расстреляли НКВДшники.

Дополнительно приведем донесение смоленских партизан в Западный штаб партизанского движения «Попову» от 26 июля 1943 г., в котором сообщалось о том, что немцы *«выкопали большое количество трупов на Смоленском гражданском кладбище, а также отрыли трупы бойцов и командиров Красной армии, погибших в боях за Смоленск в 1941 году, и перевезли их в Катынский лес, которых впоследствии открывали как польских солдат и офицеров»* (ГАНИСО/Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 8. Оп. 2. Д. 64. Л. 86).

Эту информацию партизаны получили от советских пленных красноармейцев, сумевших бежать из немецкого лагеря под Смоленском. Аналогичная информация также содержится в архивных материалах, находящихся на хранении в Российский государственный архив социально-политической информации. (См.: РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 931. Л. 11; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 709. Л. 62 об; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 61—62)

Напомним, что в Сообщении Специальной комиссии под руководством Н.Бурденко от 24 января 1944 г. приводятся свидетельские показания Сухачева П.Ф., работавшего при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, Егорова В.Л., бывшего полицейского, Яковлева-Соколова Ф.М. бывшего начальника полиции Катынского участка о том, что немцы в марте-апреле 1943 г. грузовиками завезли в Катынский лес значительное количество трупов, в том числе и в военной форме.

К сожалению, данная информация не была надлежащим образом исследована экспертами Комиссии Бурденко, хотя следовало выяснить, где помимо Катынского леса, нацисты расстреливали поляков. Перевоза их трупы в Катынь-Козьи Горы, нацисты стремились создать грандиозное польское захоронение, ответственность за которое должны была пасть на «большевиков».

Невыясненным остался вопрос, какое количество поляков расстреляли нацисты, если известно, что в лагерях «ОН» под Смоленском накануне войны, согласно показаниям начальника лагеря «ОН № 1» Ветошникова, содержалось около 8 тысяч польских военнопленных (см. приложение).

Неясно также, каким образом немецкие эксперты использовали «посторонние» гражданские трупы при проведении эксгумации в Козьих Горах? Можно ли утверждать, что найденные в Козьих Горах 221 трупа, принадлежавшие гражданским лицам и *«рассеянные в разных могилах и слоях»* являются «завезенными»? См. главу «Посторонние», «двойники» и «живые мертвецы» Катыни».

Помимо вышеизложенного, следует еще раз вернуться к **польским двухзлотовкам военного периода** (краковским), которые польский журналист Ю.Мацкевич видел в Катынском лесу в 1943 г. Сторонники официальной версии изо всех сил стараются доказать, что весной 1940 г. эти двухзлотовки якобы могли попасть к некоторым польским офицерам, содержащимся в Козельском лагере. Хотя эти утверждения сомнительны, но, тем не менее, свидетельство о двухзлотовках отнесем к косвенным. Однако оно заставляет задумываться о времени расстрела польских офицеров в Катынском лесу.

Следующим аргументом, свидетельствующим о нацистском следе Катыни, являются **березовые листочки**, обнаруженные в захоронениях. Попробуйте в начале мая сорвать первые листочки с березы. Для этого надо приложить усилие. В тоже время известно, что в 1943 г. немцы в катынских захоронениях обнаружил березовую листву. Об этом писал в своем отчете Грациан Яворовский.

Как установлено, в Катыни березы уже в конце августа начинают терять листву. Во время раскопок в Козьих горах, проходивших 23 или 25 августа 1995 года, был сделан фотоснимок, на котором явно видно опавшая березовая листва на земле (см. http://webattach.mail.yandex.net/message_part_real/foto81-leaves.JPG?sid=XEp33NFWTpNl%2FSW8dPRp6FSK5KeOVLG7gNzVkG59xag26VkD6mwGo0A7W2MDaPZuA5Xnl8CP4%2AEJ4T3jLbtJiA%3D%3D&name=foto81-leaves.JPG&ids=202000000687493131&no_disposition=y&suid=40512382). Однако, аргумент с листвой, подтверждающий, что расстрел состоялся осенью, не вполне корректен и его также следует считать косвенным. В жизни иной раз случается небывалое.

Важным доказательством, но также косвенным, является отсутствие каких-либо упоминаний о якобы состоявшихся массовых расстрелах польских офицеров в Козьих Горах, Калинин и Харькове в агентурных донесения польской и немецкой разведки за 1940 и первую половину 1941 г. 19 апреля 2010 г. в Госдуме был проведен «круглый стол» на тему «**Катынь — правовые и политические аспекты**». Среди прочих, на нем выступил генерал-майор юстиции Виктор Ми-

хайлович Крук, бывший сотрудник Главной военной прокуратуры. Он сообщил интересную информацию.

По долгу службы через руки В.Крука прошло немало агентурных документов 2-го отдела польского Генштаба и немецкого абвера. Несмотря на крупномасштабные репрессии в рамках известной «польской» операции НКВД в 1937—38 гг., значительная часть агентурной сети польских спецслужб охватывающая территорию СССР, вплоть до Урала, сохранилась. Она продолжала достаточно эффективно действовать и после сентября 1939 г. Не случайно польскую разведку НКВД до войны считал своим основным противником. Несомненно, польское эмигрантское правительство ставило перед своими резидентами задачу отслеживать судьбу польских офицеров, оказавшихся в советском плену.

Заметим, что в районе Смоленска в 1940—41 гг. проживало немало этнических поляков. Но ни в одном польском спецдонесении за 1940 г. и первую половину 1941 г. нет даже намека на массовый расстрел пленных польских офицеров в Катynie-Козьих Горах. В начале декабря 1941 г. во время встречи польской делегации во главе с премьер-министром правительства Польши в эмиграции Владиславом Сикорским со Сталиным также было ясно, что **поляки никакой информацией о якобы имевшем место весной 1940 г. в СССР уничтожении сотрудниками НКВД польских военнопленных не располагали.**

Но не исключено, что в конце 1941 г. поляки получили некоторую информацию о судьбе своих пленных офицеров. В начале декабря из оккупированной Варшавы в СССР с секретной миссией к командующему 2-м польским корпусом генералу Андерсу был направлен представитель польской подпольной организации «Мушкетеры» поручик Чеслав Шатовский (подпольная кличка «ротмистр Заремба») вместе с тремя другими офицерами-подпольщиками — поручиком Казимежем Рутковским (кличка «Каракатица»), подпоручиком Чеславом Василевским (кличка «Волк») подхорунжим Антонием Похоским (кличка «Корейво»). Заметим, что кан-

дидатура Шатковского подбиралась по согласованию с германским абвером.

Шатковский с товарищами, с помощью немецких спецслужб перешел линию фронта в районе Харькова и сдался советским властям. После недельной проверки в Москве советские контрразведчики передали всех четверых начальнику II (разведывательного) отдела штаба армии Андерса майору Винценту Бонкевичу (польскому Берии).

Адъютант Андерса поручик Ежи Климковский был убежден, что истинная цель миссии поручика Шатковского заключалась в попытке склонить Андерса к началу вооруженной борьбы против СССР на стороне немцев. Такое же мнение сложилось и у Бонкевича, занимавшегося расшифровкой микропленки с секретным посланием от руководства «Мушкетеров», принесенной Шатковским. Климковский считал, что Андерс был готов поддержать это предложение. Но генерала не устроило то, что при этом он оставался на вторых ролях.

Известный польский журналист Зджислав Бау (Zdzisław Bał, 1912—91), редактор издававшегося при штабе армии Андерса журнала «Белый Орел» («Orzeł Biały»), в № 4/367 журнала «Парыска культура» за 1978 г. опубликовал рассказ «Салус», в котором утверждал, что Шатковский также сообщил Андерсу какие-то сведения о расстрелянных под Смоленском нацистами пленных офицерах (ВИЖ, 1991, № 7).

О том, что сведения, сообщенные Шатковским Андерсу, были неординарными свидетельствует то, что поведение Андерса после разговора с поручиком резко изменилось. Он стал крайне нервным и раздражительным. В итоге генерал Андерс решил избавиться от Шатковского, как носителя крайне опасной информации. По приказу Андерса Шатковского тайно арестовали, отдали под суд и приговорили к расстрелу. Спас Шатковского польский верховный главнокомандующий В.Сикорский, не утвердивший смертный приговор.

После эвакуации 2-го польского корпуса из СССР в Иран дело потом еще раз разбиралось, уже на Ближнем Востоке. В результате настоятельных личных просьб Андерса, Шатковский получил десять лет тюремного заключения. После

трехлетнего пребывания в тюрьме в Иерусалиме его освободили. Известны и другие случаи преследования контрразведкой армии Андерса поляков, которые пытались сообщить о том, что немцы расстреляли польских офицеров из лагерей «ОН» в Катыни.

Все это подкрепляет версию Зджислава Бау о том, что Андерс не хотел допустить утечки информации о причастности нацистов к расстрелу польских офицеров в Катыни. Информация о предложении немцев начать борьбу с «советами» была для Андерса менее опасна. Многие офицеры из его армии считали СССР врагом № 1 и готовы были вступить в союз с нацистами в борьбе с ненавистными «советами». В армии также было известно, что жена Андерса, проживая в оккупированной Варшаве, поддерживала тесные связи с немцами.

Кстати, майор Бонкевич (Bonkiewicz Wincenty, s. Stanisława, ur.1897) весной 1940 г. содержался в Старобельском лагере НКВД. По современным польским данным, он числится расстрелянным в Харькове и захороненным в Пятихатках. Но как видим, в 1941 г. он был жив и здоров. Но впоследствии он, как и полагается руководителю спецслужбы, вдруг таинственным образом бесследно исчез навсегда.

Необходимо заметить, что так называемое «союзничество» польского эмигрантского правительства с СССР в 1941 г. было вынужденным. Поляки все равно в большей степени тяготели к немцам. Это «тяготение» порой приобретало вполне осязаемые формы в виде сотрудничества. Например, при проведении совместной эксгумации в Катыни-Козьих Горах в 1943 г.

Абсолютно ясно, что в катынской истории польской стороне есть что скрывать, что она с успехом и делает. Вышеизложенная история также имеет нацистский след. В настоящее время у специалистов по польскому подполью периода Второй Мировой войны не вызывает сомнения тот факт, что подпольная организация «Мушкетеры» считала своим главным врагом СССР и на почве своего антисоветизма активно

сотрудничала с немецкими властями, как минимум, с осени 1941 г. (а по некоторым данным — уже с конца 1940 г.)

В августе 1942 г. создатель и руководитель «Мушкетеров» капитан Стефан Витковский (подпольная кличка — «Тенчинский») приговором Специального военного суда Армии Крайовой (АК) за сотрудничество с немецким абвером и гестапо был приговорен к смертной казни. 27 августа 1942 г. приказом командующего АК генерала Ровецкого (подпольная кличка «Грот») организация «Мушкетеры» была распущена. 18 сентября 1942 г. смертный приговор капитану Витковскому привел в исполнение экзекуционный отряд АК, переодетый в мундиры немецкой жандармерии.

Интересные факты о разведывательных интригах, развернувшихся в 1939—1941 гг. вокруг пленных польских офицеров, привел в статье **«Кто расстрелял пленных польских офицеров в Катыни?»** независимый исследователь Катынского дела публицист Арсен Мартиросян. Заслуживает внимания его фактаж, основанный на архивных документах, о попытках немецкого абвера выяснить судьбу пленных польских офицеров («Правда», № 60, 8—13 июня 2007).

3 июня 1941 г. разведотдел Западного особого военного округа направил в Генштаб и ГРУ **«Спецсообщение о подготовке Германией войны против СССР»**. В нем сообщалось, что забрасываемая на территорию немецкая агентура помимо прочих, получала задание выяснить: **«призываются ли в Красную Армию офицеры бывшей польской армии, если да, то каково их отношение к этому мероприятию и их моральный облик»** (РГВА. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 181—187). Но и в донесениях агентуры абвера за 1940—41 гг. информация о каких-либо массовых расстрелах польских военнопленных, в том числе и в Козьих Горах, также отсутствует.

В то же время утверждают, что немало местных жители в западных окрестностях Смоленска были свидетелями, как польских офицеров в Гнездово перегружали из эшелонов в машины и куда-то увозили. Более того, утверждают, что жители дер. Слизнево на другом берегу Днепра якобы слышали в Козьих Горах крики и выстрелы. Странно, местные жите-

ли видели перегрузку пленных на автомашины, слышали выстрелы, по Смоленску и окрестностям ползли упорные слухи о расстрелах пленных офицеров, а специально занимающиеся этой проблемой польские и немецкие агенты никак этим не заинтересовались?! Или же заинтересовались, но после соответствующей проверки пришли к выводу, что слухи являются ложными и не стали включать информацию о них в свои донесения?!

Необходимо отметить, что бывший член совместной российско-польской Комиссии по сложным вопросам, доктор исторических наук Ржешевский Олег Александрович в личных беседах с автором неоднократно подчеркивал, что в 1988 г. польские историки, члены двусторонней Комиссии соглашались с тем, что в Катynie-Козьих Горах немцы в 1941 г. расстреливали поляков. По их мнению, это были польские военнослужащие, интернированные летом 1940 г. в Литве и Латвии. Однако их позиция кардинально изменилась после появления в 1992 г. известных катынских документов ЦК ВКП(б) и НКВД из «закрытого пакета № 1», «подтверждающих» вину довоенного советского руководства за расстрел поляков.

Следует отметить, что в то же время существует достаточно обоснованные свидетельства, якобы подтверждающие официальную версию. Приведем одно из них. В начале 1990-х г. журналист Абаринов получил от жителя г. Витебска Аркадия Андреевича Костюченко письмо, которое было опубликовано в книге «Катынский лабиринт». В письме Костюченко делился своими воспоминаниями. В 1940 г. ему было 9 лет и жил он в поселке Софиевка — это в километре от станции Гнездово.

«В 1940 году. — писал Костюченко Абаринову, — на станцию Гнездово прибывали время от времени один-два вагона пассажирских с решетками на окнах. К вагонам подъезжала автомашина, так называемый «черный ворон». Из вагона переходили под охраной в автомашину польские офицеры (они были в военной форме), и их увозили в Катынский лес. Лес был огорожен, и что там происхо-

дило, никто не видел. Но слухи были о том, что там раздаются выстрелы. В то время, как мне помнится, никто не сомневался в том, что их там расстреливают. Но говорили об этом мало. Дело серьезное, опасное. Поэтому и старались, как бы не заметить этого». Это свидетельство достаточно серьезное, но по сути косвенное. Кто-то говорил и т.д. Не будем забывать о не менее серьезных свидетельствах Тартаковского, Свентека, Мироновой, доказывающих существование лагерей «ОН» под Смоленском, куда в 1940 г. свозили польских офицеров.

Следует заметить, что, если расстрелы польских военнопленных сопровождалась выстрелами и криками, которые слышали жители, то налицо полное нарушение инструкции НКВД о порядке производства расстрелов. Согласно этой инструкции приговоры должны были приводиться в исполнение с «обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение». Места расстрелов должны были находиться не менее чем в 10 км от населенных пунктов, чтобы в ночное время не было слышно выстрелов и не видно света от костра и фар автомобилей (См. «Р» — значит расстрелять. «Моск. комсомолец». 7 июня 2007 г.).

Следует обратить особое внимание на утверждения катынцеведов о том, что польских военнопленных, в нарушение вышеупомянутой инструкции, при расстрелах в лесу не обыскивали и не раздевали. Это более чем странное утверждение, если учитывать, что акция по расстрелу польских военнопленных должна была оставаться **тайной навечно и инструкция в данном случае должна была соблюдаться абсолютно.** Однако приходится делать вывод, что сотрудники НКВД делали все для того, чтобы в будущем при раскопках польских захоронений сразу можно было бы установить, кто расстрелян. Как это объяснить?

Подобные сторонники официальной версии объясняют тем, что сотрудники НКВД, якобы, боялись бунта польских заключенных и поэтому до последнего момента не хотели их настораживать раздеванием и предварительным связыванием. Но как быть с личными вещами, которых в катынских за-

хоронениях найдено более чем достаточно?! Ведь даже катыноведец Лебедева пишет, что при транспортировке военнопленных конвоиры отбирали у них все личные вещи, в том числе и мелкие (См. Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. С. 240).

Единственное объяснение подобной ситуации может быть следующим. По некоторым сведениям в июле 1941 г. из лагерей «ОН» была эвакуирована лишь незначительная часть из 8 тысяч пленных польских офицеров. Остальные, после того как лагерь остались без охраны, взломали кладовые и разобрали личные вещи.

Версию о том, что часть пленных польских офицеров весной 1940 г. была передана немецкой стороне, подтверждает следующий факт. В Козельском лагере **всем пленным офицерам перед отправкой в распоряжение Смоленского УНКВД были сделаны прививки от брюшного тифа и холеры.** Это было отмечено в ходе немецкой эксгумации в 1943 г. Зачем делать прививки, если их везли на расстрел? На этот вопрос аполететы немецко-польской версии предпочитают не отвечать.

Майор армии Андерса Юзеф Чапский, первый летописец катынской трагедии, в книге **«На бесчеловечной земле»** писал о том, что, когда польские генералы М.Сморовинский, Х. Минкевич и Б.Бохатеревич в апреле 1940 убывали из Козельского лагеря в распоряжение Смоленского УНКВД, **лагерная администрация устроила им прощальный обед.** Каждому офицеру, покидающему лагерь, выдавалось 800 г. хлеба, немного сахара и три селедки, завернутые не, как обычно, в газету, а **в качественную новую серую бумагу.** Некоторые исследователи полагают, что это свидетельствует о том, что офицеры возвращались в оккупированную немцами Польшу и русские хотели показать, что и они не чужды цивилизованного отношения к пленным.

В этой связи необходимо привести выдержку из рапорта полковника Е.Горчинского от 6 мая 1943 г. в штаб армии генерала Андерса. В нем говорилось: **«Когда мы сказали комиссару Берия, что большое число первоклассных офицеров для активной службы находится в лагерях в Старобельске**

и Козельске, он заявил: «Составьте их список, однако немного из них осталось, поскольку мы совершили большую ошибку, передав большую их часть немцам». Нечто подобное сказал полякам и зам. Берии Меркулов. Однако эту фразу катонеды, как правило, цитируют без последних слов о передаче немцам.

Итак, как понимать прививки, прощальный обед, сухой паек в дорогу?! Это все для того, чтобы дезориентировать поляков, что их везут на расстрел, или все же для того, чтобы они в нормальном настроении доехали до Бреста? Обо всем этом катонеды предпочитают не рассуждать. Это вновь косвенное подтверждение немецкого следа в катынском преступлении.

Особое место в ряду доказательств о немецком следе в катынском преступлении занимает свидетельство бывшего члена сталинского Политбюо Лазаря Моисеевича Кагановича (1893—1991). О нем уже упоминалось. Однако это свидетельство заслуживает отдельного рассказа. Военный историк, доктор исторических наук, сотрудник Института военной истории Алесандр Николаевич Колесник в 1985—1991 гг. шесть раз встречался с Кагановичем и беседовал на различные исторические темы.

Даты этих бесед, их продолжительность задокументированы сотрудниками КГБ СССР, охранявшими подъезд дома (Фрунзенская набережная, д. 50), в котором проживал Каганович. Отметим, что охрана в обязательном порядке регистрировала гостей к Кагановичу в специальном журнале. Помимо этого, все посетители фотографировались фотокамерой, автоматически фиксировавшей дату и время съемки (<http://www.katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=936>.)

Беседа о Катынском деле, в которой Каганович впервые сообщил информацию о точном количестве граждан бывшей Польши, расстрелянных на территории СССР за период с ноября 1939 г. по июль 1941 г., состоялась **6 ноября 1985 г. на его квартире**. Она длилась 2 ч. 40 мин, с 18:40 до 21:20. При беседе присутствовала дочь Лазаря Михайловича Майя Лазаревна, которая стенографировала все сказанное.

Позднее выяснилось, что с помощью технических спецсредств эту беседу также записали сотрудники КГБ СССР, негласно осуществлявшие слежку за Кагановичем. Это стало очевидным после того, как Колеснику позвонил оперативный сотрудник КГБ капитан Рязанов и в категорической форме обязал не разглашать содержание состоявшейся беседы.

Каганович рассказал, что весной 1940 г. руководство СССР приняло вынужденное и очень трудное, но абсолютно необходимое в той сложной политической обстановке **решение, о расстреле 3.196 преступников из числа граждан бывшей Польши.** К расстрелу были приговорены польские военные преступники, причастные к массовому уничтожению в 1920—1921 г. пленных советских красноармейцев, сотрудники польских карательных органов, совершившие преступления против СССР и польского рабочего движения в 1920—1930-ые годы. Кроме них, были расстреляны уголовники из числа польских военнопленных, совершившие на территории СССР тяжкие общеуголовные преступления уже после своего интернирования в сентябре-октябре 1939 г. — групповые изнасилования, разбойные нападения, убийства и т.д.

Свидетельство Кагановича о расстреле **«около трех тысяч поляков»** подтвердил в 1986 г. в телефонном разговоре с Колесником бывший председатель Совета Народных комиссаров СССР **Вячеслав Михайлович Молотов** (1890 — 1986). Точную цифру «3.196» расстрелянных в СССР в 1939—41 гг. польских граждан, в личной беседе с Колесником подтвердил бывший нарком по строительству СССР **Семен Захарович Гинзбург** (1987 — 1993). Он также сообщил Колеснику малоизвестные подробности советских эксгумационных работ в Катынском лесу.

По словам Гинзбурга, эксгумации массовых могил с останками польских граждан в 1944 г. проводились **не только в Козьих Горах-Катыни, но и еще, как минимум, в двух других местах к западу от Смоленска.** Земляные работы осуществлялись силами одной из так называемых ОСМЧ (особых строительного-монтажных частей), находившихся в оперативном подчинении у Гинзбурга.

Точный номер этой ОСМЧ С.З.Гинзбург за давностью лет вспомнить не смог, но указал, что данная часть была сформирована вскоре после начала войны на базе одного из гражданских строительных управлений и ее численность в 1944 составляла около 200 человек. Всем военнослужащим части после окончания эксгумационных работ по инициативе Гинзбурга в качестве премии было выдано по 1 кг шоколада.

15 февраля 2010 г. информацию, о том, что органы НКВД перед войной расстреляли три с небольшим тысячи поляков, виновных в военных и уголовных преступлениях, автору настоящего исследования в телефонном разговоре сообщил бывший заместитель Председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков. 16 февраля того же года Филлип Денисович еще раз подтвердил эту информацию.

Особо следует акцентировать один из аспектов Катынского дела. Речь идет об исполнительской точности реализации решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Катыноведы постоянно подчеркивают бесчеловечную точность сталинского репрессивного механизма. Эта точность всегда сопровождала реализацию любого решения, принятого советским вождем.

Так, в 1944 г. Сталин дал команду скопировать американский бомбардировщик Б—29 «летающая крепость». В Б—29, предназначенном для копирования, американский летчик забыл фотоаппарат немецкой фирмы «Лейка» (Leica). В итоге, первая партия советских Ту—4 (копий Б—29) была укомплектована советскими ФЭДами, являющимися точной копией «лейки», которую сочли частью оборудования американского бомбардировщика. Вот как исполнялись указания Сталина.

В Катынском деле все наоборот. Расстреливали поляков с набором документов и списков, позволяющих без труда установить их личности. Место расстрела и захоронения польских офицеров выбрали в 500 м. от государственной дачи, в которой нередко отдыхали члены Политбюро. Решение было принято о расстреле 25 700 польских пленных и граждан (если было), а расстреляли без объяснения причин на 3843 человека меньше. Одним словом, настоящий ребус, на который нет

ответов. Как все это понимать? Катыноведы и официальное следствие по данному поводу хранят гробовое молчание.

Ну, а теперь обратимся к свидетельствам очевидцев. Некоторые из них уже были приведены в настоящем исследовании. Известно, что эти свидетельства вещь весьма субъективная и поэтому они должны проверяться с собой тщательностью. Это подтвердила ситуация с расследованием катынского преступления. В первой редакции книги со ссылкой на исследование известного и авторитетного французского писателя-историка и политика Алена Деко «**Катынь: Гитлер или Сталин?**» были приведены свидетельства **Катарины Девилье и Пауля Бредоу**.

Однако критичный взгляд на свидетельство мадам Девилье позволяет сделать вывод о том, что оно, мягко говоря, не совсем корректно. Для этого достаточно проанализировать заявление Девилье о том, что она в составе делегации от польской армии З.Берлинга **одна из первых посетила еще сохранившийся немецкий музей «советских зверств»** в Катыни. Однако известно, что большинство вещественных доказательств из катынских захоронений, хранившихся в этом музее, немцы сумели эвакуировать. То, что немцы не смогли эвакуировать, по рассказам местных жителей, они сожгли или выбросили на помойку. Оставшиеся артефакты, представлявшие какую-либо ценность для следствия, изъяли сотрудники прокуратуры и СМЕРШа. Поэтому утверждения Девилье о том, что **она якобы видела в 1944 году в Катыни музейные ячейки с немецкими вещественными доказательствами, не более чем литературный вымысел**.

В ситуации с Девилье поражает другой факт. Деко сообщает, что она подверглась перекрестному допросу в прямом телеэфире со стороны ведущего французского специалиста по вопросам Центральной Европы Генри Монфора и бывшего польского военнопленного в советских лагерях, майора армии Андерса Юзефа Чапского и с честью выдержала это испытание. Вызывает удивление, что **Ю.Чапский, известный исследователь катынского преступления, не смог уличить мадам Девилье во лжи**. Это еще одно свидетельство того, на-

сколько трудно при расследовании катынского преступления отделить правду от вымысла.

Что же касается Пауля Бредоу, точнее Пауля Бредлова (Bredlow), то на процессе по делу «палача польского народа» Эрика Коха, во время перекрестного допроса защиты, он заявил, что приехал в Варшаву при содействии Министерства иностранных дел ГДР. После этого заявления показания Бредлова утратили всякую ценность, хотя полностью их игнорировать нельзя.

Сенсационной, как и свидетельства К.Девилье и П.Бредлова, кажется статья польского журналиста **Мацея Рыбинского**, опубликованная в «Жечпосполита» от 10 августа 2004 г. Рыбинский пишет о катынском преступлении следующее. *«Виновники катынского преступления уже давно осуждены, приговорены и казнены — еще во времена СССР (...) Первый процесс состоялся в Мариуполе на Азовском море. Было вынесено четыре смертных приговора. Все они были приведены в исполнение. В Смоленске за катынскую резню к смерти приговорили семерых немецких офицеров (...)*

В 1945 г. — тоже в Смоленске — за соучастие в катынском преступлении к смертной казни были приговорены 85 немецких офицеров, в т.ч. 18 генералов. Казнь была публичной (...) Съемки казни нашел в московском архиве берлинский историк Бенгт фон цур Мюлен. Я видел эти съемки (...) Ни один из этих приговоров — а я перечислил далеко не все — не был пересмотрен. А это значит, что с сегодняшней точки зрения они были и остаются справедливыми».

К сожалению, статью Рыбинского так и не удалось прочитать в подлиннике. Пришлось довольствоваться краткими выдержками из журнала «Новая Польша», № 10, 2004 г. (Виктор Кулерский. Раздел: Хроника текущих событий). Однако и этого достаточно, чтобы сделать вывод о том, что пан Рыбинский допустил серьезные ошибки. Процессы над нацистскими преступниками в СССР после войны проводились. Были и публичные казни. Однако это не имело никакого отношения к катынскому преступлению. На оккупированных террито-

риях СССР нацисты совершили массу других преступлений, за что понесли справедливое наказание.

Единственный процесс, на котором затрагивалась катынская трагедия, был открытый процесс в декабре 1945 г. в Ленинграде над группой военных преступников во главе с генералом Ремлингером. В ходе этого процесса был допрошен рядовой 2-го батальона «особого назначения» немецкой 21-й дивизии Арно Дюре (Diere), который признался, что участвовал в рытье рва в Катыни, в который в октябре-ноябре 1941 г. СС-овцы свозили трупы поляков, русских, евреев. Также Дюре признался, что лично расстреливал людей из пулемета в нескольких деревнях. Дюре получил 15 лет. Вернулся в Германию в 1954 г. Тогда же он и отказался от своих показаний. Информация о Ленинградском процессе и показаниях Дюре была опубликована в газете «Ленинградская правда» от 29.12.1945 г.

Тем не менее, свидетельства очевидцев, несмотря на их субъективность, являются неотъемлемой частью любого расследования. Поэтому тот же Деко специально ездил для встречи с Рене Кульмо, бывшим узником Шталага II В, расположенного в Померании. В беседе Кульмо рассказал, что в сентябре 1941 г. в их Шталаг прибыло с Востока 300⁺ поляков. *«В сентябре 1941 года в Шталаге II D нам объявили о приезде шести тысяч поляков. Их ждали, но прибыло только триста. Все в ужасном состоянии, с Востока. Поляки вначале были как во сне, они не говорили, но постепенно стали отходить. Помню одного капитана, Винзенского. Я немного понимал по-польски, а он по-французски. Он рассказал, что фрицы там, на востоке, совершили чудовищное преступление. Почти все их друзья, в основном офицеры, были убиты. Винзенский и другие говорили, что СС уничтожили почти всю польскую элиту»* (Деко. Великие загадки... С. 277—278).

В итоге, изучив свидетельства, подтверждающие как немецкую, так и советскую версию «Катынского дела», А.Деко высказал предположение, что: *«Возможно, существовало два катынских преступления. Одно совершили русские, другое немцы».*

Представляют интерес показания, которые немецкий гражданин **Вильгельм Гауль Шнейдер** 5 июня 1947 г. дал капитану Б.Ахту в г. Бамберге, в американской зоне оккупации Германии. Шнейдер заявил, что во время пребывания в следственной тюрьме «**Tegel**» зимой 1941—1942 г.г., он находился в одной камере с немецким унтер-офицером, служившим в полку «**Regiment Grossdeutschland**», который использовался в карательных целях. Этот унтер-офицер был обвинен в подрыве боевого духа народа, или пораженчестве и приговорен к смерти.

Он рассказал Шнейдеру, что: *«поздней осенью 1941 г., точнее в октябре этого года, его полк совершил массовое убийство более десяти тысяч польских офицеров в лесу, который, как он указал, находится под Катынью. Офицеры были доставлены в поездах из лагерей для военнопленных, из каких — я не знаю, ибо он упоминал лишь, что их доставляли из тыла. Это убийство происходило в течение нескольких дней, после чего солдаты этого полка закопали трупы»* (Архив внешней политики РФ. Ф. 07, о. 30а, п. 20, д. 13, л. 23.). Вспомним дневник польского офицера, который был опубликован в испанской газете «АВЦ». Совпадение налицо.

Сторонники официальной версии пытаются дискредитировать показания Шнейдера, ссылаясь на то, что он был однажды пойман на дезинформации, когда пытался причислить себя к организаторам покушения на Гитлера в мюнхенской пивной. «Примазываясь» к покушению на Гитлера Шнейдер мог надеяться на славу борца с нацизмом. Однако, что заставило его в июле 1947 г. обратиться в Польское военное министерство и к американскому капитану Ахту. Известности это ему не прибавило, а проблем... Факты, которые Шнейдер изложил на допросе, довольно легко проверялись. Если он врал, то понимал, что при выяснении правды у него будут неприятности. Зачем было ему это?

Неточности в показаниях Шнейдера можно объяснить тем, что он пересказывал сообщение унтер-офицера. Однако это не основание для игнорирования его заявления. В любом серьезном расследовании отработка всех версий и сви-

детельств обязательна. Известны случаи, когда путанное и не вполне правдивое свидетельство позволяло следствию найти «зацепку», приводящую к раскрытию преступления.

Несостоятельны утверждения о том, что элитный полк **«Regiment Grossdeutschland»** не мог принимать участие в расстреле польских офицеров, так как никогда не находился в Смоленске или в районе Смоленска. В Интернете даже размещена карта передвижений этого полка по оккупированной территории СССР. Однако для расстрела в Катыни не нужен был весь полк. Достаточно было выделить **взвод профессионалов**, как это делали американцы во Вьетнаме, когда надо было провести карательную операцию. Мобильность такого взвода чрезвычайно высока. Он способен автономно действовать в сотнях километров от дислокации полка.

В плане причастности нацистов к расстрелам поляков в катынском лесу интерес представляет свидетельство Евгения Марченко из Новороссийска. В своем заявлении в редакцию проекта **«Правда о Катыни»** он рассказал о **Свидерском Валентине Евгеньевиче**, ныне покойном.

Подростком Свидерский жил на оккупированной немцами территории. До войны увлекался филателией и, когда в 1943 г. немецкие оккупационные власти демонстрировали местным жителям пропагандистский фильм о жертвах Катыни, обратил внимание на почтовый конверт, попавший в кадр. Он был найден в кармане трупа одного из расстрелянных польских офицеров. На конверт была наклеена советская юбилейная почтовая марка, выпущенная в **ноябре 1940 г.** к 20-летию штурма Перекопа Красной Армией. Это означало, что конверт мог быть направлен адресату только в конце 1940 г. Свидерский несколько раз смотрел эту хронику и ему стало ясно, **весной 1940 г. сотрудники НКВД в катынском лесу не расстреливали поляков.**

Свидерский и Марченко пытались найти немецкую кинохронику с клнвертом, но это им не удалось. После смерти Свидерского Марченко обратился в редакцию **«Правды о Катыни»** с просьбой помочь разыскать этот документальный фильм.

Ситуация со Свицерским в расследовании катынской трагедии не единична. Смерть безжалостно вырвала из жизни нескольких важных свидетелей буквально накануне их встреч с представителями проекта «Правда о Катыни». Так, 18 декабря 2006 г. в Иркутске на 97 году ушел из жизни полковник КГБ в отставке **А.П.Нестеров**, занимавший в 1940 г. должность начальника секретариата Калининского УНКВД и контролировавший всю секретную переписку областного управления, связанную с операцией по разгрузке Осташковского лагеря. Нестеров так и не успел ответить на вопросы об истинных обстоятельствах Катынского дела, которые ему были направлены 4 декабря 2006 г.

В этой связи особую ценность приобретают свидетельства очевидцев, хранящиеся в российских архивах. Важное заявление 28 мая 2009 г. в интервью РИА Новости и польской «Газете Выборчей» сделал Сопредседатель Группы по сложным вопросам российско-польских отношений, ректор МГИМО, академик РАН **Анатолий Торкунов**. Он сообщил, что из военного архива ему прислали материалы, которые *«не отрицают, что польские офицеры стали жертвами сталинских репрессий, но говорят о том, что, возможно, какая-то часть офицеров была уничтожена немцами»*. Но далее Торкунов сделал поистине ошеломляющий вывод: *«Я не считаю, что это меняет что-то в корне, нюансы не меняют сути»*. К сожалению, этот вывод наглядно характеризует официальную позицию российскую в катынском деле.

В тоже время известно, что в Фонде Управления Командующего ВВС РККА в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) под грифом «секретно» хранится **протокол допроса сотрудниками СМЕРШа немецкого военнопленного, принимавшего личное участие в расстреле польских офицеров в Катыни (ЦАМО, фонд 35, оп.11280, д.798, л.175)**. Но **обнародовать его пока не удается**.

Помимо этого в 2010 году стало известно, что доктор исторических наук **Нина Константиновна Петрова** несколько лет назад обнаружила в фонде Совинформбюро Государственного архива РФ интересный документ — показания воен-

нопленного немецкого унтер-офицера, участника расстрела польских офицеров в Катыни. По ее словам в этих показаниях впервые назван номер немецкой части, непосредственно расстреливавший поляков в Катыни.

Однако информацией Петровой об обнаруженных в архиве показаниях по месту ее работы (Институт всеобщей истории РАН) не заинтересовались. Со временем карточка с реквизитами документа с показаниями унтер-офицера была утрачена и сегодня представители «Правды о Катыни» пытаются вновь выявить этот документ и запустить его в научный оборот.

В подобных расследованиях бывают и большие разочарования. Так, в апреле 2010 г. ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН **Татьяна Бушуева** рассказала радиостанции «Голос России» о малоизвестных фактах Катынской трагедии. В частности, она сообщила, что в польско-российском сборнике «**Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб**» находится **свидетельство солдата штурмовой бригады СС венгра Густава Давидхазы, участвовавшего в подавлении Варшавского восстания, которое якобы указывало на немецкий след в катынском преступлении.** Это сразу вызвало живой интерес у исследователей катынской трагедии.

Примечание. Штурмовая бригада СС оберфюрера СС Оскара Дирлевангера, являлась карательной частью, сформированной из не германцев. Отличалась особой жестокостью в расправах над мирным населением на оккупированных территориях. На ее счету сожженная белорусская деревня Хатынь. Потом была расправа с восставшими варшавянами. В июне 1945 г. в Баварии Дирлевангер был забит до смерти опознавшими его поляками из французского корпуса. Однако предпочитают утверждать, что Дирлевангер без суда и следствия был расстрелян при взятии в советский плен.

Для полной ясности процитируем сведения о катынском преступлении, которые Густав Давидхазы сообщил 30 июня 1947 года во время допроса в лагере военнопленных под Зальцбургом представителю Польской военной миссии

майору В.Чеховскому. Будучи в Варшаве в октябре 1944 года, он *«пошел к одному длинному дому, который еще недавно являлся лагерем. Этот дом не был сгоревшим. В каком-то бюро я заметил тетрадь на немецком языке. Я ее прочитал. Там находилась опись убийства 12 тысяч польских офицеров в лесу Катыни»* (Сборник «Варшавское восстание...», с. 722).

Из вышеизложенного ясно, что в показаниях Давидхазы конкретных сведений о виновниках преступления в Катыни не содержится. То, что записи об убийстве польских офицеров были на немецком языке, не могут быть доказательством того, что преступление совершили немцы. Вполне возможно, что Давидхазы нашел записи одного из ее польских участников немецкой эксгумации в Катыни 1943 г. Почему на немецком языке?

Сторонники официальной версии на этот вопрос ответят, что во время эксгумации основная документация велась на немецком языке. Для того, чтобы не переводить ее в процессе работы, польский эксперт мог вести записи на немецком языке. Кстати, первоначальный Отчет Технической Комиссии ПКК, работавшей в Катыни в апреле-июне 1943 г. был составлен на немецком языке. Возможно один из черновиков этого Отчета и обнаружил Давидхазы в Варшаве.

Против такого аргумента трудно возразить. Тем более, что неясно, какая это была тетрадь и, как описывался в ней расстрел польских офицеров: с позиции участника расстрела или участника эксгумации? Удивительно, но майора Чеховского из Народной республики Польша этот эпизод в показаниях нацистского карателя почему-то не заинтересовал. Дополнительных вопросов на эту тему он не задал.

Как видим, свидетельские показания весьма специфическая сфера. Но и здесь значительное число свидетельств подтверждают нацистский след в Катыни. К сожалению, они пока игнорируются как российской, так и польской стороной. Если бы в свое время они были бы исследованы российскими военными следователями, то, возможно, вопросов бы по ним не возникало.

Несмотря на то, что многие из вышеприведенных свидетельств являются косвенными, **их количество** позволяет сделать достаточно определенный вывод о **причастности нацистов к катынскому преступлению**. Известны уголовные процессы, в которых на основании подобных косвенных улик были осуждены реальные преступники. Нет сомнения, что количество свидетельств, подтверждающих немецкий след, будет расти и, рано или поздно **их количество перейдет в качество**.

Еще одна польская версия

Невероятную версию расстрела польских офицеров предложил Леопольд Ежевский (Ежи Лоек) в своем исследовании «Катынь. 1940». Точнее эта версия в 1943 г. была выдвинута немцами, а Ежевский ее повторил. Он утверждает: **«Расследование 1943 года показало, что убийство польских офицеров осуществлялось не подразделениями местного НКВД из Смоленска, а частями НКВД из более отдаленного Минска. На основании этих данных можно выдвинуть кое-какие гипотезы. В начале 1938 года в СССР существовало несколько тайных антисталинских радиостанций, из которых одна вещала в Белоруссии. Радиолокаторы запеленговали ее под Минском, в сторожке лесника.**

Когда войска НКВД окружили сторожку, люди, находившиеся в ней, оказали сопротивление и все погибли в бою. В сторожке была обнаружена мощная радиостанция (ЗКВ), обслуживаемая высшими чинами минского ГПУ (НКВД), причем среди убитых был комиссар ГПУ Самуил Рубинштейн (Рейтер, 29 июня 1938 г.; см. «Новая Речь Посполитая» 21 июня 1938 г.). Выяснилось, что минский НКВД был центром антисталинской конспирации. Отсюда, конечно, следовало, что все минское НКВД подлежало ликвидации. Последним заданием минских энкаведистов, скорее всего, и было уничтожение польских офицеров в Катыни,

после чего их всех ожидала неминуемая гибель» (Ежевский. Катынь. С. 20).

Не будем комментировать измышления по поводу минского антисталинского центра. Если бы он существовал, то сегодня об этом было бы известно. Это была очередная газетная «утка». Но вот версия о причастности сотрудников Минского НКВД к расстрелам польских военнопленных появлялась в различных источниках.

Вот что по этому поводу пишет Л.Ежевский: *«В 1957 году произошло событие, имевшее для выяснения катынской трагедии очень большое значение. 7 июля 1957 года западно-немецкий еженедельник «7 Tage» опубликовал копию и перевод документа, который был предоставлен редакции одним поляком, в годы войны работавшим в строительных отрядах Тодта. Этот документ, датированный 10 мая 1940 года, с грифом «совершенно секретно», за подписью Тартакова, начальника минского НКВД, был адресован его московскому начальству — генералам Зарубину и Райхману.*

Документ был найден в начале войны среди бумаг, оставленных в здании НКВД в Минске. Это была сжатая информация о ликвидации лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове. В рапорте упоминается некто Бурьянов, представитель центра НКВД, ответственный за проведение всей «акции». Кроме того, в нем отмечалось: ликвидацию «Козельска» осуществили под Смоленском части минского НКВД под прикрытием 190-го пехотного полка, ликвидацию «Осташкова» в районе Бологое — части смоленского НКВД под прикрытием 129-го пехотного полка, стоявшего в районе Великих Лук, «Старобельска» в районе Дергачей — харьковское НКВД под прикрытием 68-го пехотного полка запаса. Операция закончилась между 2 и 6 июня 1940 года. Ответственный за операцию — полковник Б. Кучков» (Ежевский. Катынь. С. 28).

Ю.Мацкевич в книге «Катынь», ссылаясь на немцев, пишет, что: *«расстрелами руководили четыре сотрудника минского НКВД, и из этих четырех назвали три еврейские фамилии: Лев Рыбак, Хаим Финберг, Абрам Борисович».* Он

также утверждает, что: *«убийство пленных, как это подтвердилось позднее, было делом рук сотрудников минского НКВД, специально командированных в Катынь»* (Мацкевич. Катынь, глава 14).

Отметим лишь несколько неточностей, как в рапорте Тартакова, так и в утверждениях Ежовского и Мацкевича. Это несовпадение дат, ссылка на «пехотные» полки, тогда как в Красной Армии были только стрелковые полки и дивизии. Не говоря уже о том, что ни в Минском, ни в Смоленском УНКВД, ни в центральном аппарате НКВД СССР сотрудники с вышеперечисленными именами и фамилиями никогда не числились (Катынь. Расстрел... С. 425). Сомнительны также обстоятельства нахождения сверхсекретного рапорта «одним поляком».

Рапорт Тартакова вызвал в Европе настоящий ажиотаж. Однако впоследствии польские исследователи выяснили, что он — фальшивка, сфабрикованная нацистами. Если это так, то рапорт Тартакова является убедительным свидетельством того, что катынское преступление — это хорошо спланированная нацистами многоуровневая провокация. В противном случае возникает вопрос, зачем немцы сфабриковали фальшивку, если и так ясно, что поляков расстреляли сотрудники НКВД?

О польской элите и геноциде

Говоря о катынском преступлении, польская сторона квалифицирует его как *«уничтожение 27 тысяч представителей руководящей элиты польского общества»* и *«геноцид»* («Rzeczpospolita», 7—8 авг. 2005 г). Не будем вступать в полемику по поводу цифры 27 тысяч, так как, по мнению профессора Володжимежа Марциняка, ведущего польского специалиста по постсоветским исследованиям, под Катынью *«мы подразумеваем всех польских граждан, убитых в сталинских лагерях»* (Политический журнал. № 47—48 (142—143), 18 декабря 2006).

Уже упомянутый Л.Ежевский, когда заходит речь о гибели поляков на территории СССР, без тени смущения оперирует десятками тысяч и даже миллионами. Так он пишет *«Около 46 тысяч человек было освобождено, более 180 тысяч депортировано вглубь СССР. Некоторые из них покинули Советский Союз в рядах армии генерала Андерса в 1942 году, кое-кто попал в так называемую Польскую армию под командованием генерала Зигмунта Берлинга. Многие же погибли на советской территории, как и большинство из 1,2 миллиона депортированных в СССР польских граждан»* (Ежевский. Катюнь. Глава «Польские военнопленные в Советском Союзе»).

Л.Ежевский, как многие польские публицисты и историки, умело дезинформирует польскую общественность. Начнем с того, что согласно совместному польско-российскому сборнику «Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году», изданному в 2003 г., количество выселенных поляков составило не 1,2 миллиона, а всего 292 513 человек. С учетом же всех выселенных с этих территорий в 1940—41 гг. польских граждан других национальностей — евреев, украинцев, белорусов и т.д., можно говорить максимум о 390—400 тыс. репрессированных.

Даже по истечению полувека, в 1989 г., по утверждениям министра иностранных дел Польши Скубишевского, здравствующих поляков, *«пострадавших от сталинских репрессий»* на территории Польши насчитывалось около 250 тысяч чел.

«Некоторые» по Ежевскому, покинувшие СССР с армией Андерса, насчитывали не много, не мало, а 114 732 человека, в том числе 76 110 военнослужащих (Катюнь. Расстрел. С. 413). В двух польских армии Войска Польского З.Берлинга, а впоследствии М.Роля-Жимерского, в конце войны воевал не *«кое-кто»*, как утверждает Ежевский, а 400 тысяч бойцов, значительную часть составляли поляки, плененные или интернированные в 1939 г. Это была четвертая по численности армия в антигитлеровской коалиции и только позиции США и Великобритании не позволили занять Польше почетное место в числе стран-победительниц, принимавших капи-

туляцию нацистской Германии. Зато Войско Польское было единственной иностранной армией, которая удостоилась чести наравне с Красной Армией пройти по Красной площади на Парадах Победы в 1945 и 1985 г.г. Абсолютно ясно, что пан Л.Ежевский в вопросах гибели поляков на территории СССР, не просто лукавит, а тривиально лжет.

В Польше также усиленно насаждается мнение о том, что если бы поляки в 1939 г. попали в плен к немцам, то они остались бы живы. Тот же Л.Ежевский пишет. *«Отступление же с восточного фронта в направлении немецкого театра военных действий давало бы возможность сдаться в плен Вермахту, что, в свою очередь, гарантировало бы польским офицерам возможность пережить войну в лагерях для военнопленных офицеров...»*

Командир полка пограничных войск «Подолье» полковник Марцели Котарба, который первый встретил огнем наступающие части противника и до полудня 17-го сентября сдерживал их продвижение по направлению к ставке Главнокомандующего, сумел пробиться на запад и тем самым уцелеть» (Ежевский. Катынь. Глава «Польские пленные в Советском Союзе»).

Однако утверждение о том, что представители *«руководящей польской элиты»* выжили бы в немецком плену, не выдерживает одного вопроса, а почему немцы, безжалостно и методично осуществлявшие акцию «АБ», оставили бы их в живых?

Известно, что в соответствии с приказом Гитлера войска СС в Польше проводили специальную акцию «АБ», целью которой была *«ликвидация польской элиты»*. Для этого в сентябре 1939 г. шеф СС Гиммлер вслед за наступающими частями вермахта ввел в Польшу пять айнзацгрупп, в свою очередь поделенных на четыре айнзацкоманды, основная цель которых была выполнение акции «АБ». Гейдрих, подручный Гиммлера, уже 27 сентября 1939 г. докладывал: *«От польской высшей прослойки осталось во всех оккупированных районах максимум три процента»* (Хене. История СС. С. 354.).

Джон Толанд, известный американский публицист и историк, лауреат Пулитцеровской премии к этому добавляет *«К середине осени были ликвидированы три с половиной тысячи представителей польской интеллигенции...»* (Толанд. А. Гитлер. С. 79).

Наместник польского генерал-губернаторства Франк в 1940 г. признавался, что, *«если бы он вывешивал афиши по поводу расстрела каких-нибудь семи поляков, то для производства бумаги не хватило всех лесов Польши»*. Франк, неудовлетворенный результатами злодейской акции «АБ» по уничтожению польской элиты, дал указание 2 октября 1943 г., в самый разгар «катынского дела», возобновить эту акцию. (Нюрнбергский эпилог. С. 412.) Вот как осуществлялось уничтожение подлинной польской элиты!

По поводу гибели на территории СССР 27 тысяч представителей польской элиты возникает один вопрос. Немцами айнзацкомандам, специально подготовленным для поиска и уничтожения элиты на территории с преимущественно польским населением удалось выявить и уничтожить всего 3,5 тысячи человек. А вот на территории *«восточных земель Польши»*, где поляки составляли небольшую часть населения, по утверждению польского профессора В.Кулеши, вдруг оказалось 27 тысяч человек *«руководящей польской элиты»*.

По польским данным в 1939 г. во всех родах вооруженных сил Польши состояло 18,5 тысяч кадровых офицеров действительной службы. Помимо этого имелось около 60 тысяч офицеров запаса в возрасте до 50 лет и 12 тысяч офицеров в отставке. В сентябре 1939 к немцам в плен попало 19 тысяч польских офицеров. Красная Армия, по данным сборника документов *«Катынь. Пленники необъявленной войны»*, взяла в плен 10 тысяч офицеров. По другим данным в советском плену оказалось не менее 12 тысяч офицеров, но не 20 тысяч, как утверждает польская сторона.

Из записки Берии Сталину № 794/Б следует, что в лагерях и тюрьмах НКВД по состоянию на 2 марта 1940 г. находился 10.661 польский офицер армии, погранвойск, полиции и жандармерии. Там же содержалось 15 тысяч рядовых полицей-

ских, жандармов, тюремных надзирателей и членов контрреволюционных организаций. Постараемся разобраться, могут ли они все считаться представителями польской элиты?

Рассмотрим кадровый состав поляков, находившихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД. Всего здесь, по состоянию на 8 апреля 1940 г., содержалось **14.857 польских военнослужащих и гражданских лиц**. В том числе в звании от майора и выше насчитывалось 757 человек или 5,1%. Из них — капитанов морфлота, подполковников, полковников, генералов и адмиралов — 319 человек.

К 757 человек командного состава следует добавить 108 высокопоставленных чиновников, ксендзов, помещиков и собственников, содержащихся в лагерях. Следует не забыть, что в тюрьмах находилось 1207 бывших офицеров и 465 помещика, фабрикант и чиновник. Всего получается 2537 человек.

В сентябре 1939 г. в польскую армию из запаса было призвано 598 капитанов и 1.354 поручика. Последняя категория в большинстве представляла польскую интеллигенцию, о которой в своих воспоминаниях писали ротмистр Юзеф Чапский и уже упомянутый полковник Любодзецкий. Вместе с тем надо иметь в виду, что многие офицеры запаса из интеллигенции, в том числе известные в Польше врачи, журналисты и профессора вузов, имели, как правило, небольшие воинские звания.

В.Абарин в книге «Катынский лабиринт» сообщает, что в Козельском лагере содержался 21 профессор вузов, более 300 врачей, свыше ста литераторов и журналистов, а также артисты, инженеры и учителя. В Старобельском лагере было около 20 профессоров вузов, почти 400 врачей, 600 летчиков, сотрудники институтов по борьбе с газами и по вооружению Войска Польского, юристы, учителя, инженеры.

Но даже с учетом мобилизованных поручиков и капитанов можно говорить лишь о **четыре-х с половиной тысячах поляков, занимавших сколь-нибудь заметное положение в польском обществе и в силу этого имевших основания быть отнесенными к элите.**

Отметим, что немцы польских офицеров вообще не рассматривали, как элиту. По крайней мере, они не числились в числе жертв акции «АБ». А вот польские офицеры, попавшие в советский плен, вдруг все были зачислены в элиту?!

Как известно, элита в любой стране никогда не является многочисленной. Нельзя же всерьез считать, что каждый попавший в советский плен польский подпоручик, рядовой полицейский или пограничник, тюремный надзиратель или лагерный охранник — это «руководящая элита» польской нации!

Большинство же находившихся в 1940 году в лагерях и тюрьмах НКВД поляков составляли рядовые военнослужащие и младшие офицеры. Тем не менее, польская сторона настойчиво утверждает, что в СССР погибло более двадцати тысяч представителей польской элиты. К сожалению, официальное следствие так и не поставило точку в этом споре.

Польскую сторону можно понять, если к элите причислить всех погибших. О мертвых не говорят плохо. Они всегда лучше оставшихся в живых, так как отдали самое дорогое — жизнь. Но в таком случае и 80 тысяч погибших в польском плену в 1919—1922 гг. красноармейцев и 600 тысяч советских солдат, погибших в 1944—1945 гг. за освобождение Польши, также должны считаться элитой.

Необходимо заметить, что гибель польских военнопленных в СССР польская сторона стремится представить, как целенаправленную политику геноцида советского руководства в течение всего времени существования Советского Союза. Польский историк Анджей Новак, в одном из 10 известных вопросов, адресованных российским историкам вопросов, затронул эту тему.

А.Новак, ссылаясь на гарвардского историка Терри Мартина, который *«подсчитал, что в Ленинграде, где в 1937—1938 гг. было наибольшее сосредоточение поляков, представителей этого меньшинства расстреливали в 31 раз чаще, чем составляет среднее статистическое по расстрелам периода «большой чистки» в этом городе»*, заявил, что; *«Мы по-прежнему очень мало знаем об этой первой в СССР попытке истребить одну нацию»* (Новая Польша. № 4, 2005).

Подобные утверждения подобны наукообразным «откровениям» о том, что 100% людей, постоянно употреблявших в пищу картофель — умерли. Факт, который невозможно опровергнуть. Известно, что в годы Гражданской войны и после нее **основную массу репрессированных составляли представители русского офицерства, интеллигенции, дворянства и духовенства**, которые в силу своего интеллектуального потенциала представляли угрозу для новой власти. По сравнению с другими национальностями, представители русской элиты подверглись **тотальному уничтожению**. Их действительно расстреливали «чаще», по сравнению со среднестатистическим, в десятки раз. Но это было обусловлено не национальным, а так называемым «классовым подходом».

На освободившиеся в результате репрессий места в 1920-е годы пришли представители **еврейского и польского национального меньшинства**, которые в силу большей образованности и корпоративности сумели занять ряд ключевых позиций в Красной Армии, а также в советских, партийных и хозяйственных органах СССР. Надо заметить, что в США в 50-е годы было 9 сенаторов польского происхождения, а ныне их насчитывается уже 16. Польская диаспора сегодня — одна из самых влиятельных в Соединенных Штатах. Поляки всегда отличались умением делать карьеру в госструктурах других государств.

Представители польской диаспоры в Советском Союзе к середине 1930-х годов также занимали немало ключевых позиций. Тогдашнюю ситуацию с поляками в СССР сильно осложнял тот факт, что большинство из них имели родственников «за границей», что являлось «тяжким грехом» для советских служащих. Например, даже вдова председателя ВЧК Ф. Дзержинского состояла в родстве (была двоюродной сестрой) с прокурором Верховного суда Польши полковником С.Любодзецким.

Естественно, что политические репрессии 1937—38 г.г. коснулись в первую очередь именно таких поляков. Но никакой расовой или национальной подоплеки здесь не было. Наоборот, советская пропаганда в 1930-е годы постоянно под-

черкивала, что польский народ — это друг, угнетаемый правящими кругами «панской Польши».

Следует добавить, что интернационализм являлся краеугольным камнем коммунистического мировоззрения. Поэтому для системы ВЧК-ОГПУ-НКВД враги определялись не по национальности, а по лояльности к советскому строю и совершенным против него преступлениям. Сторонники также определялись не по национальности, а по политическим взглядам. Национальный состав руководства Советского Союза в начальный период его истории это наглядно подтверждал. Первым председателем ВЧК-ОГПУ был поляк Феликс Дзержинский, военным ведомством во время Гражданской войны руководил еврей Лев Троцкий, главой ВКП(б) и советского государства долгие годы являлся грузин Иосиф Джугашвили (Сталин) и т. д.

Русские в руководстве СССР того периода составляли меньшинство, а вот в плане потерь от репрессий самые большие жертвы понесли именно они. Говорить о геноциде поляков, как нации, некорректно. Тем более, что к полякам в России население всегда относилось доброжелательно. Сегодня можно назвать сотни, даже тысячи поляков, внесшие неопределимый вклад в историю России и Советского Союза. При этом и они сами не только не забывали, что они поляки, но и гордились этим. В советском обществе эт воспринималось нормально.

Утверждения А.Новака о многолетнем целенаправленном геноциде поляков в СССР не имеет никаких оснований. На вопрос о том, следует ли считать гибель польских офицеров весной 1940 г. геноцидом, ответила Главная военная прокуратура РФ, заявив, что *«в ходе расследования по делу по инициативе польской стороны тщательно исследовалась и не подтвердилась версия о геноциде польского народа в период рассматриваемых событий весны 1940 года...»*.

Дополнительно следует добавить следующее. Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», принятая в 1948 и вступившая в силу в 1951, дает следующее определение «геноцида»: *«...под геноцидом*

понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;**
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;**
- в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение;**
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;**
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».**

Согласно этому определению большинство преступлений в мире, совершаемых государствами или отдельными группами лиц, как во время военных действий, так и в период противостояния и борьбы за власть можно, при желании, квалифицировать как геноцид.

В этой связи возникает проблема применения данного определения на практике. Алексей Попов из Киевского центра политических исследований и конфликтологии считает, что даже на уровне Организации Объединенных наций не существует ни одного решения, в котором те или иные деяния были бы определены как геноцид. Даже холокост. ООН этим не занималась и, похоже, вряд ли будет заниматься.

Еще более спорный вопрос состоит в том, чтобы выяснить, какое количество жертв требуется, чтобы квалифицировать то или иное уничтожение людей как геноцид. Надо иметь в виду, что под «геноцидом» понимается, прежде всего, намерение частично уничтожить ту или иную устойчивую человеческую группу. Междисциплинарная Исследовательская программа по установлению основных причин нарушений прав человека (P/OOM) предложила считать 10 тыс. чел. или 10% (выбирая наименьшее) сообщества для определения понятия «геноцида».

Однако в данном случае можно легко угодить в логическую ловушку. Суть ее в том, следует ли уничтожение 50 человек из племени, насчитывающего 500 расценивать как геноцид, равноценный убийству 10 тыс. представителей многомиллионного народа? Правомерен ли подобный подход? Ясно одно, что проблема юридической квалификации геноцида практически не разработана, и попытки объявить то или иное преступление «геноцидом» неизбежно столкнутся с достаточно обоснованным противостоянием оппонентов.

Особо следует подчеркнуть, что понятие «геноцид» было впервые введено в международное уголовное право в 1948 г. и оно не может относиться к действиям, совершенным ранее.

Спланированный расстрел или трудовые лагеря

Польская сторона особо подчеркивает, что уничтожение военнопленных польских офицеров было акцией, заранее спланированной советским руководством.

Однако существует и другое мнение. Польский профессор Ч.Мадайчик в статье «Катынь» пишет: *«Возникают сомнения, действительно ли с самого начала планировалась физическая ликвидация военнопленных из спецлагерей в том объеме, в каком она была впоследствии осуществлена...»*

Лучший знаток документов по Катыни Н.С.Лебедева не обнаружила материалов, однозначно объясняющих обстоятельства и причины вынесения решения о казни всех польских офицеров, находившихся в советском плену. Несмотря на это, мнение самой Лебедевой вполне определено. Она считает, что физическая ликвидация пленных была направлена на разрушение устоев польской государственности и ее подготовка началась значительно раньше, еще в декабре 1939 г.» (Мадайчик. Катынь. Сборник «Другая война. 1939—1945»).

В то же время Н.Лебедева, выступая 29 ноября 2005 г. в московском Центральном доме литераторов, заявила, что *«к началу февраля все дела на Особое совещание были подго-*

товлены, и к концу февраля по 600 делам уже были вынесены приговоры — от 3 до 8 лет лагерей на Камчатке. То есть к концу февраля 1940 г. никакой смертной казни не предусматривалось» (<http://katyn.ru/index.php?go=Pages&file=print&id=28>). Как видим, по мнению Н.Лебедевой, ни о какой, **заранее запланированной, подготовки к расстрелу речи не было.**

В этой связи необходимо напомнить высказывание команданта Союза вооруженной борьбы (СВБ), подпольной организации, действовавшей на территории Западной Украины и Белоруссии, полковника Ровецкого о том, что **«большевики не так склонны к расстрелам людей по любому поводу или без повода, как немцы»** (Мельтюхов. Сов-польские войны. С. 613). Но в современной Польше об этом предпочитают не вспоминать, зато усиленно муссируется тема **«планового и буквального истребления польских офицеров, предпринятым по решению политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 г.»**.

Внезапное решение Сталина расстрелять польских офицеров и полицейских пытаются объяснить его боязнью того, что военнопленные поляки могут принять участие в вооруженных повстанческих акциях на западных территориях Белоруссии и Украины. В качестве обоснования ссылаются на роль пленных чехословаков в развязывании гражданской войны в 1918 г. При этом как-то забывают, что **чехи были вооружены и находились не в лагерях, а на Транссибирской магистрали, которая обеспечивала им свободу действий на территории Советской России.**

Поводом для вооруженного восстания поляков должна была стать **локальные военные акции Англии и Франции против СССР в рамках оказания помощи Финляндии в войне против Советского Союза.** Известно, что 25 декабря 1939 г. французский премьер-министр Даладьё поручил командующему французским флотом адмиралу Ф.Дарлану подготовить план высадки в Петсамо (Финляндия) французских, английских и польских войск. В этом плане предусматривалась блокада советских портов Мурманска и Архангельска. Рассматривались варианты **нанесения англо-французских**

авиаударов по СССР с юга, на Кавказе. Планировались бомбардировки бакинских нефтяных промыслов и других стратегических объектов.

Весь план строился в надежде на то, что удастся заключить «пакт четырех» — Англии, Франции, Германии и Италии и перенацелить Германию на войну с СССР. Но этим планам не суждено было сбыться. 9 марта Красная Армия глубоко вклинилась в полосу укреплений финского фронта. Вечером 12 марта 1940 года в Москве был подписан советско-финский мирный договор.

Добавим, что об агрессивных планах Англии и Франции против СССР Сталину стало известно еще в декабре 1939 г. Но вплоть до 27 февраля 1940 г. ничто не предвещало расстрела поляков. И вдруг, когда ситуация на советско-финском фронте стала меняться в лучшую сторону и финны заговорили о мирном договоре, все кардинально изменилось. Это не похоже на Сталина. Известно, что он все свои акции обдумывал заранее и ничего не предпринимал спонтанно.

Кстати, если бы советское руководство серьезно рассматривало возможность участия военнопленных поляков в военных действиях против СССР, в случае **«общекapиталистической агрессии»**, то этот момент был бы отражен в записке Берии. Обвинение поляков тогда бы звучало бы примерно так: **«Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю... Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти в случае капиталистической агрессии против СССР»**. Но эти последние пять подчеркнутых слов в записки Берии отсутствуют.

В этой связи полагать, что советское руководство решило расстрелять польских военнопленных по причине опасения их вооруженного восстания в случае капиталистической агрессии против СССР, просто не серьезно.

Сталину было хорошо известно и о непростой обстановке, сложившейся в западных областях Белоруссии и Украины. Но и она не могла быть причиной расстрела поляков. Для до-

казательности рассмотрим ситуацию в этих областях на основании материалов, содержащихся в совместном польско-русском сборнике «Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939—1941 гг.», изданном в 2001 г.

Ситуация на территории Западной Украины и Белоруссии осенью 1939 г. и весной 1940 г. действительно была сложной. 13 ноября 1939 г. новый Верховный главнокомандующий, генерал Владислав Сикорский создал в Париже «Союз вооруженной борьбы» (ZWZ), который представлял собой тайную военную организацию, действовавшую на территории оккупированной Польши и ставившую перед собой задачу по объединению разрозненных конспиративных организаций в единую структуру. Помимо этого действовала еще одна подпольная военная организация «Служба за победу Польши» (SZP), созданная в конце сентября 1939 г. по приказу маршала Рыдз-Смиглы. Впоследствии эти две организации образовали Армию Краеву.

Согласно данным НКГБ СССР, с сентября 1939 г. по начало второго квартала 1941 г. на территориях западных областей Украины и Белоруссии, а также в Литве, были ликвидированы 568 конспиративных организаций и групп, арестовано 6.758 членов польского подполья. Весной 1940 года в западных областях БССР и УССР польское подполье было практически разгромлено.

2 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об охране госграницы в западных областях УССР и БССР», которым предусматривалось «к 15 апреля т. г. отселение жителей из 800-метровой награнполосы и выселение в районы Казахской ССР сроком на 10 лет всех семей репрессированных и находящихся в лагерях для военнопленных бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата, в количестве 22—25 тысяч семей (Катынь. Пленники... С. 375 — 378). Несомненно, что решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта о депортации поль-

ских семей и **от 5 марта** о расстреле польских военнопленных были взаимосвязаны.

И, тем не менее, создается впечатление, что решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта **выпадает из контекста поведения советского руководства**. Это подтверждает и тот факт, что с началом Великой Отечественной войны положение арестованных, пленных и интернированных поляков резко меняется. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года были амнистированы и освобождены 389.041 человек граждан Польши, из них — 200.828 поляков. В начале августа 1941 г. **был освобожден даже Леопольд Окулицкий**, после Ровецкого возглавивший Союз вооруженной борьбы (СВБ) на советской территории.

Не вызывает сомнений то, что советское руководство как в 1939 г, так и в 1940 г. полностью контролировало ситуацию в западных областях Украины и Белоруссии. Считать эфемерную возможность пленных польских офицеров принять участие в вооруженном выступлении против советской власти реальным поводом для их тайного расстрела не серьезно. **Если бы такая возможность была бы реальной, то о «внезапном» решении нельзя говорить.** Такие вещи просчитываются заранее и, как правило, планируются. Тем не менее, и в этом случае значительно проще было бы организовать переброску поляков в лагерь Сибири и Дальнего Востока.

Эти лагеря полностью исключали малейшую возможность участия польских военнопленных в каких-либо антигосударственных акциях. Они были достаточно вместительны и там постоянно требовалась рабочая сила. Известно, что лагеря, находящиеся на европейской части СССР, как правило, «разгружались» в лагерь Сибири и Дальнего Востока.

Документы, датируемые до известного мартовского решения Политбюро 1940 г., свидетельствуют о том, что советское руководство планировало распустить по домам значительное количество офицеров из Козельского и Старобельского лагерей. **«Социально опасные»** польские военнопленные по решению Особого совещания должны были быть осуждены и этапированы в исправительно-трудовые лагеря на Дальний

Восток и Камчатку, что надолго исключило бы для них возможность участия в «контрреволюционной» деятельности на территории бывшей Польши.

Особый интерес в этом плане представляет записка начальника особого отделения Осташковского лагеря Г.В.Корытова. В этой записке Корытов информирует свое областное руководство о состоявшемся в Москве совещании по поводу *«отправки военнопленных после вынесения решений Особым совещанием»* (Катынь. Пленники... С. 382).

Известно, что совещание с начальниками особых отделений лагерей в УПВ НКВД СССР проводилось 15 марта 1939 г. Об этом свидетельствует телеграмма, в которой начальнику Осташковского лагеря П.Ф.Борисовцу предлагается незамедлительно прибыть в Москву *«...совместно (с) начальником особого отделения Корытовым пятнадцатого утром...»* (Катынь. Расстрел... С. 52). В сборнике документов *«Катынь. Расстрел...»* утверждается, что на этом совещании обсуждались вопросы организации расстрела 14 тысяч поляков (С. 20).

Однако Корытов в своей записке пишет только о подготовке к отправке польского контингента после осуждения. Причем в записке названа мера наказания, которая ждет осужденных: *«Из представленных нами 6005 дел пока рассмотрено 600, сроки 3—5—8 лет (Камчатка), дальнейшее рассмотрение наркомом пока приостановлено»* (Катынь. Пленники... С. 383).

Об отправке поляков на Дальний Восток свидетельствует также замечание Корытова о том, что *«...каждая партия осужденных должна находиться в пути следования не менее месяца, а всего таких партий будет четыре»*. Ничего о *намечаемых расстрелах* этот очень «инициативный» и, вероятно, «любопытный», сотрудник НКВД не пишет. Если вопрос расстрелов был засекречен, то Корытов не стал бы уточнять, сколько партий заключенных будет отправлено и срок их пребывания в пути.

Как видим, ситуация с принятием решения Политбюро о расстреле польских военнопленных была не простой и она практически не исследована. Чтобы снять вопиющие проти-

воречия между официальной версией и содержанием «рапорта Корытова», принято считать, что якобы в начале марта 1940 г. в Москве состоялись два принципиально разных совещания. На первом обсуждали вопросы этапирования военнопленных поляков в лагерь на Дальний Восток, на втором — вопросы организации их расстрела. Не будем спорить, на каком из этих совещаний присутствовал Корытов и состоялись ли второе совещание на самом деле.

Домыслы, что Корытов, якобы дважды вызывался на совещания в Москву, и его рапорт касался совещания, проведенного накануне принятия решения Политбюро, несерьезны. Подобные рассуждения может себе позволить лишь человек, абсолютно не знакомый с системой работы партийных и советских органов в СССР. Ни один советский руководитель не посмел бы собрать совещание представителей из подведомственных организаций по вопросу, решение по которому вышестоящим органом еще не принято. Такая инициатива была наказуемой.

Одним из сотрудников НКВД, готовившим материалы к известному письму Берии Сталину, был начальник управления НКВД СССР по делам военнопленных П. Сопруненко. В силу этого он должен был быть в курсе того, что предложение о расстреле поляков вносится на Политбюро. Полагать, что накануне заседания Политбюро Сопруненко решил пообщаться с сотрудниками лагерей и обсудить с ними детали отправки польских военнопленных в исправительно-трудовые лагеря, зная, что через пару дней Политбюро примет решение об их расстреле, просто несерьезно.

Следует иметь в виду, что существуют косвенные доказательства того, что часть «катынских» поляков все же была осуждена к заключению в лагерь на Дальнем Востоке. В книге воспоминаний *«Без последней главы»* генерал В. Андерс утверждает, что: *«поляки прибыли на Колыму еще в 1940 г. двумя этапами по несколько тысяч человек»* (Андерс, глава «Колыма»).

Андерс в своих воспоминаниях также ссылается на поляка, прибывшего с Колымы (пан П., семья которого прожи-

вала в народной Польше, поэтому Андерс сохранил его инкогнито) рассказал следующее. Осенью 1940 г. тот работал на строительстве дороги, на 64 километре от Якутско-Колымской трассы. Там он встретился с научно-исследовательской экспедицией, от которой узнал, что на строительстве линии Якутск—Колыма работает много польских офицеров и генералов, режим там строгий и приближаться к работающим практически невозможно (Андерс. Без последней главы, глава «Колыма»).

Следует иметь в виду, что В.Андерс был осторожным человеком и скрупулезно относился к любым свидетельствам относительно судьбы польских военнопленных в СССР, которые стремился получать в письменном виде. В вопросах сбора свидетельств ему можно верить. Остается только выяснить, что это были за офицеры на строительстве Якутско-Колымской трассы и в каких лагерях в 1940 г. они были?

Януш Бардах в книге «Человек человеку волк», повествующей о его злоключениях в лагерях НКВД, рассказывает, что в **марте 1942 г.** он по этапу попал в бухту Находки, где два месяца ожидал пароход на Север. Его определили в барак с польскими офицерами и интеллигентами. Я.Бардах называет польские фамилии, звучавшие в разговоре: **капитан Выгодзки, губернатор Степневски, пан Ясиньски, депутат польского парламента Богуцки, профессор Яворски и офицер польских ВВС без фамилии** (Бардах. Человек человеку волк. С. 126—127).

Однако расследования этих фактов не проводилось, вероятно, потому, что судьба многих польских пленных офицеров стала разменной монетой при отстаивании удобной для всех официальной версии. Проще считать, что они расстреляны и захоронены в Катюни, Медном и Пятихатках.

Но вернемся к Сталину. Он был крайне последовательный и жесткий в своих действиях государственный-прагматик. Но он всегда просчитывал свои политические решения и оценивал их с точки зрения пользы для социалистического государства. Поведение Сталина в ситуации с расстрелом польских военнопленных не поддается разумному объяснению и кар-

динально отличается от его поведения в других аналогичных ситуациях. Трудно поверить в то, что И.Сталин вдруг решил расстрелять 25 тысяч пленных и арестованных поляков без всякого суда, только за антисоветские настроения.

Напротив, можно предполагать, что весной 1940 г. к расстрелу были осуждены лишь те польские военнопленные, на которых был компромат. Об этом косвенно свидетельствует распоряжение начальника ГУГБ В.Н.Меркулова № 641/6 от 22 февраля 1940 г., подготовленное на основании не опубликованной до сих пор директивы наркома Л.П.Берия о переводе в тюрьмы тех польских военнопленных, на которых имелся компромат, без уточнения, что под этим понимается (Катынь. Пленники... С.343, 350).

В 1930—е годы общие формулировки в обвинениях использовались достаточно широко. Так, общая формулировка «враги советской власти», «враги народа» в СССР подразумевали широкий спектр конкретных обвинений (шпионаж, вредительство, антисоветская агитация, совершение особо тяжких общеуголовных преступлений и т. д.). Какие обвинения были сформулированы следователями НКВД, работавшими с польскими военнопленными в лагерях, неизвестно, так как учетные и следственные дела польских офицеров и полицейских не сохранились.

В отношении пленных и арестованных поляков была также применена слишком общая формулировка Они были обвинены в том, что «являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, ...преисполненными ненависти к советскому строю». Это, якобы, и явилось основанием для расстрела! (Катынский синдром... С. 464).

Если согласиться с тем, что поляки расстреливались только за «антисоветчину», то, каким образом «ярые анти-советчики», из армии вышеупомянутого генерала Андерса, остались в живых? Начальник Грязовецкого лагеря Эйльман писал в августе 1940 г. по поводу известного ротмистра графа Ю.Чапского, будущего ближайшего соратника генерала Андерса следующее: *«В лагере Чапский проявляет себя ярким польским националистом и сторонником восстановления*

Польша. По отношению к Советскому Союзу настроен враждебно». Утверждают, что за Чапского просили граф де Кафель и графиня Палецкая (Катынь. Пленники... С. 229—230). Возможно. А за остальных?

Майор Гудановский из армии Андерса заявлял: «Мы, поляки, направим оружие на Советы... Если только нас возьмут на фронт, свое оружие мы направим против Красной Армии». Капитан Рудковский высказывался не менее жестко: «Большевики на краю гибели, мы, поляки, используем слабость Красной Армии, когда нам дадут оружие, тогда мы их прикончим». Таких высказываний в сборнике **«Катынь. Пленники необъявленной войны»** приведено более чем достаточно. Этому была посвящена специальная записка Берии Сталину № 2939/6 от 30 ноября 1941 г. (Катынь. Пленники... С. 118, 306, 368- 371, 379—382).

Своих настроений офицеры армии Андерса не скрывали, что по законам того времени являлось «антисоветской агитацией». Так, Берия в своей записке Сталину от 30 ноября 1941 г. информирует, что «Отмечены случаи, когда в столовой офицерского состава открыто бросались реплики антисоветского содержания» (Катынь. Пленники... С. 382). Почему же эту армию «антисоветски настроенных» поляков выпустили, а других расстреляли?

В августе 1942 г., когда немцы подошли к Сталинграду и каждая винтовка была на счету, армия Андерса, обмундированная и вооруженная на средства советского Правительства, в количестве 76.110 военнослужащих и 43 755 членов семей, была эвакуирована из СССР в Иран (Катынь. Расстрел... С. 547).

Что же касается «разгрузки» лагерей, как причины расстрела, то она всегда решалась НКВД, как свидетельствует практика, переброской заключенных в другие лагеря, как правило, сибирские.

Как в 1940—1941 гг. советская власть на самом деле поступала со своими реальными врагами, покажем на примере двух ярых польских антисоветчиков: уже упомянутого руководителя Союза вооруженной борьбы на польских восточных

землях Леопольда Окулицкого (Leopold Okulicki) и бывшего прокурора Верховного суда Польши полковника Станислава Любодзецкого (Stanislaw Lubodziecki). Их судьба известна и документально подтверждена.

Подпоручик Леопольд Окулицкий в польско-советской войне 1920 г. проявил *«беспримерную храбрость»*, за что был сразу произведен в капитаны. В конце сентября 1939 г. Окулицкий, уже полковник, стал одним из организаторов польского вооруженного подполья. В 1940 году он был назначен комендантом Союза вооруженной борьбы на территориях Западной Украины и Белоруссии. В январе 1941 г. Окулицкий был арестован органами НКВД. В августе 1941 г., после подписания советско-польского соглашения, он был освобожден и направлен в армию Андерса, где был назначен начальником штаба. В 1942 г. он вместе с ней покинул СССР.

Вскоре Окулицкого вызвали в Англию в распоряжение генерала В.Сикорского. Весной 44-го ему присвоили звание бригадного генерала и направили в Варшаву. Окулицкий разработал план августовского 1944 г. восстания в Варшаве, но сам активного участия в нем не принимал. После разгрома Варшавского восстания осенью 1944 г. Окулицкий возглавил Армию Крайову, которая под его руководством осуществляла вооруженные террористические акции против Красной Армии, добивавшей вермахт на территории Германии. В 1945 г. был арестован органами НКВД. Являлся одним из главных обвиняемых на известном «процессе шестнадцати» над руководством Армии Крайовой. Был приговорен к 10 годам лишения свободы и в декабре 1946 г. умер в госпитале Бутырской тюрьмы во время операции по поводу заворота кишок. Некоторые исследователи считают, что Окулицкого «зарезали» на операционном столе.

Полковник Станислав Любодзецкий, бывший прокурор Верховного суда Польши был известен как русофоб и антисоветчик. Попал в советский плен 17 сентября 1939 г. Ему принадлежит часто цитируемая фраза о том, что *«Ненависть к Советам, к большевикам, ненависть — признаемся честно — к москалям в целом, была столь велика, что поро-*

ждала чисто эмоциональное желание отправиться куда угодно, хоть из огня в полымя — на захваченные немцами земли» (Любодзецкий. В Козельске. Сборник «Катынь. Свидетельства, воспоминания, публицистика»). Правда, С.Любодзецкий написал эту фразу в 1948 г. в своих воспоминаниях о Козельском лагере, уже, будучи за границей. Но его отношение к большевистской России и «москалям» никогда не менялось.

В следственном делу, заведенном в марте 1940 г., Любодзецкий проходит как Либкинд-Любодзецкий. Его судьба была тесно связана с Россией. Любодзецкий с 1906 г. по 1917 г. работал в судебных органах и прокуратуре царской России. Был награжден 4 орденами. В 1920 г. вернулся в Польшу, где до момента попадания в плен занимал ответственные должности в системе судебных органах и прокуратуры. Был награжден 3 польскими орденами.

В соответствии с директивой Наркома внутренних дел Берии о переводе судебных работников в тюрьмы Любодзецкий в марте 1940 г. был направлен из Козельского лагеря в Киевскую тюрьму НКВД УССР, где ему было предъявлено обвинение в том, что он, работая на ответственных руководящих должностях в царской России и Польше, *«проводил работу, направленную против революционного движения рабочих и крестьян»*. Дело Любодзецкого было передано на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, которое признало Любодзецкого *«социально-опасным элементом»* и приговорило его к *«заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет»* (ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП.-Арк. 2-91).

Наказание Любодзецкий отбывал в ИТЛ г. Соликамска. В январе 1942 г. попал под амнистию и был освобожден. После войны он *объявился за границей*. Учитывая, что Любодзецкий был крупным представителем польской правящей элиты, которую по утверждению польской стороны советское руководство решило уничтожить, то он *«заслуживал»* расстрела более обоснованно, нежели мобилизованные в польскую армию врачи, ученые, журналисты и т. д. Однако

последних расстреляли, а Любодзецкого — «ярого врага советской власти» оставили. Где логика?

Разговоры о том, что Любодзецкий был агентом НКВД и поэтому ему сохранили жизнь, не серьезны. В таком случае агентами следует признать ротмистра Чапского, ксендза Пешковского, проф. Свяневича и всех польских офицеров, оставшихся в живых. Соответственно, возникает правомерный вопрос: почему же эти, так называемые агенты НКВД, впоследствии сделали все, чтобы обвинить СССР в гибели пленных поляков?

При анализе ситуации с пленными поляками, необходимо иметь в виду, что Сталин ничего не забывал и не прощал. По его указанию в Москву в 20-х и 30-х годах из европейских столиц доставляли активных деятелей Белого движения. Особенно активизировался процесс доставки в СССР «врагов советской власти» и, прежде всего бывших белоэмигрантов, после войны в 1945—1946 гг. НКВД успешно обменивал с союзниками нацистских преступников на бывших лидеров «белого движения», сотрудничавших с гитлеровцами.

С Польшей у Сталина были связаны достаточно неприятные воспоминания. Нет сомнений, что ситуацию, касающуюся этой страны, граничащей с СССР, Сталин всегда внимательно отслеживал. Наивно полагать, что Сталину было не известно о бедственном положении советских военнопленных в польских лагерях в 1919—1921 гг. Позиция Советского Правительства по данному вопросу была изложена в ноте наркома иностранных дел Г. Чичерина полномочному представителю Польши Т. Филиповичу от 9 сентября 1921 г.

В ноте было сказано: «Нет никакого сравнения между содержанием тех мелких обвинений, которые Польское Правительство предъявляет России в этом вопросе, с той страшной и громадной виной, которая лежит на польских властях в связи с ужасающим обращением в пределах Польши. На ответственности Польского Правительства всецело остаются неопишуемые ужасы, которые до сих пор безнаказанно творятся в таких местах, как лагерь Стржалково. Достаточно указать на то, что в течение двух лет из 130 000 русских плен-

ных в Польше умерло 60 000...» («Красноармейцы в польском плену... С. 660).

Несомненно, что расстрел части польских офицеров и полицейских был обусловлен не столько их антисоветскими настроениями (за антисоветчину, как правило, полагались лагеря), сколько причастностью к конкретным преступлениям против Советской России, как это утверждал Каганович. Это могли быть военные преступления польских военнослужащих в польско-советской войне 1919—1920 гг.

Например, бессудные расстрелы красноармейцев при взятии их в плен, репрессии против красноармейцев в польских лагерях для военнопленных в 1919—1922 гг. или антисоветские акции с польской территории в 20-х годах. Свидетельств этого с указанием фамилий польских офицеров и полицейских в советских архивах хранилось немало.

Ведь не случайно в одном из центральных советских журналов «Новый мир» в мае 1931 г. появились воспоминания бывшего узника польских лагерей культработника РККА Я.Подольского под псевдонимом Н.Вальден с описанием зверств происходивших в польских лагерях.

В последнее время в научный оборот введена масса документов, касающихся катынской проблемы и гибели пленных красноармейцев. Нет сомнений, что в архивах ЦК ВКП(б) и НКВД в 1940 г. существовало немало свидетельств, неопровержимо доказывающие вину многих польских офицеров и полицейских в гибели пленных красноармейцев и антисоветских акциях.

Однако почему-то никому не кажется странным, что в опубликованных документах НКВД и ЦК ВКП(б), имеющих отношение к Катынскому делу, практически нет упоминаний о привлечении к ответственности в начале 1940 г. тех польских военнослужащих и чиновников, которые были виновны в гибели пленных красноармейцев. В то же время известны факты, что уже летом 1940 г. польские военнослужащие, полицейские и представители суда и прокуратуры, интернированные в Прибалтике: «привлекались к уголовной ответ-

ственности за деятельность в период Гражданской войны и в предвоенные годы в Польше» (Катынь. Расстрел... С. 198).

Почему поляков стали привлекать к уголовной ответственности за преступления, совершенные в предвоенные годы только летом 1940 г.? Ответа на этот вопрос пока нет. Возможно; дело в том, что кто-то не счел нужным извлечь из архивов подобные дела, датированные осенью 1939 г. — весной 1940 г. и эти документы ждут своего часа в архивах?

Из истории сентябрьской 1939 г. кампании Красной Армии на западных территориях Украины и Белоруссии известны факты, когда некоторые советские офицеры проводили среди пленных поляков дознание, кто из них был причастен к убийствам большевиков в 1919—1921 гг. и устраивали самосуды (Мельтюхов. Сов-польские войны. С. 557.).

Официальная версия Катынского дела также не объясняет, почему Сталин после своего безжалостного решения расстрелять польских военнопленных, спустя короткое время по отношению к полякам «сменил гнев на милость». Попытки объяснить это самодурством Сталина не серьезны. Видимо, на самом деле решения Политбюро о поголовном расстреле поляков не было.

Летом 1940 г. были оставлены в живых взятые в Прибалтике польские офицеры и было решено создать национальную польскую воинскую часть. Далее началось освобождение польских офицеров-«тешинцев» из Оранского лагеря. Через год полностью амнистировали всех поляков и на советской территории сформировали и вооружили польскую армию генерала Андерса, подчиненную лондонскому эмигрантскому правительству.

Надо заметить, что версия о патологической ненависти Сталина к полякам не выдерживает критики. Известно, что среди немногих людей, к которым Сталин относился с особым вниманием и заботой были два поляка: полярный летчик Сигизмунд Леваневский и маршал Советского Союза Константин Рокоссовский. По личному указанию Сталина С.Леваневскому за спасение челюскинцев было присвоено

звание Героя Советского Союза, хотя Леваневский из-за аварии не сумел приземлиться на льдине.

По имени и отчеству Сталин обращался только к трем военачальникам: поляку Константину Константиновичу Роскоссовскому, начальнику Генерального штаба маршалу Борису Михайловичу Шапошникову и главному маршалу авиации Александру Евгеньевичу Голованову.

Свидетели утверждают

Важнейшим доказательством ответственности сталинского руководства за расстрел 21.857 польских пленных и арестованных граждан в 1940 г., помимо кремлевских катынских документов, катыноведы считают показания бывших сотрудников НКВД-КГБ СССР Д.С.Токарева, П.К.Сопруненко, М.В.Сыромятникова.

Как отмечалось, российские исследователи, желающие ознакомиться с показаниями этих свидетелей по Катынскому уголовному делу № 159, вынуждены довольствоваться любительским переводом этих показаний с польского на русский язык! В Польше в открытой печати эти показания появились еще в 1998 г. во втором томе сборника документов «**Katyn. Dokumenty zbrodni. Zagłada marzec — czerwiec 1940**». С электронной версией русского перевода допроса бывшего начальника УНКВД по Калининской области генерала КГБ в запасе Д.Токарева с польского можно ознакомиться на: http://katynbooks.narod.ru/polish/tokarev_ru_pl.html#15.

В России официальные показания основных катынских свидетелей до сих пор не обнародовали. Причем, несмотря на их крайнюю важность в прояснении «Катынского дела», их не включили в изданный в России в 2001 г. сборник документов «**Катынь. Март 1940-сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы**» (далее в тексте Катынь. Расстрел...), который является кратким вариантом второго тома вышеназванного польского сборника. Видимо, это не случайно. Эти показания непоследовательны и противоречивы не только по

сути, но и по отношению к официальной версии. Их обнародование вызовет массу вопросов даже не у специалистов.

Видимо, поэтому катыноведы, готовившие издание российского сборника **«Катынь. Расстрел...»**, предпочли, чтобы российская общественность довольствовалась сомнительно **«отредактированными»** выдержками из показаний основных свидетелей по Катынскому уголовному делу № 159.

Например, постоянно тиражируется утверждение генерала Токарева о том, что в Калинин «москвичи» привезли целый чемодан «Вальтеров», так как советские наганы якобы не выдерживали интенсивной стрельбы. На самом деле на допросе Токарев отметил, что Блохин привез целый чемодан пистолетов «вальтер», так как **«эти пистолеты быстро изнашиваются»**. То есть не наганы, а «вальтеры» быстро изнашивались. Вот так катыноведы рождали мифы в Катынском деле.

В Польше к неточностям в публикуемых катынских материалах относятся сугубо утилитарно. Для безоговорочного доверия к этим материалам достаточно того, чтобы они подтверждали польскую версию катынского преступления. Вновь приведем пример. В опубликованном польском варианте допроса генерала КГБ в запасе Дмитрия Степановича Токарева указывается, что допрос производился в г. Владимире-Волынском (Украина, Волынская область). Однако доподлинно известно, что генерал Токарев после выхода на пенсию проживал в г. Владимире, находящемся в 200 км от Москвы. Там же он 20 марта 1991 г. живописал события 1940 г. следовательно Главной военной прокуратуры Анатолию Юрьевичу Яблокову. Однако поляков эти тонкости не волнуют.

Показания 89-летнего Токарева считаются базовыми в уголовном деле № 159. Яблоков охарактеризовал их, как **«бесценные и подробные»**, позволившие **«детально раскрыть механизм массового уничтожения более 6 тысяч польских граждан в УНКВД по Калининской области»**. По утверждению Яблокова Токарев охотно и даже **«артистично»** (!) рассказывал подробности расстрела польских полицейских и **«под давлением собранных доказательств Токарев не смог отрицать**

того факта, что лично организовывал расстрел поляков в УНКВД Калининна (Твери» (Катынский синдром... С. 358).

Однако детальное знакомство с версией показаний Токарева, созданных в Польше по видеозаписи допроса 20 марта 1991 г., из вышеупомянутого польского сборника **«Katyn. Dokumenty zbrodni. Tom 2...»** (стр. 431—472), позволяет утверждать, что Яблоков выдал желаемое за действительное. Показания Токарева путаны, противоречивы и лишены подробностей. В основном Токарев пытался доказать следователем, что он фактически не участвовал в расстрельной акции и в силу этого мало что знает.

На допросе Токарев сообщил, что всей организацией расстрельной акции весной 1940 г. руководили присланные из Москвы сотрудники НКВД. **«Из Москвы прибыли ответственные сотрудники для руководства этой операцией, и между ними были: старший майор государственной безопасности Синегубов — бывший начальник Главного Управления Обслуживания Железнодорожного Транспорта, затем Блохин — комендант НКВД СССР, а также комбриг Кривенко — начальник Главного Управления Конвойных Войск. Они собственно и руководили всеми делами».**

По утверждению Токарева непосредственной подготовкой помещений внутренней тюрьмы УНКВД к расстрелам якобы занимались его заместители, Павлов и Борисов. Именно они подбирали для обеспечения расстрельной акции команду из сотрудников Калининского УНКВД. Причем, как уверял Токарев, без согласования с ним. Токарев утверждал **«Я выделил туда... Вернее, зам по кадрам Борисов был, он выделил каких-то людей».** Токарев также особо подчеркнул, что по поводу участия сотрудников Управления в расстрелах он **«решительно никакого приказа не давал!».** По его словам именно замы выполняли все указания, приехавшего из Москвы главного «расстрельщика», майора госбезопасности Блохин.

По словам Токарева, руководство НКВД в лице зам. наркома Б.З.Кобулова на него в вопросах организации расстрельной акции даже **«не рассчитывало».** Об этом Кобулов, якобы заявил Токареву после совещания, состоявшегося, как утвер-

ждают «катыноведы», 14 марта 1940 г. в Москве и посвященного вопросам организации предстоящего расстрела поляков.

Абсурдность этого заявления Токарева очевидна. В тот период, если руководство НКВД не было уверено в способности руководителя какого-либо подразделения обеспечить выполнение задания Центра, то его немедленно меняли, если не хуже. Заметим, что буквально за две недели до совещания «ненадежному» Токареву присвоили звание майора госбезопасности.

Токарев, который по утверждению Яблокова отличался *«быстротой и логичностью мышления, острой памятью»*, на допросе утверждал, что не помнит, выполнял ли он распоряжения наркома НКВД Л.Берии, которые были адресованы лично ему. Не мог вспомнить Токарева и о выполнении предписаний зам. наркома НКВД В.Меркулова, также адресованных лично ему. Предпочел Токарев промолчать о том, что он регулярно информировал Меркулова шифровкой о прибытии в Калинин очередного этапа поляков. Поскольку эта процедура повторялась практически изо дня в день полтора месяца (с 5 апреля по 22 мая 1940 г.), сложно поверить, что Токарев «забыл» о ней.

По словам Токарева, он якобы практически не участвовал в подготовке расстрельной акции. Он *«ни в какую камеру не входил, ни в какую, ни разу. Никуда дальше, чем «красный уголок», где их (поляков) допрашивали»*. Токарев уверял Яблокова, что даже не соизволил проверить готовность камер внутренней тюрьмы к приему польских полицейских, не говоря уже о расстрельной камере. Между тем это входило в его прямые обязанности. Основная ответственность за подготовку Управления НКВД к проведению расстрельной акции целиком и полностью возлагалась на начальника, а не на его заместителей. Таковы были правила, которые действовали во всех партийных и государственных структурах СССР, вплоть до его распада.

Заметим, что в случае возникновения проблем, прежде всего, с размещением польских полицейских в тюрьме, москвичи незамедлительно обвинили бы начальника УНКВД в са-

ботаже. Соответственно, дни Токарева на руководящем посту были бы сочтены. Это он должен был хорошо понимать.

Вызывает удивление дилетантизм или (?) военного следователя Яблокова, проводившего допрос Токарева. Последний без тени смущения заявлял, что коридор, по которому обреченных поляков вели на расстрел *«был страшно загроможден разными лишними вещами»*. Подобное не то что во внутренней тюрьме НКВД, но в любой тюрьме, было недопустимо. Жертвы, ведомые на расстрел, могли использовать находящиеся в коридоры предметы для попытки освобождения. Майор Блохин в этом случае заставил бы самого Токарева убирать хлам из коридора.

Поражают постоянные противоречия и двусмысленности в ответах Токарева. Он то утверждал, что не знал порядок расстрела поляков, вообще не видел их, кроме одного, не бывал в расстрельной камере, то сообщал подробности этого процесса.

Например, он заявил, что сотрудникам Управления пистолеты для расстрела поляков выдавал Блохин. Он же и забирал их, когда *«заканчивалась работа»*. Каким образом это стало известным Токареву, если он, по его словам, старался не иметь отношения к процедуре расстрела? Или же, по словам Токарева, в расстрельной камере были «нары». На вопрос Яблокова *«для чего?»* Токарев ответил *«для сна»*. Однако Яблоков так и не уточнил, для чего в расстрельной камере были нары.

Анализируя вопросы Яблокова и ответы Токарева, складывается впечатление, что следователь стремился не замечать досадных промахов генерала, **как бы боясь, чтобы тот не сказал под видеокamerу больше, чем надлежало**. Надеюсь, когда-нибудь профессиональные психологи займутся видеопознаниями Токарева и откроют нам еще немало интересного.

Перечислять дальнейшие отказы и провалы в памяти, которые Токарев продемонстрировал в ходе допроса, не имеет смысла. Вывод из этого допроса может быть следующим. Глава НКВД одной из центральных областей России утверждал, что он **самоустранился от решения вопросов обеспечения**

проведения акции, санкционированной «высшей инстанцией», перепоручив все своим замам и «гостям» из Москвы. Даже к распоряжениям Берии и Меркулова, адресованным лично, Токарев отнесся «спустя рукава». Попробуем выяснить, обратившись к послужному списку, кем же на самом деле являлся Дмитрий Степанович Токарев.

В 22 года (1924 г.) Токарев проходил службу в 50-ом Зайсановском пограничном отряде (Казахстан) рядовым библиотекарем. В 1930 г. он уже оперуполномоченный Управления погранохраны и войск ОГПУ по Казахстану. *Примечание ГПУ — Государственное политическое управление — орган государственной безопасности, пришедший в 1922 г. на смену Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК). После образования СССР в ноябре 1923 г. было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В декабре 1930 г. НКВД РСФСР и НКВД союзных республик были упразднены. Руководство милицией, уголовным розыском и местами заключения отошло к ОГПУ.*

В 1933—37 гг. Токарев являлся помощником начальника 30-го погранотряда по **секретно-оперативной части**. В это время он, несомненно, должен был выявлять «врагов народа», «окопавшихся» в погранвойсках. Видимо, успехи в этом «деле» были, так как в мае 1937 г. Токарева направили в **полугодовую загранкомандировку по линии НКВД в Париж**. Напомним, это было время Ежова и повальных репрессий. Масса советских бойцов «невидимого фронта», работавших за рубежом, тогда была объявлена «предателями» и «шпионами». В заграничные командировки в это время в основном ездили эмиссары НКВД, «инспектирующие» на месте работу советских резидентур.

В Париже Токарев, видимо, успешно справился с порученным заданием. Иначе его после зарубежной командировки не забрали бы в центральный аппарат НКВД СССР. Здесь в течение года Токарев «вырос» от помощника до зам. начальника следственной части 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Такая «обкатка» в Центре практиковалась, как в партии, так и в НКВД, а потом и в КГБ. После этого, успешно прошедших ис-

пытание в Центре, как правило, ждало назначение на самостоятельную высокую должность в один из регионов страны.

В декабре 1938 г. капитану Токареву, минуя майора и подполковника (!!), присваивается звание полковника погранвойск и он назначается начальником УНКВД Калининской области. В марте 1940 г. ему, как отмечалось, присваивается звание майора госбезопасности.

Учитывая занимаемые Токаревым должности в системе погранвойск и НКВД, согласиться с его утверждениями, что он был, прежде всего, пограничником, а не чекистом, не представляется возможным. В те годы многие известные чекисты начинали, как Токарев. Например, известный советский разведчик и диверсант Павел Анатольевич Судоплатов тоже начинал с канцелярской работы в Особом отделе ГПУ, потом была служба в погранвойсках, а далее в ОГПУ и НКВД

Однако Токарев на допросе утверждал, что в период проведения «расстрельной» акции в Калининском УНКВД, он фактически саботировал подготовительную часть этой акции, санкционированной высшей инстанцией. Более того, **отказался лично участвовать в расстрелах.** Удивляет, что следователь Яблоков согласился с объяснениями Токарева по этому поводу.

В своих заметках, опубликованных в книге **«Катынский синдром...»** Яблоков излагает версию Токарева о том, почему тот лично не принимал участия в расстрелах поляков. **Якобы «ему, как недавно назначенному тогда на должность начальника УНКВД бывшему пограничнику, не предъявлялось, в силу отсутствия чекистского опыта и образования, требование непосредственно участвовать в расстрелах. И он от этого отказался. Именно поэтому якобы руководством НКВД СССР за выполнение особого задания он поощрен не был»** (стр. 356).

Заметим, что в НКВД, как и в партии, не делалось скидок на возраст и опыт. Раз человек достоин занимать должность, то он обязан исполнять служебные обязанности «**по полной**». В противном случае, как говорилось, замену ему нашли бы незамедлительно. Отметим, что послужной список

полковника-особиста погранвойск ГБ Токарева к 1940 г. был весьма впечатляющим.

Следует также напомнить, что начальник Харьковско-го УНКВД П.Сафонов и его заместитель П.Тихонов, как утверждал свидетель Сыромятников, были вынуждены лично принимать участие в расстрелах поляков. Отметим также, что 27 апреля 1940 г. и Д.Токарев и П.Сафонов были награждены орденами «Знак Почета». Не кажется ли странным, что при таком кардинально разном подходе к порученному делу, Токарев и Сафонов были удостоены одной и той же правительственной награды. Этот факт, как и многие другие факты биографии генерала Токарева не заинтересовали следователя Яблокова.

Период Отечественной войны для Токарева оказался также достаточно удачным. На фронт его не послали. В 1943 г. (в 41 год) Токарев вновь повышен в звании до комиссара госбезопасности (т. е. генерала!). В конце войны труды Токарева на ниве органов госбезопасности отмечены новым ответственным назначением. Он стал наркомом, а впоследствии министром Государственной безопасности Таджикской ССР. В 1948 г. генерал Токарев возглавил министерство ГБ Татарской АССР. В 1953 г. ему удалось пережить хрущевские гонения на сталинские кадры. Токареву позволили доработать до пенсии начальником 5-го отдела УМВД Владимирской области.

Можно ли поверить, что эту впечатляющую карьеру Токарев обеспечил себе, пытаясь дистанцироваться от выполнения указаний вышестоящего руководства НКВД? Свежо предание, но верится с трудом. Не вызывает сомнений, что Токарев был одним из тех, кто составлял исполнительную основу сталинского НКВД. Возможно, он был одним из тех, кто пытался осмысленно и честно исполнять служебный долг. Однако следует иметь в виду, что такие люди, как правило, в первую очередь становились жертвами «чисток» аппарата НКВД, которые проводились, как во времена Ягоды, Ежова, так и Берии. Любое колебание в отношении распоряжений руководства воспринималось, как политическая нелояльность.

Токарев, как он утверждал, позволял себе сомневаться в правомерности расправы над поляками. Его замы и московские гости в этом случае не упустили бы возможности изобличить еще одного скрытого «врага народа». А Токарев получал звания, награды и повышение по службе. Подобное обеспечивалось только в случае полной «самоотдачи» сотрудника, его желания и умения выполнить любое распоряжение руководства.

Возможно, учитывая служебный статус Токарева и его стремление к конформизму, следователь Яблоков избрал показания генерала НКВД-КГБ в качестве доказательной основы официальной версии, которая должна была подкрепить заявление горбачевского руководства о вине Сталина и Берии. Это соображение подтверждает то, что Яблоков, а за ним все «катынovedы», преподносят противоречивые и путанные показания Токарева, как исключительно логичные и обоснованные, позволившие вскрыть механизм массовой расправы над поляками.

Ситуация в марте 1991 г. также способствовала тому, чтобы Токарев стал «сотрудничать» со следствием. Токареву 89 лет. Жил он во Владимире. В этом городе в тюрьме отбыл 15 лет уже упомянутый Павел Судоплатов, посаженный в годы хрущевской оттепели. В 1991 г. многое напоминало эту оттепель. Участь, подобная судоплатовской, грозила и Токареву. Он понимал, что даже если его не посадят, то спокойная жизнь рухнет. Исчезнет и продуктовый паек, еженедельно получаемый из КГБ. А в магазинах пусто.

Стремление обеспечить себе спокойное доживание путем «сотрудничества» со следствием, показалось старому чекисту наиболее оптимальным. Желание Токарева идти на «сотрудничества» со следствием, как нельзя устраивало военных прокуроров. Ситуация в 1991 г. для них была однозначной. Горбачев признал вину НКВД за катынское преступление. Следствию оставалось только создать правовую базу под заявление ТАСС о Катыни. Токарев в этом плане идеально подходил на главную фигуру, показания которой могли стать базой для официальной версии катынского преступле-

ния и существенно повлиять на показания других свидетелей по уголовному делу № 159.

Обратим внимание читателей на то, что допросу генерала, состоявшемуся 20 марта 1991 г., предшествовал еще один допрос, состоявшийся 14 марта 1991 г. Об этом допросе катыноведы хранят гробовое молчание. Чему был посвящен этот допрос, кто его проводил, не известно. Но, видимо, показания Токарева в ходе первого допроса существенно отличались от известных официальных. Так, на предварительном допросе Токарев заявил, что *«приговоры из Москвы в Калинин пересылались через него»*. Фактически он признал, что был одной из центральной фигур расстрельной акции в Калинин. Однако на втором допросе он вдруг «вспомнил», что все указания шли через прибывших из Москвы Блохина, Синегубова и Кривенко. *«Они, собственно, и руководили всеми делами»*.

На предварительном допросе Токарев признался, что *«по просьбе Блохина он присутствовал при расстреле польских военнопленных»*. Однако во время второго допроса он отказался от этого. Причем Яблоков беспрекословно согласился с этим, как бы соблюдая некую договоренность о том, что Токарев во время допроса не будет уличен в личной причастности к расстрелам польских граждан. Отметим, что материалы предварительного допроса до сих пор недоступны общественности и не включены в научный оборот.

Особо следует отметить, что в ходе предварительного допроса некий Николай Петрович (видимо, сотрудник КГБ СССР по Владимирской области Николай Зотов) сообщил Токареву, что решение о расстреле поляков принимало Политбюро ЦК ВКП(б). Об этом в то время не знал даже Генсек М.Горбачев. А Николай Петрович из КГБ СССР знал?!

Возникает подозрение, что в ходе предварительного допроса Токареву был сообщен не только этот факт. Можно высказать предположение, что предварительный допрос был превращен в некий инструктаж Токарева по подготовке к допросу, состоявшемуся 20 марта 1991 г. Не случайно Яблоков отметил: *«явную подготовленность Токарева к допросу, четкость и артистизм изложения показаний»*.

Вызывает удивление, что Токарев, «забывший» массу важных событий и деталей 1940 года, тем не менее, достаточно точно назвал количество расстрелянных в Калининском лагере — **6.295**. Напомним, что в отчете начальника Осташковского лагеря Борисовца от 17 мая 1940 г. фигурирует цифра в **6229** человек, отправленных в Калинин. С учетом 72 полицейских, отправленных 19 и 22 мая, эта цифра возрастает до **6301** польских полицейских и жандармов. В известной записке Шелепина Хрущеву, считающейся основным подтверждением расстрела поляков, указана цифра **6311 человек**, **«расстрелянных в Осташковском лагере»**.

Кстати, Шелепин в статье **«История суровый учитель»**, опубликованной в газете «Труд» за 14 марта 1991 г. за давностью лет ошибочно утверждал, что в Катыни было расстреляно **«15 тысяч польских военнослужащих»**. В то же время в его записке от 3 марта 1959 г. было указано, что **«в Катинском лесу (Смоленская область) расстреляно 4421 человек»** (Катынь. Расстрел... С. 684). Бывший председатель КГБ забыл подробности Катинского дела, а вот Токарев «помнил»! Или кто-то ему напомнил? Кстати, когда во время допроса дело касалось уточнения сведений из документов за его подписью, Токарев демонстрировал удивительную забывчивость.

Анализируя содержание допроса Токарева, создается впечатление, что его показания были рассчитаны или на дилетанта, или на человека, который ждал подобных признаний. Факты указывают на второй вариант. Отметим также, что реакция Токарева на вопросы, касающиеся его личной причастности к расстрелу поляков, была просто неестественной. На эти вопросы Токарев предпочитал в нервно-паническом тоне отвечать **«Ради Бога, не знаю, не был!»** или **«не знаю», «не помню»**. Яблоков же в этой ситуации вместо того, чтобы «давить» Токарева, переходил на другую тему.

Ну, а теперь перейдем к широко цитируемым показаниям Токарева, **«раскрывающим механизм массового уничтожения более 6 тысяч польских граждан»**. В сборнике документов «Катынь. Расстрел...» (С. 35), сообщается, со ссылкой на Токарева, что **«Военнопленных после выгрузки в Калинин размещали во внутренней тюрьме Калининского УНКВД**

на Советской улице. Тюрьму временно очистили от других заключенных, одну из камер обшили войлоком, чтобы не были слышны выстрелы». Особо акцентировалось, что Блохин привез «целый чемодан немецких «вальтеров» ибо советские наганы не выдерживали — перегревались». Ложность последнего утверждения отмечалась выше.

Поляков, по 250—300 человек за ночь, Блохин расстреливал в спецодежде *«кожаной коричневой кепке, длинном кожаном фартуке, таких же перчатках с длинными крагами выше локтей»*. Потом трупы выносили во двор, где грузили в крытый грузовик. *«На рассвете 5—6 машин везли тела в Медное, где уже были выкопаны экскаватором ямы, в которые тела как попало сбрасывали и закапывали...»*.

Анализируя показания Токарева, возникает впечатление, что тот во время допроса как бы озвучивал заранее продуманные сцены. Это отмечал в своих записях и следователь Яблоков. Однако в показаниях Токарева сомнения вызывают некоторые маловероятные подробности процедуры расстрела.

Посещение в ноябре 2006 г. здания бывшего областного управления НКВД г. Калинина (в настоящее время это здание Тверской медицинской академии) породило сомнение — действительно ли здесь с 5 апреля по 22 мая 1940 г. можно было расстрелять более 6 тысяч поляков?!

Здание находится на центральной и людной улице Твери — Советской. В 1940 г. это также был центр города. Цоколь здания, в котором размещалась внутренняя тюрьма УНКВД, и в котором, по утверждению Токарева, была оборудована «расстрельная камера», сохранился практически в первоизданном виде. Он представляет собой полуподвальный цокольный этаж (до 6 м. высотой, из них 2 м. над землей) с большими окнами под потолком, выходящими на улицу. В здании перед войной работали сотни сотрудников и вольнонаемных.

Как видно из схемы двор Калининского УНКВД до войны не являлся закрытым по периметру и частично просматривался из соседних домов. Режим скрытного проведения массовой расстрельной акции в таком здании обеспечить было практически невозможно (См. рисунок № 1).

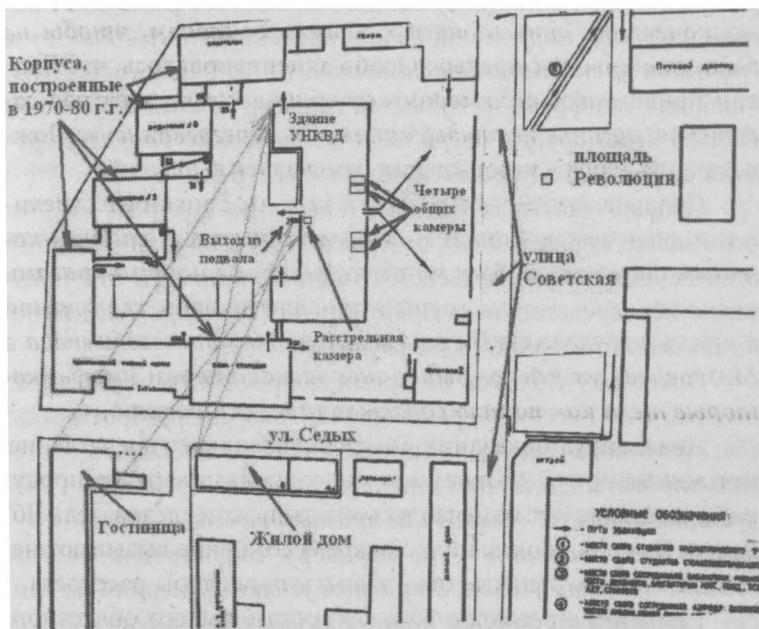

Рисунок № 1. План здания бывшего УНКВД по Калининской области (ныне в этом здании располагается медицинская академия). На плане отмечены помещения, которые могли в 1940 г. использоваться под общие камеры и место расположения помещения, описанного Д.С.Токаревым как расстрельная камера.

Сложно также поверить в то, что за темное время суток в **единственной камере** за ночь расстреливали по 250—300 чел. Утром огромное 4-этажное здание УНКВД (90 м. по фронту и две боковых крыла по 40 м.) заполняли несколько сотен сотрудников. Известно, что в светлое время суток инструкция НКВД категорически запрещала производить расстрелы, а тем более загружать трупы в машину в открытом для постороннего обозрения дворе.

Процедура расстрела по Токареву выглядела следующим образом: *«Из камер поляков поодиночке доставляли в «красный уголок», то есть в ленинскую комнату, там све-*

ряли данные — фамилию, имя, отчество, год рождения. Затем надевали наручники, вели в подготовленную камеру и стреляли из пистолета в затылок. (В.Ш. В некоторых публикациях эта фраза завершается словами «били в затылок») Потом через другую дверь тело выносили во двор, где грузили в крытый грузовик» (Катынь. Расстрел... С. 35

Однако, учитывая наличие показаний Токарева на русском языке, переведенных с текста допроса, опубликованного в вышеупомянутом польском сборнике, приведем эти показания непосредственно в прямой речи (См. <http://reibert.info/forum/showthread.php?t=475&page=106>).

Поскольку Яблоков во время допроса к теме расстрела возвращался несколько раз и ответы Токарева разбросаны по тексту, то позволим эти вопросы и ответы несколько систематизировать. По словам генерала, расстрел происходил следующим образом. *«Выводили приговоренных — так мы будем (о них) говорить — по коридору, сворачивали налево, где был красный уголок. В красном уголке проверяли по списку: сходятся ли данные, данные личные, не имеется ли какой-нибудь ошибки, да..., а затем, когда удостоверились, что это тот человек, который должен быть расстрелян, немедленно надевали ему наручники и вели в камеру, где совершались расстрелы. Стены камеры также были обиты звукопоглощающей материей. Вот и все»*

В середине допроса Яблоков вновь вернулся к теме расстрела и предложил Токареву начертить схему движения жертвы. *«Токарев:... дайте мне карандаш и что-нибудь на чем можно рисовать — я попробую. Здесь проходит улица Советская. Эта дорожка узкая. А тут, в каком-то углублении, здание, о котором мы сейчас говорим. В здании этом, а было оно четырехэтажное — да, четырехэтажное, на самом низе, в полуподвальном помещении — располагалась внутренняя тюрьма. Его окошки выходили на улицу Советскую, были зарешечены, а потом, как говорится; зашторены, чтобы ни арестованный, ни арестованного никто не смог увидеть. Ну что ж, согласно всем законам. Теперь возьмем этот низ, эту внутреннюю тюрьму.*

Яблоков: *Подвал, так?*

Токарев: *Подвал. А тут камеры.*

Яблоков: *Это улица Советская?*

Токарев: *Советская, за линией. Это коридор. Были ли камеры на той стороне, сейчас я не могу припомнить. Хотя, когда я приехал, осмотрел тщательно также и этот участок. Да, а тут в конце коридор сворачивал налево, резко, под прямым углом. А тут красный уголок, затем вел к другому коридору и далее уже была как раз та камера, где совершались расстрелы».*

Токарев особо акцентировал во время допроса тот факт, что сверка анкетных данных жертв якобы проводилась в «красном уголке» или «ленинской комнате». Однако удалось установить, что «святая святых» каждого советского учреждения «красный уголок/ленинская комната» в Калининском УНКВД, как и полагалось, находилась на втором этаже, недалеко от кабинета начальника.

Однако Токарев постоянно подчеркивал, что «красный уголок» находился в помещении внутренней тюрьмы в левом крыле полуподвала здания. Это более чем абсурдное заявление. Не говоря уже о том, что по политическим соображениям этого категорически нельзя было делать, устраивать «красный уголок» непосредственно в тюрьме НКВД было лишено всякого смысла. Заключение постоянно находилось в камерах и выводилось только на допросы. Контролеры, так в НКВД и КГБ назывались надзиратели, должны были не читать газеты и труды классиков в «красном уголке», а постоянно ходить по коридору и регулярно осматривать камеры через смотровые глазки. Сотрудники аппарата УНКВД могли бывать в помещении внутренней тюрьмы только по делам и только с разрешения начальства. Кому нужен «красный уголок» в таких условиях? Абсолютно ясно, что Токарев лжет.

Однако информацию Токарева о «красном уголке» во внутренней тюрьме военный юрист Яблоков воспринял на полном серьезе. Более того, основываясь на статье некого И.В.Соболева, опубликованной в первом номере газеты «Тверской Мемориал» (май 1990 г.), Яблоков без тени сму-

щения спросил Токарева, а не было ли в «красном уголке» приспособлений для пыток заключенных: колец на потолке и стенах, специальных станков и приспособлений. Большой «наивности», нежели проявил Яблоков в этой ситуации, придумать сложно. В 1940 г. совмещение пыточной и «красного уголка» было бы расценено, как дискредитация советской власти.

К сожалению, путанные показания Токарева не позволяют точно воспроизвести реальный маршрут передвижения польских полицейских в помещении внутренней тюрьмы УНКВД до момента расстрела. Это позволило «катыноведам» излагать невероятные процедуры расстрела поляков. Так, 9 августа 2009 года одна из авторов исследования «**Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях**» доктор исторических наук Инесса Сергеевна Яжборовская в интервью радиостанции «Эхо Москвы» поведала, как в Твери (Калинине) весной 1940 года расстреливали польских полицейских. По ее словам, после опроса жертвы в «ленинской комнате», **ей предлагали выйти в другую дверь, за которой сразу же начинался подвал, где жертве стреляли в голову.**

Однако, как говорилось, «ленинская комната/красный уголок» в Калининском УНКВД была расположена на втором этаже и не могла иметь дверь, ведущую в подвал (на самом деле не подвал, а цокольный полуподвал, в котором находилась внутренняя тюрьма НКВД и расстрельное помещение). От «красного уголка» расстрельное помещение, находящееся в полуподвале, отделяли, как минимум, три лестничных марша и коридор.

Если же согласиться с утверждениями Токарева, то из «красного уголка», находящегося в левом крыле полуподвала, не могло быть двери в камеру смерти, так как она находилась от «красного уголка» в 50 метрах в центральной части полуподвала. Да и Токарев утверждал, что от «красного уголка» к камере смерти вел коридор. Как уже говорилось **«Он был страшно загроможден разными лишними вещами, а пол, по-моему, был там даже земляной».** Ясно, что рассказ Токарева просто бред.

Искажение ситуации с процедурой расстрела в Калининском свидетельствует о том, что даже ведущие катыноведы крайне поверхностно отнеслись к изучению материалов допросов важнейших свидетелей по Катынскому делу. В итоге они произвольно интерпретировали процедуру расстрела в Калининской тюрьме УНКВД, представляя его таким образом, чтобы расстрел 250 и более человек за ночь выглядел вполне реальным. Для большей убедительности катыноведы ссылаются на заявление Токарева о том, что комендантская расстрельная группа, сформированная майором Блохиным в Калининском, **насчитывала 30 человек**. Этот момент особо акцентирует в своих статьях и интервью главный российский катыновед Н.Лебедева.

В итоге понимаешь, как хочешь. То ли расстрельщиков было 30, то ли всех, кто обеспечивал расстрел? Однако большинство поймут, что поляков расстреливали **30 палачей**. При таком количестве палачей вопрос о реальности расстрела трех сотен человек за ночь снимается. На самом деле из показаний Токарева ясно, что лишь несколько человек непосредственно расстреливали поляков. Они и получали от Блохина пистолеты «Вальтер». Токарев на допросе сообщил, что: *«Расстрелы исполняли водители и начальство...»* (московское или все же калининское? В.Ш).

Большинство из «расстрельной» группы занимались тем, что выводили заключенных из камер, заводили их в расстрельную камеру, выносили их тела из подвала, грузили на автомашину, везли в Медное и сбрасывали трупы в могилы. По словам Токарева: *«В общем, там было 30 человек. Не меньше 30-ти человек. Те, кто принимал участие. Надо было разгружать. Нет, я, наверно, преувеличиваю. Тридцать — это те, кто принимал участие во всей операции. А там скорее два десятка было»*.

В данном заявлении Токарева смущает факт привлечения к расстрелу водителей автомашин, обслуживавших Управление НКВД. Генерал на допросе особо подчеркивал, что операция по расстрелу поляков была сверхсекретной. О ней не должен был знать даже первый секретарь Калининского

обкома партии. А вот к расстрелу привлекли не офицеров Управления НКВД, а простых водителей?! Как это понимать?

Возникает резонный вопрос, а, сколько же в действительности было «расстрельщиков» в Калининe? Показания Токарева позволяют сделать вывод, что, **саму процедуру расстрела осуществлял один человек**, так как в момент расстрела в «камере смерти» находилась **лишь одна жертва**. Приведем эти показания. *«Яблоков: А кто вел в красный уголок по коридору? Токарев: Кто-нибудь из них, брали под руки и ввели. Яблоков: А из камеры в красный уголок по одному человеку ввели? Токарев: Только по ОДНОМУ... да».*

Вероятно, к расстрелу были привлечены несколько человек из областного Управления НКВД, которые подменяли Блохина. Но сама процедура расстрела была не массовой, а индивидуальной. Расстрельное помещение в Калининской тюрьме УНКВД было только одно. В нем мог орудовать только **один палач**.

Процедуру расстрела, которую изложил Токарев, можно назвать **поименно-индивидуальной**. Она предполагала поочередные передвижения каждой жертвы внутри тюрьмы УНКВД, пока она не попадала в «камеру смерти». Это требовало определенного времени. Следует иметь в виду, что каждую жертву требовалось вызвать из камеры, закрыть камеру, привести жертву в «красный уголок», опросить, сковать наручниками, перевести в «расстрельную» камеру, расстрелять, вынести труп и погрузить его в автомобиль.

Общий путь, который жертва должна была проделать до камеры смерти, с учетом размеров здания, был не менее 100 м. Скорость движения жертвы вряд ли могла быть более трех км/час. Это 2 мин. Предположим, что дополнительное время на открытие камеры, выход жертвы, закрытие, опрос, расстрел и вынос тела во двор составит полторы, две минуты. Итого 3,5—4 мин. Да, простит меня читатель за эту бухгалтерию, но она необходима.

Как известно, расстрелы в Калининe начались 5 апреля и закончились 22 мая 1940 г. Первый этап в количестве 343 пленных поляков прибыл в Калинин 5 апреля 1940 г. в 9 час.

30 мин. 5 апреля на широте Твери темное время суток составляет **623 мин.** Согласимся, что Блохин, подменяемый помощниками, сумел его в ночь с 5 на 6 апреля расстрелять его полностью.

Надо заметить, что Токарева говорил о расстреле в ту ночь **300 человек.** Но достоверно установлено, что в Калинин 5 апреля прибыло **343 человека.** В итоге процедура расстрела одного человека в ночь с 5 на 6 апреля могла длиться всего **1 м. 40 с.** С учетом замечания Токарева о том, что пришлось прихватить немного светлого времени, увеличим время до двух минут. Это дает дополнительно почти полтора часа общего времени. Но и с этим допущением темп расстрела был не реальным. **Двух минут хватило бы только на передвижения жертвы по коридорам тюрьмы.**

Однако возможно возражение. А если в Калинин был организован **поточный вывод заключенных из камер?** Однако следует иметь в виду, что в этом случае жертвы неизбежно должны были пересечься в коридоре тюрьмы. В результате ситуация вышла бы из-под контроля, так как поляки могли догадаться о своей участи (одного из них уже вели в **наручниках**) и криком сообщить об этом ожидающим в камерах. Подобные случаи уже имели место в советских тюрьмах в 1920—30 гг. и почти всегда они заканчивались серьезными беспорядками в тюремных камерах и даже тюремными бунтами.

Три сотни обреченных, разъяренных и морально не сломленных мужчин-военных — это немалая сила. В случае возникновения беспорядков камеры пришлось бы брать штурмом. А это неизбежно грозило служебным расследованием, серьезными неприятностями и последующим наказанием, допустившим такую ситуацию сотрудникам Калининского УНКВД. Для Токарева все закончилось бы военным трибуналом.

Напомним, что здание Калининского УНКВД располагалось в центре города, на оживленной улице и скрыть от горожан факт возникновения массовых беспорядков во внутренней тюрьме было бы практически невозможно. Поэтому ва-

риант «поточного» расстрела заключенных был неприемлим. Жертв на расстрел в Калининском УНКВД должны были водить по одному, обеспечивая при этом их тщательную изоляцию от других заключенных.

На допросе Токарев утверждал, что после проблем с расстрелом слишком большого первого этапа, в последующие дни из Осташковского лагеря в Калинин стали прибывать этапы численностью менее 250 человек. Так, по словам Токарева: *«в первый раз привезли 300 человек, и это оказалось слишком много, ночь была короткая, и надо было как-то укладываться во время сумеречное... Расстрел тогда продолжался уже после восхода солнца... Блохин распорядился — больше 250-ти не привозить. Кривенко начал привозить по 250 человек».*

Следует отметить, что Токарев в ходе допроса повторно заявил, что было *«принято решение привозить по 250 человек — подтверждаю еще раз. Могли только быть отклонения, но только в меньшую сторону, а ночи становились короче и короче».* А это была уже сознательная ложь.

В реальности второй этап, прибывший в Калинин 6 апреля в 11 час. 20 мин. насчитывал **494 человека**. Далее 12 апреля в Калинин прибыл этап численностью в 300 человек, 15 апреля — 299 человек, 17 апреля — 346 человек, 18 апреля — 350 человек. 22, 25, 29 апреля прибыли этапы численностью 292—294 человека. Следует иметь в виду, что 29 апреля темное время суток составило всего **520 мин.** В итоге темп расстрела должен был нарастать. И на одну жертву он **сократился до полутора минут, что уже не реально.**

Следует заметить, что эти рассуждения сделаны в соответствии с заявлением Токарева о том, что «красный уголок» находился в помещении внутренней тюрьмы. А если рассуждать с учетом реального нахождения «красного уголка/ленинской комнаты» на 2 этаже здания, то время на одну жертву значительно возрастет.

Помимо проблем, связанных с нехваткой времени на расстрел пленных поляков, должны были начаться проблемы и с их размещением во внутренней тюрьме. Ведь часть приве-

зенных могли не успеть расстрелять (если их расстреливали). И к ним ежедневно добавлялись новые жертвы.

Однако Токарев эту кризисную ситуацию не вспомнил, хотя во время допроса посетовал на тесноту в камерах. *«Там, видимо, тесно было, так как камеры были небольшие и было их немного. Сами понимаете — 250 человек. Если по два метра, то необходимо 500 кв. метров. Да. Но как-то вмещались. Сам не видел. Ни в одной из камер с поляками не был. Не могу сказать».* Как же в этом случае были размещены 494 человека второго этапа и все последующие? Вновь оказывается, что начальник УНКВД и в этой непростой ситуации был не у дел. Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что показания Токарева о массовых расстрелах во внутренней тюрьме по 250 человек за ночь **недостовверны**.

Кстати, если бы Токарев заявил, **без уточнений относительно поименно-индивидуальной процедуры расстрела**, что за ночь расстреливали 300—400 человек, то вопросов к нему не возникло бы. Подобное в НКВД имело место. Известен случай, когда два сотрудника НКВД в Сандармохе (Карелия, Медвежьегорский район) в **январе 1938 г. за 4 часа расстреляли 450 человек**. Однако расстрел в Сандармохе и расстрел польских военнопленных из Осташковского лагеря в Калининне весной 1940 г. нельзя сравнивать. В Сандармохе расстреливали заранее связанных и подготовленные к казни людей, непосредственно у могилы в лесу.

Карельский исследователь Юрий Дмитриев так описывает процедуру расстрела в Сандармохе. Заключенного вызывали в изолятор, где сверяли данные из дела с личностью, потом жертве связывали руки и уводили в соседнюю комнату, там срывали одежду и связывали ноги. Затем волокли приговоренного в накопитель, в котором к вечеру формировалась очередная партия для расстрела. С наступлением темноты приговоренных грузили на автомашины и везли в урочище Сандармох, где и расстреливали (См. Дмитриев. Место расстрела — Сандармох). То есть, в этом случае время тратилось лишь на сам выстрел.

По утверждению представителей общества «Мемориал» в 1930-е годы комендант тбилисской тюрьмы Надарая установил «рекорд», **расстреляв за одну ночь около 500 человек.** Заметим, что и в этом случае опрос жертв и подготовка их к расстрелу производилась заранее, поэтому ночью происходил только расстрел жертв.

Кстати, известны примеры и гораздо более высокой «скорострельности» палачей. Например, 24 августа 1920 г. жолнежы 49-ого пехотного полка 5-й польской армии всего за несколько минут расстреляли из пулеметов 200 пленных советских казаков прямо в поле, где их и захоронили (Красноармейцы в польском плену... С.271).

Вышеизложенные рассуждения были бы излишни, если бы следователи Главной военной прокуратуры провели бы **следственный эксперимент** в бывшем помещении внутренней тюрьмы Калининского УНКВД. Следственный эксперимент даже в случае признания убийцы позволяет абсолютно точно установить, как было осуществлено убийство. Известны случаи, когда признание не проходило проверку следственным экспериментом. Обычно выяснялось, что такое признание было вынужденным самооговором. Но вернемся к теме расстрела в Калининне.

Некоторые авторы, дабы представить расстрел в Калининне в виде ужасного конвейера смерти, придумывают невероятные подробности. Так, журналист «Сов. Секретно. Версия» В.Воронов в статье «**Палач в кожаном фартуке.** (11.03.2010) без тени смущения сообщает, что в Калининне трупы расстрелянных из полуподвала во двор якобы доставлялись на транспортере.

В то же время Токарев по поводу выноса трупов из подвала высказался достаточно определенно. Он сообщил Яблокову, что трупы **«подтягивали к машине и взваливали в кузов».** В Калининне вынос трупов расстрелянных из полуподвала во двор по узкой и неудобной лестнице был достаточно трудоемкой и требующей времени процедурой. Что же касается транспортера, то о нем рассказывал бывший сотрудник

Смоленского УНКВД Петр Климов. Якобы он использовался в Смоленске.

Процедура захоронения расстрелянных поляков по Токареву выглядит абсолютно нереально. Токарев сообщил, что расстрелянные захоранивались на территории дачного поселка Калининского УНКВД вблизи поселка Медное. Но вот водители возили трупы в Медное **без сопровождающего офицера из Управления НКВД**. Это было недопустимо, так как у руководства УНКВД должна была быть полная уверенность, что все расстрелянные захоронены в соответствующем месте с соблюдением режима секретности. Этого требовала и инструкции НКВД. По словам старых сотрудников КГБ, особое внимание уделялось обеспечению **скрытности захоронения трупов расстрелянных**. Инструкция строго предписывала, что с наступлением светлого времени суток захоронение расстрелянных должно было полностью завершено.

В то же время Токарев утверждал, что, по распоряжению Блохина, в Медном трупы **нередко хоронились уже при дневном свете, без каких-либо дополнительных мер предосторожности**. Заметим, что спецкладбище под Медном находилось рядом с дачным поселком НКВД, в торговый лаек которого по утрам частенько заглядывали жители из близ расположенных деревень. Захоронение трупов с помощью диковинной тогда техники — экскаватора, несомненно, вызвало бы интерес у жителей. Опытный энкаведист Бдохин должен был учитывать возможность того, что некий бдительный товарищ мог сообщить в Москву о том, что под Калининском происходит нечто странное: экскаватор утром зарывает трупы каких людей.

Следует отметить, что в 1991 г. во время эксгумационных раскопок захоронений на спецкладбище в Медном, было: **«найдено 15 пистолетных гильз и 20 пуль Браунинг 7.65 (такие патроны подходят и для «вальтеров»), а также 2 пули от нагана 7.62. На 14 гильзах идентифицирован производитель — Deutsche Waffen- und Munitionsfabriken»** (См. статью Я.Росняка «Исследования элементов боеприпасов и огнестрельного оружия, найденных во время эксгумации в

Харькове и Медном» в сборнике «Катынское преступление. Дорога до правды». С. 351—362).

Причем большинство немецких пуль были обнаружены не в черепках казенных, а в верхних слоях могил, вне трупов. Стреляные же гильзы вообще не должны были попасть на спецкладбище, так как, по утверждению Д.С.Токарева, поляков расстреливали не у могилы, а в подвале тюрьмы. Российское следствие указанный факт не заинтересовал.

Насколько после вышеизложенного, можно доверять показаниям Токареву? Возможно, старый генерал КГБ решил в «смутное» время согласиться с «желаемой» наверху версией, но специально допустил столь явные неточности в своих показаниях, чтобы их фальшивость была очевидна!? О том, что Токарев старался следовать инструкциям, данным ему во время первого допроса, свидетельствует одна фраза. Несмотря на то, что она подверглась двойному переводу, смысл ее предельно ясен.

В ответ на предъявление Яблоковым письмо Сопруненко от 19 мая 1940 г. Токарев заявил: *«Не помню»* и добавил *«Теперь повторяем мое задание...»* (в польском тексте «*Nie pamiętam. Teraz powtarzamy moje zadanie....*). Однако Яблоков не дал договорить Токареву и задал новый вопрос. По всей вероятности, генералу показалось, что допрос пошел не по оговоренному ранее плану, и он решил уточнить, что следует говорить. Но забыл, что идет видеосъемка. Поэтому Яблоков был вынужден прервать его новым вопросом.

Но небольшая оговорка Токарева позволяет понять причину путаности и противоречивости его показаний. Он все время боялся сказать не то, что надо. В то же время старый опытный чекист решил подстраховаться. В 1991 г. все было весьма неопределенно, политическая ситуация в стране могла перемениться и Токареву пришлось бы отвечать за свои показания. На всякий случай Токарев приправил свои показания солидной дозой абсурда, который при тщательной проверке мог быть выявлен. Это страховало его от обвинений в сознательном лжесвидетельстве. Для этого случая у него был готов ответ. Да, говорил, но если бы внимательно провери-

ли, то выяснили бы, что это абсурд. Нечто подобное через полтора года проделал на допросе и бывший глава КГБ СССР Александр Шелепин.

В реальности, так называемая «массовая расстрельная акция» в Калинин в 1940 г., видимо, происходила следующим образом. **Весной через внутреннюю тюрьму Калининского УНКВД прошли по этапу 6 тысяч поляков из Осташковского лагеря НКВД. Эта тюрьма для абсолютного большинства поляков использовалась, как перевалочный пункт.**

В то же время **часть поляков, служивших в карательных органах и виновных в уголовных преступлениях, примерно 300 человек, как отмечалось в главе «Экспозиция польски», была расстреляна по приговорам и захоронена на спецкладбище НКВД в Медном. Элементы польской амуниции от 300 польских полицейских создали тот «достоверный» фон, который позволил выдать останки 5 тысяч советских «врагов народа» за останки польских полицейских. Подобную операцию польские археологи проделали в киевской Быковне, о чем уже говорилось.**

В результате на допросе 20 марта 1991 г. Токарев озвучил **своеобразный коктейль, частично состоящий из правды о расстреле 300 полицейских и надуманных «подробностей» о массовом шеститысячном расстреле поляков. Это предположение позволяет понять, почему Яблоков и катыноведы путанные и противоречивые показания Токарева представили, как исключительно логичные и достоверные. Нужен был авторитетный свидетель, подтвердивший массовый расстрел польских военнопленных весной 1940 г.**

Исходя из этого предположения, легко объясняются огромные этапы польских военнопленных, отправляемых весной 1940 г. из Осташковского лагеря в Калинин. На одну ночь здесь могли принять и 500 поляков. Эта версия подтверждает информацию старых сотрудников Калининского УНКВД о наличии тюремных камер на чердаке здания управления. Из-за недостатка мест во внутренней тюрьме часть поляков из больших этапов размещали на ночлег под крышей. Ну, а на

следующий день они следовали далее по маршруту, который до сих пор представляет **очередную тайну Катынского дела**.

Становится также понятно, почему двадцать идентифицированных в 1991 г. останков полицейских в Медном, **были из одного этапа**. Приговоренных к смерти должны были везти отдельными компактными группами (вероятно, в одном вагоне) в составе общих этапов. Размещали их в камерах внутренней тюрьмы Калининского УНКВД также отдельно от основной массы пленных. Ну, а далее их путь закончился на спецкладбище в Медном.

Показания Митрофана Васильевича Сыромятника, бывшего старшего по корпусу внутренней тюрьмы Харьковского управления НКВД также не способствуют укреплению официальной версии. Его допрашивали 5 раз: . 20 июня 1990 г., 10 апреля 1991 г., 15 мая 1991 г., 30 июля 1991 г. и 6 марта 1992 г.

В научный оборот тексты допросов Сыромятника были введены в 1998 г. путем публикации в польском сборнике документов **«Dokumenty zbrodni. Tom 2. Zagłada marzec — czerwiec 1940»**. На русском языке известны только выдержки из допросов Сыромятникова от 20 июня 1990 г. и 6 марта 1992 г., размещенные в книге С.М.Заворотнова **«Харьковская Катень»**.

На допросах Сыромятников сообщил, что расстрелы польских офицеров и жандармов во внутренней тюрьме Харьковского УНКВД начались не в апреле, а в мае 1940 г. Порядок производства расстрела в Харькове **полностью соответствовал инструкции НКВД**. При казни поляков присутствовал прокурор. Им объявляли приговор. Приговоренные предварительно обыскивались, у них изымались личные документы и вещи. Расстреливали их раздетыми по пояс, в одних нательных рубашках.

По словам Сыромятникова, он принимал участие в копке ям в лесопарковой зоне Харькова, (район близ села Пятихатки), для захоронения расстрелянных поляков. Ямы были наподобие противотанковых рвов. В них могла заезжать машина. Всего ям было **«две или три»**. В могилах трупы рас-

стрелянных посыпались «*белым порошком*». *Примечание. Видимо, негашеной известью, которая способствует быстрому разложению трупов.* В отличие от Токарева, Сыромятников особо отмечал, что процесс захоронения поляков контролировалось представителями НКВД из Москвы.

Сыромятников также сообщил, что в 6-й районе лесопарковой зоны, где захоранивались расстрелянные поляки, во время войны немцы хоронили своих тифозных больных. В этом же районе, по словам Сыромятникова также захоранивались приговоренные к расстрелу изменники Родины, каратели, бывшие полицейские и другие преступники.

Подведем итоги. Показания Сыромятникова существенно отличаются от показаний Токарева. Прежде всего, по процедуре расстрела. Токарев утверждал, что в Калининские поляки приговора не объявляли — опрашивали фамилию, надевали наручники, вели в камеру смерти, где не было никакого прокурора, и стреляли в затылок из пистолета «Вальтер». Захоронение расстрелянных производили водители и надзиратели, без представителя из управления или из Москвы.

В то же время 14 марта на совещания в Москве у Кобулова все три начальника УНКВД (Калининского, Харьковского и Смоленского), без сомнения, получили одни и те же инструкции относительно процедуры расстрела и захоронения расстрелянных. Получается, что в Калининские Блохин с Токаревым решили не следовать указаниям, данным им на совещании в Москве, и проигнорировали требования инструкции НКВД о порядке производства расстрелов и захоронения расстрелянных, а вот в Харькове все было по закону. Странное противоречие?!

Далее. Процедура расстрела, описанная Сыромятниковым, исключала попадание в могилы личных вещей казненных. Плюс к этому все засыпалось негашеной известью. Возникает вопрос, как тогда объяснить наличие в польских захоронениях, обнаруженных в районе Пятихаток, писем и документы на польском языке, «*поразительно хорошо*» сохранившихся польских мундиров, горстей металлических пу-

говиц с польскими орлами, алюминиевых армейских фляжек с нацарапанными польскими фамилиями и пр.!?

Ранее говорилось, на спецкладбище НКВД в Пятихатках во время поисковых работ в 1995—1996 гг. было обнаружено **15 польских захоронений**, в то время как Сыромятников говорил только о **двух-трех могилах**. Если учесть, что на этом кладбище захоранивались и другие люди, то полагать, что все обнаруженные в ходе эксгумаций 1991 и 1995—1996 годов трупы можно было идентифицировать, как польские, некорректно.

Однако и в показаниях Сыромятникова присутствуют спорные моменты. Так, Сыромятников указывал, что расстрелы производились в подвале здания НКВД, куда он из камер конвоировал поляков со связанными руками. Однако в книге «**Спи храбрый...**» польский исследователь Станислав Микке пишет, что начальник харьковского КГБ генерал Николай Гибадулов показал польским экспертам: *«остатки фундамента когда-то стоявшего особняком, а ныне уже не существующего строения (генерал назвал его сараем»*. И заявил: *«Мы это установили точно, расстреливали именно здесь. А Сыромятников врет, не понятно зачем»* (Микке. С. 29.—30).

Не вполне убедительными являются показания бывшего сотрудника Смоленского УНКВД Петра Климова. Он писал в областную комиссию по реабилитации жертв репрессий, что поляков расстреливали *«в помещении Смоленского УНВД или непосредственно в Катынском лесу»* (Катынский синдром... С. 363). Климов также утверждал, что он: *«был в Козьих горах и случайно видел: ров был большой, он тянулся до самого болотца, и в этом рву лежали штабелями присыпанные землей поляки, которых расстреляли прямо во рву... Поляков в этом рву, когда я посмотрел было много, они лежали в ряд, а ров был метров сто длиной, а глубина была 2—3 метра»* (Жаворонков. О чем молчал Катынский лес... С. 109—110).

Необходимо заметить, что самая большая могила в Козьих горах по данным немецкого профессора Бутца име-

да длину 26 метров (Отчет Бутца из «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn»). Эти данные были подтверждены поляками (отчет Мариана Глосека) во время эксгумационных раскопок в 1994/95 гг. Где же Климов видел ров-могилу длиной в 100 метров?

Сомнения вызывают и показания бывшего начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР П.К.Сопруненко. Просмотр появившихся в Интернете два видеофрагмента допроса Сопруненко, состоявшегося 29 апреля 1991 г, позволяет сделать вывод об определенном давлении, которое следователи Главной военной прокуратуры оказывали на допрашиваемого. В некоторых случаях они практически навязывали Сопруненко нужные ответы (См. http://community.livejournal.com/ru_katyn/15429.html).

Что же касается самих ответов Сопруненко, то особый интерес вызывает его утверждение о том, что он : «лично видел и держал в руках постановление Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью Сталина о расстреле более 14 тыс. польских военнопленных» (Катынский синдром... С. 360).

Известно, что право ознакомиться с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. в НКВД СССР было предоставлено лишь наркому Л.Берии. Трудно поверить, что Берия проигнорировал запрет знакомить «кого-то ни было» с документами «особой папки» без разрешения ЦК и ознакомил Сопруненко непосредственно с текстом решением Политбюро. Хочется напомнить российским прокурорам и авторам сборника «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» указание, сформулированное Пленумом РКП(б) от 19.VIII.1924 г. и напечатанное на бланках Политбюро ЦК ВКП(б) «Товарищ, получающий конспиративные документы, не может ни передавать, ни знакомить кого-то ни было, если на это не было специальной оговорки ЦК ...».

Возникает вопрос, мог ли Сопруненко держать в руках решение Политбюро или это является его фантазией с целью преувеличить значение собственной личности?

Все вышесказанное дает повод усомниться в показаниях «очевидцев» катынского преступления. Заметим, что в ответе России в Европейский суд от 19 марта 2010 г. за подписью Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ — заместителем министра юстиции Российской Федерации Г.О.Матюшкиным отмечается, что *«отсутствует информация относительно выполнения решения Политбюро ЦК ВКП(б) по расстрелу конкретных лиц»* (пункт 62). Это означает, что показания вышеперечисленных свидетелей по делу № 159 не были сочтены достаточным доказательством расстрела польских военнопленных в 1940 г.

Еще раз напомним, что в ответе российского Министерства юстиции в Страсбург от 13 октября 2010 г. отмечается, что *«таблички с фамилиями на польском мемориале памятнике в Катынском лесу не подтверждают в правовом смысле ни того, кто там похоронен, ни того, кто там был убит»*.

Это означает, что российское следствие не располагает достоверными сведениями о гибели большинства польских граждан на территории СССР, занесенных польской стороной в так называемый «Список катынских жертв». Использование российскими и польскими катыноведами списков-предписаний НКВД на отправку пленных поляков из лагерей НКВД, как основания считать их расстрелянными, не правомерно.

Заметим, что в мировой практике известно немало фактов, когда некоторые очевидные и, казалось бы, доказательные свидетельства оказывались не достоверными. Наиболее характерным примером этого является дело об убийстве президента США Джона Кеннеди в декабре 1963 г.

Американское правосудие, абсолютизируя свидетельства «удобных» для официальной версии очевидцев и отдельные вещественные доказательства, приняло решение о том, что убийство Д.Ф.Кеннеди дело рук «одиночки» Л.Х.Освальда. И только спустя десятилетия новые неопровержимые свидетельства убедили американскую общественность в том, что Кеннеди стал жертвой обширного антигосударственного заговора.

Так, на рассекреченной в 2007 г. любительской киноплёнке голова американского президента в момент убийства сильно дергается назад, что свидетельствует о выстреле спереди. Судя по рассекреченной фотографии головы Кеннеди в морге также ясно, что стреляли спереди. Но по официальной версии Освальд стрелял в президента сзади. Для торжества истины потребовалось 44 года ожидания обнародования материалов, имеющих отношение к убийству американского президента.

С Катынским делом происходит нечто подобное. Ситуация с ним кардинально изменилась бы, если бы документы, хранящиеся в российских архивах и имеющие отношение к катынской трагедии, были бы рассекречены.

Убийственная секретность

Сегодня трудно себе представить более абсурдную ситуацию, нежели сложившуюся с катынской проблемой. Обнародовав важнейшую **сверхсекретную информацию** из «**закрытого пакета № 1**», которая позволила документально обвинить СССР и его правопреемницу Россию в катынском преступлении, чиновники скрывают менее секретные документы, способные вскрыть истинные обстоятельства гибели польских военнопленных на территории СССР. Что это? Непонимание ситуации или сознательная дискредитация позиции России?

Даже депутаты Государственной Думы не в силах преодолеть завесу секретности. В мае 2006 г. депутат Государственной Думы А.Н.Савельев направил в Центральный архив Министерства Обороны РФ запрос, в котором содержалась просьба рассекретить и предоставить «копии советских разведывательных аэрофотоснимков периода Великой Отечественной войны районов ст. Красное (дер. Буда) Краснинского р-на, дер. Тишино, Печерск, Серебрянка и пос. Катынь Смоленского района, а также района урочища Козьи Горы и Катынского леса в пределах трапеций N—36—39 и N—36—40».

Это позволило бы установить точное место расположение бывших трех лагерных отделений Вяземского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР: Смоленского, Купринского и Краснинского АБР, известных, как лагеря **особого назначения № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН** и получить неопровержимые доказательства функционирования этих лагерей в период немецкой оккупации до осени 1941 г.

Помимо этого в запросе содержалась просьба рассекретить уже упоминавшийся протокол допроса немецкого военнопленного, принимавшего осенью 1941 года **личное участие в расстреле польских граждан в Катыни** (ЦАМО, фонд 35, оп.11280, д.798, л.175).

В ответ на этот запрос архивная служба вооруженных сил Министерства обороны Российской Федерации письмом от 18 августа 2006 г. за № 350/1294 сообщила депутату Савельеву о том, что *«экспертная комиссия Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации, как правопреемник политуправления РККА, произвела экспертную оценку документов по Катынскому делу, находящихся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации и сделала заключение о нецелесообразности их рассекречивания»*.

Можно только гадать, какие соображения двигали экспертной комиссией Министерства Обороны РФ в принятии решения о поддержании режима секретности в отношении документов по Катынскому делу. Это в свою очередь позволяет появляться самым невероятным версиям относительно обстоятельств гибели польских офицеров.

Ответ архивной службы МО находится в научном обороте уже 3 года. Однако никто из катынovedов так и не ответил, в чем заключается нецелесообразность рассекречивания документов по Катынскому делу, хранящихся в ЦАМО РФ. Учитывая публичные заявления нынешнего российского руководства о тотальном рассекречивании документов, относящихся к катынской трагедии, будем надеяться, что дойдет очередь и до вышеназванных архивных документов Министерства обороны РФ.

ГИАЦ (главный информационно-аналитический центр, т. е. архив) МВД РФ на запросы по поводу предоставления материалов относительно трех лагерных отделений Вяземского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР: Смоленского, Купринского и Краснинского АБР, отвечает — документов по данному вопросу на хранении не имеется.

Действительную ситуацию с сокрытием секретных материалов в архивах в какой-то степени прояснил Анатолий Стефанович Прокопенко, известный российский историк-архивист, бывший руководитель Особого архива — огромного сверхсекретного хранилища трофейных документов из двадцати европейских стран (в 1992—99 г.г. — Центр хранения историко-документальных коллекций, после 1999 г. — Российский государственный военный архив).

В газете «Известия» от 25 сентября 1997 г. он написал о том, что в работу российских архивах вернулась «добрая» советская традиция «тайного перепрятывания отдельных документальных фондов из одних архивов в другие, дабы сбить с толку российских и зарубежных исследователей. Директор государственного архива, откуда ушли под покровом ночи в казематное небытие весьма важные фонды, спросил у одного из бывших столпов государственной архивной службы: что же мне говорить, если спросят об этих фондах? Получил совет: скажешь, что сгорели, украли».

Он также отметил особую недоступность бывшего архива МВД СССР в плане получения любой информации, в том числе и по лагерям НКВД. «Попав туда недавно со второй попытки, и то по просьбе председателя комиссии по реабилитации жертв политических репрессий А.Яковлева, я поразился пустоте так называемых «листов использования» архивных дел, которых, выходит, никто до меня не касался. В этом архиве — море информации об империи ГУЛАГ. Без нее все имеющиеся исследования по данной теме можно считать только предварительными набросками».

В декабре российские СМИ сообщили, что США передали посольству России в Вашингтоне исторические документы, похищенные из различных, в том числе и военных, архивов в

Москве и Санкт-Петербурге. Среди этих документов — указы трех императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой, самодержцев Александра Первого, Второго и Третьего, Николая Второго, приказы маршала Георгия Жукова и другие. Основная масса документов была украдена из российских архивов с 1994 по 2001 год (<http://www.russia-today.ru/news/1136-panorama-novostej.html>). Комментарии излишни.

Возможно, что часть важных документов по Катынскому делу находится за рубежом. Но, несомненно, многие материалы, способные пролить свет на истинные обстоятельства гибели большинства польских военнопленных, до сих пор скрыты в каких-то российских спецхранилищах. Например, в 38 томах архивного фонда комиссии Н.Бурденко, хранящегося в ГАРФе (фонд 7021, опись 114) большинство документов являются копиями. Местонахождение первых экземпляров неизвестно.

Спору нет, для безопасности любого государства режим секретности является одним из важнейших условий выживания и успешного противостояния проиcкам вражеских разведок. Но в данном случае все наоборот. Ответы из российских архивов лишь подтверждают, что истинные обстоятельства гибели большинства польских военнопленных пока остаются тайной.

В результате российская система хранения архивных документов, доставшаяся по наследству от советских времен в очередной раз поставила руководство России в ситуацию, когда с польскими оппонентами по Катынскому делу приходится играть в «поддавки».

*Архив Политбюро, «Особая папка»
и «закрытые пакеты»*

Прежде чем перейти к истории кремлевских катынских документов следует посвятить читателя в некоторые секреты архивной службы ЦК КПСС. Два основных партийных архи-

ва: Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, известные как VI-й и VII-й секторы Общего отдела ЦК, находились на территории Кремля. Местонахождение архивов было predeterminedено тем, что в Кремле находился кабинет Генерального секретаря и зал, в котором проходили заседания Политбюро. Во времена Брежнева кабинет Генсека на Старой площади утратил свое значение.

Достаточно подробно архивная служба ЦК КПСС описана в статье бывшего замзава VI-м сектором Юрия Мурина «**Забудьте обо всем, что узнали здесь**» («Совершенно секретно» № 2/225. 2008). Главным архивным подразделением ЦК считался VI-й сектор (Архив Политбюро). В нем были сосредоточены важнейшие документы, имеющие отношение к истории Коммунистической партии и страны.

Структурно оформленное архивное подразделение в аппарате ЦК появилось в ноябре 1919 г. Тогда по инициативе члена Политбюро и члена Оргбюро РКП(б) Сталина принимается решение, обязывавшее секретарей ЦК Н.Крестинского и Е.Стасову *«обследовать порядок размножения, хранения в Секретариате ЦК протоколов заседаний, особенно Политбюро, и ввести такой порядок, чтобы с протоколами было ознакомлено минимальное количество товарищей»*.

С тех пор архивная служба претерпела немало изменений, но одно осталось неизменным — **соблюдение уровня строжайшей секретности**. Наивысшими грифами секретности в Архиве Политбюро являлись «Конфиденциально», «Строго секретно», «Строго секретно» (на правах шифра), «Строго секретно» (из Особой папки), «Особой важности» и «Совершенно секретно особой важности «Особая папка» или для краткости «Особая папка». В категорию «Особая папка» включались также документы из так называемых «Закрытых пакетов».

Гриф «Строго секретно» был аналогичен грифу «Совершенно секретно» и использовался в партийном делопроизводстве ВКП(б)-КПСС во многом благодаря сложившейся традиции. В региональных партийных и советских органах СССР применялись грифы секретности — «Для служебно-

го пользования», «Секретно», «Совершенно секретно» и «Совершенно секретно особой важности».

Нас особо интересует категория секретности **«закрытый пакет»**. Она появилась во времена Ленина и по его инициативе. Владимир Ильич *«потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным»*. Вот тогда и появились «закрытые пакеты», а точнее «закрытые конверты», вскрыть которые имел право только сам Ленин или его жена Крупская. «Закрытые пакеты» из Архива Политбюро выдавались под расписку в учетной карточке специальному доверенному лицу и только по распоряжению заведующего Общим отделом ЦК.

При Сталине категория **«закрытых пакетов»** получила развитие в рамках категории **«Совершенно секретно особой важности «Особая папка»**. Так стали называть партийные документы наивысшей секретности, имеющих одинаковую тематику или одного конкретного руководителя, для которого они предназначались. Эти документы, как правило, объединялись в одну папку. Именно тогда появились «Особая папка Сталина», «Особая папка Берии», «Особая папка НКВД» и т. п.

«Особых папок» в Архиве Политбюро насчитывалось около 1500. «Закрытых пакетов» было гораздо меньше — несколько десятков, максимум, несколько сотен штук, хотя Горбачев утверждает, что и «закрытых пакетов» тоже было около 1500. Максимальный номер «закрытого пакета», из известных к сегодняшнему дню — № 34. Бывший зав. Общим отделом ЦК КПСС А. Лукьянов 19 апреля 2010 г. на «круглом столе» в Госдуме сообщил, что все «закрытые пакеты» помещались в трех сейфах. Это весьма небольшой объем.

В то же время, если в «закрытые пакеты» конвертовали рабочие блокноты с черновыми стенограммами заседаний Политбюро, которые вели заведующие Общим отделам ЦК КПСС за последние 20 лет, то таких пакетов могло быть и полторы тысячи.

В «закрытых пакетах», как правило, хранилась «горячая информация». Так в них находились: информация о предках Ленина, о самоубийстве Н.Аллилуевой, секретный протокол к пакту Риббентропа-Молотова, материалы о роспуске Коммунистической партии Польши в 1938 г. и, наконец, документы о так называемом «Катынском деле». Заметим, что наряду со сверхсекретными материалами в «Особую папку» и «закрытый пакет» могли попасть любые документы, в том числе несекретные, вплоть до газетных заметок, частных писем и фотографий — в случае их непосредственного отношения к засекреченной проблеме.

Бессменной заведующей VI-м сектором с 1933 по 1977 год была Татьяна Константиновна Силина. На работу в Технический секретариат ЦК пришла в 1923 году и за 10 лет прошла путь от технического сотрудника до заведующей Архивом Политбюро. После ухода Силиной на пенсию период VI сектор до августа 1991 г. возглавлял Лолий Александрович Мошков.

Несколько слов о режиме работы Архива Политбюро. Это была своеобразная справочно-информационная служба, обеспечивающая подготовку **вопросов особой важности** на Политбюро ЦК КПСС. Как правило, большинство из них имели свою «историю», которую следовало учитывать при принятии нового решения. Работали сотрудники VI-й сектора, как правило, в авральном режиме, особенно перед заседаниями Политбюро, которые проходили еженедельно по четвергам. На поиск и доставку архивного документа, затребованного Генсеком, должны были уходить минуты.

Горбачев лукавит, когда утверждает, что «основной документ» по Катыни был обнаружен только **во второй половине декабря 1991 г.** Достаточно сказать, что уже упомянутый заместитель заведующего VI-й сектором Мурин еще в 1986 г. знал о существовании в Архиве Политбюро закрытого пакета № 1 с надписью **«О поляках, постановление Политбюро П 13/144 от 5.III.1940 г., записка НКВД СССР (Берия) 794/Б, март 1940 г.»**.

Известно, что со времен Силиной заведующий сектором всегда располагал перечнем важнейших документов, кото-

рые могли быть запрошены. Ну а катынская тема в период 1987—1991 гг. была весьма востребованной. Поэтому место, где хранились материалы «Катынского дела» не являлось для сотрудников архива тайной.

Несколько слов об утверждении Мурина о надписи на «закрытом пакете № 1» с упоминанием «О поляках...». Известно, что на закрытом конверте, в котором в 1992 г. были обнаружены катынские документы, был напечатан следующий текст:

1. Постановление ЦК КПСС П13/144-оп от 5. III. 1940 г. и стр. 9 и 10 из протокола № 13-оп (1940 г.) — 2 экз. (2 л.). Всего — 4 л.

2. Записка НКВД СССР (Берия) № 794/Б от марта 1940 г. на 4 листах

3. Записка КГБ т. Шелепина (рукописный текст) от 3 марта 1969 г. № 632-ш (№ ЦК- 0680) — 1 л. и проект постановления ЦК КПСС (рукописный текст) — 1 л.

Упоминания «о поляках» на конверте нет. Однако следует иметь в виду, что, возможно, в 1986 г. Мурин видел другой конверт. 18 апреля 1989 г. сотрудник VI-й сектора В.Галкин прикрепил к папке-двухлистке, в которой хранился закрытый конверт № 1, справку следующего содержания. *«Получил от тов. Болдина В.И. документы в заклеенной папке вместе с конвертом вскрытого пакета за № 1, которая в тот же день сдана в VI сектор в новом опечатанном пакете за № 1. В.Галкин. 18. IV. 89 г.»*

Получается, что Галкин получил конверт закрытого пакета № 1 вскрытым и, видимо, в неприглядном состоянии. Галкин был вынужден вложить катынские документы, находившиеся в заклеенной папке в новый конверт, опечатать его и сдать на хранение, о чем свидетельствует запись на папке.

При перепечатывании текста на новом конверте Галкин не имел права изменить даже запятуя в том тексте, который был напечатан ранее. Возникает вопрос, почему Мурин, говоря о надписях на конверте № 1, искажил текст? Возможно, он ошибся, воспроизводя его по памяти, а, возможно, он

в 1986 г. действительно видел конверт, отличающийся от того, который был обнаружен в 1992 г.

Кстати, сегодня в РГАСПИ хранится конверт, датированный В.Галкиным 24.12.1991 г. Это документальное подтверждение того, что при Горбачеве было **три конверта закрытого пакета № 1: один** — до 18.04.1989 г., **второй** с 18.04.1989 г. до 24.12.1991 г. и **третий**, датированный 24.12.1991 г.

Папка-двухлистка, в которой хранились катынские документы (ее размер меньше, нежели конверта), без изменений хранилась в VI секторе с 15 апреля 1981 г., то есть с того момента, когда Галкин возил катынские документы Председателю КГБ В.Андропову и министру иностранных дел СССР А.Громыко. Сведения о Громыко на папке отсутствуют, но Галкин в личной беседе утверждал, что помимо Андропова с документами познакомился и Громыко.

Но вернемся к теме «закрытых пакетов». Режим доступа к материалам, содержащимся в них, предписывал очень серьезные ограничения. В частности, на пакетах имелась приписка типа: *«Только для первого лица», «Вскрыть только с письменного разрешения Генерального секретаря»* (в разные периоды формулировки могли меняться, но смысл был такой). Даже заведующий Общим отделом ЦК КПСС, лично отвечавший за сохранность «закрытых пакетов», не имел права без санкции Генсека знакомиться с хранящимися в них документами.

В ЦК КПСС существовал порядок — после избрания нового Генерального секретаря, заведующий Общим отделом лично приносил ему «закрытые пакеты» для ознакомления. Генсек собственноручно вскрывал принесенный ему «закрытый пакет» и знакомился с документами. После этого он вновь лично запечатывал «закрытый пакет», ставил дату, подпись и возвращал пакет заведующему Общим отделом.

Этот порядок нарушил Горбачев. В силу патологической боязни ответственности *«он не ставил подписи даже при просмотре «особого пакета № 1», переложив эту обязательную операцию на Болдина»* (Катынский синдром... С. 253). Такое поведение позволяло Горбачеву в критических ситуациях уходить от ответственности, ссылаясь на «незна-

ние». Примерами могут служить ситуации с действиями военных в 1989—91 гг., когда Горбачев публично заявлял, что ему неизвестно, кто дал санкцию на применение силы в Тбилиси, Баку, Вильнюсе и т. д.

Завершая тему партийных архивов, нельзя не упомянуть сектор № 1 Общего отдела ЦК КПСС. Он также находился в Кремле, в том же здании, был расположен кабинет Генсека и зал Политбюро. Сектор № 1 выполнял роль мини — общего отдела при Политбюро ЦК КПСС. Через него осуществлялось поступление и размножение материалов на Политбюро. Подготовку окончательных вариантов постановлений Политбюро с исправлениями и дополнениями также осуществлял этот сектор.

Его много лет возглавляла Мария Васильевна Соколова, которая являлась ходячей энциклопедией истории КПСС. К сожалению, в 2007 г. она отвергла все попытки встретиться с ней. Удивительно, но многие «старые партийные кадры», кляня нынешние времена, **наотрез отказывались сообщить какую-либо информацию, которая способствовала восстановлению истины в освещении советского периода истории России.** Как правило, они ссылались на подписку о неразглашении, которую когда-то дали канувшей в Лету партии.

Кстати, это один из ответов на вопрос, почему рухнул СССР. Система воспитала людей, которые утратили способность принимать самостоятельные решения и привыкли лишь слепо верить в то, что высшее руководство всегда право. Так, веря в безошибочность курса, предложенного Горбачевым, они шли за ним в бездну. Несмотря на то, что теперь они клянут бывшего Генсека, верность его предательской «генеральной линии» они сохраняют по-прежнему.

Горбачев и «закрытый пакет № 1»

Известно, что в сентябре 1992 г. в научный оборот были введены четыре документа из «закрытого пакета № 1». Это: записка Берии Сталину № 794/Б от «__» марта 1940 г. с предло-

жением о расстреле польских военнопленных, выписка с решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П13/144 от 5 марта 1940 г. по «Вопросу НКВД» (два экземпляра), стр. 9 и 10 из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 13-оп за 1940 г. и записка Шелепина Хрущеву № 632-ш от 3 марта 1959 г. с проектом постановления Президиума ЦК КПСС.

Немного об истории «закрытого пакета № 1». Утверждается, что в 1970—е годы «закрытый пакет» по Катыни длительное время хранился в сейфе Константина Черненко (тогдашнего заведующего Общим отделом ЦК КПСС), затем поступил на хранение в VI сектор Общего отдела (архив Политбюро) с указанием *«Справок не давать, без разрешения заведующего общим отделом ЦК не вскрывать»*.

Об особой секретности этого пакета свидетельствует следующий факт. В интервью журналу «Новая Польша» (№ 11, 2005) бывший член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев рассказал: *«В 1985—1989 гг. Горбачев был в постоянной связи с Ярузельским. У них были хорошие личные отношения. В это время генерал Ярузельский настаивал на выяснении подробностей катынского дела. Я от Политбюро руководил в то время работами комиссии по этим вопросам. Это было непростое задание. Я многократно обращался в канцелярию и архив Горбачева, чтобы получить необходимые документы. «Ведь невозможно, чтобы не было никаких бумаг», — говорил я. «Нету», — отвечали мне»*. А.Яковлев также заявил, что о катынских документах он неоднократно лично спрашивал М.Горбачева, но ответ всегда был отрицательный.

По свидетельству бывших работников Общего отдела ЦК КПСС, в 1985—87 г.г. «закрытый пакет» с документами по Катыни в VI секторе был только один. Этот пакет представлял из себя увесистый запечатанный почтовый конверт для документов формата А4. Его толщина составляла не менее 2,5—3 см. Одновременно в архиве Общего отдела ЦК КПСС хранились две большие архивные картонные коробки толщиной 30—35 см с различными документами по «Катынскому

делу». Но наиболее важные и совершенно секретные документы по Катыни находились в «закрытом пакете».

Установлено, что до 1987 г. в «закрытом пакете № 1» по Катыни находился оригинал Сообщения комиссии Бурденко. Это выяснилось, когда «катынский» пакет был вскрыт по распоряжению М.С.Горбачева в связи с подготовкой к рассмотрению на Политбюро ЦК КПСС одного из «*вопросов Смоленского обкома*» и с оригинального экземпляра Сообщения комиссии Бурденко необходимо было сделать рабочую ксерокопию.

Основную часть документов, хранившихся внутри «закрытого пакета» по Катыни, в тот момент составляли какие-то многостраничные списки. Вероятнее всего, это были списки 3.196 польских граждан, санкцию на расстрел которых Берия весной 1940 г. испрашивал у Политбюро ЦК КП ВКП(б) весной 1940 г. Но, возможно, это были какие-то иные списки. Внутри пакета также находились и другие документы по Катынскому делу.

Не вызывает сомнений, что Горбачев до апреля 1990 года, по меньшей мере, дважды знакомился с катынскими документами из «закрытого пакета № 1». После избрания М.С.Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 года, тогдашний заведующий Общим отделом ЦК КПСС А.И.Лукьянов лично приносил ему «закрытый пакет № 1». Но Горбачев пытается всех убедить в том, что впервые о катынских документах ему стало известно лишь в 1988 или 1989 г. Однако не вызывает никаких сомнений тот факт, что Лукьянов не мог нарушить установленный в ЦК КПСС порядок ознакомления вновь избранного Генсека с документами из «Особой папки».

То, что Горбачев уже в 1986 г. был знаком с катынскими документами свидетельствует следующий факт. 11 июля 1986 г. при рассмотрении на Политбюро ЦК КПСС вопроса «Об участии делегации (во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС) в работе съезда ПОРП» Горбачев заявил, что «...*придется разобраться с Катынью*» (В Политбюро ЦК КПСС. А.Черняев. С.69) Сказано это было без всяких комментариев, что свидетельствует о хорошем знании Горбачевым катынской проблемы.

Документально установлено, что Горбачев затребовал себе в кабинет документы по Катынскому делу накануне визита Ярузельского в Москву в апреле 1989 г. Но не исключено, что он ознакомился с катынскими документами «закрытого пакета № 1» и до этой даты — в 1987 г. при первой попытке начать активное обсуждение темы Катыни в Политбюро и накануне своего визита в Польшу в июле 1988 г. По утверждению Горбачева, они тогда находились в двух «закрытых пакетах». Кто же после 1987 г. дал команду разделить один катынский пакет на два? Видимо, «барабашка», который поселился в кремлевских архивах вместе с приходом Горбачева.

Горбачев в мемуарах «Жизнь и реформы» пишет: «... *Что касается других документов, относящихся к катынской трагедии, то я помню о двух папках, которые показывал мне Болдин еще накануне моего визита в Польшу. Но в них была документация, подтверждающая версию комиссии академика Бурденко. Это был набор разрозненных материалов, и все под ту версию*» (Жизнь и реформы. Кн. 2, с. 349). . Известно, что визит Горбачева в Польшу состоялся 11—16 июля 1988 г. Однако знакомство Генсека с катынскими документами в 1988 г. нигде не зафиксировано.

А вот что писал по поводу этой ситуации бывший зав. Общим отделом ЦК КПСС В.Болдин: «Как-то перед одной из встреч с В.Ярузельским М.С.Горбачев дал срочное поручение:

— *Где-то в архиве должна быть информация по Катынскому делу.*

Быстро разыщи ее и заходи ко мне.

Я попросил срочно найти такой документ в архиве. Документ действительно разыскали довольно скоро. Часа через два мне принесли два закрытых пакета с грифом «совершенно секретно» и припиской, что вскрыть их можно только с разрешения заведующего отделом. Разумеется, и генсека или доверенного его лица.

— *Нашел? — спросил Михаил Сергеевич, когда я появился в его кабинете.*

— *Не знаю, то ли это, — ответил я, подавая ему конверты. Он вскрыл их, быстро пробежал несколько страни-*

чек текста, сам запечатал пакеты, проклеив липкой лентой. Возвращая документы, сказал:

— В одном речь идет об истинных фактах расстрела поляков в Катыни, а во втором — о выводах комиссии, работавшей после освобождения Смоленской области в годы войны. Храните получше и без меня никого не знакомьте. Слишком все это горячо» («Крушение пьедестала». С. 257—258). Что значит выражение Горбачева **«Слишком все это горячо»** не выяснено до сих пор.

Полагать, что тогда он видел документы, которые потом «всплыли» в сентябре 1992 г., нет оснований. Ведь Горбачев утверждает, что когда он впервые увидел катынские документы в пакетах не было решения Политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 г., ни записок Берии и Шелепина. Где же они находились? С какими же двумя пакетами знакомился Горбачев в 1988/1989 гг., если их содержимое принципиально отличалось от содержимого пакета, вскрытого в сентябре 1992 г.?

Ситуацию нахождения **«подлинных»** катынских документов Горбачев описывает так: **«На подлинный документ, который прямо свидетельствовал бы об истинных виновниках катынской трагедии, мы вышли только в декабре 1991 года, по сути дела, за несколько дней до моей отставки с поста Президента СССР. Именно тогда работники архива через Ревенко — руководителя аппарата президента — добивались, чтобы я обязательно ознакомился с содержимым одной папки, хранившейся в особом архиве...**

Я вскрыл папку, в ней оказалась записка Берии о польских военнопленных и представителях других сословий польского общества, которых органы содержат в нескольких лагерях. Записка заканчивалась предложением о физическом уничтожении всех интернированных поляков. Эта последняя ее часть отчеркнута, а сверху написано синим карандашом Сталина: «Постановление Политбюро». И подписи: «За — Сталин, Молотов, Ворошилов...». У меня дух перехватило от этой адской бумаги, обрекавшей на гибель сразу тысячи людей». (Жизнь и реформы. С. 349)

Кстати, в интервью журналу «Россия в глобальной политике» (№ 5, сентябрь-октябрь 2009) великий «путаник» Горбачев в очередной раз изменил свои воспоминания. Теперь он утверждает, что в декабре 1991 г. закрытый конверт с катынскими документами ему принес не руководитель президентской администрации Г.И.Ревенко, а заведующий Общим отделом ЦК КПСС (В декабре 1991 г. эту должность в ЦК КПСС занимал генерал-майор КГБ П.П.Лаптев. В.Ш.).

Следует заметить, что Михаил Сергеевич в деле с катынскими пакетами запутался в «трех соснах». Если в 1989 г., как утверждает Горбачев, он знакомился с двумя пакетами катынских документов, то получается, что в декабре 1991 г. в архиве обнаружили — **внимание!** — **третий, основной пакет**. Однако известно, что катынских «закрытых пакетов» **никогда не было больше двух**. Режим их хранения был особый, так что затеряться пакеты не могли.

Зная строжайшую ответственность в ЦК КПСС за работу с документами «Особой папки», сложно поверить, что до декабря 1991 г. «закрытый пакет № 1» хранился в неизвестном месте. Работником, выполнявшим техническое сопровождение катынских «закрытых пакетов» являлся сотрудник VI сектора Общего отдела ЦК КПСС Виктор Ефимович Галкин. Судя по отметкам и подписям, с «пакетом № 1» он имел дело с апреля 1981 г. по декабрь 1991 г. Все это время он регулярно ходил на работу и никуда не пропадал. Горбачев банально врет, утверждая, что пакет был неожиданно найден в особом архиве.

Версия Горбачева о том, что он **впервые** ознакомился с «подлинными» катынскими документами **только** перед своим визитом в Польшу в июле 1988 г. не выдерживает критики. Для этого рассмотрим **хронику событий горбачевского правления**. Она доказывает, что необходимость постоянно обращаться к документам по Катынскому делу для Горбачева была **насущной и практически повседневной**.

Народная Польша постоянно доставляла руководству СССР головную боль. Ситуация обострилась в 1980-х годах, когда вопросы «белых пятен» в польско-российских отношениях стали козырной картой в руках лидеров «Солидарности», рвав-

шихся к власти. Соответственно, польское руководство было вынуждено постоянно ставить эти проблемы перед Москвой.

Кратко перечислим поводы, по которым Горбачев должен был проявить желание ознакомиться с катынскими документами. Как уже говорилось, в июле 1986 г. Горбачев принимал участие в работе VIII съезда Польской объединенной рабочей партии. По утверждению помощника Генсека Черныева, при рассмотрении на Политбюро ЦК КПСС итогов поездки в Польшу Горбачев произнес странную безадресную фразу о том, что: «придется разобраться с Катынью».

ОСОБАЯ ПАПКА

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
тов. ГОРБАЧЕВУ М.С.

В соответствии с Вашим поручением по шифротелеграмме № 6322 о предложенных экспертах ЦКР по вопросу "белых пятен" в истории польско-советских отношений докладываю, что в архиве Политбюро ЦК КПСС имеются следующие группы документов по указанному вопросу:

И. О роспуске Коммунистической партии Польши в 1938 г. и о признании этого решения ИККИ необоснованным.

II. О советско-германских секретных соглашениях, заключенных в 1939 и 1941 гг.

III. [REDACTED]

IV. [REDACTED]

V. [REDACTED]

VI. [REDACTED] (из личного архивного фонда И.В.Сталина).

VII. По так называемому "Катынскому делу".

VIII. О взаимоотношениях с польским партизанским движением.

IX. О некоторых негативных проявлениях, связанных с пребыванием советских войск в Западной Украине (1939г.) и на территории Польши (1944-45гг.).

X. [REDACTED] в период военных действий на фронтах войны в 1944-1945 годах.

Приложение: [REDACTED]

ОБЩАЯ ОТДЕЛ ЦК КПСС
В. Гусев

1 декабря 1986 г.

В ноябре 1986 г. Горбачев получил от главы Польши Войцеха Ярузельского шифрограмму с предложениями польских экспертов по вопросу «белых пятен» в истории польско-российских отношений». 1 декабря 1986 г. заведующий Общим отделом ЦК КПСС Анатолий Лукьянов специальной запиской информирует Горбачева о наличии в архиве Политбюро ЦК КПСС групп документов, касающихся этих «белых пятен». В записке фигурирует материал по так называемому **Катынскому делу**.

Весной 1987 г. на основе договоренности Горбачева и Ярузельского была создана двусторонняя советско-польская комиссия по истории отношений между двумя странами. 19—20 мая того же года она провела в Москве первое заседание. С этого момента тогдашний председатель Госсовета Польши Ярузельский стремился при каждой личной встрече с Горбачевым прояснить вопрос о «белых пятнах» и, прежде всего, о секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа и о Катынском деле.

Как отмечалось, в начале 1987 г. «закрытый пакет» по Катыни вскрывался при подготовке к рассмотрению на Политбюро «вопроса Смоленского обкома КПСС». **Вскрыть его тогда могли только с согласия Генерального секретаря.**

16 июня 1987 г. помощники Горбачева Черняев и Гусенков специальной запиской информируют Горбачева о целой серии, адресованных ему писем и телеграмм из Англии и Скандинавских стран, по поводу событий в Катынском лесу, происшедших осенью 1941 г. Известно, что эти письма были инспирированы лидерами «Солидарности», которые и в дальнейшем спекулировали на теме Катыни.

Осенью 1987 г. глава советской части совместной комиссии Смирнов направил в Центральный комитет КПСС Отчет бывшего генерального секретаря Польского Красного Креста К.Скаржиньского об эксгумации в Катыни в 1943 г., переданный ему польской стороной. Реакции Генсека не последовало.

В начале декабря 1987 г. в связи с намечаемой поездкой Горбачева в Польшу, Шеварнадзе, Яковлев, Медведев и Соколов направили в Политбюро ЦК КПСС записку по катын-

скому вопросу. В ней говорилось, что «многолетний кризис в Польше вступил в новую фазу» и страна «втягивается в длительный, чреватый серьезными социальными и политическими потрясениями период, характеризующийся борьбой за выбор дальнейшего пути развития».

Фактически это был отчаянный крик о том, что со стороны СССР необходимы конструктивные действия. Записку предлагалось 17 декабря 1987 г. обсудить на Политбюро ЦК КПСС и «внести ясность в «Катынское дело». Однако по указанию Горбачева вопрос был снят. Авторы записки в ответ лишь промолчали.

5 мая 1988 г. в связи с намечаемым официальным визитом Горбачева в Польшу на Политбюро был рассмотрен вопрос о секретных протоколах к пакту Риббентропа — Молотова. 12 мая 1988 г. секретарь ЦК КПСС В.Медведев получил текст польской экспертизы **Сообщения комиссии Бурденко**. Он был сопровожден заявлением польских профессоров, членов двусторонней советско-польской комиссии о том, что «если советская сторона и впредь будет основываться на выводах Бурденко, то польская сторона считает себя от этого свободной». Это был ультиматум. Текст экспертизы Медведев накануне визита в Польшу передал Горбачеву. Однако Горбачев вновь промолчал.

Визит Горбачева в Польшу состоялся 11—16 июля 1988 г. Генсека успокоил восторженный прием, оказанный ему поляками. Тему Катыни поляки старались не поднимать. Поэтому Михаил Сергеевич в своем выступлении перед польскими интеллектуалами в Королевском замке в Варшаве 14 июля 1988 г. ограничился лишь общим упоминанием о гибели польских офицеров в Катыни. Он заявил, что по данному вопросу идет *«исследование, по результатам которого можно будет судить, насколько оправданы те или иные суждения, оценки»*.

Однако поляки довольно быстро избавились от эйфории, вызванной визитом Горбачева и его речами о демократизации и гласности. Когда в Польше поняли, что от СССР не

следует ждать конструктивных шагов, они **взяли инициативу в свои руки**. Прежде всего, это касалось, катынской темы.

В польских СМИ были обнародованы отчет К.Скаржиньского о немецко-польской эксгумации в Катыни весной 1943 г. и текст научно-исторической экспертизы **«Сообщения...»** комиссии Бурденко, осуществленной в 1988 г. польскими историками. Соответственно, все многочисленные публикации о советской вине за расстрел польских офицеров в Катыни **обрели доказательную базу**.

6 марта 1989 г. заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. Фалин в своей записке Центральному Комитету отметил, что: **«Катынское дело будоражит польскую общественность»**. В итоге родилась записка Э.Шеварнадзе, В.Фалина и В.Крючкова в ЦК КПСС от 22 марта 1989 г. **«К вопросу о Катыни»**, в которой отмечалось, что: **«По мере приближения критических дат 1939 г. все большую остроту принимают в Польше дискуссии вокруг так называемых «белых пятен» отношений с СССР (и Россией). В последние недели центр внимания приковывается к Катыни.**

В серии публикаций... открыто утверждается, что в гибели польских офицеров повинен Советский Союз, а сам расстрел имел место весной 1940 г... эта точка зрения де-факто легализована как официальная позиция властей». В заключение предлагалось **«сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся и закрыть вопрос»** (Катынь. Расстрел... С. 576—577. Фалин. Конфликты в Кремле. С. 344).

В этой записке сомнение вызывает лишь последнее предложение. В марте 1989 г. никто из подписантов записки не обладал так называемой «реальной» информацией о виновниках катынского преступления. Зоря только через полгода предоставил Фалину свою **«Документальную хронику Катыни»** и выводы относительно возможной вины НКВД. **О каких реальных виновниках Катыни шла речь в записке, до сих пор так и не ясно.**

На основании записки Э.Шеварнадзе, В.Фалина и В.Крючкова на Политбюро в марте 1989 г. был рассмотрен во-

прос «К вопросу о Катюни». Было поручено ряду государственных и партийных инстанций в месячный срок предоставить на рассмотрение ЦК КПСС *«предложения о дальнейшей советской линии по Катюинскому делу»*.

В апреле 1989 г. Ярузельский в очередной раз прибыл в Москву. 28 апреля состоялась его встреча с Горбачевым. Информация о вопросах, обсуждавшихся на этой встрече, отсутствует до сих пор. В июне 1989 г. в Польше состоялись парламентские выборы, на которых с подавляющим перевесом победу одержали представители профсоюза «Солидарность». Поражение официальных властей несколько скрасил тот факт, что 19 июля вновь избранный польский парламент избрал (с перевесом в 1 голос) генерала Ярузельского на недавно учрежденный пост президента страны. Однако ситуация в Польше оставалась критической. Для Горбачева Польша оставалась «горячей точкой».

22 августа 1989 г. Горбачев позвонил главе польских коммунистов М.Раковскому и убедил того в необходимости сотрудничать в переходе власти к «Солидарности». В этом телефонном разговоре Горбачев призвал Раковского *«вести дело к национальному примирению»*, то есть фактически сдать на милость победителей из «Солидарности».

В начале октября 1989 г. Горбачев прибыл в ГДР на празднование 40-летия республики. 7 октября на трибуне в Берлине рядом с Горбачевым стоял Ярузельский. Бывший польский президент в интервью «Евроньюс» от 11 марта 2009 г. вспоминает, что когда демонстранты шли мимо трибуны, они кричали: *«Горби, Горби, помоги нам!»*. Тогда Ярузельский наклонился к Горбачеву и сказал: *«Все кончено, это конец!»*. Тот согласился, что это конец (<http://ru.euronews.net/2009/11/03/wojciech-jaruzelski-polands-last-communist-leader/>).

В октябре 1989 г. Горбачев принял министра иностранных дел пока еще Польской Народной Республики К.Скубишевского. В ноябре того же года Горбачев встретился с новым Председателем Совета Министров, пока еще Польской Народной Республики, Т.Мазовецким, одним из лидеров «Солидарности».

Скубишевский и Мазовецкий изложили ворох требований и претензий к СССР, в том числе и по Катыни. Даже ярые сторонники упреждающих уступок Яковлев и Шеварднадзе оценили эти требования, как **«вздорные и неприемлемые»**. В своей записке на Политбюро от 29 мая 1990 г. они предлагали выдвинуть встречные иски к Польше. Их позиция была одобрена, но Горбачев впоследствии сумел нейтрализовать выполнение этого решения Политбюро.

В ноябре 1989 г. на стол к Горбачеву ложится краткая «выжимка» из уже упомянутого исследования историка Зори **«Документальная хроника Катыни»**. Зоря упорно доказывал, что поляков расстреляли сотрудники НКВД. Эту версию поддержали В.Фалин и А.Яковлев. Горбачев в очередной раз промолчал. Лишь в начале апреля 1990 г. его намерения определились. Он согласился с предложением Фалина передать Ярузельскому списки польских узников трех лагерей НКВД.

13 апреля 1990 г., в день встречи Горбачева с Ярузельским, Политбюро рассмотрело вопрос **«О консультациях с В.Ярузельским по вопросу Катыни»** и утвердило следующий текст:

«Сов. Секретно. Для беседы с В.Ярузельским.

Сказать В.Ярузельскому следующее:

«В результате длительных поисков обнаружены косвенные, но достаточно убедительные доказательства того, что расправа с польскими офицерами в Катыни была осуществлена тогдашними руководителями НКВД.

Найденные материалы обнаружены вне пределов ведомственных архивов. В последних, к сожалению, никаких документов не сохранилось».

Тем не менее, несмотря на шаткость утверждений о советской вине, Горбачев, в канун визита Ярузельского в Москву, дает указание опубликовать заявление ТАСС, в котором НКВД СССР признается ответственным за катынский расстрел. После этого началась новая эра в советско-польском и российско-польском катынском противостоянии.

Вышеизложенный информационный материал убедительно свидетельствует, что только полностью безответст-

венный и профессионально ничтожный политик мог оставаться 6 лет в неведении по поводу материалов, по важнейшей проблеме советско-польских отношений, находящихся в подведомственном ему архиве. Возражения Горбачева о том, что пакет № 1 от него скрывали, просто не серьезен. Поскольку наличие пакета № 1 в Архиве Политбюро не являлось секретом для ряда работников, то смешно полагать, что кто-либо из заведующих Общим отделом (до января 1987 г. — Лукьянов, потом Болдин, а с мая 1991 г. — Лаптев) рискнул бы скрыть его от Горбачева.

В декабре 1991 года на стол Горбачеву положили тот же «закрытый пакет/конверт № 1» с пометками Галкина от 15 апреля 1981 года и 18 апреля 1989 года, который хранился в архиве Политбюро и никуда не исчезал. Его «хранитель» тоже все время исправно исполнял свои обязанности и в любой момент был готов представить пакет пред светлые очи генсека. Возникает вопрос, каким чудом, по словам Горбачева, в одном и том же закрытом сверхсекретном пакете одни документы за два года превратились в другие?

В ранее приведенной цитате Горбачев утверждал, что в декабре 1991 г. он обнаружил в конверте записку Берии с предложением расстрелять поляков, на которой Сталин, подчеркнув текст, якобы написал синим карандашом «Постановление Политбюро». Однако на известной сегодня записке Берии № 794/Б надпись синим карандашом «Постановление Политбюро» **ОТСУТСТВУЕТ**. Только на последней четвертой странице записки синим карандашом была зачеркнута фамилия Берии и вместо нее вписана фамилия **Кобулова**, заместителя Берии. Утверждают, что поправку сделал лично Сталин.

Какую же записку в декабре 1991 г. видел Горбачев? Возможно, Горбачев в своих воспоминаниях что-то напутал, или же он видел другую записку Берии!? Да, странные вещи происходили с «закрытым пакетом № 1» в период с 1986 по 1991 гг. Мурин видел странные надписи на конверте, а Горбачев — на самой записке?!

Вероятнее всего, излагаемые Горбачевым и Муриным метаморфозы с катынскими документами были обусловлены

событиями, произошедшими в сентябре 1992 г, когда Ельцин решил обнародовать документы из «закрытого пакета № 1». Громогласные заявления окружения Ельцина и самого российского президента о нахождении в бывшем архиве ЦК КПСС «сенсационных» документов о подлинных виновниках катынского преступления, вынудили Горбачева и Мурина подкорректировать свои воспоминания. В противном случае их ждали бы серьезные неприятности. Жить без проблем всегда было главным девизом Михаила Сергеевича!

Ельцин и «закрытый пакет № 1»

«Закрытый пакет № 1» после его «обнаружения» в Архиве Политбюро хранился у Горбачева в сейфе до передачи его 24 декабря 1991 г. Ельцину. Однако и далее злоключения катынских документов не закончились. Продолжились они в момент передачи документов из пакета Ельцину. Александр Яковлев в книге «Сумерки» писал, что передача пакета произошла в его присутствии (см. Интернет-сайт «Правда о Катыни» <http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=139>).

По утверждению Яковлева, в закрытом пакете находились записка Берии и записки бывших председателей КГБ Ивана Серова и Александра Шелепина, а также решение Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнослужащих и гражданских лиц. Впоследствии А.Яковлев в своих интервью и мемуарах неоднократно подтверждал, что в тот день в «закрытом пакете № 1» присутствовала записка И.Серова. Однако, в официальной описи переданных Ельцину документов, датированной 24 декабря 1991 г., «записка Серова» не упоминается.

Таинственная «записка Серова» могла бы пролить свет на многие тайны Катыни, но... Верный сподвижник Никиты Хрущева Иван Серов немало «поработал» в советских архивах. Имел он отношение и уничтожению и фальсификации ряда исторических документов, обеляющих Хрущева и усугубляющих вину Сталина.

Возможно, в записке он изложил некоторые аспекты Катынского дела, которые противоречили нынешней официальной версии. В итоге она исчезла. Никакого расследования по поводу пропажи не проводилось. Складывается весьма интересная ситуация. При каждом новом вскрытии «закрытый пакет № 1» преподносил **новые документы**. Как в шкапулке фокусника. Только эти фокусы пока никого не заинтересовали.

В описи документов «закрытого пакета № 1», составленной при передаче пакета Ельцину, также не фигурируют *«протоколы заседаний тройки НКВД СССР и акты о приведении в исполнение решений троек»*, хотя они, по утверждению Шелепина, должны были храниться в «Особой папке» по Катыни. Как известно, протоколов и актов в «Особой папке» не оказалось и о них стараются не упоминать. А ведь согласия на их уничтожения, даже по официальной версии, Хрущев не давал. Правда, впоследствии выяснилось, что Хрущев не давал согласия на уничтожение никаких документов, связанных с судьбой военнопленных поляков, даже учетных дел, о чем его просил Шелепин. Но об этом позже.

Горбачев утверждает, что 24 декабря 1991 г. во время передачи документов по Катыни, он *«показал и зачитал записку Берии Ельцину в присутствии Яковлева и договорился о передаче ее полякам»* (Жизнь и реформы. Кн. 2, с. 349). После этого «закрытый пакет № 1», переданный Ельцину по акту, «исчез» до 24 сентября 1992 г. Как выяснилось, Ельцин хранил «закрытый пакет № 1» в личном сейфе, хотя по регламенту «закрытый пакет» должен был немедленно поступить на хранение в президентский архив, т. е. в бывший архив ЦК КПСС и, скорее всего, на ту же полочку, где он лежал последние 10 лет. Но и в том и другом случае он не мог затеряться.

Спустя 9 месяцев после передачи закрытого пакета Ельцину, катынские документы вновь были **обретены**. Обстоятельства нового «явления» «закрытого пакета № 1» заслуживает отдельного рассказа. Официально утверждают, что 24 сентября 1992 г. пакет был обнаружен в Архиве Президента

РФ специальной комиссией, которая должна ознакомиться с материалами, находящимися в запечатанных пакетах бывшего Архива Политбюро.

В исследовании «Катынский синдром...» рассказывается, что: *«документы оказались настолько серьезными, что их доложили Борису Николаевичу Ельцину. Реакция Президента была быстрой: он немедленно распорядился, чтобы Рудольф Пихоя как главный архивист России вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе»* (Катынский синдром. С. 386).

На самом деле процесс появления катынских документов в сентябре 1992 г. был не случайным. Об этом свидетельствует реальная история обретения этих документов. Депутат Госдумы Андрей Макаров 15 октября 2009 г. на заседании круглого стола «Фальсификация истории и исторические мифы как инструмент современной политики» рассказал подлинную историю их обнаружения. Катынские документы действительно были обнаружены в сентябре 1992 г. в самый разгар процесса по «делу КПСС» но не в Архиве, а в личном сейфе Ельцина.

Макаров рассказал, что они (вероятнее всего, с Шахраем) пришли к Ельцину. *«Мы и говорим: Борис Николаевич, фигово идет процесс по делу КПСС. Он открыл сейф, чтобы было просто понятно, как это происходит, достал оттуда 6 папок и сказал: ладно, берите. Мы смотрим при нем, что это такое. Он две отобрал обратно и говорит: нет, сегодня об этом еще рано говорить. Вот я случайно увидел название, о чем, волосы дыбом встают. А ведь в стране об этом пока вообще больше никто не знает. А вот проблема в том, что одной из тех папок, которые легли, была Катынь»* («Наше время», № 139 от 26 октября -01 ноября 2009 г).

Однако, **какая разница, когда и кем был обнаружен и вскрыт этот пакет?** Известно, что лгать о том или ином событии начинают лишь при желании скрыть какую-то неприятную правду. В нашем случае информация о том, что «закрытый пакет» почти год хранился у Ельцина, заставляет поставить неприятный вопрос. **Почему Ельцин не передал**

катынские документы польскому Президенту Леху Валенсе 21 мая 1992 года, когда тот находился в Москву с официальным визитом?

Несомненно, Валенса при личной встрече с Борисом Николаевичем вопрос о Катыни поднимал. Для поляков эта проблема в отношениях с Россией всегда была первостепенной важности. Но, видимо, тогда Ельцин обошелся общими рассуждениями и о катынских документах в своем сейфе и промолчал.

Но уже в сентябре 1992 года Борис Николаевич первым делом дал команду направить катынские документы в Варшаву. 14 октября 1992 г. Р.Пихоя, по поручению Ельцина, вручил в Варшаве президенту Польши Л.Валенсе заверенные ксерокопии всех обнаруженных документов. Второй комплект ксерокопий А.Макаров и С.Шахрай в тот же день представили в Конституционный суд РФ, где они оказались весьма кстати.

В то время Конституционный суд рассматривал известное «дело КПСС». Документы из «закрытого пакета № 1» стали преподноситься сторонниками Ельцина как главное доказательство «бесчеловечной сущности» коммунистического режима. Удивительно, но такие внезапные политические актуализации сопровождают всю историю катынских документов. Они приобрели исключительное свойство — появляться в нужный момент и в нужное время.

В этой связи следует повторно задаться вопросом, что мешало Ельцину передать Валенсе документы из «закрытого пакета № 1» еще в мае того же года? Хочешь, не хочешь, а приходится прислушиваться к тем исследователям, которые утверждают, что документы были «в работе» и их не успели надлежащим образом «оформить».

Поэтому необходимо более подробно рассказать о заявлениях заместителя председателя Комитета ГД по конституционному законодательству и государственному строительству Виктора Ивановича Илюхина о возможной фальсификации записки Берии Сталину № 794/Б, сделанные им в мае-июне 2010 г. (http://kprf.ru/rus_soc/79776.html).

Авторам исследования «Тайны Катыни» Виктор Иванович предоставил возможность одним из первых ознакомиться с вещественными доказательствами фальсификации документов сталинского периода. 27 мая 2010 г. на столе в его рабочем кабинете в Госдуме находились пустые бланки довоенного времени, россыпь печатей, штампов и факсимиле и архивное дело № 29 том 7 «Переписка НКГБ — НКВД с ЦК ВКП(б) в период с 02.01.1941 по 05.05.1941 г. О подготовке Германии к войне против СССР» из Спецфонда (фонд 9).

При более внимательном ознакомлении выяснилось, что на столе находилась стопка бланков НКВД СССР и Наркомата обороны СССР 1930—40-х годов. Из печатей и факсимиле запомнились два факсимиле с подписью Сталина, три факсимиле Берии, печати ЦК ВКП(б), ЦК КПСС, НКВД, КГБ СССР и даже печать германской государственной тайной полиции «Gestapo».

Следует отметить, что деревянные держатели некоторых печатей выглядели весьма «поношенными». Возможно, это были подлинные печати из Особого архива ЦК КПСС. Сильное впечатление произвели два листа бумаги, на которых заявитель, как говорил Виктор Иванович, буквально «на ходу» воспроизвел несколько вариантов подписей Берии и Молотова. Сходство с подписями, присутствующими на записке Берии Сталину, было просто поразительным.

Несколько позже заявитель передал В.Илюхину 5 листов черновиков записки Берии № 794/Б с пометками «куратора» фальсификаторов, о том какие надписи и подписи нанести на «документ». Но, главное в том, что в этих черновиках предлагалось расстрелять не 25 700, а 46 700 пленных и арестованных поляка. Но видимо, осознав, что такое количество сразу же вызовет подозрение, «куратор» от руки внес в отпечатанный текст исправления, соответствующие количественным данным, соответствующим данным известной сегодня записке Берии (см. приложение).

Заявитель сообщил Илюхину, что в начале 1990-х годов прошлого века из специалистов высокого уровня была соз-

дана группа по подделке архивных документов, касающихся важных событий советского периода. Эта группа работала в структуре службы безопасности российского президента Б.Ельцина. Территориально она размещалась в помещениях бывших дач работников ЦК КПСС в поселке Нагорный (ныне — дом отдыха «Нагорное» Управления делами Президента РФ).

Группа, по утверждению заявителя, изготовила не только упомянутую записку Берии Сталину № 794/Б и записку Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 г., но и сотни других фальшивых исторических документов. Значительное количество исторических документов были сфальсифицированы путем внесения в них искаженных сведений, а так же путем подделки подписей. Заявитель назвал фамилии известных в научном мире России людей, которые обеспечивали текстовое сопровождение фальсифицируемых документов.

Можно скептически отнестись к утверждениям заявителя, так как он пока не желает публично озвучить свои утверждения, однако оснований не верить ему немного.

Во-первых, заявитель предоставил атрибуты, доказывающие **ВОЗМОЖНОСТЬ фальсификации катынских документов**. Это, как говорилось, набор всевозможных печатей, факсимиле и оттисков, пустые бланк довоенного периода и папка со сверхсекретными документами НКВД 1941 года. О наличии пишущих машинок, карандашах, чернилах и других канцелярских принадлежностях образца 1940 года в период фальсификации, заявитель говорил, как о само собой разумеющемся.

Он также сообщил, что к фальсификации содержания катынских документов были привлечены специалисты высокого класса, а курировал эту акцию тогдашний глава Межведомственной комиссии по рассекречиванию документов КПСС **Михаил Полторанин**. Над смысловым содержанием проектов текстов фальсифицируемых документов работала группа лиц, в которую якобы входили бывший руководитель Росархива **Рудольф Пихоя** и первый заместитель руководителя службы безопасности президента **Георгий Rogozin**.

Во-вторых, заявитель продемонстрировал **СПОСОБНОСТЬ фальсифицировать** подписи руководителей того периода. Он несколько раз расписался за Берию и за Молотова. Отличить его подписи от тех, что стоят на записке Берии практически невозможно.

В-третьих, как удалось выяснить, заявитель в 1990 годы действительно вращался во властных сферах и имел доступ в весьма высокие кабинеты.

Вышесказанное подтверждает **возможности и способности** заявителя принимать участие в фальсифицировании документов сталинского периода. В этой связи вероятность того, что катынские документы из «закрытого пакета № 1» могли быть подделаны, становится чрезвычайно высокой. Особенно если иметь в виду весь букет несуразностей и ошибок в их оформлении и содержании. Поэтому необходимость в объективной и всесторонней экспертизе этих документов становится крайне необходимой.

Однако в отсутствии реальных контраргументов критики Илюхина сосредоточились на факте скрытия личности заявителя. Раз нет заявителя, значит нет и прецедента для официальной реакции на заявление депутата. На самом деле **заявитель готов сделать свои признания публично, но только в рамках начавшегося официального следствия и при наличии серьезных гарантий его личной безопасности**. Он не желает разделить судьбу известного майора Дымовского, который, как пытаются это представить, по недоумию и тщеславию решил оклеветать наши славные органы МВД и в итоге на какое-то время даже оказался в заключении.

После известных заявлений российского руководства о безусловной вине Сталина за гибель тысяч польских военнопленных, заявитель предпочел прервать контакты с Илюхиным. Его можно понять.

Вызывает удивление отсутствие реакции официальных властей на заявление Илюхина, сделанное на пленарном заседании Государственной Думы 16 июня 2010 г., о фальсификации исторических документов советского периода, (<http://www.viktor-iluhin.ru/node/293>). Это заявление предпочли, как

бы не заметить. Однако, если бы в Думу явился фальшивомонетчик, принес фальшивое клише 1000-рублевой купюры и указал бы места, где он сбывал поддельные купюры. **Надо полагать, что прокуратура в тот же день возбудила бы уголовное дело, несмотря на последующее исчезновение самого фальшивомонетчика. И**

В ситуации с заявлением Илюхина речь идет о не менее важном для России событии — фальсификации целого периода отечественной истории, однако власти молчат. Молчат и те господа, чьи фамилии фигурируют в заявлении о фальсификации документов. Не слышно даже обязательных в таких случаях дежурных заявлений о том, что они вынуждены будут обратиться в суд для защиты своей чести и достоинства. Все опровержения сводятся к чисто «базарным» заявлениям в Интернете от близких к «Мемориалу» историков и журналистов по типу: все это брехня, мелкое хулиганство, Илюхин — известный аферист и т. д. и т. п. Для опровержения обвинения в таком серьезном деянии, как фальсификация, реакция весьма странная!

Единственный серьезный «разбор полетов» попытался учинить Владимир Тихомиров в статье *«Исправленному — не верить!»*, опубликованной в журнале «Огонек» (№ 24 (5134) от 21.06.2010). Он заявил, что *«пустые бумажки с бланками Политбюро и старинные канцелярские печати можно купить у антикваров на Измайловском рынке, а факсимиле Сталина продается на потеху интуристам чуть ли не на каждом углу Арбата»*. Однако, как известно, в России и оружие можно купить. Однако каждый выявленный факт нелегальной продажи или покупки оружия неизбежно ведет к уголовному делу. А в нашем случае речь идет о деле чрезвычайной важности — фальсификации истории России.

Не вызывают должного пиетета рассуждения бывшего руководителя Росархива Рудольфа Пихоя, привлеченного Тихомировым в качестве «эксперта» по делу о фальсификации. Они не профессиональны и явно натянуты. Так, Рудольф Германович заявил о невозможности фальсифицировать кремлевские катынские документы.

По его словам: «Документы правительственных организаций или ЦК никогда не выходили в единственном экземпляре, с них снимаются копии, которые хранятся и в Государственном архиве Российской Федерации, и в Российском государственном архиве новейшей истории, и в Архиве социально-политической истории, и в других ведомствах. Ну и потом, допустим, подделаете вы один-два документа, а куда прикажете девать сотни и тысячи документов, хранящихся в десятках ведомств, которые полностью противоречат этой фальшивке? Ведь о расстреле польских офицеров свидетельствует не только справка Берии или там того же Шелепина, но и десятки тысяч других документов: рапорты конвоя, списки конвоируемых, накладные на выдачу продовольствия, отчеты о служебных командировках сотрудников НКВД, справки о расходовании боеприпасов...».

Однако Пихоя лукавит. Ему прекрасно известно, что кремлевские документы являются **ЕДИНСТВЕННЫМИ** документами, в которых прямо говорится о **РАССТРЕЛЕ** поляков. Количество отпечатанных копий главного катынского документа — записки Берии Сталину № 794/Б и выписок из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б), известно. Известны и архивы, в которые были направлены эти копии. Поэтому ситуацией с кремлевскими катынскими документами при желании можно легко управлять и в нужный момент предъявлять нужные документы и их копии.

Документы: рапорта конвоя, списки конвоируемых, накладные, отчеты, к которым апеллирует Пихоя, свидетельствуют только о транспортных передвижениях военнопленных поляков и сотрудников НКВД, но не о расстреле. Точно такой же комплект документов оформлялся и при простом этапировании осужденных польских военнопленных в места лишения свободы! Факт расстрела поляков подтверждается только в записке Шелепина Хрущеву. Она была написана в **ЕДИНСТВЕННОМ** экземпляре.

Ясно, что, если из доказательной базы публичного Катынского дела изъять кремлевские катынские документы, то озвучиваемая официальная версия просто «рассыплется». Не

сомненно, г-ну Пихоя это тоже хорошо известно. Удивительно, что он не сослался на экспертизу катынских документов, проведенную 1992 г. в Кремле, и, которая якобы подтвердила их подлинность. Эту экспертизу сторонники официальной версии всегда выдвигают в качестве последнего решающего аргумента. Независимые исследователи жаждут ее увидеть, но экспертизу упорно скрывают. Почему?

Известно, когда на обозрение публики выставляется некий предмет, имеющий художественную или историческую ценность, но спорное происхождение, неизменно атрибутом демонстрации является свидетельство об экспертизе. Почему же в случае с катынскими документами не поступили также? Возможно, тогда бы и споров не было. Особенно, если в экспертизе помимо графологии и криминалистики, присутствует аргументированное объяснение многочисленных нарушений и ошибок, допущенных в оформлении и содержании документов из «закрытого пакета № 1».

И совсем уж дурно пахнут попытки Тихомирова перейти на личность Илюхина, заявляя о том, что он якобы связан с криминалом. Это стандартный прием подлинных фальсификаторов от истории и журналистики. Когда отсутствуют аргументы, в ход пускается личностный компромат. Но в данном случае он не работает. Илюхин успешно выигрывает судебные процессы против тех СМИ, которые размещают подобную клевету. Добавим, что в июне 2010 г. телезрители России в рамках опроса, проводимого телекомпанией «Авторское Телевидение», третий год подряд выбрали Виктора Ивановича Илюхина, как лучшего в номинации «Самый честный». Господину Тихомирову о подобном, видимо, и мечтать не приходится.

Несомненно, если будет начато официальное расследование фактов фальсификации катынских документов из «закрытого пакета № 1», то достоянием гласности станут еще более ошеломляющие факты искажения целого периода советской истории. К сожалению, как нередко бывало в истории России, дело о фальсификации катынских документов могут «замять». Вспомним, как в 1992 г. замолчали итоги расследования акции по поиску «золота КПСС». «Демократы», при-

шедшие во власть, широко разрекламировали начало этой акции. Ее инициировал тогдашний премьер Егор Гайдар. Дело было поручено всемирно известной детективно-консалтинговой фирме «Kroll Associations».

Фирма провела действительно огромную работу, в которой были задействованы как минимум 15 лучших сотрудников. Петр Авен, тогдашний министр внешних экономических связей РФ, информируя президента Ельцина о работе «Кролла», подчеркнул, что *«первые результаты очень обнадеживают»* В итоге фирма «Кролл» представила Гайдару обширный отчет. Денег КПСС «Кролл» не обнаружил. Зато выявила фамилии российских чиновников и политических деятелей «новой волны», успевших открыть в зарубежных банках весьма внушительные счета. А далее **Отчет бесследно исчез!**

Видимо, во многом потому, что в этом списке, по утверждению первого официального советского миллионера времен перестройки Артема Тарасова, фигурировали фамилии Гайдара, Бурбулиса и не только их («Золото партии. Мифы и реальность». ТВ Сов. Секретно. 27.07 2010). Надо полагать, там присутствовали фамилии многих «уважаемых» в демократической России людей. С тех пор ни одно российское ведомство не может похвастать тем, что оно располагает Отчетом фирмы «Кролл». Соответственно, результаты расследования о золоте КПСС и российских нуворишах, работавших под демократов, до сих пор являются тайной.

Еще более изощренно поступили с **Отчетом Счетной палаты РФ о приватизации в России в 1993—2003 гг.** О сенсационных выводах в отношении разграбления национального богатства России, содержащихся в Отчете, говорилось много. Ждали обсуждения этого Отчета на заседании Государственной Думы в конце осенней сессии 2004 г. Но оно не состоялось. В итоге Отчет представили российской общественности, как некое *«экспертно-аналитическое мероприятие»*.

Точку в этом деле поставил президент России В.Путин. Он предложил в апрельском (2005 г.) послании Федеральному Собранию заменить существовавший 10-летний срок исковой давности по сделкам приватизации жилищного фон-

да, государственного и муниципального имущества, трехлетним. Федеральное Собрание РФ в июле 2005 г. приняло соответствующий закон. Итоги грабительской приватизации национального достояния России, созданного неимоверными усилиями и жертвами сотен миллионов советских людей, прежде всего, в XX столетии, были узаконены.

Создание налогового рая в России для новоявленных капиталистов привело к тому, что вместо хозяйствующих субъектов образовалась каста скороспелых миллиардеров, девизом которых стало выражение: «У кого нет миллиарда, может идти в ж...!». О «черной» приватизации 1990-х годов сегодня в России предпочитают не вспоминать. Проблема, как бы исчезла сама собой.

Примечание. В консервативной Англии, где частная собственность является «священной коровой», в 1997 г. были пересмотрены итоги приватизации 1980 г., проведенной правительством Тэтчер. Кампании, получившие в собственность государственное имущество по заниженной стоимости, должны были выплатить в бюджет налог «Windfall Tax» (в переводе «налог на порыв ветра»), равный 23% от разницы между стоимостью приватизированного имущества в 1997 г. и его продажной ценой в 1980 г.

Подобное замалчивание может произойти и в случае скандала с фальсификацией исторических документов. Желающих спустить это дело «на тормозах» найдется немало. Ведь по итогам расследования придется применить достаточно жесткие меры в отношении организаторов этой преступной акции. А это весьма «уважаемые» в России люди. Допустят ли их опекуны подобную «расправу»? Поживем, увидим!?

Но вернемся к катынским документам из «закрытого паке́та № 1». Осенью 1992 г. они оказались весьма кстати для президентской стороны при рассмотрении в Конституционном суде «дела КПСС». 14 октября 1992 г. копии этих документов были переданы в Конституционный суд. Однако, Председатель КС В.Зорькин и члены КС, исходя из странно-

стей в оформлении и содержании представленных в черно-белых ксерокопиях документов, усомнились в их подлинности и исключили «катынский эпизод» из рассмотрения. В этом нет ничего удивительного, поскольку у юристов, привыкших к строгости и безупречности исполнения советских государственных и партийных документов, уровень исполнения и содержание катынских документов вызвал недоумение.

Обнаружение в 1992 г. «исторических» документов по Катыни сопровождает шлейф труднообъяснимых странностей. При передаче документов Л.Валенсе Р.Пихоя публично заявил в Варшаве, что, якобы, президент Ельцин узнал о документах только после возвращения из Бишкека 11 октября 1992 г. Но спустя несколько дней, уже в Москве, тот же Пихоя в официальном интервью сказал представителю Польского агентства печати, что Ельцин знал о содержании документов с декабря 1991 года.

Ситуацию еще больше запутал Ельцин, который 15 октября 1992 г. в своем интервью польскому телевидению заявил, что в «закрытом пакете № 1» по Катыни, который передал ему Горбачев, *«постановления Политбюро не было»*. Но тогда каким образом оно оказалось в «коллекции документов», переданных Л.Валенсе и в Конституционный суд РФ? В ответ на вопросы Ельцин лишь загадочно буркнул: *«В конце концов мы его нашли»*. В какой период оно отсутствовало, когда, где и кто его обнаружил, осталось невыясненным (Бушин. «Преклоним колени, пани...». Минск. «Мы и время», № 27—28, июль 1993 г.).

В том же интервью польскому телевидению Ельцин, напирая на нравственную сторону Катынского дела, воскликнул: *«Сколько же надо цинизма, чтобы скрывать правду полвека! Каким же цинизмом должны были обладать Горбачев и Ярузельский!»*. Оскорбленный Горбачев не остался в долгу и с присущей ему патетикой заметил: *«Почему Ельцин молчал почти десять месяцев? Почему не передал документы Леху Валенсе, когда тот минувшей весной приезжал в Москву и посетил Катынь? Каким же цинизмом надо обладать!»*.

Когда заходит разговор о возможной фальсификации кремлевских катынских документов, большинство недоуменно пожимают плечами — разве можно вбросить фальшивку в закрытые сверхсекретные архивы. Однако мировая история свидетельствует, что именно такие архивы (государственные или частные) нередко являются тем каналом, по которым в публичное обращение вбрасываются фальшивки, так как в этом случае статус хранения придает фальшивке нужную легитимность.

В этой связи напомним одну давнюю историю. Известно, что еще до Второй мировой войны в русско-эмигрантской среде обсуждалось письмо заведующего Особым отделом департамента полиции полковника А.Еремина о том, что Сталин в 1906 г. стал агентом Охранного отделения. Повторно эта информация была реанимирована весной 1956 г., когда дочь Льва Толстого на пресс-конференции в Нью-Йорке заявила об этом письме.

В марте 1989 г. некий Г.Арутюнов заявил, что он в Государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) якобы обнаружил «письмо Еремина». Однако доктор исторических наук А.Островский доказал ложность этого заявления и факт фальсификации этого письма. В письме Еремина начальнику Енисейского охранного отделения А.Ф.Железнякову фальсификаторы допустили ряд грубейших ошибок.

Во-первых, письмо Еремина не могло находиться в ЦГАОР, поскольку там отсутствует фонд Енисейского охранного отделения. Во-вторых, Железняков был не Алексеем Федоровичем, как его именовал в письме Еремин, а Владимиром Федоровичем. В-третьих, письмо за подписью Еремина датируется 12 июля 1913 г., в то время как Еремин с 11 июня 1913 г. был назначен начальником Финляндского жандармского управления. В-четвертых, за Особым отделом, которым руководил Еремин были закреплены исходящие номера, начиная

с 93001. Исходящий номер «письма Еремина» был 2898. Все признаки фальсификации налицо.

Вызывает удивление определенная схожесть «проколов» фальсификаторов, допущенных при фабрикации «письма Еремина» и ошибки имеющие место в письма Берии Сталину № 794/Б от «_» марта 1940 г. Это конечно не значит, что оба письма фабриковала одна и та же группа. Но, как отмечал упомянутый Владимир Козлов в книге «Обманутая, но торжествующая Клио», подобные ошибки наиболее часты в фальсификатах.

Ну, а как же дело обстоит с кремлевскими документами? Бывшие работники Общего отдела ЦК КПСС в частной беседе с автором вначале полностью исключили возможность фальсификации документов из «закрытых пакетов». Но и они были вынуждены признать, что возможность такой фальсификации существовала, если в этом были заинтересованы первые лица партии и государства.

Напомним историю о том, как Горбачев в 1989 г. ненавязчиво предлагал заведующему Общим отделом ЦК КПСС Валерию Болдину уничтожить секретный дополнительный протокол к пакту Молотова-Риббентропа. После заявления Горбачева на первом Съезде народных депутатов о том, что попытки найти подлинник секретного договора не увенчались успехом, Генсек уже не намеками, а прямо спросил Болдина, уничтожил ли тот протоколы? Болдин ответил, что сделать это без специального решения нельзя. Болдин также утверждал, что Горбачев дважды спрашивал его о том, не уничтожен ли секретный протокол к пакту?

Один из бывших сотрудников Общего отдела ЦК КПСС вспомнил любопытную деталь. По его словам, в 1991 г., накануне распада СССР заведующий VI сектором (архив Политбюро) Лолий Мошков, «портфелями носил» в кабинет заведующего Общим отделом Болдина секретные документы Политбюро, в том числе, и из «Особой папки». Делалось ли это по указанию Горбачева или это была инициатива Болдина, установить не удалось. Также неясно, все ли документы вернулись в архив в первоначальном виде?

Не меньшие возможности изымать и «корректировать» документы сохранились и у администрации Ельцина, представители которой приложили немало усилий для шельмования «советского периода» в истории. Заявления руководителей архивной службы России о *«безусловной сохранности»* всех документов из «Особых папок» и «закрытых пакетов» следует воспринимать с определенной долей скепсиса.

Вспомним, сколько подделок, дискредитирующих советский период, появилось в начале 1990-х годов. Упомянем лишь две наиболее известные фальшивки, запущенные в оборот в начале 1990-х. Так называемый совместный приказ Берии и Жукова № 0078/42 от 22 июня 1944 г. «О выселении украинцев в Сибирь» и «Справка к записке Зайкова о захоронении Советским Союзом химического оружия в Балтийском море». Обе фальшивки наделали в свое время много шума. На доказательство их поддельности у российских специалистов ушло немало времени и сил.

21 июня 2010 г. военный обозреватель газеты «Комсомольская правда» Виктор Баранец опубликовал статью «Дату начала войны Сталину сообщил сам... Гитлер?». В этой статье, со ссылкой на российского историка Сергея Брезкуна, убедительно развенчаны некоторые советские фальшивки. Оказывается знаменитая телеграмма Рихарда Зорге о том, что война начнется 22 июня 1941, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена.

Фальшивкой также является известная резолюция Л. Берии на одном из документов: *«В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармена», «Алмаза», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль как пособников провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить. Л. Берия»*. По данным российского историка Сергея Брезкуна секретных сотрудников с с вышеперечисленными псевдонимами в системе НКВД *«никогда не существовало»*.

Еще раз напомним об известной по нацистским заявлениям тройке из минского НКВД: Льве Рыбаке, Хаиме Фин-

берге и Абраме Борисовиче, якобы расстреливавших поляков в Катыни. Их также никогда не было в системе НКВД СССР.

Баранец приводит еще одну фальшивку за подписью Берии, которая много лет гуляет по печатным страницам российских изданий. Речь идет о докладной Берии от 21 июня 1941 года: *«Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В.И.Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!».*

Однако простейшая проверка выявила недостоверность и этой докладной. С 3 февраля 1941 г. НКВД был разделен на два отдельных наркомата — НКВД под руководством Берия, и НКГБ (с внешней разведкой) под руководством Меркулова. Соответственно, Берия 21 июня 1941 г. не занимался внешней разведкой и Деканозов не мог бомбардировать его «дезой».

Дезинформация и фальшивки давно стали мощным средством в борьбе не только государств, но и нейтрализации или устранении политических лидеров или общественно значимых личностей самого разного масштаба. Процесс выявления фальшивки даже при современной технике нередко растягивается на десятилетия.

86 лет назад 25 октября 1924 г., за четыре дня до всеобщих выборов, Министерство иностранных дел Англии опубликовало в газете «Дейли Мэйл» так называемое «письмо Зиновьева». «Письмо» было датировано 15 сентября 1924 г. и предназначалось руководству Компартии Англии. Оно содержало подробные инструкции британским коммунистам о том, как готовить английскую революцию, вести работу в армии, как *«поддерживать Советы»* и переманивать на свою сторону членов *«правящей»* в то время в Англии лейбористской (рабочей) партии.

После скандала с письмом Зиновьева на смену лейбористам пришли консерваторы во главе со Стэнли Болдуином. Правительство Болдуина отказалось представлять на ратификацию договоры, подписанные с Россией лейбористами, а в 1927 году разорвало с Москвой дипломатические отношения. Надежды советского правительства на заключение торгового соглашения и получение крупного займа от Англии рухнули. В то время для СССР это соглашение и заем были во сто крат важнее мировой революции!

Члены Политбюро РКП(б) были в бешенстве. 18 декабря 1924 г. они предложили *«лицу, доставившему «письмо Зиновьева», заявить о себе, причем ему «гарантировалась безопасность и безнаказанность»*. Но ситуацию осложнял тот факт, что председатель Исполкома Коминтерна Григорий Зиновьев действительно рассылал аналогичные письма коммунистическим ячейкам в различные страны мира.

В этой связи профсоюзы Англии попросили разрешения ознакомиться с материалами Коминтерна, желая снять с себя подозрения, советские руководители позволили иностранцам заглянуть в секретные архивы. В ноябре 1924 года делегация британских профсоюзов прибыла в Москву, чтобы выяснить всю правду о «письме Зиновьева». Делегация опубликовала отчет, в котором говорилось, что она изучила протоколы заседаний Исполкома Коминтерна и не нашли следов антианглийской деятельности. Документы Коминтерна свидетельствовали — Москва была довольна соглашениями с Англией и связывала свои дальнейшие планы с победой лейбористов на выборах. Поэтому Коминтерну не было необходимости в тот момент направлять британским коммунистам письмо с призывом к вооруженной борьбе. Вывод профсоюзной делегации был однозначным — *«письмо Зиновьева» является подлогом.*

Но письмом неожиданно занялась британская внешняя разведка МИ—6. Ее эксперты признали подпись Зиновьева подлинной. Это и определило судьбу письма. Точка, поставленная британскими спецслужбами, задержало расследование его подлинности на долгие 72 года.

Напомним, что публикация в августе 1923 г. аналогичного письма Зиновьева американским коммунистам сорвала признание Соединенными Штатами Советского правительства.

В 1998 г. министр иностранных дел в кабинете лейбористов Робин Кук поручил главному историку своего ведомства Джилл Беннетт (Jill Benett) провести расследование с «письмом Зиновьева» и установить истину. Беннетт получила беспрецедентный доступ к архивам британских спецслужб, изучила советские документы того времени. После года работы она представила объемистый доклад, в котором вынуждена была признать, что хотя письмо Зиновьева остается загадкой, но абсолютно ясно, что Зиновьев не мог написать такое письмо, так как Москва в то время крайне нуждалась в британском кредите. По мнению Д.Беннет, письмо было сфальсифицировано русскими эмигрантскими кругами в Латвии, которым не понравилось намерение Лондона укреплять отношения с большевиками.

Еще один пример из истории фальшивок. Весной 2008 г. европейское историко-архивное сообщество потряс крупный скандал, вызванный обнаружением в Национальном архиве Великобритании 29 фальшивых документов периода 1930—40 гг. Эти документы в корне меняли общепринятые представления о роли Великобритании в развязывании Второй мировой войны и подтверждали давно существующую версию о конфиденциальных контактах в предвоенные годы между членами британской королевской семьи и нацистами.

На «свет божий» фальшивки извлек известный английский историк Мартин Аллен (Martin Allen). Считая их достоверными, и опираясь на них, Аллен издал три книги: «Тайный замысел» («Hidden Agenda», 2002), «Обман Гитлера/Гесса» («The Hitler/Hess Deception», 2003) и «Секретная война Гимmlера» («Himmler's Secret War», 2005). В этих книгах автор сообщил о тайной передаче в 1939 г. герцогом Виндзорским (отрекшимся в 1936 году от престола английским королем Эдуардом VIII) Гитлеру секретной информации стратегического характера, позволившей немцам в 1940 г. за шесть недель завоевать Францию. Мартин изложил весьма обоснованно

ванную версию об антисоветских мотивах «бегства» заместителя Гитлера Рудольфа Гесса в Великобританию в 1941 году и т. д. и т. п.

Однако три английских исследователя — Роберт Радлей (Robert Radley), Лесли Дикс (Leslie Dicks) и Питер Бауэр (Peter Bower), к которым обратились журналисты газеты «The Sunday Times» с просьбой о проведении независимой экспертизы высказали сомнение в достоверности **использованных Мартином Алленом архивных источников.**

К чести сотрудников Национального архива Великобритании, они, в отличие от руководителей отечественного Росархива, не стали игнорировать публикации журналистов и замалчивать мнение независимых экспертов. Немедленно было назначено служебное расследование, результаты которого в 2005 г. были направлены в лондонскую полицию для возбуждения уголовного дела. Полицейское расследование подтвердило **факт фальсификации документов.** Было установлено, что сфальсифицированные документы были вброшены в архив в промежуток времени между 2000 и 2005 гг.

Расследование отметило **демонстративный, фактически издевательский характер обнаруженных подделок.** В текстах документов 1930—40 годов присутствовали обороты из современного английского языка, в телеграммы и записки фальсификаторы вставили грубые фактические неточности, поддельные подписи были исполнены карандашом и обведены чернилами. Тексты 29 различных документов, якобы составленных в разное время и в разных местах, были напечатаны всего на четырех пишущих машинках, бланки документов были выполнены с помощью лазерного принтера и т.д.

Особую пикантность скандалу придало то обстоятельство, что все выявленные 29 подложных документов находились **на спецхранении в 12 секретных архивных делах,** доступ к которым имел крайне ограниченный круг лиц. Единственным подозреваемым в изготовлении поддельных документов оказался сам Мартин Аллен, несмотря на то, что он категорически отрицал свою причастность к фальсификации.

Однако дело, в конце концов, «спустили на тормозах». Королевская прокуратура прекратила официальное расследование с формулировкой, что его дальнейшее продолжение **«противоречит общественным интересам»**. В этой связи наиболее вероятной версией появления этих фальшивок и провоцирования последующего скандала представляется **«профилактическая» операция**, проведенная британскими спецслужбами.

Дело в том, что слухи о пронацистских симпатиях герцога Виндзорского, бывшего английского короля Эдуарда VIII, и его контактах с нацистами ходят в английском обществе очень давно. А это бросает тень на современную Великобританию. В сложившейся ситуации вброс явно подложных документов по спорным историческим вопросам довоенной политики Англии, видимо, явился **своеобразной «вакцинацией» общественного мнения**.

Разразившийся скандал должен был выработать у английской общественности своего рода **«иммунитет»** против любых обвинений предвоенного британского руководства в неблагоприятных связях с Гитлером. Теперь, даже в случае появления **подлинных компрометирующих документов** по упомянутым темам, общественная реакция на них будет гораздо слабее (если будет вообще!) и предоставит руководству Великобритании значительно больше возможностей для политического маневра.

Однако, несмотря на лондонский «happy end», тема разоблачения архивных фальшивок весьма сложна и запутана. Об этом свидетельствуют драматическая и криминальная история, касающаяся **соглашения между американским президентом Джоном Кеннеди и американской актрисой Мэрилин Монро**. В Интернете уже 10 лет курсирует сенсационная новость со ссылкой на сообщение ИТАР ТАСС от 24 октября 1997 г. В сообщении утверждается, что эксперты телеканала Эй-би-си якобы выявили фальсификацию соглашения Кеннеди и Монро 1961 г., в котором президент давал обязательство заботиться о матери Монро в обмен на молчание актрисы об их связи. Подписи Кеннеди и Монро на соглаше-

нии, якобы неоднократно подвергалось экспертизе, но выяснилось, что они подлинные.

В сообщении также была изложена история выявления подделки. Эксперты якобы обнаружили, что оно отпечатано на модели пишущей машинки, которой еще не существовало при жизни Кеннеди. Само же соглашение находилось в конверте с индексом адресата, так называемым «зип-кодом». Известно, что зип-коды в США появились только через 2 года (в 1963 году) после заключения соглашения.

Однако реальная история оказалась прозаичнее. В 1998 г. американская Фемида привлекла к уголовной ответственности Лекса Кьюзака (Lex Cusack), продавшего различным покупателям в 1990-х годах более 350 раритетных документов за 7 млн. долларов, в том числе и любовные письма Кеннеди к Монро. Отец Лекса Кьюзака, Ларри, был поверенный, который с 1980 по 1984 гг. вел дела матери Мэрилин Монро, Гладис Бейкер, в 1984 г. Бейкер умерла. Лекс Кьюзак заявляет, что нашел стопку корреспонденции между Кеннеди и Монро, когда в 1991 г. начал разбирать бумаги отца. Одно из писем включало предложение о соглашении президента Кеннеди Мэрилин Монро, в котором обещалось 100.000 долл. США ее матери — инвалиду в обмен на молчание Мэрилин относительно отношений Кеннеди и Монро и взаимоотношений Кеннеди с чикагским гангстером Сэмом Джанканой.

Проблемы начались, когда кое-кто из покупателей решил проверить на достоверность купленные документы. В итоге против Кьюзака было возбуждено дело о мошенничестве и он был проговорен к 10 годам заключения. Однако полномасштабный скандал разгорелся не тогда, а лишь в 2004 г., после того как государственные юристы попросили федерального судью Манхэттена разрешить уничтожить 250 документов, находящихся в их распоряжении в качестве вещественных доказательств, из опасения, что владельцы могут их вновь перепродать. В ответ владельцы документов, которые стоили им немалых денег, заявили протест. Противостояние собственников и федеральных властей приобрело общественное звучание.

Тут выяснилось, что поддельными официально были признаны лишь 13 документов из 250. Факт использования современной печатающей машинки при изготовлении фальшивки подтвердился, как и факт использования конверта с индексом. Однако не ясно, к какому из документов они имеют отношение. Этот пример свидетельствует, насколько осторожно следует подходить к информации о фальшивках.

Современный уровень копировальной и полиграфической техники достиг такого уровня, что нередко даже специалисты эксперты не в силах отличить подделку от оригинала. Утверждение Н.Лебедевой о том, что если на третьей странице записки Берии присутствует надпись: «ОП. Вопрос НКВД», сделанная рукой Александра Поскребышева, то эта страница «*подлинная*» просто наивно.

С высокой степенью достоверности специалист — почерковед визуально способен распознать лишь подделки, выполненные на любительском уровне. Кстати, почерковедческая экспертиза и в прошлом не отличалась высокой степенью надежности. Достаточно сказать, что подлинность денежной купюры уже довольно давно определяют не по подписям, присутствующим на каждом дензнаке, а по специальным защитным «маячкам», подделать которые значительно сложнее, нежели подписи.

Одним из самых эффективных методов выявления исторических фальшивок, является метод содержательного исторического анализа, предполагающий выявление степени соответствия исследуемого документа многообразию обстоятельств той эпохи, которую он представляет. Выше приводился пример такого анализа, который осуществила английский историк Джилл Беннет. Применение содержательного исторического анализа в отношении катынских документов, позволяет с большой степенью вероятности утверждать, что их происхождение является сомнительным.

В современной России громко провозгласили о борьбе с фальсификацией истории. К сожалению, ее направленность определяют те историки и пропагандисты от истории, которые в недавнем прошлом шельмовали советское прошлое.

Это прошлое заслуживает критики, но требует не шельмования, а разумного и объективного объяснения исторических событий.

В рамках объективного подхода к истории нашей страны особую значимость приобретает выявление исторических фальшивок. Они вносят крайне негативную составляющую в формирование национального сознания россиян. Исторические фальшивки, искажая прошлое, деформируют настоящее и формируют ущербное будущее. Ситуация с расследованием катынской трагедии наглядный пример этому.

Следует заметить, что российским компрадорам от истории путь прокладывают их западные коллеги. Уже в 1957 году на научной конференции в Лейпциге «Проблемы истории мировой войны», в которой участвовало более 400 историков из ряда стран, констатировалось: *«История Второй мировой войны переписывается непрерывно, в том числе в позднейших изданиях. Изменяются и официальные документы, опубликованные ранее. Выступления Ф.Рузвельта, например, в публикациях 1950 года значительно отличаются от современных: опущены целые абзацы и изменены формулировки»*. Сегодня же этот процесс принял целенаправленный характер, особенно в плане дискредитации роли СССР во Второй мировой войне.

Экспертиза по-русски и по-австрийски

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания катынских документов из «закрытого пакета № 1», целесообразно рассказать историю со злоключениях экспертизы этих документов, осуществленной по поручению Главной военной прокуратуры РФ в 1992 г. О ней упоминается в исследовании «Катынский синдром...». Но из российской общественности ее никто и никогда не видел. Однако в сентябре 2010 г. она могла бы быть ей представлена.

Дело в том, что после размещения в апреле 2010 г. на сайте Росархива электронных сканов катынских докумен-

тов, внук Сталина Евгений Джугашвили обратился в Тверской районный суд с требованием признать не соответствующими действительности сведения, содержащиеся в этих документах.

При рассмотрении дела по существу представитель Росархива, начальник правового управления В. Мосунов заявил, что в Тверской суд **были представлены доказательства подлинности кремлевских документов в виде экспертизы ГВП**, якобы приложенной к письменному возражению Росархива на иск. Однако судья Сальникова заявила, что в деле **такой документ отсутствуют** (<http://www.umuhin.ru/node/425>).

Не вызывает сомнений, что Росархив для Тверского суда запросил из Главной военной прокуратуры акт экспертизы. Видимо, он был представлен. Но таинственное исчезновение этого акта говорит о многом. Прежде всего, это подтверждает уверенность в том, что акт скрывают из-за того, что, видимо, в нем **отсутствует квалифицированный разбор ошибок и неточностей, содержащихся в кремлевских документах**.

Это в какой-то мере подтвердил бывший руководитель следственной группы ГВП по Катынскому делу Анатолий Яблоков. 8 мая 2010 г. в радиопередаче на «Эхо Москвы», посвященной Катыни, он рассказал Сергею Бунтману следующее. *«...В начале декабря того же 1992 года я вместе с понятими, вместе с экспертами из Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны, и Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз Российской Федерации... прибыли в архив президента в Кремле, где сначала были осмотрены, описаны, сфотографированы подлинники этих документов.*

... После этого передали эти документы экспертам. Конечно, мы все делали под контролем представителя руководства архива, потому что ценность этих документов очень высокая. Мы хотели забрать их с собой, но нам не позволили это сделать, т.е. экспертизу эксперты проводили там же. Эксперты тоже сделали свои фотографии, и... одним словом, по итогам работы экспертов, мы получили постановление, точнее заключение криминалистиче-

ской экспертизы, в котором был сделан вывод о подлинности самой фактуры документа — бумаги, шрифтов, о том, что... сейчас я не могу сказать деталей этих всех, не помню...

Кроме этого, была проведена почерковедческая экспертиза. То есть, были сделаны выводы о том, что подписи Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна и Берии — это подлинные подписи» (<http://echo.msk.ru/programs/netak/677361-echo.phtml>).

Заметим, что А.Яблоков ранее, в ходатайстве в Басманный суд от 2 сентября 2009 года, утверждал, что подлинность кремлевских документов из «закрытого пакета № 1» подтвердил в ходе допроса бывший Председатель КГБ Александр Шелепин. Об экспертизе ГВП речь тогда почему-то он не упоминал.

Из рассказа Яблокова Бунтману следует, что эксперты, привлеченные ГВП, ограничились визуальным осмотром катынских документов. Вряд ли у них была аппаратура и химические реактивы, которые могли бы установить совпадение шрифтов, состав чернил и мастики на печатях и т. д. и т. п. Взять на исследование документы им не разрешили. Время для работы с документами у них было также ограничено. Одним словом, как и предполагалось, экспертиза в 1992 г., видимо, свелась к составлению протокола визуального осмотра документов из «закрытого пакета № 1».

Не вызывает сомнений, что в этом описании отсутствует разбор ошибок, неточностей и несуразностей, присутствующих в катынских документах. *Примечание. Краткий разбор этих неточностей содержится в открытом письме автора директору Государственного архива РФ Мироненко С.В. (См. журнал «Наш Современник» № 3, 2010 г. или http://www.hrono.ru/avtory/hronos/shwed_vn.php). О степени научной обоснованности экспертизы, проведенной в 1992 г., свидетельствует то, что «эксперты», привлеченные Яблоковым, не сумели выявить факта печатания известной записки Берии Сталину № 794/Б от «_» марта 1940 г. на двух машинках.*

Особо следует сказать об общей ситуации с экспертизами в России. 2006 г. россияне стали свидетелями скандала с фальсифицированными экспертизами о подлинности картин ряда выдающихся русских художников. Имена экспертов, выдававших в начале 90-х годов фальшивые заключения, **достаточно известны в художественном мире**. Так что «экспертиза» не всегда является экспертизой. Надо иметь в виду, что экспертиза «исторических» документов проходила в период, когда для шельмования «советского прошлого» использовались все средства и методы.

Возникает вопрос — почему именно «исторические» документы по Катыни сопровождается такой «букет» нарушений? Почему работавшие с ними опытнейшие сотрудники и руководители ЦК ВКП(б)-КПСС и НКВД-КГБ не именно в работе с ними допустили массу досадных ошибок и накладок? А может все же прав **ЗАЯВИТЕЛЬ**, не побоявшийся признаться В.Илюхину в своем «участии» в фальсификации катынских документов? Ответить на эти вопросы может только **тщательная, независимая и, желательно, международная экспертиза**.

Утверждения экспертов ГВП и историков-катынцев о том, что подписи Сталина и др. на записке Берии являются подлинными, вызывают лишь улыбку. Напомним, что ведущий российский специалист в области разоблачения фальшивок, бывший глава Росархива Владимир Козлов в книге **«Обманутая, но торжествующая Клио»** при определении подложности исторических «документов» даже не рассматривает такие признаки, **как подлинность подписей и печатей**, поскольку при существующей технике копирования, основанной на применении достижений научно-технического прогресса, качественно исполненную фальшивую подпись **эксперт-криминалист не способен распознать**.

Автор статьи не отождествляет себя с экспертом. Однако, когда депутат Илюхин в мае 2010 г. продемонстрировал С.Стрыгину и автору лист бумаги, на котором «заявитель» практически «на ходу», изобразил несколько вариантов подписей Берии и Молотова, это впечатлило. Сходство с подпи-

сями, присутствующими на записке Берии Сталину № 794/Б, было просто поразительное.

Дабы представить, насколько некоторые фальсификаты имитируют подлинность документов, следует привести несколько примеров. 16 мая 2008 г. РИА Новости сообщила о смерти ветерана службы внешней разведки СССР и России 94-летнего Павла Громушкина. Именно он во время Великой Отечественной войны готовил легенду и немецкие документы на имя Пауля Зиберта, которые использовал легендарный советский разведчик Николай Кузнецов. **«Более 100 раз спецслужбы фашистской Германии, в том числе, и гестапо, проверяли документы Кузнецова и не разу не заподозрили ничего подозрительного»,** — вспоминал П.Громушкин.

С документами, изготовленными Громушкиным, советский разведчик Рудольф Абель (Вильям Фишер) более десяти лет работал в США. Но самый уникальный случай произошел в Австрии. Там задержали советского разведчика, у которого были документы, изготовленные Громушкиным. Коллеги Громушкина рассказывали: **«После проведения специальных экспертиз было установлено, что документы, которые представил задержанный, были настоящими. Правда, чиновники так и не смогли вспомнить, когда они их подписывали. Нашего разведчика отпустили».** Сам Громушкин рассказывал журналистам, что подобных случаев в его практике было более двух-десятков (http://www.pohoroni.info/nekrolog-gromushkin_pavel_georgievich/).

В связи с вышеизложенным, катыноведам, постоянно подчеркивающим «подлинность» кремлевских документов, следовало бы помнить знаменитое изречение Шекспира **«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»** (Гамлет). Когда за дело берутся «тайных дел» мастера, то даже невероятное становится реальным. Свидетельств о присутствии таких «мастеров» в Катынском деле с каждым годом становится все больше.

Ну, а теперь расскажем об независимой экспертизе шрифта ранее упомянутой записки Берии Сталину № 794/Б от «__» марта 1940 г. Она была осуществлена в 2009 г. по инициа-

тиве упомянутого С.Стрыгина. Один из ведущих экспертов системы МВД РФ Эдуард Молоков установил, что первые три страницы записки напечатаны на одной пишущей машинке, а четвертая страница — на другой. Также было установлено, что шрифт четвертой страницы **встречается** на ряде заведомо подлинных писем НКВД 1939—40 гг., а **шрифты первых трех страниц не встречаются ни в одном из выявленных к настоящему времени подлинных писем НКВД того периода**(текст экспертизы Молокова см. в «Приложение» или на <http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=946>).

Заметим, что именно на первых трех страницах записки содержатся сведения, возлагающие ответственность за принятие решения о расстреле 25.700 польских граждан на Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным. Ну, а сам факт печатания документа такого уровня, как записка Берии Сталину на двух машинках является просто невероятным.

Ну, а если в этой связи вспомнить о черновиках записки Берии, полученных в 2010 г. депутатом В.Илюхиным от «заявителя», то вырисовывается логическая цепочка...

Исторические документы

Кремлевские документы из «закрытого пакета № 1», свидетельствующие о вине советского руководства за расстрел польских военнопленных весной 1940 г. сыграли решающую роль в Катынском деле. Более весомого аргумента, да еще из сверхсекретного архива, трудно и представить. В этой связи документы из «закрытого пакета № 1» часто называют **«историческими»**.

Первой про **«историчность»** катынских документов заговорила польская сторона, стремясь тем самым дополнительно усилить **их политическую и юридическую значимость**, а также лишний раз подчеркнуть тот факт, что опубликование этих документов как бы **подвело окончательную черту** под научными дискуссиями историков по Катыни.

Придание документам из «закрытого пакета № 1» статуса **«исторических»** позволило во многом обесценить и дезавуировать весь остальной массив информации по Катынскому делу. На содержащиеся в этом массиве многочисленные факты, доказывающие причастность нацистской Германии к катынскому преступлению, просто перестали обращать внимание.

После обнародования **«исторических документов»** в польско-российских отношениях начался **новый этап**. Теперь, при появлении свидетельств, серьезно подрывающих польскую точку зрения на Катынское дело, польская сторона апеллирует к документам «закрытого пакета», как к истине в последней инстанции.

Главный редактор журнал **«Новая Польша»** профессор Ежи Помяновский, к примеру, призывает **«...извлечь гласные правовые последствия из памятного, заслуживающего уважения акта высших российских властей. Президент Российской Федерации Борис Ельцин вручил исторические документы — в том числе постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года — президенту Польши Леху Валенсе, торжественно подтвердив, что польские офицеры, интернированные в Старобельске, Козельске, Осташкове, были казнены весной 1940 г. по приказу Сталина»** (Новая Польша. № 5, 2005).

Правда, Е.Помяновский допустил традиционную польскую неточность. Президент Ельцин лично не вручал документы Валенсе. Однако польскому профессору уж очень хотелось до предела повысить статус события. Это, между прочим, характерный для Катынского дела пример — беззастенчивое искажение польской стороной, казалось бы, всем известных фактов.

Кстати, о втором катынском пакете, в котором находился оригинал **«Сообщения...»** комиссии Н.Бурденко и научно-историческая экспертиза польских профессоров 1988 г., и польская сторона и отечественные катыноведы предпочитают умалчивать. Об этом пакете известно лишь то, что он 20 мая 1992 г. был предъявлен директором Центра хранения со-

временной документации Р.Усиковым прокурору Главной военной прокуратуры РФ С.Радевичу и эксперту ГВП историку Н.Зоре (Катынский синдром... С. 381).

В этой связи следует сделать еще одно замечание. Вызывает удивление тот факт, что «закрытые пакеты» по Катыни в 1992 г. хранились раздельно. Почему? Ведь все «закрытые пакеты» по одной тематике в VI секторе Общего отдела ЦК КПСС всегда хранились в одном месте.

Термин «исторические» предполагает абсолютную историческую достоверность документов. Но в случае с катынскими документами это не так. Вопиющая небрежность в их оформлении, недопустимая для аппарата ЦК ВКП(б) и КПСС, ошибки и противоречия в содержании, загадочные перерывы в хранении заставляют ставить вопрос о степени надежности и достоверности информации, содержащейся в кремлевских документах.

Важнейшим документом пакета № 1 является записка Берии Сталину № 794(Б) от «_» марта 1940. Она одновременно считается постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. В этой связи записка Берии требует обстоятельного и глубокого анализа. Учитывая, что все ошибки в оформлении и содержании этой записки, катыноведы объясняют практикой внесения документов на Политбюро ЦК ВКП(б), проанализируем эту практику позднее.

Прежде всего, выясним правомерность применения термина «исторические» к выпискам из протокола заседания № 13 Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и записку А.Шелепина. Итак, выписки с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. В закрытом пакете их было обнаружено две. И обе оформлены с грубейшими нарушениями требований тогдашнего партийного делопроизводства

Так, на выписке, которая якобы дважды направлялась Берии, отсутствует печать Центрального Комитета ВКП(б) и оттиск факсимиле Сталина. В то же время заверение партийного документа печатью ЦК, по словам бывших сотрудников Общего отдела ЦК КПСС, было особой процедурой и

имело маленькую тайну. Необходимо было поставить печать № 1, а именно она предназначалась для партийных документов, так, чтобы она захватывала первые три буквы слова «Секретарь». Это предполагало особое внимание со стороны сотрудников Общего отдела к данной процедуре.

Тем не менее, на выписке для «Тов. Берия» отсутствует и эта печать и оттиск факсимиле секретаря ЦК ВКП(б). Фактически это не документ, а **простая информационная копия**. Направление исполнителю (Берии) незаверенной выписки противоречило элементарным правилам работы не только партийного аппарата ЦК, но и любого советского учреждения. Для примера напомним, что **даже копия банального приказа о поощрении работника, считалась недействительной, если ее не заверили в отделе кадров**.

Однако катыновед Н Лебедева утверждает, что выписки из протокола решения Политбюро от 5 марта 1940 г., *«оформлены по всем канонам того времени. Они напечатаны на специальном типографском бланке для выписок из протоколов высшей партийной инстанции и на обороте заверены подписью технического секретаря Политбюро Хряпкиной, которая стоит и на многих сотнях других выписок из решений Политбюро»* (См. «Правда о Катынской трагедии». Сайт фонда «Возвращение»).

Подобные утверждения более чем странны. Полагать, что **регистрационные записи на оборотной стороне выписки, которые делала Хряпкина, придали юридическую силу** самому документу, это нечто новое. Регистрационные отметки делаются на многих документах, в том числе и на анонимках. Но это не повод, чтобы считать анонимку документом, имеющим юридическую силу.

Следует отметить, что сам протокол № 13 («Особый № 13»), содержащий решения Политбюро ЦК ВКП(б) за 17 февраля — 17 марта 1940 г. **заверен надлежащим образом**. На нем стоит факсимильная подпись И.Сталина, скрепленная красной круглой печатью ЦК ВКП(б) с надписью «Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков». Во внутреннем круге две буквы — «ЦК» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 27, л. 54).

Весьма странным также является то обстоятельство, что выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. с решением по «Вопросу НКВД СССР» были **отпечатаны на бланках с красно-черным шрифтом, которые весной 1940 г. уже не использовались.** Более того, эти бланки были не просто устаревшими. Они изначально предназначались для совершенно других выписок, текст которых из-за своего большого размера не помещался на одном бланке формата А4 и по этой причине печатался на двух и более страницах!

В левом верхнем углу типографских бланков периода 1930-х годов красным шрифтом напечатано предупреждение «Подлежит возврату в течение 24 часов во 2-ю часть Особого Сектора ЦК». Сбоку красным шрифтом напечатано указание, сформулированное Пленумом РКП(б) от 19.VII.1924 г. «...Отметка и дата ознакомления на каждом документе делается лично товарищем, которому он адресован, и за его личной подписью...» (РГАСПИ, ф.17, оп.166, д.621, л.134).

На бланках, которые использовались в ЦК ВКП(б) в феврале — марте 1940 г. предупреждение, как и весь текст на бланке был напечатан черным шрифтом. Указание Пленума было перенесено на обратную сторону и также отпечатано черным шрифтом. Но выписки из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. по неизвестной причине, были отпечатаны на бланках старого образца.

В соответствии с требованиями ЦК, Берия, ознакомившись с присланной выпиской, должен был расписаться на ней и незамедлительно вернуть ее в «Особый Сектор ЦК». Но на выписке, адресованной Берии, **нет отметок о его ознакомлении с документом!** Зато на оборотной стороне этого экземпляра имеется отметка о дополнительном направлении Берии данной выписки 4 декабря 1941 г. Однако отметка о декабрьском ознакомлении Берии с документом также отсутствует!

Немало вопросов возникает и после ознакомления с экземпляром выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., направленным в феврале 1959 г. Председателю КГБ А.Шелепину. Этот экземпляр так-

же был отпечатан в марте 1940 г. Однако, с него удалили дату **5 марта 1940 г.** и **фамилию старого адресата**, после чего в текст ввели новую дату **27 февраля 1959 г.** и **фамилию Шелепина**. Согласно правилам партийного делопроизводства исходящая дата и фамилия адресата указывались только в сопроводительном письме к архивному документу, но ни в коем случае на архивном документе!

Получившийся уродливый бюрократический гибрид, ставший **выпиской из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 27 февраля 1959 года с решением от 5 марта 1940 г.**, документом считаться не может. Заметим, что к **февралю 1959 года** ВКП(б) была уже переименована в КПСС, а высшим партийным органом являлся Президиум ЦК КПСС.

Грубейшим нарушением требований инструкций по архивному делопроизводству является отметка синими чернилами «Возвр. 27/II—59 г.» на лицевой стороне «выписки для Шелепина». Работники архивов имели право делать на архивных документах отметки только в единственном случае и в единственном месте документа — при переброшюровке архивных томов в правом верхнем углу вписывать **простым карандашом** новый номер листа. На этом документе также отсутствуют какие-либо **отметки Шелепина об ознакомлении**.

Невероятным является то, что в обеих выписках из протокола Политбюро от 5 марта 1940 г. фамилия «Кобулов», которую Сталин якобы лично вписал в записку Берии, ошибочно напечатана через «а» — «Кабулов». Могла ли осмелиться в то время машинистка **«поправить»** вождя?

Судя по отметкам на этом документе, в марте 1940 г. машинистка Н.Ксенофонтова отпечатала 4 экземпляра выписки с решением Политбюро от 5 марта 1940 г. Несколько позднее были допечатаны (с неизвестной целью) еще два экземпляра. Из указанных шести отпечатанных экземпляров, **2 экземпляра были уничтожены 15 ноября 1956 г.**

Примечание: Надо заметить, что именно в этот день вновь избранный Первый секретарь ЦК ПОРП В.Гомулка прибыл с визитом в Москву для встречи с Н.Хрущевым. Склады-

вается впечатление, что все эти хитроумные манипуляции с дополнительными экземплярами выписок были каким-то образом связаны с визитом Гомулки, о котором мы скажем особо.

При анализе ситуации с выписками из протокола Политбюро, возникают вопросы. Куда исчезла оригинальная выписка, которую направляли Берии в марте 1940 г. и в декабре 1941 г., и на которой он обязан был дважды расписаться? С какой целью незаверенная информационная машинописная копия выписки была оформлена, как якобы направленная Берии? Почему именно эта копия хранилась в «закрытом пакете» вместо оригинала?

Известно, что систему партийного делопроизводства копировали все советские учреждения, в том числе и НКВД. Бывший помощник Председателя КГБ СССР Станислав Лекарев в статье «Секретно» или «совершенно секретно» («Аргументы недели» № 8/198 от 4 марта 2010 г.) рассказал о системе секретного делопроизводства в КГБ.

Черновики и тождественные им информационные копии в КГБ «хранились в специальной папке... Любой другой не уничтоженный черновик рассматривался, как незарегистрированная бумага с секретной информацией — тяжчайшее должностное преступление! Уничтожались черновики путем сжигания, при этом регистрировалось все-какой документ, кем подготовлен, дата уничтожения, количество страниц, кто при сжигании присутствовал».

Как было доказано, выписки из протокола Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. являлись незаверенными информационными копиями. Их приравнивали к черновикам. В таком случае почему их не уничтожили и именно они хранились в «Особой папке»?

Непростой, по словам Лекарева, была в КГБ и процедура сдачи дел в архив: «Это была долгая процедура со сверкой всех страниц, всех отметок, входящих-исходящих». Это напомнило мне, весьма нелюбимую в райкомах партии, процедуру сдачи протоколов заседания бюро в партийный архив. Сотрудницы общего отдела райкома партии за несколько дней буквально худели от придинок принимающих архив-

ные дела. А в ЦК КПСС, оказывается, можно было сдать в Архив Политбюро, не только должным образом незаверенные документы, но еще и с множеством ошибок?! Свежо предание, да верится с трудом!

Кстати, достоверность катынских выписок из протокола Политбюро ЦК ВКП(б) можно проверить простейшим образом. Для этого их достаточно отнести в нотариат. **Никакой нотариус не признает эти выписки подлинными.** Жене автора настоящего исследования, пытавшей получить в Москве заверенную копию свидетельства о рождении, отказали на том основании, что в оригинале оказалась **не читаемой одна цифра из даты рождения.**

Важнейшим подтверждением факта расстрела сотрудниками НКВД в 1940 г. 21.857 польских граждан считается записка Председателя КГБ Александра Николаевича Шелепина Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву за № 632-ш от 3 марта 1959 г. Ее подписанта представляют, как важнейшего свидетеля катынского преступления.

Однако анализ содержания записки показывает, что вряд ли автор записки (Шелепин не был автором, он ее лишь подписал) **обладал объективной и достоверной информацией** относительно реальных обстоятельств расстрела польских военнопленных и граждан. Этот вывод можно сделать из того, что записка, помимо грамматических и орфографических ошибок, содержит многочисленные неточности и явные ошибки о местах расстрела поляков, составе расстрелянных, о международном признании выводов комиссии Бурденко и т. п. В записке ни слова не сказано о причинах не выполнения в полном объеме (расстрелять 25700 человек) решения Политбюро.

Известно, что в аппарате КГБ СССР было запрещено говорить о Катынском деле. Но, как всегда, среди сотрудников «ходили слухи». Создается впечатление, что часть информации об обстоятельствах расстрела поляков в записке Шелепина была почерпнута не из достоверных источников, а из этих слухов. В этой связи она вряд ли может считаться на-

дежным историческим документом, не говоря уже о вышеупомянутых выписках.

Несмотря на все вышеизложенное, следует подчеркнуть, что документы из «закрытого пакета № 1», на первый взгляд, выглядят очень убедительно и вызывают уважение даже у опытных архивистов. Они отпечатаны на подлинных типографских бланках (за исключением «записки Шелепина»), на них проставлены разноцветные мастичные оттиски различных штампов и печатей, стоят росписи членов Политбюро, подпись наркома Берия и технические пометки сотрудников аппарата. «Записка Берии» вдобавок к этому отпечатана на специальной бумаге с водяными знаками.

Тем удивительнее, что при всей своей внешней солидности, документы высочайшей государственной значимости из «закрытого пакета № 1» по Катynie содержат целый набор нарушений существовавшего в то время порядка подготовки и работы с документами особой важности.

Каждое из этих нарушений, взятое в отдельности, выглядит достаточно безобидным. Подумаешь, велика важность — одна машинистка напечатала выписку на бланке устаревшего образца, другая забыла проставить свои инициалы на письме, исходящий номер вписан другим почерком и чернилами необычного цвета, секретарь по рассеянности не проставил пометки о направлении копий документа в дела текущего делопроизводства ЦК, нарком Берия дважды забыл расписаться на выписке с решением Политбюро, через 19 лет это же забыл сделать председатель КГБ Шелепин и т. д. и т. п.!

Многие из этих нарушений становятся заметны лишь при непосредственном визуальном сравнении «исторических» документов с десятками аналогичных документов Политбюро ЦК ВКП(б) за февраль-март 1940 г., которые оформлены в соответствии с требованиями тогдашнего делопроизводства.

При этом следует иметь в виду, что сотрудники Главной военной прокуратуры России утверждают, что как только к ним поступили копии документов из «закрытого пакета № 1» они сумели убедить «высоких чиновников» в том, чтобы «в

Кремле был осмотрен весь комплекс документов, проведенны почерковедческая и криминалистическая экспертизы. Они полностью подтвердили подлинность записки Берии на имя Сталина № 794Б от «_» марта 1940 г, подписей на ней Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна и Берии, а также выписки из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.» (Катынский синдром... С 391—392).

Факт экспертизы катынских документов подтвердила в своем Заключении комиссия экспертов Главной военной прокуратуры (См. «Катынский синдром...». С. 467). По поводу объективности этой экспертизы мы уже говорили.

Удивительно, но и во вновь появляющихся документах государственной важности, касающихся катынской темы, как правило, присутствуют необъяснимые несуразности. Так, летом 2009 г. на официальном интернет-сайте Службы безопасности Украины появились три письма высокопоставленных работников КГБ при Совете министров Украинской ССР ([05_002_harkiv_shelestu_1969.pdf](#), [05_005_andropov_harkiv.pdf](#), [05_008_andropov_znyschennia_slidiv.pdf](#))

В двух письмах под грифом «совершенно секретно, только лично», датированных 7 июня 1969 г., Председатель КГБ Украинской ССР В.Никитченко информировал Первого секретаря ЦК Компартии Украины П.Шелеста и Председателя КГБ при СМ СССР Ю.Андропова о том, что в лесу около поселка Пятихатки дети случайно обнаружили «*могилу массового захоронения*». Никитченко также сообщал, что как «*установлено, в указанном месте в 1940 году УНКВД по Харьковской области было захоронено значительное количество /несколько тысяч расстрелянных офицеров и генералов буржуазной Польши...*».

В третьем письме под грифом «сов. секретно», датированном июнем 1969 года, начальник УКБ при СМ УССР по Харьковской области генерал-майор П.Фещенко информировал генерал-полковника В.Никитченко о ликвидации захоронений в Пятихатках путем применения чешуйчатого технического едкого натрия (каустика), способного полностью разложить человеческие останки одежду и документы. Одна-

ко польские археологи в ходе эксгумаций в 1995—1996 гг. на спецкладбище УНКВД в Пятихатках не обнаружили следов едкого натрия?! Более того, они единодушно отмечали «*удивительно хорошую*» сохранность найденных в могилах обмундирования и бумажных документов!

Тем не менее, катыноведы расценили эти письма, как неопровержимое доказательство проявления «катынского следа» на территории Украины. Правда, при этом никто не обратил внимания на то, что в левом верхнем углу письма Фещенко находится резолюция Никитченко о том, что «*товарищу Шелесту П.Е. доложено*». Но датирована резолюция 2008 годом?! Это уже из области паранормального. К этому времени ни Шелеста, ни Никитченко уже не было в живых, как давно не было КГБ и Украинской ССР. Как понимать подобную несуразность?

Сталинское Политбюро

Для того, чтобы предметно разобраться с запиской Берии № 794/Б от «_» марта 1940 г., следует реконструировать порядок подготовки и проведения Политбюро при Сталине. Это позволит опровергнуть ущербную логику катыноведов, которые все несуразности в оформлении и содержании записки увязывают с практикой внесения документов на Политбюро ВКП(б).

О практике принятия решений Сталиным накануне и в годы войны вспоминали А.Хрулев, начальник тыла Красной Армии, А.Яковлев, зам. наркома авиационной промышленности и тогдашний референт Сталина по вопросам авиационной техники и Н.Байбаков, зам. наркома нефтяной промышленности СССР.

Определенная специфика принятия решений при Сталине существовала. Вот как об этом рассказывал Андрей Васильевич Хрулев. Ему во время войны приходилось практически ежедневно присутствовать в кабинете Сталине при

решении Ставкой и Государственным Комитетом обороны важнейших государственных вопросов.

«Вы, возможно, представляете себе все это так: вот Сталин открыл заседание, предлагает повестку дня, начинает эту повестку обсуждать и т.д. Ничего подобного! Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу же вызывал: это касается Хрулева, давайте сюда Хрулева...»

В течение дня принимались десятки решений. Причем, не было такого, чтобы Государственный Комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Сталина...

На заседаниях не было никаких стенограмм, никаких протоколов, никаких технических работников... Сталин подписывал документы, часто не читая, — это до тех пор пока вы себя где-то не скомпрометировали. Все было построено на громадном доверии. Но стоило ему только убедиться, что этот человек — мошенник, что он обманул, ловчит, — судьба такого работника была решена.

Я готовил тысячи документов на подпись, но готовя эти документы, за каждой буквой следил.

Следует также иметь в виду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения. Я так делал неоднократно, и Сталин меня не разу не выгонял. Да он никого не выгонял.

Надо было сидеть и слушать. Но когда создавалась какая-нибудь пауза, я обычно говорил:

— У меня есть один вопрос.

— Сидите. (Что значило — этот вопрос он будет рассматривать)».

(Карпов. «Генералиссимус». Книга вторая. С. 23,24).

Аналогичный подход Сталина к принятию решений описывает известный советский авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев в книге «Цель жизни»: «Сталин не терпел верхоглядства и был безжалостен к тем, кто при обсуждении вопроса выступал, не зная дела. Выступить легкомысленно в его присутствии отбивал охоту раз и на-

всегда». Яковлев также отмечал, что: «В то время ничего не было страшнее, чем стать обманщиком в глазах Сталина». (Яковлев. Цель жизни. С. 400, 394).

Особо Яковлев подчеркивал, что Сталин **«не терпел безграмотности. Он возмущался при чтении плохо составленного документа. Иногда «экзамен» на грамотность приходилось сдавать на ходу. Часто при обсуждении вопросов Сталин предлагал высказаться всем желающим, у некоторых сам спрашивал мнение, затем подводил итоги. Пододвинет кому-нибудь лист бумаги, карандаш и говорит пишите. И сам диктует»** (Яковлев. Цель жизни. С. 401) Многие из советских руководителей, общавшихся со Сталиным, в частности Г.К.Жуков, подчеркивали, что, несмотря на акцент, русский язык он знал великолепно.

Николай Николаевич Байбаков отмечал, что Сталин при принятии решения, **не перебивая, выслушивал всех вызванных по вопросу. Далее досконально разбирал проблему, задавая четко сформулированные вопросы присутствующим. И только после этого формулировал решение.**

И хотя Хрулев рассказывал о заседаниях ГКО, которое в годы войны фактически подменило Политбюро, не вызывает сомнений, что и заседания Политбюро проходили аналогично. Это подтвердили бывшие многолетние сотрудники Общего отдела ЦК КПСС. Специального дня проведения Политбюро при Сталине не существовало. Оно **фактически не начиналось и не кончалось. Политбюро проходило в перманентном режиме и было полностью подчинено воле Сталина.**

Вопрос государственной важности мог быть рассмотрен Политбюро в любой момент, если этого требовали обстоятельства. Сроки представления материалов на Политбюро не регламентировались. В этой связи не было необходимости резервировать даты регистрации документов, представляемых на Политбюро.

Для того, чтобы представить, как проходило заседание Политбюро при Сталине следует обратиться к тетрадам записи посетителей Сталина. Известно, что 27 июня 1941 г. По-

литбюро ЦК ВКП(б) приняло решение № ПЗЗ/134-оп о переброске оборудования и кадров авиационных предприятий из Москвы и Ленинграда в восточные районы страны (Известия ЦК КПСС. № 6, 1990. С. 209—210). Предложения вносил нарком авиационной промышленности Шахурин.

Реализация данного решения была поручена Шахурину, Кагановичу (члену ПБ, наркому путей сообщения), Вознесенскому (председателю Госплана СССР), Микояну (член ПБ, зам. Пред. Совнаркома).

Что же происходило в кабинете Сталина 27 июня 1941 г. Согласно тетради записи лиц, принятых Сталиным, в этот день в его кабинете побывали следующие лица (Исторический архив» № 6, 1996. с. 219—220)

1. *Вознесенский* — 16.30—16.40.
2. *Молотов (чл.ПБ)* — 17.30—18.00, 19.35—19.45, 21.25—24.00
3. *Микоян (чл.ПБ)* — 17.45—18.00, 19.35—19.45, 21.25—2.35
4. *Берия* — 21.35—24.00
5. *Маленков* — 21.30-0.47

-
20. *Вознесенский* — 22.15—23.40
 21. *Шахурин* — 22.30—23.10
 22. *Дементьев* — 22.30—23.10
 23. *Щербаков* — 22.30—24.00
 24. *Шахурин* — 0.40—0.50
 25. *Меркулов* — 1.00—1.30
 26. *Каганович (чл.ПБ)* — 1.10—1.35
 27. *Тимошенко* — 1.30—2.35
 28. *Голиков* — 1.30—2.35
 29. *Берия* — 1.30—2.35
 30. *Кузнецов* — 1.30—2.35

В этой череде посетителей сталинского кабинета, принимавших личное участие в принятии важнейших государственных решений, сложно определить не только то, когда рассматривался конкретный вопрос о переброске авиапредприятий, но даже то, когда в этот день началось и закончилось заседание Политбюро.

Однако можно сделать вывод, что Сталин уже в ходе обсуждения вопросов определял, какие из них следует оформить решением Политбюро, какие — ЦК ВКП(б) и СНК СССР, какие — ГКО и т. д. Вероятнее всего, вопрос авиапрома рассматривался Политбюро с 22.30 до 23.10 час. При этом присутствовали три члена ПБ — Сталин, Молотов, Микоян и один кандидат в члены ПБ — Берия. Член ПБ Каганович прибыл уже после ухода Шахурина.

Обстоятельства принятия решения об эвакуации авиапредприятий подтверждают объективность воспоминаний Хрулева и указывают на перманентный характер проведения заседаний Политбюро при Сталине.

Но скептик скажет: *«Такая практика была в период войны, а нас интересует весна 1940 г.»*. Приведем еще один пример. Рассмотрим, как принималось решение Политбюро ЦК ВКП(б) об улучшении охраны госграницы в западных областях Украины и Белоруссии (Прот. ПБ № 13. п. 117 (оп) от 2 марта 1940 г.). Это решение принималось на основании записки № 793/б от 29 февраля 1940 г. за подписью Берия и Хрущева.

Записка № 793/б была напечатана на бланке НКВД СССР и зарегистрирована в секретариате НКВД 29 февраля 1940 г. Соответственно, за доставку записки адресату отвечал секретариат НКВД. Однако, этот документ нельзя было направлять в ЦК ВКП(б) без подписи первого секретаря ЦК КП(б) Украины Хрущева, который в то время бывал в Москве только наездами, поскольку большую часть времени жил и работал в Киеве.

Берия, как кандидат в члены Политбюро, не мог пригласить к себе члена Политбюро (лица, более высокопоставленного в партийной иерархии по сравнению с ним). Нормы делового этикета и статусной субординации в ВКП(б) и КПСС всегда соблюдались очень строго. Согласно этим нормам, кандидат в члены ПБ товарищ Берия должен был направить записку фельдпочтой или попытаться встретиться с членом ПБ товарищем Хрущевым лично. Такая возможность

у Берии была, т.к. 1 марта 1940 г. Хрущев находился в Москве, и даже побывал у Сталина с 20.25 до 20.35 час.

Однако суть не в том, где был в тот день Хрущев и когда он подписал записку № 793/б. Важно, что он ее подписал, а 2 марта 1940 с 21.20 до 21.25 ч. он вновь был в кабинете Сталина. В это время у Сталина, помимо Хрущева, находились еще два члена ПБ: Ворошилов и Молотов. Вот выписка из тетради записи приема у Сталина от 2 марта 1940 г.

Ворошилов (чл. ПБ) — 20.05—22.05

Молотов (чл. ПБ) — 20.15—22.05

Шахурин — 20.20—21.45

Баландин — 20.20—21.45

Хрущев (чл. ПБ) — 21.20—21.25

Лепин — 21.25 — 21.45

Алексеев — 21.25 — 21.45

Кузнецов — 21.45 — 21.55

Последние вышли 22.05

Ворошилов (чл. ПБ) — 23.10 — 01.50

Шапошников — 23.10 — 01.50

Ковалев — 23.10 — 00.05

Василевский — 23.10 — 01.50

Молотов (чл. ПБ) — 23.12 — 01.50

Последние вышли в 01.50 час.

С большой долей вероятности можно предположить, что принятие решения по записке № 793/б состоялось в период с 21.20 до 21.25 час. Но вновь мы не можем говорить о специальном заседании Политбюро! Среди общих рабочих вопросов решались и вопросы, которые потом оформлялись как решение Политбюро.

Относительно того, каким образом записка № 793/б была внесена на Политбюро (принес ли ее Хрущев или она пришла фельдпочтой), сказать сложно. Ясно одно, записка, прежде чем попасть к Сталину, попала на стол его секретаря Александра Поскребышева. Об этом свидетельствуют пометки Поскребышева. В записке № 793/б Поскребышев сделал несколько подчеркиваний, отметил синим карандашом мероприятия, предлагаемые НКВД, и включил их в постанов-

ляющую часть решения ПБ. Нет сомнений, что Поскребышев свои пометки разноцветными карандашами сделал до передачи документа Сталину.

Сталин доверял Поскребышеву, и пометки позволяли сразу же сосредоточить внимание на важнейших местах рассматриваемого документа. Не случайно пребывание Хрущева в кабинете Сталина 2 марта ограничилось 5 минутами. Документ о госгранице был заранее проработан и процесс принятия окончательного решения был предельно кратким.

О роли Поскребышева в организации работы Сталина необходимо сказать особо. Анализ цифровых копий 16 документов, подписанных Берией и адресованных Сталину и Молотову, показал следующее. Все документы, в том числе и адресованные Молотову, прежде чем попасть к Сталину, прорабатывались его секретарем Поскребышевым. Он красным карандашом отмечал для Сталина наиболее важные места в документах, требующие решения. Основные числовые данные и места, требующие повышенного внимания, Поскребышев отмечал синим карандашом.

Например, записка Берии № 5725/6 от 23 декабря 1939 г. «О строительстве железнодорожной линии, соединяющей Кировскую железную дорогу с Северной», содержащая много предложений НКВД и цифровых данных, Поскребышев буквально исчеркал красным и синим карандашом. Это не случайно, так как вопрос строительства этой дороги в период советско-финской войны был стратегическим. На некоторых документах, которые Сталин должен был внимательно прочитать, на первой странице, выше текста, Поскребышев писал красным карандашом «От т. Берия» (записки Берия за № 657/6 от 23 февраля 1940 г., № 1021/6 от 7 марта 1940 г., № 3561/6 от 6 сентября 1940 г.).

Особый интерес для нас представляет заседание Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 г. Известно, что 5 марта были приняты решения по 10 вопросам, которые были оформлены как решения Политбюро. Вопросов «особой папки» 5 марта было рассмотрено два: о рассмотрении в особом порядке дел

польских военнопленных и арестованных граждан (Прот. ПБ № 13. п. 144) и об изготовлении нового саркофага для тела В.И.Ленина (Прот. ПБ № 13. п. 145). Эти вопросы рассматривались на основании записок Берии, соответственно, № 794/Б и № 815/6.

Надо иметь в виду, что после войны кабинет Берии находился в нескольких десятках метров от кабинета Сталина на одном и том же этаже, в том же коридоре. Мне доводилось бывать в этих кабинетах. В бывшем кабинете Сталина в 1990 г. сидел Председатель Совмина Николай Иванович Рыжков, а в бывшем кабинете Берии — вице-президент СССР Геннадий Иванович Янаев.

В 1940 г. Берия был кандидатом в члены Политбюро и не мог претендовать на кабинет в Кремле. Ему приходилось довольствоваться кабинетом на Лубянке. Записку Сталину он мог либо привезти сам, либо направить в Кремль фельдпочтой. Время доставки корреспонденции с Лубянки в Кремль обычно составляло считанные минуты.

Дело с принятием решения Политбюро по военнопленным полякам, вероятно, обстояло так. 27 февраля 1940 г. Сталин вызвал Берию, выслушал ситуацию с польскими гражданами, находящимися в лагерях и тюрьмах, и дал указание подготовить записку с соответствующими предложениями НКВД. Какие в действительности были ли эти предложения, пока остается невыясненным.

5 марта 1940 г. рабочий день Сталина в Кремле начался после 20 часов. В эти дни Сталин был занят завершающим этапом советско-финской войны. Согласно записям приема к Сталину в этот вечер были приглашены следующие партийные и военные деятели:

Молотов (чл. ПБ) — 20.40-00.10

Ворошилов (чл. ПБ) — 20.45-00.10

Шапошников — 20.50 — 00.10

Павлов — 20.50 — 23.35

Василевский — 20.50 — 00.10

Кравченко — 22.15 — 23.35

Смушкевич — 22.15 — 23.35

Кузнецов — 23.00 — 23.35

Огольцов 22.15 — 23.35

Последние вышли в 00.10 час.

Приходится полагать, что решение по записке Берии № 794/Б принималось в рабочем порядке тремя членами Политбюро: Сталиным, Ворошиловым и Молотовым в период с 20.45-00.10 час.

Однако ситуация с принятием 5 марта 1940 г. решения по полякам вызывает недоумение. Сталин прекрасно знал стратегическое значение Польши для СССР. Несомненно, он понимал, что скрыть расстрел 25.700 поляков не удастся. О возможности свалить вину на нацистов в 1940 г. речи не могло идти. Тем более, допустить, что в случае войны с Германией, нацисты захватят Смоленск, находящийся всего в 400 км. от Москвы.

Война с финнами близилась к успешному завершению. Финское руководство уже высказало желание прислать 7 марта 1940 г. делегацию в Москву на подписание мирного договора. Военные акции со стороны Англии и Франции в это время были уже маловероятны. Опасаться так называемого бунта пленных поляков также не приходилось

В этот момент, вопреки всякой логике, здравому смыслу и ИНТЕРЕСАМ СССР, которые для Сталина всегда были приоритетными, он в узком кругу, практически без обсуждения, как бы, между прочим, принимает вопрос по чрезвычайно важной проблеме — массовому расстрелу польских военнопленных. К Сталину по этому поводу не был даже приглашен главный исполнитель принятого решения Берия. **Возникает вопрос, а так ли это было в действительности?**

Разговоры о том, что Сталин был диктатором, тираном, монстром и мог принять любое решение, не серьезные. Да, он был жесток и нередко, неоправданно жесток. Но примеров такой жестокости, как в мировой истории, так и в отечественной, более чем достаточно, начиная с Ивана Грозного и Петра I. Вспомним того же Черчилля. Английский премьер заявил, что в случае высадки немцев на английских островах, он без колебания отдаст приказ применить отравляющие

газы, даже если при этом погибнут тысячи англичан. А Трумэн, который ради устрашения СССР и проверки эффективности атомного оружия, одним росчерком пера отправил в огненную гиену полмиллиона японцев!

Тем не менее, утверждают, что Черчилль и Трумэн руководствовались государственными интересами. А какими интересами руководствовался Сталин, оставивший в наследство собственной семье стоптанные сапоги, заштопанную шинель и погибшего в немецком плену сына, а всему советскому народу — величайшую Победу и вторую державу в мире? Одним словом, все попытки катынцеведов объяснить причины внезапного принятия Сталиным немотивированного решения о **МАССОВОМ** расстреле поляков простым капризом вождя или его личной неприязнью к Польше, не состоятельны.

Ярые антисоветчики Черчилль, Трумэн и, даже большей недруг СССР, поляк Бжезинский признавали, что Сталин всегда поступал обдуманно, четко просчитывая последствия своих решений. **Но события 5 марта 1940 г. полностью выпадают из логики поведения советского лидера.** В то же время метод содержательного исторического анализа неизбежно приводит к выводу — весной 1940 г. Сталин мог принять решение о **расстреле ограниченного числа польских граждан, виновных в тяжких военных и уголовных преступлениях, но никак — о массовом, огульном расстреле поляков.**

Однако вернемся непосредственно к Политбюро 5 марта 1940 г. Не вызывает никаких сомнений, что повестка дня этого так называемого заседания Политбюро заранее не утверждалась. **Какая-либо регламентация сроков представления материалов на Политбюро отсутствовала.** Правда, одно ограничение существовало. Видимо, Сталин в личной беседе или через Поскребышева назначал день, когда будет рассмотрен тот или иной вопрос и материалы должны быть представлены в Кремль. Поэтому документы следовало представить с таким расчетом, чтобы с ними мог поработать А.Поскребышев, или В.Молотов и А.Поскребышев, если документ был адресован Молотову, тогдашнему Председателю Совнаркома (до мая 1941 г.). Поэтому записка Берии № 794/Б о поля-

ках должна была быть на столе у Поскребышева не позднее обеда 5 марта 1940 г.

Что же касается второго вопроса «особой папки» по поводу изготовления нового саркофага для Ленина, то записка № 815/6 от 2 марта 1940 г., на основе которой было принято решение Политбюро, была адресована **Председателю Совнаркома СССР Молотову**. Он начертал на ней резолюцию «за» и направил ее секретарю Сталина Поскребышеву, который, как это было принято, проработал ее и доложил Сталину. Сталин лично участвовал в комиссии, осматривавшей старый саркофаг Ленина, и хорошо знал суть дела. Поэтому он, удовлетворившись докладом Поскребышева, поручил тому оформить опросом решение Политбюро (Прот. ПБ № 13. п. 145).

Это подтверждается тем, что на записке Берии № 815/6 о саркофаге помимо резолюции Молотова с резолюцией «да», на левом отступе записки присутствует запись фиолетовыми чернилами «т. Калинин — за», ниже, объединенные фигурной скобкой фамилии Сталина, Ворошилова, Кагановича с надписью «за», еще ниже добавлено Микоян — «за».

Вероятно, это был один из вариантов принятия решений Политбюро по тем вопросам, которые Сталин уже заранее проработал. По остальным 8-и вопросам Политбюро 5 марта 1940 г приняло решения, видимо, так. Днем **Молотов проработал эти вопросы** и согласился с необходимостью принять по ним решения Политбюро. Некоторые из этих вопросов, возможно, он сам согласовал со Сталиным и другими членами Политбюро (например, с Калининным). По остальным это осуществил Поскребышев.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Политбюро при Сталине проходило в **перманентном режиме**. Оно не кончалось, но и не начиналось. **Заседание Политбюро могло состояться в любой момент по мере необходимости. Определялась не дата проведения Политбюро, а дата рассмотрения вопроса у Сталина.** Решения по рассматриваемым вопросам принимались в рабочем порядке. Сталин лично определял, какой вопрос, каким постановлени-

ем или решением оформить. Регламентация сроков и времени представления материалов на Политбюро отсутствовала. Главное, чтобы они были своевременно доставлены секретарю Сталина Поскребышеву для проработки.

Отметим, что некоторые элементы перманентного режима проведения Политбюро сохранились при Брежневе и Горбачеве. Правда, в этот период проведение заседаний Политбюро ЦК КПСС осуществлялось в **единый день** — четверг (11 час утра). Однако вопросы на Политбюро поступали в **Общий отдел ЦК КПСС постоянно, без ограничений.**

Вопросы, запланированные для рассмотрения на Политбюро в плановом порядке, должны были представляться **ранее**, дабы Общий отдел мог размножить материалы, сформировать папку члена Политбюро и за 2—3 дня до заседания направить ему на ознакомление. Здесь регламент соблюдался строго не только на уровне ЦК КПСС, но и на уровне обкомов и райкомов партии. **Отсюда родился миф о необходимости предварительной регистрации записки Берии № 794/Б.** Но в 1940 г. подобное требование отсутствовало.

В 1980—1990-х годах все поступившие вопросы включались зав. **Общим отделом ЦК КПСС в «Перечень вопросов, вносимых на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС».** Некоторые вопросы, требовавшие оперативного решения, или не требовавшие обсуждения, зав. **Общим отделом, по согласованию с Генсеком (иной раз и самостоятельно), направлял** членам Политбюро для ознакомления и принятия решения. Это процедура называлась **«на голосование».**

Рассмотренные членами Политбюро материалы, с их мнением, пометками и подписью возвращались в **Общий отдел ЦК КПСС, где на их основе готовилось решение Политбюро, которое включалось в протокол.** Документы «особой папки» членам Политбюро для ознакомления и принятия решения развозили на спецмашинах **два сотрудника Общего отдела ЦК КПСС Галкин и Фаддин.**

Накануне заседания Политбюро, в среду вечером, зав. **Общим отделом шел к Генеральному секретарю, который на**

основе упомянутого «Перечня вопросов...» определял (просто галочкой) какие вопросы внести на рассмотрение Политбюро ЦК КПСС. Таким образом формировалась повестка дня очередного заседания Политбюро.

Однако, и после того, как повестка дня Политбюро была сформирована, вопросы на Политбюро продолжали поступать. Это, как правило, были вопросы государственной важности **МИДа, КГБ и Минобороны**, требовавшие неотложного решения. Генсек в таком случае давал команду включить их «за повестку». По свидетельству бывших сотрудников Общего отдела ЦК КПСС количество вопросов «за повесткой» нередко в разы превышало количество вопросов, внесенных накануне в официальную повестку дня Политбюро.

Необходимо заметить, что при оформлении и регистрации решений Политбюро ЦК КПСС, принятых непосредственно на заседании, использовались **арабские** цифры, а решений, принятые «опросом» («голосованием») — **римские**.

Загадки записки Берии

Ключевым документом, подтверждающим вину довоенного советского руководства в расстреле поляков считается 4-страничная записка наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии Сталину за № 794/Б от «_» марта 1940 года из «закрытого пакета № 1». Эта записка одновременно является подлинником решения Политбюро ЦК ВКП(б) П13/144-оп от 5 марта 1940 года о расстреле **25.700** пленных и арестованных польских граждан.

Как и вся акция с расстрелом поляком, записка Берии готовилась в обстановке чрезвычайной секретности и строжайшего контроля. Но по неизвестным причинам на записке в качестве исходящей даты был указан лишь март 1940 г. без конкретного дня. Ситуация с датой с самого начала приобрела скандальный характер. Профессор Ф.Рудинский, представлявший в Конституционном суде сторону КПСС, пишет, что записка, представленная С.Шахраем и А.Макаровым

Конституционному суду 14 октября 1992 г., была датирована 5 марта 1940 г.

По этому поводу депутат Ю.Слободкин заметил, что *«записка Берии датирована 5 марта и указано, что заседание Политбюро состоялось 5 марта, но практически этого никогда не было»* (Рудинский. «Дело КПСС» в Конституционном суде». С. 316—317). Впоследствии, по утверждению Слободкина, представленная в Конституционный суд записка Берии оказалась без даты.

Вероятнее всего, Слободкин исходящей датой записки посчитал дату ее регистрации в ЦК ВКП(б), расположенной под грифом «сов. секретно». Аргумент, что исходящая дата документа, представляемого на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) не могла совпадать с датой проведения заседания Политбюро не обоснован. Учитывая специфику проведения Политбюро при Сталине, записка на Политбюро могла быть зарегистрирована и внесена на Политбюро в тот же день.

Как уже говорилось, *заблаговременное* предоставление материалов на Политбюро стало практикой только в брежневский период. Замечание Слободкина могло быть обоснованным, если бы речь шла о заседании Политбюро ЦК КПСС в 1980 г., а не Политбюро ЦК ВКП(б) в 1940 г.

Датирование записки Берии вызывает ожесточенные споры между катыноведами и независимыми исследователями. Это не случайно. Датировка, официальная регистрация записки это важнейшие детали, которые позволяют более надежно судить о достоверности записки. Однако у остепененных катыноведов довольно пренебрежительное отношение к таким вещам. По их мнению, только «любители» способны «копаться» в деталях. Но, известно выражение, что *«дьявол кроется в деталях»*. Напомним, что благодаря «деталям» были раскрыты многие громкие преступления. Известный литературный персонаж Шерлок Холмс свои умозаключения строил, в основном, исходя из деталей преступлений.

Координатор международного Интернет-проекта «Правда о Катыни» Сергей Стрыгин в 2006 г. установил, что *«записку Берии № 794/Б» следует датировать 29 февраля 1940 г.*

Основанием для этого послужили предыдущая и последующая за письмом «№ 794/Б» корреспонденции, отправленные из секретариата НКВД в феврале 1940 г. В 2004 г. в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в рабочих материалах Политбюро ЦК ВКП(б) было выявлено письмо Л.П.Берия с исходящим номером «№ 793/б» от 29 февраля 1940 г. (РГАСПИ, ф.17, оп.166, д.621, лл.86—90).

Два последующих письма — «№ 795/б» «Товарищу Сталину. О ходе работы известных авиаконструкторов по постройке самолетов» и «№ 796/б» были зарегистрированы в секретариате Наркома внутренних дел СССР также 29 февраля 1940 г. Об этом сообщается в ответах № 10/А—1804 от 31.12.2005 г. и 10/А—120 от 19.01.2006 г. за подписью начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ генерал-майора В.С.Христофорова на запросы депутата Государственной думы Андрея Николаевича Савельева.

Естественно, записка Берии с исходящим номером 794/Б могла быть подписана и зарегистрирована в секретариате НКВД СССР только 29 февраля 1940 г. Однако, в ней фигурируют уточненные статистические данные о численности военнопленных офицеров в спецлагерях УПВ (Управления по делам военнопленных) НКВД, которые поступили в Москву — в ночь со 2 на 3 марта и были оформлены начальником УПВ НКВД П.К.Сопруненко в виде «Контрольной справки» только 3 марта 1940 г. (Катынь. Пленники... С. 430). Попастъ в текст документа, зарегистрированного 29 февраля 1940 г., эти данные не могли.

В этой связи главный катыновец Н.Лебедевой выдвинула версию о том, что Берия в 1940 г. якобы направлял Сталину два варианта записки о расстреле поляков под тем же исходящим номером.

Следует отметить, что на четвертой странице, содержащей подпись Берии и правку, предположительно сделанную Сталиным, а на оборотной стороне регистрационный штамп, находится всего лишь 5 строк текста. Следовательно, если бы записка перепечатывалась в машбюро секретариата НКВД

СССР, эта страница, без сомнения, была бы также перепечатана.

Перепечатка первых трех страниц вышеупомянутой записки, причем на другой машинке, позволяет обоснованно ставить вопрос о неясном происхождении этих страниц записки и недостоверности их содержания относительно принятого ЦК ВКП(б) решения о расстреле 25700 польских граждан. И в первую очередь об этом свидетельствуют данные от 2 марта 1940 г.

Записка Берии № 794/Б полна несуразностей. Она зарегистрирована в секретариате НКВД СССР 29 февраля 1940 г., но в ней присутствуют количественные данные от 2 марта, сама записка датирована мартом, но без указания числа и какие-то страницы, то ли первые три, то ли последняя четвертая, перепечатывались.

С точки зрения выявления подложности записки Берии одним из ключевых моментов является **несовпадение датировки записки (март) с датой ее регистрации (29 февраля)**. Отсутствие конкретной даты не является чем-то исключительным. Известны записки НКВД, в которых дата проставлена рукой Берии. Возможно, на записке № 794/Б просто забыли вписать дату? Бывало и такое.

Выявлены факты, когда Берия сам проставлял окончательные исходящие даты. Так, на записке № 5725/6 о строительстве железнодорожной линии исходящую дату «23 дек. 1939 г.», вероятно, проставил карандашом сам Берия, поскольку в секретариате НКВД дата и исходящий номер всегда ставились чернилами. В записке № 5837/6 Берия исправил дату «2_» (вторую цифру установить не удалось) на «30» декабря 1939 г. В письме № 793/6 рукой Берия красным карандашом вписана дата «29» **февраля 1940 г.**

Учитывая вышесказанное, полагать, что Берия мог не заметить отсутствия даты в записке № 794(Б) на имя Сталина, просто несерьезно. В вопросах оформления документов Берия слыл педантом. В какой-то мере это было обусловлено тем, что Берия в 1915—19 гг. учился в Бакинском механико-строительном техническом училище и успешно окончил его

по специальности «архитектор-строитель», а в 1920 г. поступил на архитектурный факультет организованного на базе училища Бакинского политехнического института, всерьез увлекался архитектурой и считал, что в нем пропал великий архитектор. Не случайно, за глаза Берия в НКВД называли «архитектором». Его наиболее известной работой является архитектурная композиция площади Калужской заставы в Москве (ныне площадь Гагарина).

Но в нашем случае, ситуацию осложняет не столько отсутствие конкретной даты на записке, сколько то, что согласно официальной регистрации в секретариате НКВД СССР Сталину была направлена записка № 794/Б от **29 февраля 1940 г.**, а «получил» он (как утверждает) записку № 794/Б датированную «_» **мартом 1940 г.** Ни один нотариус, ни один суд не признают эту записку достоверной и сочтут ее по формальным основаниям **подложной!** В сталинский период подобное разгильдяйство ответственных работников порой расценивалось как «вредительство» со всеми вытекающими печальными последствиями для этих разгильдяев.

Для руководителя секретариата центрального аппарата НКВД СССР Степана Мамулова **ошибки**, допущенные при регистрации записки № 794/Б: должны были стать **роковыми**. Выявление первой ошибки (**отсутствие конкретной даты**) неизбежно влекло выявление второй (**регистрацию другим месяцем**). Объяснить подобную неряшливость, граничащую с серьезным проступком, Мамулов объяснить не смог бы.

Как отмечалось, все документы, направляемые Сталину, проходили обработку его личным секретарем Поскребышевым. Получив записку для Сталина без даты, Поскребышев **неприменно уточнил бы ее**. Если, как утверждают катыноведы, он не хотел портить отношений с Берия, то позвонил бы в секретариат НКВД, уточнил дату регистрации и сам вписал бы ее.

В случае же выяснения того, что записка была зарегистрирована **февралем**, а датирована **мартом**, последствия для Мамулова могли быть печальными. Но все обошлось. Веро-

ятнее всего, по причине того, что Сталин получил нормально оформленную записку № 794/Б от 29 февраля 1940 г, которая и была рассмотрена на Политбюро 5 марта.

Мог ли Мамулов в принципе совершить две подобных ошибки при регистрации документа? Судя по его биографии — нет. Мамулов до НКВД долгое время работал в партийных органах, и прекрасно знал о наказании за ошибки, которые носят признаки подлога документа государственной важности. Степан Соломонович в должности начальника секретариата НКВД—МВД СССР успешно проработал с 1939 по 1946 год, регулярно получая поощрения и звания. Сведения о каких-либо взысканиях Мамулова в этот период отсутствуют.

До версии о двух вариантах записки катыноведа пытались объяснить ситуацию с запиской № 794/Б следующим образом. Якобы, для записки № 794/Б в регистрационном журнале, непонятно зачем, зарезервировали февральский исходящий номер. Саму записку исполнили 1 или 2 марта, поэтому на первой странице в графе для месяца машинистка впечатала «март». Но записку в ЦК ВКП(б) не отправляли, так как якобы Берия решил дождаться более свежих данных. Получив их 3 марта, Берия дал команду перепечатать первые три листа записки и 5 марта лично внес записку на Политбюро.

В этих объяснениях присутствует ряд нестыковок. Прежде всего, напомним, что Берия не присутствовал на заседании Политбюро 5 марта и поэтому не мог лично принести записку № 794/Б. Далее. Было доказано, что при тогдашней практике представления материалов на Политбюро или резервирование регистрационного номера для записки или ее предварительная регистрация в секретариате НКВД были лишены всякого смысла. Записку могли зарегистрировать даже 5 марта, в день проведения Политбюро. Главное, чтобы вечером 5 марта она была на столе у Сталина к моменту рассмотрения вопроса.

Почему мартовскую записку необходимо было зарегистрировать в феврале, аргументировано объяснить каты-

новеды так и не могут. Ну, разве, что в секретариате НКВД прошел слух, что в марте 1940 г. журнал регистрации исходящей корреспонденции закончится, а нового не дадут. Но это уже тема для анекдота.

Также отсутствует разумное объяснение того, что Берия счел возможным на несколько суток задержать отправку в Политбюро ЦК ВКП(б) зарегистрированной записки, касающейся судьбы **25.700** поляков, ради внесения в текст **более свежих статистических данных о кадровом составе военнопленных офицеров, отличающихся всего на 14 человек (т. е. 0,005%)!**

И уж совсем невероятными являются объяснения, что ради внесения новых данных перепечатали **первые три страницы**, причем на другой машинке. Небольшую по объему записку Берии опытная машинистка могла перепечатать за 15 минут. Поэтому перепечатывание отдельных страниц **было лишено смысла**, а для документов такого уровня **недопустимо, как тогда, так и сейчас.**

Более того, машинистка, в случае перепечатки **первых трех страниц**, была вынуждена добиться «побуквенного» совпадения текста в конце третьей страницы с началом четвертой. Это достаточно трудоемкая процедура. Заметим, что на четвертой странице, содержащей подпись Берии и правку, предположительно сделанную Сталиным, а на оборотной стороне регистрационный штамп, находится всего лишь **5 строк из 89** всего текста.

Очевидно, что любые страницы записки могли перепечатываться только до заседания Политбюро, когда на них еще отсутствовали росписи членов Политбюро, пометки Поскребышева, поправка Сталина и регистрационные штампы. Но в этом случае, если бы действительно возникла необходимость перепечатать первые три страницы, то в машбюро секретариата НКВД СССР, без сомнения, **была бы также перепечатана и последняя страница.**

Не выдерживает критики и другая версия катыноведов — о том, что перепечатывалась **только четвертая** страница записки. Это объясняют тем, что страницу перепечатыва-

ли в связи с введением в состав «тройки» Леонида Баштакова, якобы именно **5 марта 1940 г. назначенного** начальником первого спецотдела центрального аппарата НКВД.

Действительно, во многих современных справочниках по кадровому составу НКВД датой назначения Л.Ф.Баштакова на эту должность указывают дату 5 марта 1940 г. Но при этом забывают, что в биографические справочники дата назначения Л.Ф.Баштакова попала не из приказа о его назначении на должность (этот приказ до сих пор не обнаружен) и не из личного дела Баштакова, а из письма Берии № 794/Б! Подобная практика датировки назначений на должность и присвоения званий по «первому упоминанию» в документах вполне научна, но при одном условии — перед установленной таким методом датой следует ставить уточняющие приписки «не ранее» или «не позднее».

Кроме того, известно, что Баштаков уже с конца 1939 г. исполнял обязанности начальника 1-го Спецотдела отдела взамен своего предшественника — скончавшегося 30 ноября 1939 г. капитана госбезопасности Г.А.Петрова и другую кандидатуру по чисто деловым и организационным моментам включать в «тройку» было нецелесообразно. Такая практика в советское время была повсеместной. Поэтому не вызывает сомнений, что фамилия Баштакова изначально присутствовала на четвертой странице записки и по этой причине эту страницу не надо было перепечатывать.

Однако, все же допустим, что перепечатали только четвертую страницу записки. Тогда, как объяснить наличие на первых трех страницах записки, зарегистрированной 29 февраля, мартовских данных о польских военнопленных. Получается, что и **первые страницы также перепечатывали?!**

И уж не в какие ворота не лезет уже упомянутая версия о том, что в 1940 г. за номером 794/Б якобы были подготовлены две записки, направленные Сталину. Первая февральская была рассмотрена в Кремле и возвращена назад. Взамен ее в марте отправили уточненный вариант. Подобное утверждение свидетельствует о том, что авторы этой абсурдной вер-

сии абсолютно не в курсе системы принятия важных решений в КПСС.

В КПСС, а ранее в ВКП(б), существовала практика. По вопросам, имеющим государственное значение и требующих решения «наверху», происходило **обязательное предварительное устное согласование**. Поэтому все важные предложения и просьбы в Кремль заранее согласовывались и готовились уже в окончательном варианте. В противном случае Генсек и его окружение только бы и занимались разбором вариантов поступающих предложение и просьб.

Кстати, версия «о двух записках» не объясняет факта перепечатывания отдельных страниц записки. Одним словом, сторонники официальной версии запутались и путают других. Ясно одно, с запиской Берии надо разбираться независимым экспертам.

Несуразности в оформлении записки № 794/Б катынovedы пытаются объяснить **хронологическими «нестыковками»** между номерами и датами регистрации документов, исходящих из секретариата НКВД, которые преподносят, как «нормальную канцелярскую практику в НКВД». В качестве доказательства они приводят примеры документов из сборников «Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939-март 1946; М., МФД, 2006» и «Катынь. 1940—2000. Документы; М., «Весь мир», 2001».

Они ссылаются, что, документ № 1373/б, который мог быть зарегистрирован только в апреле, был зарегистрирован 10 мая 1939 г. Или приводится другой пример. Документ за № 830/б был зарегистрирован 3 марта 1940 г. А на следующий день 4 марта 1940 г. регистрируется документ уже за № 949/б. После этого 7 марта 1940 г. зарегистрирован документ № 886/б.

Что можно сказать по данному поводу. Прежде всего, большинство хронологических несовпадений, которыми оперируют катынovedы, видимо, вызвано ошибками, допущенными в сборниках. Туда вставлялись сканированные архивных документы. А при сканировании довольно часты ошибки в цифрах. Так, при сканировании документ 1573/б,

вероятно, превратился № 1373. Документ № 949/б, видимо, на самом деле был за это № 849. «8» при сканировании легко превращается в «9». Но нельзя исключить и ошибку сотрудника секретариата НКВД, который при написании мог машинально перепутать регистрационный номер.

Однако вышеприведенные примеры не могут быть применены к анализу ситуации с запиской № 794/Б. Здесь основное противоречие не в нарушении хронологической последовательности регистрации а между датой официальной регистрации документа (29 февраля 1940 г.) и датой, представленной на самой записке (март 1940 г.). Этого рационально невозможно объяснить. Разве что понимать это противоречие, как некий «маячок», сигнализирующий о сомнительной подлинности записки.

Подобных «маячков», не поддающихся логическому объяснению в записке присутствует немало. Начнем с того, что в нарушение регламента работы на записке отсутствуют инициалы машинистки, печатавшей документ. В самом тексте присутствуют грубейшие ошибки. Вызывает удивление, что «цензор» Сталина Поскребышев не отметил ни одного важного момента в записке Берии № 794/Б.

В этом документе, содержащем массу цифр, имеются всего две пометки Поскребышева. На 3-ей странице вверху темно-синим карандашом написана прописная русская буква «п», фраза «Предложить НКВД СССР» подчеркнута красным, перед ней Поскребышев поставил латинскую букву «Z». В сумме это значило — дальнейший текст считать постановлением Политбюро. Надпись «О.П. Вопрос НКВД» слева на 3-ей странице, вероятнее всего, сделана Поскребышевым после так называемого заседания Политбюро. Однако подобные пометки могли быть легко воспроизведены специалистом-графологом, специализирующимся на фальшивках.

Удивляет также, что ни одну из цифр записки Поскребышев не пометил цветным карандашом, хотя в некоторых из них допущены грубейшие ошибки. Так, в резолютивной части записки предлагалось расстрелять на 36 военнопленных поляков меньше и на 315 арестованных больше, нежели

было указано в пояснительной части. Трудно поверить, что подобные вещи Поскребышев не заметил. Он хорошо знал, что Сталин не терпел неточностей в документах. Напомним замечание Хрулева о том, что он: **«давал Сталину тысячи документов на подпись, но, готовя эти документы, за каждой буквой следил...»**.

Объяснять расхождение в цифрах невнимательностью или «наплевательским» отношением Берия к документам наивно. Направлять подобные «сырые» документы в ЦК ВКП(б) руководителю любого советского ведомства, включая НКВД, было просто опасно. Сталин всегда требовал обоснования каждой цифры, вносимой на рассмотрение Политбюро.

Все разговоры о «вседозволенности» и «всесилии» Берии в марте 1940 г. — фикция. Л.Берия к тому времени лишь пятнадцать месяцев находился в звании генерального комиссара госбезопасности и должности наркома внутренних дел СССР. Напомним, что весной 1940 г. полным ходом шло расследование нарушений социалистической законности, допущенных «особыми тройками» времен Ежова. За месяц до рассмотрения на Политбюро вопроса о поляках, 4 февраля 1940 года «всесильный» Ежов, вместе со своим замом Фриновским, курировавшим работу «троек», был расстрелян. Берия в это время был предельно осторожен.

Безответственность и недисциплинированность работника любого ранга Сталина наказывал строжайшим образом. Об этом свидетельствует телеграмма, которую он направил своему любимцу начальнику Генерального штаба Александру Михайловичу Василевскому по поводу задержки того с ежевечерним донесением об итогах операции за минувший день и оценке ситуации с фронта в Москву: **«...Предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»** (В.Карпов. «Генералиссимус». С. 219).

Судя по росписям и пометкам, Сталин должен был прочитать записку Берии. Об этом свидетельствует его роспись на первом листе и исправление на четвертом листе записки,

где *«вписано от руки над строкой синим карандашом, очевидно, Сталиным — «Кобулов»*. Возникает вопрос, почему Сталин не придавал значения несоответствию в цифрах на втором и третьем листе записки? **Вновь возникает предположение, что на Политбюро 5 марта 1940 г. рассматривалась иная записка № 794/Б.**

Это предположение подтверждает следующий факт. В мае 2008 года известный российский историк Юрий Жуков на радиостанции «Серебряный дождь» сообщил, что в начале 1990-х годов в связи с процессом по «делу КПСС» он запросил в Архиве Президента РФ материалы о так называемой «преступной» деятельности КПСС.

Ему вручили «тоненькую папочку», внутри которой среди других документов Жуков обнаружил ксерокопию «записки Берии Сталину» на одном листе. В ней, как вспоминает Жуков, предлагалось расстрелять две или три тысячи плененных польских офицеров, виновных в военных и других преступлениях. В известной сегодня 4-х страничной «записке Берии», обнаруженной в 1992 году предлагается расстрелять 25.700 плененных и арестованных поляков.

Объяснения типа, что по вопросу расстрела поляков Берия направил Сталину, одну за другой две записки одним и тем же исходящим номером, как уже говорилось, не серьезны. Видимо, Ю.Жуков видел и держал в руках ксерокопию подлинной записки Берии Сталину с предложением о расстреле 3.196 польских граждан.

Поскольку в то время тема Катыни Жукова не интересовала, он не придавал особого значения своей находке. И только в связи с шумихой, поднятой в 2008 г. по поводу фильма «Катынь», вспомнил о записке.

Свидетельство Юрия Николаевича имеет дополнительное подтверждение. В декабре 2007 года мне довелось встретиться с Галкиным Виктором Ефимовичем, сотрудником Общего отдела ЦК КПСС, работавшим с «закрытым пакетом № 1» по Катыни. Галкин рассказал, что в апреле 1981 года по поручению заведующего Общим отделом ЦК КПСС К.Черненко он доставлял записку Берии из «закрытого пакета № 1» тогдашнему

председателю КГБ Ю.Андропову. Запись об этом событии есть на папке, в которой находился «закрытый пакет № 1».

Галкин утверждал, что записка Берии, которую он возил Андропову, была напечатана на одном листе и в ней говорилось о расстреле примерно 2—3 тысяч польских офицеров. Он видел ее в кабинете Черненко. После того, как Константин Устинович вскрыл «закрытый пакет № 1», он поручил Галкину законвертовать (т. е. вложить в конверт и заклеить) записку.

Относительно 4-х страничной записки Берии № 794/Б (точнее ее цифрового цветного скана) Галкин заявил, что подобного документа не видел и не помнит. Напомним, что в апреле 1989 г. Галкин сам вкладывал кытынские документы в новый конверт. Вряд ли он упустил возможность еще раз ознакомиться с запиской Берии.

В тот момент я с сомнением отнесся к заявлению Виктора Ефимовича, полагая, что он спутал записку с выпиской из решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., которая напечатана на одном листе. И лишь после заявления Жукова понял, что память Галкина не подвела. Более определенно высказаться о записке Берии № 794/Б можно будет высказаться только после полной, независимой и объективной экспертизы.

Однако, помимо экспертизы, следовало бы обнаружить копии записки Берии в российских архивах. Заметим, что из архивного дела секретариата НКВД и из аналогичного архивного дела с исходящими документами Управления по делам военнопленных второй и третий экземпляры письма № 794/Б, так называемые «отпуски» изъяты.

В «заменителе», подшитом в архивное дело с исходящими документами секретариата НКВД, взамен изъятого «отпуска» письма № 794/Б содержится следующая информация. «№ 794. Товарищу Сталину. О рассмотрении в особом порядке дел на военнопленных. Стр. 1—29. Находится в Особой папке тов. Мамулова». Из этой записки следует, что первоначально к письму № 794/Б прилагались какие-то дополнительные ма-

териалы на 25 или 28 листах!!! Что это за материалы, остается очередной тайной «Катынского дела».

В ответе начальника УРАФ ФСБ РФ генерала-майора В.С.Христофорова № 10/А-С—1804 от 31 декабря 2005 г. сообщается, что в ЦА ФСБ хранятся 2 и 3 экземпляры (оригиналы машинописных отпусков) всех писем Берия за период с 20 февраля по 5 марта 1940 г., **за исключением писем №794/Б («Товарищу Сталину. О рассмотрении в особом порядке дел на военнопленных») и №795/б («Товарищу Сталину. О ходе работы известных советских авиаконструкторов по постройке самолетов»)**. Отсутствуют также «отпуска» и вообще какая-либо дополнительная информация по письму № 789/б от 29 февраля 1940 г., включая адресата и краткую аннотацию данного письма.

Известно, что в сталинский период требования к оформлению документов были жесточайшими. Выписки из протокола заседания Политбюро готовились персонально для каждого адресата на специальных типографских бланках. Количество выписок соответствовало числу адресатов, плюс к этому печатались несколько информационных копий для архивных дел.

Кроме того, при необходимости, для архивных дел печатались копии. В частности, по «вопросу НКВД» от 5 марта 1940 г., в общем отделе ЦК ВКП(б) были отпечатаны **четыре копии «записки Берии № 794/Б»**. Соответствующая отметка имеется на оборотной стороне последнего листа этой записки (РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 621, л. 133). Одна копия была направлена в архив ЦК, а три других — в дела текущего делопроизводства Политбюро за 1940 год: № 34 («Рабоче-Крестьянская Красная Армия»), № 40 («Суды и прокуратуры») и **литерное дело «Европейская война»**.

По имеющейся информации эти дела в настоящее время хранятся в Архиве Президента РФ, но до сих пор не рассекречены. Не исключено, что в этих трех архивных делах сохранились документы с **подлинным** текстом письма Берии № 794/Б от 29 февраля 1940 г. и **подлинное** решение Политбюро по «**Вопросу НКВД СССР**» от 5 марта 1940 г. Крайне

необходимо ввести их в научный оборот или выяснить, когда и кем данные документы были изъяты.

Кстати, из нескольких сотен аналогичных документов, осмотренных авторами в РГАСПИ, «записка Берии № 794/Б» является **единственным архивным документом «Особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) за 1940 год, на котором, по неизвестной причине, отсутствует отметка о направлении копий и выписок в дела текущего делопроизводства.** Подобная отметка сохранилась лишь на «заменителе», подшитом в основное архивное дело с решениями Политбюро за 28 февраля — 9 марта 1940 г. вместо документов, помещенных в «Особую папку» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1249, л. 119).

В завершение коснемся содержательной стороны текста записки Берии. Большое сомнение вызывает создание тройки в составе Меркулова, Кобулова и Баштакова и возложение на нее **«рассмотрения дел и вынесения решения»** о применении к полякам высшей меры наказания — расстрела. Можно критиковать систему сталинского правосудия, но одно очевидно. Сталин требовал **неукоснительного соблюдения требований этой системы.** Зачем же в случае с поляками понадобилось нарушать установленный порядок и создавать нечто подобное «тройкам» Ежова?

Кое-что о социалистической законности «сталинского» периода

Нестыковки и нелепости в записке Берии и решении Политбюро ЦК ВКП(б) пытаются объяснить тем, что в сталинский период поступали так, как было удобнее, не обращая внимание на существующую правовую систему. Подобный примитивизм в понимании сталинской эпохи легко опровергается.

Примечание. По данным российских юристов в сталинский период из ста уголовных дел десять заканчивались оправданием обвиняемого. В демократической России из ста

уголовных процессов, только в одном случае выносится оправдательный приговор.

Говоря о военнопленных поляках, утверждалось, что их расстрел был осуществлен то по решению Особого совещания при НКВД СССР, то по решению внесудебных «троек», то по решению «специальной тройки НКВД». Так, Генпрокурор СССР Трубин в письме № 1—5—63—91 от 17 мая 1991 г. на имя Горбачева утверждал, что поляки могли быть расстреляны по решению Особого совещания (см. Интернет-сайт «Правда о Катюни»).

В этой связи сделаем экскурс в историю. Особое совещание при МВД Российской империи появилось в конце XIX века, как средство для борьбы с революционерами, для осуждения которых обычным судом не хватало доказательств. К ссылкам Сталина приговаривало именно Особое совещание. Очевидно, по его предложению, постановлением ЦИК СССР от 5 ноября 1934 г. было создано Особое совещание при Народном комиссаре внутренних дел СССР в составе: *«а) заместителей Народного Комиссара внутренних дел Союза ССР; б) уполномоченного Народного Комиссариата внутренних дел Союза ССР по РСФСР; в) начальника Главного управления Рабоче-Крестьянской милиции; г) Народного Комиссара внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло дело»* (Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г., Собрание законов СССР. 1935. № 11. Ст. 84.1)

В исследовании «Катынский синдром...» утверждается, что *«институт особых совещаний, созданный постановлением ЦИК СССР в 1934 г. с последующими дополнениями, был внесудебным, с правом рассматривать дела о так называемых контрреволюционных преступлениях и назначать за них высшую меру наказания — расстрел»* (Катынский синдром... С 463).

Сформулировано так, чтобы у читателя создалось впечатление, что якобы Особое совещание всегда имело право приговаривать к расстрелу. В тоже время Особое совещание НКВД СССР получило право приговаривать к расстрелу только 17

ноября 1941 г., после соответствующего обращения Берии в Государственный Комитет Оборона (Постановление ГКО № 903сс от 17 ноября 1941 г. РГАСПИ, ф.644, оп.1, д.14, л.101).

С 1934 г. по ноябрь 1941 г. Особое совещания имело **«право в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет».**

Авторы **«Катынского синдрома...»**, говоря о «внесудебности» Особого совещания, вынуждены признать, что процедура рассмотрения дел на Особом совещании мало отличалась от судебной. Она **«требовала проведения предварительного следствия, предъявления обвинения, составления обвинительного заключения и слушания дела»** (Катынский синдром... С. 463).

Необходимо отметить, что работа Особого совещания проходила под контролем прокуратуры: **«В заседаниях Особого совещания обязательно участвует Прокурор Союза ССР или его заместитель, который, в случае несогласия как с самим решением Особого совещания, так и с направлением дела на рассмотрение Особого совещания, имеет право протеста в Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. В этих случаях исполнение решения Особого совещания приостанавливается впредь до постановления по данному вопросу Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР».** (Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г., Собрание законов СССР. 1935. № 11. Ст. 84.1)

Не соответствуют истине утверждения целого ряда авторов о деятельности в сталинский период ряда «особых совещаний». В рамках НКВД СССР было создано и действовало только одно **«Особое совещание».**

Другое дело внесудебные «тройки», печально известные еще со времен гражданской войны. В 1937 г. они получили право приговаривать преступников к расстрелу, причем, в максимально упрощенном порядке. (Приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 года. АП РФ, ф.35 оп.8 д.212 лл.55—

78). На практике это обернулось массовыми репрессиями, в том числе и против невиновных людей.

17 ноября 1938 г в связи с серьезными нарушениями социалистической законности постановлением СНК и ЦК ВКП(б) «судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР» были ликвидированы. В постановлении подчеркивалось, что: «*Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937—1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры...*».

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) предписывало: «*Впредь все дела в точном соответствии с действующим законодательством о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР*» (АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 85—87).

Все причитания «защитников демократии» по поводу «дьявольских порождений» сталинской системы — «Особого совещания» и «троек», с учетом современных реалий вызывают улыбку. Известно, что 28 сентября 2006 г. Конгресс США принял «Закон о военных комиссиях» (Military Commissions Act, 2006), по которому были легализованы действующие с 2001 г. так называемые «военные комиссии», фактический аналог сталинского «Особого совещания».

«Военным комиссиям» предоставлено право задерживать и осуждать в любой точке мира не граждан США. Для этого нужно лишь обвинить их в терроризме и назвать «незаконными вражескими комбатантами» — американским вариантом термина «враги народа». Этот закон также легализовал применение пыток к подозреваемым в террористической деятельности.

Не давая оценок «нравственности» действий администрации Д.Буша, заметим, что в условиях усиления внешней опасности, она интуитивно выбрала «сталинские» методы защиты американского государства. Это свидетельствует о том, что в чрезвычайных условиях борьбы за выживание госу-

дарства, лидеры любой политической ориентации: коммунисты, демократы, либералы используют подобные методы, как наиболее эффективные.

Следует не забывать, что в 1930-х годах вопрос «жизни и смерти» для советского государства стоял особенно остро. Политика окружавших СССР капиталистических государств всегда была направлена на уничтожение «коммунистической заразы», которая в своем гимне «Интернационал» заявляла: *«Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...»*

Относительно роли и значения Лаврентия Берия в организации «бессудного расстрела» военнопленных поляков необходимо сказать следующее. Как уже говорилось, весной 1940 г. для недавно назначенного наркома внутренних дел заниматься самодеятельностью в вопросах репрессирования было смертельно опасно. Поэтому Берия предпочитал действовать в соответствии с действовавшим в то время уголовно-процессуальным законодательством. Об этом наглядно свидетельствуют две ситуации, в которых в 1940—41 гг. принимались решения о расстрелах больших групп людей.

15 ноября 1941 г., в самый тяжелый период войны, Берия информирует Сталина, что в тюрьмах НКВД скопились 10.645 человек, приговоренных к расстрелу. Берия разъяснял, что подобное положение сложилось вследствие того, что: *«По существующему ныне порядку приговоры военных трибуналов округов, а также верховных судов союзных, автономных республик и краевых, областных судов входят в законную силу только после утверждения их Военной Коллегией и Уголовно-Судебной Коллегией Верховного Суда Союза ССР — соответственно.*

Однако, и решения Верховного суда Союза ССР по существу не являются окончательными, так как они рассматриваются комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), которая свое заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП(б) и только после этого по делу выносится окончательное решение...»

Исходя из этого, Берия предлагал:

«1. Разрешить НКВД СССР ...привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов.

2. Предоставить Особому совещанию НКВД СССР право с участием прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях, об особо опасных преступлениях против порядка управления СССР...выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого Совещания считать окончательным» (Новая газета. № 22, 1996, с. 4).

Государственный комитет обороны СССР согласился с предложением Берии. Как видим, даже тогда, когда враг стоял у ворот Москвы, «социалистическая законность» соблюдалась. Возникает вопрос, почему же в мирном 1940 г. Сталин и Берия пошли на нарушение созданной ими системы? Зачем для вынесения решения по военнопленным полякам нужно было выдумывать незаконную специальную тройку НКВД, если легитимная система вынесения «расстрельных» приговоров в СССР была отработана до мелочей?

«Игра в социалистическую законность», как характеризуют правовую ситуацию при Сталине некоторые историки, имела очень жесткие правила, которые не нарушал сам вождь и не позволял нарушать никому из своего окружения. В случае с поляками налицо явная алогичность поведения Сталина.

Версия авторов «Катынского синдрома...» о том, что **«соблюдение даже такой видимости законности какой было особое совещание, могло привести к просачиванию информации о вопиющем беззаконии — репрессировании военнопленных, мощным резонансом отозваться внутри страны и ее пределами»** не выдерживает критики (Катынский синдром... С 464).

Создание специальной тройки НКВД в целях усиления режима секретности было бессмысленным делом. Разница между «тройкой», созданной решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., и Особым совещанием ничтожна. В обоих случаях решение принимал тот узкий круг

проверенных лиц, не сомневающих в «линии партии». Более того, двое членов первоначально предложенного состава «тройки» (Берия и Меркулов) являлись полноправными членами Особого совещания. Третий (Баштаков), не входивший в состав Особого совещания, фактически постоянно участвовал в его работе, так как руководимый им 1-й Спецотдел готовил дела к рассмотрению на Особое совещание и контролировал исполнение принятых решений.

В организационном плане разница также была несущественной, поскольку схемы документооборота Особого совещания НКВД и специальной «тройки НКВД» полностью совпадали — документы шли через одних и тех же сотрудников 1-го спецотдела НКВД СССР.

Но решение Политбюро от 5 марта 1940 г. о создании «тройки» становится вполне логичным, если предположить, что ей вменялось **не вынесение приговоров, а политическая «сортировка» поляков**. Следует отметить, что в решении Политбюро «тройке» предписывалось *«рассмотрению дел и вынесение решения»*. Какого именно «решения» не уточнено. Можно предположить, что «тройка» должна была рассмотреть дела и на этом основании принять решение о разделении военнопленных поляков на три основных контингента.

1. Польские военнопленные, виновные в военных и других тяжких преступлениях. Следственные дела на них передавались в военные трибуналы. Эти пленные, как правило, **осуждались к расстрелу**.

2. Военнопленные поляки, настроенные антисоветски, но на которых не было достаточного компромата. Их дела направлялись на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. Они **осуждались к принудительным работам в лагерях**.

3. Польские военнопленные, настроенные просоветски или представлявшие оперативный интерес для НКВД. Они и в будущем **сохраняли свой статус военнопленных**.

Подобным образом аналогичной «тройкой», только названной «комиссией», были «рассортированы» в мае-июне

1940 г. красноармейцы, прибывшие из финского плена. 28 июня 1940 г. Берия докладывал Сталину о судьбе 5,5 тысяч красноармейцев и начсостава, переданных финнами при обмене военнопленными и размещенных в Южском лагере.

Дела 344 человек, *«изобличенных в активной предательской работе»*, рассмотрела Военная коллегия Верховного суда СССР, в результате чего *«приговорены к расстрелу 232 человека»*. Дела на 4.354 бывших военнопленных, на которых не нашлось достаточного материала для предания обычному суду, но *«подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену»*, рассмотрело Особое Совещание НКВД СССР и приговорило их *«к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет»*. 450 человек, *«попавших в плен больными, ранеными и обмороженными»* были освобождены! (Родина. № 12, 1995. С. 105).

Надо заметить, что *«тройка»*, созданная по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., во внутренней переписке органов НКВД также именовалась *«комиссией»* (Катынь. Расстрел... С. 24). Совпадение в названии слишком явное, чтобы быть случайным. Это подтверждает версию о том, что задача *«тройки»*, созданной по решению Политбюро от 5 марта 1940 г., вероятнее всего, как и в Южском лагере, состояла не в принятии решения на расстрел, а в политической *«сортировке»* военнопленных поляков перед направлением их в лагеря *«особого назначения»* под Смоленск.

Шелепин как «важнейший» свидетель по делу № 159

Однако вернемся к катынским документам. Выше отмечалось, что вторым важнейшим документом, якобы подтвердившим факт расстрела сотрудниками НКВД 21.857 польских военнопленных весной 1940 г. считается записка Председателя КГБ при СМ СССР Александра Николаевича Шелепина № 632-ш от 3 марта 1959 г. Никите Сергеевичу

Хрущеву с предложением уничтожить учетные дела расстрелянных поляков.

Она заслуживает более подробного исследования, и, прежде всего через призму личности Шелепина, которого «назначили» важнейшим свидетелем по катынскому уголовному делу. Обстоятельства подготовки записки Шелепина № 632-ш загадочны. Ведущие российские специалисты по Катынскому делу, авторы исследования «**Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях**» И.Яжборовская, А.Яблоков и В.Парсаданова, считают, что записка Шелепина Хрущеву стала следствием двух визитов партийного главы Польши Владислава Гомулки в январе-феврале 1959 г. в Москву. Якобы тогда у Хрущева зародилась мысль превратить Катынь в орудие международного развенчивания имиджа Сталина (Катынский синдром... С. 203—205).

Это мнение перекликается с версией российского публициста Л.Млечина о том, что Шелепин занялся катынской проблемой по указанию Хрущева (Млечин. «Железный Шурик». С. 261). И в этой связи якобы родилась записка Шелепина, которая подтверждала факт расстрела НКВД польских военнопленных. Но если внимательно проанализировать текст записки, то основная мысль в ней — **обеспечить соблюдение тайны катынского преступления путем уничтожения учетных дел польских военнопленных** (если текст его записки был таким, каким мы его знаем).

Версия о том, что Шелепин в марте 1959 г. занимался катынской темой **по поручению Хрущева**, не выдерживает критики. В этом случае Шелепин должен был бы представить Хрущеву исчерпывающую справку о катынском преступлении Сталина в духе XX съезда КПСС, подкрепив ее соответствующими примерами. Для обличения Сталина записка Шелепина составлена явно не профессионально. В ней, несомненно, должен был бы **акцентирован «преступный» замысел сталинского руководства** расправы с поляками, а также причины невыполнения в полном объеме решения Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле 25 700 поляков.

Подчеркнем еще раз, что основная мысль, которая явно просматривается в записке Шелепина, следующая: **избавьте КГБ и СССР от ненужных и опасных документов!** Так называемая возможная «расконспирация» польской акции с нежелательными последствиями для советского государства, на что «напирал» автор письма, в КГБ была маловероятна. Это утверждение, видимо, должно было придать обоснованность просьбе «чекистов». Однако в КГБ в то время хранились не менее взрывоопасные материалы, но никто их не просил уничтожить.

Заметим, что по сведениям доверительного источника, о котором будет рассказано ниже, Шелепин не может считаться **основным свидетелем** в расследовании катынского преступления. О расстреле поляков он знал ровно столько, сколько было изложено в подготовленной для него записке. Катынское дело интересовало его только с позиций обеспечения секретности акции по расстрелу поляков, дабы исключить «нежелательные последствия» для советского государства.

Очевидно, что приход Александра Шелепина в КГБ в декабре 1958 г. некоторые работники решили использовать для решения проблемных вопросов, накопившихся в бытность Председателем КГБ Ивана Серова. Известно, что в центральных аппаратах московских министерств и ведомств одной из насущных проблем был кабинет. Как сейчас, так и тогда, аппараты разрастались, а площади в зданиях оставались прежними. Работники по несколько человек теснились в кабинетах.

Видимо, кабинет, занятый учетными делами польских военнопленных, давно привлекал внимание некоторых сотрудников, работавших на Лубянке. С приходом нового Председателя появилась возможность эту проблему решить. Тогда и родилась записка Хрущеву, так как без ведома Генсека уничтожить сверхсекретные документы было нельзя.

Следователи Главной военной прокуратуры считают, что рукописную записку писал **«начальник секретариата Шелепина Плетнев»**. Известно, что в марте 1959 г. начальником секретариата КГБ СССР был В.П.Доброхотов, а Я.А.Плетнев

в это время занимал должность начальника Учетно-архивного отдела КГБ. Сверхсекретную записку Хрущеву мог готовить, как Плетнев, так и Доброхотов. Однако ни один из них не мог владеть исчерпывающей информацией по Катынскому делу. Возникает вопрос, кто и с какой целью предоставил им «своеобразную» информацию о ситуации с Катынским делом? Или все же она «плод» работы полковника Климова в 1992 г.?

Если же согласиться с тем, что известный текст записки Шелепина был подготовлен в 1959 г., то поневоле придется сделать вывод, что основной причиной появления этой записки явилось желание «чекистских» аппаратчиков **получить новый кабинет**. Уничтожение дел польских военнопленных означало автоматическое высвобождение так необходимой площади. Предлагаемые для сохранения протоколы заседаний тройки НКВД и акты о приведение в исполнение решений о расстрелах были небольшими по объему и могли храниться в «Особой папке», не занимая отдельный кабинет.

Историко-содержательный анализ свидетельствует, что, так называемую записку Шелепина, (приходится так называть ее, несмотря на то, что Шелепин не был ее автором) **сложно считать надежным историческим документов**, по причине целого ряда неточностей и ошибок, содержащейся в ней.

Прежде всего, она фактически **дезинформировала главу Советского государства Хрущева о действительной ситуации с Катынским делом**. Так, в записке утверждается, что выводы комиссии Н.Н.Бурденко, согласно которым *«все ликвидированные там поляки считались уничтоженными немецкими оккупантами... прочно укрепились в международном общественном мнении. Исходя из вышеизложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции»*.

Это утверждение ложно. И об этом хорошо было известно Хрущеву. Все послевоенные годы Катынское дело на Западе упорно разворачивалось в антисоветском направлении. Ситуация с Катынью с начала 1950-х годов являлась важным

элементом идеологической войны Запада против СССР. Информация о различных аспектах Катынского дела регулярно вбрасывалась в западные средства массовой информации. Были изданы десятки книг, обвиняющие СССР в расстреле польских офицеров. В Польше катынская тема оставалась предметом ожесточенных споров все послевоенные годы.

Во время визита Хрущева в Польшу осенью 1956 г. в связи с антисоветскими волнениями, ему пришлось выслушать немало по поводу причастности НКВД к расстрелу поляков в Катыни. К вышесказанному добавим, что Хрущеву было известно, что в 1951—52 гг. в США работала специальная комиссия Палаты представителей американского Конгресса (так называемая «комиссия Мэддена») по расследованию Катынского дела, которая пришла к выводу, что массовые убийства польских офицеров и полицейских совершили органы НКВД.

Руководство СССР и МГБ СССР внимательно следили за ходом работы этой комиссии. В МИДе СССР была создана «своя комиссия по катынскому вопросу... Членом этой комиссии являлся и представитель МГБ СССР полковник госбезопасности Д.В.Гребельский, постоянно информировавший свое начальство о ходе ее работы» (Катынь. Расстрел... С. 441).

Комиссия Р.Мэддена единогласно признала вину СССР за Катынь и рекомендовала Конгрессу подать иск в Международный трибунал. Однако этого не произошло, так как Советский Союз в то время имел доминирующие позиции в Восточной Европе, в связи с чем представители Государственного департамента не поддержали это предложение. Но, несомненно, о выводах и предложениях комиссии Мэддена докладывалось Хрущеву.

В августе 1956 г. шесть членов Палаты представителей Конгресса США обратились к Н.Хрущеву с вопросом, почему он до сих пор не признал вину Сталина и Берия в *«катынском убийстве офицеров польской армии»* («Нью-Йорк Таймс». 5 августа 1956 г.). Аналогичные письма были направлены всем руководителям стран социалистического блока от Владислава Гомулки в Польше до Броз Тито в Югославии. Не-

сомненно, все они консультировались (кроме Тито) с Хрущевым, какой должна была быть реакция на это обращение. Это вновь напомнило Хрущеву о Катынском деле.

В 1957 г., как уже говорилось, в Европе развернулась шумная акция по поводу появления в западногерманском журнале «7 Tage» статьи о сомнительном рапорте начальника Минского УНКВД Тартакова по поводу исполнителей катынского преступления. Вряд ли этот скандал прошел мимо Хрущева.

А тут в записке «молодой» выдвиженец Шелепин уверяет Хрущева, что все в мире верят советской версии. Вспыльчивый Никита Сергеевич мог бросить записку прямо в лицо Шелепину. Ну, а дальше наступил бы черед разбора полетов в самом КГБ. Сотрудники, курировавшие катынскую проблему, вынуждены были бы отвечать, почему наверх пошла ложная информация? Какие цели, помимо выборочного уничтожения части катынских документов (причем, именно той части, которая хуже всего поддается фальсификации!), преследовали авторы записки, дезинформируя высшее руководство СССР и КГБ о ситуации вокруг Катынского дела?

Однако все обошлось. В этой связи возникает вопрос, читал ли Хрущев в марте 1959 г. именно тот текст записки № 632-ш, который ныне приписывается Шелепину? Заявитель Илюхина в мае 2010 г. сообщил, что записка Шелепина также была сфальсифицирована. Занимался этим некий полковник Климов. Возможно, по этой причине в записке, которая готовилась для первого лица страны, что подразумевает максимальную тщательность и высшую степень ответственности исполнителей, были допущены существенные фактологические ошибки (помимо орфографических и грамматических).

Так, в записке говорится о «*пленных и интернированных*» поляках, тогда как весной 1940 г. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях содержались исключительно военнопленные, а в тюрьмах — арестованные граждане бывшей Польши. Интернированные поляки появились

в лагерях НКВД только после вхождения Прибалтики в состав СССР летом 1940 г.

Помимо этого указывается, что поляки расстреливались непосредственно: **«в Старобельском лагере близ Харькова и Осташковском лагере (Калининская область)»**. В то же время известно, что офицеры из Старобельского лагеря расстреливались во внутренней тюрьме Харьковского УНКВД, а военнопленные из Осташковского лагеря — в тюрьме Калининского УНКВД.

Весьма странным является утверждение о близости Старобельского лагеря к Харькову. Старобельск располагался на территории Ворошиловградской области и расстояние от него до Харькова составляло 210 км! **Чем была обусловлена подобная неточность в столь важном документе?**

В записке также ошибочно утверждается, что все поляки **«были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 г.»**, хотя известно, что на 7.305 арестованных и якобы расстрелянных польских граждан из тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии заводились не учетные, а следственные дела, причем, значительная часть дел была заведена не в 1939, а в 1940 г.!

В записке Шелепина говорится о приведении в исполнение решений **«троек»** (во множественном числе!). В то же время рассмотрение дел польских военнопленных и вынесение решения Политбюро ЦК ВКП(б) возложило **«на тройку в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова»**. Ни о каких других тройках речь на Политбюро не шла. **Что это, простая опечатка, или за этим стоит нечто большее?**

Фактически в записке Шелепина нет ни одного абзаца, в котором не содержалось бы ошибок, неточностей, искажений фактов или недостоверных сведений. У любого исследователя эти неточности и ошибки неизбежно вызовут вопросы:

Можно ли считать, что автор записки обладал объективной информацией о Катынском деле? Являются ли сведения, содержащиеся в записке Шелепина о количестве расстрелянных поляков, достоверными и точными? Мож-

но ли считать записку Шелепина надежным историческим документом?

Необходимо отметить, что в ряде публикаций роль Шелепина в Катынском деле неоправданно преувеличена. Российское следствие также гипертрофировало роль бывшего Председателя КГБ, как одного из **важнейших свидетелей по уголовному делу № 159**. Такая позиция глубоко ошибочна. Как говорилось, Катынскому делу Шелепин особого значения не придавал, подробностями не интересовался и к началу 90-х годов забыл содержание своей записки Хрущева.

Не случайно Шелепин во время допроса-беседы 11 декабря 1992 г. заявил следователю Главной военной прокуратуры Анатолию Яблокову о том, что **«о преступлении в Катыни и других местах в отношении польских граждан он знает только то, что сообщалось в газетах»** (Л.Млечин. Железный Шурик. С. 268).

Это заявление подтверждает несоответствие, допущенное Шелепиным в весьма обширной статье-воспоминании **«История суровый учитель»**, опубликованной в газете «Труд» за 14, 15 и 19 марта 1991 г. В этой статье Шелепин утверждает, что генерал Серов, **«имел прямое отношение к расстрелу 15 тысяч польских военнослужащих в Катынском лесу»** (Труд. 14 марта 1991). В то же время известно, что Иван Серов в 1940 г. был наркомом внутренних дел Украины, в силу чего он мог иметь отношение только к расстрелу польских военнопленных из Старобельского лагеря в Харькове и заключенных из тюрем Западной Украины в Киеве, Харькове и Херсоне.

В своей статье Шелепин допустил еще одну серьезную ошибку. Он утверждал, что в Катынском лесу **были расстреляны 15 тысяч поляков**, в то же время как в его записке 1959 г. говорилось о расстреле там **4.421 польских военнопленных**.

Объяснить это можно следующим. В апреле 1990 г. во время написания Шелепиным статьи **«История суровый учитель»** было опубликовано заявление ТАСС с признанием ответственности руководителей НКВД СССР за расстрел

15 тысяч польских офицеров. Эта цифра и вошла в статью Шелепина, так как точные количественные данные из письма Хрущеву он к 1991 г. уже не помнил.

Во время допроса Шелепин также заявил, что *«в первые месяцы, не чувствуя себя профессионалом в этой области, он во всем доверился тому, что ему готовили подчиненные, и поэтому подписал, не вникая в существо вопроса, письмо Хрущеву и проект постановления президиума»* (Катынский синдром... С. 395).

Позднее, для исключения такого зависимого положения, Шелепин ввел практику, при которой он, минуя служебную «вертикаль», в сложных ситуациях лично обращался за разъяснениями к оперативному работнику центрального аппарата, непосредственно курировавшему проблему (Млечин. Железный Шурик. С. 184—185). Но это было позже.

О мнимой «ценности» показаний Шелепина свидетельствует следующий факт. Во время допроса Шелепин рассказал следователю ГВП Яблокову совершенно **невероятную историю** о порядке получения из Архива ЦК КПСС выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) с решением от 5 марта 1940 года. Якобы эту выписку ему принес какой-то сотрудник аппарата КГБ?! Этого не могло быть ни при каких обстоятельствах!

Для получения документа из «Особой папки» Политбюро ЦК КПСС требовалось получить **разрешение непосредственно у Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева**. Шелепин, несмотря на то, что он был Председателем КГБ, не мог непосредственно в Общем отделе ЦК КПСС «затребовать» выписку со сверхсекретным решением Политбюро ЦК ВКП(б). Прежде всего, он должен был обратиться к Хрущеву и получить «добро».

Логично предположить, что Шелепин дал указание руководителю своего Секретариата прозондировать ситуацию с заведующим Общим отделом ЦК КПСС В.Малиным на предмет получения выписки из решения Политбюро ВКП(б). Однако вряд ли В.Малин взял бы на себя ответственность, без согласия первого лица, выдать документ из «Особой пап-

ки». Поэтому Шелепин в любом случае должен был обратиться к Хрущеву.

Документ из «Особой папки» или «закрытого пакета» в запечатанном виде **спецкурьер ЦК КПСС должен был лично** доставить Шелепину. После прочтения получателем курьер был обязан забрать документ (в запечатанном виде) и доставить его обратно в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС (архив Политбюро). Трудно поверить, что Шелепин забыл этот порядок. Вероятно, старый чекист решил проверить **компетентность военного прокурора** и, поняв, что тот малосведущ в тонкостях проблем, которые расследует, соответствующим образом выстроил свои показания, заявляя, что не имел отношения к получению решения Политбюро ВКП(б). В силу этого ценность информации, сообщенной Шелепиным военному прокурору Яковлеву во время допроса в декабре 1992 года, сомнительна.

Утверждение Яблокова о том, что: *«в целом, допрошенный в качестве свидетеля Шелепин подтвердил подлинность анализируемого письма и фактов, изложенных в нем. Он также пояснил, что лично завизировал проект постановления Президиума ЦК КПСС от 1959 г. об уничтожении документов по Катынскому делу и считает, что этот акт был исполнен»* также сомнительно (Катынский синдром... С.396).

Весьма двусмысленно выражение Шелепина о том, что он «считает», что документы были уничтожены. Оно явно свидетельствует о неуверенности Шелепина в факте уничтожения «катынских» документов, чего не могло быть в случае получения санкции Хрущева на такое уничтожение. Тогда бы Шелепин, согласно неписаным правилам аппаратной работы советского периода, **был обязан проконтролировать исполнение** указания Первого секретаря ЦК КПСС и лично доложить Хрущеву об исполнении. В этом случае Шелепин **был бы абсолютно уверен, а не «считал бы», что документы были уничтожены.**

Кроме того, в 1992 г. Шелепин не мог уверенно подтвердить подлинность письма № 632-ш, предъявленного ему в

виде черно-белой ксерокопии, так как практически не помнил его содержания. В предварительной беседе с Яблоковым 9 декабря 1992 г., в ходе которой у Шелепина не было необходимости поддерживать свой авторитет, как бывшего Председателя КГБ, он признался, что записку ему «*подсунули*», пользуясь его неопытностью, и он подписал ее, практически не читая. Не случайно он попросил Яблокова ознакомить его с оригиналом этого письма и связаться с сотрудником КГБ, непосредственно отвечавшим за подготовку данного документа. Но этого не было сделано.

Следует учесть, что за три недели до допроса Шелепина Яблоковым, центральные российские газеты опубликовали основные документы из катынского «закрытого пакета № 1», в том числе и его записку Хрущеву от 3 марта 1959 г. Несомненно, А.Шелепин был знаком с этими публикациями, но, тем не менее, по поводу записки у него возникли вопросы. Что бы это значило?

С учетом вышеизложенного, утверждение Яблокова о подтверждении Шелепиным подлинности письма просто не корректно. Однако в сентябре 2009 г. бывший военный следователь Яблоков в ходатайстве в Басманный суд г. Москвы вновь утверждает, что бывший Председатель КГБ Александр Шелепин в ходе допроса подтвердил подлинность кремлевских документов из «закрытого пакета» (См. Новая газета. 02.09.2009. «Он лично допрашивал Шелепина и Судоплатова. И за это ответит»). В данном случае Яблоков пошел на явный подлог. Он забыл собственные утверждения, изложенные в книге «Катынский синдром...» о том, что Шелепин подтвердил подлинность только записки, направленной Хрущеву. На самом же деле Шелепин вынужден был согласиться с утверждением, навязанным ему Яблоковым.

Мифическая ситуация, рассказанная Шелепиным по поводу получения им «закрытого пакета» из Архива Политбюро, позволяет оценить профессионализм остепененных катынцеведов. Так, авторы «Катынского синдрома...» утверждают, что *«готовя записку, Шелепин затребовал и получил — датой 27 февраля 1959 г. — выписку из протокола Полит-*

бюро ВКП(б) с решением от 5 марта 1940 г. Вероятно, он познакомил с нею Хрущева, тем более, что его подписи на документе не нашел» (Катынский синдром... С. 205—206).

Утверждение о том, что Шелепин после ознакомления с выпиской из протокола Политбюро ЦК ВКП(б) осмелился ознакомить Хрущева с этим документом, просто невероятно с позиций внутривластных должностных отношений. В КПСС никто и никогда не смел показывать «первому лицу», что тот чего-то не знает в вопросах, находящихся под его непосредственным контролем. «Особая папка» и «закрытые пакеты» в ЦК КПСС всегда были прерогативой «первого лица». Если бы Шелепин сунулся к Хрущеву подобным образом, как это описывается в «Катынском синдроме...», то его дни на руководящей работе были бы сочтены. Зная амбициозный и взрывной характер Хрущева, ситуация, без сомнения, перешла бы на личностный уровень и кончилась бы для Шелепина весьма печально.

Следователю Яблокову следовало бы также поинтересоваться некоторыми моментами, на которые записка Шелепина не давала ответа. И, прежде всего тем, почему решение Политбюро не было выполнено в полном объеме? Эта информация могла бы пролить дополнительный свет на Катынское дело. Следствие также не выяснило, на основании каких отчетов была определена цифра расстрелянных поляков в 21 857 человек?

Не заинтересовал Яблокова и вопрос о том, куда исчезли «протоколы заседаний тройки НКВД СССР и акты о приведении в исполнение решений троек», которые Шелепин предлагал сохранить в «особой папке» ЦК КПСС? Ответа на этот вопрос до сих пор также нет. Предполагается, что они были уничтожены вместе с учетными делами. Так ли это? Расследования по поводу их пропажи не проводилось.

У катыноведов вызывает удивление, что такой сверхсекретный документ, как записка Шелепина Н—632-ш, хранился в ЦК КПСС в течение 6-ти лет без регистрации. Авторы «Катынского синдрома...» утверждают, что: «Документ дли-

тельное время, с 3 марта 1959 г., не регистрировался, очевидно потому, что находился в сейфе у заведующего общим отделом ЦК КПСС Малина. Такое положение имело место с многими документами аналогичного значения. В 1965 г. Малин уходил с этой должности и поэтому 9 марта 1965 г. под номером 0680 документы были зарегистрированы в текущем делопроизводстве ЦК КПСС, а 20 марта 1965 г. под № 9485 переданы в Архив ЦК КПСС» (Катынский синдром... С.396).

Вывод чрезвычайно «глубокомысленный»! Документ не регистрировался, потому что находился в сейфе, а в сейфе находился, потому что не регистрировался и т.д. Но это не ответ на вопрос о том, почему же в нарушение правил секретного делопроизводства ЦК КПСС, нацеленных на недопущение подобных фактов, документ пролежал в сейфе заведующего 6 лет?

Известно, что в сейфах у некоторых зав. отделами ЦК КПСС годами хранились секретные документы, которые регистрировались только при передаче ими дел. Помимо Владимира Никифоровича Малина, такой практикой грешил, по воспоминаниям бывших сотрудников ЦК КПСС, заведующий Отделом оборонной промышленности Иван Александрович Сербин. Как правило, это были важные сверхсекретные документы, по которым, в силу различные причин, так и **НЕ БЫЛИ ПРИНЯТЫ РЕШЕНИЯ Президиума или Политбюро ЦК КПСС.** Судьба документов, по которым отсутствовало положительное решение, не имела продолжения и их можно было без опаски хранить в сейфе.

Другое дело записка Шелепина, по которой, как утверждается, Хрущевым было принято устное положительное решение. В таком случае история документа приобретала продолжение и его регистрация становилась необходимой. Но его так и не зарегистрировали. Все становится логичным, если предположить, что положительное решение по записке Шелепина не было принято. Эту версию подтверждают свидетельства, о которых мы расскажем ниже.

«Рукописи не горят!»

До сих пор достоверно не установлено, что последовало после рассмотрения Хрущевым записки Шелепина. Официально считается, что Хрущев дал устное согласие на уничтожение учетных дел расстрелянных польских военнопленных, после чего все дела были сожжены по личному указанию Шелепина.

Этот факт подтверждает справка от 1 июня 1995 г., подписанная начальником управления ФСБ РФ генерал-лейтенантом А.А.Краюшкиным, в которой сообщается, что весной 1959 г. на основании *«указания А.Шелепина...два сотрудника (фамилии их известны, но они умерли) в течение двух недель сжигали эти дела в печке в подвальном помещении дома по ул. Дзержинского. Никакого акта в целях сохранения секретности не составлялось»* (С.Филатов. Кольцо «А». № 34, 2005, с. 118).

В дополнение к информации генерала Краюшкина, в исследовании *«Катынский синдром...»* сообщается, что 18 апреля 1996 г. следователь ГВП С.Шаламаев допросил «бывшего сотрудника архива КГБ И.Смирнова, который подтвердил, что на Лубянке было сожжено несколько ящиков документов» (Катынский синдром... С. 396). В разговоре с авторами С.Шаламаев добавил, что бывшие сотрудники архива КГБ СССР заявили, что сожжение учетных дел польских военнопленных происходило в марте 1959 г. в подвале дома по ул. Дзержинского и продолжалось около двух недель.

Казалось бы, с такими утверждениями не поспоришь. Однако, все это напоминает известный миф о Гохране, откуда руководители Советского государства без расписок брали произведения ювелирного искусства для подарков иностранным гостям. Возможно, Генсеки ЦК КПСС и не писали расписок, но работники Гохрана, которые обеспечивали сохранность ценностей, все скрупулезно активировали. В противном случае им пришлось бы отвечать самим. В вопросах унич-

тожения сверхсекретных документов подход был аналогичным. Акт об уничтожение документов **«в целях сохранения секретности»**, был необходим, прежде всего, для прикрытия самих исполнителей.

Более абсурдную ситуацию, нежели с уничтожением учетных дел польских военнопленных в КГБ, трудно представить. Для того, чтобы уничтожить эти дела потребовалось **разрешение главы советского государства**. А решение об уничтожении этих сверхсекретных катынских документов без оформления каких-либо актов якобы было **принято в КГБ на уровне работников архивной службы?! Удивительно**, но этот факт не вызвал вопросов у следователей Главной военной прокуратуры.

В итоге так и не ясно, уничтожены эти документы или нет? Официального акта ведь нет. В этой связи напомним высказывание А.Прокопенко, бывшего руководителя Особого архива о том, что в начале 1990-х годов лучшей тактикой сокрытия секретных документов было заявление о том, что они сгорели, или их украли. Непонятно, за что в 1992 г. некоторым военным следователям платили зарплату? Если бы подобным образом расследовались бы дела о шпионаже, то все вражеские агенты были бы оправданы за недостаточностью улик.

Однако история с «сожжением» катынских документов получила продолжение, когда выяснилось, что Хрущев весной 1959 г. не давал согласия на уничтожение учетных дел. Об этом авторам сообщил в феврале 2006 г. один из близких друзей Шелепина, бывший второй секретарь ЦК Компартии Литвы Валерий Иннокентьевич Харазов. Многолетняя дружба Шелепина и Харазова достаточно подробно описана в книге Л.Млечина «Железный Шурик».

По словам Харазова, в начале 1960-х годов Шелепин после ухода из КГБ, уже будучи Секретарем ЦК КПСС, в доверительной беседе заявил ему, тогда работнику ЦК КПСС, что: **«Хрущев, ознакомившись с запиской, отказался дать согласие на уничтожение учетных дел расстрелянных поль-**

ских военнопленных, заявив, пусть все остается, как есть» (Швед. Игра в поддавки. «Фельдпочта» № 11/117, 2006).

Поводом для разговора друзей о Катынском деле послужила какая-то ситуация в Польше. Шелепин высказал серьезную обеспокоенность тем, что **в результате очередного непродуманного решения Хрущева были сохранены документы расстрелянных в 1940 г. поляков, которые в будущем могут стать источником серьезных проблем для СССР.** Харазов запомнил этот разговор, так как его поразило, что Шелепин говорил **о расстрелянных пленных польских офицерах.**

Считать, что катынские документы были уничтожены без согласия Хрущева только по личному распоряжению Шелепина, как утверждается в справке ФСБ, абсурдно. Надо помнить, что Шелепин был «выдвиженцем» Хрущева и зарекомендовал себя ярким его сторонником в борьбе против «антипартийной группы Молотова, Маленкова и Кагановича» в 1957 г.

В 1959 г. Шелепин еще был искренне предан Хрущеву и не предпринимал никаких серьезных действий без его согласия. Помимо этого, Шелепин хорошо понимал, что в Комитете наверняка найдется «доброжелатель», который обеспечит поступление «наверх» информации о самоуправстве председателя. В случае, если бы Хрущев дал согласие на уничтожение учетных дел, **Шелепин не позволил бы уничтожить их без акта, и, как уже говорилось, лично проконтролировал бы исполнение.**

Проблематично полагать, что катынские документы уничтожили в период работы Владимира Ефимовича Семичастного Председателем КГБ. Известно, что А.Шелепин и В.Семичастный с комсомольских времен являлись очень близкими друзьями и жили в одном доме. Если бы учетные дела польских военнопленных были уничтожены при Семичастном, то Шелепин, вероятно, об этом знал бы. О доверительности отношений Шелепина и Семичастного свидетельствует тот факт, что Шелепин дал согласие на встречу со следователем ГВП РФ А.Яблоковым в декабре 1992 г. только в присутствии Семичастного.

Объяснить поведение Шелепина, заявившего на допросе в 1992 г., что Хрущев дал согласие на уничтожение катынских документов, не сложно. Старый аппаратчик, повидавший на своем веку много резких поворотов судьбы, предпочел в «неопределенное, смутное» время придерживаться версии военной прокуратуры. Тем более что она обеспечивала минимум вопросов.

Это подтверждает и поведение Шелепина и Семичастного во время допроса. Следователь Яблоков писал: «У меня сложилось впечатление, что оба старика находились в состоянии какого-то беспокойства по поводу происходящего в стране... В ходе допроса по их настоянию делались перерывы для просмотра всех информационных новостей по всем телевизионным каналам, которые они жадно впитывали в обстановке полной тишины и напряженного внимания» (Катынский синдром... С. 396).

Кто дал указание об уничтожении документов по Катыни из архива КГБ и когда они были уничтожены и были ли они уничтожены вообще — остается очередной катынской тайной.

«Проклятое прошлое» и борьба за власть в Кремле

Некоторые исследователи полагают, что катынские документы впервые подверглись «корректировке» в период хрущевского правления. И, хотя основные свидетельства говорят о том, что, вероятнее всего, фальсификация этих документов произошла в 1992 г., тем не менее, рассмотрим возможность корректировки катынских документов в период хрущевской кампании развенчивания культа личности Сталина.

Однако сколь бы серьезны не были сомнения в подлинности документов, объявленных «историческими», они разбиваются о неизбежный в данной ситуации вопрос: зачем и кому понадобилось их фальсифицировать в период расше-

та СССР? Если бы в них обелялась деятельность НКВД и ЦК, подобное было бы понятным и логичным, Но в данном случае эффект достигался **прямо противоположный**: «исторические документы» документы возлагали на руководство Советского Союза полноту ответственности за катынское преступление.

Кто в здравом уме решился бы на такое — и не где-нибудь в Варшаве, Вашингтоне или Лондоне, где обосновалась польская эмиграция, а в Москве, в аппарате того самого ЦК, который и оказался в результате **главным обвиняемым** по Катынскому делу. Выходило, что сведения, содержащиеся в «закрытом пакете» «Особой папки» правдивы. «Главные злодеи» сами признались в своих преступлениях — что же тут обсуждать?

Логика вроде бы железная. Если только не учитывать лихорадочную, сумасшедшую борьбу за власть, время от времени сотрясавшую Кремль. В этой войне жертвовали всем — интересами соратников, партии, страны и, прежде всего, историей, которая в очередной раз **объявлялась «проклятым прошлым»** и подлежала радикальному преодолению.

После смерти Сталина управление советским государством некоторое время носило коллективный характер. До середины 1957 г. Никита Сергеевич Хрущев, ставший в сентябре 1953 года Первым секретарем ЦК КПСС, делил власть с Маленковым Георгием Максимилиановичем, Председателем Совета Министров СССР, т. е. юридическим главой государства, и Булганиным Николаем Александровичем, первым зам Председателя Совмина, а с февраля 1955 г — Председателем Совмина СССР.

Хрущев, используя традиции партийного руководства, сложившиеся при Сталине, постепенно перетянул «одежда власти» на себя. Этому во многом способствовало то, что система взаимоотношений, сложившаяся между партийными и советскими органами, не была пересмотрена.

Однако полновластия, подобного сталинскому, Хрущева добиться не удалось. Сталинская когорта стойко отстаивала свои позиции. Дело дошло до того, что 19 июня 1957 г. Президиум ЦК КПСС по инициативе Молотова, Маленкова, Ка-

гановича и примкнувшего к ним Шепилова сместил Хрущева с поста Первого секретаря ЦК.

Хрущева тогда спас министр обороны СССР Георгий Жуков, который дал команду срочно доставить со всей страны самолетами военно-транспортной авиации в Москву сторонников Хрущева из числа членов Центрального Комитета. 22 июня 1957 г. на пленуме ЦК КПСС они осудили *«антипартийную группу Молотова — Маленкова»*. И лишь 27 марта 1958 г., совместив должности Первого секретаря ЦК партии и Председателя Совета Министров, Хрущев достиг абсолютной власти в СССР.

Ставки в политической борьбе Хрущева за власть и влияние не только в СССР, но и в социалистическом лагере в те годы были предельно высоки. Поэтому «убойному» компромату на «сталинистов» Хрущев придавал особое значение.

Необходимо заметить, что Н.Хрущев и И.Серов в довоенные годы совместно руководили Украиной. Один был первым секретарем ЦК Компартии Украины, другой — наркомом внутренних дел республики. За обоими числилось немало кровавых дел. Поэтому прежде чем начинать кампанию против Сталина, Хрущеву и Серову надо было скрыть свои собственные преступления в «сталинский период».

Российский публицист и телеведущий Леонид Млечин в книге *«Железный Шурик»* пишет, что: *«по мнению историков, Серов (тогдашний председатель КГБ) провел чистку архивов госбезопасности... В первую очередь исчезли документы, которые свидетельствовали о причастности Хрущева к репрессиям»* (Млечин. Железный Шурик. С. 153).

Ветеран госбезопасности, генерал-майор КГБ Анатолий Шиверских, рассказывал авторам о том, что перед XX съездом КПСС началась активная «зачистка» архивов органов госбезопасности и компартии, продолжавшаяся до ухода Серова из КГБ в 1958 г. Это было необходимо для сокрытия преступлений Хрущева и «усугубления вины» Сталина и его команды: Молотова, Микояна, Кагановича, Маленкова, Булганина. Можно предположить, что в некоторых случаях архивные документы не просто изымались, но и «корректи-

рвались» с целью усугубления преступлений «сталинского режима».

Бывший нарком земледелия, а впоследствии министр сельского хозяйства СССР И.А.Бенедиктов в интервью журналисту В.Литову в 1981 г. заявил: *«Компетентные люди мне говорили, что Хрущев давал указания об уничтожении ряда важных документов, связанных с репрессиями в 30-е и 40-е годы. В первую очередь, разумеется, он пытался скрыть свое участие. В то же время, по приказу Хрущева уничтожались и документы, которые неопровержимо доказывали обоснованность репрессивных акций...»* <http://www.rkrp-rpk.ru/index.php?action=articles&func=one&id=103..>

В.Фалин, работавший во времена Хрущева в ЦК КПСС референтом вновь созданного Отдела международной информации, в разговоре с автором сообщил, что в период «антисталинской» кампании с архивными документами работало две группы специалистов. Одна — в здании ЦК КПСС на старой площади, другая — в КГБ на Лубянке. Главной задачей этих групп была корректировка или уничтожение архивных документов.

А скрывать было что. Прочитируем лишь одну телеграмму, направленную в 1938 г. Хрущевым, первым секретарем ЦК Компартии Украины, Сталину с выражением притворного возмущения: *«Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17—18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более двух-трех тысяч. Прошу принять меры. Любящий Вас Н.С.Хрущев»».*

Но «любящий» Хрущев жестоко ненавидел Сталина. Об уровне личной ненависти Хрущева к Сталину свидетельствует факт, рассказанный Вячеславом Молотовым, со слов сотрудников охраны, писателю Феликсу Чуеву. Вскоре после смерти Сталина на его «ближнюю дачу» в Волынском приехал Хрущев. Припадок дикой ярости охватил Никиту Сергеевича, когда он увидел на стене фотографию Сталина с детьми; Василием и Светланой. Он подбежал, сорвал ее, бросил на пол и стал топтать ногами.

Выполняя указания Хрущева, специалисты из вышеупомянутых групп накануне и после XX съезда КПСС, работали, не покладая рук. Опыт расправы с архивными документами к этому времени уже был. В одной из телепередач программы «Совершенно секретно» в августе 1995 года (телефильм «Мой отец — Лаврентий Берия») Дмитрий Волкогонов сообщил, что после расстрела Берии, по указанию Хрущева, были уничтожены одиннадцать мешков с компроматом на членов Политбюро и других партийных советских деятелей из личного архива Л.Берии (<http://www.rkrp-rpk.ru/index.php?action=articles&func=one&id=103>).

Главный маршал авиации, бывший личный пилот Сталина А.Голованов в разговоре с тем же Ф.Чуевым 1 февраля 1975 г. утверждал, что вся его переписка со Сталиным времен войны (3 тома) также была уничтожена. Голованов был доверенным лицом Сталина и докладывал только реальные факты. Во многом они позволяли уяснить истинную роль Сталина в войне. Этого оказалось достаточно, чтобы эти документы исчезли.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором Хрущев развенчал культ «отца народов». Заметим, что с докладом о культе личности Хрущев выступил после съезда и пленума ЦК, на котором он был избран Первым секретарем ЦК КПСС. Если бы Хрущев выступил на самом съезде, то его судьба была predetermined — партию он вряд ли возглавил. Доклад Хрущева был опубликован в 1989 г. в 3-ем номере «Известий ЦК КПСС». Однако в него не вошли отступления от текста доклада, которые постоянно делал Хрущев.

Консультант, затем зам. заведующего отделом культуры ЦК КПСС И.Чернауцан рассказывал о том, как Хрущев читал доклад: *«С особой ненавистью и ожесточением говорил Хрущев о Сталине. Он объявил его, впавшего в состояние глубокой депрессии, прямым и главным виновником поражения на фронтах в первый период войны... Никита с яростью кричал: «Он трус и паникер. Он ни разу не выехал на фронт»* (Мартиросян. 22 июня. С.107).

В том, что Хрущев мог дать команду подкорректировать катынские документы убеждают факты из его кампании по разоблачению культа личности Сталина. Так, Хрущев в своих воспоминаниях утверждал, что Сталин бездействовал накануне войны и не предпринял никаких мер по отражению возможной агрессии нацистов. Впоследствии выяснилось, что еще днем 21 июня Сталин предупредил московских руководителей Щербакова и Пронина о том, что необходимо задержать секретарей райкомов партии на местах в связи с возможным нападением немцев.

Вечером того же дня у Сталина в 20 ч. 50 мин. (это подтверждает тетрадь приема лиц) состоялось совещание с присутствием зам. пред. СНК, наркома иностранных дел В.Молотова, наркома НКВД Л.Берия, секретаря ЦК ВКП(Б) по кадрам Г.Маленкова, наркома обороны СССР С.Тимошенко, начальника Генштаба Красной Армии Г.Жукова и зам. наркома обороны начальника тыла КА С.Буденного. На этом совещании Сталин прямо заявил о том, что завтра Германия, возможно, нанесёт удар по СССР. Это **зафиксировал в своем дневнике маршала СССР С.Буденный, который был недавно обнаружен.**

С подачи Хрущева в советской истории укоренился другой миф, согласно которому Сталин в первый день войны якобы был полностью деморализован, Он, в присутствии членов Политбюро, якобы заявил, что пролетарское Советское государство *«мы прос..али»*, отказался от руководства страной и уехал на «ближнюю дачу».

Однако члены Политбюро В.Молотов, А.Микоян, Л.Каганович, генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г.Димитров, а также маршал Г.Жуков в своих воспоминаниях заявляли: Сталин в первый день войны был обеспокоен, но работал в напряженном ритме. Это подтверждают тетради приема Сталиным посетителей. 22-ого и в ночь на 23 июня 1941 г. Сталин принял 37 человек. Работу (с небольшим перерывом на отдых) закончил 23 июня в 6 ч. 10 мин. (Эпоха Сталина. С. 113). В первые дни войны Сталин, решая важнейшие вопросы организации отпора агрессору, ежедневно при-

нимал от 20 до 30 советских военных, партийных и государственных деятелей.

После обнародования указанных тетрадей обличители Сталина скорректировали свою версию. Теперь получалось, будто вождь советского народа впал в прострацию не в первый день войны, а через неделю после ее начала, получив известие о сдаче Минска. Однако и эту версию развенчал российский историк Игорь Пыхалов в книге «**Великая оболганная война**» (глава 10).

Хрущев также обвинял Сталина в том, что его приказу перед войной были взорваны оборонительные сооружения на старой госгранице СССР («линии Сталина»). Именно это, якобы позволило немцам без особых трудов прорваться вглубь России. Впоследствии выяснилось, что и это была явная ложь.

Достоверность фактажа в докладе Хрущева на XX съезде КПСС (на совещании после съезда) о культе личности также является достаточно сомнительной. Профессор американского колледжа Монтклер (Montclair State University) из штата Нью-Джерси Гровер Ферр проанализировал факты, изложенные в докладе Хрущева, и обнаружил, что многие из них являются умелой подтасовкой. О результатах исследования Г.Ферра можно прочитать в его книге «**Антисталинская подлость**». Однако это не значит, что в сталинский период не было необоснованных репрессий и перегибов. Но исследование Г.Ферра свидетельствует о том, что сталинский период требует более тщательного исследования.

Буквально спустя несколько дней после закрытия XX съезда КПСС доклад Хрущева оказался (через Польшу) в Вашингтоне. Началось его тиражирование в зарубежных СМИ. Соцлагерь забурлил. Всем известны события в Венгрии, но не менее активными были антисоветские выступления и в Польше. Здесь волнения начались весной 1956 г. Польская интеллигенция в Щецине и Торуня в числе других требований настаивала на пересмотре советской версии Катынского дела.

Тогдашний министр обороны Польши Константин Рокоссовский в книге «**Победа не любой ценой**» так описывает

эти события: *«28 мая 1956 г. в Познани столкновения между манифестантами и силами внутренних войск, а также армейскими частями привели к гибели нескольких десятков человек... Ситуация накалилась до предела. В октябре заговорили о возможности государственного переворота»* (Рокоссовский. Победа не любой ценой. С. 299).

Как уже говорилось, для стабилизации ситуации Хрущеву лично пришлось летать в Польшу. Ему обязаны были доложить обо всех настроениях в польском обществе, так как пришлось осуществить серьезные изменения в польском партийном, государственном и военном руководстве. 19 октября 1956 г. Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) стал Владислав Гомулка, бывший генеральный секретарь Польской рабочей партии, несколько лет отсидевший в тюрьме по политическому обвинению. Маршала Рокоссовского по требованию польской стороны отозвали в СССР.

В первое время после избрания Гомулки, Хрущев крайне настороженно относился к нему. Но потом *«интуитивно почувствовал в Гомулке лидера большого формата и близких ему установок, проникся к нему уважением... В международном отделе ЦК КПСС... считали, что Хрущёв видел в Гомулке сторонника перемен, который будет его полезным союзником в Москве в борьбе с противниками оттепели»* (Катынский синдром... С. 201)

Версия о первой корректировке «исторических» документов по Катыни становится более реальной в связи с тем, что это осуществлялось в расчете на их обнародование через В.Гомулку. Напомним, что в августе 1956 г. шесть конгрессменов США обратились к Н.Хрущеву с вопросом, почему он до сих пор не признал вину Сталина и Берия в *«катынском убийстве офицеров польской армии»*. Гомулка, как человек в свое время обиженный сталинским режимом, хорошо подходил для роли обличителя Сталина в рамках не только соцлагеря, но и всего мира.

Леопольд Ежовский в своем исследовании *«Катынь. 1940»* пишет, что на XXII съезде КПСС, открывшемся 27 января

1961 г., *«Хрущев пошел еще дальше в осуждении сталинизма и приоткрыл завесу над другими преступлениями 1936—1953 гг., что, в конечном счете, ускорило его собственное падение. Уже много лет курсируют слухи, что именно в тот период Хрущев обратился к Владиславу Гомулке с предложением сказать правду о Катыни и возложить вину на Сталина, Берия, Меркулова и других, покойных уже, видных представителей сталинской гвардии. Гомулка решительно отказался, мотивируя свой отказ возможным взрывом всеобщего возмущения в Польше и усилением антисоветских настроений»* (Ежевский. Катынь. Глава «После войны»).

Многие исследователи полагают, что данная ситуация является вымышленной. Можно ли допустить, чтобы Хрущев, поставивший цель сделать Советский Союз первой державой мира, фактически предал интересы страны? Однако известно, что Хрущев совершил немало поступков, которые нанесли огромный урон СССР.

Член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д.Ф.Устинов е на последнем году жизни, когда зашла речь о Хрущеве на Политбюро, сказал так: *«Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина»* (Из рабочей записки заседания Политбюро ЦК КПСС от 12 июля 1984 г. Цит. по: Совершенно секретно. 1995. № 9).

Хрущев расценивал катынское преступление как одно из рядовых «злодейств Сталина», но учитывал его международную значимость. В этом плане для него главным было то, что в 1956 г. вопрос стоял о власти, без которой любые планы Хрущева реформировать страну и «догнать и перегнать Америку» были бы неосуществимы. Не следует умалять мотив личной мести, которую Хрущев испытывал по отношению к Сталину.

Как отмечалось, Хрущев после смерти Сталина несколько лет балансировал на грани и, стремясь укрепить свои властные позиции, готов был пожертвовать многим. Он хорошо знал, что в мировом сообществе господствует мнение, что

расстрел польских офицеров в Катыни — дело рук «большевиков». В 1956 г. Хрущеву представлялся весьма удобный момент воспользоваться ситуацией и, свалив вину за расстрел всех польских военнопленных на Сталина и его «приспешников»: Молотова, Кагановича, Берия, Меркулова и др.. В результате Хрущев демонстративно порвал бы со «сталинским прошлым». Именно такой вариант и предлагали ему американские конгрессмены.

К сожалению, советские руководители в борьбе за власть не раз поступали как Хрущев, выкидывая «катынскую карту». Вспомним Горбачева, который в 1990 г., ради своего политического престижа, без должного расследования, поспешил признать вину СССР за Катынь.

Еще более предательски в 1992 г. поступил Ельцин. Он и его окружение, стремясь оправдать развал Союза, организовали беспрецедентную кампанию «шельмования» советского периода. Катынским документам в этом процессе отводилась особая роль. Напомним, как и когда обнаружили эти документы. Именно в разгар процесса по делу КПСС, когда «убойный» компромат, изобличающий коммунистов, был необходим Ельцину в борьбе с компартией.

В этот период до предела обострилось противостояние Президента и Верховного Совета. Это теперь, когда все завершилось расстрелом Белого Дома, фамилия Ельцина сопровождается приставкой «первый Президент России». А обернись дело по-другому, Ельцину пришлось бы отвечать за «Беловежский сговор» и многие другие тяжкие уголовные преступления. В ситуации политического форс-мажора ему буквально до зарезу было необходимы аргументы, оправдывающие разрушение СССР и разгром КПСС. Катынское преступление, имеющее, помимо прочего, громкий международный резонанс, вполне подходило для этого. Оно стоило того, чтобы тщательно «поработать с катынскими документами».

Однако, когда ситуация изменилась и публичная надобность в катынских документах исчезла, то на основании Закона «О государственной тайне», расследование Катынского дела было засекречено.

Однако вернемся к Хрущеву. Факт его разговора с Гомулкой о Катыни представляется достаточно достоверным. Тем более, что известен свидетель этого разговора. Им являлся сотрудник ЦК КПСС Я.Ф.Дзержинский, который по долгу службы присутствовал во время встречи Хрущева с Гомулкой. Его воспоминания изложены в книге другого сотрудника ЦК КПСС П.К.Костикова «Увиденное из Кремля. Москва — Варшава. Игра за Польшу».

Дзержинский так характеризует эту беседу, в ходе которой Хрущев сделал предложение Гомулке. Хрущев был *«под хмельком, рассуждал в привычном ключе о Сталине и его преступлениях и неожиданно предложил сказать на митинге о Катыни как злодеянии Сталина, с тем, чтобы Гомулка поддержал выступление заявлением, что польский народ осуждает это деяние»* (Катынский синдром... С. 203—204).

В отличие от Хрущева, Гомулка повел себя как серьезный и ответственный государственный деятель. Он моментально просчитал последствия такого заявления. Владислав Гомулка осознал, что в польском обществе возникнет масса болезненных вопросов относительно документов, мест захоронений офицеров, наказания виновных и т.д. Он понимал, что решение катынского вопроса надо начинать не с митинга. Все это он сказал Хрущеву.

Гомулка в своих «Воспоминаниях», опубликованных в 1973 г., назвал ситуацию с предложением Хрущева рассказать правду о Катыни, *«клеветой, сконструированной со злым умыслом»* (Катынский синдром... С. 202). В этом нет ничего удивительного. Многие поляки отказ Гомулки от предложения Хрущева рассказать «правду» о Катыни расценивали, как предательство. Поэтому другого выбора, помимо отрицания, у Гомулки не было.

Для Хрущева в 1956—57 гг. историческая правда о Катынском деле не имела принципиального значения. Судьба нескольких сотен или тысяч пропавших в СССР поляков волновала его еще меньше. Главное было — развенчать «тирана» и укрепить свое положение. Ну, а для оформления «до-

казательной базы» у Хрущева был такой безотказный «инструмент», как Серов. Тем более, что исходный материал для «формирования доказательств» существовал.

Как говорилось, Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 г., вероятнее всего, приняло политическое решение о расстреле тех польских офицеров, которые были виновны в тяжких преступлениях. Вопрос в том, в отношении скольких поляков было принято это решение: трех или двадцати пяти тысяч?

Известно, что НКВД в 1939 г. обладал исчерпывающими данными на польских офицеров, причастных к гибели пленных красноармейцев и провокациям против СССР. Об этом, в частности, свидетельствует польский генерал В.Андерс, который в своих воспоминаниях «Без последней главы» пишет, что следователи НКВД, *«не стеснясь, показывали мне мое досье. Я с изумлением обнаружил там документы, касающиеся не только мельчайших подробностей моей служебной карьеры, но и многих совершенно частных эпизодов. Мне, например, показали совершенно незнакомые мне фотографии моей поездки на Олимпиаду в Амстердам и на международные конкурсы в Ниццу»* (Андерс. Глава «Лубянка, сокамерники и все время НКВД»).

Не менее впечатляющими являются воспоминания Генрика Гожеховского, бывшего вольноопределяющегося 3-го строевого эскадрона 16-го уланского полка. В сентябре 1939 г. он в возрасте 19 лет попал в советский плен и был направлен в Козельский лагерь НКВД. Его воинский статус был лишь несколько выше рядового. Но Гожеховский в лагере проходил, как юнкер, что приравнивалось к офицеру. Во время одного допроса следователь НКВД предъявил ему фотографию, на которой Гожеховский был запечатлен на палубе советского крейсера «Марат», посетившего в 1932 г. польскую Гдыню с дружеским визитом. По словам Гожеховского, от обвинения в шпионаже его спасло то, что на крейсере он был в возрасте 12 лет. (На катынской дороге. http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=7153&CENTER_ELEMENT_ID=411265&PORTAL_ID=7466).

Несмотря на поистине гротескную ситуацию, изложенную Гожеховским, известно, что подобные исчерпывающие досье имелись практически на всех пленных польских офицеров. Это косвенно подтверждает то, что решение принималось **только в отношении польских офицеров, виновных в военных и уголовных преступлениях.**

Катыноведаы утверждают, что расстрел поляков был **огульным.** В таком случае, зачем следователи НКВД занимались сбором сведений о польских офицерах? Ведь в любом случае, по логике катыноведов, невзирая ни на какие документы, их ждал расстрел. Получается, что следователи НКВД в 1930-х годах страдали от безделья и поэтому занимались никчемной работой по сбору компромата на польских офицеров.

Завершая разговор о роли Хрущева в Катынском деле, следует добавить, что после обретения долгожданной власти в 1958 г., **Хрущев потерял интерес к Катыни.** Об этом свидетельствует тот факт, что, когда Гомулка попытался вернуться к разговору о польских офицерах, Хрущев его оборвал: **«Вы хотели документов. Нет документов. Нужно было народу сказать попросту. Я предлагал... Не будем возвращаться к этому разговору»** (Катынский синдром... С. 207).

Что же касается возможности корректировки катынских документов в хрущевский период, то надо признать, что в СССР к корректировкам обстоятельств исторических событий относились достаточно просто. Известно, что в официальных сообщениях на неделю (с 27 на 23 февраля 1943 г.) была сдвинута дата подвига Александра Матросова, из списка участников водружения Знамени Победы над рейхстагом исчезла фамилия лейтенанта Береста, на плечах которого Егоров и Кантария закрепляли это знамя и т.п.

29 ноября 2006 г. в телепрограмме **«Пусть говорят»**, посвященной гибели первого космонавта Ю.А.Гагарина в марте 1968 г., дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Алексей Леонов сообщил следующее. В 1981 г. выяснилось, что в его (Леонова) рапорте о предполагаемых обстоятельствах гибели Гагарина, хранящемся в военном архиве, **кем-то были изменены временные параметры.**

В результате «таинственного» сдвига на 20 сек. времени пролета над самолетом Гагарина сверхзвукового истребителя СУ—15, созданная им турбулентная струя уже не могла считаться причиной гибели первого космонавта. Дело закрыли и засекретили. Настоящая причина трагедии до сих пор не установлена, соответственно число версий гибели Гагарина приближается к полусотне.

Следствие длиной в 14 лет

30 сентября 1990 г. уголовное дело № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле-мае 1940 г.» было принято к производству Главной военной прокуратурой СССР. 21 сентября 2004 г. Главной военной прокуратурой РФ (ГВП) это дело было прекращено.

Назначая следствие по уголовному делу № 159, главный военный прокурор СССР Александр Катусев ориентировал следственную бригаду на правовое оформление политического решения Горбачева о признании виновными довоенных руководителей СССР и НКВД. Делу следовало придать юридически законченную форму и закрыть за смертью обвиняемых. Эта установка действовала до конца следствия. Следственную группу военных прокуроров возглавил подполковник юстиции Александр Третьцкий. Помимо него в группу вошли военные прокуроры: С.Радевич, А.Яблоков, С.Шаламаев и В.Граненов.

«Козыревщина», как «тактика упреждающих уступок», в то время довлела не только в международной политике, но в общественно-политической жизни России в целом. Поэтому не удивительно, что до 1995 г., проводимое следствие базировалось на уже упомянутом Заключении комиссии экспертов ГВП по уголовному делу № 159 от 2 августа 1993 г. Напомним, что Заключение представляло собой последовательно изложенную немецко-польскую версию катынского преступления.

Состав комиссии экспертов ГВП заслуживает того, чтобы быть перечисленным. Комиссию возглавлял Борис Топорнин, академик, директор Института государства и права РАН. В нее входили: Александр Яковлев, доктор юридических наук, заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, Инесса Яжборовская, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН, Валентина Парсаданова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, Юрий Зоря, кандидат военных наук, доцент кафедры спецдисциплин Военной академии СА и Лев Беляев, кандидат медицинских наук, подполковник медицинской службы, старший эксперт отдела судебно-медицинской экспертизы Центральной судебно-медицинской лаборатории МО РФ.

Исчерпывающий анализ необоснованных оценок и неточностей, допущенных экспертами ГВП, содержится в «Рецензии на Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 г.».

Эту «Рецензию» в июне 2010 г. подготовила группа в составе Илюхина В.И., заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора; зам. председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Госдумы; Обухова С.П., доктора исторических наук, депутата Госдумы; Плотникова А.Ю., доктора исторических наук, профессора; Савельева А.Н., доктора политических наук, депутата Государственной Думы 4-го созыва; Крука В.М., генерал-майора юстиции, в 1992 — 1999 г.г. помощника заместителя Генерального прокурора РФ — Главного военного прокурора; Колесника А.Н., доктора исторических наук и Емельянова Ю.В., кандидата исторических наук, лауреата писательской премии имени Шолохова.

Перечислим некоторые основные выводы, к которым пришла группа. Во-первых, «Заключение» комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159, на выводах которого базируется обвинение сотрудников НКВД СССР и политического руководства Советского Союза в расстреле польских военнопленных под Смоленском, не отвечает требованиям уголовно-процессуального законодательства, является научно не обоснованным, юридически несостоятельным и ничтожным.

Во-вторых, материалы комиссии Н.Бурденко в совокупности со свидетельствами, полученными в послевоенный период, позволяют утверждать, что военнопленные поляки **были расстреляны в Козьих горах (Катынь) под Смоленском немцами в период с августа 1941 года и позже во время оккупации ими Смоленской области.**

В-третьих, предварительное расследование Главной военной прокуратуры в 1990 — 2004 годах проведено неполно и тенденциозно, с грубейшими нарушениями уголовно-процессуальных норм при явном злоупотреблении следователями служебным положением и отражает политические установки российской власти. Выводы ГВП о виновности в гибели почти 22 тысяч польских военнопленных сотрудников НКВД СССР и руководства Советского Союза 40-х годов прошлого столетия **юридически несостоятельны...** (подробнее см. <http://www.viktor-iluhin.ru/node/298>)

Помимо вышеизложенного следует отметить ряд дополнительных аспектов, которые характеризуют научную несостоятельность **Заключения**. Прежде всего, эксперты ГВП не **ответили на основной вопрос**, поставленный перед ними старшим военным прокурором Яблоковым А.Ю: **какие «документы с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки могут быть признаны доброкачественными»?**

Этот вопрос они постарались «обойти», не высказав своего мнения. При оценке достоверности важнейшего доказательного документа официальной версии катынского преступления — записки Берии Сталину № 794/Б, найденную в «закрытом пакете № 1», эксперты сослались на графологи-

ческую, почерковедческую и криминалистическую экспертизы, которые якобы подтвердили «подлинность» документа (См. Катинский синдром... С.467). При этом не указали, когда и кем была проведена экспертизы, и какие следуют основные выводы, вытекающие из экспертиз.

Экспертов не заинтересовали нарушения и ошибки, допущенные при оформлении и в содержании записки Берии. Не обратили они внимания на то, что выписки из протокола заседания Политбюро от 5 марта 1940 г., в силу нарушений при оформлении, не могут считаться полноценными документами. Эксперты не сумели, или не захотели установить многочисленные ошибки и неточности в записке Шелепина Хрущеву, которую они признали **важнейшим документальным свидетельством** расстрела 21.857 польских военнопленных и граждан сотрудниками НКВД.

Что же касается подлинности записки Шелепина, то эксперты удовлетворились объяснением старшего военного следователя А.Яблокова о том, что **«допрошенный в качестве свидетеля А.Н.Шелепин подтвердил подлинность записки и фактов, изложенных в ней»** (Катинский синдром... С. 468).

В работе экспертной комиссии ГВП четко просматривается широкое применение известного принципа западной юриспруденции «*per se*», т. е. когда событие рассматривается само по себе, вне связи с событиями, ему предшествовавшими. Помимо этого эксперты в оценке польско-советских отношений и катынской проблемы широко применяли **двойные стандарты**. В результате Польша, на протяжении двух десятилетий (1919—1939 гг.) занимавшая крайне агрессивную и недружественную позицию в отношении СССР, в заключение экспертов ГВП предстала, как невинная жертва международного агрессора — Советского Союза.

Подобный вывод не случаен. В Заключении четко просматривается доминирующее влияние немецкого Официального отчета 1943 г., отчета Технической комиссии Польского Красного Креста 1943 г., польской научно-исторической экспертизы 1988 г., а также публикаций польских историков на катынскую тему. Некоторые абзацы взяты из польских источ-

ников и дословно переведены на русский язык. Об этом свидетельствуют обороты речи, не свойственные русскому языку: «**Оно ввергло СССР в действия**» (Катынский синдром... С. 454), «**Не менялось стремление не распускать**» (С. 461), «**Не выдержало проверки материалами**» (С. 476), «**которым полагался статус**» (С. 486) и т. д.

Вышеупомянутое Заключение российских экспертов, являющееся неотъемлимой частью уголовного дела № 159 (т. 119, л. 1—247), в нарушение УПК РФ еще до завершения следствия было опубликовано в Варшаве в 1994 г. (на польском языке). Российской общественности Заключение было представлено в 2001 г. в книге «**Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях**» (С. 446—494).

Эксперты вышли за рамки уголовного дела № 159 и взяли на себя функции третейских судей в оценке довоенных международных действий СССР в 1939 г. Заметим, что польская сторона всегда увязывала судьбу польских офицеров с пактом Риббентропа-Молотова и «сентябрьской кампанией» Красной Армии в 1939 г. Эта линия стала основной в концепции, лежащей в основе Заключения комиссии экспертов ГВП.

Ввод частей Красной Армии в сентябре 1939 г. на территорию Западной Белоруссии и Украины в Заключении был квалифицирован как «**агрессия**» (Катынский синдром... С. 454). Гибель 21.857 польских военнопленных из лагерей и заключенных следственных тюрем была квалифицирована как «**тягчайшее преступление против мира, человечества и военным преступлением, за которое должны нести ответственность И.В.Сталин, В.М.Молотов и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) ...**» и «**геноцид**» (Катынский синдром... С.491, 492).

Отметим, что в 1939 г. советская польская компания не была расценена, как агрессия, ни Лигой Наций, ни союзниками Польши Францией и Англией. Сегодня подобные вооруженные операции политики официально называют «миротворческими», а военные теоретики НАТО такие акции классифицируют как «**Operation other than war**» (OOTW). Экспертам также следовало бы задать себе вопрос, а что было

бы с миром, если бы Гитлер занял всю Польшу и нанес бы удар по СССР из-под Минска?

Эксперты пришли к выводу, что *«Все польские военнопленные..., а также 7.305 поляков, расстрелянных... в тюрьмах... подлежат полной реабилитации как невинные жертвы сталинских репрессий, со справедливым возмещением морального и материального ущерба»* (Катынский синдром. С... 492).

По поводу преступных действий польских в отношении пленных красноармейцев и в целом против Советской России, как государства, в 1918—1939 гг., эксперты сделали следующие выводы: *«...чем бы не занимались до 1939 г. польские военнопленные или заключенные поляки, эти действия являлись внутренним делом Польши...»*(Катынский синдром... С. 485). Этим эксперты фактически оправдывали преступные действия польской военщины и властей, приведшие к гибели в польском плену в 1919—1922 гг. десятков тысяч советских красноармейцев.

Что же касается воинствующих заявлений польских военнопленных по поводу того, что после освобождения они *«направят оружие против Красной Армии»*, эксперты высказали мнение, что *«Поскольку поляки в это время находились в плену и их намерения в практические действия не претворялись, следует признать, что в их поведении также отсутствовал состав какого-либо преступления»* (Катынский синдром... С. 485).

Эксперты в основу своей оценки Сообщения Специальной комиссии Бурденко положили спорные выводы, так называемой «научно-исторической экспертизы» польских историков 1988 г. Заметим, что среди польских профессоров, подготовивших вышеупомянутую экспертизу, не было ни одного судмедэксперта. Отзыв польских судмедэкспертов Я.Ольбрыхта и С.Сенгелевича на результаты немецко-польской экспертизы 1943 г. эксперты ГВП предпочли проигнорировать.

Дальнейшие «натяжки», содержащиеся в Заключение экспертов ГВП 1993 г., нет нужды перечислять. Полагаем, что любознательный читатель, сумевший до конца одолеть мно-

гостраничный текст Заключения, без труда делает вывод о том, что оно предвзято и тенденциозно.

Однако, по утверждению одного из авторов Заключения, российского историка и политолога проф. И.Яжборовской, в 1994 г. Заключение экспертов было **поддержано** Главной военной прокуратурой России. Но, как выяснилось, эта поддержка ограничилась руководителем следственной группы по уголовному делу № 159 старшим военным прокурором ГВП РФ Анатолием Яблоковым, который на основании этого Заключения 13 июля 1994 г. подготовил и вынес постановление о прекращении уголовного дела № 159.

В постановлении, подготовленном Яблоковым, Сталин, другие члены Политбюро (Молотов, Ворошилов, Микоян, Калинин, Каганович), Берия, другие руководители и сотрудники НКВД, исполнители расстрелов **были признаны виновными** в совершении преступлений, предусмотренных соответствующими пунктами устава Нюрнбергского трибунала, преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Этим же постановлением расследование уголовного дела № 159 прекращалось на основании пункта 8 статьи 5 УПК РСФСР (за смертью виновных).

Руководство Главной военной прокуратуры РФ, а затем и Генеральной прокуратуры РФ **не согласились с квалификацией катынского преступления**, изложенной в постановлении от 13 июля 1994 г. Оно было отменено и дальнейшее расследование было поручено полковнику юстиции Сергею Шаламаеву.

С назначением нового руководителя следственной бригады, подходы к уголовному делу № 159 несколько изменились, но основные политические установки остались прежними. Следствие исходило из безусловной вины сталинского руководства за гибель польских военнопленных в Катынском лесу. Другие версии не рассматривались. Расследование продолжилось и завершилось лишь через 10 лет, 21 сентября 2004 г.

Постановление и основная информация по Катынскому уголовному делу № 159 до сих пор засекречены. Однако не-

которые результаты расследования дела № 159 стали известны российской общественности 11 марта 2005 г. во время пресс-конференции Главного военного прокурора Александра Савенкова. Он публично заявил о прекращении Катынского дела и объявил государственной тайной персональный состав виновных.

Савенков также сообщил, что постановление о прекращении уголовного дела и (некоторые) документы, встречающиеся в 36 томах уголовного дела, имеют гриф «секретно» и «совершенно секретно», а в 80 томах встречаются документы с грифами «для служебного пользования». На этом основании доступ к 116 томам закрыт. Утверждается, что 22 декабря 2004 г. Межведомственная комиссия по защите государственной тайны при Президенте РФ приняла решение о засекречивании материалов уголовного дела № 159. Соответственно было засекречено и постановление об его прекращении.

Несколько более подробная информация о результатах следствия по уголовному делу № 159 была изложена в ответе начальника Управления надзора за исполнением законов о федеральной безопасности ГВП РФ генерал-майора юстиции В.К.Кондратова Председателю Правления Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» А.Б.Рогинскому от 24.03.2005 г. за № 5у—6818—90.

Процитируем основные положения этого ответа: *«...Сообщаю, что 21 сентября 2004 г. Главной военной прокуратурой прекращено уголовное дело, возбужденное 22 марта 1990 г. прокуратурой Харьковской области Украинской ССР по факту обнаружения в лесопарковой зоне г. Харькова захоронений останков польских граждан, которое впоследствии передано в ГВП, где принято к производству 30 сентября того же года.*

Расследованием установлено, что в отношении польских граждан, содержавшихся в лагерях НКВД СССР органами НКВД СССР в установленном УПК РСФСР (1923 г.) порядке расследовались уголовные дела по обвинению в совершении государственных преступлений.

В начале марта 1940 г. по результатам расследования уголовные дела переданы на рассмотрение внесудебному органу — «тройке», которая рассмотрела уголовные дела в отношении 14542 польских граждан (на территории РСФСР — 10710 человек, на территории УССР — 3832 человека), признала их виновными в совершении государственных преступлений и приняла решение об их расстреле.

Следствием достоверно установлена гибель в результате исполнения решений «тройки» 1803 польских военнопленных, установлена личность 22 из них.

Действия ряда конкретных высокопоставленных должностных лиц СССР квалифицированы по п. «б» ст. 193—17 УК РСФСР (1926 г.), как превышение власти, имевшее тяжелые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств. 21.09.2004 г. уголовное дело в их отношении прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за смертью виновных.

В ходе расследования по делу по инициативе польской стороны тщательно исследовалась и не подтвердилась версия о геноциде польского народа в период рассматриваемых событий весны 1940 года.

Действия должностных лиц НКВД СССР в отношении польских граждан основывались на уголовно-правовом мотиве и не имели целью уничтожить какую-либо демографическую группу.

...Российская прокуратура уведомила Генеральную прокуратуру Республики Польша о завершении следствия по данному уголовному делу и о готовности предоставления возможности ознакомления с 67 томами уголовного дела, не содержащими сведений, составляющих государственную тайну.

В настоящее время решается вопрос о возможности применения к расстрелянным польским гражданам Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»».

В 2010 г. ситуация с засекречиванием материалов Катынского дела приобрела скандальный характер. В исках польских родственников катынских жертв в Европейский суд осо-

бо подчеркивалось, что в силу секретности материалов уголовного дела № 159 их лишили права знать правду о судьбе своих родных. Отвечая на эти претензии Минюст России в ответе в Страсбург от 19 марта 2010 г., сообщил, что **«22 декабря 2004 г. решением Межведомственной комиссии по защите государственной тайны 36 томам... присвоен гриф «совершенно секретно» в связи с тем, что в них находятся документы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну».**

Ссылка на решение Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК) о засекречивании документов Катинского дела присутствует в решении Московского окружного военного суда от 14 октября 2008 г. и в кассационном определении Верховного суда РФ от 29 января 2009 г., которые также рассматривали иски польских родственников.

Однако при рассмотрении в Мосгорсуде требования «Мемориала» обязать МВК рассекретить постановление Главной военной прокуратуры о прекращении уголовного дела № 159 выяснилось, что **вышеназванная комиссия отказывается признать свою причастность к засекречиванию этого дела.**

В первом письме МВК в Мосгорсуд за подписью ответственного секретаря комиссии В.Дергачева сообщалось, что 22 декабря 2004 года комиссия **не принимала решения о засекречивании постановления ГВП.** В таком случае под вопросом оказывается обоснованность вышеназванных судебных постановлений Московского окружного военного суда и Верховного суда РФ, как опирающиеся на ложную информацию. Это уже юридический нонсенс. Но российская Фемида по данному поводу промолчала.

Вторым письмом в Мосгорсуд от 28.10 2010 г. МВК сообщила, что постановление о прекращении Катинского дела было **засекречено самой Главной военной прокуратурой РФ!?** Заметим, что Межведомственную комиссию по защите государственной тайны возглавляет руководитель Администрации президента Сергей Нарышкин. Ведомству такого уровня ошибаться не положено по статусу.

Однако известно, что на обложках тех томов уголовного дела № 159, которые в 2010 г. передали польской стороне стоит штамп МВК — «РАСЕКРЕЧЕНО. Решение МВК № 193-РС от 22.12.2004» (См. http://www.caw.wp.mil.pl/images/belw_12.jpg).

В итоге сложилась скандальная ситуация в связи с вопросом, кому же был направлен правдивый ответ — Мосгорсуду или суду в Страсбурге? Сегодня все зависит от польской стороны, будет ли поднимать тему неоправданной засекреченности материалов Катинского дела.

Российские власти по поводу вышеизложенной ситуации хранят гробовое молчание. Видимо, ее будут пытаться нейтрализовать путем признания ответственности Межведомственной комиссии за засекречивание материалов Катинского дела. А вину «переведут», как и принято, на исполнителя писем, который ввел в заблуждение Мосгорсуд. Однако всем ясно, ответы в судебные органы не даются без согласования «наверху».

Жесткая позиция российской стороны в отношении секретности постановления ГВП о прекращении уголовного дела № 159 имеет объяснение. Об этом рассказал на заседании комиссии экспертов по Катинскому делу при фракции КПРФ бывший депутат Государственной Думы РФ Андрей Николаевич Савельев. Он единственный депутат, который после долгих мытарств сумел ознакомиться с этим документом. По словам Савельева многостраничное постановление ГВП является эклектичным, непоследовательным, внутренне противоречивым и не доказательным. Одним словом, *«просто халтура»*.

Савельев считает, что постановление было засекречено в силу правовой несостоятельности. Его обнародование, безусловно, вызовет массу обоснованно разгромных рецензий со стороны российских юристов и правоведов.

Однако не следует надеяться, что ситуацию с неоправданной секретностью материалов Катинского дела поляки оставят без последствий. Ведь в течение шести лет российские политики, Главная военная прокуратура, российские суды всех уровней потчевали поляков заявлениями относительно *«обоснованности и законности засекреченности»*

материалов Катынского дела. Теперь в Страсбурге речь может пойти не только о нарушении прав родственников катынских жертв, но и о преднамеренном сознательном сокрытии материалов следствия.

Происшедшее не явилось неожиданностью для независимых исследователей Катынского дела. Нечто подобное, и не только по вопросам секретности, должно было произойти рано или поздно. 30 марта 2006 г. автор настоящего исследования и Сергей Стрыгин, координатор международного Интернет-проекта «Правда о Катыни» в течение двух часов обсуждали с представителями Главной военной прокуратуре РФ возможные последствия для России рассмотрения польских исков Европейским судом. Генерал юстиции В.Кондратов и полковник юстиции С.Шаламаев уверяли, что расследование Катынского дела проведено *«безупречно»* и ГВП не боится этих исков.

В ходе этой встречи прояснились некоторые неясные вопросы. Так, удалось выяснить, каким образом сотрудниками Главной военной прокуратурой в ходе следствия была *«достоверно»* установлена гибель 1.803 польских граждан из числа 14.552 военнопленных, содержавшихся в лагерях.

После длительных и упорных расспросов сотрудники ГВП, не уточняя деталей, были вынуждены признать, что прозвучавшая 11 марта 2005 г. на пресс-конференции Главного военного прокурора РФ А.Савенкова сенсационная цифра «1.803» была получена в результате простого сложения официальных данных о количестве трупов, эксгумированных комиссией Бурденко в 1944 г. (1380) и следственной бригадой ГВП РФ в 1991 г. (167 — в Пятихатках, 243 — в Медном, 13 — в Козьих Горах). Личности 22 идентифицированных польских гражданина были установлены в 1944 г. экспертами комиссии Бурденко

Также выяснилось, что ГВП РФ никакими официальными материалами о результатах польских раскопок и эксгумаций 1994—96 г.г. в Козьих Горах, Медном и Пятихатках на тот момент не располагала. К материалам уголовного дела № 159 данные этих польских эксгумаций не приобщались,

как и данные более поздних польско-украинских эксгумаций на спецкладбище в Быковне (г. Киев).

Во время беседы выявилась односторонность правовой позиции Главной военной прокуратуры при расследовании Катынского дела. Это было обусловлено тем, что расследование уголовного дела № 159 с самого начала сотрудниками прокуратуры проводилось **в очень узких временных рамках (весна 1940 г.)** и в рамках единственной, заранее заданной следствию версии о безусловной вине руководства СССР в катынском расстреле.

Подобную позицию обусловило уже само название уголовного дела № 159 **«О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 г.»**. То есть, в названии уже был определен виновник преступления и срок его совершения. Соответственно, результат следствия был предопределен этим названием. До сих пор ни один российский юрист или правозащитник не высказался по поводу названия уголовного дела № 159.

Расследование заданной **«сверху»** версии катынского преступления проводилось при соблюдении целого ряда формальных юридических ограничений со стороны российского уголовно-процессуального законодательства, весьма несовершенного в вопросах исследования и последующей правовой оценки противоречивых исторических и политических проблем.

Следствие не рассмотрело основной эпизод сообщения Специальной комиссии Н.Н.Бурденко 1944 г. **Речь идет о переводе в апреле-мае 1940 г. части осужденных польских военнопленных в три лагеря «особого назначения» под Смоленском.** Не была исследована информация о фактах расстрелов немецкими оккупационными властями в районе Козьих Гор осенью и в начале декабря 1941 года нескольких тысяч граждан, одетых в польскую военную форму.

Не проверялись свидетельства о том, что часть польских офицеров в 1940—1941 гг. оказалась в лагерях НКВД на Дальнем Востоке, Магадане и в Заполярье. Не критически отне-

слись следователи ГВП к внутренне противоречивым показаниям основных свидетелей: Д.Токарева, А.Шелепина П.Сопруненко, формально подтвердившим официальную версию.

Следователям российской военной прокуратуры было запрещено в рамках уголовного дела № 159 увязывать расстрел части польских военнопленных в 1940 г. с военными преступлениями, совершенными польской стороной в ходе польско-советской войны 1920 г.г., а также с гибелью в польском плену большого количества военнопленных и интернированных советских граждан в 1919—1922 гг. В ходе следствия не был установлен реальный мотив действий довоенного советского руководства в отношении польских военнопленных.

Встреча в Главной военной прокуратуре РФ позволила сделать выводы о том, что следствие по уголовному делу № 159 не выявило реальных обстоятельств и мест гибели польских военнопленных на территории СССР в период Второй мировой войны и не установило подлинных виновников расстрела польских офицеров в Катынском лесу.

Эти выводы были подтверждены 19 апреля 2010 г. бывшими сотрудниками ГВП генерал-майором юстиции Кругом Виктором Михайловичем и полковником юстиции Габовским Сергеем Ивановичем. Выступая в ходе «круглого стола» на тему «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты», генерал Круг и полковник Габовский отметили следующее.

Следствие по Катынскому делу изначально носило директивный характер. Следственная бригада ГВП была ориентирована не на всестороннее и объективное расследование уголовного дела № 159, а на правовое оформление политического решения Президента СССР Горбачева, а впоследствии Президента России Ельцина о признании виновными в катынском расстреле довоенных руководителей СССР и НКВД.

Были приведены факты, которые свидетельствуют о том, что направленность расследования уголовного дела № 159 во многом определило активное участие польской стороны в процессе следствии. Так, многие материалы и большинство

списков погибших польских офицеров следственной бригаде Главной военной прокуратуры были представлены польской стороной. Они вводились в уголовное дело без надлежащей проверки на предмет установления факта гибели польских граждан, а также места, времени и причин их смерти.

Помимо этого некоторые члены следственной бригады нарушали процессуальную этику и требования российского законодательства. Говорилось **о недопустимых фактах самовольной передачи следователями документов уголовного дела № 159 польской стороне**. Вещественные доказательства, полученные в ходе совместных с польской стороной эксгумаций польских захоронений на территории России, в нарушение всех процессуальных норм были вывезены в Польшу.

Работники ГВП, участвовавшие в расследовании уголовного дела № 159, систематически посещали польское посольство в г. Москве, где для них устраивались приемы и фуршеты. Они без большой надобности выезжали за счет принимающей стороны в длительные служебные командировки и на отдых в Польшу, бесплатно получали от польских представителей оргтехнику и другие подарки.

Такой ход следствия по уголовному делу № 159 существенно ослабил позиции российской стороны в российско-польском катынском конфликте. В результате польские политики и историки получили возможность предъявлять необоснованные требования к России.

Правовую ситуацию с Катынским делом для России в настоящее время серьезно осложняет тот факт, что Европейский суд в приоритетном порядке принял к рассмотрению иски родственников польских офицеров, погибших в Катыни. Отметим, что правительство Польши приняло решение выступить в Европейском суде **на стороне своих граждан в качестве третьего лица**. Оно заняло крайне жесткую позицию. Об этом свидетельствует 33-страничный меморандум, который в сентябре 2010 г. польский МИД направил в Страсбург в ответ на ранее упомянутое письмо российского Минюста.

14 октября 2010 г. польская газета «*Rzeczpospolita*» опубликовала выдержки из этого меморандума. В них говорилось о нарушениях Россией Европейской конвенции по правам человека в отношении семей польских офицеров, расстрелянных в Катыни. Прежде всего, в плане того, что Россия не дала точной и полной юридической квалификации катынского преступления и отказалась признать катынский расстрел геноцидом. Крайнее неудовольствие поляков вызвало то, что в российском ответе в Европейский суд для определения расстрела польских военнопленных было использовано определение «**катынские события**», а не «**преступление**».

Далее в меморандуме отмечалось, что Россия не провела **эффективного следствия** по расследованию всех обстоятельств катынского преступления. Серьезным нарушением поляки считают тот факт, что в период судебного разбирательства родственники погибших польских офицеров не были признаны российскими правоохранительными органами **потерпевшими**. Особо подчеркивается, что, несмотря на неоднократные обращения родственников погибших офицеров в соответствующие российские инстанции, польские граждане, расстрелянные в Катыни, **не были реабилитированы**.

Польская сторона обвинила Россию в том, что она **искусственно затруднила доступ** родственникам погибших к материалам следствия по Катынскому делу. Поляки сочли **необоснованным засекречивание**, а точнее **сокрытие**, большинства материалов этого дела, а также постановления об его прекращении. Они также считают недопустимым тот факт, что Россия **отказывается процессуально установить и обнародовать** персональный состав виновных в катынском преступлении.

Недоумение польской стороны вызвало утверждение о том, что **нет полной уверенности в том, что тысячи польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД были расстреляны**. Россия объяснила эту ситуацию тем, что все отчеты НКВД по выполнению решения Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле конкретных польских граждан якобы уничтожены и восстановить их оказалось невозможно.

Правда, никто пока не установил, а были ли такие отчеты в действительности? Ведь и факт расстрела 21 857 поляков юридически также не установлен. О кремлевских катынских документах, якобы подтвердившими факт расстрела польских граждан в 1940 г., Минюст РФ предпочел умолчать.

Меморандум польской стороны дополнило заявление пресс-секретаря МИД Польши Марцин Босацки. Он заявил, что Польша считает *«обязательной реабилитацию всех жертв преступления, рассекречивание всех документов следствия по данному вопросу и обращает внимание на вопрос о компенсации семьям убитых»*. Это крайне важное заявление чиновника МИДа, которое не могло быть сделано без согласования «наверху». Польское руководство вновь подтвердило намерение поддержать требования родственников катынских жертв о материальных компенсациях.

Напомним, что впервые такое требование прозвучало из уст министра иностранных дел тогда еще Польской Народной Республики Кшиштофа Скубишевского во время визита последнего в Москву в октябре 1989 г. Второй раз об этом обмолвился в июне 2008 г. премьер-министр Польши Дональд Туск. После встречи в Варшаве с членами Группы по трудным вопросам польско-российских отношений он заявил, что работа двусторонней Группы позволяет надеяться на то, что, *«в течение нескольких месяцев мы будем иметь возможность представить первые сообщения о конкретных решениях по наиболее трудным историческим вопросам, таким, как Катынь — и с юридической и с финансовой точек зрения»*.

Известно, что вопрос о компенсациях на Западе встает тогда, когда юридически доказана виновность ответчика. Примером является ситуация с российской бобслеисткой Ириной Скворцовой, пострадавшей в результате действий немецкого судьи. 11 октября 2010 г. участковый суд баварского города Лауфен признал виновным Петера Хелля, обвиняемого по делу российской бобслеистки, и приговорил его к штрафу в 3600 евро. Адвокаты Скворцовой весьма довольны

решением суда. Теперь Ирина имеет право предъявить иск Хеллю по «полной программе», на миллионы евро.

Представитель катынских семей в Европейском суде, юрист польской Академии наук Иренеуш Каминский заявил о том, что в настоящее время истцы не выдвигают финансовых претензий к России. Они хотят получить от российских властей символический 1 евро, подчеркивая тем самым, что речь идет не о деньгах, а о чем-то более важном. Ну а далее...

В том, что это «далее» последует, можно не сомневаться. Об этом говорят следующие факты. В 2005 г. накануне 60-летия победы во Второй мировой войне польские историки и экономисты обсчитали *«нанесенный Польше Советским Союзом ущерб»*, включая компенсацию за Катынь. Получилось около 150 млрд. долл. (См. Независимая газета. 23.05.2008).

В 2006 г. известный польский публицист и один из создателей Центра восточных исследований Бартоломей Сенкевич в газете «*Newsweek Polska*» от 17 августа опубликовал статью с претенциозным названием *«Признания русофоба»*. В ней Сенкевич рассуждает о польских претензиях *«в связи со сталинскими преступлениями против граждан II Речи Посполитой»*, как эффективном оружии в борьбе с Россией.

В статье предлагалось, чтобы польское правительство наняло *«особо не таясь, известные международные юридические бюро для сбора доказательств для подготовки заявления в Международный трибунал по вопросу признания Катыни и вывоза населения территорий, оккупированных Советским Союзом после 1939 г., военным преступлением и преступлением против человечности. Темп подготовки заявления, окончательное решение о его подаче, а в конечном итоге — последствия приговора — это поле, дающее свободу маневра польской стороне при неспособности России затормозить этот процесс»*.

Предложения Сенкевича в Польше были услышаны. Об этом свидетельствовало ноябрьское (2006 г.) заявление тогдашнего президента Польши Леха Качиньского о том, что

добрые отношения с Москвой *«должны быть такими, чтобы они Польше что-то приносили».*

В 2009 г. шеф-корреспондент «Gazeta Wyborcza» в России Вацлав Радзивиневич в статье, опубликованной 20 марта, впервые указал конкретный размер возможных **первичных компенсаций** родственникам катынских жертв, которые могут быть получены по решению Европейского суда. По его словам, они должны составить по 30.000 евро за каждого погибшего в СССР поляка, то есть всего примерно 660 миллионов евро. А потом, по мнению журналиста, польские суды могут рассматривать иски к России **по вопросу компенсации за каждого репрессированного в СССР поляка в размере от полумиллиона до миллиона евро.**

После визита Медведева в Польшу начнутся будни так называемой перезагрузки польско-российских отношений. К сожалению, содержание этого процесса, видимо, во многом определит высказывание уже упомянутого Ярослава Качиньского. Кстати, политическая ситуация в Польше в любой момент может вернуть к власти команду Я.Качиньского.

26 ноября 2010 г. Качиньский, узнав о принятии Госдумой заявления по Катыни, сообщил журналистам, что *«Если это какой-то шаг вперед, то это хорошо, ибо здесь такая логика: либо признают, извиняются и выплачивают компенсацию — либо нет. Если нет, то тогда все это одна видимость»* («Gazeta Wyborcza» 26.11.2010). Впоследствии Качиньский добавил, что **Россия должна выплатить компенсации не только родственникам катынских жертв, но и польскому государству!**

Логика поведения польской стороны в последние годы полностью соответствует заявлениям Качиньского. Тактику движения к намеченной цели **«шаг за шагом»** в отношениях с Россией Польша использует весьма эффективно. Очевидно, **наиболее драматическая для России часть ситуации с Катынским делом еще впереди.** Ни о каком «красивом» закрытии этой печальной страницы в польско-российских отношениях речь идти не может. Дело теперь за Европейским судом. Судьи в Страсбурге могут на основании, полученных

из Польши и России документов, либо начать разбирательство, либо вынести решение без него.

Ситуацию усугубил вторичный ответ российского Минюста в Страсбург от 13 октября 2010 г. В нем российская сторона подтвердила все оценки Катынского дела, изложенные в ответе от 19 марта. В этой связи адвокат Иренеуш Камински, представляющий интересы катынских семей в Страсбурге, заявил, что очередные сомнения российской стороны относительно количества и имен катынских жертв заставили польских истцов отказаться от намерения заключить с Россией мировое соглашение. Он добавил: *«Мы ожидаем быстрого — в течение нескольких недель — решения суда, будь то дальнейшие слушания или же сразу окончательное решение».*

Причем Европейский суд может принять решение, исходя не только из нарушений в российском расследовании, но и по чисто формальным основаниям. Дело в том, что **факт негуманного отношения российских властей к родственникам катынских жертв**, вытекающий из того, что их держали их в неведении о судьбе близких, **налицо и не требует особого разбирательства. Недопущение такого отношения — одно из важнейших положений, которое защищает Европейский суд по правам человека.** Поэтому суду в Страсбурге для вынесения вердикта вполне достаточно факта нарушения прав родственников.

Сначала по решению Европейского суда поляков «удовлетворит» символическая компенсация за Катынь в 1 евро. Ну а затем, как это принято в западной правосудии, последуют претензии по полной мере. Не случайно в Польше с нетерпением ждут страсбургского решения по искам к России. Если Европейский суд признает первые иски польских родственников катынских жертв, то остальные двадцать тысяч потомков катынских жертв **получат право потребовать от России, как правопреемницы СССР, материальной компенсации.** Она может составить несколько десятков миллиардов евро.

Заметим, что соседи Польши, литовские наследники репрессированных в годы советской власти, только за 4 года насильственного выселения родителей в Сибирь, намерены

требовать от России компенсации в **500 тысяч евро**. Как отмечалось, что поляки свои претензии оценят не в меньшую сумму.

• Напомним также, что Союз поляков-сибиряков, объединяющий около шестидесяти тысяч человек, репрессированных в СССР, в 2006 г. также заявил о намерении подготовить иски против России в Европейский суд. Поэтому в Польше, и не только в ней, многие ждут решения этого суда. Для России в этом случае актуальным становится лишь один вопрос: **80 тысяч поляков** будут подавать иски в «розницу» (индивидуально) или «оптом» (под эгидой государства)? Ну, а за ними в очередь выстроится представители из бывших союзных республик и стран социалистического содружества.

Заявления типа, **Россия не СССР и не несет ответственности за его действия**, для стран Евросоюза не аргумент. Россия объявила себя правопреемницей СССР и этого достаточное правовое основание для предъявления к ней исков за советское прошлое. Польша же всегда двигалась к поставленной цели «шаг за шагом» и, когда чаша весов клонилась на ее сторону, действовала жестко и решительно. В случае необходимости будут **арестованы активы РФ за рубежом, которые пойдут на компенсации полякам**. Претензии фирмы «Noga» к России, по сравнению с катынскими компенсациями, могут оказаться просто смешными.

Польские политики и публицисты на словах лицемерно отвергают даже саму мысль о каких-либо материальных компенсациях за погибшую в Катыни «польскую элиту». Однако история польско-советских и польско-российских отношений свидетельствует об ином.

Даже в советское время, будучи союзником, Польша постоянно предъявляла материальные претензии к Советскому Союзу. Напомним, что в 1978 г. Польша начала с СССР «войну брендов», заявив права на торговое название «водка». Если бы польские историки сумели доказать, что «водка» является исконно польским продуктом, то материальные потери СССР и России исчислялись бы миллиардами долларов. Пострадали бы и простые люди, которые за каждую бутылку

водки переплачивали сумму, идущую в польскую казну. Но благодаря историку-энтузиасту В.Похлебкину историческая справедливость тогда была восстановлена. Вильям Васильевич убедительно доказал приоритет России в создании алкогольного напитка под названием «водка».

В связи с кризисной ситуацией в Польше, в 1980—86 годах Советский Союз оказал польскому народу безвозмездную помощь на сумму в 7 млрд. руб. Об этом говорилось 23 октября 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС (в Политбюро ЦК КПСС. А.Черняев).

Ранее упоминалось, что в 1989 г. Польша поставила вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий. Подобным путем Польша стремилась ликвидировать свою задолженность Советскому Союзу в размере 5,3 млрд. инвалютных руб., т.е. по тогдашнему курсу более 8 млрд. долларов США. Долг Польше к 1992 году списали, но Россия вместо благодарности получила, как всегда... Эту тактику Польша, вероятно, продолжит и в будущем.

Достучаться до Кремля

За истекшие шесть лет после прекращения следствия по уголовному делу № 159 прогнозы о неизбежности печального финала Катинского дела в Страсбурге постоянно появлялись в российских СМИ. В июне 2007 г. автор по этому поводу обратился с письмом непосредственно к Президенту РФ В.Путину.

В письме говорилось о крайне негативном для России исходе Катинского дела, если Европейский суд примет к рассмотрению иски родственников расстрелянных польских офицеров. Также была высказана просьба о необходимости возобновить следствие по уголовному делу № 159 и рассекретить архивные документы, позволяющие установить реальные обстоятельства гибели польских офицеров. Письмо из

Администрации президента было переслано в Главную военную прокуратуру.

Ответ из ГБП за № 5у—6818—90/581 от 4 июля 2007 г. пришел за подписью старшего военного прокурора С.Шаламаева. В нем утверждалось, что расследование Катынского дела было осуществлено в строгом соответствии с российским законодательством и оснований для возобновления следствия нет.

Помимо этого в Администрацию президента и российский МИД регулярно отправлялся журнал «Наш современник» с публикациями на Катынскую тему. Была направлена и книга «Тайна Катыни». Однако реакции не последовало.

Выявлению реальных обстоятельств гибели польских офицеров немало усилий посвятил депутат Государственной Думы Виктор Илюхин. Он неоднократно обращался к руководству страны, предупреждая о крайне негативном исходе Катынского дела при отстаивании официальной версии. 16 июня 2010 г. Илюхин выступил на пленарном заседании Госдумы с официальным заявлением о фальсификации исторических документов советского периода и, прежде всего, документов из «закрытого пакета № 1». Заявление в Кремле предпочли не услышать. Это не случайно.

12 мая 2009 г. лидер фракции КППФ в Государственной Думе РФ Геннадий Зюганов при личной встрече с Президентом РФ Дмитрием Медведевым высказал просьбу рассекретить архивные документы, содержащие юридически значимые доказательства причастности нацистов к расстрелу в Катыни. Президент на этой встрече якобы продемонстрировал осведомленность об истинных обстоятельствах Катынского дела, однако заявил, что политическое решение по катынской проблеме в прошлом уже было принято и радикальное изменение этого решения в настоящее время не представляется возможным. Но разве может какая-либо политическая или экономическая целесообразность оправдать принятие на Россию такого преступления, как Катынь? (См. <http://www.katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=948>).

Существенно изменившаяся в 2010 г. позиция руководства России в оценках катынской проблемы невольно заставляет поверить российской журналистке Юлии Латыниной. Она утверждает, что эта перемена обусловлена информацией о том, что Польша с помощью США может наладить промышленную добычу сланцевого газа и стать крупнейшим в Европе экспортером этого газа. Это серьезная угроза российской газовой гегемонии, что потребовало от Кремля немедленных мер по улучшению отношений с Польшей, в том числе и за счет Катыни.

19 апреля 2010 г. по инициативе депутата В.Илюхина в Государственной Думе состоялся весьма представительный в научно-историческом и общественно-политическом плане «круглый стол» на тему «**Катынская трагедия: правовые и политические аспекты**». Достаточно сказать, что в дискуссии приняли участие девять докторов наук. В ходе «круглого стола» были озвучены факты, свидетельствующие о директивно-казачном и субъективном характере расследования Катынского дела, проведенного российскими военными прокурорами в 1990—2004 гг. Были приведены документальные сведения, доказывающие фальсификационный характер нацистско-польской эксгумации, осуществленной в 1943 г. в Катыни. Прозвучали обоснованные аргументы, подтверждающие сомнительное происхождение кремлевских документов из «закрытого пакета № 1».

По итогам «круглого стола» было подготовлено **обращение к Президенту России Медведеву**. В нем высказывалась просьба возобновить расследование уголовного дела № 159 в связи с вновь вскрывшимися обстоятельствами. Помимо этого на основе материалов «круглого стола» издан сборник «**Тайны Катынской трагедии**». Он также был направлен руководству страны. И вновь реакции не последовало.

В этой связи Президиум ЦК КПРФ 19 октября 2010 г. обнародовал заявление «**С фальсификациями советской истории необходимо покончить!**». В нем КПРФ заявила о **«намерении продолжать противодействие попыткам искажения исторической истины»** и потребовала провести тщательное

«расследования обстоятельств фальсификации документов, связанных с расстрелом польских офицеров».

К сожалению, в Кремле это было истолковано, как попытка помешать процессу нормализации отношений между Россией и Польшей. 20 ноября 2010 г. президент, встречаясь в подмосковной резиденции с зарубежными политиками, критически оценил заявление российских коммунистов. Он заявил: **«Наша коммунистическая партия пытается опровергать выводы соответствующей комиссии по Катынскому делу. И это сила, которая имеет определенную поддержку в нашей стране. Однако это не значит, что мы должны отказаться от открытого и свободного общения».**

Следует заметить, что замечание президента касается не только позиции российской Компартии. Оно и действия независимых исследователей катынской трагедии оценивает, как попытку вбить клин в отношения между Польшей и Россией. Более того, деятельность независимых российских исследователей по выяснению реальные обстоятельства гибели польских военнопленных на территории СССР, нередко представляется, как желание **«оправдать преступления сталинской деспотии».**

С подобными трактовками невозможно согласиться. Особенно, после того, когда президент заявляет — **«Нам нужна правда о Катыни!».** Ведь, что предлагают не согласные с официальной версией катынского преступления. Прежде всего, **рассекретить российские архивы, провести объективное следствие по Катынскому делу и выяснить в суде, кто прав, а кто нет.** В ответ же, как во времена критикуемого «тоталитаризма» — жесткий административный нажим. Подобное происходит тогда, когда власть чувствует ущербность своих позиций.

Не вызывает сомнений, что большинство россиян за добрые отношения с Польшей. России с ней нечего делить. Но пытаться добиться хороших взаимоотношений путем предательских уступок, путем принятия на Россию чужих грехов, это не просто путь в тупик. Это путь к бесконечным

претензиям к России. В 1986—1991 гг. это наглядно доказала политика Горбачева.

В тот период людей, критикующих губительную политику упреждающих уступок Горбачева, называли врагами разрядки, перестройки, сторонниками продолжения конфронтации и «холодной войны». Все делалось во имя политической и экономической целесообразности. Россия до сих пор пожинает плоды «горбачевщины». Положительные результаты политической и экономической целесообразности уступок времен перестройки исчезли без следа, а вот отрицательные с каждым годом проявляют себя все более ярко. Наглядным примером является движение НАТО к границам России.

Напомним, что попытки «подстроить» Россию под Запад всегда дорого ей обходились. Еще в 1877 г. великий русский писатель и провидец Федор Михайлович Достоевский в своем дневнике так охарактеризовал политику заискивания перед Западом, поиск его дружбы и расположения любой ценой: *«Мы прямо ухватились за европейскую цивилизацию и тотчас же уверовали, слепо и преданно, что в ней-то и заключается то «всеобщее», которому предназначено соединить человечество воедино... Затем, в половине текущего столетия, некоторые из нас удостоились приобщиться к французскому социализму и приняли его, без малейших колебаний, за конечное разрешение всечеловеческого единения, то есть за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей. Таким образом, за достижение цели мы приняли то, что составляло верх эгоизма, верх бесчеловечия, верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей, но это нас не смущало нисколько.*

...И чего же мы достигли?... Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае... Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с уctивой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это все у них «не так поняли».

К сожалению, слова Достоевского сегодня актуальнее, нежели в XIX веке. Почему? Потому, что в наше время не только либеральная часть российской общественности (как во времена Достоевского), но и многие «государевы люди» — политики, юристы, историки, призванные отстаивать честь, достоинство и интересы России, на деле нередко работают против нее. Об этом уже говорилось.

Катынское противостояние и российско-польские отношения

После декабрьского (2010 г.) визита президента Медведева в Польшу большинство российских политиков уверено в благоприятном для России исходе Катынского дела. Это было бы прекрасно, однако многое говорит о том, что польско-российское противостояние пока себя не исчерпало.

Прежде всего, неразрешенными остались вопросы двойной российской оценки Катынского преступления и необоснованной засекреченности материалов уголовного дела № 159. Эти вопросы поляки рано или поздно поднимут. Об этом свидетельствует вся логика их поведения. Это подтверждает и следующий факт.

Буквально сразу же после завершения визита Медведева, газета «*Rzeczpospolita*» опубликовала статью ведущего эксперта в области польско-российских отношений, профессора Ягеллонского университета Анджея Новака. В течение ряда последних лет суждения этого профессора играют важную роль в формировании восточной политики Польши.

Новак в своей статье провел непонятную историческую параллель, сравнив визит Медведева с визитом императора Николая II в Варшаву в 1897 году. После этого он дал оценку визиту российского президента, заявив, что *«в сфере исторических вопросов встреча Медведева и Коморовского не принесла никаких существенных изменений, помимо того, что польский министр иностранных дел принял ту версию Катынского дела, которой придерживается премьер Путин».*

Далее Новак перешел к требованиям, которые Польша теперь должна предъявить России. Польский профессор считает, что следует поставить перед Россией вопрос *«о возврате сокровищ польской культуры и истории, которые были похищены захватнической Красной армией в сентябре 1939 года и находятся сейчас в Российском государственном военном архиве в Москве. Речь идет о таких собраниях, как архив Польских легионов, практически полный архив разведки Второй Польской Республики, архив правительства, сейма и даже канцелярии польских примасов. Почему эти бесценные для поляков собрания должны оставаться в Москве? Почему мы должны об этом молчать?»*.

Это пока первое озвучивание новых претензий, которые Польша со временем предъявит России. Так сказать, «пробный камень». Далее Польша будет действовать по обстоятельствам, используя любое ослабление российской позиции. Это она демонстрировала уже не раз.

Следует также отметить, что Катынская трагедия имеет глубокие корни в польском общественном сознании и подпитывается другими «историческими обидами» в отношении России.

Еще раз напомним, что польская сторона за последние 20 лет сумела «навешать» на Россию тяжкий груз исторических «преступлений и ошибок»: от разделов Польши в XVIII веке до советской «оккупации» Польши в 1945 г. Во многом эта ситуация обусловлена советским (хрущевским), а впоследствии и российским подходом к собственной истории, суть которого состоит в следующем. **«Вчера» все было плохо, зато сейчас Россия исправляет исторические ошибки.**

Этим успешно пользуются наши польские «друзья». И, хотя у них грехов не меньше, чем у России, они предпочитают на эту тему не распространяться, представляя свою историю в безгрешном виде. Но «самоедскую самокритику» России они моментально берут на вооружение. В этой связи несколько слов о роли истории в жизни нашей страны.

Сегодня в России объявлена борьба с фальсификацией исторических событий. Однако известно, что история одних

и тех же событий, как правило, излагается в той интерпретации, которая отражает внутреннюю суть и убеждения рассказчика, будь то академик-историк, или непосредственный участник этих событий. Более того, из криминалистики известно, что очевидцы одного и того же события, могут излагать его в совершенно различных интерпретациях.

Так, как же следует трактовать исторические события? С садистским смакованием самых мрачных эпизодов отечественной истории и выворачиванием наизнанку их неприглядной подоплеки?! Или же в несколько дистанцированном от реальности изложении, которое позволяет представить историю государства, как некий героический эпос?! А может быть, истина лежит где-то посредине и рассказывать подлинную историю надо, уделяя основное внимание положительным моментам, но при этом кратко и доходчиво объяснять причины тех неблагоприятных поступков, которые сопровождали историю становления государства?!

Как отмечалось, наши соседи предпочитают второй путь, так как он позволяет наиболее быстро и безболезненно заложить у детей и молодежи (будущей нации) национальную гордость и основы патриотизма. Но в случае встречи с неприглядными сторонами подлинной истории своей страны, такие скороспелые патриоты могут стать новыми Печеринскими — разочарованными и озлобленными нигилистами, презирающими все и, прежде всего, свое Отечество. Что Россия и получила в 1990-х годах.

Примечание. В XIX веке известность получил некий российский дворянин Владимир Печерин. Он, будучи ярким поклонником Польши, перешел в католичество и, уехав в Польшу, так писал о России: «Как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтожения».

Сегодня в России идут первым путем и стараются вытащить на свет Божий самые неприглядные стороны отечественной истории, даже не пытаясь объяснить причины этих явлений. При этом ухитряются еще и глубокомысленно рассуждать о формировании некоего «осознанного» патриотизма у детей и молодежи!

Для того чтобы показать ущербность данного подхода, возьмем, к примеру, историю христианства. Два тысячелетия человеческой истории подтвердили, что идеалы, к которым призывал Христос, гуманистичны и их привлекательность со временем только возрастает. Но, если, наряду с рассказом о них, акцент сделать на несуразностях, присутствующих в Библии, на преступлениях, которые сопровождали историю католической церкви в ее борьбе за «чистоту» Веры, на извращениях, которые допускали, прикрываясь именем Христа, служители Божьи, то можно не сомневаться, что в итоге будет воспитан воинствующий атеист.

Аналогичная ситуация и с историей любого государства. Она может быть изложена, как черных тонах, и это все будет правдой, так и в светлых, и это тоже будет правдой. Все будет зависеть от точки зрения, как в ситуации со стаканом воды. Или стакан наполовину полон, или же он наполовину пуст? Оба утверждения правдивы.

Бывшие российские «братья» по соцлагерю и СССР, используя нашу «самокритику», излагают историю России, как цепь преступлений против «цивилизованного» мира. Их активно поддерживает ряд российских историков и политиков, которые уверяют, что «очищение» России произойдет, если будет вскрыто «темное прошлое» советского периода.

Напрасные надежды. Россия в глазах наших соседей всегда была «азиатским варваром», которого следовало остановить любым способом. В этой связи не вполне оправданны оценки современной ситуации с Катынским делом, как нечто нового, «прорывного» в российско-польских отношениях.

Напомним, что и Горбачев и Ельцин признали Катынь сталинским преступлением. Более того, Ельцин передал Польше сверхсекретные кремлевские материалы из «закрытого пакета № 1», которые кардинально изменили оценки Катынского дела. Как уже говорилось, 25 августа 1993 году Борис Николаевич на воинском кладбище в варшавских Повонзках попросил у поляков прощения за катынское преступление.

Эти шаги были не менее «прорывными» и весомыми, нежели обнаружение катынских документов на сайте Росархива или передача Польше томов уголовного дела № 159. Однако, даже эти беспрецедентные шаги России ситуацию в катынском противостоянии существенно не изменили.

Несколько слов о передаче польской стороне материалов Катынского уголовного дела. Это жест доброй воли России. Однако, как ранее отмечалось, неясно, во что он ей обойдется. Известно, что польская сторона ведет независимое от России расследование Катынского дела. Им занимается Институт национальной памяти в Варшаве (ИНП). Это весьма серьезная полугосударственная организация, в штате которой около тысячи сотрудников.

Несколько слов об ИНП, так как с этой организацией России в будущем придется не раз столкнуться. Председатель ИНП — единственное должностное лицо в Польше, которое подчиняется исключительно польскому сейму. Для его избрания на этот пост необходимы голоса, как минимум, 60% депутатов. Соответственно, институт всегда располагает мощной политической поддержкой высших властных структур Польши. В Институте национальной памяти работает около сотни прокуроров. Институт, по поручению польского Сейма, в 1990—2004 гг. осуществлял контроль за ходом расследования Катынского дела, проводимого российской стороной.

Сейчас его прокуроры ведут свое расследование Катынского дела. Несомненно, материалы российского уголовного № 159 будут приобщены к материалам этого расследования. Это подтвердил и польский Сопредседатель Группы по трудным вопросам Адам Ротфельд. Очевидно также и то, что польская сторона, ведя самостоятельное следствие, постарается использовать недочеты и ошибки, допущенные российским следствием, с тем, чтобы сформировать перечень новых официальных претензий к России.

О том, что подобное возможно, свидетельствует не только реакция польской стороны на ответы российского Минюста в Страсбург, но и реакция польского руководства на проект отчета Межгосударственного авиационного комите-

та (МАК) о расследовании авиакатастрофы под Смоленском, переданный Польше 20 октября 2010 г.

14 декабря, польская сторона передала МАК свои замечания по этому отчету на 150 страницах. По мнению польской стороны, предоставленный МАК документ содержит ряд ошибок, и некоторые его выводы не подкреплены исследованиями. Премьер-министр Польши Дональд Туск назвал этот отчет неприемлемым. Он добавил, что *«Я не говорю, что документ лжет, однако хотелось бы увидеть надлежащие доказательства»*.

В такой позиции нет ничего удивительного. Польша имеет право не согласиться с отчетом МАК. Но почему из этого факта сделали публичную кампанию, в которой позиция России преподносится не лучшим образом? Глава польского Министерства внутренних дел и администрации Ежи Миллер заявил, что отчет МАК и польские замечания по нему будут обнародованы в январе 2011 года. Однако, если отчет не является окончательным, то к чему такой публичный ажиотаж, да еще с русофобским оттенком? Заметим, что все это происходит после доброжелательного приема в Варшаве российского президента Медведева.

К сожалению, это традиционная польская тактика, суть которой в какой-то мере определяет старая поговорка «Дружба дружбой, а денежки врозь!». Еще раз вернемся к перипетиям катынского противостояния. Как говорилось, после покаяний Горбачева и Ельцина, накал этого противостояния не снизился. Особенно он усилился в 2005 г. с приходом к власти братьев Качиньских. В этот период катынская трагедия стала центральным звеном общенациональной пропагандистско-идеологической системы. Ежегодно проводились десятки мероприятий, посвященные Катыни. Во многих городах появились улицы «Героев Катыни», гимназии «имени Жертв Катыни», местные «Катынские кресты» и т. д. и т. п.

Все это происходило на фоне заявлений президента Польши Леха Качиньского о том, что Польша заинтересована в улучшении отношений с Москвой. Однако, после того, как президент Владимир Путин в 2006 г. предложил бывшим со-

юзникам по соцлагерю «обнулить счетчик взаимных обид», в Польше начался новый виток нагнетания страстей по Катыни.

Апофеоз катынской темы наблюдался осенью 2007 г. в преддверии досрочных парламентских выборов в польский Сейм. Катынь рассматривалась братьями Качиньскими (тогдашними президентом и премьером), как базовый идеологический элемент их избирательной кампании. На осень 2007 г. была запланирована премьера фильма Анджея Вайды «Катынь». Она должна была состояться и состоялась 17 сентября 2007 года в Большом театре Варшавы. Перед премьерой, утром того же дня, президент Польши Лех Качиньский неофициально посетил мемориальное польское кладбище в Катыни.

Напомним, что дата 17 сентября была выбрана не случайно. Именно в этот день в 1939 г. части Красной Армии вступили на территории Западной Белоруссии и Украины. Эта акция в Польше расценивается как советская агрессия и «предательский удар в спину».

В центре Варшавы была развернута фотовыставка, посвященная немецко-польской эксгумации в Катыни в 1943 г. Ее открывал большой плакат, изготовленный еще в 1943 г. пропагандистами из ведомства Геббельса. На нем изображен польский генерал, которого расстреливали два звероподобного вида энкаведешника с окровавленными руками явно семитской внешности.

В ноябре 2007 г. по инициативе тогдашнего президента Л.Качиньского в Варшаве состоялась помпезная публичная двухсуточная акция посмертного(!) повышения в воинских званиях всех 14 тысяч польских военнослужащих, фигурирующих в Катынском списке. Подобных прецедентов мировая история не знала. Даже польские герои сражения на полуострове Вестерплатте в сентябре 1939 г. не были удостоены подобных почестей.

К сожалению, польский истеблишмент, как правило, подобным образом реагирует на любые жесты примирения, которые демонстрирует Россия. Напомним еще раз, что 1 сентября 2009 г. премьер-министр России Путин, выступая в Гданьске на церемонии, посвященной 70-летию начала Вто-

рой Мировой войны, продемонстрировал явное стремление России к улучшению российско-польских отношений. Однако, буквально на следующий день 2 сентября глава Бюро национальной безопасности Александер Щигло дал указание опубликовать доклад Бюро национальной безопасности (БНБ) при президенте Польши под названием «Историческая пропаганда России в 2004—2009 годах».

В нем российские власти и спецслужбы обвинялись в целенаправленной фальсификации истории и внедрении полонофобских настроений в сознание россиян. В докладе даже визит Владимира Путина в Гданьск был расценен как элемент «исторической пропаганды», как попытка создать впечатление открытости России в дискуссиях о прошлом.

Позиция современной польской элиты уже десятилетия остается неизменной. Единственное чему она научилась, это громко говорить о необходимости «широкого диалога» и «признания исторической правды» в польско-российских отношениях. В то же время диалог поляки понимают, как безоговорочное согласие с их аргументами.

В ряде случаев, говоря об улучшении взаимопонимания между двумя странами, поляки тут же делают обратное. Возьмем, к примеру, события накануне 70-ой годовщины катынской трагедии (апрель 2010 г.). Казалось бы, в России и Польше уже были найдены некоторые точки соприкосновения противоположных позиций.

Однако на фоне разговоров о преодолении катынского противостояния, в Польше в 2010 г. началась широкомасштабная акция по очередному увековечиванию памяти катынских жертв под названием «Дубы памяти жертв Катыни». В ходе нее намечается посадить 21.473 именных дуба в память каждого польского гражданина, числящегося в катынском списке. Напомним, что в Катыни, по польским данным, покоится всего 4 с небольшим тысячи поляков.

Девиз акции «Катынь...Спасти от забвения». По утверждению организаторов, она призвана придать новый импульс памяти местных героев, убитых в Катыни. В польской памятке написано: «Каждый ДУБ ПАМЯТИ посвящен кон-

кретному лицу, «убитому в Катыни» (один дуб = одно имя из катынского списка). Каждый ДУБ ПАМЯТИ имеет собственный именной сертификат и мемориальную табличку Героя».

Посадка каждого дуба должна быть зафиксирована в специальном отчете на 4 листах. За каждым дубом закрепляются шефы. Попутно реализуется программа «Моя малая родина», основной задачей которой является **«открытие конкретных Героев Катыни в ближайшем регионе на территории действия образовательного учреждения и представление их истории в различной — в зависимости от этапа осуществления программы — форме».**

Учитывая длительный процесс роста и жизни дубов, эта акция задумана минимум лет на СТО. Видимо, польские политики планируют еще столетие использовать против России «катынскую карту», позволяющую создавать нужную эмоциональную атмосферу в польском обществе. Естественно, эти сто лет молодое поколение в Польше будет воспитываться в духе русофобии.

Позицию польских русофобов не смягчили совместные польско-российские мероприятия, состоявшиеся в апреле 2010 г. в Катыни, в ходе которых российское руководство в очередной раз покаялось. А после того, как россияне продемонстрировали искреннее и глубокое сочувствие польскому народу в связи с гибелью делегации, возглавляемой Лехом Качиньским под Смоленском, в Польше появился комикс по воспоминаниям Юзефа Чапского под названием **«1940. Катынь. Преступление на бесчеловечной земле»**, рассчитанный, прежде всего, на молодежь. Кстати, тема «злодейского» преступления в Катыни представлена даже в польской детской энциклопедии.

Особую роль в плане идеологического воздействия на польское общество и молодежь сыграл фильм режиссера Анджея Вайды **«Катынь»**. Он заслуживает более подробного рассказа. Вайда постоянно подчеркивает, что его фильм **«ни в коей мере не направлен против России, он о том, как совершалось преступление Сталина»**. Он также акцентиру-

ет недопустимость использования фильма «для политических манипуляций». Но, как известно, нередко благие пожелания так и остаются пожеланиями. Так произошло и с фильмом «Катынь», который еще в период съемок стал предметом манипуляций польских политиков.

Съемки фильма «Катынь» начались в октябре 2006 г. Сегодня можно утверждать, что он создавался в пропагандистских целях. Об этом свидетельствует заранее запланированная дата его премьеры. В целях завершения съемок фильма к назначенному сроку польское правительство выделило Вайде беспрецедентную в истории польского кино сумму в 6 миллионов злотых (примерно 2 миллиона долларов США). Это самая большая сумма, которую Государственный институт киноискусства Польши в последние годы выделял кинематографистам. В знак особого внимания к фильму «Катынь» супруги Качиньские, Лех и Мария, установили над ним особо престижную форму патроната — «патронат президентской четы».

После премьеры в Варшаве фильм начал триумфальное шествие по польским экранам. Министр обороны Польши отдал приказ командирам всех воинских частей, чтобы все солдаты — контрактники и срочники — посмотрели этот фильм, а на его показ шли в форме и во время службы. Школьники и студенты посещали фильм классами и группами. За первую неделю проката «Катынь» успели посмотреть миллион поляков.

Опросы польских социологических служб показали, что фильм, помимо патриотического настроения, формирует у большинства зрителей негативное отношение не только к СССР, но и к России. По-другому и не может быть, так как показ фильма постоянно сопровождается заявлениями польских политиков и историков, что в сентябре 1939 года судьбу Польши «предрешила... советская агрессия», а «советская оккупация» (так сегодня в Польше называют освобождение от нацистов) была страшнее гитлеровской. Да и сам фильм носит достаточно выраженную антироссийскую направленность.

Создавая фильм «Катынь», Анджей Вайда, видимо, следовало бы познакомиться с творчеством великого русского поэта Федора Иванович Тютчев, написавшего 140 лет назад: **«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»**. В этой связи попытаемся оценить фильм. Возможно, заявления об элементах русофобии, присутствующих в нем, просто плод чей-то фантазии?

Фильм «Катынь» снят с сутобо польской точки зрения. Ряд символов и метафор, которые всегда присутствуют в фильмах Вайды, понятны только полякам. Большинство из этих символов и намеков позволяет ставить **знак равенства между нацизмом и сталинизмом, а точнее социализмом**. При этом Вайда не видит принципиального различия в том, что нацисты шли истреблять «недочеловеков», в том числе и поляков, а солдаты Красной Армии шли в бой с верой в то, что никого нельзя считать «недочеловеком».

Фильм «Катынь» построен на противопоставлении персонажей и ситуаций. К «нужным» выводам зрителя подталкивает сам польский режиссер. В фильме с одной стороны показаны поляки-патриоты (мужчины и женщины), подлинное воплощение национальных достоинств и католических добродетелей, с другой — нацисты и «советские», напроочь лишенные этих достоинств. Помимо этого, **нацисты и «советские» (точнее русские) также противопоставляются друг другу**. Причем нацисты у Вайды выглядят более привлекательными, нежели русские.

Так, комендант нацистского лагеря смерти, сообщая вдове о смерти мужа-профессора, просит принять его сожаления. Невольно приходит мысль, что русским следует научиться культурному обращению с жертвами и их близкими. Другой нацист приглашает жену расстрелянного в Катыни польского генерала, также выражает ей соболезнования и просит подписать заявление, осуждающее преступление советского ГПУ. Вдова мужественно отказывается и, казалось бы,... Но в следующем кадре она с дочерью уже возвращается домой. Вайда как бы пытается этим эпизодом поставить вопрос, **а что было бы с ней при Советах?**

Следует отметить интересную деталь, характеризующую отношение Вайды к событиям, о которых рассказывает фильм. Речь идет о титрах. Там, где действие происходило на освобожденных Красной Армией территориях Западной Белоруссии и Украины, появлялись титры «зона советской оккупации», но когда показывают Краков, захваченный нацистами, титры о нацистской оккупации отсутствуют.

Солдат и офицеров Красной Армии Вайда показывает некой молчаливой биомассой. Помимо офицера Красной Армии (российский артист Сергей Гармаш), спасшего вдову и ребенка польского офицера от депортации, все остальные персонажи непольского происхождения похожи на бездушных роботов, действующих в рамках некоего государственно-политического механизма.

Наиболее четко отношение Вайды к советским солдатам видно из эпизода с раздиранием польского флага на портянки. Возможно, такой факт и был в действительности. Но его нарочитое выпячивание в фильме говорит о многом. Вайда прекрасно знает трепетное отношение поляков к национальной символике. На фоне сцены поругания польского флага цена жизни 600 тысяч красноармейцев, освободивших Польшу от нацистского ига, многим полякам может показаться ничтожной.

Сильное впечатление производит сцена расстрела польских военнопленных. Сделана она в духе утверждения польских политиков о том, что в современном мире существует два величайших преступления — Холокост и Катынь. Не случайно Вайда сценой расстрела завершает фильм.

Заметим, что сцена расстрела польских офицеров в фильме «Катынь» выглядела бы бледной, если бы Вайда снял бы фильм о польских методах расправы с пленными красноармейцами. В польских лагерях в 1919—1921 гг. их засекали на смерть розгами из из ржавой колючей проволоки.

После просмотра фильма «Катынь» возникает впечатление, что Анджей Вайда, как и многие до него, метил в сталинизм, но попал в Россию. Известно, что в Польше все советское всегда воспринималось и воспринимается, как рус-

ское. Фактически Вайде удалось реализовать идею польского профессора Войцеха Матерского о том, что следует выдвинуть обвинение против *«всей советской политической системы»*. Фильм «Катынь» стремится сделать каждого зрителя участником общественного обвинительного процесса над историей СССР, а конечном итоге, над Россией и ее историей.

Не следует забывать, что миллионы граждан современной России в той или иной степени были связаны с советской системой. Она не заслуживает столь однозначного отношения к себе, которое предложил Вайда. Даже советские невозвращенцы признавали ряд достоинств социалистической системы. Многие россияне именно в советское время получили образование и достойное место в жизни. Фильм «Катынь» это плевок не столько в сталинизм, сколько в историю их жизни, в идеалы, которые они защитили в смертельной борьбе с нацизмом.

Польский взгляд на историю

Преодоление польско-российского противостояния осложняется не только ритуально-идеологическими, но и упрощенно-обывательскими аспектами восприятия истории польско-российских отношений и, прежде всего, катынской проблемы, польскими политиками, историками и общественностью. И хотя это проявляется в мелочах, понятно, что именно такие мелочи свидетельствуют об особенностях **глубинного восприятия** в Польше этой болезненной проблемы.

Уже отмечалось, что поляки имеют весьма своеобразное представление об истории своей страны. Этот подход имеет давние традиции. Так большинство поляков уверены, что девиз *«Польша от моря до моря!»* имеет исторические польские корни. Однако Польша к этому девизу до XVI века не имела никакого отношения. В те времена от моря до моря простиралась не Польша, а Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и ... И только образование общего федеративного го-

сударства Речи Посполитой после люблинской унии 1596 года, позволило Польше «присоединиться» к этому девизу.

С этого момента история Великого княжества Литовского была фактически присвоена поляками. История Речи Посполитой в современной Польше трактуется, как история глубоко польского государства. Литвины там отсутствуют. Исторические события в этой истории трактуются также только с польских позиций. Во всех конфликтах, происходивших в Речи Посполитой обвиняются все, но не поляки.

Уже упоминалось о горькой судьбе польского историка Казимира Валишевского, посмеявшего высказать суждение о том, что в разделах Польши не столько виноваты внешние силы, сколько польская элита. В этой связи напомним еще одну историю, которая **200 с лишним лет отравляет польско-русские отношения**. Речь пойдет о великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове, усмирившем восстание 1794 г., возглавляемое Тадеушем Костюшко. В Польше же Суворов считается палачом, который подло и безжалостно расправился с гордыми и высоконравственными борцами за польскую независимость.

Однако ситуация в 1794 г. была не такой однозначной, какой ее хотят представить польские историки. Через год после второго раздела Речи Посполитой в Варшаве в марте 1794 г. вспыхнуло восстание. Оно было приурочено к великому православному празднику Рождеству Христову.

Солдаты и офицеры корпуса генерала Игельстрома, расквартированного в Варшаве, а также члены их семей, с вечера молились в православных храмах. Там они были и застигнуты повстанцами. В итоге восстание в первые же минуты превратилось в бандитскую резню невооруженных и незащищенных людей. Лишь незначительная часть корпуса Игельстрома смогла вырваться из смертельного кольца. Эту бойню поляки впоследствии гордо назвали «**Варшавской заутренней**».

В августе 1794 г. во главе русских войск, направленных для подавления Польского восстания стал Суворов. В октябре 1794 г. войска Суворова, одержав ряд побед, подошли

к Праге, предместьем Варшавы. Положение повстанцев стало критическим.

Накануне штурма Праги в приказе по армии Суворов писал **«В дома не забегать, неприятеля, просящего пощады, щадить. Безоружных не убивать. С бабами не воевать, малолеток не трогать»**. 24 октября в 5 часов утра начался штурм Праги. Ее защищал польский гарнизон и вооруженные городские ополченцы. В армии Суворова воевали уцелевшие во время варшавской резни игельстромовцы. Они пылали жадной мести. Поэтому схватка за Прагу была крайне ожесточенной. Несмотря на приказ Суворова, пострадало много женщин и детей. Это было неизбежно, потому что и они защищали Прагу с оружием в руках. К 9 часам утра все было кончено. Поляки капитулировали.

Суворов, понимая, что разгоряченных боем и сопротивлением солдат не остановить, **приказал сжечь мост через Вислу. Варшава была спасена от насилия.** Позже Суворов отдал приказ не входить в Варшаву полкам, чьи команды стояли в польской столице во время **«Варшавской заутрени»** и приказал не отвечать на возможные выстрелы из домов.

25 тысяч сложивших оружие повстанцев в Варшаве Суворов отпустил по домам с паспортами. Более того, он позволил всем желающим покинуть Польшу. Благодаря этому польский генерал Михал Огиньский, активный участник восстания, покидая Польшу, написал полонез **«Прощание с Родиной»**. Интересно, совершил подобное хоть один военачальник Речи Посполитой, усмирявший восставших белорусов и украинцев?

Магистрат Варшавы, отдавая дань мудрости и человеколюбию Суворова, подарил полководцу золотую табакерку с бриллиантами и надписью **«Варшава—своему избавителю»**. Однако польская и французская пропаганда представили миру события в Праге, как кровавую бойню, а Суворова безжалостным палачом. Мне уже в советское время в Литве не раз приходилось слышать эту характеристику Суворова.

После разгрома восстания на сибирскую каторгу попали 12 тысяч повстанцев. Раненый Т.Костюшко стал заключен-

ным Петропавловской крепости. Но в 1796 г., после смерти Екатерины II, новый император Павел I освободил всех повстанцев, участвовавших в восстании, в т.ч. и Костюшко. Однако миф, запущенный более двух веков назад, до сих пор порочит имя Суворова. Польские историки, зная истину, по этому поводу предпочитают молчать. Однако, тем не менее, они дают советы России, как следует каяться за исторические преступления.

У большинства поляков сформировано искаженное представление и о событиях, предшествовавших началу Второй мировой войны и роли в них Польши. В этом плане ситуация в современной Польше в какой-то мере напоминает ситуацию, представленную в польском фильме «Новые амазонки» (польск. «Seksmisja»).

Режиссер Юлиуш Махульский показал в этом фильме общество, в котором память о прошлом подверглась чудовищной вивисекции, в результате которой виновными во всех бедах были объявлены мужчины. В современной Польше главным виновником всех бед объявлена Россия и русские.

Утверждают, что в фильме «Новые амазонки» была фраза, которую говорили герои, выбравшиеся из подземного бункера: *«Внимание, группа! Направление — на восток, там должна быть цивилизация!»*. Эту фразу вырезали, так как, согласно общепринятому мнению, на Востоке не может быть цивилизации. Польская элита считает, что только Польша способна принести цивилизацию на Восток. Идея создания великой Восточной империи на территориях раздробленной России, объединенных под польским протекторатом, господствует еще со времен Ягеллонской династии. Заметим лишь, что основатель этой династии польский король Ягайло (Ягелло) был сыном тверской княжны Ульяны и Великого князя Литовского, Русского и Жемойтского Ольгерда (Альгирдаса).

Известно, что в предвоенный период Польша развила активную деятельность по разжиганию националистических и сепаратистских настроений в России в рамках проекта «Прометей». «Прометеизм» должен был стать путем реализации

амбициозного лозунга Речи Посполитой «Польша от моря и до моря», после того как СССР расколется на ряд подконтрольных Польше государств..

Эта тема и сегодня жива в Польше. Правда, ее преподносят в плане цивилизаторской миссии Польши на Восток. Лех Качиньский в своих интервью неоднократно подчеркивал, что его идеал — Юзеф Пилсудский, *«идейное наследие»* которого актуально и по сей день. Это наследие в последнее время получила новую подпитку.

Известный американский политолог, основатель частного разведывательно-аналитического центра «Stratfor» Джордж Фридман в книге *«Следующие сто лет: прогноз на XXI век»*, изданной в 2007 г., предрек, что Польша в будущем войдет в круг мировых держав. Объясняется это стратегическим положением Польши, находящейся между двух гегемонов Европы: Германией и Россией. Опасаясь обоих, Польша, пользуясь возрастающим покровительством США, будет стремиться расширить свое влияние в Европе и мире.

Эти же мысли Фридман повторил в ноябре 2009 г. в интервью популярной польской газете «Dziennik». Каждому мало-мальски знакомому с ситуацией в Польше, ясно, что это живительный «бальзам» на мечтания многих польских политиков. Развитие современной ситуации пока идет в направлении, предрекаемом Фридманом. И это способствует поддержанию соответствующего настроения среди польской элиты.

Не случайно Польша в отношениях с Россией ведет себя, по меньшей мере, как мировая сверхдержава. На любую попытку правдиво осветить роль Польши в предвоенные годы она незамедлительно отвечает нотами протеста. Так, в июне 2009 г. посольство Польши выразило протест в связи показанным в «Вестях недели» сюжетом *«Пакт Молотова-Риббентропа: историческое расследование»*. Полякам не понравилось, что их страна упоминается в качестве потенциального союзника Германии (как оно и было на самом деле в 1930-е годы). *«Описание событий искажено и недостоверно. Это яркий пример фальсификации истории»*, — говорилось в заявлении посольства. Однако документальных свиде-

тельств союзнического рвення довоенной Польши по отношению к нацистской Германии более чем достаточно.

Подобная позиция становится легко объяснимой, когда выясняется, даже польский президент Бронислав Коморовский, окончивший исторический факультет Варшавского университета, обладает весьма своеобразными знаниями об истории довоенной Польши. В интервью газете «*Rzeczpospolita*» от 24 августа 2010 г., давая России советы, как *«отмежеваться от сталинизма»*, Коморовский заявил, что визит Путина 1 сентября 2009 г. в Гданьск имел *«огромное значение с точки зрения польской исторической чувствительности»*. Это значение, по Коморовскому, заключалось в том, что *«этим визитом россияне признали, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с Польши, а не 22 июня 1941 года»*.

То есть польский президент уверен, что в России началом Второй мировой войны считают дату нападения Германии на СССР. Однако в любом учебнике истории, как советском, так и российском, датой начала Второй мировой войны всегда определялась дата нападения Германии на Польшу. В СССР любой школьник знал, что 22 июня 1941 началась Великая Отечественная война, но не Вторая мировая война. Несколько хуже эту дату знают школьники современной России, но считать, что 22 июня началась Вторая мировая война, это...

Таким упрощенным подходом к историческим событиям отличаются и многие профессиональные польские историки, в том числе занимающиеся Катнью.. Так, один из главных польских экспертов по катынскому вопросу, бывший руководитель следственного направления Института национальной памяти, председатель Главной комиссии по изучению преступлений против польского народа, профессор Витольд Кулеша утверждает, что на решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. *рукой Сталин* сделана пометка, которая якобы гласила: *«Рассмотрение дел провести особым порядком, без вызова арестованных и без предъявления обвинений, без формулирования обвинительных заключений и закрытия дел»* («Газета выборча», 3 марта 2006 г.).

Нет сомнений, что В.Кулеша понимает, насколько важна точность, даже в мелочах, при рассмотрении любых аспектов Катынского дела. Тем не менее, обывательское желание еще раз подчеркнуть бесчеловечную сущность советского тирана толкнула его на явную фальсификацию исторического события.

Известно, что Сталин в проект решения Политбюро внес лишь одну поправку — зачеркнул фамилию «Берия» и написал «Кобулов». Вышеупомянутая спорная фраза о *«Рассмотрении дел...»* слово в слово, без всяких изменений, вошла в решение Политбюро из известной записки наркома НКВД Л.Берии. Поэтому Сталину не было необходимости ее дописывать.

Сама фраза в записке Берии и решении Политбюро была сформулирована несколько иначе, поэтому ее смысл тоже был иной: *«Дела о находящихся в лагерях для военнопленных..., а также дела об арестованных... рассмотреть в особом порядке... Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения».*

Эта формулировка достаточно определенно говорила о наличии в делах арестованных поляков и обвинительного заключения, и постановления об окончании следствия. Известно также, что следователи НКВД более полугода интенсивно готовили следственные дела на всех пленных поляков из Осташковского лагеря *«для доклада на Особом совещании НКВД СССР»* и на часть пленных из Козельского и Старобельского лагерей для направления их в военные трибуналы.

Дело дошло до того, что 31 декабря 1939 г. (в новогоднюю ночь!) Берия поручил начальнику Управления по делам военнопленных П.К.Сопруненко вместе с группой следователей НКВД СССР немедленно выехать в Осташковский лагерь для *«перестройки работы следственной группы с таким расчетом, чтобы в течение января месяца закончить оформление следственных дел на всех заключенных-полицейских»* (Катынь. Пленники... С. 275)

Документы, подтверждающие факт проведения следствия по делам польских военнопленных в лагерях и арестованных в тюрьмах, присутствуют в сборниках катынских документов, опубликованных на польском языке. Однако профессор В.Кулеша или не удостоил вниманием эти документы, или поступил также, как его коллега З.Карпус при написании предисловия к сборнику документов *«Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.»*, т.е. стал на путь фактического подлога.

Польские профессора от истории весьма своеобразно прочитывают исторические документы. Так, профессор истории Чеслав Мадайчик в статье *«Катынь»* утверждает, что *«2 ноября 1940 г. Берия направил Сталину письмо, в котором предложил сформировать польскую дивизию под командованием подполковника З.Берлинга»* (Сборник *«Другая война. 1939—1945»*).

Утверждение, что инициатором формирования польской военной дивизии был Берия, является домыслом Ч.Мадайчика. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочитать начало письма Берии Сталину, где четко сказано: *«Во исполнении Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах нами проделано следующее...»*. Абсолютно ясно, что идея о создании польской воинской части принадлежала Сталину.

Вышеперечисленные ошибки носят вроде бы не принципиальный характер, но... становится ясно, что подобный подход существенно усложняет общение и дискуссии с польскими историками и публицистами. Сложно спорить с людьми, которые при виде трех пальцев могут заявить, что этих пальцев два.

Знакомясь с оценками и высказываниями других польских публицистов и деятелей культуры поражаешься их оценке исторических событий. Создается впечатление, что они готовы поверить в любую невероятную историю, лишь бы она подтверждала *«кровожадность и жестокость»* сталинского руководства.

В этой связи расчет российского руководства на то, что в Польше, рано или поздно, возьмут верх прагматики, сознающие, что улучшение отношений с Россией выгодно, мало оправдан. Сегодня отношения с Польшей следует строить **максимально уважительно, но при бескомпромиссной и жесткой защите российских позиций.** Нашим дипломатам и историкам этому следует поучиться у польских коллег.

К сожалению, современные российские отношения с Польшей в какой-то мере напоминают советскую практику. Тогда межгосударственные отношения с народной Польшей строились практически без учета национального менталитета, традиций и истории этой страны. Главным считалась «дружественная» позиция польского руководства, которая представлялась «вечной и нерушимой». Время показало, что это совсем не так. Поэтому, вполне вероятно, что в случае ухода с политической арены вменяемого прагматика польского премьера Туска и его команды, ситуация в Польше вернется на круги своя.

Путь перманентного покаяния, который предлагается сегодня России, бесперспективен. Дело не в отрицании покаяния, как метода поведения. Известно, что комплекс покаяния присущ любому нормальному человеку. Он позволяет не только осознать совершенные ошибки, но, главное, не совершать их в будущем. Но это приемлемо лишь в обществе, где покаяние является нормой поведения. А что мы наблюдаем в современном мире? Покаяния сегодня требуют лишь от России и стран-«изгоев». В то же время, так называемые «цивилизованные» страны увешены преступлениями с ног до головы, но у них нет ни малейшего желания покаяться за них.

А ведь только **взаимное покаяние,** которое издавна практикуется на Руси в день православного праздника **Прощеное воскресенье,** дает реальный шанс на нормализацию отношений даже между бывшими врагами. Известно, что в любом споре и противостоянии виноваты в той или иной мере обе стороны. Пока же каждое признание Россией той или иной

исторической вины только усугубляет ее положение, так как у оппонентов появляется козырь: не будем спорить, ведь вы сами признали вину, ну, а мы... мы безгрешны.

К сожалению, польская сторона категорически не желает признать, что и ей есть за что покаяться перед Россией. Ее историки и историографы, с помощью политиков сумели убедить поляков — им не за что каяться. Это произошло не без помощи России, которая в ответ на бесконечные польские претензии лишь отмалчивается.

В этой связи следует уяснить, что перелом в польско-российском противостоянии наступит только тогда, когда произойдет сдвиг в польском общественно-политическом сознании. Начало этому процессу может дать переосмысление Катынского дела на основе вновь открывшихся обстоятельств и возобновление его объективного расследования без всяких секретов и утаиваний.

Однако возникает естественный вопрос. Если российская сторона обладает фактическим материалом, способным изменить представление о Катынском деле, почему он не предъявляется? Ведь самое страшное обвинение советского руководства в катынской трагедии уже прозвучало. Казалось бы, при появлении новых фактов, противоречащих официальной версии, следовало бы бросить все силы на их проверку и установление истины. Однако какого-либо вразумительного объяснения позиции российской стороны в катынском вопросе мы так и не нашли. Последствия подобного поведения могут быть для России непредсказуемыми.

Остается лишь задать вопрос. Удастся ли России отбить грядущую совместную атаку польских политиков, историков, юристов, а также международной общественности, сделавших Катынское дело своеобразным тараном для удара по России?

Вышеизложенное убедительно свидетельствует о том, что в Катынском деле еще кроется немало неисследованных фактов, противоречий и несовпадений, порождающих вопросы, на которые не дает ответа официальная версия. Все это

требует возобновления уголовного дела № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле-мае 1940 г.» в связи с вновь открывшимися обстоятельствами.

Хочется верить, что рано или поздно, но все документальные свидетельства и факты, имеющие отношение к Катынскому делу, будут, вне зависимости от того, какую версию они представляют, тщательно и объективно исследованы. А само дело № 159 будет рассмотрено авторитетным независимым судом столь беспристрастно и всесторонне, что ни у кого в будущем не появится ни малейшей возможности спекулировать на катынском преступлении.

Нет сомнений, что преодоление катынского синдрома в польско-российских отношениях будет длительным и болезненным. Этот процесс можно значительно ускорить, если в оценках катынской трагедии польская сторона примет во внимание слова, сказанные бывшим главой польского государства генералом Войцехом Ярузельским в Москве на праздновании 60-летия Великой Победы. *«Даже самые больные места в этих отношениях — депортация, Катынь, лагерь, смерть людей — можно перековать в лучшую сторону. Да, была в нашей истории такая страница. Но она должна не делить, а в каком-то смысле объединять нас. Была общая трагедия, но потом была общая борьба и общая победа. Самые большие жертвы от сталинизма понес советский народ».*

Это так. Но, к сожалению, России следует быть готовой к тому, что после преодоления катынского противостояния обострится противостояние по поводу пакта Риббентропа-Молотова и так называемого советского «удара в спину» Польше 17 сентября 1939 года. В этих вопросах России следует занять более четкую и определенную позицию, тем более, что довоенная Польша была далеко не безгрешной.

Москва, апрель — декабрь 2010 г.

Литература

Абаринов В. Катунский лабиринт. М., «Новости», 1991, <http://www.katyn.codis.ru/abarinow.htm>.

Абаринов В. «Особая папка» снова закрыта. «Совершенно Секретно», № 4, апрель 2006 г.

Акуличев А., Памятных А. «Катынь: подтвердить или опровергнуть». «Московские Новости», 21 мая 1989 г.

Алексеенко В. Катынь: круглые даты. «Дуэль», 18 июля 2000.

Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Berlin, 1943.

Андерс В. Без последней главы./ Пер. с польского Т. Уманской. Послесловие Н.Лебедевой. «Иностранная литература» № 11, 12, 1990; http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth_pages.xhtml?Key=191728page=7

Аптекарь П. «Я увидел настоящего палача». Газета Ру. 5 марта 2005 г.

Архивные данные: Документы из «закрытого пакета № 1»: РГАСПИ, ф.17, оп.166, д.621, лл.130—133, л.134, л.135, л.л.136—137, л.138, л.139, л. 140.

Архивные данные. Письмо Л.П.Берия с исходящим номером «№ 793/6» от 29 февраля 1940 г. РГАСПИ, Ф.17, оп.166, д.621, лл.86—90.

Архивные данные. РГВА, Ф. 38106, оп. 1, д. 14, л. 44.

Архивные данные. РГВА, Ф.38291, оп.1, д.8, л.99.

Архивные данные. РГВА Ф. 113А. Оп.1448. Д. 6. Л.181—187

Архивные данные. Сообщение ТАСС от 27 апреля 1943 г. ГАРФ, ф.4459, опись 27 часть 1, дело 1907, лист 225.

Архивные данные. ГАРФ, Ф.4459, оп. 27, часть 1, д. 3340, л. 56.

Архивные данные. ГАРФ, Ф.4459, оп. 27, часть 1, д. 1907, л. 225.

Архивные данные. ГАРФ, фонд № 8437, опись № 1, дело № 458)

Архивные данные. ГАРФ. Ф. 7021, оп. 114, д. 38, л. 1

Архивные данные. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 267—268

Архивные данные. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 146—148

Архивные данные. ГАРФ, фонд № 8437, опись № 1, дело № 458).

- Баллин А. Ледниковый период в центре Европы. Газета «Россия». 10—16 августа 2006.
- Бардах Я. Глисон К. «Человек человеку волк. Выживший в Гулаге»./Пер. с англ.-М.: Текст. Журнал «Дружба народов» 2002.
- Берия С. «Мой отец — Лаврентий Берия».-М. 1994.
- Беседа представителей проекта «Правда о Катыни» с сотрудниками ГВП РФ 30 марта 2006 г. Интернет-сайт «Правда о Катыни»..
- Болдин В. И. Крушение пьедестала. М., 1995.
- Бушин В. «Преклоним колена, пани...» «Мы и время». № № 27—28. Июль 1993 г. Минск.
- Васильчикова М. Берлинский дневник 1940—1945. (http://militera.lib.ru/vasilchkova_mi/title.html)
- Вайда А. Кино и все остальное/Анджей Вайда.-М.;Вагриус, 2005.
- Воеводская Н.Ф. Дорогами памяти. Сборник воспоминаний. Выпуск 3. Смоленск. Издание Мемориала «Катынь», 2005.
- Волжанин Р. Некоторые соображения полковника МВД по поводу Катынского дела. Интернет-сайт «Правда о Катыни», 6 мая 2006 г.
- В Политбюро ЦК КПСС... По записям А.Черняева, В.Медведева, Г.Шахназарова (1985—1991). Сост. А.Черняев, А.Вебер, В.Медведев.- М.: Альпина Бизнес Букс, 2006
- Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1990 № № 6,11,12; 1991 № № 4,6,7,8,9. Серия статей под общей рубрикой «Бабий Яр под Катыню»
- Wojcicki B. Prawda o Katyniu Czytelnik. Spoldzielnia wydawnicza — oswiatowa Warszawa, 1952.
- Гаек Ф.. «Катынские доказательства» Прага, 1946. Hájek F. Důkazy Katynské. Praha. 1946. (<http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=739&page=0>)
- Газета Выборча/Gazeta Wyborcza (Польша). 03 марта 2006 г. Массовые казни и прокуратура России
- Газета выборча/Gazeta Wyborcza (Польша). 09 марта 2006 г. М.Войцеховский.
- Газета Выборча/Gazeta Wyborcza (Польша). 12 июля 2006 г. Интервью посла РФ в Польше В.М.Гринина.

Глинский В. Катынь, как реперная точка конспирологического сознания. Информационное агентство «Blotter.ru», 27.апреля. 2006 г.

Год кризиса 1938—1939. Документы и материалы. Т. 1. МИД СССР. Политиздат, 1990.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., РИА «Новости», 1995.

Гривенко В. 100 тысяч квадратных километров и другая арифметика. «Дипкуррьер НГ», 28 сентября 2000 г.

Деко А. Катынь: Гитлер или Сталин. В книге «Великие загадки XX века». Москва, «Вече», 2004 г.

Документальный фильм. Память и боль Катыни. ТОО «Ладфильм», 1992.

Документы и материалы кануна второй мировой войны: Ноябрь 1937 — 1938 гг. Т.1. М.: Госполитиздат, 1948.

Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Варшава — Москва, 2003.

Дмитриев Ю. Место расстрела — Сандармох. Петрозаводск 1999 г.

Ежевский Л. Катынь. 1940. 2-е издание. Сокр. пер. с польского О. и Э. Штейн. Редактор А. Серебренников. © by TELEX 1983. <http://katyn.codis.ru/ezhevsky.htm>.

Ермолович Н. Катынь-злodeяние высшего руководства партии большевиков. «Известия». 16 октября 1992 г.

Жмажлиньски Г. Кто извинился за Катынь? Журнал «Пшеглонд» («Обозрение») № 16, 18.04.07 г.

Жаворонков Г. О чем молчал Катынский лес, когда говорил академик Андрей Сахаров. М.: Дипак, 2006.

Заворотнов С. Харьковская Катынь. Харьков. «Консум». 2003.

Изюмов Ю. Катынь не по Геббельсу. Беседа с В.Илюхиным. Досье. № 40, 2005 г.

Калинина Ю. «Р»-начит расстрелять. «Московский комсомолец». 07 июня 2007 г.

Карпов В.В. Генералиссимус. Историко-док. изд. (в 2 кн.).- Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2002.

Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., Политическая литература, 1991.

Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы, материалы. Отв. составитель Н.С. Лебедева. М., Демократия, 1999.

Катынь. Март 1940-сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. Отв. составитель Н.С. Лебедева. М.: Изво «Весь мир», 2001.

Керес Л. Планомерное истребление. Новая Польша. № 3, 2005

Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. М.: «Прогресс», 1964.

Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. М.:РОС-СПЭМ, 2001.

Котляр Э. Катынь — горечь души моей... «Московская правда», 28 мая 2010.

Котов Л. Трагедия в Козьих Горах. Политическая информация. № 5. Смоленск, 1990.

Кочеров С. Должна ли Россия покаяться перед Восточной Европой за то, что победила во Второй мировой войне? Независимое аналитическое обозрение. 5 мая 2005 г.

Краль В. Преступление против Европы. М.: «Мысль», 1968.

Красновский И. Катынь: если каяться, то перед Богом.... Москва. № 7, 2006.

Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг. Сборник документов и материалов.- М.; СПб. Летний сад, 2004.

Кунцевич П. «Открытое письмо Президенту России В.Путину». Трибуна. 03.03.2006.

Курчаб-Редлих К. Доклад Зори. «Новая Польша». № 9, 2000 г.

Лебедева Н. Выступление в ЦДЛ 29 ноября 2005 г. «Катынь — боль не только Польши, но и России». <http://katyn.ru/index.php?go=Pages&file=print&id=28>.

«Lenta.Ru» 16.января 2002. Путин в Польше: обещания вместо извинений.

Lista Katynska. GRYF, London, 1989.

Лынев Р. Пейзаж после битвы. «РФ сегодня». 10, 2005 г.

Любодзецкий С. В Козельске. Сборник «Катынь. Свидетельства, воспоминания, публицистика». Warszawa 1989. Москва 2001.

- Мацкевич Ю. Катынь. Пер. с польского Сергея Крыжицкого. Из-во «Заря». Лондон, Канада. 1988.
- Мацкевич Ю. Гонец Цодзенны (Goniec Codzienny), № 577, Вильно, 3 июня 1943.
- Мадайчик Ч. Катынь Сборник «Другая война. 1939—1945». Сост. В.Г.Бушуев, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 1996. с. 225—236.
- Макаров Д. Историческая амнезия» «Аргументы и факты». 4 мая 2005 г.
- Мангазеев И. Зачем нужен мемориал в Медном? Газета «Вече Твери». 30 ноября 2006 г.
- Мартирисян А. Б. 22 июня. Правда генералиссимуса. М.: Вече, 2005
- Мастеров В. Генпрокуратура думает 13 лет. Беседа с директором ИНП Леоном Кересом. «Московские новости»,. 2 июля 2004 г.
- Мацкевич Ю. Катынь. Пер. с польского Сергея Крыжицкого. Из-во «Заря». Лондон, Канада. 1988.
- Медведев Д.М. Сильные духом. Свердловское областное государственное издательство, 1952 г.
- Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. — 2-е издание. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
- Меньшагин Б.Г. Воспоминания. Смоленск:.. Катынь... Владимирская тюрьма. Paris: YMCA-Press, 1988.
- Микке Ст. Спи, храбрый в Катыни, Харькове и Медном. Пер. с пол. С.Крымова. Варшава, 2001..
- Млечин Л. Железный Шурик. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Яуза, 2004.
- Мурин Ю. «Забудьте обо всем, что узнали здесь» Совершенно секретно. № 2/225. 2008).
- Мухин Ю. Антироссийская подлость. Москва, Крымский мост—9Д, Форум, 2003.
- Новак А. Новая Польша, № 4, 2005.
- Новая Польша. № 7—8, 2005.
- Нюрнбергский процесс. Т.1, М.: Юриздат, 1952.
- Нью-Йорк таймс, 5 августа 1956 г.

Объяснительная записка к годовому отчету Вяземлага НКВД СССР за 1941 г. по строительству автомагистрали Москва-Минск. ГАРФ, фонд № 8437, опись № 1, дело № 458.

Оперативные сводки частей 20 дивизии. РГВА ф.38291, оп.1, д.8, л.94,99.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. М., Книга и бизнес, 1995.

Орловский С., Острович Р. «Эрих Кох перед польским судом». М., изд. МГИМО, 1961. стр. 161—164.

Особое совещание. «Новая газета». № 22, 1996

Ответ Института национальной памяти на письмо Главной военной прокуратуры. 6 марта 2006 г. http://www.Ipn.Gov.pl/a_060306_komu.html.

Памятных А. Катынская конференция в Королевском замке. «Новая Польша». № 7—8, 2005.

Память Биковні. Документи та матеріали. Киев, Рідний край, 2000.

Пешковский З. ...И увидел ямы смерти. Харьков-Медное-Катынь. Пер. с пол. С. Родевича. Редакция русского издательства Катажина Флиэгер, Сьрем. 1995.

Письмо начальника управления надзора за исполнением законов о федеральной безопасности генерал-майора юстиции В.К. Кондратова Председателю Правления Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» Рогинскому А.Б.

Планомерное истребление. Беседа с директором Института национальной памяти Леоном Кересом. «Новая Польша», № 3, 2005.

Показания гражданина Германии В.Шнейдера: Архив внешней политики РФ. Фонд 07, опись 30 а, папка 20, дело 13, л. 23).

Показания гражданина Польши В.Пыха: Архив внешней политики РФ. Фонд 07, опись 30 а, папка 20, дело 13, лл. 48—80).

Политический журнал, № 47—48 (142—143), 18 декабря 2006.

Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. Под ред. А. А. Беркова, В. Д. Ежова. — 3-е изд. М.: Юрид. лит. 1983.

Польское агенство печати (ПАП). 21 марта 2006 г. Президент Польши Л.Качиньский о польской внешней политике.

- Польское агенство печати (ПАП). 10 апреля 2006 г. «Завершение Катыни». Беседа с Витольдом Кулешей.
- Польское агенство печати (ПАП). 6 июня 2006 г. Л.Качиньский: «Важное значение связей с Россией».
- Польское агенство печати (ПАП). 8 августа 2006 г. Беседа с А.Пшевозником.
- Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939—1941 гг., т. 1. Варшава—Москва, 2001.
- Польша подает в суд за расправу в Катыни. «NEWSru». 24 апреля 2006 г.
- Помяновский Е. К истории дезинформации. «Новая Польша». № 5. 2005.
- Постановление ГКО № 903сс от 17 ноября 1941 г. РГАСПИ, ф.644, оп.1, д.14, л.101.
- Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г., Собрание законов СССР. 1935. № 11.
- Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 85—87.
- Приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 года. АП РФ, ф.35, оп.8 д.212. л.л. 55—78.
- Пресс-конференция Путина в Варшаве. «NEWSru». 16 января 2002 г.
- Прокопенко А.С. Известия, 29 09. 1997 г.
- «Rzeczpospolita». 05 августа 2005 г. Интервью И.Яжборовской.
- «Rzeczpospolita» (Польша). 7—8 августа 2005 г. Интервью В.Кулеша..
- «Rzeczpospolita». 05 апреля. 2006 г. Интервью Аллена Пол.
- Рокоссовский К. Победа не любой ценой. М.: Яуза. Эксмо. 2006.
- Ростиков Е. Откуда в Европе пошли концлагеря? «Завтра». № 38/303, 1999.
- Росьяк Я. Исследования элементов боеприпасов и огнестрельного оружия, найденных во время эксгумации в Харькове и Медном. Сборник «Катынское преступление. Дорога до правды». Варшава, 1992, на польском языке.
- Рудинский Ф.М. Дело КПСС» в Конституционном суде. М., Былина, 1999.

Сахаров В. А. Германские документы об эксгумации и идентификации жертв Катыни (1943 г.). http://kprf.ru/rus_law/79589.html.

Сахаров В.А. Отзыв» польских судмедэкспертов на германский «Официальный материал о катынском убийстве» («Amtliches material zum massenmord von Katyn») / Управление: вызовы и стратегии в XXI веке: // Ученые труды факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Выпуск 6. — М.: КДУ, 2007.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М: Высшая школа, 1992.

Секреты польской политики. 1935—1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / сост. Л.Ф.Соцков. М., Рипол классик, 2010

Слободкин Ю. Страницы истории. Катынь. Как и почему гитлеровцы расстреляли осенью 1941 г. польских офицеров. «Марксизм и современность». № 1—2, 2005 г.

Сборник воспоминаний «Дорогами памяти», выпуск 3. Издание ГКМ «Катынь», 2005.

Строгин А. В Польше тоже пытаются переписать историю. «Российские вести». 16—23 марта 2005.

Стрыгин С. Рецензия на главу «Катынь» из книги А. И. Шиверских «Разрушение великой страны. Записки генерала КГБ». <http://forum/smolensk.ws/viewtopic.php?p=96993>.

Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV-XVII вв. /М., Аст, Мн.: Харвест, 2006.

Тайны Катынской трагедии. Материалы «круглого стола», проведенного 19 апреля 2010 года в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации / Отв. За вып. В.И.Илюхин. М. 2010.

Тематическое досье вестника иностранной служебной информации ТАСС. ГАРФ, ф.4459, оп.27 часть 1, д.1907, л.7.

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М.: 1999.

Фалин В.М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М.: Изд. Центрполиграф. 2000.

Ферр Г. Антисталинская подлость. М.: Алгоритм, 2007.

Филатов С. Катынь — трагедия не только Польши, но и России. Лит. журнал «Кольцо «А», № 34, 2005.

Филин В., Муратов Д, Сорокин. «Последняя тайна Кремля». «Комсомольская правда». 15 октября 1992 г.

Филиппов С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939—1941 гг.// Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

Хене Г. Орден «Мертвая голова. История СС. Пер. с нем. А. Уткина. Смоленск: Русич, 2002.

Швед В. Игра в поддавки. «Фельдпочта» № 11 (117), 27 марта—2 апреля 2006 г.

Швед В. Катун с американским акцентом. «Фельдпочта» № 14 (120), 17—23 апреля 2006 г.

Шелепин А.Н. История суровый учитель. Труд, 14 марта. 1991 г.

Шиверских А.И. Разрушение великой страны. Записки генерала КГБ. Смоленск, 2005.

Шуткевич В. О чем молчит Катинский лес». Беседа с Кристиной Керстен. «Комсомольская правда». 20 января 1990 г.

Шуткевич В. По следам статьи «О чем молчит Катинский лес». «Комсомольская правда». 19 апреля 1990.

Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004.

Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: Изд-во политической литературы, 1987 г. (пятое издание).

Яворовский Г. «Zeszyty Historyczny», Paris (France), № 45, 1978 г.,

Яжборовская И.С, Яблоков А.Ю, Парсаданова В.С. Катинский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., РОССПЭН, 2001.

АНТИ-КАТЫНЬ, или КРАСНОАРМЕЙЦЫ В ПОЛЬСКОМ ПЛЕНУ

Каждый хочет, чтобы правда была на его стороне, но не каждый хочет быть на стороне правды.

Уэйтли

Целью этого локального исследования является доказательство того, что документы и материалы, даже ограниченного по объему российско-польского сборника «**Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.**», подтверждают ответственность высшего польского руководства 1920-х годов за создание бесчеловечных условий содержания пленных красноармейцев, которые обусловили их массовую гибель.

Нынешние польские власти и общественность, даже в «страшном сне», не предполагают покаяния за смерть десятков тысяч наших соотечественников в 1919—1922 гг. Тем самым Польша давно потеряла моральное право требовать от России бесконечного покаяния за Катынь. Гибель пленных красноармейцев и расстрел в Катыни проблемы одного порядка и подход к их оценке должен быть одинаковым. **Не покаяние Польши в обмен на покаяние России, а взаимное польско-российское покаяние за равноценные преступления.**

Анти-Катынь

Ситуацию с гибелью красноармейцев в польском плену нередко называют «анти-Катынью». Не будем распространяться на тему, кто, когда и как озвучил эту идею. После того, как Польша предприняла «крестовый поход» на Россию под флагом Катыни, подобная ответная реакция в СССР была ес-

тественной. Тем более, что к этому времени запреты на критику довоенной Польши были сняты.

Предвижу возражения — какие запреты? Между тем известно, что в целях сохранения единства социалистического лагеря, довоенные и военные грехи наших «социалистических» союзников»: Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии в СССР предпочитали **не акцентировать**. Так, лишь недавно стала известной информация о том, что гитлеровское руководство в 1943 г. благодарило чешских рабочих, успешно выполнивших план поставок военной техники Вермахту. Чехи, перевыполнявшие нормы выработки по производству военного снаряжения для гитлеровцев получали двойной паек.

Об антисоветской, русофобской политике руководства довоенной Второй Речи Посполитой также старались не говорить. Скрывался факт участия поляков в составе германского Вермахта в боях против СССР. Польша была одной из самых популярных и любимых союзников, точнее братских стран, для советских людей. Ну, а когда в Польше «спустили всех собак» на СССР, а потом и на Россию, естественно многие россияне вспомнили, что и у поляков **«в шкафу есть свой скелет»**, причем немалых размеров.

В то время «обмен любезностями» России с Польшей происходил чисто на инициативном уровне. Российское руководство, в отличие от польского, предпочло дистанцироваться от этой «дискуссии». Что же касается официальной российской исторической науки, то она заняла **явно компрадорскую позицию**, прежде всего, в вопросах выяснения обстоятельств гибели пленных красноармейцев в польских лагерях. Эту позицию она занимает до сих пор.

Подкрепим это утверждение конкретным примером. В 2000 г. в журнале «Новая Польша» (№ 11) было опубликовано интервью зам. директора института славяноведения РАН Бориса Носова «Поиски анти-Катыни». Носов утверждал, что идея «анти-Катыни», возникшая в России на рубеже 80—90-х годов, как альтернатива «Катыни», **«не имеет абсолютно никакого будущего»**, так как **«никоим образом не**

доказать, что политика польских властей предусматривала уничтожение военнопленных».

Этим заявлением Носов показал явное невежество в вопросах анализа исторических ситуаций. Для **доктора исторических наук это непростительно.** Дело в том, что судьбой пленных красноармейцев в 1920—1922 гг. активно занималось не только руководство Советской России в лице Наркомата иностранных дел РСФСР, но и созданная совместная Российско-Украинско-Польская согласительная комиссия (РУПСК), а также Российско-Украинская делегация (РУД) в составе комиссии по репатриации пленных красноармейцев, представители которой имели право посещать польские лагеря для военнопленных.

В Архиве внешней политике РФ хранится ряд **официальных документов, а также служебных писем и докладных вышеупомянутых организаций о зверствах, чинимых в Польше в отношении пленных красноармейцев.** Известны протоколы заседаний Российско-Украинско-Польской смешанной комиссии по репатриации пленных красноармейцев. Протокол 11-ого заседания этой комиссии от 28 июля 1921 г. представляет собой неопровержимое обвинительное заключение о преступном отношении польской администрации польских лагерей к советским военнопленным.

Для ознакомления с некоторыми из этих документов достаточно обратиться к упомянутому сборнику документов **«Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.».** В этом же сборнике представлена (стр. 660) нота НКВД РСФСР чрезвычайному и полномочному поверенному в делах Польской Республики Т.Филлиповичу о положении и гибели военнопленных в польских лагерях от 9 сентября 1921 г. за подписью народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В.Чичерина.

В ноте говорится, что **«На ответственности Польского Правительства всецело остаются неопишутые ужасы, которые до сих пор безнаказанно творятся в таких местах, как лагерь Стржалково. Достаточно указать на то, что в течение двух лет из 130 000 русских военнопленных**

в Польше умерло 60 000». Это официальный документ советского государства.

Помимо этого существуют официальные доклады представителей Международного комитета Красного Креста о посещении лагерей для советских военнопленных. Также известны доклады секретаря-распорядителя отдела военнопленных Американской ассоциации христианской молодежи И. Вильсона о посещении лагерей военнопленных в Польше. В них также отмечается ужасное положение пленных красноармейцев, которое никак не может быть объяснено военной разрухой. Это подтверждает ответственность польского правительства за происходившее в польских лагерях.

Историку Носову, прежде чем высказывать суждения по проблеме пленных красноармейцев, не мешало бы познакомиться с этими документами. Помимо этого, напомним уважаемому доктору исторических наук о том, что мировая судебная практика свидетельствует, что преступный умысел нередко доказывался, даже при отсутствии документальных свидетельств, только исходя из суммы преступных действий, совершенных подозреваемым. В случае с Польшей Пилсудского таких свидетельств более чем достаточно. Но г-на Носова они не интересуют, как не интересует его и проблема пленных красноармейцев. Ни одной научной работы у Носова на эту тему нет. Но интервью по данной проблеме он раздает с удовольствием.

В интервью Носов попытался показать, в чем различие между: *«польской Катынью и нашей «анти-Катынью»*. Он утверждал, что *«В 1940 г. НКВД расстрелял цвет польской интеллигенции. Их вдовы воспитали, выучили детей. Потомки убитых — это и сегодня польская элита. Их дети и внуки также занимают то самое место в обществе. Память о Катыни, как хвост за кометой, будет тянуться на протяжении поколений. А красноармейцы, которые двинулись в 1920 г. на Вислу, — это, прежде всего, мобилизованные крестьяне. Для своих командиров они были лишь пушечным мясом»*.

Видимо, наш российский историк, тоже относится к соотечественникам, погибшим в польском плену, как «*пушечному мясу*». Однако, если проанализировать биографии представителей советской интеллигенции, создавшей в 1930—1960-х годах могучую советскую державу, то выяснится, что многие из них в 1918—1920-х годах были красноармейцами, в том числе на советско-польском фронте. Приведем несколько примеров.

Будущий Главный Маршал артиллерии Советской Армии **Николай Николаевич Воронов** в 1920 г. командовал артиллерийской батареей на советско-польском фронте. В августе того же года он, будучи тяжело раненым, попал в польский плен. Воронов чудом выжил в плену. Его последующий вклад в развитие советской артиллерии и обеспечение победы Красной Армии в Великой Отечественной войне были высоко оценены.

Н.Воронов стал первым в советской военной истории маршалом рода войск. 18 января 1943 года генерал-полковнику артиллерии Воронову было присвоено высшее воинское звание «Маршал артиллерии». С марта 1943 г. по март 1950 г. маршал артиллерии Н.Воронов являлся командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР. В феврале 1944 г. за выдающиеся заслуги в деле руководства советской артиллерией ему было присвоено персональное воинское звание «Главный маршал артиллерии». С 1950 по 1953 г. Воронов президент Академии артиллерийских наук, в 1953 г. его назначают начальником Военно-артиллерийской командной академии. На этих постах Воронова внес существенный вклад в разработку теории и практики артиллерийского обеспечения и наступления, борьбы с танками, в создание крупных артиллерийских соединений и т. д.

Победу Красной Армии в войне с нацистской Германией невозможно представить без организаторского таланта начальника тыла этой армии Андрея Васильевича Хрулева. Подмастерье с 9 лет, потом слесарь на Охтинском пороховом заводе, он в 1919—1921 гг. воевал в составе 11-й кавалерийской дивизии Первой конной армии Буденного, в том числе и на польском фронте.

Хрулев мог сгинуть в польских лагерях, если бы попал в плен. Но судьба хранила его и он стал ярчайшим представителем новой советской интеллигенции. Хрулев был не просто талантливым организатором тылового обеспечения, он разработал научные принципы этого обеспечения, которые не утратили своего значения и сегодня.

В 1918—1920 гг. **бойцом Первой Конной армии, а потом комиссаром кавалерийской бригады** являлся будущий легендарный министр среднего машиностроения **Славский Ефим Павлович**. Во многом, благодаря его научному и организаторскому таланту, в СССР были в короткие сроки созданы атомное оружие и атомная энергетика, а впоследствии атомный надводный и подводный флот.

Менее известно имя бывшего комиссара полевых госпиталей Юго-Западного фронта, наступавшего в 1920 г. на Львов, **Гориккера Михаила Львовича**. Но вклад его в победу над Германией весьма значителен. Июнь 1941 г. генерал — майор технических войск Гориккер встретил в должности начальника Киевского танкового технического училища. Вскоре после начала войны он был назначен начальником Киевского гарнизона и начальником обороны Киева.

Организуя оборону Киева, Михаил Львович прекрасно понимал, что, прежде всего, следовало остановить колонны немецких танков. К концу июня 1941 г. он изобрел и опробовал простейшее, но эффективнейшее инженерное средство борьбы с танками — **противотанковый еж**. Уже 3 июля 1941 г. это инженерное сооружение было принято на вооружение в масштабах Красной Армии. Благодаря «рогатке Гориккера», так в войсках называли противотанкового ежа, темп наступления немецких танковых колонн на Москву был значительно снижен. В знак признательности за вклад в спасение Москвы, москвичи увековечили «ежа Гориккера» в виде мемориала на Ленинградском шоссе, при въезде в Химки.

Вышеназванные имена бывших красноармейцев 1920 года и их последующий вклад в могущество советской Родины, это свидетельство того, **как много талантов и, возможно, потенциальных гениев, было загублено в польских лагерях**

смерти. В этой связи рассуждения о пленных красноармейцах, как некой необразованной массе, «пушечном мясе», без роду и племени, следует считать верхом цинизма.

Удивительно, но историки, занимающие, мягко говоря, не совсем российские позиции, благоденствуют, как в научном, так и материальном плане. Носов Борис Владимирович является не только зам. директора института славяноведения РАН, он член Ученого совета института, награжден медалью Тадеуша Мантойфеля Института истории Польской академии наук, получает гранты от польского фонда Стефана Батория, регулярно ездит в командировки в Польшу, зачастую — за счет польской стороны, задействован во всех пяти совместных проектах института славяноведения с польской Академией наук и т. д.

Это бы не вызвало бы негативной реакции, если бы отдача от этой «бурной» деятельности г-на Носова была бы для России ощутимой. Но он не известен фундаментальными работами по проблемам современных российско-польских отношений, по обоснованию российской позиции в этих отношениях. К сожалению, подобные примеры не единичны. Некоторые российские историки пошли еще дальше.

Известно, что директор Института всеобщей истории РАН Александр Чубарьян одно время состоял в Комиссии историков при президенте Латвии Вике Фрайберге, деятельность которой носила откровенно антироссийский характер. Однако критических суждений г-на Чубарьяна по поводу явно антироссийских и псевдонаучных исторических «исследований», регулярно появлявшихся в те годы в Латвии, так и не удалось услышать (см. http://www.stoletie.ru/politika/istoriki_ili_agenti_vliyaniya_2008-04—11.htm).

В то же время те отечественные историки, которые защищают позиции России в ее исторических спорах с бывшими союзниками, нередко влачат незавидное существование. Несмотря на то, что у них есть солидные научные разработки, они постоянно испытывают затруднения с публикациями, с получением иностранных грантов, с командировками для работы в зарубежных архивах и т. д. и т. п. К сожалению,

на сегодня это **общий подход, царящий в российской исторической науке**. Поэтому большинство спорных исторических тем, касающихся взаимоотношений России с сопредельными государствами, разрабатываются не в пользу нашего Отечества.

Не случайно известные **«Десять вопросов»** польского историка Анджея Новака, опубликованные в четвертом номере журнала «Новая Польша» (2005 г.) по поводу попыток некоторых российских историков и публицистов **«заслонить память о преступлениях советской системы против поляков, создавая их мнимый аналог или даже «оправдание» в виде преступления против советских военнопленных в Польше в 1920 г.»** не вызвали должной реакции в среде российских историков.

Возможно, это было обусловлено тем, что вопросы Новака в основном носили не конкретно-исторический, а эмоционально-риторический характер, с подтекстом **«А вы сами такие же!»**. Анализ содержательной стороны этих вопросов показал, что, обращаясь к российским историкам, историк Новак даже не удосужился ознакомиться с их работами по проблеме пленных красноармейцев. По—видимому, Новак не знаком, или делает вид, что не знаком, с материалами сборника **«Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.»**, изданного в 2004 г.

Для доказательности рассмотрим только один вопрос пана Новака. Он восклицает **«Можете ли вы опровергнуть численность советских военнопленных — 65 797, — по официальной статистике, признанной как советской, так и польской стороной вернувшихся в Советскую Россию?»**. Да, можем! В российской предисловии, российско-польского сборника документов и материалов **«Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.»** приводятся данные о том, что **«по советским данным, на ноябрь 1921 г. на родину организовано вернулось 75 699 пленных»** (Красноармейцы в польском плену в 1919—1920 гг., с. 9. Далее «Красноармейцы... »).

Но даже эта, значительно большая цифра, не доказывает, что в польском плену погибло, как утверждает основной

польский авторитет проф. З.Карпус, только 16—18 тыс. плен-ных красноармейцев. В сборнике «**Красноармейцы...**» содержатся достаточно веские свидетельства того, что только в двух лагерях Стшалково и Тухоль погибло более 30 тысяч пленных красноармейцев. Однако, об этом позже.

С позиций А.Новака рассуждает главный редактор журнала «**Новая Польша**» профессор Ежи Помяновский в своей статье «**К истории дезинформации**» («Новая Польша». № 5, 2005). Он пишет, что тема «анти-Катыни», как возмездия за гибель пленных красноармейцев, является *«частью компании дезинформации, имеющей целью изгладить из памяти русских катынское преступление»*. Он также заявляет, что не может быть никакого сравнения между гибелью пленных красноармейцев и *«плановым и буквальным истреблением интернированных польских офицеров, предпринятым по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 г.»*.

Не известно, что страшнее, бессудный расстрел или мед-ленное садистское умерщвление голодом, холодом, поркой или непосильной работой. Немецкий историк Вольфрам Вит-те пишет. *«Истребление голодом — так гласил девиз наци-стской политики на Востоке»*. (Взгляд из Германии, с. 109). Из 3,2 миллионов советских военнопленных, осенью 1941 г. согнанных на огороженные колючей проволокой территории, без построек и пищи, 2 миллиона от нечеловеческих условий к началу 1942 г. умерли. **Это было признано преступлением против человечности.**

Аналогично поступили польские власти в 1919—1920 гг., предоставив голоду, холоду, болезням и бесчинствам охра-ны возможность умертвить десятки тысяч пленных красноар-мейцев. Только нацисты не скрывали своей политики, а вер-ховные польские власти, маскируясь «гуманными» директи-вами, инструкциями и приказами, препятствовали, любым улучшениям условий содержания пленных красноармейцев в лагерях, тем самым, обрекая их на смерть. Документаль-ных свидетельств этого история сохранила достаточно.

Однако польская сторона не признает своей ответствен-ности за гибель десятков тысяч красноармейцев. Позиция

польских властей, как уже говорилось, имеет давнюю историю. В итоге в Польше утвердился миф о том, что к пленным красноармейцам в Польше Пилсудского относились гуманно. Якобы они тысячами умирали от болезней, так же как и поляки.

Даже такой здравомыслящий и всегда критически относящийся к историческим сенсациям человек, как польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси, заявил, что недопустимо сравнение катынского преступления и случаев «смертей большевиков, которые умирали, как и все, солдаты и не солдаты, от тифа».

Известно, что Польша на переговорах в Риге в 1921 г. была серьезно озадачена представленными советской делегацией документально подтвержденными фактами бесчеловечного отношения к пленным красноармейцам в польских лагерях. Об этом свидетельствует письмо полковника медслужбы Войска Польского (ВП) Казимежа Хабихта, эксперта на мирных переговорах в Риге. В письме Верховному Командованию ВП от 29 января 1921 г. К.Хабихт пишет: «...направляю перевод меморандума РУД в Риге о невыносимых условиях, в которых живут военнопленные в лагерях и рабочих командах в Польше.

Поскольку было бы трудно ответить на выдвинутые в наш адрес обвинения по существу, следовало бы использовать ту страницу русского меморандума, на которой говорится об условиях, в которых живут пленные в России, что противоречит сведениям, которые мы имеем из русских лагерей.

В данном случае нужно приложить протоколы о таких случаях жестокости, допущенных во время боев, как убийство раненых, санитаров, медсестер, представителей Красного креста — вообще заглушить их доказательства тем, что в России военнопленным не лучше, чем у нас в стране» (Красноармейцы... С. 479—480)..

О применении поляками тактики «заглушения» писал в августе 1921 г атташе Постпредства РСФСР Е.Пашуканис: «За последнее время заявления с нашей стороны о жесто-

ком отношении с пленными польская сторона пытается парировать, сообщая запротоколированные показания каких-то польских солдат о том, как в 1920 г. при взятии их в плен они целый день шли пешком и не получали никакой пищи, или басни о посещении лагерей поляков в России (...) собирают жалобы, после чего жалобщиков расстреливают» (Красноармейцы.... С. 651).

Польские политики в 20 годы прошлого столетия (как и сегодня) успешно использовали метод постоянного давления встречными претензиями на российскую сторону и соглашались на конструктивный диалог лишь при предъявлении им обоснованных контраргументов. Так, в Риге Польша планировала выставить Советской России счет за содержание красноармейцев в польском плену.

Однако расчеты российских дипломатов, основанные на результатах опросов 3 тысяч вернувшихся в Россию пленных красноармейцев, показали **«очень выгодный для РСФСР баланс, а именно: пассив (стоимость продовольственных и больничных пайков, вещевого и денежного довольствия) выразился в сумме 1 496 192 042 марки. Актив, то есть исчисление эквивалента труда русских военнопленных в Польше, — 6 034 858 600 марок».** После этого польская делегация прекратила разговоры о предъявлении каких-либо счетов российской стороне (Красноармейцы... С. 705).

Современные российские политики забыли этот опыт и в вопросах урегулирования проблем в российско-польских отношениях «ушли» не просто в глухую оборону, а стали на путь упреждающих уступок. В результате польская сторона успешно пользуется предоставленной ей возможностью создать «ореол» собственной непогрешимости. Она категорически отвергает любые обвинения в свой адрес по поводу причастности польских властей к гибели красноармейцев.

В 1998 г. Генеральный прокурор Польши и министр юстиции Ханна Сухоцкая в ответ на письмо Генеральной прокуратуры России с просьбой расследовать причины смерти 82,5 тыс. солдат Красной Армии заявила, что: **«следствия по делу о, якобы, истреблении пленных большевиков в войне 1919—**

1920 гг., которого требует от Польши Генеральный прокурор России, не будет».

Отказ Х.Сухоцкая обосновала тем, что польскими историками достоверно установлена смерть 16—18 тыс. военнопленных по причине **«общих послевоенных условий»**. Она добавила, что о существовании в Польше **«лагерей смерти»** и **«истреблении»** не может быть и речи и что **«никаких специальных действий, направленных на истребление пленных не проводилось»**.

Удивительно, но российские следователи для обоснования претензий не использовали ряд известных в то время исторических документов, подтверждающих преступную политику польского правительства в 1920 г. в отношении пленных красноармейцев. В итоге проблема была «закрыта» бесцеремонным и во многом «хамским» ответом Генерального прокурора Польши.

Однако, для того, чтобы «подсластить» пилюлю и окончательно закрыть вопрос о гибели красноармейцев в польском плену, Генпрокуратура Польши предложила создать совместную польско-российскую группу ученых для **«обследования архивов, изучения всех документов по этому делу и подготовки соответствующей публикации»** (<http://katyn.ru/index/php?go=Pages&in=view&id=409>).

В результате в 2004 г. появился 912-страничный российско-польский сборник документов и материалов **«Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.»**, который польская сторона пытается представить своей своеобразной «индульгенцией» в вопросе гибели пленных красноармейцев. Утверждается, что: **«достигнутое согласие исследователей (российских и польских составителей сборника. — Прим. авт.) в отношении количества умерших в польском плену красноармейцев...закрывает возможность политических спекуляций на теме, проблема переходит в разряд чисто исторических...»** (Памятных. «Новая Польша», 10/2005).

Однако, несмотря на то, что сборник **«Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.»** составлялся при доминирующем мнении польских историков, большинство его доку-

ментов и материалов свидетельствуют о таком целенаправленном диком варварстве и бесчеловечном отношении к советским военнопленным, что о переходе этой проблемы в «разряд чисто исторических» не может быть и речи! Нюрнбергский трибунал в 1946 г. подобное квалифицировал, как «Военные преступления. Убийства и жестокое обращение с военнопленными» на уровне геноцида.

Поэтому в ответ на бесконечные требования польских политиков о покаянии России за «совершенный геноцид», хочется напомнить им одну библейскую истину: *«Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего»* (Библия. От Матфея, 7, стих 5).

Надо заметить, что признание равнозначности преступлений предполагает их равнозначную оценку. Абсолютно ясно, что польская сторона имеет полное право на расследовании всех обстоятельств катынского преступления. Но и российская сторона имеет такое право на расследование обстоятельств гибели красноармейцев в польском плену. Только равнозначный подход может обеспечить равные условия для России и Польши в плане установления исторической правды при разрешении этих двух проблем. Помимо этого, России давно пора почтить память погибших соотечественников.

Полог

Еще раз обратимся к истории появления российско-польского сборника документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.». 15 апреля 2000 г. Президент РФ Владимир Путин поставил перед группой российских архивистов и историков задачу установить максимально точно число погибших красноармейцев в польских лагерях. Были выделены соответствующие средства на проведение исследований.

4 декабря 2000 г. Росархив и Генеральная дирекция государственных архивов Польши подписали соответствующее

соглашение о совместной работе. Однако польская сторона, провозглашая на словах полную открытость, предприняла жесткий прессинг, сменяемый уговорами, на российских представителей, пытаясь навязать им польскую точку зрения на проблему пленных красноармейцев. Отметим, что ситуацию осложнило то, что основная часть работы российские историки должны были провести в польских архивах.

Здесь сразу же возникли непредвиденные трудности. Польская сторона под различными предлогами отказалась предоставить документы, хранящиеся в польских архивах под грифом «секретно». На ряд запросов польские архивисты отвечали, что документы уничтожены.

Ведущий российский эксперт по вопросам пленных красноармейцев, доктор исторических наук, член Группы по трудным вопросам российско-польских отношений Г.Ф.Матвеев в личном разговоре отмечал. Польская сторона утверждала, что немцы во время оккупации якобы уничтожили два чрезвычайно важных фонда времен польско-советской войны: **Бюро по регистрации военнопленных и Бюро по захоронению военнопленных**. Возможно, что это так, но удивляет странная выборочность немцев в уничтожении польских архивных документов. Вышеназванные документы не имели никакого отношения к Германии.

Польская сторона также утверждала, что отсутствуют архивные данные о рабочих командах, создаваемых в полосе фронта из пленных красноармейцев, для выполнения инженерно-технических работ. Условия жизни в этих командах были кошмарными. Их состав по причине высокой смертности постоянно обновлялся. Сколько красноармейцев стало жертвой этих команд невозможно сказать? Известно лишь, что всего на польском фронте было создано 20 команд по 300 человек. Даже, если представить, что время боевых действий 1919—1920 гг. команды обновились дважды, то речь следует вести о 12 тысячах погибших красноармейцев. Это не считая погибших в лагерях и на пути к ним.

Добавим, что каждая проблема, касающаяся реальных обстоятельств гибели пленных красноармейцев в польских

лагерях, встречалась польской стороной «в штыки». В конце концов, некоторые российские историки не выдержали такого противостояния и первоначальный коллектив распался.

По утверждению российского историка Т.Симоновой «оставшиеся в исследовательской группе историки приняли на веру цифры, предложенные польским историком З. Карпусом... В итоговой справке Президенту РФ было сообщено, что в лагерях Польши погибло всего 18—20 тыс. красноармейцев. Эти существенно заниженные цифры были озвучены В. Путиным в эфире» (Польские «лагеря смерти»: 1920—1924 гг. «Татьянин день». № 2/59, 2005).

Примечание. 7 марта 2010 г. российский премьер В.Путин на пресс-конференции в Катыни озвучил цифру в 32 тыс. погибших в польском плену красноармейцев. По поводу этой цифры даже вышеупомянутый Геннадий Матвеев не располагает информацией.

После выхода в свет сборника «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.» польская сторона получила право утверждать, что в польском плену от болезней «умерло не более 16—17 тыс. российских военнопленных» (Красноармейцы... С. 35). Однако 338 документов и свидетельств из польских и российских архивов, вошедшие в вышеназванный сборник позволяют утверждать, данная цифра существенно занижена.

Сборник предваряют два предисловия, которые в определенной мере позволяют уяснить разницу в подходах российской и польской стороны к проблеме пленных красноармейцев. Российское предисловие подготовлено ответственным составителем сборника, профессором МГУ им. Ломоносова Г.Матвеевым. Польское — ответственным составителем сборника, профессором университета Николая Коперника в Торунь З.Карпусом и его коллегой профессором В.Резмером.

Особый интерес представляет предисловие, подготовленное польскими авторами. Несмотря на неопровержимые факты и документы, свидетельствующие об ответственности верховных польских властей за бедственное положение пленных красноармейцев, польская сторона пытается дока-

зять обратное. В данном случае следует говорить не о неверной интерпретации документов сборника, а о действиях, **граничащих с фальсификацией или подлогом.**

Прежде всего польские историки профессора З.Карпус и В.Резмер стремятся максимально занижить численность красноармейцев, попавших в польский плен, стремясь, соответственно, максимально снизить количество погибших в лагерях.

Они утверждают, что: «после окончания военных действий на Восточном фронте, что произошло 18 октября 1920 г., на территории Польши находилось около 110 тысяч российских военнопленных. Часть военнопленных, по польским оценкам, около 25 тыс., сразу же после пленения или после непродолжительного пребывания в лагерях поддалась агитации и вступила в русские, казачьи и украинские воинские формирования, сражавшиеся на польской стороне с Красной Армией... поздней осенью 1920 г. в Польше максимально было 80—85 тыс. российских военнопленных» (Красноармейцы... С. 24—25).

В своей статье «**Факты о советских военнопленных 1919—1920**», опубликованной в журнале «Новая Польша». № 11 за 2005 г., ведущий польский специалист по вопросам пленных красноармейцев проф. З.Карпус открывает источник, на основании которого он сделал вывод о том, что в польский плен попало всего 110 тыс. красноармейцев «В общей сложности после завершения военных действий на Восточном фронте (18 октября 1920) на территории Польши было около 110 тыс. советских военнопленных. Эту цифру, опираясь на статистику, приводит Ю.Пилсудский в своей книге «1920 год». Между тем М.Н.Тухачевский в своем докладе (добросовестно включенном Пилсудским в книгу) говорит только о 95 тыс. пропавших без вести и попавших в плен» («Новая Польша». 11/2005 г.)

Исходя из 110 тыс. пленных и количества красноармейцев, вернувшихся из польского плена (на 15 октября 1921 г. вернулось 65 797 пленных) проф. З.Карпусу создал «строительную систему» арифметических расчетов, позволяющую утверждать, что в польском плену погибло **всего 16—17 тыс. красноармейцев.**

Но профессор Г.Матвеев в российском предисловии к сборнику **«Красноармейцы в польском плену...»** справедливо замечает, что этот: «кажущийся на первый взгляд безупречным подсчет на самом деле таковым не является». Г.Матвеев отмечает, что по советским данным на ноябрь 1921 г. из польского плена вернулось **75.699** пленных красноармейцев, по достоверным польским источникам до сентября 1922 г. в Россию вернулось более **78 тыс.** пленных (Красноармейцы. С. 9). Если принять во внимание это количество красноармейцев, вернувшихся из польского плена, то, исходя из расчетов проф. З.Карпуса, получается, что в польском плену красноармейцы **вообще не погибали!**

По расчетам Матвеева общее количество погибших в польских лагерях красноармейцев составляет **18—20 тысяч** человек. Однако документы и материалы сборника **«Красноармейцы в польском плену...»** позволяют утверждать, что смертность красноармейцев в польских лагерях была значительно выше. В ноте Г.В.Чичерина указана цифра в **60 тыс.** погибших красноармейцев. С этим количеством согласен российский историк Н.С.Райский. А по подсчетам ныне покойного военного историка М.В. Филимошина, число погибших и умерших в польском плену красноармейцев составляет **82 500** человек (Филимошин. Военно-исторический журнал, № 2. 2001).

Спорны утверждения проф. З.Карпуса относительно количества российских военнопленных, находившихся в польском плену осенью 1920 г. Обстоятельный и аргументированный разбор ошибочных расчетов З.Карпуса относительно красноармейцев, попавших в польский плен за 20 месяцев войны, дает в статье **«Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919—1920 годах»** профессор Г.Матвеев (Новая и новейшая история. № 3, 2006).

Матвеев обратил внимание на **«несколько вольное обращение З.Карпуса с источниками»** Так, в протоколе заседания польского Совета обороны государства от 20 августа 1920 г., на который ссылается З.Карпус, отсутствуют сведения о количестве взятых в плен красноармейцев в **«отдель-**

ные периоды войны». Есть «только заявление Пилсудского, что общие потери Красной армии «на севере», т.е. на варшавском направлении, составляют 100 тыс. чел» (Матвеев. Новая и новейшая история. № 3, 2006)..

Матвееву не удалось обнаружить «в работах ни М.Н.Тухачевского («Поход за Вислу»), ни Ю.Пилсудского («1920 год») сведений о 100 тыс. пленных под Варшавой, о чем З.Карпус написал в 2000 г. в журнале «Новая Польша»» (Матвеев. Новая и новейшая история. № 3, 2006). Налицо поверхностный подход польских исследователей к работе с первоисточниками. С подобным подходом польских историков к рассмотрению спорных проблем польско-российских отношений, приходится сталкиваться достаточно часто.

Матвеев также отмечает, что «З.Карпус поставил под сомнение достоверность основного источника по вопросу численности взятых в плен красноармейцев — ежедневных сводок III оперативного отдела польского генерального штаба за 1919—1920 гг. — под тем предлогом, что военные всегда склонны к преувеличению своих побед и заслуг.

Такая оценка профессиональным исследователем единственного сохранившегося практически полностью документа, имевшего гриф «секретно», издававшегося в количестве примерно 80 экземпляров и предназначавшегося для высшего военного командования, мягко говоря, не очень понятна. Тем более что никаких аргументов, кроме эмоционального «всем известно, что...» в пользу своей позиции З.Карпус не приводил...

А вот сводкам, которые польский генеральный штаб в 1918—1920 гг. составлял для прессы, и которые такого грифа не имели, З.Карпус верит без колебаний» (Матвеев. Новая и новейшая история. № 3, 2006). Вновь налицо типичный конъюнктурный подход польского профессора — верить тому, что выгодно. С этим мы еще не раз столкнемся. Немало таких подтасовок и в польских публикациях по «Катынскому делу».

В статье «Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919—1920 годах» Г.Матвеев еще раз под-

тверждает вывод, сделанный им в российском предисловии к сборнику документов и материалов «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.»: «Вне всякого сомнения, данные З.Карпуса занижены, причем весьма существенно. Доступные в настоящий момент достоверные источники позволяют утверждать, что в плен к полякам за время войны попало не менее 157тыс. красноармейцев».

Между тем некоторые российские историки (Райский Н.С.) полагают, что наиболее «реальную оценку» количества красноармейцев и командиров в польских лагерях, «опираясь на архивные материалы АВП РФ, РГВА, ЦХИДК и польские архивы» получила И.В.Михутина. По ее данным получилось **165.550 российско-украинских военнопленных** (Райский. Советско-польская война..., с.14).

Особый интерес представляют данные, предлагаемые российским историком Т.Симоновой, так как они основываются на документах архивного фонда II отдела Генерального штаба Войска Польского (**военная разведка и контрразведка**), в настоящее время хранящегося в РГВА.

В статье «**Поле белых крестов**», опубликованной в журнале «Родина» (№ 4, 2001) Симонова пишет, что *«в фонде II отдела Польского генштаба имеется полная хронология событий на польско-советском фронте с 1 января по 25 ноября 1920 года в форме почти ежедневных сообщений, адресованных военному атташе Польши в Вене. Трудно представить себе более точный источник. Результаты подсчетов дают нам цифру в 146 тысяч 813 человек и еще некоторое количество, записанное как: «много пленных», «значительное число», «два штаба дивизий»».*

Согласно этим документам осенью 1920 г. в польских лагерях для военнопленных насчитывалось не **80—85 тыс.**, как утверждает З.Карпус, а **146.813** красноармейцев. К этому числу следует добавить **13 тыс.** красноармейцев, взятых в плен в 1919 г. Итого получается около **160 тысяч** пленных красноармейцев.

О надежности и достоверности этих сведений свидетельствует то, что **офицеры II отдела Генерального штаба Вой-**

ска Польского контролировали ситуацию в польских лагерях для военнопленных и участвовали в «политической сортировке» прибывших в лагеря пленных. Их функции во многом совпадали с функциями особых отделений НКВД, действовавших впоследствии в советских лагерях для военнопленных и обладавших наиболее полной и точной информацией о ситуации в лагерях

Польской стороне удалось свести проблему численности красноармейцев в польском плену, к выяснению количества советских военнопленных, попавших в польские лагеря. В то же время ситуация с гибелью красноармейцев в польском плену кардинально меняется, если рассматривать количество красноармейцев, попавших в плен непосредственно на фронте. Для нас интерес представляет именно она. Суть проблемы в том, чтобы выяснить, сколько всего красноармейцев погибло не только в лагерях, но в целом в польском плену?

Согласно ежедневным сводкам III отдела (оперативно-го) Верховного командования (Генерального штаба) Войска Польского с 13 февраля 1919 г. по 18 октября 1920 г. было пленено не менее 206 877 военнослужащих Красной Армии. Г.Матвеев также отмечает, что в ходе исследования была установлена весьма высокая достоверность этих сведений о пленных (Красноармейцы... С.11). Другое дело, сколько из них сумели выжить и попасть в польские лагеря для военнопленных.

В статистическом сборнике «Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах», изданном в 1993 году, приводятся данные о 94.880 командирах и красноармейцах Западного и Юго-Западного фронтов, пропавших без вести и попавших в плен в 1920 году. Но здесь не учтены 13 тысяч красноармейцев, взятых в польский плен в 1919 г. В итоге получается свыше 107 тысяч пленных.

Однако полагать, что эти данные соответствуют действительности, не вполне корректно. Набор в Красную Армию в 1919—1920 гг. не носил системного характера. Молодежь и не только ее, рекрутировали в красноармейцы по мере занятия

населенных пунктов. Учет был весьма сомнительный. Количественный состав воинских подразделений постоянно менялся.

Следует также иметь в виду, что советское руководство, заявлявшее о том, что РСФСР поддерживают пролетарии всех стран, не могло признаться, что потерпело сокрушительное поражение от польских пролетариев, возглавляемых «белыми панами», а уж, тем более, что **потеряло в польской войне 200 тысяч пленными**. В этом не были заинтересованы и красные командиры. Полагать, что они давали правильные сводки о военных потерях в центр наивно. Не случайно так разнятся советские и польские данные о пленных. Видимо, по этой причине, о польско-советской войне в СССР умалчивали долгих 70 лет.

С большим основанием можно утверждать, что в 1919—1920 гг. в польских лагерях для военнопленных оказалось не менее **160 тыс. красноармейцев**. С учетом вышесказанного получается, что из **206.877** военнослужащих Красной Армии, попавших в плен в 1919—1920 гг., **без вести по дороге в лагерь пропало до 40 тысяч красноармейцев**. Постараемся выяснить их судьбу.

Но прежде сделаем небольшое уточнение. Польские историки критикуют российских политиков за то, что они, говоря о польских лагерях, нередко называют их **концентрационными**. Это преподносится, как дилетантизм и существенное искажение, которое позволяет отождествлять польские лагеря с немецкими концентрационными лагерями.

Действительно в большинстве распоряжений и инструкций Верховного командования Войска Польского и Министерства военных дел Польши фигурирует название «**лагеря для военнопленных**». Однако в Польше существовали и концентрационные лагеря для военнопленных, созданные по приказу Верховного командования ВП № 17000/IV от 18 апреля 1920 г. (Красноармейцы... С.192).

Однако дело не в названии, а в сути лагерей. Польские лагеря для военнопленных, в которых были созданы нечеловеческие условия содержания военнопленных, могут с **полным правом рассматриваться, как предтечи нацистских концлагерей**. Ниже будут приведены доказательства.

Порядок подсчета военнопленных, принятый в Войске Польском в 1920 г., предполагал, что взятыми в плен считались не только те, кто отправлялся в лагеря для пленных, но и те, кого ранеными оставляли без помощи на поле боя или расстреливали на месте.

Об этом красноречиво свидетельствует рапорт командования 14-й Великопольской пехотной дивизии командованию 4-й армии Войска Польского. В нем говорится: *«За время боев от Брест-Литовска до Барановичей взято в общей сложности 5000 пленных и оставлено на поле боя около 40% названной суммы раненых и убитых большевиков»* (Красноармейцы... С.338).

Не вызывает сомнения, что в польской армии во время боевых действий в 1920 г. широкое распространение получили **бессудные расстрелы плененных военнослужащих Красной Армии**. В первую очередь расстреливались комиссары, коммунисты, евреи и командиры Красной Армии. Однако известны лишь два официальных сообщения о расстреле пленных красноармейцев. Первое содержится в сводке III (оперативного) отдела Верховного командования Войска Польского (ВП) от 5 марта 1919 г. Второе — в оперативной сводке командования 5-й армии ВП за подписью начальника штаба 5-ой армии подполковника Р.Воликовского. Данный факт в сводках III отдела Верховного командования ВП отмечен не был.

В сводке командования 5-й армии говорится, что 24 августа 1920 г. к западу от линии Дзядлово-Млава-Цеханов в польский плен попало около 400 советских казаков 3-его кавалерийского корпуса Гая. В качестве возмездия *«за 92 рядовых и 7 офицеров, жестоко убитых 3-им советским кавалерийским корпусом»*, солдаты 49-ого пехотного полка 5-й польской армии **расстреляли из пулеметов 200 пленных казаков** (Красноармейцы... С. 271).

Вернувшиеся из польского плена красноармейцы В.А. Бакманов и П.Т.Карамноков сообщили, что отбор пленных для расстрела под Млавой осуществлял польский офицер «*по лицам*», «*представительных и чище одетых, и больше кавалеристов*». Количество подлежащих расстрелу определил, присутствовавший среди поляков французский офицер (пастор), который заявил, что достаточно будет 200 чел. (Красноармейцы... С. 527). Странное польское «возмездие» по французским рецептам?!

Необходимо заметить, что командующий 5-й польской армии Владислав Сикорский, (будущий польский премьер-министр), мотивируя тем, что конники 3-го кавалерийского корпуса Гая во время прорыва в Восточную Пруссию, якобы изрубили шашками 150 польских пленных, в 10 часов утра 22 августа 1920 г. отдал приказ не брать пленных из прорывающейся из окружения колонны, особенно кубанских казаков. Приказ действовал несколько дней. Жизнь скольких красноармейцев он унес, остается тайной.

Бессудные расстрелы пленных применялись многими польскими воинскими частями. В отчете подпоручика С.Вдовишевского в IV отдел Верховного командования Войска Польского сообщалось, что «*командование 3-й польской армии издало подчиненным частям тайный приказ применять к вновь взятым пленным репрессии в отместку за убийства и истязания наших пленных*» (Красноармейцы... С. 286). Надо полагать, подобные приказы издавались и в других польских армиях.

Современный польский историк Р. Юшкевич, пытаясь оправдать эти грубейшие нарушения международных норм обращения с военнопленными, пишет: «*Отряд кубанских казаков, который совершил убийство польских пленных, был расстрелян по приказу командующего 5-й армией, после проведения соответствующего расследования. Спустя годы трудно этот приказ оправдать и найти ему полное моральное алиби ..., но тогда это был жестокий закон войны, он не выходил за рамки канонов цивилизованных народов, чего нельзя сказать об угрозе Ленина «За рас-*

стрел коммунистов в Польше — 100 поляков здесь или никакого мира». Несчастливым казакам хотя бы сказали, что они приговорены к смерти и почему» (<http://vit2ne.ru/nvk/forum/0/archive/983/983973.htm>).

Впоследствии сообщения об акциях «пулеметного возмездия» из официальных сводок исчезли, но о продолжающейся практике «в плен не брать» свидетельствовали очевидцы, как с польской, так и советской стороны. Бывший участник военных действий в 1920 г. известный польский историк Марцелий Хандельсман в своих воспоминаниях писал: **«Нужно было прибегать к неслыханным уговорам, чаще всего к хитрости, чтобы спасти пленного-китайца. Комиссаров живыми наши не брали вообще»**. Участник войны Станислав Кавчак вспоминал, что командир 18 пехотного полка Дмуховский вешал всех комиссаров, попавших в плен (<http://vit2ne.ru/nvk/forum/0/archive/983/983973.htm>).

Красноармеец Д.С.Климов после возвращения из плена рассказал, что в августе 1920 г. среди взятых в плен красноармейцев в районе местечка Цеханова ходил польский генерал, хорошо говоривший по-русски, и: **«спрашивал бывших царских офицеров, когда отозвался Ракитин...он его застрелил из револьвера. Комполка, коммунист Лузин остался жив только благодаря тому, что в барабане револьвера генерала больше не было патронов»** (Красноармейцы... С. 528).

В августе 1920 г. в деревне Гричине, Минского уезда после длительных истязаний и издевательств, взятые в плен красноармейцы были так бесчеловечно расстреляны, **«что некоторые части тела были совершенно оторваны»** (Красноармейцы... С. 160). Как показал красноармеец А. Честнов, взятый в плен в мае 1920 г., после прибытия их группы пленных в г. Седлец все **«партийные товарищи в числе 33 человек были выделены и расстреляны тут же»** (Красноармейцы... С. 599).

Следует отметить крайний антисемитизм в польской армии и лагерях. При захвате в плен евреи, наряду с политсоставом Красной Армии, расстреливались в первую оче-

редь. Так, бежавший из польского плена красноармеец Валув сообщил, что 18 августа 1920 г. во время пленения под г. Новоминском из состава пленных были отделены командный состав и евреи. **«Один комиссар еврей был избит и тут же расстрелян»** (Красноармейцы... С. 426).

Бывший военнопленный И.Тумаркин свидетельствует о том, что при взятии его воинской части в плен 17 августа 1920 г под Брест-Литовском, поляки **«начали рубку евреев»** (Красноармейцы... С. 573). Тумаркин спасся тем, что выдал себя за русского Семенова.

В августе 1920 г. близ станции Михановичи штаб-ротмистр Домбровский устроил экзекуцию над пленными красноармейцами. От смерти их спас привод **«хорошо одетого еврея по фамилии Хургин из местечка Самохваловичи, и хотя несчастный уверял, что он не комиссар... его раздели догола, тут же расстреляли и бросили, сказав, что жид недостойн погребения на польской земле»** (Красноармейцы... С.160—161).

Яков Подольский, культработник РККА, попавший в плен весной 1919 г. и прошедший все круги ада польского плена, в своих воспоминаниях **«В польском плену, записки»**, опубликованных под псевдонимом Н.Вальден в 1931 г. в № № 5 и 6 журнала **«Новый мир»** пишет, что его несколько раз пытались расстрелять, как еврея. Спасло Подольского то, что он сумел выдать себя за татарина.

Бывший узник польских лагерей Лазарь Гиндин, служивший до пленения старшем врачом в 160-ом полку, 18-ой дивизии, 6-ой армии советского Западного фронта в 1972 г. в своих воспоминаниях рассказывал, что поляки, прежде всего **«выискивали среди пленных жидов и комиссаров. За выданных обещали хлеб и консервы. Но красноармейцы не выдавали»**. Гиндин также спасся лишь потому, что ночью осколком стекла успел сбрить бороду, а **«врача Каца избили до полусмерти за еврейскую внешность»** (<http://www.krotov.info/library/k/krotov/lb>).

Уже упомянутый Николай Николаевич Воронов в мемуарах **«На службе военной»** (М.: Воениздат, 1963) довольно

подробно описывал ужасы польского плена. Плен начинался с того, что поляки предлагали выдать комиссаров и коммунистов. Воронов был свидетелем того, как какой-то красноармеец выдал своего комиссара, которого тут же расстреляли на глазах у всех. В арбатарее Воронова предателей не нашлось, благодаря этому он остался жив.

Проблему пленных советских офицеров и политработников поляки в 1920 г. решали быстро и безжалостно — расстрелом на месте. После этого утверждения польской стороны о том, что НКВД, расстреляв пленных польских офицеров, совершил акт неслыханного в мировой истории вандализма, кажутся издевательскими.

О том, что бессудные расстрелы пленных в польской армии не считались чем-то экстраординарным и предосудительным свидетельствует то, что их исполнители свои «подвиги» не скрывали. О массовости применения практики «пулеметного возмездия» свидетельствует июньская 1920 г. запись в дневнике личного секретаря начальника Польского государства и Верховного главнокомандующего Ю. Пилсудского Казимежа Свистальского. Он писал, что деморализации Красной армии и добровольной сдаче в плен ее военнослужащих мешают *«ожесточенное и беспощадное уничтожение нашими солдатами пленных»*, особенно в Белоруссии. Какие либо свидетельства о том, что по фактам бессудных расстрелов в действующей польской армии проводилось служебное или уголовное расследования отсутствуют.

Польские и некоторые российские историки навязывают мнение о том, что жестокость поляков в войне 1919—1920 гг. была вызвана жестокостью красноармейцев по отношению к пленным полякам. При этом ссылаются на сцены насилия, описанные в дневниках И. Бабеля, послужившие основой для романа «Конармия».

Однако Исаак Бабель в своих дневниках не приводит факты безжалостной расправы с пленными поляками, но ни одного факта нечеловеческой жестокости большевиков. Таких как *«выкалывания польским пленным глаз, отрубания пальцев, сдирания кожи, закапывания и замуровывания живьем»*. Но

обратимся непосредственно к дневникам Бабеля. Вот что там написано о расправах с польскими пленными.

«18.8.20. Два голых зарезанных поляка с маленькими лицами порезанными сверкают во ржи на солнце.

...Он делает вид, что не слышит, едет дальше, выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается. Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление.

...Гонят пленных, их раздевают, странная картина — они раздеваются страшно быстро, мотают головой, все это на солнце, маленькая неловкость, тут же -командный состав, неловкость, но пустяки, сквозь пальцы. Не забуду я этого «вроде» прапорщика, предательски убитого.

...Впереди — вещи ужасные. Мы перешли железную дорогу у Задвурдзе. Поляки пробиваются по линии железной дороги к Львову. Атака вечером у фермы. Побойще. Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, Апанасенко умывает руки. Шеко обмолвился — рубить, это сыграло ужасную роль.

Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы, атаку произвел наш эскадрон, Апанасенко в стороне, эскадрон оделся, как следует, у Матусевича убили лошадь, он со страшным, грязным лицом, бежит, ищет лошадь. Ад. Как мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают, Апанасенко — не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда — се-стру зарезать, поляков зарезать...

30.8 20. 10 пленных, одного не успеваем спасти. Револьверная рана? Офицер. Кровь идет изо рта. Густая красная кровь в комьях, заливают все лицо, оно ужасное, красное, покрыто густым слоем крови. Пленные все раздеты. У командира эскадрона через седло перекинута штаны. Шеко заставляет отдать. Пленных одевают, ничего не одели. Офицерская фуражка. «Их было девять». Вокруг них грязные слова. Хотят убить.

Лысый хромающий еврей в кальсонах, не поспевающий за лошадью, страшное лицо, наверное, офицер, надоедает

всем, не может идти, все они в животном страхе, жалкие, несчастные люди, польские пролетарии, другой поляк — статный, спокойный, с бачками, в вязаной фуфайке, держит себя с достоинством, все допытываются — не офицер ли. Их хотят рубить. Над евреем собирается гроза. Неистовый путиловский рабочий, рубать их всех надо гадов, еврей прыгает за нами, мы тащим с собой пленных все время, потом отдаем на ответственность конвоиров. Что с ними будет? Ярость путиловского рабочего, пена брызжет, шашка, порубаю гадов и отвечать не буду».

Хотя эти строки трудно читать без содрогания, но изверских методов расправ, типа зашивание kota в живот пленного, которые практиковали поляки, Бабель не описывает. Да, расправы с пленными поляками имели место, но версия о жестокости поляков, как методе возмездия большевикам, не выдерживает критики. В действительности имело место обратное — **возмездие красноармейцев**. Напомним, Первая Конармия была переброшена под Киев только в начале июне 1920 г. Польский фронт она прорвала лишь 5 июня 1920 г. и тогда вторглась на территории, контролируемые поляками. В то же время фактов жестокости поляков по отношению к пленным красноармейцам и гражданскому населения в 1919 и начале 1920 г. более чем достаточно.

Многие факты бесчеловечной жестокости поляков были известны бойцам Красной Армии. Следует учитывать, что говорить в это время о Красной Армии, как регулярном, дисциплинированном воинском формировании не приходится. Годы революционной анархии оказали свое воздействие. Среди красноармейцев было немало мародеров и насильников. Методы мщения и них были «революционными». Кстати, аналогичная ситуация была во времена Великой французской революции, когда мщение дворянам и буржуям было чрезвычайно жестоким.

Однако известен «инвазионный рапорт» от 19 сентября 1920 г. такого компетентного польского военного учреждения, как 6-я экспозитура II отдела (т.е. военной разведки и контрразведки) штаба Варшавского военного округа об отно-

шении красноармейцев к населению. *«Поведение советских войск на всем протяжении оккупации было безупречным, доказано, что до момента отступления они не допускали никаких ненужных грабежей и насилия. Реквизиции они старались проводить формально и платили требуемые цены деньгами, хотя и обесцененными. Безупречное поведение советских войск по сравнению с насилиями и ненужным грабежом отступающих наших частей существенно подорвало доверие к польским властям»* (CAW. SRI DOK I.I.371.1/A). 29 Z doswiadczeri ostatnich tygodni. — Bellona, 1920, № 7, s. 484. Из статьи Матвеева «Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919—1920 годах» Новая и новейшая история. № 3, 2006).

После заключения Рижского договора 1921 г. поляки продолжали активно искать красноармейцев, участников наиболее кровопролитных боев. В подтверждение этого приведем следующий пример. Научный работник из Минска Михаил Антонович Батурицкий рассказывает о событиях, о которых он слышал от деда, Корсака Константина Адамовича: *«В 1920 г. дед участвовал в походе на Варшаву. Во всяком случае, он рассказывал об отступлении по 60 км в сутки, когда он и еще 11 человек были оставлены в засаде с 6-ю пулеметами под г. Игуменом (ныне райцентр — г. Червень Минской обл.), где они уничтожили полк преследовавших их белополяков.*

После окончания войны Несвижский район Минской области, где дед жил с семьей в д. Саская Липка, отошел к Польше. Властями было объявлено о регистрации в д. Малево Несвижского р-на всех, кто служил в «Русской армии» (выражение деда). Он пошел регистрироваться вместе со своим шурином, Позняком Антоном, который жил в соседней деревне Глебовщина. В Малево их сразу же арестовали и допросили.

На допросах спрашивали, не участвовал ли он в «засаде под Игуменом». Если бы дед признался, его бы сразу же расстреляли. Однако его никто не предал и дело окончилось концлагерем. Деда послали в концлагерь под Белосток,

где он пробыл до марта 1921 года. В лагере было 1500 человек, в живых осталось только 200. Деда выпустили, потому что он был по паспорту поляк, остальных оставили умирать» (<http://katyn.ru/forums/viewtopic.php?id=55>).

Еще одним грубейшим нарушением польской армией международных норм обращения с военнопленными было **не оказание помощи раненым красноармейцам, попавшим в плен**. Напомним уже упомянутый рапорт командования 14-й Великопольской пехотной дивизии командованию 4-й армии. Подобные факты были не единичными. Сколько тысяч раненых красноармейцев было оставлено умирать на поле боя другими польскими дивизиями неизвестно.

В рапорте начальника секции гигиены Верховного командования ВП Станислава Саского о результатах проверки санитарного состояния концентрационной станции пленных в Седльце приводится заявление пленного красноармейца Пеловина Алексея о том, что под Свислочью: **«он и его товарищи не были перевязаны санитарями (польскими). О них позаботилось гражданское население»** (Красноармейцы... С. 317).

Распространенным явлением в Польше было уничтожение красноармейцев, отставших от своих частей и оказавшихся в польском тылу. К этому призывал в своем обращении **«К польскому народу»** в августе 1920 г. начальник польского государства Юзеф Пилсудский. В нем говорилось: «Разгромленные и отрезанные большевистские банды еще блуждают и скрываются в лесах, грабя и расхищая имущество жителей. Польский народ! Встань плечом к плечу на борьбу с бегущим врагом. Пусть ни один агрессор не уйдет с польской земли! За погибших при защите Родины отцов и братьев пусть твои карающие кулаки, вооруженные вилами, косами и цепями, обрушатся на плечи большевиков. Захваченных живыми отдавайте в руки ближайших военных или гражданских органов. Пусть отступающий враг не имеет ни минуты отдыха, пусть его со всех сторон ждут смерть и неволя! Польский народ! К оружию!»

Вот она польская логика! Поход Пилсудского на Киев — это **«освобождение Украины»**. А вот ответный удар Крас-

ной Армии и ее вступление на территорию Польши — это «агрессия».

Воззвание Пилсудского сыграло свою роль. Охота за оставшими и ранеными красноармейцами приобрела общенациональный характер. В результате, как свидетельствует помещенная в 7 номере за 1920 г. польского военного журнала «Беллона» заметка о потерях Красной армии в сражении за Варшаву **«Потери пленными до 75 тысяч, потери погибшими на поле боя, убитых нашими крестьянами и раненых — очень большие»** (Матвеев. «Новая и новейшая история». № 3, 2006).

А вот как призывал относиться к пленным полякам известный своей беспощадностью к врагам революции председатель Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкий. 10 мая 1920 г он издал приказ о необходимости гуманного отношения к пленным. В нем говорилось, что, несмотря на известия **«о неслыханных зверствах, учиняемых белогвардейскими польскими войсками над пленными и ранеными красноармейцами — щадите пленных и раненых неприятелей... Беспощадность в бою, великодушие к пленному и раненому врагу, таков лозунг Рабоче-Крестьянской Красной Армии»** (Красноармейцы... С. 203).

Путь на Галгофц

Немало красноармейцев стали жертвами голода, жажды, холода, а также бесчеловечного отношения охраны в эшелонах в долгом пути до лагерей. 20 декабря 1919 г. на совещании в Верховном командовании Войска Польского (ВК ВП) майор Янушкевич, сотрудник Волынского КЭО (командования этапного округа) сообщил, что: **«Прибывшие с Галицийского фронта транспорты изможденные, оглодавшие и инфицированные (из транспорта в 700 человек, высланных из Тернополя, прибыло 400) (Красноармейцы... С. 126). Смертность военнопленных в этом случае составила около 43 %.** Однако никакой реакции со стороны Верховного Командования ВП по данному случаю не последовало. Подобная ситуация, ве-

роятно, была воспринята польскими властями, как штатная. Если расценивать смертность красноармейцев по пути в лагерь на уровне 20—30%, то и тогда можно говорить как минимум о 30—40 тысячах погибших пленных красноармейцев.

Уже упомянутый Подольский (Вальден) описывал шовинистический настрой польской интеллигенции, которая специально приходила к поезду с военнопленными, чтобы поиздеваться над ними или проверить личное оружие. Раздетый польскими солдатами до *«подштанников и рубахи, босой»* Подольский весной 1919 г. вместе с другими пленными, был загружен в поезд, в котором они ехали 12 дней, из них первые 7—8 дней *«без всякой пищи»*. По дороге, на остановках, иногда длившихся сутки, к поезду подходили *«господа с палками и «дамы из общества»*, которые истязали, выбранных ими, пленных. Подольский вспоминает, что какой-то *«...шляхетский юноша действительно хотел испробовать на мне свой револьвер. Кто-то его остановил... Многих мы не считались за нашу поездку»* (Новый мир. № 5, 1931. с. 84).

Спустя год ситуация не изменилась. Попавший в польский плен в августе 1920 г. ранее упомянутый военврач РККА Лазарь Гиндин вспоминает, что с него: «сняли сапоги и одежду, дали вместо них отрепья. По одному вызывали на допрос. Потом повели босиком через деревню. Подбегали поляки, били пленных, ругались. Конвой им не мешал» (http://www.krotov.info/librali/ry/k/krotov/lb_01.html#4).

Также ранее упомянутый Николай Воронов писал в мемуарах *«На службе военной»*, что: «Почти двое суток были мы без крова и пищи. На всем пути польские крестьяне пытались нам давать еду. За это конвойные избивали их прикладами винтовок, а хлеб у нас отнимали. Страшно страдали раненые. Медицинская помощь не оказывалась».

Представитель Польского общества Красного Креста Наталья Крейц-Вележиньская в декабре 1920 г. отмечала, что: «Трагичнее всего условия вновь прибывших, которых перевозят в не отапливаемых вагонах, без соответствующей одежды, холодные, голодные и уставшие... После такого путешествия многих из них отправляют в госпиталь, а более сла-

бые умирают» (Красноармейцы... С. 438). Однако и после этих свидетельств польские историки и политики утверждают, что не существует доказательств бесчеловечного отношения к пленным красноармейцам.

В результате такого отношения смертность пленных при транспортировке в лагеря была огромной. Красноармейцев, умерших в эшелонах, хоронили вблизи станций, на которых останавливались эшелоны. Поэтому сведения об этих случаях отсутствуют в кладбищенской статистике. Умерших на подъезде к лагерям для военнопленных, захоранивали близ лагерей, но лагерная администрация их тоже не учитывала.

А что же польские власти? Как они реагировали на нечеловеческие условия транспортировки пленных красноармейцев? 8 декабря 1920 г. министр военных дел Польши издал приказ о недопустимости транспортировки голодных и больных пленных. Основанием для приказа явился факт отправки из Ковеля в Пулавы 300 пленных, из которых доехали лишь 263 человека, 37 — умерло и 137, после прибытия, были помещены в госпиталь. *«Пленные, по рассказу нынешнего командира станции, были 5 дней в пути и все это время не получали еды, поэтому после прибытия в Пулавы, как только их выгрузили и направили на станцию, пленные бросились на дохлую лошадь и ели сырую падаль»* (Красноармейцы... С. 434).

Однако не верится, что факт гибели всего 14% пленных послужил основанием для издания приказа польского Министрство военных дел (далее Минвоендел). На самом деле ситуация была совершенно иной. О ней Верховному чрезвычайному комиссару по дела борьбы с эпидемиями профессору Э.Годлевскому сообщил командир распределительной станции в Пулавах майор Хлебовский и врач станции подполковник Опольский.

По их словам: *«транспорт, который пришел 3 ноября 1920 г. из Ковеля в Пулавы в составе более 700 человек, шел из Ковеля 4 дня, в течение которых людям вообще не давали еды. О том, как сопровождающий конвой понимал свои задачи, свидетельствует то, что вместе с людьми в поез-*

де везли мясо, предназначенное им для еды. Мясо привезли замороженным, и одновременно людей так изголодавших-ся, что значительная их часть самостоятельно не могла выйти из вагонов, а 15 человек из них в первый день после приезда умерли в Пулавах» (Красноармейцы... С. 420).

Видимо, из Ковеля отправили 700 человек, а в Пулавы доехало 263. Смертность составила 62,4%. Следует иметь в виду, что в 1920 г. уже в октябре начались сильные морозы (Красноармейцы... С. 356). Трудно поверить, что 4-дневную дорогу в не отапливаемых вагонах, без пищи, смогли, как информировал Минвоендел Польши, выдержать 263 из 300 пленных. Более реально выглядит ситуация, аналогичная той, о которой докладывал, майор Янушкевич, когда в таком же эшелоне вымерло более 40% пленных.

В случае транспортировки пленных из Ковеля в Пулавы смертность, вероятно, составила 437 из 700 человек. Публично признать такую смертность польские власти не решились. Это был бы международный скандал. Поэтому, вероятно, решили уменьшить число отправленных пленных из Ковеля. Соответственно уменьшилось и количество погибших. Подобная операция при перевозках пленных, надо полагать, осуществлялась польскими властями не раз. Это один из секретов бесследного исчезновения тысяч пленных красноармейцев. Не доехали, потому что не выезжали. Сколько таких эшелонов прошло по дорогам Польши, одному Богу известно.

В сборнике «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.» содержатся документы о «смертном» пути «большевистских пленных» в лагеря. О том, что подобное отношение к пленным красноармейцам было нормой для польских властей, свидетельствует тот факт, что даже после окончания военных действий красноармейцы отправлялись из лагеря в лагерь и по обмену в Россию полураздетые и без достаточно-го питания.

12 декабря 1920 г. в рамках обмена пленными, из Польши в Россию в холодном, не отапливаемом вагоне прибыло 40 красноармейцев в «**сильно изнуренном состоянии**». Из прибывшей партии за неделю умерло 5 человек (Красноар-

мейцы... С. 444). Практически в то же время в Минск прибыл поезд с 36 пленными красноармейцами, которые были также *«чрезвычайно изнурены и истощены, в лохмотьях, и один даже без всякой обуви. Жаловались на дурное питание и обращение; вагон был совершенно не приспособлен для перевозки и даже не очищен от конского навоза, который лежал слоем в ¼ аршина... По прибытии в Минск 30 красноармейцев были отправлены в изоляторы Белкомэвака»* (Красноармейцы...С. 445).

В польских лагерях, даже в «благополучном», по мнению польских профессоров 1921 году, бывали случаи, когда оставшихся пленным раздевали, чтобы одеть отправляемых на родину. Красноармеец Каськов 18 июля 1921 г. в лагере Стшалково был посажен на 14 суток в карцер за то, что *«на нем не было кальсон»*, которые отняли для того, чтобы одеть отъезжающего в Россию, а других не выдали (Красноармейцы... С. 644).

Но для тех красноармейцев, которые сумели выжить в нечеловеческих условиях польских транспортных эшелонов, Голгофа продолжилась в сборных и пересыльных станциях, о которых красноречивее всего сказал заместитель начальника санитарной службы Литовско-Белорусского фронта Войска Польского майор Б.Хакбейл: *«Лагерь пленным при сборной станции для пленным — это был настоящий застенок. Никто об этих несчастных не заботился, поэтому ничего удивительного в том, что человек невымытый, раздетый, плохо кормленный и размещенный в неподходящих условиях в результате инфекции был обречен только на смерть»* (Красноармейцы... С. 167).

Зафиксированная смертность пленным на этих станциях была высокой. Например, в Бобруйске в декабре 1919-январе 1920 г. умерли 933 пленным, в Брест-Литовске с 18 по 28 ноября 1920 г. — 75 пленным, в тех же Пулавах с 10 ноября до 2 декабря 1920 г. — 247 пленным.

С учетом вышесказанного, достоверным представляется предположение о том, что в период пленения и транспортировки пленным красноармейцев с фронта в лагеря, значитель-

ная их часть (до 40%), как полагают некоторые российские исследователи, погибла. Это, в определенной степени, проясняет судьбу **тех 40 тыс. красноармейцев, взятых в плен, но не попавших в польские лагеря для военнопленных.**

Особенности польского учета и инспекционных проверок

Польские профессора З.Карпус и В.Резмер прекрасно осведомлены о том, что значительное количество документов о пленных красноармейцах в ходе Второй мировой войны были утрачены. Также им известно, что в 1919 и 1920 году польские власти **фактически не вели достоверного учета ситуации с пленными красноармейцами.** Поэтому, отстаивая позицию заниженного числа пленных и погибших красноармейцев в польском плену, они стремятся рассматривать эту проблему красноармейцев только через непроверяемые документальные свидетельства.

Господам З. Карпусу и В. Резмеру хочется напомнить, что их коллега польский профессор Яцек Вильчур (**Jacek Wilczur**), предложил достаточно объективную методику расследования массовых уничтожений военнопленных в отсутствии достаточных документальных свидетельств. В своей книге-исследовании **«Nievola i eksterminacja jencow wojennych — wlochow w niemieckich obozach jenieckich. Wrzesien 1943 — maj 1945. Warszawa. 1969»** (Плен и уничтожение итальянских военнопленных в немецких лагерях для пленных. Сентябрь 1943 — май 1945. Варшава. 1969), он пишет, что **в условиях отсутствия документов, свидетельствующих о точном количестве пленных, находившихся в лагерях, а также об их количестве погибших и уничтоженных, «можно полагаться только на показания свидетелей»** (J. Wilczur, с. 161).

Отличие от проф. Я.Вильчура логика З.Карпуса и В.Резмера проста — рассмотрению подлежат только официальные документы. Если комендатуры лагерей ежемесячно 1 и 15 числа сообщали в Минвоендел данные о численности пленных

(Красноармейцы... С. 59, 67, 197, 432), то, по мнению польских профессоров, нет оснований не доверять этим сведениям. Неважно, что очевидцы заявляли о тысячах умерших в лагерях, главное, чтобы покойники были внесены в списки умерших, иначе... Подумаешь, что в желудке, умерших от голода красноармейцев, находили сырые очистки и траву. В Варшаве утвердили документ о вполне достаточной норме питания военнопленного и не может быть никаких сомнений в том, что он исполнялся во всех польских лагерях. И т. д. и т. п.

Польский учет в 1919—1921 гг., к сожалению, не всегда соответствовал реальной действительности. Весьма далеки от истины были также результаты некоторых проверок состояния лагерей для военнопленных различными польскими инспекциями. Это видно из целого ряда документов сборника «Красноармейцы в польском плену...».

Упомянутый нами майор Янушкевич, 20 декабря 1919 г. во время совещания в Верховном командовании Войска Польского обратил внимание: *«на отсутствие учета пленных и особенно интернированных, прибывающих со сборных пунктов и просил о повторном издании соответствующих приказов»* (Красноармейцы... С. 126).

5 сентября 1920 г. польский Генштаб издал приказ по итогам поверки 2-й, 3-й и 4-й армий в связи с тем, что «несмотря на неоднократные приказы, Верховное командование до сих пор не имеет точных данных о состоянии и численности пленных во 2-й, 3-й и 4-й армиях. Присылаемые донесения совершенно не содержат точных данных о численности пленных, захваченных отдельными армиями» (Матвеев. Новая и новейшая история. № 3, 2006). Однако этот приказ не оказал желаемого действия.

Поэтому 25 апреля 1921 г. в приказе Минвоендел Польши о порядке учета умерших военнопленных красноармейцев отмечалось, что ранее изданный приказ № 1939/Јенс. об учете умерших большевистских пленных выполнялся «неточно» (Красноармейцы... С. 541). Следует отметить, что основная масса пленных красноармейцев погибла именно в период военных действий 1920 г. и осенне-зимний период 1920/21 гг.

Приказ Минвоедел в апреле 1921 г. в плане реального учета умерших пленных уже мало что решал.

Известная польская общественная деятельница, член ЦК МОПР Польши, уполномоченная Российского общества Красного Креста Стефания Семполовская констатировала: *«В начале власти, кажется, не вели правильно учета умерших. (Уполномоченные делегата говорят, что по различным причинам администрация лагерей часто скрывала или фальсифицировала цифры смертности)»* (Красноармейцы... С. 586).

Кстати, польские власти в 1921 г., досрочно прекратили полномочия Ст. Семполовской, как представителя РОКК. Эта мужественная и честная женщина, во времена царизма много сделала для оказания помощи польским политзаключенным, многие из которых, впоследствии, в 1921 г. оказались у власти (Райский. С. 26, Красноармейцы... С. 850). В сегодняшней Польше городские власти Вроцлава планируют переименовать улицу Ст.Семполовской в улицу «Жертв Катыни» на том основании, что она сотрудничала с большевиками.

Однако вернемся к нашей теме. Председатель РУД (Российско-Украинской делегации в Смешанной комиссии по репатриации) Емельян Аболтин в феврале 1923 г. докладывал в НКВД РСФСР *«Смертность пленных при вышеуказанных условиях была ужасна. Сколько умерло в Польше наших военнопленных установить нельзя, так как поляки никакого учета умершим в 1920 г. не вели. Самая большая смертность была осенью 1920 г.»* (Красноармейцы... С. 704).

В октябре 1919 г. уполномоченные Международного комитета Красного Креста (МККК) д-р Шатенэ, г-н В. Глур и военный врач Французской военной миссии д-р Камю после посещения 4 лагерей военнопленных, расположенных в Брест-Литовске (лагерь Буг-шуппе, форт Берг, казарма Граевского и офицерский лагерь) констатировали, что «они поражены недостаточностью статистических данных по заболеваемости и смертности пленных» (Красноармейцы... С. 92).

Достаточно сказать, что по данным Санитарного департамента Минвоедела Польши в лагерях Брест-Литовска на

13 сентября 1919 г. находилось 953 больных и 7000 здоровых пленных (Красноармейцы. С. 77). На самом деле уполномоченные МККК, на основе официальной статистики о заболеваемости и смертности в лагерях Брест-Литовска установили, что в период с 7 сентября по 7 октября 1919 г., больных было 2973 человека (71,4%), что на две тысячи больше данных Санитарного департамента. Количество здоровых пленных в лагере составляло в тот период всего 4 165 чел., т. е. почти на 3 тысячи меньше, нежели данные Санитарного департамента (Красноармейцы... С. 91).

Однако вопиющие неточности польского учета мало волнуют З.Карпуса и В.Резмера. Документальные свидетельства, противоречащие их версии, они просто не желают замечать. Таких документов и материалов в сборнике «Красноармейцы в польском плену...» содержится немало, но они так и не удостоились внимания уважаемых профессоров. Об этом мы говорили выше.

Зато в предисловии З.Карпуса нашлось место для воспоминаний посла Великобритании в Германии Э.В. д'Абернона, находившегося в Варшаве с 25 июля по 25 августа 1920 г., который пишет: «...Варшава, 23 августа 1920 г... Я решил лично убедиться в каких условиях живут русские военнопленные, и из того, что видел, могу сказать, что отношение к пленным совершенно удовлетворительное. Я не заметил никаких следов издевательств над беззащитными. Поляки скорее считают пленных несчастными жертвами, чем ненавистными врагами. Я видел, как их здорово и хорошо кормят...» (Красноармейцы... С. 23).

О том, как в действительности кормили русских пленных, расскажем ниже. В данном случае позиция польских профессоров вновь граничит с подлогом, когда желаемое стремятся выдать за действительное.

В своем стремлении приукрасить ситуацию в лагерях не отставали от Э.В.д'Абернона многие проверяющие из различных польских инспекций. Так, начальник I департамента Минвоендел Польши Ю. Рыбак 12 октября 1919 г. докладывал в Главное интендантство Верховного командования ВП о

ситуации в лагере Стшалково. Он рапортовал: «Что касается сегодняшнего положения в Стшалково, то его наилучшей иллюстрацией является рапорт инспектората о проверке этого лагеря, состоявшейся 24 сентября 1919 г.: «Лагерь во всех отношениях образцовый...благодаря энергии и необыкновенной заботе о лагере его начальника капитана Вагнера. Питание пленных хорошее... пленные моются очень часто, потому что командир лагеря капитан Вагнер, оборудовал дополнительные бани» (Красноармейцы... С. 86).

Буквально через две недели после подобных похвал капитан Вагнер за злоупотребление служебным положением был отдан под суд. Новый начальник лагеря полковник Кевнарский, приступивший к обязанностям в ноябре 1919 г., оценил состояние лагеря как «очень запущенное» (Красноармейцы... С 110). Очевидно, что доклады польского инспектората и других должностных лиц не всегда были объективны.

Начальник Верховного военного контроля Минвоендел Польши генерал-поручик Ян Ромер в своем отчете от 16 декабря 1920 г о результатах проверки лагеря пленных в Тухоли отмечал, что в лагере «...на пищевом довольствии в среднем 6.000, количество больных по причине значительного числа инфекционных болезней (идет) вверх 2.000, средний уровень смертности в день — 10 человек)...» (Красноармейцы... С. 454).

Начальнику Верховного военного контроля не мешало бы знать, что при заболеваемости в 2000 чел. смертность зимой 1920/21 г. в польских лагерях для военнопленных была несравненно выше. Об этом свидетельствуют документы сборника «Красноармейцы в польском плену в 1919 — 1922 гг.». Например, в лагере Стшалково при заболеваемости в 2.200 больных официальная смертность достигала 50 человек в день. В середине ноября она составила уже 70—90 человек в день (Красноармейцы... С. 361, 388.).

Представители американского Союза Христианской молодежи еще в октябре 1920 г. отмечали, что в Тухольском лагере «состояние лазарета еще хуже, чем в Стшалково» (Красноармейцы... С. 344). Поэтому нет сомнений в том, что

смертность в Тухольском лазарете в декабре 1920 г. была значительно **выше 10 чел. в сутки** и, что генерал Ромер стал жертвой «**точной**» лагерной отчетности, о которой мы уже говорили.

Польские власти в большинстве случаев пытались скрыть или исказить негативные ситуации, связанные с нечеловеческими условиями содержания пленных красноармейцев в лагерях. Так, командир укрепленного района Модлин Малевич в октябре 1920 г. телеграфировал начальству о том, что среди военнопленных концентрационной станции пленных и интернированных в Модлине свирепствует эпидемия желудочно-кишечных заболеваний, умерло 58 человек. *«Главные причины заболевания — поедание пленными различных сырых очистков и полностью отсутствие у них обуви и одежды»* (Красноармейцы. С. 355).

Однако инспекция Верховного командования Войска Польского, проверив 1 ноября 1920 г. санитарное состояние концентрационной станции в Модлине, признала «питание пленных удовлетворительным» (Красноармейцы. С. 360). Для этого было достаточно, чтобы в день проверки в лагере был сварен «суп густой и вкусный, в достаточном количестве». Помимо этого проверяющие были уверены в том, что «пленные получают хлеба 1 фунт в день, утром кофе и мармелад, на обед суп, чаще всего картофельный, на ужин тоже суп... На многочисленные вопросы все пленные отвечали, что питанием довольны» (Красноармейцы... С. 358). Поистине ошибается тот, кто хочет ошибаться.

В то же время в рапорте начальника бактериологического отдела Военного санитарного совета подполковника Шимановского от 3 ноября 1920 г. о результатах изучения причин смерти военнопленных в Модлине указывается: «Вскрытие умерших военнопленных не выявило никаких изменений... зато в кишечнике найдена сырая картошка... Пленные находятся в каземате, достаточно сыром; на вопрос о питании отвечали, что получают все им полагающееся и не имели жалоб. Зато врачи госпиталя единодушно заявили, что все пленные производят впечатление чрезвычайно изголодавших, так как

прямо из земли выгребают и едят сырой картофель, собирают на помойках и едят всевозможные отходы, как то: кости, капустные листья и т. д.» (Красноармейцы... С. 362, 363). Комментарии излишни.

О том, что случай скрывает реальную ситуацию с бедственным положением «большевистских пленных» был не единственным свидетельствует **ситуация в лагере Тухоль**. 22 декабря 1920 г. львовская газета «Вперед» сообщила, что в этом польском лагере **в один день умерло 45 российских военнопленных**. Причиной этого послужило то, что в морозный и ветреный день «полутолых и босых» пленных «водили в баню», представляющую холодный барак с цементным полом, а затем перевели в грязные землянки без полов. «В результате, — сообщалось в газете, — непрерывно выносили мертвецов и тяжело больных» (Красноармейцы... С. 466).

Российский историк Н.С. Райский в своей работе «**Польско-советская война 1919—1920 годов и судьба военнопленных, интернированных и заложников**» пишет, что, учитывая официальные протесты российской стороны, польские власти провели расследование. Его результаты опровергли сообщение в газете. «9 декабря 1920 г., — извещала польская делегация в ПРУВСК (Польско-Российско-Украинская военно-согласительная комиссия) российскую делегацию, — установила в этот день смерть 10 пленных, умерших от сыпного тифа... Баня была нагрета... и здоровые пленные после купания помещались в бараках, предварительно продезинфицированных, больные же помещались прямо в госпиталь». Выводы явно фальсифицированные, но... газета «Вперед» была закрыта на неопределенный срок, никаких выводов по данному инциденту сделано не было (Райский. С. 25).

Случаи, подобные происшедшему в Тухоли, были и в других лагерях. Это признавали сами поляки. Так, в ноябрьском (1920 г.) рапорте командования Познанского генерального округа в Минвоендел сообщается, что условия, в которых находятся пленные в лагере в Стшалково, плохие и трудно переносимые. Гигиенические условия неудовлетворительные. «Имеются случаи смерти после купания», т. к. после купания

пленный «надевает влажную одежду и белье и возвращается в нетопленный барак» (Красноармейцы... С 404).

Как рассказывал, уже упомянутый М.Батурицкий, в лагере в Белостоке накануне освобождения в марте 1921 г.: *«освобождаемым устроили санобработку: раздели в одном бараке, нагишом по снегу прогнали в другой барак, где окатили ледяной водой и по снегу обратно погнали одеваться»* (<http://katyn.ru/forums/viewtopic/php?id=55>).

О фактах использования в польских лагерях «мытья в бане», как эффективного средства сокращения численности пленных красноармейцев, писал и упомянутый Главный маршал артиллерии Николай Воронов. *«Раз в неделю пленных гоняли в лагерную польскую «лазню» (баню), которой все страшно боялись. Прямо на улице нас заставляли раздеваться, отбирали одежду и направляли ее в парилку. А мы стояли под пронизывающим ветром, скорчившиеся, посиневшие»*.

Наконец пленных начинали впускать в баню по одному. Польский фельдшер не спеша брызгал каждому на голову несколько капель зеленого мыла. В моечном зале сначала лилась абсолютно холодная вода. Бежать было некуда, люди стояли вплотную друг к другу и только стонали и ругались. Внезапно холодный душ сменялся нестерпимо горячим. Все вокруг окутывалось паром. В это время раскрывались двери и нас опять выгоняли на мороз. Десятки минут мы раздетые ждали выдачи одежды. После каждой такой «бани» многие заболели и уже больше не могли подняться» (На службе военной. С. 46).

После такой бани и Воронов свалился с воспалением легких. Потом у него началось рожистое воспаление лица. Дважды он перенес тиф. Чудом избежал эпидемии холера, вспыхнувшей в бараке. Вопреки утверждениям поляков, Воронов писал, что *«Никакого лечения не было. Военнопленные врачи и фельдшер вовсе не получали медикаментов»*. Поэтому выжить в условиях польского плена было чудом.

О том, что заявлениям польским комиссиям и инспекциям тех лет следует доверять с определенным «коэффициентом» поправки, свидетельствует выступление представи-

теля Минвоенотдела Польши 06 ноября 1919 г. на заседании комиссии Сейма. Военный представитель «доложил» представителям верховного органа Польши о том, что: «Лагерь в Стшалково в окрестностях Слупцы — самый большой, рассчитан на 25.000 мест, очень хорошо оборудован» (Красноармейцы. С. 96). Это была явная ложь.

Еще в июне 1919 г. капитан медслужбы доктор Игнаци Копыстиньский докладывал в Минвоендел Польши об эпидемии сыпного тифа в Стшалково и, что бараки для большевистских пленных *«не имеют даже нар для сна... Заметно общее отсутствие белья»* (Красноармейцы. С. 115). 6 декабря 1919 г. референт по делам пленных З.Панович, после посещения лагеря в Стшалково, сообщает в Минвоендел Польши: *«Мы увидели залитые водой бараки, крыши протекали так, что для избежания несчастья нужно периодически вычерпывать воду ведрами. Общее отсутствие белья, одежды, одеял, и хуже всего-обуви. У пленных нет даже башимаков на деревянной подошве, они ходят босиком, в лохмотьях, обвязанных шнурками, чтобы не распадались. .. Из-за нехватки топлива ...еда готовится только раз в день, причем около 12-ти, непосредственно кофе... Пленные ... признавали, что по сравнению с прошлыми временами под руководством г. Вагнера сейчас неплохо»* (Красноармейцы... С. 110). О «заслугах» капитана Вагнера мы писали выше.

Представляют интерес выводы специальной судебной комиссия, присланной в ноябре 1920 г. в лагерь в Стшалково для оценки причин бедственного положения военнопленных. В то время в стшалковском госпитале, рассчитанном на 1000 больных, содержалось 3860 человек. За 7 дней ноября 1920 г. (с 16 по 22) умерло 491 человек, в т.ч. от холеры — 168. 21 ноября умер 91 пленный. В рапорте командования Познанского генерального округа констатируется: «Средняя дневная смертность составляет 70 случаев, т. е. 3,5% общего числа пленных в лагере. В последние дни заметно снижение смертности от холеры...однако следует отметить, что общая смертность не сокращается» (Красноармейцы... С. 405).

Также отмечалось, что в лагерь: «...присланы транспорты с техническими и дезинфекционными средствами, увеличено число транспортных средств. Кроме того, отдан приказ как можно шире пользоваться таблицей «С» для истощенных пленных» (Красноармейцы... С. 406). Тем не менее, через три недели после этих мер, 15 декабря 1920 г., согласно отчетам командира лагеря полковника Кевнарского и начальника госпиталя капитана Габлера, в госпитале лагеря Стшалково находилось уже **4800 больных, т. е. на 1000 больше, чем в ноябре**. На день отчета в лагере умерло **69 человек** (Красноармейцы... С. 451).

Для подтверждения того, что администрация лагеря в Стшалково, якобы, сделала все возможное для улучшения положения пленных, в рапорте следует ссылка на выводы специальной судебной комиссии, присланной в лагерь, которая: «констатировала, что состояние здоровой части лагеря очень даже **ХОРОШЕЕ**, что **ВИНОВНЫХ НЕТ**, что **ПРИЧИНОЙ**, безусловно, является **ЦЕЛЫЙ РЯД МАТЕРИАЛЬНЫХ НЕДОСТАТКОВ**». (Красноармейцы... С. 406. Выделено В.Ш.).

Судебную комиссию не смутил тот факт, что осенью 1920 г. количество заболевших в лагере **ежемесячно увеличивалось более чем на тысячу человек**, **смертность только за ноябрь увеличилась в 1,5 раза с 50 до 70, т. е. достигла 2 000 человек в месяц**. Абсолютно ясно, что эпидемия в лагере продолжала расширяться. Но судебную комиссию это не волновало. Свое дело она сделала. Положительную оценку работе администрации лагеря дала. Неясно только, откуда в лагере брались новые тысячи заболевших пленных?

Все это свидетельствует о том, для высших польских властей ситуация в лагерях для пленных была предельно проста. Администрация лагерей проявляла **«необыкновенную заботу» о «большевистских пленных»** и в бедственном их положении были виноваты лишь **«материальные недостатки»**. Такая позиция польских властей говорила, прежде всего, о нежелании менять ситуацию в лагерях. А это прямое свидетельство о целенаправленной политике по созданию и сохранению невыносимых для жизни красноармейцев условий.

Следует признать, что польское военное руководство в 1920 и 1921 г. издало немало нормативных документов, которые, казалось бы, должны были радикально улучшить положение пленных красноармейцев в польских лагерях. Сборник «Красноармейцы в польском плену...» содержит более трех десятков таких инструкций, приказов, директив, распоряжений Верховного командования Войска Польского и Министерства военных дел Польши.

Помимо этого, 20 декабря 1919 г. на совещании в Верховном командовании Войска Польского (ВК ВП), был учрежден инспекторат по контролю за «исполнением изданных Верховным командованием инструкций по делам пленных» (Красноармейцы. С. 134). 9 апреля 1920 г. приказом ВК ВП для проверки состояния заведений для военнопленных, подведомственных армии, были созданы специальные инспекционные комиссии в армиях Войска Польского. В приказе об их создании, в частности, говорилось: «Отношение к пленным является не только гуманитарной, но и политической проблемой... Зло необходимо решительно искоренять» (Красноармейцы... С. 183). Однако, работа этих инспекций, мягко говоря, оставляла желать лучшего.

6 декабря 1920 г. военный министр Польши К.Соснковский издал приказ о мерах по кардинальному улучшению положения военнопленных (Красноармейцы... С. 430). В приказе отмечалось, что предыдущие распоряжения министра были исчерпывающими, но они не выполнены. Приказано осуществить меры по улучшению питания пленных и санитарного состояния лагерей. Предложено начальникам санитарного, хозяйственного и строительного департамента назначить **специальные органы, которые изучат фактическое состояние в лагерях и немедленно устранят замеченные недостатки.** С 15 декабря 1920 г. командиры лагерей должны были давать в министерство ежедневные телеграфные сводки (Красноармейцы... С. 432).

Однако и этот «грозный» приказ исполнялся, точнее не исполнялся, также, как и другие не менее грозные приказы. Одной из причин подобного положения, вероятно, являлось то, что **высшее польское руководство «большевистских пленных» не воспринимало как ЛЮДЕЙ.**

Подобное отношение польских властей подтверждают следующие факты. В большинстве польских лагерей военнопленных отсутствовали матрасы, сеники, подушки и одеяла. Военнопленные спали на голых досках или прямо на полу. Понятно, что у молодого государства возможности были ограниченные, но соломой пленных, вероятно, можно было обеспечить. Для этого надо было лишь желание.

Объяснить запущенное до крайности состояние, в котором жили советские военнопленные в польских лагерях, не только в 1920 г. но и в 1921 г., можно только полным безразличием (если не сказать больше) властей к их судьбе. Обвинять в подобном положении самих военнопленных некорректно, если учесть, что внутренняя структура польских лагерей напоминала армейскую, только дисциплина в лагерях была значительно жестче. Известно, что, если в армии сержанты и офицеры не следят за порядком и не контролируют, чтобы «отхожие места» регулярно чистились, то через месяц в них нельзя зайти. Материальная сторона дела здесь не причем.

А о чем говорит тот факт, что во многих польских лагерях в течение длительного времени не решался вопрос отправления военнопленными естественных потребностей в ночное время? Так, в лагере Стшалково в течение трех лет не смогли (или не захотели) решить этот вопрос. В бараках туалеты и параша отсутствовали, а лагерная администрация под страхом расстрела запрещала выходить из после 6 часов вечера из барачков.

Причем здесь речь идет не о досадных частных случаях, а о системе отношения к пленным красноармейцам. Об этом свидетельствуют следующее. Капитан медслужбы д-р Копытинский еще в июне 1919 г информировал Санитарный департамент Минвоендел Польши о ситуации в лагере Стшалково. «Борьбу с эпидемией (сыпного тифа. — Авт.)...затруд-

няли два фактора: 1) постоянное отбирание у пленных белья; 2) наказание пленных всего отделения тем, что их не выпускали из барачных по три дня и более» (Красноармейцы... С.115):

Через два с половиной года, в ноте РУД от 29 декабря 1921 г. отмечалось, что: «Были случаи, когда военнопленных по 14 часов не выпускали из барачных, люди принуждены были отправлять естественные потребности в котелки, из которых потом приходится есть».

В конце концов дело закончилось тем, что: «в ночь на 19 декабря 1921 г., когда пленные выходили в уборную, неизвестно по чьему приказанию был открыт по барачным огонь из винтовок, причем был ранен спящий на нарах К.Калита». Днем в лагере повторно последовал обстрел барачных, в результате которого было ранено 6 пленных, а военнопленный Сидоров — убит (Красноармейцы... С. 696, 698).

Подобная ситуация была не единственной. Упомянутый Подольский (Вальден) писал: «*Ночью по нужде выходить опасались. Часовые как-то подстрелили двух парней, вышедших перед рассветом из барачного, обвинив их в попытке к бегству*» (Новый мир. № 5, 1931. С. 88). В других лагерях пленных красноармейцев в случае выхода из барачного ночью расстреливали без всяких церемоний.

Л.Гиндин вспоминает начальника концентрационной станции пленных и интернированных в Рембертове полковника Болеслава Антошевича, который, приказал охране «обращаться с большевиками, как с собаками». Непосредственно это выражалось в том, что охранниками поставили 15-летних мальчишек, одев их в военную форму и дав приказ стрелять в выходивших по нужде ночью из барачного пленных. Каждое утро на территории лагеря находили убитых (http://www.krotov.info/librali/ry/k/krotov/lb_01.html#4).

Документы сборника «Красноармейцы в польском плену...» формируют твердое убеждение в том, что исполнители на местах руководствовались вовсе не грозными и правильными приказами из Варшавы, а конкретными распоряжениями своих непосредственных начальников, действовавших на основании секретных договоренностей и устных директив высших польских руководителей.

Даже крайне осторожный в своих оценках, профессор Г.Матвеев отмечает, что *«поневоле возникает мысль не только о состоянии дисциплины среди командного состава польской армии, но и, возможно, об осознанной политике военных в отношении находившихся в их безраздельном ведении «пленных большевиков»»* (Матвеев. «Еще раз о численности...» Новая и новейшая история. № 3, 2006).

Реальная позиция высших польских властей по отношению к «большевистским пленным» была изложена в протоколе 11-ого заседания Смешанной (Российской, Украинской и Польской делегаций) комиссии от 28 июля 1921 г. В нем отмечается, что: *«когда лагерное командование считает возможным ...предоставление более человеческих условий для существования военнопленных, то из Центра идут запрещения»* (Красноармейцы. С. 643).

В том же протоколе отмечалось, что: «Польская делегация неоднократно нам заявляла, что ею принимается меры по устранению этих позорных явлений... Но, к сожалению, весь дальнейший ход нашей работы не оправдал наших надежд» (Красноармейцы... С. 642).

Атташе Полпредства РСФСР Е.Пашуканис в своей справке от 10 августа 1921 г. пишет: *«В то же время поляки не сообщили нам ни одного результата тех исследований, которые они обещали по поводу указанных нами конкретных фактов, ни одного приговора, ни одного случая предания суду»*.

Е.Пашуканис также констатирует: *«При посещении лагеря (Стшалково) нашими делегатами им удавалось иногда добиваться некоторых улучшений в жизни пленных. Так, например, при первом посещении лагеря в Стшалково наш делегат т. Корзинов добился весьма существенных улучшений, которые были зафиксированы в протоколе, подписанном администрацией лагеря. Однако Центр эти льготы отменил, а лагерная администрация, получив выговор за свою уступчивость, постаралась исправить ошибку, еще более увеличив гнет»* (Красноармейцы. С. 650—651).

Все это свидетельствует о явно продуманной линии поведения высшего руководства Польши. Оно, маскируясь гу-

манными инструкциями и директивами, препятствовало в 1919—1920 гг., любым улучшениям условий содержания пленных красноармейцев в лагерях, тем самым предоставив голоду, холоду, болезням и бесчинствам охраны возможность умертвить десятки тысяч пленных красноармейцев.

Польская сторона весьма преуспела в создании системы наказаний и издевательств, унижающих человеческое достоинство военнопленных и интернированных. Давно известно, что голый человек чувствует свою ущербность. Не случайно, спецслужбы многих стран допрашивают подозреваемых раздетыми. В польских лагерях, и это уже отмечалось, пленные красноармейцы основном были раздеты и разуты на протяжении всех трех лет плена. Свидетельств этого более чем достаточно. В протоколе 11-го заседания Смешанной (Российской, Украинской и Польской делегаций) комиссии по репатриации от 28 июля 1921 г. также отмечалось: «Пленные босы, раздеты и разуты часто донага» (Красноармейцы... С. 646). Объяснения польской стороны подобной ситуации трудностями военного времени, также несостоятельны. Напомним, что проф. З.Карпус и В.Резмер уверяют, что с февраля 1921 г. ситуация в лагерях нормализовалась.

Жесткий запрет грабежа красноармейцев при попадании в плен, когда их прямо на поле боя раздевали до нижнего белья, вообще не требовал материальных затрат. Надо было всего лишь добиться выполнения приказов и распоряжений собственными военнослужащими. Но это требовало не только политической воли и желания, но, прежде всего, отношения к советским военнопленным, как людям. Этого не было.

В лагерях и тюрьмах военнопленных заставляли руками чистить уборные, а если они отказывались, то их избивали. Подольского (Вальдена) после пленения также заставили чистить туалет руками, после этого, не дав вымыть руки, заставили есть пищу («Новый мир». № 5, с. 83). В Бобруйской тюрьме военнопленному перебили руки только за то, что он не выполнил приказание выгрести нечистоты голыми руками (Райский. С. 8). В лагере Стшалково военнопленных за-

ставляли вместо лошадей возить собственные испражнения. Они таскали и плуги и бороны (Красноармейцы... С. 558). Подобные случаи были и в других лагерях.

В справке Е Пашуканиса от 10 августа 1921 г. приводятся следующие факты издевательств над военнопленными: *«В дружине на форте Зегж пленные ходят в лохмотьях. Солома, на которой спят пленные, менялась 11 раз за 11 месяцев.»*

В 73 рабочей дружине в Демблине применяется другая отвратительная мера наказания: пленные ставятся под ружье с тяжестью от 4 до 6 пудов на несколько часов.

Помимо этих жестоких мер наказания в лагерях процветает наличная кулачная расправа с пленными. ...Отмечается применение репрессий к пострадавшим в случае принесения ими жалоб... В Мокотове одежды пленных, которые жаловались, отмечались красной краской, и их после гоняли на более тяжелые работы» (Красноармейцы С. 649, 650).

В сборнике «Красноармейцы в польском плену...» приводятся факты, что даже во время следования в Советскую Россию по обмену пленными над красноармейцами продолжали издеваться. Избивали, заставляли голыми руками убирать туалеты, отнимали продукты.

Документы и свидетельства, содержащиеся в сборнике «Красноармейцы в польском плену...» позволяют с большой степенью уверенности утверждать о планомерном и буквальном истреблении голодом и холодом, розгой и пулей красноармейцев в польских лагерях для военнопленных, при преступном попустительстве высших польских властей.

Можно также сформулировать вывод о том, что в Польше predeterminedность гибели пленных красноармейцев определялась не только позицией вышестоящих властей, а общим антироссийским настроением польского общества — чем больше подохнет большевиков, тем лучше.

Преступление режима Пилсудского состоит в создании и поддержании в польской армии и польском обществе таких настроений, при которых пленные красноармей-

цы рассматривались как не заслуживающие цивилизованного обращения.

Исходя из вышеизложенного, утверждение польских историков З.Карпуса и В.Резмера, сформулированное в польском предисловии к сборнику *«Красноармейцы в польском плену...»* о том, что: *«нет никаких документальных свидетельств и доводов для обвинения и осуждения польских властей в проведении целенаправленной политики уничтожения голодом или физическим путем большевистских военнопленных»* представляется ложным (Красноармейцы... С. 25).

Таким же является утверждение Генпрокурора Польши Х.Сухоцкой о том, что гибель пленных красноармейцев была обусловлена *«общими послевоенными условиями»*.

Заметим, что пан Карпус в российских архивах обнаружил секретный доклад польской контрразведки (2-ого отдела Генштаба) армейскому командованию, датированный октябрём 1920 года. Описывая истинное положение дел в одном из крупнейших польских концлагерей, где содержались русские, контрразведчики признавали, что конвоиры зачастую нарушают приказы, жестоко обходясь с заключёнными. *«Конечно, сами пленные понимают, что в условиях войны польскому командованию трудно уследить за соблюдением законности, но и Польскому командованию надо иметь в виду, что тяжелейшие условия проживания пленных могут послужить поводом для успешного проведения большевиками антипольской пропаганды. Беззаконие, царящее там, сводит на нет усилия польской антибольшевистской пропаганды в Красной Армии. Все это может оказать негативное влияние на ход войны и на будущее польско-российских отношений.»*

...В лагере царят невыносимые санитарные условия: грязные пленные дурно пахнут, но их дезинфекция практически невозможна, поскольку, с одной стороны, нет стиральных средств, а с другой — одежда узников настолько ветхая, что она не выдержит стирки. Так как нет дров, на 100 человек дается 8—10 ведер теплой воды для мытья. Большинство пленных — голые люди. Те, кто может, идут

в 6 утра на работу в одном белье, в том числе и в зимние месяцы. Рацион не дает им возможности умереть от голода, но пищи явно не хватает. Пленные не получают сигарет, и потому свои и без того скудные пайки они меняют на табак. Голод приводит к эпидемиям болезней, которые угрожают перекинуться на местных жителей. Хотя рацион предусматривал выдачу каждому ежедневно двух кружек кофе с сахаром, 150 гр. хлеба, половину селедки и половину котелка жидкой похлебки без мяса, на деле все обстоит гораздо хуже».

В докладе отмечается, что русские пленные, сдавшиеся добровольно, возмущены тем, что к ним относятся так же, как к тем, кого пленили насильно. *«Нас обманули, — говорят они. — Нас хотят уморить голодом только потому, что мы русские. И мы будем мстить».* Эти люди, делает неутешительный вывод контрразведка, впоследствии могут стать яркими антипольскими агитаторами (А. Смирнов. Беспамятство. «Позиция», 15 декабря 2007, Тверь).

В докладе содержится признание, что польские пленные в России получают питание лучше, чем русские в Польше. Не будем акцентировать тот факт, что текст вышеприведенного рапорта был обнародован, благодаря польскому, а не российскому историку. Заметим, что доклад свидетельствует об определенной направленности политики высшего польского руководства в отношении русских военнопленных. Но пан Карпус предпочел этого не заметить.

Нетерпимость

Что же обусловило столь бесчеловечное отношение поляков к пленным красноармейцам? Анализ общественно — политической ситуации в Польше 20-х годов прошлого столетия свидетельствует о явных русофобских настроениях в польском обществе. Еще большая нетерпимость проявлялась по отношению к советскому, т. е. комиссарско-еврейскому, как считали тогда в Польше. Соответственно, отношение к

пленным красноармейцам определялось не только идеологическими, но и национально-расовыми мотивами.

Соответственно, к русским белогвардейцам, интернированным в польских лагерях, отношение было также жестоким. Об этом писал в своем письме от 21 декабря 1920 г. Начальнику польского государства Юзефу Пилсудскому неприимимый борец с большевизмом Борис Савинков. В письме обращалось внимание: «...на бедственное положение офицеров и добровольцев армий генералов Булак-Булаховича и Перемыкина, находящихся в концентрационных лагерях...» (Красноармейцы... С. 458).

Белогвардейская Отдельная русская армия (из состава Добровольческой армии генерала А.Деникина) под командованием генерала Николая Бредова была в 1920 г. была размещена в лагере для пленных в Стшалково. Циммерман, адъютант Бредова в воспоминаниях писал. *«Один из полковников, заведовавший лагерями, в резкой форме спросил меня: понимаю ли я, что я нахожусь в пределах польского государства и что обращения к иностранным военным миссиям совершенно неуместны и могут иметь лишь отрицательные последствия...»*

В военном министерстве сидели почти исключительно «пилсудчики», относившиеся к нам с нескрываемой злобой. Они ненавидели старую Россию, а в нас видели остатки этой России... Военное министерство систематически давало в газеты, особенно в левую прессу, ложные сведения о наших частях, а затем, под предлогом «общественного мнения», то же самое министерство принимало меры репрессий по отношению к своим беззащитным жертвам...»

Начальник штаба армии Бредова Борис Штейфон описывал впечатления от Варшавы 1920 г., куда он был направлен по делам: «Русского в Варшаве ничего не осталось. Нетерпимость доходила до того, что гимназия (около памятника Копернику), отделанная раньше в русском стиле, стояла с отбитой штукатуркой и выделялась, как грязное пятно, на фоне остальных зданий».

В то же время, будучи в Познани, Б.Штейфон отмечает, что: «Насколько в Варшаве было все польское и русского ничего не осталось, настолько в Познани все немецкое сохранилось. Названия улиц, вывески, книжные магазины, объявления — все это пестрело немецкими названиями. Польская речь слышалась только изредка и совершенно тонула среди отовсюду слышавшихся немецких слов» (Штейфон. Бредовский поход).

Странная избирательность польских националистов?! В настоящее время происходит нечто подобное. Как уже говорилось, некоторые политические силы в Польше стремятся представить период коммунистической власти как советскую «оккупацию», более страшную, нежели нацистская.

Наиболее ярко тогдашние антироссийские настроения сформулировал тогдашний заместитель министра внутренних дел, а в будущем министр иностранных дел Польши, Юзеф Бек: *«Что касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, которую у нас испытывают по отношению к ней»* (Сиполс. Тайны дипломатические, с. 35). Бек хорошо знал настроения в польском обществе.

Неплохо знал о них, родившийся и проведший юные годы в Польше, командующий Добровольческой армией Антон Иванович Деникин, Вот что он пишет в своих воспоминаниях о жестоком и диком прессе полонизации, придавившим русские земли, отошедшие к Польше по Рижскому договору (1921): *«Поляки начали искоренять в них всякие признаки русской культуры и гражданственности, упразднили вовсе русскую школу и особенно ополчились на русскую церковь. Мало того, началось закрытие и разрушение православных храмов»* (Деникин. Путь русского офицера, с. 14).

В то время в Польше было разрушено 114 православных церквей, в том числе был взорван уникальный по своей культурной значимости варшавский кафедральный собор святого Александра Невского, имевший в своем собрании более десяти тысяч произведений и предметов мировой художественной ценности. Оправдывая это варварское деяние, газета «Го-

лос Варшавски» писала, что *«уничтожив храм, тем самым мы доказали свое превосходство над Россией, свою победу над нею»*.

Отношение к русским и советским в 1919—1922 гг. в Польше было неприкрыто враждебное. Даже члены Российско-Украинской делегации (РУД) по репатриации пленных в Варшаве систематически подвергались оскорблениям. В телеграмме председателя РУД Е.Игнатова наркому Г.Чичерину от 3 мая 1921 г. о пребывании делегации в Варшаве и отношении к ним польского общества и польской прессы. «Отношение... в значительной мере враждебное и недопустимое даже с точки зрения буржуазных международных отношений и правил приличия» (Красноармейцы. С. 552—553).

В Польше были люди, не опьяненные националистическим и политическим дурманом, которые пытались изменить ситуацию в лагерях военнопленных к лучшему. В 1919 г. в Министерстве военных дел Польши безуспешную борьбу за улучшение ситуации в лагерях пленных вел начальник Санитарного департамента этого министерства генерал-подпоручик Здислав Гордынский. До своего, вероятно, вынужденного ухода в январе 1920 г., он не давал покоя военному министру своими докладами и записками. Его поддерживал профессор Эмиль Годлевский, Чрезвычайный комиссар по делам борьбы с эпидемиями, впоследствии начальник Санитарного департамента.

Судьба Э.Годлевского неясна. По данным именного списка, приведенного в сборнике *«Красноармейцы в польском плену...»* он ушел с поста Чрезвычайного комиссара 31 августа 1920 г., хотя в сборнике приведены его докладные записки министру от 16 ноября и 2 декабря 1920г., где он фигурирует, как начальник Санитарного департамента и Верховный чрезвычайный комиссар. Но это не так важно. Важнее реакция военного руководства Польши на докладные З.Гордынского и Э.Годлевского.

Так, письмо (точнее крик души) Э.Годлевского от 2 декабря 1920 г. военному министру К.Соснковскому о тяжелых условиях размещения военнопленных в Пулавах и Вадо-

вице военными чиновниками было переправлено, как сотни других писем с препроводительной запиской, в I (мобилизационно-организационный) отдел Минвоендел. Как известно, вплоть до смерти начальника станции в Пулавах в апреле 1920 г., там ничего не менялось. В результате 900 пленных из 1100 (81,8%), размещенных в Пулавах, за зиму 1920/21 гг. умерли. Однако в настоящее время в Пулавах известно лишь одно захоронение на 200 пленных.

Немало сделали для спасения пленных красноармейцев многие польские врачи. Некоторые из них стали жертвами эпидемий. Но, к сожалению, таких людей в Польше было явное меньшинство и они не в силах были изменить общую политику в отношении пленных красноармейцев.

Предтечи Освенцима

Поистине бесчеловечными были условия содержания «большевистских военнопленных», как красноармейцев называли в Польше, в лагерях для военнопленных. В декабре 1920 г. Верховный Чрезвычайный комиссар по делам борьбы с эпидемиями Э.Годлевский, в своем письме военному министру Польши Казимежу Соснковскому положение в лагерях военнопленных характеризовал как «просто нечеловеческое и противоречащее не только всем требованиям гигиены, но вообще культуре» (Красноармейцы... С. 419).

В протоколе 11-го заседания Смешанной (Российской, Украинской и Польской делегаций) комиссии по репатриации от 28 июля 1921 г. была сформулирована общая оценка ситуации, в которой находились пленные красноармейцы в польских лагерях, вплоть до выезда в Россию. Отмечалось, что: *«РУД никогда не могла допустить, чтобы к пленным относились так бесчеловечно и с такой жестокостью... РУД делегация не вспоминает про тот сплошной кошмар и ужас избиений, увечий и сплошного физического истребления, который производился к русским военнопленным красноармейцам, особенно коммунистам, в первые дни и месяцы пленения»* (Красноармейцы... С. 642).

Не менее жестко в адрес польских властей в феврале 1923 г. высказался в своем докладе НКВД РСФСР председатель РУД Е.Я.Аболтин: **«Может быть, ввиду исторической ненависти поляков к русским или по другим экономическим и политическим причинам военнопленные в Польше не рассматривались, как обезоруженные солдаты противника, а как бесправные рабы.»**

Содержа пленных в нижнем белье, поляки обращались с ними не как с людьми равной расы, а как с рабами. Избиения в/пленных практиковалось на каждом шагу...» (Красноармейцы... С.704).

Лагерная Голгофа для пленных красноармейцев начиналась с сортировки по политическому признаку. «После врачебного осмотра специально назначенные офицеры II отдела проводят политическую сортировку пленных» (Красноармейцы... С. 194).

Согласно инструкции II отдела Министерства военных дел Польши о порядке сортировки и классификации большевистских военнопленных от 3 сентября 1920 г.: «Всех без учета национальности — большевистских комиссаров, советских сановников, инструкторов и членов коммунистических партий (комъячейки и политруки), агитаторов т. д. — немедленно отделить и изолировать. Бараки и окружение должны охраняться особыми постами» (Красноармейцы... С. 280).

После отделения политического элемента, сортировка в лагерях осуществлялась только по национальному признаку: пленные русской национальности, поляки, украинцы, пленные литовцы, эстонцы, финны и латыши и т. д. «Большевистские пленные русские (после отделения большевистского элемента) делились на три группы»: офицеры и рядовые, русские пленные, пленные казаки. Пленные евреи также должны были: «отделены, помещены отдельно и изолированы» (Красноармейцы... С. 281—282). В особо тяжелых условиях, помимо коммунистов, оказывались пленные русской и еврейской национальности.

Русские пленные составляли абсолютное большинство так называемых «большевистских пленных». В основном,

именно им пришлось испытать всю чашу мучений до дна. Хуже относились лишь к коммунистам и евреям.

Об условиях содержания «большевистских пленных» и коммунистов достаточно красноречиво свидетельствует пример лагеря Стшалково. Здесь в июне 1919 г., уже упомянутый И.Копыстинский, отмечал в своем отчете: «Переполненность барачков более значительная в большевистской группе Грязная солома, предназначенная в качестве постели небрежно разбросана по земле, так как большевистские бараки не имеют нар для сна... Заметно общее отсутствие белья» (Красноармейцы... С. 115).

Через 15 месяцев Ст.Семполовская пишет: «19 октября 1920 г. барак для пленных коммунистов был так переполнен, что, входя в него посреди тумана было вообще трудно что бы то ни было рассмотреть. Пленные были скучены настолько, что не могли лежать, а принуждены были стоять, облокотившись один на другого» (Красноармейцы... С. 349—350).

Администрация лагеря Стшалково в октябре 1920 г. пообещала Ст.Семполовской, что коммунисты вместо одного барака-землянки будут «разделены на 2—3 землянки» (Красноармейцы... С. 428). Однако положение коммунистов в лагере по-прежнему оставалось крайне тяжелым. С.Семполовская в декабре 1920 г. пишет в Польское общество Красного Креста о том, что: «евреи и «коммунисты» содержатся отдельно и лишены целого ряда прав, которыми пользуются другие категории пленных. Они... совершенно лишены подстилки из соломы, хуже всех одеты, почти разуты...» (Красноармейцы... С. 428—429). Ситуация, продолжающаяся на протяжении более полутора лет, позволяет говорить о системе, господствовавшей в то время в польских лагерях.

В 1960 г. в СССР была издана книга бывших заключенных Освенцима Ота Крауса № 73046 из Праги и Эриха Кулки № 73043 из Всетина «Фабрика смерти». Зверства охраны и условия жизни в польских лагерях для военнопленных весьма напоминают Освенцим. Для сомневающихся приведем несколько цитат из этой книги.

О.Краус и Э.Кулка пишут, что комендант лагеря Освенцим без всякого разбора дела: «...объявлял приговор провинившимся заключенным. Чаще всего назначались двадцать ударов плетью... Вскоре в разные стороны летели окровавленные клочья ветхой одежды...». Наказываемый при этом должен был считать количество ударов. Если сбивался, экзекуция начиналась сначала.

«Для целых групп заключенных...обычно применялось наказание, которое называлось «спортом». Заключенных заставляли быстро падать на землю и вскакивать, ползать попластунски и приседать... Перевод в тюремный блок был обычной мерой за определенные проступки. А пребывание в этом блоке означало верную смерть... В блоках заключенные спали без тюфяков, прямо на голых досках... Вдоль стен и посередине блока-лазарета были установлены нары с тюфяками, пропитанными человеческими выделениями... Больные лежали рядом с умирающими и уже мертвыми заключенными» (Фабрика смерти. С. 76, 77, 79, 83).

В материалах сборника **«Красноармейцы в польском плену...»** можно найти немало схожих моментов из жизни польских лагерей. Так, летом 1919 г в лагере Стшалково, помощник начальника лагеря «поручик Малиновский ходил по лагерю в сопровождении нескольких капралов, имевших в руках жгуты-плетки из проволоки» (Красноармейцы. С. 823).. *Примечание: некоторые авторы называют Малиновского начальником лагеря, но до ноября 1919 г. начальником лагеря Стшалково являлся капитан Вагнер.*

Необходимо заметить, что российский историк Райский Н.С. в своем исследовании **«Польско-советская война...»** отмечал, что и в других лагерях «били плетями, изготовленными из железной проволоки из электропроводов» (Райский. С. 18).

Нередко Малиновский приказывал пленному ложиться в канаву, а капралы начинали избивать. «Если битый стонал или просил пощады, пор. Малиновский вынимал револьвер и пристреливал... Если часовые застреливали пленных пор. Малиновский давал в награду 3 папироски и 25 польских ма-

рок... Неоднократно можно было наблюдать... группа во главе с пор. Малиновским влезала на пулеметные вышки и оттуда стреляла по беззащитным людям» (Красноармейцы... С. 655).

В лагере Стшалково в 1919 г. группа латышей, добровольно сдавшихся в польский плен, была подвергнута командой Малиновского зверским издевательствам. «Началось с назначения 50 ударов розгой из колючей проволоки, причем им было заявлено, что латыши как «еврейские наймиты» живьем из лагеря не выйдут. Более десяти пленных умерли от заражения крови. Затем в течение трех дней пленных оставили без еды и запретили под страхом смерти выходить за водой. Двух пленных Лациса и Шкурина расстреляли без всякой причины» (Красноармейцы... С. 146—146).

О ситуации в лагере стало известно журналистам и поручик Малиновский был «отдан под суд», а вскоре был арестован и капитан Вагнер (Красноармейцы, с. 86, 147).. Но какие-либо сообщения о понесенных ими наказаниях — отсутствуют. Вероятно, дело было спущено на «тормозах», так как Малиновскому и Вагнеру было предъявлено обвинение не в убийствах, в «злоупотреблении служебном положении» (Красноармейцы. С... 85).

К сожалению, аресты Малиновского и Вагнера мало способствовали нормализации ситуации в Стшалково. Через два года, 28 июля 1921 г. Смешанная (Российская, Украинская и Польская делегации) комиссия по репатриации отмечала, что в лагере Стшалково: *«Польское командование лагеря как бы в отместку после первого приезда нашей делегации резко усилило свои репрессии... Красноармейцев бьют и истаязают по всякому поводу и без повода...избиения приняли форму эпидемии»* (Красноармейцы... С. 643).

На этом заседании Смешанной комиссии прозвучало описание карцера в Стшалково, который представлял *«небольшие, менее двух кубических сажений, каморки, в которые сразу сажали от 10 до 17 человек, причем часто арестованных раздевают донага и дают горячую пищу через два дня»* (Красноармейцы... С. 644).

21 декабря 1921 г. в этом лагере представители РУД констатировали: «Обращение с заключенными со стороны администрации лагеря жестокое. Аресты на каждом шагу. Условия ареста невозможные. Ежедневно арестованных выгоняют на улицу и вместо прогулок, гоняют бегом, приказывая падать в грязь... Если пленный отказывается падать или, упав не может подняться обессиленный его избивают ударами прикладов или заставляют в наказание носить на спине интернированных петлюровцев» (Красноармейцы... С. 695).

Побои и издевательства были непременным атрибутом быта всех польских лагерей. Прошедший все круги польского плена ранее упомянутый культработник РККА Я. Подольский (Вальден) писал: *«Пресловутая инсценировка к бегству и оскорбление начальства стоили жизни не одной сотне наших военнопленных. Длинные прутья всегда лежали наготове... при мне засекли двух солдат — парней, пойманных в соседней деревне. Они собирались бежать... Подозрительных зачастую переводили в особый барак — штрафной барак штрафного лагеря — оттуда уже не выходил почти никто»* (Новый мир. № 5, 1931. С. 88).

В июне 1920 г. пунктом 20 инструкции Минвоендел Польши наказание пленных поркой в польских лагерях было *«строго запрещено»* (Красноармейцы... с.225). Однако вернувшийся из польского плена А. Мацкевич рассказывал, что осенью 1920 г. в белостокском лагере *«многие погибали от побоев. Одного красноармейца (фамилии не помню) капрал по бараку так сильно избил палкой, что тот не в состоянии был подняться и встать на ноги. Второй, некто Жилицкий, получил 120 прутьев...»* (Красноармейцы, с.175).

18 июня 1921 г. красноармейцы из 133 рабочей команды из Демблина. писали в РУД, что за жалобы на действия охраны *«дадут от 15 до 25 розг. За побег или даже подозрение к побегу бьют розгами от 25 до 35»* (Красноармейцы... С. 598)

Однако вернемся в 1919 г. Начальник Санитарного департамента Министерства военных дел Польши генерал-подпоручик Здзислав Гордынский в своей докладной записке военному министру приводит письмо подполковника К. Хабихта

от 24 ноября 1919 г. о ситуации в лагере пленных в Белостоке, в котором говорится: *«Я посетил лагерь пленных в Белостоке и сейчас, под первым впечатлением, осмелился обратиться к господину генералу, как главному врачу польских войск, с описанием той страшной картины, которая предстает перед каждым прибывающим в лагерь...»*

Вновь то же преступное пренебрежение своими обязанностями всех действующих в лагере органов навлекло позор на наше имя, на польскую армию так же, как это имело место в Брест-Литовске... В лагере на каждом шагу грязь, неопрятность, которые невозможно описать... Перед дверями барачных кучи человеческих испражнений, которые растаптываются и разносятся по всему лагерю тысячами ног. Больные до такой степени ослаблены, что не могут дойти до отхожих мест, с другой стороны отхожие места в таком состоянии, что к сидениям невозможно подойти, потому что пол в несколько слоев покрыт человеческим калом.

Сами бараки переполнены, среди «здоровых» полно больных. По моему мнению, среди тех 1.400 пленных здоровых просто нет. Прикрытые тряпьем, они жмутся друг к другу, согреваясь взаимно... В бараке, который должны были как раз освободить, лежали среди других больных двое особенно тяжело больных в собственном кале, сочащемся через ветхие портки, у них уже не было сил, чтобы подняться, чтобы перелезть на сухое место на нарах.

...Отсутствие одеял приводит к тому, что больные лежат, укрывшись бумажными сенниками» (Красноармейцы... С. 106—107).

Генерал Э. Гордынский признал, что: «причина зла, и, причем существенная... — это неповоротливость и безразличие, пренебрежение и невыполнение своих обязанностей...» (Красноармейцы... С. 108). К сожалению, такое отношение администрации польских лагерей к военнопленным было повсеместным и на протяжении трех лет менялось незначительно. Ситуация, которую подполковник К. Хабиخت увидел в ноябре 1919 г. в лагере Белостока, достаточно часто описывается в документах более позднего периода. Свидетельств этого в сборнике *«Красноармейцы в польском плену...»* немало.

К. Хабиخت в своем письме упомянул Брест-Литовск. Как уже отмечалось, в октябре 1919 г., уполномоченные Международного комитета Красного Креста (МККК) посетили лагерь военнопленных, расположенные в Брест-Литовске. Вот некоторые впечатления уполномоченных МККК: «Унылый вид этого лагеря (Буг-Шуппе), состоящего из развалившихся большей частью барачных, оставляет жалкое впечатление. От караульных помещений, также как и от бывших конюшен, в которых размещены военнопленные, исходит тошнотворный запах. Пленные...ночью, укрываясь от первых холодов, тесными рядами укладываются тесными группами по 300 человек...на досках, без матрасов и одеял.

Много юношей моложе 20 лет, поражающих своей бледностью, крайней худобой и блеском глаз, они гораздо труднее переносят голод, чем их старшие товарищи» (Красноармейцы... С. 88).

Необходимо отметить, что начальник Санитарного департамента З.Гордынский 06 августа 1919 г. лично посетил лагерь в Брест-Литовске. Об этом он писал так: «Пленные числом около 8 тысяч размещены в трех местах... Пленные частично лежат голых нарах, частично на деревянном или цементном полу, не имея ни клочка соломы или матраса для подстилки...Оборванные, прикрытые рваными остатками одежды, грязные, завшивленные пленные являют собой картину несчастья и отчаяния. Многие без обуви и белья... Питание пленных очень скромное...голод их постоянный спутник... Случаи голодной смерти не являются чем-то чрезвычайным...» (Красноармейцы... С. 115—116). Но ситуация после визита З.Гордынского не изменилась. Как потом выяснилось, она и не могла измениться.

Об этом свидетельствует отказ Санитарного департамента Минвоендела 13 сентября 1919 г. выделить дополнительно 4 врачей для госпиталя в Брест-Литовске (Красноармейцы... с.77). По всей вероятности, что-то или, вернее, кто-то помешал начальнику департамента генералу З.Гордынскому принять решение об оказании помощи Брест-Литовску. Об этом свидетельствует его доклад военному министру

от 9 декабря 1919 г., в котором он вновь достаточно жестко поднял вопрос о Брест-Литовске и других лагерях пленных и призвал министра: «напрячь все силы и сконцентрировать энергию в целях быстрого и радикального изменения этого плачевного состояния, которое может грозить катастрофой» (Красноармейцы... С. 114).

Но действенной реакции со стороны военного руководства Польши не последовало. В результате в Брест-Литовске осенью 1919 г. сложилась катастрофическая ситуация, когда: «две сильнейшие эпидемии опустошили этот лагерь в августе и сентябре (1919 г.) — дизентерия и сыпной тиф... Рекорд смертности был поставлен в начале августа, когда в один день от дизентерии скончалось 180 (сто восемьдесят) человек» (Красноармейцы... С. 91).

Доклад уполномоченных Международного комитета Красного Креста, инспектировавших в то время Брест-Литовск, фактически является обвинительным актом верховным польским властям в преступном попустительстве, а точнее способствовании гибели пленных красноармейцев.

По итогам проверки лагерей в Брест-Литовске разразился скандал. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, польские власти особых выводов из него не сделали, в том числе и в Брест-Литовске. Через год, после скандальных событий, в июле 1920 г. капитан Игнацы Узданский, начальник госпиталя для пленных № 2 в Брест-Литовске информирует начальство о том, что: «положение эпидемического госпиталя № 2 противоречит всем принципам не только гигиены и медицины, но и просто человечности» (Красноармейцы... С. 240). К. Узданский читил клятву Гиппократата и он не мог согласиться, чтобы военнопленные, пациенты его госпиталя были оставлены без всякой помощи. Но...

Осенью 1920 г. комендант лагеря в Брест-Литовске прибывшим военнопленным заявил: «Вы, большевики, хотели отобрать наши земли у нас, — хорошо, я дам вам землю. Убивать вас я не имею права, но я буду так кормить, что вы сами подохнете» (Красноармейцы... С. 175). Существует немало свидетельств того, что начальники большинства польских лагерей для пленных красноармейцев разделяли эту позицию.

Фактически не изменилась ситуация через год и в польском лагере военнопленных в Белостоке. Бывший политзаключенный А.П.Мацкевич рассказывал о положении, в котором там находились пленные красноармейцы осенью 1920 г. *«В бараке нас окружила толпа голых, оборванных и совершенно изголодавшихся людей, с просьбой — нет ли у кого из нас, прибывших, хлеба. Немного позже выяснилось, что пища в лагерях выдается такая, что ни один самый здоровый человек не сумеет просуществовать более или менее продолжительное время»* (Красноармейцы... С. 175).

Не лучше была ситуация и в других польских лагерях. Член комиссии Лиги наций профессор Мадсен, посетивший в конце ноября 1920 г. лагерь в Вадовицах назвал «одной из самых страшных вещей, которые он видел в жизни» (Красноармейцы... С. 421). Представляется необходимым подробнее остановиться на этом лагере. Прежде всего, процитируем рапорт начальника лагеря интернированных № 2 в Вадовице полковника Мечислава Полковского, написанный примерно тогда же, когда лагерь посещал профессор Мадсен — 25 ноября 1920 г.

Рапорт Полковского начинается патетически: «...для пленного лагерь — материнская учетная часть... о прибытии транспорта извещается главный врач, который проверяет состояние здоровья данного транспорта, после чего подвергает данный транспорт купанию и дезинфекции... Каждый пленный получает, если это возможно, сенник, подушку под голову и одеяло для укрывания... Пленные из каждого барака моются не менее двух раз в неделю... Осмотр пленных происходит в отдельном здании, состоящем из канцелярии, кабинета врача, смотрового помещения и лазарета...

Отношение к пленным строгое настолько, настолько это необходимо для поддержания дисциплины... Битье пленных строжайшим образом запрещено, и его вообще нет, также как нет жалоб на неправильное отношение к пленным со стороны рядовых Войска Польского» (Красноармейцы... С. 391).

О степени лживости этого рапорта свидетельствует не только заявление проф. Мадсена, но и уже упоминаемые нами

воспоминания бывшего узника лагеря в Вадовицах Якова Подольского (Вальдена). **Старшего врача лагеря в Вадовицах Бергмана**, о котором столь лестно отзывался Полковский, Подольский характеризует как «четвероногого и двуногого зверя». Он выходил на прием больных с хлыстом и собакой. «Подвергались осмотру только исполосованные хлыстом и искусанные больные». («Новый мир». № 5. 1931, с. 88). Далее Подольский отмечает: «В лагере по-прежнему голод, изнурительные работы, бесчеловечная жестокость, нередко доходившая до прямых убийств наших пленных на потеху пьяной офицерни» («Новый мир». № 6, 1931. С. 82).

Здесь необходимо прерваться. В 70-х годах прошлого столетия мне довелось общаться с одним из старожилов, жившим в Вильнюсском крае, как он говорил, *«при польском часе»*. Пан Тадеуш, как он представился, рассказал о страшных расправах над красноармейцами в польских лагерях. Говорил, что на них польские офицеры отрабатывали сабельные удары, выстраивая их в шеренги и на скаку срубая головы. Также рассказал о случае, когда польские офицеры распоролы красноармейцу живот, зашили туда kota и делали ставки, кто скорее умрет человек или кот. На официальном уровне в то время подобные факты замалчивались, Польша тогда считалась верным союзником СССР.

Относительно случая с красноармейцем и котом, возможно, кто-то пересказал пану Тадеушу свидетельство зам. генерального комиссара Гражданского управления восточных земель М.Коссаковского, который был очевидцем этого ужасного варварства. Возможно, это был другой очевидец. Этот случай впоследствии был описан в книге М. Мельтюхова *«Советско-польские войны. Белый орел против красной звезды»* (Мельтюхов. С. 43). А в статье П. Покровского *«Морозом и саблей»* («Парламентская газета», апрель, 2000) была названа фамилия одного из участников этого злодеяния — полковник Гробицкий, начальник штаба генерала А. Листовского. Впоследствии полковник Гробицкий попал в советский плен, но остался жив и здоров, В 1941 г.он был направлен из лагеря НКВД в армию генерала В.Андерса и вместе с ней отбыл в 1942 г. из СССР.

Польские авторы, описывая расстрелы польских офицеров в 1940 г., подчеркивают бесчеловечность советских властей, отмечая, что многие из них были юными, почти мальчиками. Да, это ужасно, но почему поляки с тем же негодованием не говорят о преступлениях своих военных. Тот же М.Коссаковский вспоминал, что, *«в присутствии генерала Листовского (командующего оперативной группой в Польше) застрелили мальчика лишь за то, что якобы он недобро улыбался»* (Мельтюхов. Сов.-польские войны. С. 42)

В 1920 г. украинские газеты писали: *« В Черкассы 4 мая доставлено 290 раненых из городов и местечек, занятых поляками. В основном женщины и дети. Есть дети в возрасте от года до двух лет... Раны нанесены холодным оружием»*. Напомним, что эти зверства поляки совершили еще до перехода в наступление Красной Армии.

Но вернемся к воспоминаниям Подольского (Вальдена), который описывал, как распределялась в лагере в Вадовицах помощь Красного Креста и благотворительных организаций. Эта помощь, в основном, сразу же отправлялась начальником лагеря на рынок. Но отчетные бумажки о том, что такая помощь поступала в лагерь, сохранялись.

Более того, визит представителя США в лагерь для выяснения как распределялась американская помощь и где *«теплые пушистые пледы из прошлой партии, поступившей в лагерь»* закончился безрезультатно. Подольский, будучи переводчиком в диалоге американца и начальника лагеря, безуспешно пытался объяснить американцу, что *«пледы давно уже были сплавлены полковником на рынок»*. Американец сделал вид, что он ничего не понял.

Особого разговора также заслуживает лагерь интернированных № 1 в Домбе под Краковом, в котором содержались помимо интернированных и пленные красноармейцы. Начальник этого лагеря полковник Станислав Тарабанович в ноябре 1920 г. бодро информировал начальство о нормальной ситуации в лагере: *«Всего пленных и интернированных в лагере 4.096... весь лагерь ежедневно подметается и сбрызгивается известью... все интернированные и пленные раз в не-*

делю купаются и одновременно их вещи отдаются в дезинфекцию... Спят на нарах или на койках... Лагерные туалеты опорожняются от кала бочковозами. ...Две трети интернированных и пленных имеют сеники, одеяла и шинели, и все — одежду, белье и обувь» (Красноармейцы... С. 372—373).

По мнению С.Тарабановича дополнительно в лагере следовало бы расширить мастерские, построить канализацию и сделать общий ремонт. Других проблем, по мнению полковника, в лагере не было. В то же время Н.Райский в книге «Советско-польская война...» пишет о бедственном положении лагеря в Домбе, который: «состоял из бараков с деревянными неплотными стенами, во многих из которых не было деревянных полов, Отопление должно было производиться железными печами. Кроватей и нар почти не было. Только в женских бараках было небольшое количество кроватей. Военнопленные спали на досках, на земле, поскольку соломы и сена почти не было» (Райский. С. 13—14).

Аналогичную картину увидел уполномоченный Ст.Семполовской, посетивший лагерь в Домбе в сентябре 1920 г.: «Большинство без обуви — совсем босые... Кроватей и нар почти нет... Ни соломы, ни сена нет вообще. Спят на земле или досках. Одеял очень мало. Полученные от Американского Красного Креста, говорят, отобраны. Мыла совсем не получают. В баню ходят приблизительно раз в 2 месяца. Нет белья, одежды; холод, голод, грязь ...Администрация не нашла возможным показать мне отхожие места, несмотря на мои неоднократные требования.

Книги есть. Но их не дают. Газеты некоторые покупают, но многим это не по карману. «Жаловались, что офицеры наносят побои», если жалуются, то за жалобу опять бьют» (Красноармейцы... С. 348).

В целом лагерь в Домбе был обычным польским лагерем для пленных и интернированных. Но можно ли назвать обычным то, что творилось в этом лагере. Ранее говорилось о бессудных расстрелах красноармейцев во время пленения. Тогда это объяснялось «возмездием» за подобное в отношении польских пленных. Однако в польских лагерях расстрелы пленных красноармейцев были повсеместным явлением.

О таком расстреле в лагере Домбе рассказывает Подольский (Вальден). *«Издевательские гигиенические купания стоили жизни не одному пленному... После бани нас отделили свирепым кордоном от остальной массы пленных. Несколько человек были расстреляны за попытку передать записку отъезжающим»* («Новый мир», № 6, с. 91). Необходимо заметить, что пленные отъезжали, по обмену, в советскую Россию. Передававшие записку, должны были ехать на Родину позже, но остались в польской земле навсегда.

Весной 1921 г. в лагере Домбе проводилось пополнение рабочих отрядов для местных помещиков. Пленные красноармейцы отказались вступать в них, так как это была верная смерть. В предыдущих командах вымерло за год три четверти состава. Тогда *«отказавшихся идти на работу начали убивать (на страх другим), производя это на глазах всех пленных и интернированных (особенно старался в этом направлении «plutonowy Soltys», жандармы (фамилии неизвестны), поручик Ремер) все это делалось в присутствии доктора капитана Суровца»* (Красноармейцы... С. 578). Все происходило с ведома начальника лагеря уже упоминаемого полковника С.Тарабановича.

В апреле 1921 г. вероятно, в связи с вышеописанным инцидентом, он был освобожден от обязанностей командира лагеря. Однако в донесении Тарабановича об акции протеста пленных, в котором он жалуется на несправедливое *«увольнение»*, нет никакого упоминания о расстрелах заключенных в лагере (Красноармейцы. С. 537). Вероятнее всего, факт бессудного расстрела пленных, как и в других подобных случаях, был замят. *Бессудные расстрелы в лагерях расстрелов не учитывались и они не расследовались* (Красноармейцы... С. 529).

Вместо Тарабановича начальником лагеря в Домбе был назначен полковник Сандецкий, при котором поручик Ремер стал *«фактическим хозяином лагеря»* (Красноармейцы... С. 606). При таком отношении польских властей к фактическим преступникам, каким являлся Ремер, немудрено, что ситуация в лагерях военнопленных не менялась к лучшему.

Уполномоченные РУД 3 июля 1921 г., т. е. через два месяца после назначения нового начальника лагеря, писали о результатах обследования лагеря в Домбе: «Военнопленные почти все одеты в рубище, многие не имеют белья или части его, некоторые не имеют ничего, кроме белья, очень многие не имеют обуви или имеют обувь совершенно рваную» (Красноармейцы... С. 605). Напомним, что основная масса «хороших» приказов и распоряжений польским руководством была к этому времени уже принята.

Необходимо рассказать, как расправлялась с пленными красноармейцами польская шляхта, на которую они работали в качестве рабов. Летом 2008 г. мне довелось беседовать с жителем Западной Украины Василем Байчуком. Он родился в селе Шешоры близ курортного города Косов Ивано-Франковской области.

В 1918 г. эта территория вошла в состав Речи Посполитой. Как рассказывал дед Василя, польский магнат граф Потоцкий (фамилия известная) рядом с живописными водопадами на речке Мистинцы у села Шешоры решил построить замок. В 1920 г. на его строительстве появились пленные красноармейцы, которые содержались в ужасных условиях.

После окончания строительства граф собрал на новоселье гостей. Рабы-красноармейцы были отпущены в лес, на них спустили собак и гости графа устроили охоту на людей. Погибших сбросили в яму, засыпали землей, а сверху возвели беседку. В августе 2008 г. во время сильнейшего наводнения в Карпатах беседку смыло, место изменилось и теперь для установления места захоронения красноармейцев необходимы крупномасштабные раскопки, на которые власти Украины вряд ли пойдут.

Бессудные расстрелы практиковались не только в Домбе, но и во многих польских лагерях. Пленные могли быть расстреляны по пустякам. Так, пленный красноармеец М.Шерстнев из белостокского лагеря 12 сентября 1920 г. был расстрелян только за то, что посмел возразить жене п/поручика Кальчинского в разговоре на офицерской кухне, который на этом основании приказал его расстрелять (Красноармейцы... С. 599).

В лагере Стшалково расстрелы были не редкостью вплоть до его закрытия. Как уже отмечалось, в 1919 г., пленных без повода, расстреливал поручик Малиновский и постерунки (часовые). В 1920—1921 гг. в пленных продолжали стрелять часовые. Члены РУД 19 июля 1921 г. стали свидетелями беспричинного расстрела военнопленных в Стшалково. В тот день в Россию отправлялась очередная партия пленных, которые стали бросать через изгородь остававшимся товарищам кружки и котелки. Это привлекло к ограде пленных, в которых охрана по приказу унтер — офицера открыла стрельбу. Красноармеец Сидоров был убит, шестеро — ранены (Красноармейцы... С. 645, 650). О расследовании этого преступного факта ничего не сообщалось.

Голодом и холодам

Польские историки, составители сборника «Красноармейцы в польском плену в 1919 — 1822 гг.», профессора З. Карпус и В. Резмер утверждают, что «В результате усилий польских властей... условия жизни военнопленных в лагерях в Польше в начале 1920 г, существенно улучшились... Улучшилось и питание в лагерях...

Начиная с февраля 1921 г. положение в лагерях в результате больших усилий польских военных и гражданских властей радикально улучшилось. К этому времени в лагеря было передано большое количество белья и одежды, а также существенно улучшилось снабжение продовольствием» (Красноармейцы... С. 20, 25).

В этой связи следует особо сказать о питании военнопленных в польских лагерях. В инструкции I департамента Минвоендел Польши от 17 мая 1919 были утверждены нормы продовольственного и денежного довольствия для пленных. По этим нормам каждому пленному в день полагалось хлеба — 500 г., мяса — 150 г., картофеля — 700 г., сырых овощей или муки — 150 г., 2 порции кофе по 100 г. и приправы. Мыла на месяц должно было выдаваться 100 г. Не богато, но

прожить можно было. Помимо этого, для истощенных плен-ных полагалось питание по специальной таблице «С» (Красноармейцы. С. 60).

В реальности эти нормы никогда не соблюдались. Они были дымовой завесой для польских властей перед мировым общественным мнением и международными комиссиями. В докладе Санитарного департамента Минвоендел Польши военному министру от 9 декабря 1919 г. отмечается, что во многих отчетах делегаты Санитарного департамента лагеря пленных называют «кладбищами полуживых и полуголых скелетов», «очагами мора и убийства людей голодом и нуждой». Сам начальник Санитарного департамента генерал З.Гордынський в своем отчете о посещении лагерей в крепости Брест-Литовска заявил: «Худоба многих пленных красноречиво свидетельствует о том, что голод — их постоянный спутник, голод страшный, который заставляет их кормиться любой зеленью, травой, молодыми листьями и т.д. Случаи голодной смерти не являются чем-то чрезвычайным...» (Красноармейцы... С. 114, 116)

Полковник медслужбы д-р Родзинський после посещения лагеря пленных в Пикулице под Пшемислом заявил, что там происходит: «Систематическое убийство людей!... Сохранение в лагере существующих условий его быта было бы равнозначно приговору всех пленных и интернированных на гибель и неизбежную, медленную смерть» (Красноармейцы... С. 117).

Согласно инструкции Минвоендел в лагерях должны были действовать буфеты. В отчете полковника Родзинського приводится пример того, как работал такой буфет в лагере пленных Пикулице. В буфете торговала «по сути для себя» жена начальника лагеря. Кусок белого хлеба в буфете стоил 1 крона 60 геллеров. Такой же кусок в перворазрядном ресторане Пшемисля стоил всего 1 крону (Красноармейцы... С. 119). Комментарии излишни.

Этот доклад начальника Санитарного департамента генерала З.Гордынський военному министру Польши стал, вероятно, «последней каплей» для польского руководства. До это-

го З.Гордынский 02 декабря 1919 г. направил крайне жесткую записку министру военных дел о тяжелом положении военнопленных и необходимости созыва межведомственного совещания по этому вопросу. Руководство министерства решило проблемы, которые волновали не в меру настойчивого генерала просто и эффективно. 20 февраля 1920 г. генерал был переведен на более спокойную работу, не связанную с пленными (Красноармейцы... С. 827).

Естественно, что по докладам З.Гордынского не было предпринято действенных мер. В результате в 1920 г. ситуацию с питанием пленных Ст.Семполовская характеризовала так: «...общее состояние дел с питанием следует признать (последние месяцы прошлого года) очень плохим... Не говоря уже о таких случаях, как обнаружение сена в желудке умершего пленного, что имело место в лагере Домбе...» (Красноармейцы... С. 583).

Не вызывает сомнения то, что продовольственная норма в полном объеме до пленных не доходила и не могла доходить. Смерть от истощения была обычным явлением в польских лагерях. Лучшее всего причины такого положения раскрыл Подольский (Вальден), который как бы, предвидя разгоревшиеся спустя 80 лет споры, писал: «Слышу протесты возмущенного польского патриота, который цитирует официальные отчеты с указанием, что на каждого пленного полагалось столько-то граммов жиров, углеводов и т. д. Именно поэтому, по-видимому, польские офицеры так охотно шли на административные должности в концентрационных лагерях» («Новый мир». № 5, с.88). Надо заметить, что голода в 1919—1922 гг. в Польше не было.

Критически настроенный читатель может заметить, что примеры из 1919 г. не вполне уместны. В польском плену в конце 1919 г. пленных красноармейцев было немногим более 13 тысяч (Красноармейцы... С. 9). Основное количество пленных красноармейцев погибло в осенне-зимний период 1920/21 гг.

Тем не менее, обращение к 1919 г. более чем обоснованно. Польские власти в 1919 г., даже для такого, сравнитель-

но, небольшого количества пленных не смогли, а точнее не захотели, обеспечить условия в соответствии с требованиями Женевской конвенции. Это еще одно подтверждение осознанно целенаправленной политики верховных польских властей по созданию невыносимых для жизни условий для «большевистских пленных».

Проф. З.Карпус и В.Резмер в предисловии ссылаются на свидетельство посла Великобритании в Германии Э.В. д'Абернона, который утверждал, что в августе 1920 г. русских военнопленных «здорово и хорошо кормят» (Красноармейцы... с. 23). Для понимания, что это ложная информация, достаточно прочесть показания вернувшегося из плена Андрея Прохоровича Мацкевича. В октябре 1920 г. он был доставлен в лагерь Белостока, в котором пленный в день получал: «небольшую порцию черного хлеба, весом около 1/2 фунта (200 г.), один черепок супа, похожего скорее на помои и кипятку» (Красноармейцы... С. 175).

Начальники польских лагерей умели принимать проверяющих. Так, секретарь — распорядитель отдела военнопленных Американской ассоциации христианской молодежи И.Вильсон после посещения в октябре 1920 г. концентрационной станции в Модлине заметил по поводу пищи для военнопленных, что: «она была вполне удовлетворительной и по содержанию была лучше той, которую получали русские пленные в Германии. Комендант был очень любезен...» (Красноармейцы... С. 340).

Напомним, что именно в это время командир укрепленного района Модлин Малевич телеграфировал начальству о том, что военнопленные концентрационной станции едят «различные сырые очистки» и у них «полностью отсутствует обувь и одежда» (Красноармейцы... С. 355).

Нет сомнений, что по случаю приезда в лагерь д'Абернона и И.Вильсона польские власти расщедрились и паек для пленных в этот день был нормальным. Да и дегустация пищи Э.В. д'Аберноном и И. Вильсоном, вероятно, напоминала сцену угощения Остапа Бендера обедом в доме престарелых, описанной в известной книге Ильфа и Петрова «Двенадцать

ступльев». Старики голодали, а заведующий дома престарелых голубоглазый Альхен сумел накрыть для Бендера роскошный стол (чем Бог послал).

Начальник распределительной станции в Пулавах майор Хлебовский в конце октября 1920 г. жаловался Верховному чрезвычайному комиссару по делам борьбы с эпидемиями Э. Годлевскому, что «несносные пленные в целях распространения беспорядков и ферментов в Польше» постоянно поедают картофельные очистки из «навозной кучи, которая находится в лагере и ее придется окружить колючей проволокой (Красноармейцы... С. 420).

О голодающих красноармейцах писал в рапорте от 16 октября 1920 г. начальник Главного сортировочного пункта больных и раненых Войска Польского С. Гелевич. Ссылаясь на доклад начальника движения станции Виленская, он информировал Санитарный департамент МВД Польши о том, что пленные из 15 вагонов, направленных из Белостока в Стшалково «производят впечатление очень изнуренных и голодных, так как вырываются из вагонов, ищут в мусоре остатки еды и жадно поедают картофельные очистки, которые находят на путях» (Красноармейцы... С. 354).

9 января 1921 г. председатель Российско-Украинской мирной делегации (на переговорах в Риге) Ф.Иоффе сообщал председателю Польской мирной делегации Я.Домбовскому о том, что: «установленный для пленных продовольственный рацион остается только на бумаге, ибо практически, по разным причинам, получаемая пленными пища никогда не отвечает по своей скудости этому рациону. Это явления наблюдается во всех лагерях и командах» (Красноармейцы... С.467). Тем не менее, следует признать, что к середине 1921 г. питание пленных несколько улучшилось, но дело было сделано, в 1919—1920 гг. от истощения умерли тысячи пленных красноармейцев.

Основной причиной «голодомора» в польских лагерях польские политики и историки называют «общие послевоенные условия». Но уже говорилось, что в 1919/22 годах в Польше не было голода. Поэтому утверждения, что смерт-

ность военнопленных от голода не является обвинением в этом, польских властей, несерьезны. Не вызывает сомнений, что «голодомор» среди советских военнопленных в 1919—1922 гг. это свидетельство целенаправленной политики польских властей того времени. Подобное происходило и в нацистских лагерях в 1940—1945 гг. Оценку этому дал Нюрнбергский трибунал.

Польский историк Яцек Вильчур, исследовавший судьбу итальянских военнопленных в немецких лагерях, находившихся на территории Польши в 1943—1944 гг. отмечал, что в отношении итальянцев немцы применяли два основных способа уничтожения: доведение их до естественной смерти голодом и через казни, в том числе массовые (Jacek Wilczur. С. 167). Эти два способа уничтожения военнопленных и гражданских лиц квалифицировались на Нюрнбергском процессе, как преступные и равнозначные. Однако польская сторона в отношении немецких лагерей в такой квалификации согласна, но применительно к польским лагерям категорически против. Странная логика?!

Другой причиной преждевременной смерти многих пленных стали жилые (если их можно так назвать) помещения, в которых они содержались. Самый бедный польский крестьянин не допускал, чтобы его скотина зимой находилась в помещениях, в крышах которых было видно небо, в дыры в стенах свободно пролезала рука. Поэтому объяснения, что у молодого польского государства не было материальных возможностей, хотя бы для латания дыр, как уже говорилось, просто несерьезны.

Все становится ясно, когда понимаешь, что польские власти считали «очень хорошо оборудованным» крупнейший польский лагерь пленных № 1 в Стшалково, в котором в то время текли крыши и не были оборудованы нары для сна пленных (Красноармейцы... С. 96, 115). Однако, военные власти, как уже говорилось, без тени смущения докладывали комиссии польского Сейма о том, что лагерь в Стшалково готов к приему пленных.

Не изменилась ситуация в Стшалково и в октябре 1920 г. «Одежда и обувь весьма скудная, большинство ходят босые... В лагере большое число очень тяжелых отмораживаний (ног), которые зачастую у пленных оканчиваются ампутацией... Кроватей нет — спят на соломе... Большинство зданий — это землянки с продавленными крышами, земляным полом... Многие бараки переполнены...

Одежда у всех старая,...производит она впечатление лохмотьев. Из-за недостатка пищи, пленные, занятые чисткой картофеля, украдкой едят его сырым» (Красноармейцы... С. 349—350).

Объективность этой информации подтверждает начальник медицинской службы Французской военной миссии в Польше майор медслужбы Готье, который в своем отчете от 03 ноября 1920 г. сообщает начальнику миссии сведения, переданные ему медицинским инспектором лагеря в Стшалково, под Познанью, Б.Мадейским: «В лагере находится 15.000 пленных, непригодных для работ, и 22.000 пленных, используемых в качестве рабочей силы... Пленные одеты в лохмотья, питание явно недостаточно. Лагерь располагает госпиталем на 1000 коек. В последнее время в госпитале на излечении находятся 2200 больных... практически нет одеял и простыней. Смертность очень высока: в день умирает 25—50 человек (брюшной тиф, дизентерия)» (Красноармейцы... С. 361).

В ноябре 1921 г., когда, по утверждению польских профессоров «положение в лагерях радикально улучшилось», сотрудники РУД так описывали жилые помещения для пленных в Стшалково: «большинство бараков подземные, сырые, темные, холодные, с побитыми стеклами, поломанными полами и с худой крышей. Отверстия в крышах позволяют свободно любоваться звездным небом. Помещающиеся в них мокнут и зябнут днем и ночью... Освещения нет» ((Красноармейцы... С. 25, 678).

В ноте РУД от 29 декабря 1921 г. по поводу условий содержания пленных в лагере в Стшалково отмечалось, что «санитарное состояние лагеря до крайности неудовлетворительное...вода почти отсутствует...иногда не хватает для варки

пищи. Отопления совершенно нет... Медицинской помощи почти нет вследствие отсутствия медикаментов» (Красноармейцы... С. 695)

Не случайно в Стшалково регулярно вспыхивали эпидемии и больными оказывалось более 30 % количества всех плененных. Это ли не доказательство целенаправленной политики по созданию невыносимых условий жизни плененных красноармейцев, которые обуславливали среди них катастрофическую смертность.

К вопросу о смертности красноармейцев

В предисловии к сборнику «Красноармейцы в польском плену в 1919 — 1922 гг.» проф. З. Карпус и В.Резмер утверждают, что «за весь трехлетний период пребывания в Польше (февраль 1919 г. — октябрь 1921 г.) в польском плену умерло не более 16 — 18 тысяч российских военнопленных, в том числе около 8 тысяч в Стшалково, до 2 тысяч в Тухоли и около 6 — 8 тысяч в других лагерях. Утверждение, что их умерло больше — 60, 80 или 100 тыс. не находит подтверждения в документации, хранящейся в польских и российских гражданских и военных архивах» (Красноармейцы. С. 26).

Можно было бы согласиться с этими доводами, если бы документы и материалы сборника «Красноармейцы в польском плену...» не свидетельствовали бы об обратном. Напомним их.

В период эпидемий, через которые прошли практически все польские лагеря военнопленных, заболеваемость составляла 40 и более процентов общего состава. В предисловии российской стороны к сборнику «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.» отмечается, что «в разгар эпидемий в отдельных лагерях умирало до 60% заболевших» (Красноармейцы... С. 14). Соответственно смертность достигала 25—30 и более процентов общего числа плененных.

Напомним, что смертность плененных в лагерях Брест-Литовска в отдельные дни осени 1919 г. была такой, что пленные

в количестве 10 тысяч человек должны были вымереть менее чем за 2 месяца. Всего же в лагерях Брест-Литовска только за 64 дня августа—октября 1919 г., согласно «официальной статистике», умерло 1894 военнопленных. В то же время численность пленных в лагерях в период карантина, когда любые перемещения пленных запрещены, уменьшилась с 10 000 до 3861 чел. Нет сомнений, что сокращение числа пленных более чем на 6 тыс. чел., было связано со смертью в период эпидемий. Поэтому можно говорить о смертности в Брест-Литовске в 61% (Красноармейцы... С. 91—92)

Ситуация в польских лагерях для пленных после окончания военных действий в октябре 1920 г. еще более усугубилась. Если в ноябре 1919 г. в крупнейшем польском лагере пленных № 1 в Стшалково умирало от 30 до 50 в день, то через год, в октябре-ноябре 1920 г. средняя суточная смертность, по официальным данным, здесь уже составляла от 50—70 случаев, или 2 000 человек в месяц (Красноармейцы... С. 349 405). В декабре 1920 г. в госпитале Стшалково, как уже отмечалось, находился каждый третий пленный — 4800 чел. (Красноармейцы... С. 451).

Достаточно реальными представляются свидетельства бывших узников лагеря Стшалково П. Рыжакова (Рыбакова) и В. Володина: «Особенно ужасны условия жизни были в зиму до февраля месяца (1921 г.). Полуголодные, раздетые, многие босые по снегу, спящие в холодных, не отапливаемых, сырых землянках, бараках, на голых нарах, ничем не укрыты, даже без соломы, беспощадно, зверски избиваемые, находящиеся в антисанитарных условиях, — красноармейцы—пленные мерли положительно как мухи... Итогом всего этого явилось то, что из (приблизительно) 20 тысяч, оставшихся на зиму пленных, тиф, холера, избиения и другие болезни и несчастия унесли в могилу преждевременно около 12 тысяч товарищей красноармейцев» (Красноармейцы... С. 521).

Комитет РКП(б), подпольно действовавший в лагере Стшалково, в своем докладе Советской комиссии по делам военнопленных в апреле 1921 г. утверждал, что: «...в последнюю эпидемию умирало до 300 чел. в день...в мертвецких

трупы лежали штабелями, объедаемые крысами, а порядковый номер погребенных перевалил на 12-ю тысячу... Сюда не входят погребенные во время Стшалковской Аркадии, когда хоронили без документов, без счета и отметок, в общих могилах» (Красноармейцы... С. 532).

Не лучше было положение и других лагерях. Верховный Чрезвычайный комиссар по делам борьбы с эпидемиями Э. Годлевский в своем письме от 2 декабря 1920 г. приводит данные о смертности в сравнительно небольшой (на 1100 пленных) концентрационной распределительной станции в Пулавах. Здесь в ноябре 1920 г. среднем ежедневно умирало 10 человек, или почти 1% от общей численности. Э. Годлевский в своем письме утверждает: «Если там будет сохраняться прежнее положение то, как ясно из приведенных выше цифр, через 111 дней в лагере в Пулавах вымрут все» (Красноармейцы... С. 420). Именно о такой ежедневной смертности в 1% от общей численности в лагере Стшалково рассказывали Рыжаков и Володин.

30 апреля 1921 г. новый начальник станции в Пулавах (прежний начальник станции майор Хлебовский сам стал жертвой эпидемии) сообщил члену Российско-Украинской делегации Е.Аболтину, что: «с 4 октября 1920 г. по 1 апреля 1921 г. в лагере умерло 540 человек, т. е. приблизительно 1/3 всего наличного состава лагеря.» Более близкими к реальным представляются свидетельства пленных, согласно которым за 6 месяцев умерло 900 чел. из 1100 военнопленных (смертность 81,8%). Они были зарыты «на левом берегу Вислы (по 30—40 человек голыми вместе) в ямах» (Красноармейцы... С. 548).

Напомним, приведенные выше, воспоминания Константина Корсака, пересказанные его внуком М. Батурицким. Корсак попал в белостокский лагерь, как бывший красноармеец, и пробыл в нем до марта 1921 г. Он утверждал, что из 1500 заключенных в лагере осталось в живых 200 человек. Смертность составила 87 %, такая же как в Пулавах.

Об огромной смертности пленных в рабочих командах лагеря интернированных № 1 в Домбе свидетельствуют по-

казания, вернувшего в Россию Витольда Марецкого. Он рассказал, что за период 1920/21 гг., из-за невыносимых условий работы и жизни: *«некоторые из этих рабочих отрядов растаяли до ¼ своего первого состава а некоторые мелкие отряды, работавшие у окрестных помещиков, растаяли совершенно»*. В итоге из 550 пленных в рабочих командах к весне 1921 г. осталось в живых лишь 150 чел. (смертность — 73%) (Красноармейцы... С. 577)

Подольский (Вальден) в своих воспоминаниях упоминает об одном пареньке из партии пленных, направленной *«на тяжелые мостовые работы... он один, кажется, и остался в живых из всех 80 человек»* (Новый мир. № 5. С. . 86)

Вышеприведенные примеры достаточно красноречиво свидетельствуют о реальном уровне смертности в польских лагерях. Тем не менее, особого разговора заслуживает печально известный лагерь пленных № 7 в Тухоли, называемый *«лагерем смерти»*, в котором погибло 22 тысячи красноармейцев.

Письма, которые надо цитировать

В России защитником польской версии о нормальных условиях содержания красноармейцев в лагере Тухоль является публицист Яков Кротов. Он, являясь внуком бывшего узника этого лагеря Лазаря Гиндина, врача Красной Армии, попавшего в августе 1920 г. в польский плен, заявляет: *«Мне не нужны речи Чичерина, чтобы судить о Тухоле: мой дед, Лазарь Гиндин, был там»* (Московские новости, № 1065, 28.11.2000, с. 5). Аргумент Я. Кротова о том, что не так страшен лагерь в Тухоли, если там выжил его дед, совершенно несостоятелен, хотя бы потому, что в Освенциме и на Колыме тоже выжило часть заключенных.

На основании писем своего деда из польского плена (http://www.krotov.info/library/k/krotov/lb_04.html), внук утверждает, что *«...это не был курорт, но и не «лагерь смерти»*». По мнению Я.Кротова, миф о том, что *«счет смер-*

тям русских пленных в Тухоли идет на десятки тысяч» необоснованно создали газеты русской эмиграции в Варшаве (<http://www.krotov.info/yakov/dnevnik/2000/001784.html>).

Напомним, что в настоящем исследовании неоднократно приводились ссылки из устного рассказа Л.Гиндина в 1972 г. о фактах настоящего вандализма в отношении красноармейцев, особенно еврейской национальности, в польском плену (http://www.krotov.info/library/k/krotov/lb_01.html#4). Однако Я.Кротов предпочитает факты из рассказа деда не упоминать. Он делает упор на его письма из польского плена. Что ж попробуем прочитать эти письма.

Письма Лазаря Гиндина — это попытка мужественного человека не только сообщить о себе близким, но и поддержать их. Ключом для понимания смысла его писем являются фразы, обращенные к любимой жене: *«Береги себя, голубка, не переутомляйся. У тебя ведь слабое сердце. Обо мне не беспокойся, цел буду»* (письмо от 18 мая 1921 г.). *«Олечка! Деточка! Береги себя и девочек. Помни, что ты дороже мне всего...»* (письмо от 24 ноября 1920 г.).

Абсолютно ясно, что Л.Гиндин не мог описывать реальное положение дел в польских лагерях, так как это могло стоить ему жизни. В материалах сборника *«Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 г.г.»* отмечается, что попытки пленных красноармейцев пожаловаться проверяющим на бесчеловечные условия своего содержания в лагерях, как правило, имели для жалобщиков весьма тяжкие последствия. Как выше говорилось, в Мокотове, например, *«одежды пленных, которые жаловались, отмечались красной краской, и их после гоняли на более тяжелые работы»* (Красноармейцы. С. 649, 650).

Гиндин рассказывает что, когда в Тухоль в связи с голодовкой заключенных по поводу плохого питания приехал российский представитель, то *«открыто жаловаться никто не осмелился, чтобы надзиратели не выместили злобу после отъезда представителя»* (http://www.krotov.info/library/k/krotov/lb_01.html#4).

Стремясь успокоить жену, Л.Гиндин уделяет крайне мало внимания в своих письмах жестокой реальности в польских лагерях. Однако некоторые фразы в этих письмах, при внимательном прочтении, свидетельствуют о страшных испытаниях, которые ему довелось пережить в качестве военнопленного.

23 марта 1921 г. Гиндин пишет *«Питание хорошее. Только окончательно оборвался. Все истрепалось»*. О том, как дело обстояло на самом деле в польских лагерях, написал в апреле 1921 г. в своем письме Ольге Гиндиной освободившийся из плена Яков Геллерштрем, сосед Л.Гиндина по Рембертовскому лагерю: *«...Я также был в плену, в Рембертове, по внешности потерял всякое человеческое достоинство, унижения неопишуемые и только благодаря случайности, я родился в Эстонии — был освобожден, спасен»*.

Какими же ужасными обстоятельствами и нечеловеческими условиями плена вызваны страшные в своей безысходности слова Геллерштрема *«был спасен ... только благодаря случайности»*! Но и у сдержанного Гиндина в письмах жене тоже иногда проскальзывают страшные признания: *«Думаю, что по приезде дадут все-таки немного отдохнуть дома, а то я стану совсем инвалидом...»* (письмо от 18 мая 1921 г).

Двумя месяцами позднее, чтобы успокоить жену, Л.Гиндин откровенно бравировует в своем письме от 23 июля 1921 г. Пишет о *«рыбном спорте»* (не рыбалке!) и в конце заявляет: *«Вот видишь, как мало я могу сообщить тебе о моей жизни. Живу на всем готовом и не о чем заботиться...»*.

В феврале и начале мая 1921 г. Л.Гиндин тоже утверждал, что, якобы, вокруг все хорошо, самое скверное позади и вдруг 5 августа того же года в письме из Белостока у него опять неожиданно вырывается: *«Моя дорогая! Самое тяжелое осталось позади, и если я уцелел до сих пор, то наверно увидимся...»*. Возникает вопрос: так когда же на самом деле было тяжело?

Люди старшего поколения, по своему личному опыту знавшие, что такое военная цензура, могли ответить на такой вопрос, поскольку прекрасно умели читать «между строк»

скрытый смысл писем своих близких. Им не надо было объяснять, почему это человек сначала бодро сообщает, что вокруг него *«все хорошо»*, а позднее осторожно намекает на то, что еще не до конца уверен в том, что ему вообще удастся выжить и выражает удивление, как он в тех условиях *«уцелел до сих пор»*.

Попав в Тухоль, Гиндин поначалу не теряет оптимизма, хотя кое-что трагическое о действительном положении в лагере все равно произвольно прорывается у него между строк. 6 сентября 1921 г. он пишет жене из Тухоли: *«Живу в бараке вместе с командным составом, тут же еще 3 врача. Сыт, одет. Ничего не делаю по специальности... Пишу, а около меня делят довольно искусно только что принесенный хлеб на «порции» — итак, сейчас покушаем»*. Трудно поверить, что сытый человек будет так взволнованно и прочувствованно писать о маленьком кусочке простого хлеба.

Л.Гиндин поначалу умалчивает, что жилые «бараки» в Тухоли, на самом деле, — это примитивные необустроенные землянки. Правда, через две недели, в письме от 20 сентября, он все-таки проговаривается: *«Из окошечка землянки видно как отправляющаяся сегодня в Россию партия идет в баню, не идет, а бежит. Чувство скорой свободы придает бодрость всем этим бледным и измученным красноармейцам»*.

Если в лагере было так неплохо, как пытается нас уверить Я.Кротов, почему же тогда красноармейцы были измученные? А чего стоит неподдельная радость Гиндина по поводу того, что в преддверии зимы он: *«...одет, обут, имеет матрас и одеяло»*, о чем он, как о великом достижении, сообщает в своем письме от 13 октября 1921 г.!? Однако, искренняя радость Лазаря Борисовича становится понятной, если ознакомиться с отчетами о действительном положении в Тухольском лагере.

Утверждение Я.Кротова, что в Тухольском лагере не могло быть плохо, так как его *«регулярно проверяли международные инспекции «Красного креста»»* просто наивно. По этому поводу выше было приведено немало примеров. Не случайно, Л.Гиндин, не надеясь на защиту международных

организаций, предпочел в начале декабря 1921 г. бежать из лагеря.

В заключение остается пожелать Я.Кротову внимательнее читать письма предков.

Тухоль — лагерь смерти

Польский профессор З.Карпус в предисловии к сборнику «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.» утверждает, что: «Вопрос, который вызывает наибольшие разногласия и сегодня, касается количества умерших большевистских пленных в лагере в Тухоли. Во многих публикациях утверждается, что в этом лагере умерло 22 тыс. красноармейцев и поэтому этот лагерь везде называется «лагерем смерти. Подавая эту «сенсацию», авторы публикаций не задумываются над тем, возможно ли, чтобы так много российских военнопленных умерло за столь краткий срок пребывания в Тухоли...

Основываясь на сохранившихся источниках, можно с уверенностью утверждать, что в Тухоли за год умерло, в подавляющем большинстве от заразных болезней, 1950 большевистских военнопленных» (Красноармейцы... С. 26 — 27).

Поговорим, прежде всего, о точности проф. З.Карпуса. По его утверждению в лагерь пленных № 7 в Тухоли «большевистские военнопленные содержались только с конца августа 1920 г. до середины октября 1921 г.» (Красноармейцы... С. 27). Правдивость этого утверждения оспаривается тем фактом, что, упоминаемый нами военврач РККА Л.Гиндин бежал из Тухольского лагеря в начале декабря 1921 г.

В книге Н.Райского «Польско-советская война...» отмечается, что: «К 10 января 1922 г. в польском лагере Тухоль еще оставались российские военнопленные» (Райский. С. 35). Можно подумать, что речь идет о белогвардейцах, тем более, что по данным уполномоченного Центрэвака Е.Аболтина в мае 1922 г. в лагере Тухоли содержалось около 4.000 русских (белых) пленных (сводная казачья дивизия, дивизия Смерти и 3-я русская армия Перемыкина) (Красноармейцы... С. 702).

Однако в книге Н.Райского далее по тексту говорится, что: «к апрелю 1922 г уже ни одного военнопленного красноармейца в польских лагерях не было». Это позволяет утверждать, что пленные красноармейцы находились в лагере Тухоли до апреля 1922 г. В итоге срок пребывания красноармейцев в Тухоли возрастает с 14 месяцев, на которых настаивает проф. З.Карпус, до **20 месяцев**.

Весьма избирательно обращение проф. З.Карпуса к польской лагерной статистике. Так, профессор в предисловии к сборнику **«Красноармейцы в польском плену...»** утверждает, что **«максимально в марте 1921 г. в Тухоли находилось более 11 тысяч российских военнопленных»** (Красноармейцы... С. 27).

О том, что профессор З.Карпус оперирует явно неточными данными свидетельствует статистика лагерного госпиталя, которая приводилась в докладе Председателя РУД Е.Аболтина: «...РУД имела возможность получить официальную справку заболеваемости и смертности в лагере Тухоли с февраля 1921 г. по 15 мая 1921 г. Из врачебной комиссии ведомости видно, что в лагерном госпитале при общем количестве военнопленных около 15.000...» (Красноармейцы... С. 703).

Все это свидетельствует о том, что из 15 тыс. военнопленных, которые содержались весной 1921 г. в лагере Тухоли, **4 тысячи за исключением врачебной ведомости, нигде не фигурировали**. Как они питались и куда испарились, неясно? Проф. З.Карпуса этот вопрос также не заинтересовал. **Можно ли после этого официальную польскую статистику о смертности в лагерях для военнопленных, надежной?**

О том, что в Тухоли бывали периоды, когда там содержалось значительно больше 11 тыс. пленнх красноармейцев, сообщает и Ст. Семполовская. В своем отчете она пишет, что **в конце 1920 г. в Тухоли содержалось около 15 тыс. пленнх, «граждан России и Советской Украины»** (Красноармейцы... С. 580).

Что касается утверждения проф. З.Карпуса, возможно ли, «чтобы так много российских военнопленных умерло за столь краткий срок пребывания в Тухоли», то достаточно со-

слаться на Стефанию Семполовскую, которая так характеризовала уровень смертности среди пленных лагеря Тухоли: «...Тухоля: Смертность в лагере столь велика, что согласно подсчетам, сделанным мною с одним из офицеров, при той смертности, которая была в октябре (1920 г.), весь лагерь вымер бы за 4—5 месяцев» (Красноармейцы... С. 586).

Несложные арифметические подсчеты показывают, что осенью 1920 г. месячная смертность в Тухольском лагере составляла 20—25% от среднесписочного состава. Если учесть, что на 1 октября 1920 г. в лагере находился 7.981 пленный (Красноармейцы... С.327), то месячная смертность должна была составлять от 1.600 до 2.000 человек, т. е. от 50 до 66 чел. в сутки.

В уже упоминаемом письме А.Иоффе Я.Домбовскому от 9 января 1921 г. констатируется, что *«положение русских военнопленных в Польше настолько бедственно, что по произведенным подсчетам, если принять за норму смертность среди пленных в лагере Тухоли за октябрь месяц минувшего года, в течение полугода должны умереть все русские военнопленные в Польше. Эти цифры подтверждены польскими военными врачами»* (Красноармейцы... С. 467).

О том, что утверждение Ст. Семполовской обоснованно, свидетельствуют вышеприведенные примеры о смертности в польских лагерях, которые считались более «благополучными», нежели Тухоль. Напомним, что в лагерях Брест-Литовска, где содержалось значительно меньше пленных, нежели в Тухоли, бывали дни, когда умирало 180 человек. То есть за месяц могло умереть до 5 тыс. человек. Следует также не забывать, что, по утверждению И.Вильсона в лагере Тухоли «состояние лазарета еще хуже, чем в Стшалково» (Красноармейцы... С. 344). Напомним, что зимой 1920 г. суточная смертность в Стшалково не опускалась ниже 70 чел.

Однако проф.З.Карпус упорно утверждает, что лагере Тухоли «больше всего пленных — более 560 чел., умерло в январе 1921 г.» (Красноармейцы... С. 27). Заметим, что Карпус работал с кладбищенскими списками кладбищенских списков и актами смерти, составленных лагерным священником. Отсю-

да и цифра 1950 чел. Известно, что большевиков и комиссаров не отпевали, соответственно в эти списки они не попадали. Помимо этого, польский учет тоже был весьма своеобразным. Никто не хотел давать убийственную отчетность.

О том, что данные, которыми оперирует З.Карпус, просто ложные свидетельствует уже упомянутая ведомость врачебной комиссии лагерного госпиталя (Тухоли) с февраля по 15 мая 1921 г., из которой видно, «что в лагерном госпитале при общем количестве военнопленных около 15.000 было за то же время 23 875 заболеваний, в числе которых эпидемических заболеваний было 6.491, а именно сыпной тиф—1706 чел., возвратный—2654, брюшной—124, паратиф—13, холера—210, дезинтерия—617, а другие эпидемические заболевания—157. Туберкулезом страдали четыреста пятьдесят семь (457), смертных случаев в лагере Тухоли за то же время было —2561» (Красноармейцы... С. 704—705).

По утверждению проф. З.Карпуса в Тухоли за год умерло **1950** «большевистских военнопленных». В то же время только согласно статистики тухольского госпиталя только за 3,5 месяца в лагере умерло **2561** пленных. Внимательный читатель скажет, но это общая смертность, а З.Карпус говорит о смертности «большевистских военнопленных». Учтывая, что весной 1921 г. «большевистские военнопленные» составляли **97,5%** всех пленных в лагере, то можно считать, что смертность среди красноармейцев за февраль—май 1921 г. составила примерно **2.500** человек. Интернированные балаховцы и перемыкинцы в количестве 3.431 чел. появились в тухольском лагере только в начале осени 1921 г. (Красноармейцы... С. 673).

В итоге получается, что в Тухоли за три с половиной месяца 1921 г. «большевистских военнопленных» умерло на **550 человек** больше того количества, что профессор З.Карпус соглашается признать умершими за год. Эта ситуация как нельзя лучше характеризует **подход польских историков к установлению реального количества красноармейцев, погибших в польском плену.**

Ну а теперь перейдем к фактам, которые характеризуют действительное положение пленных красноармейцев в Тухольском лагере. Поручик Каликин, которому посчастливилось выжить в Тухоле (Гнилом корне), писал в своих воспоминаниях, хранящихся в Государственном архиве РФ: «Еще в Торне про Тухоль рассказывали всякие ужасы, но действительность превзошла все ожидания. Представьте себе песчаную равнину недалеко от реки, огороженную двумя рядами колючей проволоки, внутри которой правильными рядами расположились полуразрушенные землянки. Нигде ни дерева, ни травинки, один песок. Недалеко от главных ворот — бараки из гофрированного железа. Когда проходишь мимо них ночью, раздается какой-то странный, щемящий душу звук, точно кто-то тихо рыдает. Днем от солнца в бараках нестерпимо жарко, ночью — холодно.

В Германскую войну тысячи русских погибли в этом лагере и были похоронены рядом в лесу на уютном кладбище. Поляки решили пополнить его население и снова привезли сюда русских, красных и белых. Когда наша армия интернировалась, то у польского министра Сапеги спросили, что с ней будет. «С ней будет поступлено так, как того требуют честь и достоинство Польши», — отвечал он гордо.

Неужели же для этой «чести» необходим был Тухоль? Итак, мы приехали в Тухоль и расселились по железным баракам. Наступили холода, а печи не топились за неимением дров. Через год 50% находившихся здесь женщин и 40% мужчин заболели, главным образом, туберкулезом. Многие из них умерли. Большая часть моих знакомых погибла, были и повесившиеся».

Красноармеец В.В.Валуев, рассказывал, в конце августа 1920 он с другими пленными: «были отправлены в лагерь Тухоли. Там лежали раненые, не перевязанные по целым неделям, на их ранах завелись черви. Многие из раненых умирали, каждый день хоронили по 30—35 чел. Раненые лежали в холодных бараках без пищи и медикаментов» (Красноармейцы... С. 426).

В морозном ноябре 1920 г. тухольский госпиталь напоминал конвейер смерти: «Больничные здания представляют собой громадные бараки, в большинстве случаев железные, вроде ангаров. Все здания ветхие и испорченные, в стенах дыры, через которые можно просунуть руку... Холод обыкновенно ужасный. Говорят во время ночных морозов стены покрываются льдом. Больные лежат на ужасных кроватях... Все на грязных матрасах без постельного белья, только $\frac{1}{4}$ имеет кое-какие одеяла, покрыты все грязными тряпками или одеялом из бумаги» (Красноармейцы... С. 376)..

Ст.Семполовская о ноябрьской (1920 г.) инспекции в Тухоль писала так: «Больные лежат на ужасных койках, без постельного белья, лишь у четвертой части есть одеда. Раненые жалуются на ужасный холод, который не только мешает заживлению ран, но по словам врачей, усиливает боль при заживлении. Санитарный персонал жалуется на полное отсутствие перевязочных средств, ваты и бинтов. Я видела бинты, сохнувшие в лесу. В лагере широко распространен сыпной тиф и дизентерия, которая проникла к пленным, работающим в округе. Количество больных в лагере столь велико, что один из барак в отделении коммунистов превращен в лазарет. 16 ноября там лежало более семидесяти больных. Значительная часть на земле» (Красноармейцы... С. 585—586).

10 декабря 1920 г. лагерь в Тухоли посетила представитель Польского общества Красного Креста Наталья Крейц-Вележиньская, которая отметила: «Всего сейчас в Тухоли 5.373 пленных. Лагерь в Тухоли — это т. н. землянки, в которые входят по ступенькам, идущим вниз. По обе стороны расположены нары, на которых пленные спят. Отсутствуют сенники, солома, одеяла. Нет тепла из-за нерегулярной поставки топлива... Нехватка белья, одежды во всех отделениях» (Красноармейцы... С. 437, 438)

Самыми страшными для пленных были зимние месяцы 1920/21 гг. Как уже отмечалось, 9 декабря 1920 г. в Тухоли после «бани» умерло сразу 45 человек. Других данных о страшной зиме 1920/21 г. в Тухоли не существует. Сохранилось лишь косвенное свидетельство подпольного стшалков-

ского комитета РКП(б) в о смертности в лагере Тухоли в зимний период 1920/21 гг. :«...в последнюю эпидемию умирало до 300 чел. в день...в мертвецких трупы лежали штабелями, объедаемые крысами, а порядковый номер погребенных перевалил на 12-ю тысячу... Сюда не входят погребенные во время Стшалковской Аркадии, когда хоронили без документов, без счету и отметок, в общих могилах. По имеющимся данным, такие же результаты дала эпидемия в лаг. Тухоль» (Красноармейцы... С. 532)

Попытаемся, основываясь только на документах сборника «Красноармейцы в польском плену...», приблизительно определить численность умерших пленных красноармейцев в лагере Тухоли. Ориентировочно можно говорить только о периоде в 5,5 месяцев, относительно которых существуют документы или свидетельства, прямо или косвенно свидетельствующие о смертности. **Октябрь 1920 г.**, когда по утверждению Ст.Семполовской лагерь мог вымереть за 4—5 месяцев — смертность в пределах 1600 чел. **Январь 1921 г.**, когда по данным проф. З. Карпуса умерло всего лишь 560 чел. (согласимся с этой цифрой) и **февраль —15 мая 1921 г.** когда в госпитале умерло 2500 чел. Итого в Тухоли только за 5,5 месяца умерло 4 660 красноармейцев.

На самом же деле, речь должна идти о значительно большем количестве пленных красноармейцев, погибших в Тухольском лагере от разных причин, на чем обоснованно настаивает ряд российских исследователей. Обратимся вновь к статье Т.Симоновой «Польские «лагеря смерти»: 1920—1924 гг.». Она приводит **свидетельство священника отца Сергия (Великанова)**. Из письма Российского попечительского комитета над русскими беженцами в Польше (РПК) от 18 октября 1921 г., направленного в Общество помощи русским беженцам, известно, что в период эпидемии тифа осенью-зимой 1920—1921 гг. о. Сергей находился в лагере Тухоля. В 1921 г. он преподавал Закон Божий в детской лагерной школе лагеря Тухоля.

Благодаря подсчетам о. Сергия стало известно, что «вследствие ужасающих жилищных и санитарных условий» в лаге-

ре Тухоля погибло более 22 тысяч пленных красноармейцев. Эти цифры были опубликованы в эмигрантской газете «Свобода». Они не вызвали возражений даже у руководителя польской военной разведки и контрразведки (II отдела Генерального штаба Верховного командования ВП) подполковника Игнацы Матушевского (Ignacy Matuszewki) и у начальника Восточного отдела МИД Польши М. Шумляковского.

40 лет фальсификации

И.Матушевский 1 февраля 1922 г. направил военному министру Польши письмо за № 1462, в котором он подтвердил факт смерти в лагере Тухоля **22 тыс. красноармейцев** (Красноармейцы... С. 701). Аналогичный документ — письмо Председателя КГБ при СМ СССР А.Н.Шелепина Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущева Н—632-ш от 03 марта 1959 г., польская сторона без колебаний признала основным документом, подтвердившим факт расстрела весной 1940 г. 21.857 польских военнопленных. Но к письму И.Матушевского польские историки и политики относятся иначе.

С момента обнародования письма И.Матушевского в 1965 г. прошло более 40 лет. Все эти годы оно является объектом яростной критики со стороны официозных польских историков. Утверждается, что непроверенные сведения об огромной смертности в Тухоли начальник польской военной разведки и контрразведки, почерпнул из прессы и поэтому они не могут быть использованы в качестве серьезного аргумента в споре о числе погибших красноармейцев.

Как говорилось, савинковская газета «Свобода», издаваемая в Варшаве, 19 октября 1921 г., то есть почти за три с половиной месяца до письма И.Матушевского, опубликовала информацию о том, что в лагере Тухоль за год умерло около 22 тыс. пленных красноармейцев (Тюляков. Польский лагерь смерти). Известно, что пресса часто пишет о том, что впоследствии вынуждены признавать политики. Недавно все мы, благодаря прессе, стали свидетелями публичного сканда-

ла с тайными тюрьмами ЦРУ. Так произошло и в случае с Туходем. Секретная информация с гибелью советских красноармейцев в этом лагере стала достоянием польской общест-венности. В этой связи Матушевский решил отметить этот факт в своем письме военному министру.

Некоторые историки стремятся представить И.Матушев-ского как недалекого штабиста, который, по простоте душев-ной, без проверки, процитировал сомнительный факт из газет. Подобной трактовке противоречит тот факт, что И.Матушев-ский получил блестящее образование, в т. ч. и юридическое. Необходимо отметить, что подполковник И.Матушевский в системе польской военной разведки работал с начала ее ор-ганизации в 1918 г. и сумел себя достойно зарекомендовать. Следует заметить, что И.Матушевский родился в семье из-вестного польского энциклопедиста и литературного крити-ка. Крестным отцом Игнацы был великий классик польской прозы Болеслав Прус.

Возглавляемый И.Матушевским II отдел Генштаба, дей-ствуя в польских лагерях для военнопленных совместно со II отделом Министерства военных дел Польши и II отделами штабов КГО (корпусных генеральных округов), **контролиро-вал в них политическую ситуацию и располагал достаточ-но широкими полномочиями.** Это подтверждают распоря-жения и инструкции Министерства военных дел Польши и Верховного Командования ВП за 1919—1921 гг. (Красноар-мейцы... С. 64, 239, 193).

Начальник отдела европейской интеграции генеральной дирекции государственных архивов Эва Росовска в польском предисловии указывает, что: *«**рапорты об условиях содер-жания и численности узников отдельных лагерей военно-пленных, господствующих там настроениях...содержатся также в фонде II отдела Генерального штаба (фонд 1772) за 1918—1939 гг.**»* (Красноармейцы... С. 30).

Указание военного министра Польши начальнику II отде-ла Генерального штаба, оформленное распоряжением № 65/22 от 12 января 1922 г.: «...представить объяснение, при каких условиях произошел побег 33 коммунистов из лагеря плен-

ных Стшалково и кто несет за это ответственность», четко определяет место II отдела Генштаба в системе польских лагерей пленных (Красноармейцы,.. С. 700). Подобное поручение могло быть дано лишь тому, кто в силу служебного положения **обязан был знать и контролировать** реальное положение дел в лагерях пленных.

И.Матушевский в своем **официальном ответе** военному министру Польши сообщил министру обстоятельства побега коммунистов из Стшалково и добавил: «Из имеющейся во II отделе информации, почерпнутой из переписки интернированных и из прессы следует, что побеги из лагеря не ограничиваются только Стшалково, но случаются во всех других лагерях как для коммунистов, так и для интернированных «белых». Эти побеги вызваны условиями, в которых находятся коммунисты и интернированные (отсутствие топлива, белья и одежды, плохое питание, а также долгое ожидание отъезда в Россию). Особенно известен лагерь в Тухоли, называемый интернированными «лагерем смерти» (в этом лагере умерло около 22.000 тысяч пленных Красной Армии) (Красноармейцы... С. 701).

Примечание. Необходимо заметить, что ряд авторов Ю. Иванов и Н.Райский дают эту цитату о лагере в Тухоли, используя слово «прославился» вместо «известен».

Фраза в ответе И.Матушевского относительно «информации, почерпнутой из переписки интернированных и из прессы» позволила ангажированным историкам в течение 40 лет утверждать то, что информацию о побегах из польских лагерях для пленных и смертности в Тухоли II отдел Генштаба получил из прессы. В тоже время известно, что **офицеры II отдела в польских лагерях, как и их коллеги из ГУТБ НКВД в советских лагерях, имели весьма широкие возможности для получения любой информации.**

Совершенно очевидно, что, ссылаясь на прессу, И.Матушевский, говорит только о том, что, благодаря журналистам приобрели общественную известность побеги из лагерей из-за плохих условий содержания в них пленных. Лагерь же в Тухоли приобрел известность как «лагерь смерти». Но о

количестве умерших в нем красноармейцев, И.Матушевский говорит как о бесспорном факте, не ссылаясь на прессу и выделяя эту фразу скобками.

Невозможно представить, что начальник военной разведки в официальном документе сообщал руководству страны непроверенный факт из газет по проблеме, находящейся в центре громкого дипломатического скандала. В Польше к тому времени еще не успели остыть страсти после ноты наркома иностранных дел РСФСР Г.Чичерина от 9 сентября 1921 г., в которой польские власти были обвинены в гибели 60.000 советских военнопленных (Красноармейцы... С. 660).

Решение проинформировать польское военное руководство о смерти в Тухольском лагере 22 тысяч красноармейцев созрело у И.Матушевского, скорее всего, по причине того, что это стало «секретом Полишинеля». И.Матушевский хорошо представлял себе, какой эффект произведет в польских верхах его утверждение и что от него потребуют дополнительные объяснения.

Безусловно, И.Матушевский располагал документально подтвержденными и проверенными сведениями о количестве погибших в лагере Тухоли красноармейцев. В противном случае служебное разбирательство могло закончиться не только снятием И.Матушевского с должности, но и военным трибуналом, если бы начальник военной разведки авторитетом своего ведомства подтвердил антипольскую «газетную утку».

Дальнейшее развитие событий показало, что у польского руководства к И.Матушевскому по «тухольскому инциденту» не возникло претензий. После этого он еще более полутора лет исполнял обязанности начальника II отдела Генштаба Войска Польского, а в дальнейшем успешно работал на дипломатическом поприще.

«Тухольский инцидент» породил еще одну загадку. О столь «известном» лагере как Тухоль, в отличие от Стшалково, сохранилось крайне мало документальных свидетельств. Можно предположить, что «некто», после статьи в газете «Свобода» и письма И.Матушевского дал команду «почистить» польские архивы!?

Свидетельство И. Матушевского ставит крест на 40-летней фальсификации польской стороной данных о количестве красноармейцев, погибших в польском плену. Из вышеизложенного следует, что данные о смертности в Тухольском лагере, которыми оперирует проф. З. Карпус и польские историки явно занижены. Безосновательное игнорирование таких важных свидетелей, как И. Матушевский и отец Сергей, является недопустимым и характеризует тенденциозность исследований З. Карпуса.

Злой умысел или Рок?

В завершение еще раз попытаемся ответить на вопрос — была ли массовая гибель пленных красноармейцев в польских лагерях результатом целенаправленной политики Пилсудского и его окружения или это явилось следствием роковых обстоятельств: болезней, общего голода и холода?

Польские политики и историки без тени сомнения отвечают, *«никто пленных красноармейцев не убивал, хотя в лагерях бывали случаи преступного невыполнения обязанностей, виновные в которых по всей строгости карались властями»*. Необоснованность данных заявлений подтверждена настоящим исследованием.

Однако те же политики и историки, также, нисколько не сомневаясь, утверждают, что в СССР целенаправленно и планомерно осуществлялся геноцид поляков, хотя доказательства отсутствуют. Отношение русской элиты к полякам и польской культуре было трепетным не только в советское время, но и в царской России. Этому существует масса документальных подтверждений.

А вот отношение в Польше к русским всегда оставляло желать лучшего. Поистине «звериная» ненависть ко всему русскому и советскому характеризовала польскую элиту в период диктатуры Пилсудского. Это и стало главной причиной гибели пленных красноармейцев. Постараемся аргументировать это утверждение.

Прежде всего, обратимся к личности Юзефа Пилсудского, начальника польского государства, одного из основателей II Речи Посполитой. В нем наиболее концентрированно проявилась русофобское начало.

Пилсудский (Pilsudski) Юзеф (Иосиф)-Клеменс родился в 1867, в местечке Зуллов (польск. *Zulów*, лит. *Žalavas*), повет Свенцяны (ныне Швенченис, Литва). Его родители происходили из древних польских родов. Отец во время восстания 1863 года был комиссаром Национального правительства («Жонд народов») в ковенском уезде. Мать была фанатично предана идее восстановления независимой Речи Посполитой. В семье царил культ героев польских восстаний против России.

Среднее образование Юзеф Пилсудский получил в Первой русской гимназии, располагавшейся в здании тогда закрытого Виленского университета. Уже в школе Пилсудского отмечала непримиримость ко всему русскому. В немалой степени этому способствовали русские преподаватели гимназии, которые дискуссии на спорные исторические темы заменяли окриком и директивным нажимом.

Заметим, что Пилсудский прекрасно говорил по-русски, хорошо знал историю России и русскую литературу. Но, тем не менее, в 1919 г. начальник Польши Пилсудский заявил: *«Если события будут развиваться так, как я предполагаю, то через 5 — 6 месяцев, возможно, я смог бы дойти до Москвы и прогнать большевиков оттуда... Конечно, я Москвы ни в Лондон, ни в Варшаву не превращу. Только, видимо, прикажу написать на стенах Кремля: Говорить по-русски запрещается!»*.

Это отношение к России Пилсудский пронес через всю жизнь. Огромную роль на формирование личности Пилсудского оказало его участие

в российском революционном движении. «Товарищ Виктор» (подпольная кличка Пилсудского), был из того гнезда и того же теста, что Ленин и Сталин. Одно время он был их единомышленником, но «сошел с социалистического трамвая». Тем не менее, Пилсудский широко применял ленинскую тактику «мнимого союзничества». В узком кругу он заявлял, что

«На первом этапе мы идем с немцами против русских. На втором этапе — с англо-французами против немцев».

Следует заметить, что все акции, которые планировал Пилсудский, всегда отличались крайней скрытостью и эффективностью. Осуществленное им в сентябре 1908 г. ограбление почтового поезда на станции Безданы (Бездонис в современной Литве), в 25 км от Вильно, облегчив российскую казну на громадную по тем временам сумму в 200.812 рублей и 61 копейку, считалось российскими революционерами образцом экспроприации.

Помимо этого Пилсудский был наделен отменными артистическими данными. В 1900 г. он блестяще сыграл роль умалишенного в петербургской лечебнице, что в результате позволило ему осуществить благополучный побег. Через несколько лет известный революционер-большевик Камо повторил инсценировку Пилсудского, так же сыграв роль умалишенного.

Став в 1918 г. во главе возрождающего польского государства, Пилсудский крайне уязвлен, что в январе 1919 г. его не пригласили на Парижскую мирную конференцию, решавшую вопросы послевоенного устройства Европы. Причиной была крайне агрессивная политика молодого польского государства и его «начальника» по отношению к соседям.

С этого время Пилсудский особое внимание уделял созданию благоприятного имиджа Польши в глазах Запада. Его политика и заявления внешне стала исключительно благопристойны, но на деле остались прежней. Так, в том же январе 1919 г. он негласно санкционировал расправу над миссией Российского Красного Креста во главе с Б.Веселовским. Но при этом Пилсудский сумел остаться «за кадром».

В 1919—1920 гг. Пилсудский вновь негласно руководил операцией по захвату Виленской области Литвы. В октябре 1920 г. он со своим верным сподвижником генералом Люцианом Желиговским разыграли целый спектакль с «мятязом» частей, подчиненных Желиговскому, которые, якобы, вопреки указанию Пилсудского, захватили Вильнюс. В результате Виленский край, в том числе и родина Пилсудского, почти на 20 лет стали частью Речи Посполитой.

В мае 1926 г. Пилсудский с тем же верным Желиговским, тогдашним военным министром Польши, организовал государственный переворот, о котором в Варшаве не догадывались до последнего момента. Установившийся авторитарный режим, известный, как «санация» (*sanacja*, «оздоровление»), Пилсудский маскировал громкими фразами о восстановлении морального здоровья польского общества. Рассуждая о широких правах украинцев и белорусов, на деле осуществлял жесточайшую политику по «полонизации» захваченных восточных территорий.

Эффективным средством борьбы с противниками режима «санации» стали концентрационные лагеря, которые преподносились, как гуманные учреждения перевоспитания. Однако политические оппоненты Пилсудского, попадавшие в подобные заведения, пропадали там тихо и незаметно. В исследовании «Тайны «Катыни» приведены факты ужасающих расправ над заключенными кв концентрационных лагерях Береза-Картузская и Бяла Подляска. Целенаправленная жесткость этих расправ не подлежит сомнению. Тем более, что в польских газетах того времени регулярно звучали призывы расправляться с бунтующими белорусами и украинцами *«языком виселиц»!*

Атмосфера русофобии в довоенной Польше была повсеместной. Ее даже пытались научно обосновать. В частности, польский знаток международного права, проф. Юлиан Маковский (Julian Makowski), в 1930-х г. на лекциях в Гааге утверждал: *«Россия не принадлежит к сообществу цивилизованных государств, потому что не разделяет с нами общественные, религиозные, этнические и правовые понятия».*

В бытовом плане эту позицию красноречиво выразила газета «Голос Варшавски», которая по поводу взрыва в центре Варшавы православного кафедрального собора святого Александра Невского писала: *«уничтожив храм, тем самым мы доказали свое превосходство над Россией, свою победу над нею».*

Тем не менее, современная польская общественность в лице публициста Дариуша Балишевского (Dariusz Baliszewski)

считает, что *«хотя никто не слышал об убийстве поляками пленных большевиков, русские повторяют эти выдумки»* (Анти-Катынь «Wprost», 28 ноября 2008. Польша). Однако, если бы «выдумки» из рассказов о польских зверствах в 1920-х г. хотя бы частично присутствовали в свидетельствах о гибели польских офицеров в СССР, то последствия этого для польско-русского конфликта даже трудно себе представить.

Ситуацию в Польше осложняет то, что, как отмечалось, **абсолютное большинство поляков уверены, что к пленным красноармейцам относились нормально.** Это заслуга современной польской историографии, которая преподносит довоенную Польшу, как **государство национального согласия, христианской добродетели и морали.** В этом плане значение объективных исследований по проблемам пленных красноармейцев чрезвычайно велико. К сожалению, до польской общественности они так и не дойдут. Но это не значит, что ими не следует заниматься. Когда-нибудь в Польше к власти придет поколение, которое попытается открыть реальную историю своей страны.

На основании документов, свидетельств и фактов, изложенных в настоящем исследовании, можно с большой степенью вероятности утверждать, что **акция по созданию в польских лагерях условий, несовместимых с жизнью, была санкционирована лично начальником польского государства Юзефом Пилсудским.** Отсутствие документов по данному поводу ничего не доказывает. Из судебной практики известны многочисленные случаи, когда «преступные умыслы» доказывались не документально, а на основании суммы свидетельств и фактической преступной деятельности подозреваемых. В нашем случае таких доказательств более чем достаточно.

В 1994 году «Газета wyborча» писала, ссылаясь на некие «пилсудские» документы, о том, что польское руководство в 1920—1921 гг. отдавало приказы не брать красноармейцев в плен, расстреливать уже взятых, добивать раненых и т.п. Однако польские власти не сочли нужным не только опровергать, но и вообще хоть как-то реагировать на факты, изложенные в «Газете wyborчей».

Между тем Александр Серафимович, работавший в 1919—1921 годах спецкором «Правды» и «Известий» на советско-польском фронте писал: *«Чудовищные пытки и издевательства над нашими пленными вызывали ужас у рядового состава польской армии. Но ее офицеры чуть ли не в унисон приказывали «уничтожать любым способом «красных собак», русских «оккупантов».*

Влиятельный польский еженедельник «Newsweek Polska» 26 октября 2009 г. опубликовал статью историка Игоря Мечика «Ад за колючей проволокой». В ней говорится, что: *«за колючей проволокой польских концентрационных лагерей советские военнопленные умирали, как мухи».* В конце статьи ставится вопрос *«не было ли все это сознательным уничтожением, может быть, не на уровне правительства, но, по крайней мере, на уровне начальства отдельных лагерей?»*

Даже крайне осторожный в своих оценках, профессор МГУ Г.Матвеев отмечает, что *«поневоле возникает мысль не только о состоянии дисциплины среди командного состава польской армии, но и, возможно, об осознанной политике военных в отношении находившихся в их безраздельном ведении «пленных большевиков»»* (Матвеев. «Еще раз о численности...» Новая и новейшая история. № 3, 2006).

Трудно поверить, что руководство польских лагерей в отношении пленных красноармейцев спонтанно действовало в «унисон», о котором писал Серафимович. В этом плане следует напомнить протокол 11-ого заседания Смешанной (Российской, Украинской и Польской делегаций) комиссии от 28 июля 1921 г. В нем отмечается, что: *«когда лагерное командование считает возможным ...предоставление более человеческих условий для существования военнопленных, то из Центра идут запрещения».*

Вот РАЗГАДКА ситуации, сложившейся в польских лагерях для военнопленных. При авторитарном стиле руководства Пилсудского под Центром мог подразумеваться только *«начальник польского государства».* Известно, что Пилсудский знал о реальном отношении к русским, не только к

большевикам, но и белогвардейцам, в польских лагерях. Об этом ему неоднократно говорил его товарищ по гимназии, бывший русский эсер и террорист Борис Савинков.

Вышеизложенное предположение подкрепляет и факт безнаказанности руководства польских лагерей. Несмотря на многочисленные факты зверского отношения к военнопленным, некоторые из которых становились достоянием общечеловечности, никто из них не понес заслуженного наказания. Напомним, что атташе Полпредства РСФСР Е.Пашуканис в своей справке от 10 августа 1921 г. писал: *«...поляки не сообщили нам ни одного результата тех расследований, которые они обещали по поводу указанных нами конкретных фактов, ни одного приговора, ни одного случая предания суду»* (Красноармейцы... С. 651).

Ссылка польских историков на привлечение к суду помощника начальника лагеря в Стшалкове Малиновского и начальника лагеря Вагнера, не более чем пропагандистская уловка. Как известно, судили их за злоупотребление служебным положением, а наказание оказалось символическим.

А как объяснить тот факт, что в 1920 г. в Польше были приняты совершенно нереальные нормы питания для пленных? Эти нормы в лагерях повсеместно не соблюдались. Поэтому при вскрытии умерших от голода пленных красноармейцев (а таких были не сотни, а тысячи), в их желудках находили сено, траву, кости и другие несъедобные вещи. Польская охрана, если, как утверждают, и она голодала, подобного в пищу не употребляла.

Вся эта «показуха» утверждалась в расчете на международное общественное мнение и международные комиссии. В итоге наличие гуманных инструкций и норм, позволяло маскировать нечеловеческие условия содержания, созданные в польских лагерях для пленных красноармейцев. Известно, что по части подобной маскировки бывший социалист Юзеф Пилсудский был большой мастер. Не удивительно, что его методы маскировки истинных намерений до сих пор вводят в заблуждение некоторых российских политиков и историков.

Не будем пытаться определить общую цифру красноармейцев, погибших в польском плену. Лучше всего об этом написал Я.Подольский (Вальдена): «Не могу сказать точной цифры наших, побывавших в плену, но вряд ли ошибусь, сказав, что на каждого вернувшегося в сов. Россию приходится двое, похороненных в Польше... Передо мной стоит, бесконечно тянется цепь оборванных, искалеченных, изможденных человеческих фигур. Сколько раз я выравнивался вместе с товарищами по несчастью в обрывках этой великой цепи — на разных поверках и обходах и в тон обычному «рассчитайся — первый, второй, третий» слышится «покойник, покойник, покойник, живой, покойник, покойник, покойник, живой...» («Новый мир». № 6, с. 82).

Но память предков требует, чтобы были, по возможности, восстановлены списки погибших в польском плену красноармейцев и определено, хотя бы приблизительно, их число. Для этого необходимы более тщательные исследования всего комплекса сохранившихся документов и свидетельств очевидцев. Однако абсолютно ясно, что цифры, погибших в польском плену красноармейцев (16—17 тыс. чел. или 18—20 тыс. чел.), предлагаемые в сборнике «Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.» польскими и некоторыми российскими историками явно занижены. Также очевидно, что проблема гибели красноармейцев в польском плену исследована недостаточно глубоко и ждет дополнительных исследований.

Основываясь на вышеприведенных свидетельствах, можно сделать вывод о том, что **обстоятельства массовой гибели красноармейцев в польском плену могут расцениваться как свидетельство их умышленного истребления.** Учитывая четко выраженную национальную направленность этих преступлений, следует ставить вопрос о геноциде в отношении военнопленных русской и еврейской национальности.

Также можно сделать вывод о безусловной ответственности высшего польского руководства за создание и поддержание в польских лагерях в 1919—1922 гг. невыноси-

мых для жизни условий, которые привели к массовой гибели пленных красноармейцев. Поэтому, реализуя польское требование об осуждении виновников катынского преступления, следует обеспечить такое же осуждение виновников в геноциде русских военнопленных в польском плену в 1919—1922 гг.

Напомним, что в апреле 2010 г. исполнилось 90 лет со дня начала польской агрессии против Советской России. Известно, что в 2010 г. планировалось провести ряд совместных траурных церемоний в местах захоронений пленных красноармейцев на территории Польши. Однако в Катыни совместная траурная церемония состоялась, а насчет мероприятий в Польше вопрос так и остался открытым?!

Помимо этого российскому руководству пора, следуя примеру польской стороны, поставить вопрос о сооружении в Польше мемориального комплекса, посвященного русским солдатам, как Красной, так и Белой Гвардии, погибшим в польских лагерях в 1919—1922 гг.

На сегодняшний день единственный в Польше скромный мемориал, посвященный 22 погибшим в 1920 г. красноармейцам, с большими трудностями был открыт осенью 2010 года в небольшом польском городке Оссув под Варшавой. Его открытие дважды срывали польские вандалы. Но, тем не менее, его все же открыли. К сожалению, российский президент Медведев не посетил этот мемориал. Видимо, польская сторона не включила посещение Оссува в программу визита Медведева, а российская сторона не настояла на этом.

В итоге вся польская оппозиционная пресса с большим удовлетворением отметила этот факт. Российский президент ограничился тем, что в ходе совместной с президентом Польши пресс-конференции, заявил, что сложности в отношениях Польши и России относятся и к периоду до Катыни. *«Я имею в виду гражданскую войну в нашей стране, когда десятки тысяч красноармейцев, которые оказались в Польше, пропали или погибли. И по этим вопросам также нужно вести диалог».*

Однако следует напомнить, что в канун визита Медведева в Польшу, **4 декабря исполнилось ровно 10 лет**, как по инициативе предыдущего президента Владимира Путина, 4 декабря 2000 г. Росархив и Генеральная дирекция государственных архивов Польши подписали соглашение о совместной работе выявлению обстоятельств гибели пленных красноармейцев в польских лагерях. К сожалению, дистанция между словами и действиями российского руководства в данном случае оказалось неоправданно большой невольно вспоминается библейская истина «и узнаете их, по делам их».

Февраль 2006 г. — декабрь 2010 г.

Литература

Абаринов В. Катынский лабиринт. <http://katyn.codis.ru/abarinov.htm/>

Библия. Иерусалим, 1992.

Вальден Н.А. В польском плену, записки. «Новый мир», № № 5, 6, 1931.

Витте В. Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против советского Союза. В сборнике статей «Вторая мировая война: Взгляд из Германии», М.: Яуза, ЭКСМО, 2005.

Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1963

Гиндин Л. Воспоминания (http://www.krotov.info/librali/ry/k/krotov/lb_01.html#4).

Герцштейн Р. Война которую выиграл Гитлер. Смоленск. 1996.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990.

Ежевский Л. Катынь 1940. Сокр. перевод с польского О. и Э.Штейн. by TELEX 1983.

Иванов Ю. Трагедия польского плена. «Независимая газета». 16.07.1995.

Иванов Ю.В. Очерки истории советско-польских отношений в документах 19017—1945 гг. «Наш современник». Москва, 2005.

История ВКП(б). Издательство ЦК ВКП(б) «Правда». 1938.

- Кротов Я. «Компенсации не тщеба». Московские новости. № 1085, 28. 11. 2000.
- Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы материалы./Отв. составитель Н.С. Лебедева. М., Демократия, 1999.
- Катынь. Март 1940-сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. / отв. Составитель Н.С.Лебедева. М., Изво «Весь мир», 2001.
- Карпус З. Факты о советских военнопленных 1919—1920. «Новая Польша» № 11, 2000.
- Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг. Сборник документов и материалов.-М.; СПб.: Летний сад, 2004.
- Матвеев. «Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919—1920 годах». Новая и новейшая история. № 3, 2006.
- Мельтюхов М.И. Советско—польские войны. Белый орел против красной звезды. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
- Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919—1921гг.? //Новая и новейшая история. № 3, 1995.
- Новак А. Десять вопросов. «Новая Польша» № 4, 2005.
- Памятных А. Пленные красноармейцы в польских лагерях. «Новая Польша». № 10, 2005 г. (<http://www.novopol.ru/index.php?id=498>).
- Поиски «анти-Катыни». Интервью с Б.Носовым. «Новая Польша» № 11, 2000.
- Помяновский Е. К истории дезинформации. «Новая Польша» № 5, 2005.
- Польская война. Беседа с проф. П.Вечоркевичем. «Rzeczpospolita», 28 сентября 2005.
- Райский Н.С. Польско-советская война 1919—1920 годов и судьба военнопленных, заложников и беженцев (<http://www.auditorium.ru/books/751>).
- Свидетельство М.В.Батурицкого (<http://katyn.ru/forums/viewtopic.php?id=55>).
- Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939—1941.-М.: ТОО «Новина», 1997.
- Симонова Т.М. Поле белых крестов. Родина. № 4, 2001г.

Симонова Т.М. Польские лагеря смерти: 1920—1924 гг. «Татьянин день». № 2(59), 2005 г.

Смирнов А. Беспамятство. «Позиция» еженедельник Тверского отделения КПРФ, 15. 12. 2007.

Строгин А. В Польше тоже пытаются переписать историю. «Российские вести». 16—23. 03. 2005.

Тюляков С.П. Польский лагерь смерти. «Русский дом». Октябрь, 2005.

Фабрика смерти. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.

Филатов С. Катынь — трагедия не только Польши, но и России. Лит. журнал «Кольцо «А», № 34, 2005.

Филимошин М.В. Десятками стрелял людей только за то, что... выглядели большевиками. — Военно-исторический журнал, 2001, № 2

Филимошин М.В. Россия ждет ответного покаяния. «РФ сегодня», 2005.

Штейфон Б.А. Бредовский поход.

Jacek Wilczur. «Niewola i eksterminacja jencow wojennych — wlochow w niemieckich obozach jenieckich. Wrzesien 1943 — maj 1945. Wydawnictwo Ministerstwa Obrany Narodowej. 1969.

Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю, Парсаданова В.С.. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ежи Урбан. «Nie» (Польша), 30 апреля 2007 г.

ОТ ЛЯХОПРОВОДА ДО ТРУБОПРОВОДА

Только кровь поляков питает польский патриотизм. Сося собственную кровь, мы являемся народом самодостаточных вампиров.

Польша не имеет претензий к острову Рождества, Габону, Шри-Ланке, Доминиканской Республике, Мальте и Монако. Остальные страны на Польшу нападали, оккупировали, участвовали в разделах или, по крайней мере, пренебрегали ею и оставляли в одиночестве. За эти исторические обиды правящие Речью Посполитой близнецы должны получить плату. А правительства всех стран обязаны подчиниться требованию Польши, чтобы ее интересы ставились выше своих собственных. Мы называем это польской исторической политикой. Так-то, фрау Меркель, — «Бисмарк с прокладкой», — ображать надо.

Польская историческая политика произрастает из трагизма польской истории. Когда польский народ слезал с дерева, то зацепился шерстью за ветку и упал под машину. Скорее всего, на голову упал. Это стало началом множества неудач,

из которых и состоит наше прошлое. Наши исторические несчастья — это Россия, Германия, Франция, Швеция, Литва, магнаты, наводнения, потопаы и разливы, либерум вето, коммунизм, гитлеризм, Наполеон, сентябрьское поражение и поражение под Мачёевицами, масоны, крестоносцы, казаки, оккупации, разделы, выборные короли, спецслужбы, турки и украинцы, УПА, КГБ, НКВД, ZNP и GG, сталинизм, посткоммунизм, военное положение, Миллер, последняя черта, Тарговица и торговый центр в Катовицах.

Обиды и страдания предков дают Польше вечное моральное преимущество над другими обычными странами. Россия хочет против Польши положить трубу под Балтикой, мы ей на это твердо скажем: Катынь, Катынь, Катынь. И будем повторять до тех пор, пока у Кремля труба не отвалится. Немецкая фрау канцлер говорит, что европейская конституция muß sein. Мы ей на это: Освенцим, Освенцим и еще раз Ось. И что затем Польша проиграла Вторую мировую войну вместе с немцами, чтобы теперь пухленькая немецкая канцлерша проявила солидарность и помогла нам ввозить мясо в Москву.

У нас «холодная война» с Россией. Россия говорит, что посылаемое на восток польское мясо — это аргентинское мясо. А мы твердим, что людское мясо, которое во время Второй мировой войны везли с востока и жарили в печах Освенцима, было человечинной граждан польских. А не советских. Россию мы пустим в Европу только тогда, когда трупы польских свиней и коров смогут, подобно Димитрию Самозванцу, свободно въезжать в Москву. Запихивать польское мясо в православные глотки — вот наша месть за подавление восстаний, за Сибирь, Катынь, ПНР и т.д.

Внутренняя историческая политика Польши, то есть люстрация, деКГБизация, декоммунизация и ИНПенизация — это месть радикальных патриотов за исторические грехи самого польского народа. Главной его виной были слишком длинные антракты между очередными восстаниями. Только кровь поляков питает польский патриотизм. Сося собственную кровь, мы являемся народом самодостаточных вампиров.

Скоро внутренняя историческая политика IV Речи Посполитой будет укреплена законом о декоммунизации, который предусматривает уничтожение исторических памятников тех трагических эпох, когда у власти были не Качиньские. Газеты сообщили, что в правительственном списке есть и уничтожение памятника польско-советскому братству по оружию, — его предполагается взорвать. Есть такой в Варшаве на Праге. В народе его зовут памятником грустных. Солдаты двух армий стоят с опущенными головами и уже много лет их не поднимают, так им стыдно. Но даже этот символ покаяния в коллаборационизме должен быть разрушен. И удастся Польше, Отчизне нашей, при помощи динамита вызвать неспровоцированное возмущение в России и других постсоветских странах, откуда пришли к нам и погибли на тех землях, что теперь зовутся польскими, 600 тысяч солдат. Народы бывшего СССР вообще не знают, что их армия Польшу не освобождала, а порабощала. Польская историческая политика с грохотом просветит эти народы.

В течение нескольких месяцев с августа 1944-го до конца апреля 1945-го погибло больше солдат польской армии, воюющей бок о бок с Красной Армией, чем во всей сентябрьской кампании 1939 года и во всех польских частях западного альянса, вместе взятых. Эти погибшие на советских фронтах вообще не знали, что уходят на тот свет ради порабощения своей Родины. Но даже нынешние выученики Института национальной памяти должны бы ответить на несколько вопросов. Например, I и II армии Войска Польского, занимая Восточную Пруссию, Западное Поморье, нижнюю Силезию и т.п., — порабощали немецкие земли или освобождали? Потому что их завоеваниями Польша по сию пору пользуется с большим удовольствием. И дальше, уходя на запад, польские солдаты освобождали Бранденбург, Саксонию, Берлин, Дрезден, Лейпциг или порабощали? Ну, может, так: порабощали только до Варты или только до Одера, а дальше уж освобождали?

Следующий вопрос: к послевоенной зависимости Польши от Советского Союза не приложила ли свою руку армия Ан-

дерса, которая из СССР эвакуировалась на Ближний Восток, вместо того чтобы там остаться, в 1944-м вступить в Польшу, вбирая в себя Армию Крайову и миллион рекрутов. Тогда советская политика устройства послевоенной Польши не могла бы не принимать во внимание такой политической силы, подчиненной лондонскому правительству. Так что имеет ли право Андерс отбирать улицы у Берлинга? И вообще, продолжать ли эту столь спорную аннексию улиц? Внутренняя историческая политика и внешняя историческая политика — это, по своим результатам, одна общая политика, превращающая Польшу в чирий на правой ягодице Европы.

Pytają nas wciąż cudzoziemcy, cóż takiego ci rządzący u was straszliwi bliźniacy rozumieją przez tę swoją politykę historyczną. Wyjaśniam, że oni w ten sposób ogłaszają, że Polska pod ich władztwem nikomu już (z wyjątkiem Stanów Zjednoczonych) nie będzie robić laski. Zamiast laski ona wszystkim teraz robi łaskę. Po prostu bracia K. do jednej polskiej litery dodali małą ukośną kresczkę.

Примечание переводчицы: Последний абзац — это труднопереводимый каламбур, более того, это крайне неприличный каламбур. Смысл такой: под властью близнецов Польша никому более интимных услуг оказывать не будет (за исключением США), а станет поглядывать свысока.

ГИТЛЕР О ПОЛЯКАХ

Оперативной группой НКВД в Берлине в одном из сейфов разрушенного здания канцелярии Гитлера обнаружен документ, содержащий заметки Бормана о беседе, состоявшейся 2 октября 1940 года на квартире у Гитлера, — об обращении с польским населением. При этом представляю перевод документа. Подлинник находится в НКВД СССР.

ЗАМЕТКА

2.10.1940 после обеда, состоявшегося на квартире у фюрера, возник разговор относительно характера губернаторства, об обращении с поляками и об уже утвержденной фюрером передаче округов Пиотркув и Томашув в Вартскую область.

Беседа началась с того, что рейхсминистр д-р Франк сообщил фюреру о том, что деятельность в генерал-губернаторстве можно назвать чрезвычайно успешной. Евреи в Варшаве и в других городах заперты в гетто. Краков в скором времени будет очищен от них.

Рейхсляйтер фон Ширах, сидевший по другую сторону фюрера, заметил, что у него в Вене есть еще свыше 50 000 евреев, которых должен был забрать д-р Франк. Д-р Франк считал это невозможным! Гауляйтер Кох указал на то, что он до сих пор не выселил из области Цеханув ни поляков, ни евреев; само собой разумеется, что этих евреев и поляков должно принять генерал-губернаторство. Д-р Франк стал возражать также и здесь; он подчеркнул, что невозможно посылать к нему в генерал-губернаторство евреев и поляков в таком количестве, так как нет никакой возможности разместить их. С другой стороны, не следует отнимать у него, как это предусмотрено, округа Томашув и Пиорткув.

Фюрер следующим образом занял принципиальную позицию в этом вопросе: он подчеркнул, что совершенно безразлично, какой будет плотность населения в генерал-губернаторстве; плотность населения в Саксонии достигает 347 человек на кв. км, в Рейнской провинции она равна 324, а в Сааре даже 449 человекам на кв. км. Совершенно непонятно, почему плотность населения в генерал-губернаторстве должна быть ниже. Люди, проживающие в Саарской области и в Саксонии, не могли жить одним сельским хозяйством; они должны были производить и экспортировать машины и т.д., что-

бы заработать себе на жизнь. Люди в генерал-губернаторстве, т.е. поляки, не являются квалифицированными рабочими, как наши немецкие соотечественники, и не должны вовсе стать ими; для того чтобы прожить, они должны экспортировать свою собственную рабочую силу, так казать, самих себя. Поляки должны, таким образом, отправиться в империю и трудиться там в сельском хозяйстве, на дорогах и прочих неквалифицированных работах, чтобы таким путем заработать себе на жизнь; их местожительством должна остаться Польша, так как мы вовсе не хотим иметь их в Германии и не хотим кровосмешения с нашими соотечественниками.

Фюрер подчеркнул далее, что поляки, в противоположность нашим немецким рабочим, рождены специально для тяжелой работы; нашим немецким рабочим мы должны предоставлять все возможности продвижения, по отношению к полякам об этом не может быть и речи. Даже нужно, чтобы жизненный уровень в Польше был низким, и повышать его не следует.

Генерал-губернаторство не должно ни в коем случае являться замкнутой и однородной экономической областью, оно не должно самостоятельно полностью или частично производить необходимые для него промышленные изделия, генерал-губернаторство является источником рабочей силы для неквалифицированных работ (производство кирпича, строительство дорог и т.д. и т.д.). Нельзя, подчеркнул фюрер, вложить в славянина ничего другого, кроме того что он представляет собою по природе. В то время как наши немецкие рабочие являются, как правило, усердными и трудолюбивыми по природе, поляки ленивы, и их приходится заставлять работать. Впрочем, нет предпосылок к тому, чтобы губернаторство стало самостоятельной хозяйственной областью, отсутствуют ископаемые, и если бы они и были, поляки не способны к их использованию.

Фюрер разъяснил, что в империи необходимо крупное землевладение, чтобы прокормить наши большие города; крупное землевладение и другие сельскохозяйственные пред-

приятия нуждаются для обработки земли и уборки урожая в рабочей силе, причем в дешевой рабочей силе... Как только окончится уборочная кампания, рабочие смогут вернуться назад в Польшу. Если бы рабочие работали в сельском хозяйстве круглый год, они употребляли бы сами значительную часть урожая, поэтому было бы крайне правильным, если бы на время посевной и уборочной кампаний из Польши прибывали сезонные рабочие.

Мы имеем, с одной стороны, перенаселение индустриальных областей, а с другой стороны, недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве. Здесь будут использованы польские рабочие. Таким образом, будет совершенно правильным, если в губернаторстве будет избыток рабочей силы, тогда необходимые рабочие будут действительно ежегодно поступать оттуда в империю. Непременно следует иметь в виду, что не должно существовать польских господ; там, где они будут, — как бы жестоко это ни звучало — их следует уничтожить.

Естественно, не должно происходить кровосмешения с поляками; поэтому было бы правильным, если бы вместе с польскими жнецами в империю прибывали бы и польские жницы. Для нас было бы безразличным, что они станут творить между собою в своих лагерях; ни один протестантский ревнитель не должен совать нос в эти дела.

Фюрер подчеркнул еще раз, что для поляков должен существовать только один господин — немец; два господина один возле другого не могут и не должны существовать, поэтому должны быть уничтожены все представители польской интеллигенции. Это звучит жестоко, но таков жизненный закон.

Генерал-губернаторство является польским резервом, большим польским рабочим лагерем. Поляки также выгадают от этого, так как мы заботимся об их здоровье и о том, чтобы они не голодали и т.д.; но они никогда не должны быть подняты на более высокую ступень, так как тогда они станут анархистами и коммунистами. Поэтому будет правильным, если поляки останутся католиками; польские священники будут получать от нас пищу, за это они станут направлять своих овец по желательному для нас пути. Священники будут

оплачиваться нами и за это станут проповедовать то, что мы захотим. Если найдется священник, который будет действовать иначе, то разговор с ним будет короткий. Задача священника заключается в том, чтобы держать поляков спокойными, глупыми и тупоумными, это полностью в наших интересах; если же поляки поднимутся на более высокую ступень развития, то они перестанут являться рабочей силой, которая нам нужна.

В остальном будет достаточным, если поляк будет владеть в генерал-губернаторстве небольшим участком, большое хозяйство вовсе не нужно; деньги, которые ему необходимы для жизни, он должен заработать в Германии. Нам нужна именно такая дешевая рабочая сила, ее дешевизна пойдет впрок каждому немцу и каждому немецкому рабочему.

В губернаторстве должна быть строгая немецкая администрация, чтобы поддерживать порядок среди поляков. Для нас эти резервы означают поддержку сельского хозяйства, особенно наших крупных имений, кроме того, они являются источником рабочей силы.

Рейхсминистр д-р Франк заметил, что поляки зарабатывают в Германии слишком мало, они не могут послать домой даже одной марки, поэтому он должен оказывать поддержку семьям проживающих в Германии рабочих.

Гауляйтер Кох возразил, что сельскохозяйственные рабочие получают 60% зарплаты немецких сельскохозяйственных рабочих, и это, несомненно, правильно, так как зарплата поляков должна быть ниже. Должно быть установлено, что часть зарплаты поляков должна в принудительном порядке посылаться в губернаторство.

Рейхсминистр д-р Франк заметил еще раз, что он должен иметь одежду для своих поляков, которую можно получить, если ему оставят округ Томашув.

Фюрер указал на низкий жизненный уровень многих немецких крестьян и сельскохозяйственных рабочих, которые лишь в немногие дни года могут позволить себе приготовление мясных блюд. Польские пленные, согласно каким-то предписаниям, снабжаются, к сожалению, гораздо лучше.

Резюмируя, фюрер установил еще раз:

1) последний немецкий рабочий и последний немецкий крестьянин должен всегда стоять в экономическом отношении на 10% выше любого поляка.

2) Следует изыскать возможность к тому, чтобы живущий в Германии поляк не получал на руки всего своего заработка, а часть его направлялась его семье в генерал-губернаторство.

3) Я не хочу, подчеркнул фюрер, чтобы в общем немецкий рабочий работал более восьми часов, когда у нас снова будут нормальные условия; однако если поляк будет работать 14 часов, то несмотря на это, он должен зарабатывать меньше, чем немецкий рабочий.

4) Идеальная картина такова: поляк должен владеть в генерал-губернаторстве небольшим участком, который обеспечит в известной мере пропитание его и его семьи. Деньги, необходимые для приобретения одежды, дополнительного питания и т.д. и т.д., он должен заработать в Германии. Губернаторство должно стать центром поставки сезонных неквалифицированных рабочих, в особенности сельскохозяйственных рабочих. Существование этих рабочих будет полностью обеспечено, так как они всегда будут использоваться в качестве дешевой рабочей силы.

Рейхсминистр д-р Франк еще раз спросил фюрера относительно округов Томашув и Пиотркув. Фюрер решил, что д-р Франк должен еще раз переговорить с Грейзером; после этого он намерен еще раз заслушать обоих господ по этому вопросу.

М. Борман

Разослано тов. Сталину, Молотову, Маленкову, Микояну.
17 ноября 1945 г. № 1288/6

ГА РФ. Ф. Р-9401 «Министерство внутренних дел СССР (МВД СССР)». Оп. 2. Д. 100. Л. 484-490. Копия экз. № 5.

«ОПЕРАТИВНЫЕ СВОДКИ ЧАСТЕЙ 20-й ДИВИЗИИ»

Сов. секретно.

Командиру 20-й дивизии войск НКВД

Копия: командиру 1, 2, 3, 4, 5 и п/рот

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 12 за июнь месяц 1941 г.

ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА.

1. В первых числах июня м-ца с/г в южной и северной части канала открылась навигация с 14.6.41 по всему каналу.

2. До начала военных действий на Маткожненское строительство (район 4-й роты) продолжали прибывать партии заключенных, среди которых имелись бывшие польские офицеры.

3. Сейчас со всех лагерных пунктов окружающих канал собираются к/р элементы из з/к и партиями конвоируются на Пудож и далее на северо-восток по направлению на Архангельск.

4. На Конж-озеро 12 клм восточнее 8 шл[юза]. в 3.00 23.VI.41 г. два германских самолета высадили АДГ...

...26.6.41 г. в 0 ч. 40 м. на 10 км тракта Телейкино — Петровский в сторону юга 80—100 м была обнаружена АДГ...

Командир полка подполковник *Бухарин*.

Начальник штаба капитан *Громков*.

РГВА, ф. 38291, оп.1, д.8, л. 94.

Сов. секретно

Командиру 20-й дивизии войск НКВД

ОТЧЕТ

о служебной деятельности 155 полка войск НКВД по охране Беломорско- Балтийского канала им. тов. Сталина за 1-е полугодие 1941 г.

В КАКОЙ ОБСТАНОВКЕ ПОЛК НЕС СЛУЖБУ.

1. На участке 1 и 2 роты в январе месяце с/г прибыло несколько этапов з/к в лагерь около 2-го шлюза, один из этапов был с з/к западных областей Белорусской и Украинской ССР исключительно бывшие полицейские и один в Вол-озерское отделение севернее 7-го шлюза в 5 клм.

2. На участке 1-й роты идет строительство 2-го пути Кировской жел. дороги силами вольнонаемных рабочих, завербованных в центральных областях СССР. Строится гидроэлектростанция на реке Онда (Ондострой), силами заключенных.

В Надвоицкий лагерь трудколоники прибыло 4 этапа малолеток и 2 этапа взрослых, осужденных на разные сроки.

3. На участке 4-й роты идет большое строительство по постройке гидроэлектростанции и алюминиевого комбината силами заключенных, где работает до 12000 человек.

Заключенные лагпункта ранее имели цель обезоружить охрану лагеря и бежать. Своевременно принятыми мерами побег предотвращен.

4. На участке 5-й роты идет строительство гидролизного завода и жел. дор моста через ББКанал силами з/к.

...В последние дни производится полная эвакуация с районов окружающих канал лагерных пунктов з/к и ВОХР по направлению на Архангельск.

Командир полка подполковник *Бухарин*.

Начальник штаба капитан *Громков*.

РГВА, ф. 38291, оп.1, д.8, л. 99.

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ ЗВЕРСТВ

от 23 января 1944 года

Опрос свидетеля Ветошникова.

Потемкин: Вы обращались к начальнику Смоленского участка тов. ИВАНОВУ с просьбой о даче вам вагонов для эвакуации военнопленных поляков. Расскажите, как это было?

Ответ: 10-го числа я провел совещание с административным составом об эвакуации лагеря. Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к начальнику движения Смоленского участка Западной ж. д. т. Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т. Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной, — я не знаю.

Потемкин: О каком количестве вагонов шла речь?

Ответ: Мне нужно было 75 вагонов, но я просил любое количество, лишь бы только как-нибудь погрузиться и выехать. К этому времени с Москвой связь была нарушена и связаться с Москвой мне не удалось.

13 июля я выехал для того, чтобы попасть в лагерь, но на Витебском шоссе застава меня не пропустила. Я возвратился обратно в Смоленск и хотел по Минскому шоссе попасть в лагерь, но и здесь застава меня не пропустила. Я попробовал связаться с комендатурой охраны тыла, но этого мне не удалось. Таким образом в лагерь я не попал.

Потемкин: Есть ли у вас какие-нибудь сведения, что стало с поляками из лагерей?

Ответ: У меня никаких сведений не было об этом до опубликования материалов по «Катынскому делу».

Толстой: Комиссии сообщили, что документы из лагеря спасены.

Ответ: Не все документы. Вывезены были личные учетные дела, еще с начала появления парашютных десантов.

Потемкин: Какое количество находилось в трех названных лагерях?

Ответ: У меня в лагере было 2932 человека, в лагере №3 — более 3 тысяч, в лагере №2 — примерно полторы, максимум 2000.

Толстой: Какое настроение было у военнопленных поляков офицеров при Советской власти?

Ответ: Старшее офицерство было замкнуто, подофицеры и средняя часть с началом военных действий были настроены так, что хоть вооружай их сегодня и они пойдут против Германии. Средние слои придерживались того, что, как бы ни сложилась обстановка, Польша не сгинет. Они ориентировались на правительство Сикорского.

Толстой: Высшее офицерство тоже работало?

Ответ: Начиная от подполковника и выше военнопленные на работах не использовались. Свободно общались между собой, питание было хорошее. Связь была ограничена только с населением.

Гундоров: Из каких лагерей были у вас офицеры?

Ответ: Основная часть была из Козельского лагеря, часть из Осташковского лагеря и Старобельского лагеря.

Гундоров: Была ли у вас в лагере библиотека?

Ответ: В лагере были книги на польском языке, была и наша политическая литература, которой пользовались свободно, была радиотрансляция.

Потемкин: На работах поляки были в своем обмундировании?

Ответ: Да, они находились в своем обмундировании. Обмундирование и обувь у офицерского состава были в порядке. Они очень аккуратно и бережно относились к нему. Можно было заметить, что в сырую погоду они надевали на сапоги самодельные деревянные колодки или же летом ходили в одних колодках с целью сохранения обуви.

Потемкин: В предъявленном нам т. Ветошниковым общем деле переписки с лагерем особого назначения № 1 имеются документы, относящиеся уже к периоду начала войны, в частности, последний документ имеет дату 25 июня 1941 г.

ПОКАЗАНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ШНЕЙДЕРА

13а Бамберг

Якобсберг 22

Перевод с немецкого

США- зона Германии Бамберг, 2.IV.1947 г.

В ПОЛЬСКОЕ ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО

Я имею возможность сообщить Министерству обстоятельные данные о том, какой немецкий полк произвел убийство польских офицеров в Катынском лесу. Это не был разведывательный полк (Necresnachrichten) 537. Затем могу сообщить, когда произошло массовое убийство и по чьему приказу.

Кроме того, могу сообщить, как немецкие войска (не SS) по приказу офицеров производили массовые убийства польского гражданского населения еще в 1939 году. Также данные об убийствах польских и советских солдат, производимых немецкими войсками. Если польское Военное министерство заинтересовано этими сведениями, прошу сообщить мне.

С большим уважением *Вильгельм Шнейдер.*

Перевели: С.Пронин (*подпись*), А.Иванцов (*подпись*)

Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 07, опись 30а, папка 20, дело 13, л. 23. Подлинник.

Перевод с польского.

Копия.

ПРОТОКОЛ

допроса свидетеля Вильгельма Гауля Шнейдера

5 июня 1947 г. в городе Бамберг по ул. Якобсберг, № 22, Германии, в американской зоне оккупации Германии, ко мне, капитану Б.Ахту, явился немецкий гражданин Вильгельм Га-

уль Шнейдер и в присутствии прокурора д-ра Савицкого дал следующие показания:

Признаю, что предъявленное мне в копии письмо от 2 апреля 1947 года, адресованное «Военному министерству Польши — Варшава» относительно сообщения о преступлении, совершенном в Катыни, написал я.

I

Я, сын Доминика и Анны, урожденной Вавжинек, родившийся 10 января 1894 г. в Роздзене Катовицкого уезда Верхней Силезии, вероисповедания римско-католического, по профессии журналист, предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний и изъявляю готовность дать под присягой настоящие показания.

II

До прихода Гитлера к власти, т.е. до 30.I.1933 г., я работал в качестве журналиста в периодических изданиях «Wielт am Montag», «Montag Morgen» и «Wüelтbuhne», выходивших в Берлине.

Позднее, из-за принадлежности к социалистической партии (SPD) я не был включен в список правомочных журналистов. Очутившись в таком положении, я поступил на обувную фабрику «Batta» «Ottmuth» К.Кrapitz в немецкой Верхней Силезии в качестве референта по печати. Там я работал по 2 августа 1940 г., т.е. до момента призыва в немецкую армию, во флот, в Wilhelmshafen. Спустя несколько недель, а именно 9 сентября 1940 г., я был арестован гестапо (SD) из Ополя.

Меня арестовали в г. Hook van Holland в Голландии и доставили в Ополе. Причиной моего ареста послужила моя деятельность совместно с верхне-силезскими поляками против режима и войска. После 3-месячного пребывания в тюрьме в Ополе, где меня подвергали пыткам с целью получения признаний, я был переведен в Бердин в Wehrmachtsuntersuchungsgefängisse, Tegel, Seidelstrasse 39, которая была тюрьмой Reichskriegsgericht. В этой тюрьме я находился около 2 лет,

т.е. до 4 сентября 1942 г., когда я был приговорен IV Senat'ом Reichskriegsgericht к расстрелу.

К концу сентября 1942 г. ночью, накануне казни — точной даты не помню — в тюрьме я принял яд, чтобы покончить с собой. Несмотря на принятие большой дозы яда, попытка самоубийства не удалась и я в течение 14 дней боролся со смертью. Через 14 дней я пришел в сознание. За это время мой защитник адвокат д-р Bragger, проживающий в Берлине, подал прошение о моем помиловании. Прошение было рассмотрено положительно и смертная казнь была заменена пожизненным заключением.

После этого меня перевели в Вальдгейм в Саксонии, где я находился до 7 мая 1945 г., т.е. до вступления советских войск. В поисках семьи, также вывезенной гестапо, я приехал в г. Бамберг, где в настоящее время проживаю и работаю в качестве журналиста социалистической печати. Помещаю статьи под своей фамилией, особенно интересуюсь проблемами профсоюзов и общественными вопросами. Являюсь членом общества жертв гитлеризма. Моя жена, которая также была арестована гестапо в Ополе, в настоящее время является домашней хозяйкой, а мои три дочери работают в различных американских учреждениях. Две из них помолвлены с американцами и выезжают в США.

Являясь выходцем из Силезии, я владею польским языком и поэтому выразил согласие, чтобы показания на допросе, который ведется на немецком языке, были переведены и записаны на польском языке с тем, чтобы я имел полную возможность прочитать и проверить, соответствует ли протокол на польском языке показаниям, данным на немецком языке.

III

Во время пребывания в следственной тюрьме Tegel, а именно зимой 1941/42 г., я находился в одной камере с немецким унтер-офицером, фамилию которого не помню, выходцем из Цербста, земли Ангальт, сыном железнодорожника. Он мне рассказал, что во время войны он служил в пол-

ку «Regiment Grossdeutschland», позднее преобразованном в дивизию. Этот унтер-офицер был обвинен в подрыве боевого духа народа, или пораженчестве, и приговорен к смерти. Между прочим, он рассказал мне, что этот полк использовался в карательных целях.

Он, например, сказал, что этот полк в 1939 г. в Польше провел ряд массовых убийств и репрессий. Он рассказывал мне также, что **поздней осенью 1941 г., точнее, в октябре этого года, его полк совершил массовое убийство более десяти тысяч польских офицеров в лесу, который, как он указал, находится под Катынью (выделено автором).** Офицеры были доставлены в поездах из лагерей для военнопленных, из каких — я не знаю, ибо он упоминал лишь, что их доставляли из тыла. Это убийство происходило в течение нескольких дней, после чего солдаты этого полка закопали трупы.

Он говорил, что, возможно, когда-нибудь человечество узнает об этом преступлении. После совершения преступления полк был куда-то переведен, так как он не входил в состав армии. Когда я спросил о причинах убийства, он рассказал мне, что хотели устранить польский руководящий состав, чтобы он не угрожал тылам немецкой армии.

В одиночных камерах из-за переполнения тюрем находилось тогда по два заключенных. Поэтому и я находился с ним в одной камере. Больше по этому вопросу я ничего не знаю.

IV

Прилагаю конверт с адресом адвоката, который меня защищал и добился помилования. По моему делу к смертной казни были приговорены следующие лица: 1. Гуто Томашевский из Катовиц, польский офицер, 2. Пауль Джимала из Бытома и Вессель, имя которого не помню. Во время заседания Международного Трибунала я слышал о Катынском деле и написал письмо в Трибунал, изъявляя готовность быть свидетелем. Однако **никакого ответа я не получил (выделено автором).** Борясь всю жизнь с гитлеризмом, я считал своей

обязанностью сообщить о вышеуказанном Военному министерству в Польше. Возможно, что исследование в этом направлении позволит выяснить дело.

Свидетелю заявлено, что если он вспомнит еще какие-то подробности, он может поставить в известность делегата Польской Республики при Трибунале в Нюрнберге, телефон № 61384, или гранд-отель Нюрнберг.

Показания я прочитал и понял. Они соответствуют моим показаниям, данным на немецком языке, в подтверждение чего расписываюсь.

Вильгельм Шнейдер.
Бернард Ахт, капитан.

Соответствие копии с оригиналом подтверждаю.

Секретарь вице-министра *(подпись неразборчива)*

Перевели: С.Пронин *(подпись)*, А.Иванцов *(подпись)*

Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 07, опись 30а, папка 20, дело 13, л. 24—29. Подлинник.

К пункту 104 прот. №187
Секретно

ЦК КПСС

О наших шагах в связи с польскими требованиями
к Советскому Союзу

К настоящему времени развязаны две центральные проблемы, омрачавшие советско-польские отношения: признание существования секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. и вины Берии и его подручных за гибель интернированных польских офицеров в Катыни.

Польская сторона, освоившая за эти годы методику давления на нас по неудобным вопросам, выдвигает сейчас группу новых требований, нередко вздорных и в совокупности неприемлемых. Министр иностранных дел К.Скубишевский в октябре 1989 г. поставил вопрос о возмещении Советским Союзом материального ущерба гражданам польского происхождения, пострадавшим от сталинских репрессий и проживающим в настоящее время на территории Польши (по польским оценкам — 200—250 тыс. человек). Речь идет о выплате 5—7 млрд. руб. В конце апреля с. г. сейм и сенат Республики Польша приняли специальную резолюцию по Катыни, в которой выражается надежда, что правительство СССР рассмотрит проблему компенсации семьям погибших. Цель этих требований раскрыта в польской прессе — списать таким способом задолженность Польши Советскому Союзу (5,3 млрд. руб.).

Стремлением подогреть антирусские и антисоветские настроения продиктована систематически выдвигаемая претензия на выдачу польских культурных ценностей.

МИД РП в конце апреля 1990 г. официально поставил вопрос о возвращении в Польшу ценностей польской культуры, оказавшихся в Советском Союзе «в результате захвата части территории Польши бывшей Российской империей», «занятии Советским Союзом территории польского государства после 17 сентября 1939 года», и даже «вывезенных Советской Армией в 1945 году из западных и северных земель Польши», отошедших от Германии. В таком объеме это делается впервые.

В силу всех этих акций у польской, а отчасти и советской общественности складывается мнение, выгодное нынешним польским властям, о некоей односторонней вине Советского Союза. Между тем наш счет Польше мог бы быть куда весомее. Речь идет о культурных ценностях украинского, белорусского и русского народов, вывезенных в свое время в Польшу из западных областей Украины и Белоруссии, об огромных затратах на военные операции по освобождению Польши от немецких захватчиков (не говоря уже о мо-

ральном факторе — 600 тысяч советских воинов погибли на польской земле), об ущербе, нанесенном польской оккупацией жителям Советской России в войне 1920 года и в последующее время, о компенсации семьям советских воинов, погибших в 1944-1945 гг. в тылу наших войск от рук польского реакционного подполья.

По предварительным оценкам, ущерб, нанесенный Польшей только УССР и БССР, многократно превышает выдвигаемые польской стороной претензии к СССР. Детальная разработка украинских и белорусских потерь проводится, списки некоторых ценностей, находящихся сейчас в польских руках, имеются.

Полагали бы целесообразным:

— рекомендовать Комитету Верховного Совета по международным делам рассмотреть на одном из заседаний претензии польской стороны и направить ей аргументированный ответ, в котором показать, что требования и контртребования по вопросам, столь чувствительным для национального сознания людей в обеих странах, способны лишь накалить обстановку, не давая никаких ощутимых экономических результатов. Что касается исторических и культурных ценностей, то эта проблема может решаться на основе обоюдных договоренностей и эквивалентного обмена;

— предусмотреть, в случае неготовности польской стороны к такому подходу, возможность довести до сведения советской общественности факты, показывающие безосновательность польских претензий.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

А. Яковлев, Э. Шеварднадзе

29 мая 1990 г.

06/2-223

В правом верхнем углу первой страницы документа ниже слова «Секретно» прямоугольный штамп с надписью: «ЦК КПСС 1-й СЕКТОР 29 МАЙ 90 11148 ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО СЕЙМА К 65-й ГОДОВЩИНЕ КАТЫНЬСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Опубликовано 24.03.2005

В 56-ю годовщину катынского преступления Сейм Республики Польша воздает дань памяти предательски убитым военнопленным, прежде всего офицерам Войска Польского и государственной полиции, служащим администрации и судебных органов, посаженных в лагеря в Старобельске, Козельске и Осташкове.

По приказу Сталина и высшего руководства СССР в Катынском лесу, в Твери, Харькове и в других местах были злодейски убиты 22 000 представителей польской элиты, люди, до конца преданные делу свободы и независимости Польши, которые первыми в Европе приняли удар гитлеровской Германии.

Это беспрецедентное, кровавое убийство беззащитных военнопленных, совершенное с попранием самых элементарных принципов права и морали, было частью страшного плана двух тоталитарных государств — Третьего рейха и Советского Союза — по уничтожению Польши путем ликвидации самых достойных и патриотически настроенных ее граждан.

Отдавая дань памяти жертвам катынского преступления, мы выражаем благодарность всем тем, кто в прошедшие десятилетия, не взирая на запреты, преследования и широко распространенную официальную ложь, не оставлял усилий по поддержке памяти о Катыни и стремлению выяснить обстоятельства этого преступления.

Мы склоняем головы перед близкими убитых, которые в тяжелейших условиях хранили память о трагедии и разыскивали правдивую информацию о судьбах своих родных. Мы благодарим всех поляков в нашей стране и в эмиграции, которые отваживались добиваться правды о Катыни и оглашать ее.

Сейм Республики Польша выражает также сожаление, что до сего дня катынское преступление является предметом политических манипуляций, направленных на преуменьшение его масштабов и размытие ответственности виновников.

Мы убеждены, что только раскрытие полной правды о преступлении, а также осуждение и наказание всех виновных поможет затянуться этой ране и послужит формированию добрососедских отношений между Польшей и Российской Федерацией.

Примирение и дружбу между народами возможно строить только на фундаменте правды и памяти; но не на замалчивании, полуправде и лжи.

Поэтому, верные памяти невинных жертв, почивших в Катыни, Медном и Харькове, мы ожидаем от российского народа и властей РФ окончательного признания человеконенавистнического характера убийства польских военнопленных, так, как было определено во время Нюрнбергского процесса.

Мы также ожидаем выяснения всех обстоятельств этого преступления, а особенно — указания места захоронения огромной группы убитых пленных, могил которых до сего дня не удалось отыскать. Мы полагаем, что имена всех виновных в преступлении — не только отдавших приказ, но и исполнителей — должны быть публично названы и осуждены.

Мы выражаем сожаление по поводу прекращения следствия по катынскому преступлению Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Мы ожидаем от российской стороны выдачи всех документов, собранных в процессе следствия. Сейм Республики Польша выражает поддержку решения Института национальной памяти о возбуждении следствия по делу о катынском преступлении и считает необходимым продолжение начатых в этом направлении действий.

Мы призываем международное сообщество достойно почтить память жертв Катыни. Катынское преступление не может рассматриваться как одна из многочисленных военных «трагедий». Его исключительность должна быть признана с должным почтением во имя фундаментальных принципов справедливости и человеческой солидарности, чтобы никогда в будущем никто не посмел совершить подобных постыдных и чудовищных преступлений.

Неофициальный перевод с польского — HRO.org

ОТВЕТ ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ВАРШАВЕ НА ПИСЬМО РОССИЙСКОЙ ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Варшава

Институт национальной памяти

Новый председатель Института национальной памяти в Варшаве **Януш Куртыка** и председатель Главной комиссии по изучению преступлений против польского народа **Витольд Кулеша** выступили 6 марта 2006 г. с официальным заявлением от имени Института национальной памяти по вопросу катынского преступления, а также с информацией о ходе следствия.

28 февраля 2006 г. Институт национальной памяти получил переданное через польское посольство в Москве письмо Главной военной прокуратуры Российской Федерации от 18.01.2006 с изложением ее позиции по вопросу о возможности распространения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 (с изменениями от 22.12.1992) на жертвы катынского преступления.

С середины девяностых годов польское посольство регистрировало десятки запросов польских граждан — членов семей жертв катынского преступления, на которые российская сторона отвечала, что эти запросы могут быть рассмотрены только после окончания следствия, проводившегося Главной военной прокуратурой. Российское следствие было прекращено 21.10.2004 [так в тексте, в действительности — 21.09.2004 — прим. перев.]. Несмотря на запросы, польской стороне не был открыт доступ к его материалам. Российская сторона обосновала свою позицию тем, что большинство из более чем 180 томов следственного дела, а также постановление о его прекращении содержат гриф секретности.

В письме от 23.11.2005, направленном в польское посольство, российская прокуратура отказалась предоставить по-

становление об окончании следствия вдове расстрелянного в Катини польского офицера, а в письме от 18.01.2006 объяснила причины, по которым данный офицер «и другие не могут быть реабилитированы по указанным основаниям». Эта прецедентная позиция опирается на утверждение, что закон «о реабилитации (...) предусматривает реабилитацию лиц, которые были подвергнуты репрессиям по политическим мотивам» (подчеркнуто в оригинале письма). Далее утверждается, что «между тем в ходе предварительного следствия по данному уголовному делу, к сожалению, не было установлено, на основании какой статьи Уголовного кодекса РФ (в редакции 1926 г.) указанные лица были привлечены к уголовной ответственности, поскольку документация была уничтожена».

Позиция Главной военной прокуратуры Российской Федерации находится в отрыве от содержания распоряжения от 05.03.1940, подписанного Сталиным и членами Политбюро ВКП(б), в соответствии с которым было совершено катынское преступление. В распоряжении указано, что поляки, содержащиеся «в лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западной области Украины и Белоруссии (...), являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю». Поэтому было предложено дела этих «закоренелых, неисправимых врагов советской власти (...)», как «находящихся в лагерях военнопленных 14.700 человек (...), так и дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек (...) рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела». В решении Политбюро было поручено НКВД СССР провести «рассмотрение дел без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения».

Содержание процитированного решения от 05.03.1940 однозначно и вне всякого сомнения указывает, что катынское преступление было актом самых тяжелых политических репрессий. Поэтому аргумент Главной военной прокуратуры Российской Федерации, что для подобного утверждения необ-

ходимым является установление, на основании какой статьи российского уголовного кодекса 1926 г. убитые поляки «были привлечены к уголовной ответственности», находится в логическом противоречии с указанным в решении Политбюро способом совершения этого преступления — без предъявления намеренным жертвам каких бы то ни было обвинений, основанных на положениях российского уголовного кодекса, а также без решения об окончании следствия и без обвинительного заключения.

Такая позиция Главной военной прокуратуры Российской Федерации, по сути дела, закрывает дорогу для выработки с прокурорами Института национальной памяти совместных, согласованных определений и правовых оценок катынского преступления. Отказ распространить положения Закона «О реабилитации...» на жертвы катынского преступления и представленное прокуратурой обоснование такой позиции могут быть восприняты как унижение польских жертв и оскорбление чувств живущих членов их семей. Удивительно, что документация российского следствия по катынскому делу 1940 г. остается секретной в 2006 г. Поэтому ИНП обращается к Главной военной прокуратуре Российской Федерации с призывом рассекретить все документы следственного дела, а также завершающее постановление о его прекращении.

В данной ситуации главной целью польского следствия — наряду с выявлением всех живущих членов семей расстрелянных поляков, которым полагается статус пострадавших от катынского преступления, — является формулировка и детальное обоснование оценки этого преступления в исторических и правовых категориях. Для Польши оценка катынского преступления всегда будет критерием правды и доброй воли в польско-российских отношениях.

*Д-р Януш Куртыка (Janusz Kurtyka),
председатель Института национальной памяти.
Проф. Витольд Кулеша (Witold Kulesza),
директор Главной комиссии по расследованию
преступлений против польского народа.*

Информация о ходе следствия по делу о катынском преступлении

Постановление о начале следствия по делу о катынском преступлении было принято 30.11.2004. Оно основано на обширном правовом анализе фактического состояния дел, принимая во внимание, что данное преступление является военным преступлением, а также преступлением против человечности в его самой тяжелой форме — форме геноцида. Принятию решения о начале польского следствия предшествовало ознакомление с позицией Главной военной прокуратуры Российской Федерации, представленной председателю и прокурорам ИНП во время переговоров в Москве 04.08.2004.

Российская прокуратура не признала представленную директором Главной комиссии уголовно-правовую оценку катынского преступления, аргументируя свою позицию тем, что после 17.09.1939 в советском плену находились 240 тысяч поляков, из которых в соответствии с решением от 5 марта 1940 г., подписанным Сталиным и членами Политбюро, убиты 22 тысячи поляков, то есть такое количество жертв не может служить основанием для уголовно-правовой квалификации преступления как акта геноцида.

Одновременно было отмечено, что понятие геноцида было впервые введено в международное уголовное право в 1948 г. в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, а потому не может относиться к действиям, совершенным ранее.

Российская сторона оставила без содержательного ответа заявление директора Главной комиссии, который отметил, что в период Нюрнбергского процесса российский прокурор Ю. Покровский в своем выступлении 12.02.1946 представил катынское преступление, приписанное тогда немцам, как подлежащее осуждению на основе международного уголовного права, каким был Устав Нюрнбергского трибунала, а в обвинительном заключении, подписанном и российским прокурором, при квалификации массовых убийств, совершенных в отношении «евреев, поляков и цыган», использовался

термин «геноцид» («ludobojstwo»; вероятно, речь идет о термине «истребление» — прим. перев.).

Не были затронуты и другие представленные польской стороной проблемы, такие, как вопрос о юридической квалификации катынского преступления, основанной на результатах российского следствия, а также вопрос о влиянии военного приказа и распоряжения государственной власти на уголовную ответственность организаторов и непосредственных исполнителей преступления.

Напротив, было отмечено, что «нерационально» ожидать привлечения к суду живущих исполнителей преступления. Одновременно российская сторона декларировала готовность предоставить польской стороне заверенные копии всех томов дела в количестве ста и нескольких десятков (к середине девяностых годов полякам были переданы незаверенные ксерокопии 93 томов).

Несмотря на пятикратное обращение ИМП, данное обещание не было выполнено. Вместо этого прокурорам ИМП в период 10-21.10.2005 была предоставлена возможность ознакомиться с 67 томами дела, не содержащими грифа секретности, из общего количества свыше 180 томов. Не было дано согласия на снятие копий этих документов.

Просмотр предоставленных томов дела не расширил наших знаний о катынском преступлении и о результатах российского следствия. Несмотря на повторный запрос, также не была предоставлена возможность ознакомиться с содержанием постановления от 21.10.2004 о прекращении российского следствия [так в тексте, в действительности — 21.09.2004. — *Примеч. перев.*]

С момента начала польского следствия собраны показания 1497 свидетелей, главным образом членов семей расстрелянных, однако среди опрошенных есть и непосредственные свидетели тех событий — узник специального лагеря в Старобельске Юзеф Локучевский (Jozef Lokuciewski), освобожденный из лагеря в ноябре 1939 г., узник Козельского лагеря Богдан Ковальский (Bogdan Kowalski), освобожденный из лагеря в начале декабря 1939 г., а также уцелевший узник Козельского лагеря ксендз Здислав Пешковский (Zdzislaw Peszkowski).

В первую очередь опрашиваются свидетели самого преклонного возраста — жены убитых, братья и сестры, дети и другие живущие родственники. Следует отметить, что значительную долю опрашиваемых свидетелей составляют пожилые люди, которым трудно передвигаться. В таких случаях показания снимаются по месту жительства.

Диапазон проводимого следствия охватывает также убийства польских граждан, останки которых были обнаружены в массовых захоронениях на участке 19-20 в Днепровском лесничестве около села Быковня под Киевом, в также убийство польских граждан, останки которых были обнаружены в 1988 г. во время эксумационных работ в Куропатах под Минском.

В феврале 2005 г. из Генеральной прокуратуры Украины получено 77 страниц заверенных копий документов. Среди них — протокол допроса свидетеля Леонида М., который подтвердил факт пребывания в июле 1940 г. в киевской тюрьме НКВД на ул. Владимирской польского военного прокурора генерала Станислава Любодзецкого (Stanislaw Lubodziecki), а также факт содержания польских офицеров и гражданских лиц в Лукьяновской тюрьме в 1940 г.

Среди переданных документов находятся также заверенные выписки из двух экспертиз, проведенных в рамках следственных действий военной прокуратуры Северного региона Украины (номер 50-0092), касающихся массовых расстрелов граждан в 1937-1941 годах, которые потом были захоронены в массовых могилах на участке 19-20 в Днепровском лесничестве около села Быковня под Киевом. Получен доступ к Политическому архиву МИД Германии в Берлине, где прокуроры ИНП в период 19-22.07.2005 ознакомились с не изученными до сих пор документами и получили их копии на микрофильмах. От Генеральной прокуратуры Украины ожидают ответа на ранее направленные очередные запросы. Продолжается поиск документов в иностранных архивах.

06.03.2006

Перевод с польского: Алексей Памятных

НА УКРАИНЕ РАЗГОРАЕТСЯ СКАНДАЛ ВОКРУГ РАСКОПОК В БЫКОВНЕ

Киев, 11 ноября 2006 г., «Зеркало недели»

Выяснилось, что раскопки в Быковне летом 2006 г. проводились с грубыми нарушениями законодательства, а также вопреки элементарным нормам и общепринятым методикам проведения эксгумаций (не велось полевое описание находок, отсутствовала нумерация захоронений, человеческие кости собирались в мешки без указания номера могилы, при эксгумациях не присутствовали представители местных властей, МВД, прокуратуры, санитарной службы, судмедэкспертизы и т.д.). Киевский «Мемориал» считает, что заявления о захоронении в Быковне 3500 польских граждан из катынского «украинского» списка являются «мифом» и что в действительности в Быковне захоронены от 100 до 270 репрессированных польских граждан. Выяснилось также, что с аналогичными нарушениями проводилась в Быковне и предыдущая серия раскопок и эксгумаций в 2001 г.

БЫКОВНЯ: БИЗНЕС НА КОСТЯХ — ТАЙНО РАССТРЕЛЯЛИ И ТИХО ПОХОРОНИЛИ

Прошло 70 лет с тех пор, как решением киевских землеустроительных служб столичному НКВД был выделен участок в 19 и 20 кварталах Дарницкого лесничества вблизи села Быковня. Почти до самой оккупации нацистами Киева в сентябре 1941 года неподалеку от Черниговского шоссе в обстановке строжайшей секретности работал конвейер НКВД по захоронению граждан — и это в стране, «где так вольно дышит человек». Методика ежовских, а позже бериевских «соколов» была очень простой: после расстрела в Лукьяновской тюрьме и подвалах бывшего Октябрьского дворца культуры тела людей ночными рейсами полуторок перевозили в Быковнянский лес.

Впервые покров тайны над преступлениями коммунистического режима приоткрыли такие же преступники — нацисты. Похожая трагедия происходила в печально известной Катыни, где энкавэдисты расстреляли польскую военную элиту. Только после распада СССР президент РФ (как правопреемницы Союза) Борис Ельцин извинился перед поляками. И так же, как в Катыни, после освобождения Киева все преступления списали на нацистов, разместивших вблизи Быковни — в Дарнице — концлагерь, где методически уничтожались советские военнопленные. Государственная комиссия «по установлению фактов кровавых расправ немецко-фашистских захватчиков» работала в 1944—1945 годах. Уже в 1971 году вторая по счету Госкомиссия подтвердила выводы первой: в Быковне похоронены люди, убитые нацистами.

В годы перестройки ситуация изменилась, в прессе появились неопровержимые данные, что в Быковне похоронены жертвы сталинского режима 1936—1941 годов. Третья Госкомиссия проигнорировала их (УССР во время правления Щербицкого считалась «заповедником коммунизма» даже во времена всеобщей демократизации в советской империи), и в мае 1988 года открыли памятник, на котором были высечены слова: «Вечная память. Здесь похоронены 6329 советских воинов, партизан, подпольщиков, мирных граждан, замученных фашистскими оккупантами в 1941—1943 гг.».

Только после создания историко-просветительского общества «Мемориал» и новой волны фактов и свидетельств, опубликованных в СМИ, горбачевская власть 8 декабря 1988 г. вынуждена была создать четвертую Госкомиссию. В 1989 году комиссия пришла к выводу, что в Быковне были погребены жертвы НКВД; называли даже количество захороненных — 6783. На монументе оставили слова «Вечная память». В быковнянском лесу нашли последний приют, по разным оценкам, от как минимум восьми до ста тысяч человек.

22 мая 2001 г. вышло постановление Кабмина под № 546 (при премьере В.Ющенко) «О создании Государственного историко-мемориального заповедника «Быковнянские могилы». Указом президента Украины № 400 от 22 мая 2006 года заповеднику предоставлен статус национального.

Как это ни печально, тема Быковни и сейчас остается предметом различных инсинуаций и спекуляций. Об этом рассказывает председатель киевской городской организации общества «Мемориал» имени Василя Стуса, и.о. заместителя директора Украинского института национальной памяти Роман Круцик: «Быковня — место преступления, и работы на этом месте возможны только после возобновления уголовного дела. В соответствии со статьей 14 Закона Украины «Об охране культурного наследия» с момента выхода постановления №546 Кабмина территория погребений, хоть и не исследованная до конца, находится под охраной этого закона.

Прокуратура УССР 5 декабря 1988 г. возбудила уголовное дело №50-0092. Постановление о закрытии уголовного дела №50-0092 от 25 июня 2001 года подписано старшим помощником военного прокурора Северного региона Украины, полковником юстиции А.Амонсом.

И вот буквально через несколько месяцев, в октябре 2001 года, там начинаются самовольные раскопки. Проводила их Государственная межведомственная комиссия по делам увековечения памяти жертв войны и политических репрессий (ответственный секретарь — Виталий Казакевич) в присутствии польской стороны. Без разрешения, без возобновления уголовного дела. Я сразу начал бить тревогу, обратился с письмами в прокуратуру, Кабмин, Верховную Раду, милицию...

И что интересно — начаты раскопки 17 октября 2001 г. (как констатирует Генпрокуратура Украины 19.03.2002 г. письмом под №24-10256.02), но ведь за разрешением к Дарницкому лесопарковому хозяйству господин Казакевич обратился 18 октября, уже после начала раскопок. В ответе ему читаем: «Дарницкий леспаркхоз письмом от 22.10.2001 №195 сообщил Казакевичу В.В., что разрешит проведение работ при условии согласования разрешения на их проведение в Киевсовете». После этого «факсом была передана в лесопарковое хозяйство копия разрешения от 9.10.2001 №1/26/01/2001 «на осуществление эксгумации и перезахоронения останков людей, погибших вследствие войн, депортаций и политических

репрессий», но в связи с тем, что вышеуказанное разрешение не было подписано представителем Киевской горгосадминистрации, раскопки запретили и предупредили о незаконности проведения земляных работ.

В отмеченном письме Генпрокуратура констатирует, что «в ходе их проведения материальный ущерб Дарницкому лесопарковому хозяйству, которому принадлежит земельный участок, не причинен, а отмеченные работы прекращены». Откуда же тогда на холмах 19—20 кварталов Дарницкого лесничества появились восемь символических могил с крестом и польской символикой?»

Поскольку дальше речь пойдет о незаконных раскопках 2006 года, сообщаем читателям, в соответствии с какими разрешениями должны проводиться такие работы. Поражает то, что Государственная межведомственная комиссия за четыре года не сподобилась выучить порядок предоставления разрешений на проведение земляных работ, которые регламентируются постановлением Кабмина от 13.02.2002 г. за №316. В пункте 9 читаем: «До начала работ научный работник, получивший разрешение на проведение археологических разведок, раскопок, должен зарегистрировать его в органе культурного наследия» на территории, где проводятся работы, а также в органах исполнительной власти на местах. То есть в управлении охраны культурного наследия КГГА. Разрешения, полученные Казакевичем в Минкультуры и КГГА, должны быть зарегистрированы в управлении охраны культурного наследия, инспекция которого выдает ордер на проведение земляных работ.

И вот что констатирует проверка Счетной палаты Украины от 22.11.2005 г. под №28-4: «В нарушение положений Инструкции о порядке поиска и учета мест погребения граждан иностранных государств, погибших вследствие войн, депортаций и политических репрессий на территории Украины, Соглашения между Правительством Украины и Правительством Республики Польша о сохранении мест памяти и погребения жертв войны и политических репрессий и Протокола ее реализации, подписанной в г. Варшаве 13.03.99, ДП

«Центр» за счет бюджетных средств оплачены поисковые работы СДП «Мемориалы Украины» в с. Быковня, которые выполнялись по обращению польской стороны и должны были оплачиваться ею, чем нанесен ущерб государству на сумму 154,8 тыс. гривен.

Кроме того, указанные работы в заповедной зоне осуществлялись с нарушением требований Закона Украины «Об охране культурного наследия» и Инструкции о порядке поиска и учета мест погребения граждан иностранных государств, погибших вследствие войн, депортаций и политических репрессий на территории Украины, без разрешения и участия органов местных властей».

Продолжает Роман Круцик: «Любые раскопки, будь-то уголовного или археологического характера, начинаются с поиска информации в архивах. Почему я начал бить в набат? Вот письмо Шелепина к Хрущеву, где он пишет: «В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21 857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6311 человек и 7035 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии». И Быковни здесь нет! Шелепин пишет и о негативных последствиях возможной «расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями».

Когда я начал искать, на каких основаниях господин Казакевич проводил раскопки в Быковне, нашел письмо от 20.08.2001 г., присланное на имя председателя вышеупомянутой Межведомственной комиссии Владимира Гусакова польским Советом охраны памяти борьбы и мученичества (за подписью генерального секретаря Анджея Пшевозьника). Вот что там написано: «*На основании сведений, полученных в ходе след-*

ствия, проведенного российской военной прокуратурой, установлено, что в Быковне под Киевом захоронены бранные останки польских граждан, в том числе офицеров, убитых киевским НКВД в 1940—1941 гг. на основе решения Политбюро ЦК ВКП (б) Советского Союза от 5 марта 1940 года. Того же решения, на основе которого убиты польские полицейские и офицеры Войска Польского в Катыни, Харькове и Твери. Группа, покоящаяся в Быковне, это около 3500 поляков, погибших на территории Украины».

Я встретился с Владимиром Игнатьевым, следователем по особо важным делам Киевской городской прокуратуры. Именно он вынес в 1989 г. постановление о том, что в Быковне захоронены жертвы НКВД, а не нацистов. И он утверждает: «Шла война, люди эмигрировали, бежали, Польшу Гитлер и Сталин разгромили. Мы нашли в 1989 г. останки 30 польских офицеров. Держали их на Лукьяновке вместе с женщинами. Можно говорить о трагической гибели 100—150 поляков. Но 3500 офицеров в Быковне — это миф».

А дальше господин Пшевозьник пишет вообще жуткие вещи: *«Факт сокрытия тленных останков поляков в Быковне был подтвержден уже в 1989 году в ходе зондирующих поисков на этой территории... Эту информацию подтверждает также Военная прокуратура Украины, ведущая следствие относительно украинских следов катынского преступления».* На чем основывается обвинение Украины или украинцев в катыньских расстрелах? Ведь весь мир знает, что они навести НКВД.

Сейчас у Казакевича работает советник по юридическим вопросам — следователь Военной прокуратуры Андрей Амонс. Это он закрывал уголовное дело и не выполнил распоряжения президента Л.Кучмы. Это он в 1999 году после прямого указания Леонида Кучмы проводить раскопки в Быковне в рамках возобновления уголовного дела сделал все, чтобы их вообще не проводить. И когда перешел работать в комиссию Казакевича, осмелился прибегнуть к незаконным раскопкам.

Как только Виктор Янукович стал премьером, повторяются словно дежа-вю события 2001 года. По состоянию на

25 августа 2006 года было обнаружено 17 новых погребений. Ситуация требовала немедленного возобновления уголовного дела, учитывая вновь открывшиеся обстоятельства. Предыдущее следствие признало Быковню местом преступления. Раскопки связаны с человеческими останками. Согласно статье 192 УПК Украины, «когда возникает необходимость эксгумации трупа, следователь составляет об этом постановление, которое утверждает прокурор. Труп изымается из места погребения в присутствии следователя, судмедэксперта и двух понятых, о чем составляется протокол, который подписывают все указанные лица». Результатом юридически не зафиксированных раскопок стала искаженная информация в польских и отечественных СМИ о якобы найденных в Быковне останках 103 польских офицеров. Эту информацию предоставил официальный представитель РП Анджей Пшевозьник», — отметил Роман Круцик.

Мы не отрицаем тот факт, что в Быковне захоронены граждане Польши, в конце концов, об этом свидетельствуют материалы следствия. Вот выписка из постановления о закрытии уголовного дела от 25.06. 2001 г.: «В отдельных погребениях были найдены останки людей, фрагменты военной формы, различные вещи и документы военнослужащих Войска Польского и граждан Польши... В ходе расследования общего уголовного дела установлено, что в Киеве захоронены свыше 270 офицеров Войска Польского, бывших граждан Польши, которые были репрессированы».

Как выявила проверка Счетной палаты, Государственная межведомственная комиссия за десять лет своей работы так и не обеспечила нормативными актами выполнение Комплексной программы поиска и приведения в порядок погребений жертв войны и политических репрессий. Комиссия не несет никакой ответственности. Созданы внутренние инструкции, распоряжения, противоречащие законодательству и Конституции Украины.

И не случайно 11 августа 2006 г. ГУ ОКН (главным управлением охраны культурного наследия) КГГА составлено предписание, где СДП «Мемориалы Украины» предлагается «не-

медленно прекратить все земляные работы. В трехдневный срок предоставить Главному управлению охраны культурного наследия письменное объяснение проведения работ и разрешительную документацию на проведение работ».

Основания просто ужасают: «Работы проводятся с нарушением общепринятой методики, а именно:

- не ведется полевое описание находок;
- отсутствует нумерация погребений;
- отсутствует фиксация (чертежи);
- человеческие кости не выкладываются в антропологическом положении возле каждой могилы, а собираются в мешки без указания номера могилы;
- отсутствуют представители местных властей, МВД, прокуратуры, санитарной службы, судмедэкспертизы».

Роман Круцик: «Я так и не дождался ответов ни от Генеральной прокуратуры, ни от кабинета министров, хотя целью моего обращения было направить раскопки в правовое поле законодательства Украины и закрепить их юридически для истории. Впрочем, поступил ответ самого Казакевича, на действия которого я жаловался, но в другие государственные учреждения, где мои требования названы «бредом», а я сам — «provokatorom». Правдивого ответа как не было, так и нет. Тихо расстреливали — и так же тихо «похоронили» 28 октября 2006 года незаконные действия Государственной межведомственной комиссии. Непонятно, как господину Казакевичу до сих пор удается называть секретариат, Счетную палату «коррупцированными», вводить в заблуждение вице-премьер-министра по гуманитарным вопросам Д. Табачника, народных депутатов».

С 1996 года существует эта комиссия, но в Украине по сей день нет банка данных военных погребений соотечественников в стране и за рубежом, реестра погребений жертв трех голодоморов и мест погребений жертв коммунистических репрессий. Быковня давно известна. Так почему же не разыскиваются места погребений в других городах, городках и селах Украины, пережившей в прошлом веке ужасную цивилизационную катастрофу?

Сергей Махун

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО СТ. ЛЮБОДЗЕЦКОГО

Документ № 1

СПРАВКА

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ Станислав Владиславович, 1879 г. рожд., по национальности поляк, подданство польское, отставной полковник.

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ С.В. работал прокурором дисциплинарного присутствия Верховного суда Польши.

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ имеет обширное знакомство с высшими офицерами 2-го отдела (разведки) не только в Польше, но и в Японии (где также он бывал), хорошо знаком с генерал-лейтенантом 2-го отдела японского генштаба — ХАСЕБЕ*, который 1/2 года назад приезжал в Польшу с целью присоединения Польши к военному договору Японии и Германии против Советского Союза.

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ имеет ряд польских орденов, а также и его занимаемая должность дают основание предполагать, что он является крупной фигурой.

НАЧ. ОО УГБ НКВД ЛАГЕРЯ В/П

СЕРЖАНТ ГОСПЕЗОПАСНОСТИ МИРОШНИЧЕНКО

19 октября 1939 г. г. Путивль.

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 2.

Документ № 2

«Утверждаю»

Зам. Наркома внутренних дел УССР майор госбезопасности (ГОРЛИНСКИЙ) «23» марта 1940 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (на арест)

г. Киев «...» дня, я, зам. нач. отделения 3-го Отдела УГБ НКВД УССР — мл. лейтенант госбезопасности ЛЕБЕДЕВ, рассмотрев имеющиеся материалы в отношении военнопленного полковника б. польской армии ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича, 1879 года рождения, поляка,

уроженца г. Варшавы (Германия), по профессии юриста — прокурора Верховного Суда б. польского государства.

НАШЕЛ:

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ С.В., занимая должность прокурора Верховного суда б. Польши, проводил работу, направленную против рабочего класса б. Польши и коммунистического движения.

Имел обширные знакомства среди офицерского состава б. 2 Отдела польского главштаба (польская разведка), а также был близко знаком с генерал-лейтенантом японской разведки ХАСЕБА, приехавшим в б. Польшу с целью установления контакта в работе против СССР и заключения военного договора.

За активную работу в борьбе за сохранение капиталистического государства против революционного движения награжден бывш. польским правительством рядом высших орденов.

Усматривая в действиях **ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО С.В.** преступления, предусмотренные ст. 54—13 УК УССР

ПОСТАНОВИЛ:

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича, 1879 г. рождения, подвергнуть аресту для предварительного следствия по его делу. Настоящее постановление представить прокурору для санкции.

ЗАМ. НАЧ. 6 ОТДЕЛЕНИЯ

МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЕБЕДЕВ

СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧ. III ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР

КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ТИМОФЕЕВ

ЦЦАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 3.

Документ № 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Киев, «23» марта 1940 г. Я, зам. нач. 6-го отделения 3-го Отдела УГБ НКВД УССР, мл. лейтенант госбезопасности **ЛЕБЕДЕВ**, рассмотрев материалы по обвинению

гр. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича, 1879 года рождения, поляка, уроженца г. Варшавы (Германия) в преступлениях, предусмотренных ст. 54—13 УК УССР, выразившихся в том, что он в период существования польского государства проводил активную работу, направленную против революционного движения рабочего класса,

Нашел, что пребывание ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО С.В. на свободе может отразиться на ходе следствия и обвиняемый может скрыться.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 143, 145 и 156 УПК УССР ПОСТАНОВИЛ:

Избрать мерой пресечения способов уклонения от суда следствия по отношению к обвиняемому ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОМУ Станиславу Владиславовичу, 1879 г. р., содержание под стражей в Киевской тюрьме.

Настоящее постановление представить Прокурору.
СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 6 ОТДЕЛЕНИЯ МЛ.
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЕБЕДЕВ
УТВЕРЖДАЮ: ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 3 ОТДЕЛА УГБ
НКВД УССР КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ТИМОФЕЕВ

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 4.

Документ № 4

К следделу № 147146

СПРАВКА

Обвин. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ Станислав Владиславович для следственной его проработки был доставлен из Козельского лагеря НКВД, где он содержался как военнопленный б. польской армии.

В силу этого ордер на его арест не выписывался.
ЗАМ. НАЧ. ОТД. 3 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ...

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 5.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. *Фамилия:* Либкинд-Любодзецкий.
2. *Имя и отчество:* Станислав Владиславович.
3. *Дата рождения:* число «24» месяц января год 1879.
4. *Место рождения:* г. Варшава.
5. *Место жительства (адрес):* г. Варшава, ул. Мицкевича, дом № 20, кв. 3.
6. *Профессия и специальность:* юрист.
7. *Место службы и должность или род занятий* Прокурор верховного гражданского суда бывш. польского государства.
8. *Паспорта:* советского не имел.
9. *Социальное положение:*
 - а) *до революции служащий*, из семьи врача.
 - б) *после революции служащий*.
10. *Образование (общее и специальное):* Варшавский университет, юридический факультет.
11. *Партийность (в прошлом и настоящем):* ни в каких партиях не состоял и не состоит.
12. *Национальность и гражданство: (подданство)* поляк, б. польского государства.
13. *Категория воинского учета-запаса и где состоит на учете:* полковник в отставке с 1931 года.
14. *Служба в белых и др. к-р армиях, участие в бандах и восстаниях против Сов. власти (когда и в качестве кого):* нет.
15. *Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест, каким органом и за что):* нет. Взят в плен 17 сентября 1939 г. частями Красной Армии под г. Збараж, Тарнопольского воеводства
16. *Состав семьи:* жена Марья Густавовна — г. Варшава, сын — Станислав-Георгий Станиславович — гор. Варшава, инженер-электрик.

Подпись арестованного: Ст. Любодзецкий [...]

20 августа 1940 г.

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп.1. Спр. 62ПЗ-ФП. Арк. 6-7.

Документ № 6

К следцелу № 147146

СПРАВКА

Обвин. **ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ** Станислав Владиславович подвергался обыску в Козельском лагере НКВД, где он содержался как военнопленный б. польской армии.

При обыске в лагере НКВД у обвин. **ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО С.В.** были изъяты часы наручные за № 1126840 и денег польских на сумму 2332 злотых 10 грош.

Указанные ценности при этапировании обвиняемого **ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО С.В.** из Козельского лагеря НКВД также были доставлены и сданы финчасти внутренней тюрьмы УГБ НКВД УССР гор. Киева.

В силу этого протокол обыска 3 отделом УГБ НКВД УССР не составлялся.

**ЗАМ. НАЧ. ОТД. 3 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ...**

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП.Арк. 10.

Документ № 7

**ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
обвиняемого ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО
Станислава Владиславовича**

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ Станислав Владиславович, 1879 г. рождения, уроженец г. Варшавы, по на-цион. поляк, подданный б. польского государства, соцположение служащий, род занятий — прокурор верховного суда б. польского государства, соцпроисхождение из семьи врача, местожительство г. Варшава, ул. Мицкевича, 20, кв. 3. Образование — высшее.

Вопрос: Расскажите о вашем служебном положении в бывш. царской России?

Ответ: По окончании юридического факультета Варшавского университета я поступил на службу в судебное ведомство на должность кандидата на судебного работника и одновременно тогда же (1904 г.) отбывал воинскую повинность

в качестве вольноопределяющегося 1-го разряда в Варшаве. В конце 1905 г. я выдержал испытание на прапорщика пехоты и был произведен в этот чин в ноябре 1905 г.

В 1906 г. выдержал испытание на должность старшего кандидата на судебную должность, в этом звании дважды временно исполнял должность судебного следователя.

В 1906 г. был назначен исполняющим должность судебного следователя б. Чердынского уезда г. Чердынь б. Пермской губернии, где проработал до апреля 1907 года.

В 1907 г. переведен на ту же должность в г. Читу, где проработал до августа 1908 г.

С августа 1908 г. по май 1909 г. работал городским судьей г. Гжатска б. Смоленской губернии, после чего был назначен снова в г. Читу товарищем прокурора, где проработал до начала войны 1914 г.

Вопрос: В бытность работником судебных органов и прокуратуры вы рассматривали дела по политическим преступлениям в б. царской России?

Ответ: Политических дел мне не доверяли, так как я считался, благодаря своей национальности (поляк), неблагонадежным.

Вопрос: Расскажите, чем вы занимались с 1914 г., периода возникновения империалистической войны?

Ответ: С возникновением войны я как имеющий чин прапорщика был призван в армию и определен на службу во 2-й Сибирской корпус в качестве офицера-ординарца при штабе. В этой должности я находился до половины 1915 года около Варшавы, где стоял тогда фронт.

В июне или июле 1915 г. я был назначен кандидатом на военно-судебную должность в соединенный суд корпусов 2-й армии.

В том же 1915 г. в сентябре месяце я был назначен на должность судебного следователя 1-го Туркестанского корпуса, но вскоре был назначен пом. прокурора Приамурского окружного военного суда в гор. Владивостоке, куда и выехал. В сентябре 1917 г., уже после Февральской революции, я по предложению вновь назначенного прокурора Судейской Палаты в Иркутске б. ссыльного эсера С. С. СТАРЫНКЕВИЧА переехал на должность прокурора окружного суда в г. Иркутск, но ра-

боты по этой должности не проводил, так как советские все судебные органы закрыли, а дела я сдал комиссару.

В 1918 г. выехал во Владивосток, куда меня пригласили мои знакомые поляки, обещая дать должность. Во Владивостоке я замещал нотариуса Раймунда ВОНАГО, который впоследствии был в б. Польше судьей (умер несколько лет назад).

В том же 1918 г. после произведенного переворота чехами всем служащим было предложено возвратиться к ранее занимаемым должностям и я вынужден был выехать снова в Иркутск, но, не желая в нем оставаться, написал министру юстиции, которым был тогда указанный СТАРЫНКЕВИЧ, с просьбой перевести на работу во Владивосток. Эта просьба моя была выполнена и я в декабре месяце 1918 г. был переведен и приехал во Владивосток. Примерно в марте 1919 г. узнал, что бывший тогда правитель Сибири и Дальнего Востока КОЛЧАК издал закон, в котором он признает самостоятельность Польши и разрешил б. русско-подданным полякам выходить из подданства и возвратиться на родину.

После увольнения в отставку я работал в б. польском комитете, организованном в то время с целью опекунов над проживавшими в Приморье поляками, и подготавливал их возвращение на родину.

Вопрос: Кем был организован «польский комитет»?

Ответ: Польский комитет для Сибири и России с центральным органом в Харбине был организован по инициативе влиятельных лиц польской колонии Дальнего Востока.

Целью этого комитета была помощь полякам в возвращении на родину, как я указал выше.

Вопрос: Продолжайте ваши показания.

Ответ: Стремясь выехать на родину в Польшу, я поступил на работу в коммерческую контору польского коммерсанта Альфонсо БЕРНАРСКОГО, находящуюся в Японии, г. Йокагама, куда и выехал 31 августа 1919 года.

Находясь в Йокагаме, я был уполномоченным польского комитета по организации выезда поляков на родину.

В 1920 г. в апреле месяце с помощью директора русско-азиатского банка в Шанхае ЯСТРЖЕМСКОГО (умер) выехал через Марсель — Париж — Берлин в Варшаву.

По прибытии в Варшаву я был призван на военную службу в военно-судебные органы б. Польши и находился на военной службе с 8 июня 1920 года по 31 июля 1931 г., после чего ушел в отставку.

Вопрос: Расскажите, какие должности вы занимали в период пребывания на военной службе в б. Польше и о вашем звании?

Ответ: С момента призыва на военную службу я был назначен делопроизводителем отдела судебного надзора департамента юстиции военного министерства, где проработал до весны 1921 г.

В 1921 г. был назначен начальником законодательного отдела того же департамента. В этой должности находился до 1923 года, после чего был переведен в прокурорский надзор Верховного военного суда в качестве помощника прокурора Верховного военного суда.

В 1924 г. был вновь командирован на должность начальника законодательного отдела, где пробыл до 1926 года, а затем назначен в Верховный суд. В 1927 г. занял должность судьи Верховного военного суда, где находился до ухода в отставку.

Вопрос: Какие причины явились основанием вашей отставки?

Ответ: В отставку я ушел по возрастному цензу, т.к. мне в то время было 52 года.

Вопрос: В каком чине вы находились на военной службе?

Ответ: С призывом на военную службу я был подпоручиком, а в 1922 году был произведен в полковники, так как мне засчитали мой весь период пребывания на военной службе.

Вопрос: Расскажите, какие дела, за весь период вашей судебной практики вы разбирали о революционном выступлении или проявлении в армии?

Ответ: Такие дела я никогда не вел и они в наш верховный суд не доходили, вернее сказать, их у нас не было.

Вопрос: Продолжайте ваши показания о дальнейшей деятельности.

Ответ: После увольнения с военной службы в отставку я занял должность прокурора верховного гражданского суда по дисциплинарным делам и в этой должности находился до моей эвакуации из Варшавы в связи с военными действиями 1939 г.

Вопрос: Скажите, как вы очутились на территории б. Западной Украины и были пленены частями Красной Армии?

Ответ: 5 сентября была объявлена эвакуация судебного ведомства из Варшавы в связи с наступлением немецких войск и я совместно с другими судебными работниками выехал по направлению на восток, сначала в г. Люблин, а затем в г. Дубно и Тарнополь.

По пути в Тарнополь я был встречен конным патрулем Советских войск, задержан и таким путем попал в плен.

Вопрос: Вы оказывали сопротивление войскам Красной Армии при задержании или до задержания вас?

Ответ: Нет, никакого сопротивления я не оказывал при задержании, сразу же сдал имевшийся у меня пистолет «Маузер» и через Волочиск направлен с другими военнопленными в лагерь военнопленных в Путивль. В ноябре месяце переведен в Козельский лагерь военнопленных, где я находился до марта месяца — момента отправки меня в г. Киев.

Вопрос: Расскажите, к каким партиям, организациям и обществам вы принадлежали, находясь на территории б. Польши.

Ответ: К партиям я ни к каким не принадлежал, был только членом правления польского общества «судебной медицины криминологии и криминалистики», вице-председателем правления Варшавского столичного округа «Общества противозадушной и противогазовой обороны» и до половины 1937 года членом правления «Союза Сибиряков».

ДОПРОС ПРЕРВАН.

Ст. ЛЮБОДЗЕЦКИЙ

**ДОПРОСИЛ: ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА УГБ НКВД
УССР МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛЕБЕДЕВ**

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 24-27.

ПРОТОКОЛ

*дополнительного допроса обвиняемого Либкинд-Любодзецкого
Станислава Владиславовича 20—21 августа 1940 г.*

Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что на протяжении ряда лет, занимая ответственные руководящие должности в судебно-карательных органах бывш. царской России и Временного правительства КЕРЕНСКОГО, — вы вели борьбу с революционным движением рабочих и крестьян. Признаете ли вы себя в этом виновным?

Ответ: Нет, виновным себя в этом, по сути предъявленного мне обвинения, я не признаю.

Вопрос: Вам также предъявлено обвинение в том, что, работая в судебных органах б. польского государства, вы проводили работу, направленную против революционного движения рабочих и крестьян б. Польши. В этом себя виновным вы признаете?

Ответ: Нет, виновным себя не признаю.

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным в том, что, состоя в руководстве общества «Союза Сибиряков», вы вели работу по организации антисоветских сил на вооруженную борьбу с Советским Союзом?

Ответ: Нет, в этом виновным себя не признаю.

Вопрос: 5-я польская дивизия в годы гражданской войны вела борьбу на стороне Колчака против Соввласти в Сибири. Это так?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: «Союз Сибиряков» состоял из бывших офицеров и солдат этой 5-й дивизии. Это верно?

Ответ: Основное ядро этого «Союза Сибиряков» до 80% и даже больше составляли именно офицеры и солдаты, боровшиеся против Соввласти в Сибири, 5-й польской дивизии.

Вопрос: Японский генерал 2 отдела Генерального штаба Японии — ХАСЕБЕ на совещании руководства «Союза Сибиряков» оглашал планы борьбы с Советским Союзом. Это так?

Ответ: Я не хочу сказать, что это было официальное совещание руководителей «Союза Сибиряков» совместно с японским генералом ХАСЕБЕ, т.к. свою речь — планы борьбы с Советским Союзом — он, ХАСЕБЕ, произнес во время ужина в ресторане. Говоря о борьбе с Советским Союзом ХАСЕБЕ выражал надежду также на то, что в этой борьбе против СССР примет участие и Польша.

Вопрос: Вы на этом совещании присутствовали как один из руководителей «Союза Сибиряков». Это верно?

Ответ: На совещание руководства «Союза Сибиряков» совместно с японским генералом ХАСЕБЕ я был приглашен инициаторами этого совещания.

К этому времени членом центрального правления «Союза Сибиряков» я уже не был. На совещание я был приглашен как один из старейших членов союза, до этого состоявший в руководстве его.

Вопрос: Таким образом, сами обстоятельства говорят за себя, что вы, будучи близки к польским правящим кругам, состоя в активе антисоветских, националистических организаций, также проводили работу, направленную к интервенции против Советского Союза.

Признаете ли вы себя в этом виновным?

Ответ: Близким к правящим кругам б. польского государства я себя не считал и не считаю. Также я не считаю «Союз Сибиряков» организацией националистической и антисоветской. Из членов Центрального правления этого Союза я вышел в 1937 г.; на ужин в ресторан с участием японского генерала ХАСЕБЕ — я приглашался в конце 1938 или начале 1939 года, потому активистом «Союза Сибиряков» я себя не считаю, т.к. к этому времени я был рядовым членом союза.

Вопрос: Что вы еще можете показать по своему делу?

Ответ: По сути предъявленного мне обвинения и моих показаний в связи с вопросами по настоящему протоколу допроса я прошу также учесть и мои собственноручные показания, мною изложенные 2 апреля и 8 мая 1940 г.

К изложенному выше ответу добавляю, что в составе 5-й польской дивизии я не был и участия в ее боевых действиях против частей Красной Армии я не принимал.

Протокол читал лично, с моих слов записан верно, в чем расписываюсь.

(подпись)

**ДОПРОСИЛ: ЗАМ. НАЧ. ОТД. 3 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ...**

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 80-82.

Документ № 9

**«УТВЕРЖДАЮ»
НАРКОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАНГА СЕРОВ
30 августа 1940 г. г. Киев**

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича по ст. 54-13 УК УССР.

Органам НКВД стало известно о том, что среди военнопленных бывш. польской армии, содержащихся в Козельском лагере НКВД, находится в/п ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ Станислав Владиславович — прокурор Верховного суда бывш. польского государства, состоявший в близкой связи с офицерами 2 отдела генштаба Японии.

На основании этого ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ был арестован и привлечен к следствию в качестве обвиняемого по ст. 54—13 УК УССР.

В процессе следствия было установлено, что обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ с 1906 по 1918 гг. находился на ответственных руководящих должностях судебно-карательных

органов бывш. царского правительства России, временного правительства Керенского, практическая деятельность которых была направлена против революционного движения в стране. За службу в России обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ был награжден 4 орденами (л.д. 16-об, 24-25).

С образованием польского государства, находясь в 1919 г. в Сибири, а затем с августа месяца 1919 г. по апрель месяца 1920 г. в Японии, обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ выехал в Польшу, где начал работать в судебно-карательных органах, последовательно занимая должности: начальника законодательного отдела департамента юстиции военного министерства, помощника прокурора, а затем судьей Верховного Военного суда. В 1931 г. обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ по выслуге лет был уволен в отставку в чине полковника.

С 1931 по 1939 г. (по день эвакуации гор. Варшавы, в связи с германо-польской войной) обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ являлся прокурором Верховного гражданского суда. (л.д. 26-27)

При разгроме польских войск частями Красной Армии, выступившей на защиту трудящихся Западной Украины, обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ 17 сентября 1939 г. был захвачен в плен, обезоружен и доставлен в лагерь военнопленных. (л.д. 27)

Следствием установлено, что обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ принимал активное участие в государственном устройстве б. Польши, являлся участником различных государственных организаций и в том числе членом центрального правления польской военной националистической организации, так называемого «Союза Сибиряков», состоявшего из офицеров и солдат 5-й польской дивизии, активно борющейся на стороне Колчака против Советской власти в Сибири. (л. д.).

Практическая деятельность «Союза Сибиряков» всячески поощрялась правительством б. Польши и одновременно с этим субсидировалась японскими разведывательными органами, подготовлявшими в 1939 г. интервенцию против Советского Союза.

В этих целях в 1939 г. в гор. Варшаву из Японии приехал японский генерал ХАСЕБЕ (сотрудник 2-го отдела генштаба Японии), на совещании с которым по вопросу подготовки войны с СССР и создания для этого военного союза ряда капиталистических государств также принимал участие и обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ. (л. д. 42, 63)

За активную государственную деятельность правительством бывш. Польши обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ был награжден 3 орденами, (л.д. 16-об).

На основании вышеизложенного:

Следственное дело № 147146 на ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича, 1879 г. рожд., уроженца г. Варшавы, по профессии юриста, с высшим образованием, по национальности поляка, б. прокурора верховного гражданского суда б. польского государства, б. вице-председателя правления Варшавского округа, «Общества противовоздушной обороны», б. члена правления польской военной националистич. организации «Союза сибиряков», полковника в отставке, —

Направляется на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР — в г. Москву.

СПРАВКА: Вещдоков по делу нет.

Арестов. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ С.В. содержится под стражей во внутренней тюрьме НКВД УССР — гор. Киева.

ЗАМ. НАЧ. 4 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ МАЗИН
«СОГЛАСЕН» ЗАМ. НАЧ. 3 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ ТИМОФЕЕВ

Составлено «30» августа 1940 года в 3 Отделе УГБ НКВД УССР г. Киев.

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 86-88.

Документ № 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Киев, 1940 г. сентября 7 дня.

Вио Прокурора Отдела по Спеццелам Прокуратуры УССР ШАФИРО С.Б., рассмотрев следственное дело за № 147146 по обвинению ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича по ст. 54-13 УК УССР,

НАШЕЛ:

Обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ Станислава Владиславович, 1879 г. рождения, уроженец г. Варшавы, по профессии юрист, с высшим образованием, по национальности поляк, бывший прокурор верховного гражданского суда быв. Польского государства, находился среди военнопленных быв. Польской армии, содержащихся в Козельском лагере НКВД.

На основании изложенного ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ был арестован и привлечен к ответственности по ст. 54—13 УК УССР.

Произведенным по делу следствием было установлено следующее:

Обв. ЛИБКИНД-ЛЮЮДЗЕЦКИЙ с 1906 по 1918 г. находился на ответственных руководящих должностях судебно-карательных органов быв. Царского правительства России, временного правительства Керенского. За службу в России обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ был награжден 4-мя орденами (л.д. 16,24,25).

С образованием польского правительства, находясь в 1919 г. в Сибири, а затем в августе м-це 1919 г. по апрель м-ц 1920 г. в Японии, обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ выехал в Польшу, где начал работать в судебно-карательных органах от Начальника законодательного отдела департамента юстиции военного министерства до судьи Верховного военного суда. В 1931 г. обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ по выслуге лет был уволен в отставку в чине полковника. С 1931 по 1939 г. (по день эвакуации г. Варшавы, в связи с германо-поль-

ской войной), обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ являлся прокурором Верховного гражданского суда.

При разгроме польских войск красными войсками обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ был захвачен в плен, обезоружен и доставлен в лагерь военнопленных.

Также следствием установлено, что обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ принимал активное участие в государственном устройстве быв. Польши, являлся участником различных государственных организаций и в том числе членом центрального правления польской военной националистической организации, так называемого «Союза сибиряков», состоявшего из офицеров и солдат быв. Польской дивизии, активно боровшейся на стороне Колчака против советской власти в Сибири.

Практическая деятельность «Союза сибиряков» всячески поощрялась правительством быв. Польши и одновременно с этим субсидировалась японскими разведывательными органами, подготовлявшими в 1939 г. интервенцию против Советского Союза.

В этих целях в 1939 г. в г. Варшаву из Японии приезжал японский генерал ХАСЕБЕ (сотрудник 2-го отдела генштаба Японии), на совещании с которым по вопросу подготовки войны с СССР и создании для этого военного союза ряда капиталистических государств, также принимал участие и обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКИЙ (л. д. 42⁴, 63).

На основании изложенного, —

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 147146 по обвинению ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича по ст. 54-13 УК УССР направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

**ВИО ПРОКУРОРА ОТДЕЛА ПО СПЕЦДЕЛАМ ШАФИРО
«УТВЕРЖДАЮ»: ЗАМ. ПРОКУРОРА УССР
ПО СПЕЦДЕЛАМ ДРУГОБИЦКИЙ**

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 89-90.

Документ № 11

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 132
Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних
Дел СССР от 19 октября 1940 г.

СЛУШАЛИ:

7. Дело № 147146/НКВД УССР по обв. ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича, 1879 г.р., ур. г. Варшавы, поляк, б. польско-подданный.

ПОСТАНОВИЛИ:

ЛИБКИНД-ЛЮБОДЗЕЦКОГО Станислава Владиславовича как социально-опасный элемент, заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 23 марта 1940 года

НАЧ. СЕКРЕТАРИАТА ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ
НАРОДНОМ КОМИССАРЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР.

ЦДАГО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк. 91.

Документ № 12

УТВЕРЖДАЮ

Первый заместитель Прокурора УССР
государственный советник юстиции
II класса М.А.Потебенько
«22» мая 1989 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Либкинд-Лободзецкого¹ С. В. по материалам
уголовного дела (арх. № 45853)

Фамилия, имя, отчество: Либкинд-Лободзецкий Станислав Владиславович.

Дата и год рождения: 24 января 1879 года.

Место рождения: гор. Варшава.

¹ Так в документе.

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета): беспартийный.

Место работы и должность до ареста: Верховный гражданский суд Польши, прокурор. Взят в плен 17.09.39 г. частями РККА.

Место жительства до ареста: г. Варшава, ул. Мицкевича, д. 20, кв. 3.

Данные о родственниках: родственники проживали на территории Польши.

Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу Арестован 23.03.40 г. НКВД УССР в Козельском лагере военнопленных. Обвинялся в том, что, работая в судебных органах царской России и Польши, «проводил работу, направленную против революционного движения рабочих и крестьян», т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 54—13 УК УССР.

Доказательств, подтверждающих обоснованность данного обвинения в деле не имеется.

По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 19 октября 1940 г. Либкинд-Лободзевский С.В. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет.

Либкинд-Лободзевский Станислав Владиславович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

**НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПРОКУРАТУРЫ УССР
ПО НАДЗОРУ ЗА СЛЕДСТВИЕМ В ОРГАНАХ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
СТАРШИЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ В.И.ЛЕСНОЙ
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА
КГБ УССР ПОДПОЛКОВНИК В.И.ПРИСТАЙКО**

17 мая 1989 г.

ЦЦАГО Укрины. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 62113-ФП. Арк.104-105.

ЗАКРЫТЫЙ ПАКЕТ №1

Вот как описывается история этого пакета в книге «Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы» (Под редакцией Р.Г.Пихои, А.Гейштора. Составители: Н.С.Лебедева, Н.А.Петросова, Б.Воцинский, В.Матерский. М., 1999. С. 431—432.), изданной под эгидой Международного Фонда «Демократия» в серии «Россия. XX век. Документы»:

«Публикуемый документ находился в закрытом опечатанном пакете, одном из 16 тысяч запечатанных пакетов, которые поступили при образовании архива президента Российской Федерации из VI сектора общего отдела ЦК КПСС. В таком виде в общем отделе ЦК КПСС хранились некоторые особо секретные и конфиденциальные документы. Их вскрытие и запечатывание осуществлялось лично заведующим общим отделом ЦК.

В соответствии с поручением Б.Н. Ельцина от 15 июля 1992 г. была образована комиссия в составе руководителя администрации президента РФ Ю.Петрова, советника президента РФ Д. Волкогонова, главного государственного архивиста России Р. Пихои и директора архива А. Короткова. В задачу комиссии входило ознакомление с материалами, находящимися в запечатанных пакетах. На проходившем 24 сентября 1992 г. плановом (11-м) заседании комиссии был вскрыт пакет, в котором была обнаружена заклеенная папка, содержащая следующие материалы:

а) записку НКВД СССР от первых чисел марта 1940 г. № 794/Б о польских военнопленных, подписанную Л.П.Берией;

б) выписку из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) «Особая папка» от 5 марта 1940 г. «Вопрос НКВД СССР» (2 экземпляра, в том числе один экземпляр, посланный А.Н.Шелепину 27 февраля 1959 г.);

в) листы с текстом решения, изъятые из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б);

г) рукописную записку председателя КГБ при СМ СССР А.Н.Шелепина от 3 марта 1959 г. № 632-Ш с предложением ликвидировать все дела по операции, проведенной органами НКВД в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

На папке имелась запись: «Документы в этой папке получены от тов. Черненко К.У. в заклеенном виде. Доложены тов. Андропову Ю.В. 15 апреля 1981 г. В таком виде получены от тов. Андропова после ознакомления с этими документами. В.Галкин. 15.IV.81 г.».

В 70-е годы пакет длительное время хранился в сейфе К.У.Черненко (заведующего общим отделом ЦК), затем поступил на хранение в VI сектор общего отдела с указанием: «Справок не давать, без разрешения заведующего общим отделом ЦК пакет не вскрывать». В 1987 и 1989 гг. пакет выдавался заведующему общим отделом ЦК КПСС В.Болдину. Об этом говорит еще одна помета на пакете: «Получил от тов. Болдина В.И. документы в заклеенной папке вместе с конвертом вскрытого пакета за № 1, которая в тот же день сдана в VI сектор в новом опечатанном пакете за № 1. В.Галкин. 18.IV.89 г.».

Все эти документы были представлены Конституционному суду во время слушания дела КПСС. 14 октября 1992г. они были переданы представителем президента Российской Федерации Р.Пихоей президенту Республики Польша Л. Валенсе».

СПРАВКА

Получил от тов. Бодрина В.М.
документы в заклеенной папке вме-
сте с конвертом вскрытого пакета
за № 1, которая в тот же день сда-
на в УИ сектор в новом оцинкованном
пакете за № 1.

Павлов В. Галкин

18. IV. 88г.

Документы в этой
папке получены от
тов. Берменко К.С. в
Заклещенной Буре.
Документы тов. Андрее-
вой Ю.В. 15 июля 1981г.
В такой Буре получены
от тов. Андреевой Ю.С. с
оснащением с этим
функционировали.

Павлов
15. IV. 81г.

105. 67. 940
(, №: 10000)

В связи с тем что документ
получен от тов. Берменко К.С.
19.07.81г.

Список из № 1

Лист № 1

V

1. Докладное дело НКВД СССР от 5.2.1940 г. - 2 экз. (2 экз.)
в кн. № 10 на странице № 15-16 (1940 г.)

Документ № 1

2. Докладное дело НКВД СССР (Крым) № 794/В от марта 1940 г. на 4 листах

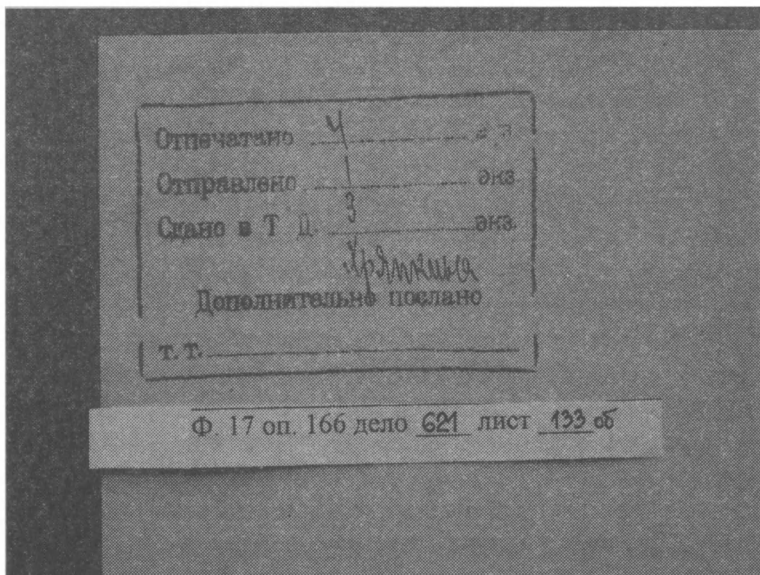
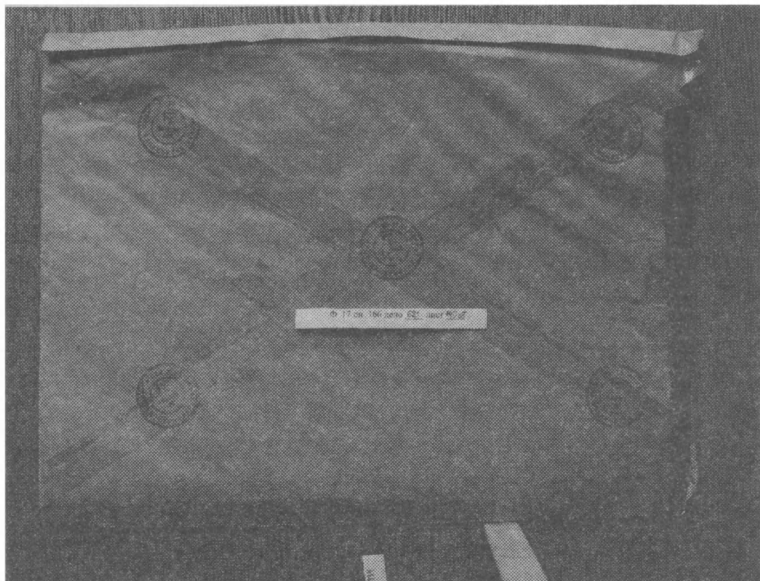
3. Докладное дело НКВД СССР (Крым) от 3 марта 1940 г. в 3 экз. (в № 10-1940 - 1 экз.)
в кн. № 10 на странице № 15-16 (1940 г.)
д. № 110. 1940. Документ № 1.

Лист № 1 из № 1

Лист подготовлен в соответствии с требованиями
к документам, подлежащим уничтожению

21 апреля 1950 г.

строительной Промышленности 80 тыс.рублей и Наркома Лесной Промышленности СССР 20 тыс.рублей для премирования рабочих, ИТР и служащих заводов, участвовавших в выполнении дополнительного задания по понтонным паркам".

Выписки посланы:

т. т. Тевосяну, Анцеловичу, Свереву,
Сафонову.

П. О развертывании производства биноклей на заводах НКВ в 1940 году.

Разрешить Наркомвнешторгу СССР закупить за границей для Наркомвооружения II металлорежущих станков на сумму 271.000 рублей.

Выписки посланы:

т. т. Микояну, Ванникову, Сафонову.

135.- О комиссии т.Тевосяна.

1. Для размещения в Германии заказов на предметы вооружения направить комиссию под руководством тов.Тевосяна в следующем составе (см.приложение).

2. Приемку корпуса корабля "Летнев", всего вооружения, механизмов, оборудования, входящего в комплектацию корабля, возложить на НКВМФ при участии НКСП и НКВ.

Достройку корабля производит НКСП в качестве генерального поставщика и пред"являет к сдаче комплектно со всем вооружением НКВМФ.

3. На этих же условиях (как в п.2) производится приемка 15 дюйм.башен и сдача их Наркоматом Вооружения Наркомату Военморфлота.

Выписки посланы:

т. т. Микояну, Тевосяну, Кузнецову,
Ворошилову, Ванникову, Сафонову - все;
Берия, Маленкову, Шахурину, Сергееву - 1.

136.- Вопросы Верховсуда СССР.

Утвердить протокол № 18 заседания Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам от 29 февраля 1940 года.

Выписки посланы:

т. т. Калининну, Ульриху, Берия,
Голякову, Панкратьеву.

от 5.Ш.40г.

144.- Вопрос НКВД СССР.

См. документы "Совершенно секретно".

Выписки посланы:

т. Берия

145.- Об изготовлении нового саркофага для тела В.И.Ленина.

- Утвердить следующий проект постановления СНК СССР:
"Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:
1. Изготовить по проекту ВЭИ новый саркофаг для тела В.И.Ленина к 20 октября 1940 г.
Профессору Зварскому Б.И. к 15.ІУ.1940г. представить СНК СССР эскизные проекты и макеты художественного оформления нового саркофага.
2. Народному Комиссару Электростанций и Электропромышленности тов.Первухину М.Г. обеспечить изготовление саркофага в ВЭИ в установленный срок, представив СНК СССР к 10.V.1940 г. смету на выполнение этой работы.
3. Народному Комиссару вооружения т.Ванникову обеспечить изготовление по заданиям ВЭИ оптики для осветительной аппаратуры саркофага.
4. НКФину СССР отпустить из резервного фонда СНК СССР необходимые средства на изготовление саркофага по смете НКЭП".

Выписки посланн:

т. т. Берия, Хломову, Первухину - все;
Ванникову - 3; Звереву - 4.

от П.Ш.40г.

183.- Вопрос КО.

Об обеспечении контрагентскими поставками военного судостроения на 1940 год.

Утвердить следующее решение КО:

а) В целях полного обеспечения программы военно-морского судостроения в 1941 году и создания необходимого запаса, обязать Наркомвнешторг заказать на импорт 250 шт. судовых валов по спецификации Наркомсудпрома, приняв необходимые меры к тому, чтобы 50% этих валов было бы доставлено в СССР не позже октября 1940г., а остальные валы не позже марта 1941 г.

Наркомсудпрому (т.Тевосяну) в 5-ти дневный срок представить Наркомвнешторгу спецификации и техническую документацию на валы и обеспечить приемку валов от зарубежных фирм своими инженерами.

б) Обязать Наркомсудпром (т.Тевосяна) к 15 апреля внести в Экономсовет заявку на импорт оборудования, необходимого для выполнения судостроительной программы в 1940-42г.г.

в) По Наркомату Общего Машиностроения.

Разрешить Наркомобмашу импорт пуско-регулирующей автоматики для укомплектования фреоновых установок для Нарком-

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

13 марта 1940 г.

№ 494/5

г. МОСКВА

13 180 4
184 07
СОВ. СЕКРЕТНО

от 5. III - 40 г.

Ц К В К П (6)

товарищу СТАЛИНУ

В. Г. ...
В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, исполненными ненависти к советскому строю.

*Г. Калинин и
Г. Каганович и*
Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей гос-

границы также выявлено значительное количество лиц, которые являлись участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтерофицерского состава) - 14.738 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадчиков и разведчиков - по национальности свыше 97% поляки.

Из них:

Генералов, полковников и подполковников	-	295
Майоров и капитанов	-	2.080
Поручиков, подпоручиков и хорунжих	-	6.049
Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии	-	1.030
Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков	-	5.132
Чиновников, помещиков, ксендзов и осадчиков	-	144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 12.632 арестованных (из них 10.685 поляки), в том числе:

Бывших офицеров	-	1.207
Бывших полицейских разведчиков и жандармов	-	5.141
Шпионов и диверсантов	-	347
Бывших помещиков, фабрикантов и чиновников	-	165
Членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента	-	3.345
Перебежчиков	-	6.127

139. 5

И

3.-

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, несправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

О. П.
Вопрос НКВД СССР

1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков -

- рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания - расстрела.

П. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения - в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных - по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

193 7

4.-

б) на лиц, арестованных - по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

В. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. ~~КОВЕ~~ ^{КОВ}, МЕЛЮКОВА и БАШТАКОВА (Начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР). Z

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНЕШНИХ ДЕЛ
Союза ССР

В. Верный
(Л. ВЕРНЫЙ)

*Всем
Верный*

*И 13/144
5 III - 401.*

Отпечатано 4-2 с т

Отправлено 1 -

Сдано в Т. Д. 5-1

Депозитовые послано

на имя г-на
Сек. Управления
15/11/59

4/11/59. Березы - две в з.м.

27/11/59. Шелесту - аршина 0,15. Лазир.
Селесту 27/11/59.
И.В.

Подлежит возврату в течение 24 часов
во 2-ю часть Особого Сектора ЦК

(Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)

СТРОГО СЕКРЕТНО

(из О. П.)

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ ПБ/144.

Тов. Шелепину.

27 февраля 1959 г.

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК от 193 г.

Решение от 5.V.40г.

144.- Вопрос НКВД СССР.

1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек членов различных к-р польских и диверсионных организаций, польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, кавалеров, осадников и тиремчиков.

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р польских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков - рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания - расстрела.

В. Рассмотрение дел провести без выноса арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения - в следующем порядке: а) на лиц, находящихся в лагерях военно-пленных - по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР.

б) на лиц, арестованных - по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД ВССР.

В. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Егубова и Валтакова (начальник 1-го Снеготдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. СТАЛИН.

И с в е д о м и ю.

Этот документ является частью архива, относящегося к деятельности ЦК КПСС. Он содержит информацию о деятельности органов государственной безопасности СССР в период с 1945 по 1959 гг. Документ является частью архива ЦК КПСС по 1947-59 гг.

488

СПРАВКА

Подлинник постановления Политбюро ЦК П13/144 - оп
от 5 марта 1940 г. - записка НКВД № 794/Б от марта 1940 г.
за подписью Берия с голосованием т.т. Сталина, Ворошилова,
Молотова, Микояна (роспись) и т.т. Калинина, Кагановича по
телефону находится в папке Совершенно секретных документов.

М. Селиванов

Совершенно секретно

ОБЪЕМ ПАПКА

189

Товарищ Хрущеву Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харьковца 3.820 человек, в Осташиковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года никаких справок по этим делам ни кому не выдавалось и все дела в количестве 21.857 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот какая-либо непредвиденная случайность может привести

к рааконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии именованной: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материал расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения стоящих быть запросов по личи ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета Государственной
безопасности при Совете Министров СССР

А. Щелепин

3 марта 1959 года

Щелепин

20 9485

-5
65

№ 632-ш

Проект
Совершенно секретно

Постановление Президиума ЦК КПСС.

от _____ 1959 года.

Разрешить Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР.

Андреев

СР 19

0680

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Тайны Катыни

Взгляд из Варшавы и Москвы	15
Выстрелы из прошлого, или Краткая история катынского противостояния	36
«Дело» Геббельса живет и процветает	61
Эксгумация по-немецки	77
Секреты немецкой эксгумации и идентификации	103
«Посторонние», «двойники» и «живые мертвецы» Катыни	115
Кто оставил улики в Катыни?	124
«Решающие» доказательства?	132
Эксгумация по-польски	146
Сообщение комиссии Бурденко как главный аргумент советской версии	158
Польская «научно-историческая экспертиза» и лагеря «особого назначения»	164
НКВД или нацисты?	191
Еще одна польская версия	221
О польской элите и геноциде	223
Спланированный расстрел или трудовые лагеря?	232
Свидетели утверждают	247
Убийственная секретность	277
Архив Политбюро, «Особая папка» и «закрытые пакеты»	280
Горбачев и «закрытый пакет № 1»	286
Ельцин и «закрытый пакет № 1»	299

О фальшивках	312
Экспертиза по-русски и по-австрийски	322
Исторические документы	327
Сталинское Политбюро	337
Загадки записки Берии	349
Кое-что о социалистической законности «Сталинского» периода	363
Шелепин как «важнейший» свидетель по делу № 159	370
«Рукописи не горят!»	383
«Проклятое прошлое» и борьба за власть в Кремле	386
Следствие длиной в 14 лет	399
Достучаться до Кремля	420
Катынское противостояние и польско-русские отношения	425
Польский взгляд на историю	437
Литература	448

Анти-Катынь, или Красноармейцы в польском плену

Анти-Катынь	457
Подлог	469
Польское «возмездие»	478
Путь на Голгофу	487
Особенности польского учета и инспекционных проверок	492
Благими пожеланиями...	502
Нетерпимость	509
Предтечи Освенцима	513
Голодом и холодом	528
К вопросу о смертности красноармейцев	535
Письма, которые надо уметь читать	538
Тухоль — лагерь смерти	542
40 лет фальсификации	549
Злой умысел или Рок?	553
Литература	562

Приложение

<i>Ежи Урбан. От ляхопровода до трубопровода</i>	565
Гитлер о поляках	568
Оперативные сводки частей 20-й дивизии войск НКВД	574

Показания М.Ветошниковá	575
Показания В.Шнейдера	578
Записка Яковлева — Шеварднадзе	582
Постановление польского сейма	585
Ответ Института национальной памяти в Варшаве на письмо российской Главной военной прокуратуры	587
Быковня: бизнес на костях	593
Следственное дело С. Либкинд-Любодзецкого	601
Закрытый пакет № 1	619
Обложка папки	
Вид закрытого пакета	
Оборотная сторона пакета	
Листы из протокола Политбюро ЦК ВКП(б)	
Записка Л.Берии	
Выписка из решения ПБ для Л.Берии	
Оборотная сторона выписки	
Выписка из решения ПБ для А.Шелепина	
Справка общего отдела о подлиннике решения ПБ	
Записка Шелепина	
Проект постановление Президиума ЦК КПСС	

Владислав Николаевич Швед

КАТЫНЬ

Современная история вопроса

*Редактор С.В. Мариков, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Издат»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдан в набор 21.02.12. Подписано в печать 07.03.12.

Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Печ. л.20. Тираж 1500 экз. Заказ 3965

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.

Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

Отношения России с Польшей на протяжении столетий складывались непросто. К сожалению, и сейчас мало в них положительного. Не добавляет позитива и шумиха по Катыни, разразившаяся в канун празднования 65-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, со странной катастрофой польского самолета под Смоленском и путанными заявлениями на высшем уровне. Складывается впечатление, что определенным силам как в Польше, так и в России, не нужна истина в этом вопросе. Книга публициста-политолога В.Н. Шведа должна способствовать взаимопониманию между Россией и Польшей, налаживанию дружеских отношений русского и польского народов. На основе глубокого анализа архивных документов, свидетельств, касающихся гибели польских военнопленных на советской территории, автор убедительно доказывает, что окончательную точку в катынском деле ставить преждевременно. Много здесь неясностей, хотя некоторые выводы объективно можно сделать и теперь.

РУС
СКАЯ
ПРАВ
ДА

ВЛАДИСЛАВ
ШВЕД

КАТЫНЬ

ISBN 978-5-4438-0037-0

9 785443 800370 >